**МИНИСТЕРСТВО ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
И ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ**

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ И МИРА

Международная научная конференция

19-21 сентября 2019 г.

Махачкала 2019

УДК 81
ББК 81.2
Я-41

Редакционная коллегия:
Ответственный редактор: доктор филол. наук, проф. М.А Гасанова
Члены редколлегии: доктор филол. наук, в.н.с. С.Х. Шихалиева,
доктор филол. наук, проф. У.У. Гасанова

Я-41 Языки и культуры народов России и мира. Международная научная конференция. 19-21 сентября 2019 г. – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – 516 с.

ISBN 978-5-00128-287-7

В сборник включены материалы участников Международной научной конференции «Языки и культуры народов России и мира». Статьи посвящены различным аспектам исследования языков и литератур народов России, а также актуальным проблемам сохранения, изучения и развития языкового и культурного разнообразия народов мира.

Сборник предназначен для специалистов – лингвистов, фольклористов, литературоведов, этнографов, религиоведов и широкого круга читателей, интересующихся культурой языков России и мира.

ISBN 978-5-00128-287-7

© Издательство «АЛЕФ», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Абасова З.Г. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОПРЕДЕЛЯЕМЫХ ЭПИТЕТАМИ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ В ДАГЕСТАНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ 10
Абасова Л.Я. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В СИНТАКСИЧЕСКОМ ПОЛЕ ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ТАБАСАРАНСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ) 15
Alaleh Abedibalajadeh, Seyed Mojtaba MIRMIRAN IMMORTALITY IN THE IRANIAN TURKMEN TRIBE'S LEGEND OF KOROGHLU 18
Алиханова Л.Г. КОНЦЕПТ «ВРЕМЯ» В ЗЕРКАЛЕ АВАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ 24
Анпилогова Т.Ю., Вострякова Н.В. АРМЯНСКАЯ ГРОМАДА ЛУГАНЩИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ РЕГИОНА 28
Анчек С.Х. ЭТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ХОХОВ (ТОСТОВ).....33
Агаева Ф.М. О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ НЕКОТОРЫХ СОЕДИНЕНИЙ В ЭПОСЕ «КНИГА ДЕДА КОРКУТА» 38
Акамов А.Т. ИНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В РАЗВИТИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА. 46
Akmalkhanav A. ABU YAKUP SAKAKI "MIFTAHUL ULUM" – ABOUT INFINITIVE FORM OF VERBS.....53
Ардотели Н.А. ГРУЗИНСКО-ДИДОЙСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ. 58
Аскерова Я.Т. ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПОЭМАХ (1920-30 ГОДЫ XX ВЕКА).....60
Атаев Б.М. О ЦЕНТРЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР НАРОДОВ ДАГЕСТАНА 64
Dr.Afshin amoozadeh lichaei COPMARTIVE STUDY OF PERSIAN LANGUAGE AND CREDENCE PATTERN IN TRADITIONAL FOLKLORE STORY IN IRANIAN TAZIEH 68
Багандова И.М., Габибуллаева П.М. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА. 78

Багомедов М.Р. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЕЙ АНТРОПОНИМОВ НАРОДОВ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА 82
Балаева Ш.Б. ВЗАИМОВЛИЯНИЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И АЗЕРБАЙДЖАНА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕТЮРКСКИХ ЦЕННОСТЕЙ.....86
Бесолова Е.Б. ОБ ИРАНИЗМАХ В КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ.....90
Богданова Л.И. ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....94
Борзова С.В. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «ЭМОЦИЯ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ 104
Ваганян Г.А., Ваганян В.О., Багдасарян В.Ф. МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ПРООБРАЗ ТЕОРИИ «ОСНОВНОГО МИФА»: КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ 111
Булейко Н.А. ИНТЕРВЬЮ И ИНТЕРВЬЮЕРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ТВ 113
Ваганян Г.А., Ваганян В.О., Багдасарян В.Ф. ПОНЯТИЯ «КАВКАЗ»: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, КОНЦЕПТ.....116
Kohansal Hassan. THE STATUS OF THE PARATAKINE TRIBE IN THE HISTORICAL PERIOD OF ANCIENT PERSIA 119
Kohansal Hassan. THE ORIGIN, TIME AND RESIDENCE LOCATION OF THE TRIBE OF AMARD IN PRE-HISTORIC IRAN..127
Габибуллаева П.М. ОБРАЗОВАНИЕ ОТВЛЕЧЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ.....134
Гаджиева К.Г. ШИРВАНСКОЕ ШЕЛКОВОДСТВО, РАЗВИВАВШЕЕСЯ НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ В ПРИМЕЧАНИЯХ ПОЭТА 15-ГО ВЕКА 136
Гаджиахмедов Н.Э. КОНЦЕПЦИЯ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ.....142
Гаджизаде Х.Т. ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСОВ ФОНЕТИКИ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ 149
Гаджимурадова Т.Э., Омаров А.А. ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ МЕДИТАТИВНОЙ ПОЭЗИИ АБУ-ЛЬ-АТАХИИ 154
Гасанова Г.А. ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ХАДЖИ-МУРАТ» 160

Гасанова С.Н. ОБРАЗЫ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА 165
Гасанова У.У. ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН.....171
Гусейнов М.А. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КУМЫКСКОЙ ПРОЗЫ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТЕЙ Н. БАТЫРМУРЗАЕВА) 176
Гюлев А.С. ОПИСАНИЕ ФОЛЬКЛОРА И СТИЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ТАБАСАРАНСКИХ ТЕКСТОВ).....181
Дибирова З.Я. ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН.....183
Djalilov M.M. THE PROBLEM OF EDUCATION AND TRAINING OF THE TALENTED CHILDREN.....190
Едличко А.И. НЕМЕЦКО-ТУРЕЦКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ: ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ 195
Жиль Отье VERBAL MORPHOLOGICAL COMPLEXITY IN CONTACT: CLUES FROM LEZGIC (EAST CAUCASIAN).....207
Замогильный С.И., Ставропольский Ю.В. ПРОБЛЕМЫ АЛГОРИТМИЗИРОВАННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БЕСПИСЬМЕННЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ И МИРА.....212
Зинченко В.О. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА НАРОДОВ ДОНБАССА 215
Зюзина Е.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СЛОВ-АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....221
Измайлов А.З., Багдасарова И.Ю., Абдуллаева З.Р. ЭНТРОПИЯ КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. И. ХАРМСА).....226
Исакова Б.Н. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ С СОМАТИЗМОМ *КОГ* «НОГА». 230
Исматуллаева Н.Р. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ЛАКУНЫ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ В УЗБЕКСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ. 233

Ибрагимова М.О. К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ РОДСТВА ЮГО-ЗАПАДНЫХ ЯЗЫКОВ ЛЕЗГИНСКОЙ ПОДГРУППЫ 238
Iwona Kaliszewska NAMES AND USES OF WILD LEAFY VEGETABLES IN SHIRI, DAGHESTAN 240
Керимова Д.Ф., Абдуллаев С.А. «ДОЖДЬ В ПАРИЖЕ» РОМАНА СЕНЧИНА: РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ АВТОРЕ И ГЕРОЕ...241
Киева З.Х. О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ СПОСОБЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА 245
Кон О.В. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 249
Крэссель Денис. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПАДЕЖНЫЕ РАМКИ В СЕВЕРНОМ ДИАЛЕКТЕ АХВАХСКОГО ЯЗЫКА 253
Кусегенова Ф.А. ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА ПОВЕСТИ Б. КУЛУНЧАКОВОЙ «КАЗБЕК».....259
Магдилова Р.А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ АРЧИНСКОГО ЯЗЫКА.....263
Магомедова П.А. РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКА КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСА (ОПЫТ ОЖИВЛЕНИЯ АНДИЙСКОГО ЯЗЫКА).....267
Мартазанов А.М., Мартазанова Х.М. РАССКАЗ «ШУТАР» И.А.ДАХКИЛЬГОВА. ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ 272
Майсак Т.А. КАТЕГОРИЯ КОНТРАСТИВНОСТИ («РЕСТРИКТИВНОСТИ») В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ.....280
Мисиева Л.А. ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМ СОСТАВА АВАРСКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ «ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ» КАК ГЕНДЕРНОГО СТЕРЕОТИПА 290
Мойдинова Э.К. РОЛЬ ПРИРОДЫ В РОМАНЕ МАРГАРЕТ ДРЭББЛ «ЭКСМУРСКАЯ ВЕДЬМА» 297
Мустафаева М.Ш. ФАТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ КУЛЬТУР (на материале английского и табасаранского языков).....301
Маллаева З.М. МОРФЕМЫ, КОНСТИТУИРУЮЩИЕ ПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ АВАРСКОГО ЯЗЫКА 305
Магомедова (Маллаева) С.Д. ОПИСАНИЕ КОНСТАНТ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ВОСТОЧНОЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКАХ 311

Мустафаева Нурлана. РОЛЬ АЛИ БЕКА ГУСЕЙНЗАДЕ В РАЗВИТИИ АЗЕРБАЙДЖАНО-ТУРЕЦКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ.....313
Муталов Р.О., Вагизиева Н.А. СЛОВОИЗМЕНЕНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕСТОИМЕНИЙ КАДАРСКОГО ИДИОМА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА.....322
Нурмагомедова Т.Г. ЛЕКСИКА КАНДИКСКОГО ГОВОРА НИТРИКСКОГО ДИАЛЕКТА ТАБАСАРАНСКОГО ЯЗЫКА В АВТОРСКОЙ РЕЧИ 326
Нурбагандова (Чайка) Л.А. РЕГИОНАЛЬНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ: СТРУКТУРНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАНАЛА ННТ.....329
Нурматов С.С. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ИНДОАРИЙСКОГО ЯЗЫКОВ 333
Оздоева М.М., Даурбекова Х.Х. ЖАНРОВОЕ СТАНОВЛЕНИЕ В ИНГУШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 339
Rasulova R.M. NATIONAL PECULIARITY OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE DARGWA LANGUAGE.....344
Рошан Н., Мороз Г.А. СЕМАНТИКА НЕКАУЗИРИРУЮЩИХ КАУЗАТИВОВ В АНДИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....348
Сагдуллаева Д.К. О ДЕНОТАТИВНОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ СЛОВ АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ТЮРКОЯЗЫЧНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ «КЫСАСИ РАБГУЗИ»...353
Самедов Д.С., Гасанова М.А. СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ЗАВИСИМЫМИ ПРЕДИКАТАМИ СО ЗНАЧЕНИЕМ УСТУПКИ В АРЧИНСКОМ ЯЗЫКЕ.....359
Оцомиева-Тагирова З.М. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АВАРСКИХ ОРОНИМОВ ...364
Пахрудинова Р.О. КАТЕГОРИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ И НЕПЕРЕХОДНОСТИ ПРИЧАСТИЯ АВАРСКОГО ЯЗЫКА.....369
Rakhmatova G.O. DIDACTIC POEMS IN TURKISH LITERATURE....374
Омарова З.С., Гасанова М.А. К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. ГАМЗАТОВА 378
Сатторова Гулноз ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАЗРАТА БАДР-АТА В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ XV-XVI ВЕКА. 383
Сейед Моджтаба Мирмиран, Захра Муради Ченари ВЕРОВАНИЯ ГИЛЯНСКОГО НАРОДА НА ОСНОВЕ РУССКИХ ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ ЭПОХИ КАДЖАРОВ 386

Ситимова С.С. К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКА.....396
Ставропольский Ю.В. ВОПРОСЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯПОНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 401
Ставропольский Ю.В., Трунёв С.И. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКОЛОГИИ И ТУВИНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ...404
Султанмурадов А.М. ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА В ТВОРЧЕСТВЕ АХМЕДА ДЖАЧАЕВА (ПО ПОЭМЕ «РОДНОЙ ЯЗЫК – ЗОЛОТАЯ КАЗНА») 409
Тагиева Н.М. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ОСНОВАНИИ КОММЕНТАРИЕВ ХАТИБА ТАБРИЗИ).....412
Халидова Р.Ш. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАРАТИНСКОГО СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА 416
Казимагомедова Ф.И. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ АГРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ ТАКТИК В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ..... 420
Омарова З.С. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ПОЭЗИИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА.....426
Приходько Ф.С. О ЕДИНСТВЕ И МНОГООБРАЗИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.....432
Ранджбар Махмуд ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ДИАЛЕКТА ГАЛЕШИ И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА 438
Сефербеков Р.И. ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ АВАРЦЕВ-ГИДАТЛИНЦЕВ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ 438
Сипко Йозеф РУСИНЫ И ИХ ЯЗЫК 442
Сулейбанова М.У. ПРОБЛЕМА ОРФОГРАФИРОВАНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ.....449
Сулейбанова М.У., Мадаев И.Р. КОМПОЗИТЫ С ОПОРНОЙ ДЕВЕРБАЛЬНОЙ ОСНОВОЙ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ ...457
Султалиева З.М. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ КАК ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ПИСАТЕЛЯ.....467
Султыгова М.М., Галаева Л.Х. ИЗУЧЕНИЕ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ В ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВА.....470
Forker Diana, Belyaev Oleg LEXCAUC – A LEXICAL DATABASE OF THE CAUCASIAN LANGUAGES 475

Хачукаева М.Я. ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО
И НЕВЕРБАЛЬНОГО ЭТИКЕТНОГО ОБЩЕНИИ ЧЕЧЕНЦЕВ
И ДАГЕСТАНЦЕВ-БИЛИНГВОВ 479
Хуако Ф.Н. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ АФОРИЗМА
(НА МАТЕРИАЛЕ Э.КАПИЕВА, Х.ТЕУЧЕЖА, А.ПСИГУСОВА) ...482
Шихалиева С.Х. СТРАТИФИКАЦИЯ КОМОНИМИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКИ ХИВСКОГО ГОВОРА ТАБАСАРАНСКОГО ЯЗЫКА.....487
Юсуфова Д.Ю. СИНОНИМИЯ КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ
СЛОВАРЯ УСТНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО,
АНГЛИЙСКОГО И ТАБАСАРАНСКОГО ЯЗЫКОВ).....489
Юсуфова Ш.А. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ
С АНАЛИЗОМ МАРКЕРОВ ТАБАСАРАНСКОГО
И РУССКОГО ЯЗЫКОВ 493
Эльканова Л.М., Каппушев М.Р. МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
«БИБЛИОТЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И
УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА».495
Яковлева Е.С. АССОЦИАЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ
МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ «ДИКИЕ ПТИЦЫ»
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ).....499
Ярбилова Д.М. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ
АВАРСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ.....502
Abedibalajadeh A., Mirmiran S.M. IMMORTALITY
IN THE IRANIAN TURKMEN TRIBE’S LEGEND
OF KOROGHLU.....508

УДК 82-1

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОПРЕДЕЛЯЕМЫХ ЭПИТЕТАМИ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ В ДАГЕСТАНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

З. Г. Абасова
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

В статье анализируются семантические группы существительных, определяемые в качестве эпитетов-прилагательных дагестанской русскоязычной поэзии; определяются их семантико-стилистические и символические функции; обращается внимание на лингвокультурологические особенности составляющих компонентов, формирующих различные коды культуры.

Ключевые слова: *дагестанская русскоязычная поэзия, адъективно-субстантивные сочетания, образы, символика, национально-культурные компоненты.*

The article analyzes the semantic groups of nouns, defined by epithets-adjectives in Dagestan Russian-language poetry; their semantic-stylistic and symbolic functions are determined; Attention is drawn to the linguocultural characteristics of the constituent components that form different culture codes.

Keywords: *Daghestanian Russian-language poetry, adjective-substantive combinations, images, symbols, national-cultural components.*

Актуальность рассматриваемой в данной статье проблемы объясняется тем, что эпитеты-прилагательные и определяемые ими семантические группы существительных на материале дагестанской русскоязычной поэзии изучены недостаточно, нет специальных квалификационных работ, посвященных данной тематике [1, с. 87]. Между тем известно, что адъективно-субстантивные сочетания в поэзии играют большую изобразительно-выразительную роль и представляют интерес в собственно лингвистическом, литературоведческом и лингвокультурологическом аспектах. Это связано с тем, что эпитеты-прилагательные используются для характеристики как человека (его внутренних качеств, внешнего облика и т.д.), так и предметов, явлений природы.

В адъективно-субстантивных сочетаниях как прилагательные, так и определяемые ими существительные соотносятся с разными кодами культуры – антропным, природным, предметным, зооморфным и т.д.

Анализ нашего материала с этой точки зрения показал, что можно выделить различные лексико-семантические группы существительных, используемых в поэтических произведениях для реализации авторских коммуникативных намерений и задач семантико-стилистического характера.

1. Существительные, обозначающие ландшафтные (природные) объекты: *река, море, горы, хребет* и т.д.

Резная цепь моих Кавказских гор…

(М.-Р. Ибрагимов. Мамонт)

Как солнце из-за горного хребта
Уводит тьму ночную с небосвода

(М. Чаринов. Свобода)

2. Существительные, обозначающие объекты растительного мира, формирующие растительный код культуры:

О, нет вещественней печали,
Чем помертвевшая листва.

(М. Чаринов. Осенней ночью)

Зачем же на почве такой благодатной,
Невечный цветок, распустил ты шипы?

(М. Чаринов. Жажда счастья)

На чайную розу
Ты походила.

(М. Чаринов. В желтом платочке)

Желтый платочек
Яркого цвета
Был в моей жизни
Лучшей приметой.

(М. Чаринов. В желтом платочке*)*

3. Третью группу определяемых существительных образуют названия частей тела человека и животных, соотносительные с соматическим кодом культуры:

Еще из мамонтовой кости
Я твой не вырезал портрет.

(М.-Р. Ибрагимов. Отцу)

Любовь, питающая детство
Как лучезарное крыло…

(М. Чаринов. Отчий край)

Суровое, славное время
Крылами орлиными бьет.
(Э. Капиев. В бой)

4. Имеет место употребление названий времен года, а также слов, обозначающих различные отрезки времени. Такие лексические единицы соотносительны с темпоральным кодом культуры.

Отцветающее лето
Не тревожу, не зову…
(М.-Р. Ибрагимов. Отцветающее лето)
И век суров, и даль темна
(М.-Р. Ибрагимов. Мамонт)
Отрезан путь к покою
В тревожный этот год.
(М. Чаринов. Отрезан путь…)
И сквозь туман уходит вдаль
Тот свет в полночный час
(М. Чаринов Лампочка Ильича)

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что определительные функции в адъективно-субстантивных сочетаниях выполняют как полные прилагательные, так и их краткие формы.

5. Достаточно продуктивно в дагестанской русскоязычной поэзии употребляются номинации людей по их разным признакам:

Земля моя! Ты кажешься мне сказкой
Волшебных вологодских кружевниц.
(М.-Р. Ибрагимов. Россия)
Неодолимых нет для нас высот,
Упорство – наша верная подруга!
(М. Чаринов. Свобода)
Тому проклятие и стыд,
Кто позабыл
Родную мать…
(М. Чаринов. Проклятие)
В домах и на поле она
Нам трижды дорога,
Для горской женщины она,
Как пламя очага.
(М. Чаринов. Лампочка Ильича)
Благодарит мой Дагестан
Российских мастеров

За этот ток по проводам,
За дружбу и любовь.
(М. Чаринов. Лампочка Ильича)
В желтом платочке
школьницей милой,
На чайную розу
ты походила.
(М.Чаринов. В желтом платочке)

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что определяемые эпитетами-прилагательными существительные обозначают такие признаки лиц, как род деятельности (*школьница милая, вологодские кружевницы*), отношения между людьми (*верная подруга*), родственные связи (*родная мать*), гендерный признак по биологическому полу лица (*горская женщина*) и т.д.

6. Отдельную группу образуют определяемые прилагательными существительные, обозначающие природные явления, формирующие в поэтическом дискурсе природный код культуры:

Твой снег нетающий вершинный,
Слепящий, крепкий, как алмаз.
(М. Чаринов. Отчий край)
Я предпочел бы той короне
Анчара холод ледяной.
(М. Чаринов. Отчий край)
Как солнце из-за горного хребта
Уводит тьму с ночного небосвода…
(М. Чаринов. Свобода)

7. Достаточно продуктивно употребляются названия различных предметов конкретного назначения:

В дырявом чехле на стене
Висит одиноко зурна.
(А. Раджабов. Плач зурны)
Тебя каймой венчает белоснежной
Резная цепь моих Кавказских гор.
(М-Р. Ибрагимов. Россия)
Он бедной зурною шабашит…
(А. Раджабов. Плач зурны)
И окажись я вдруг на троне
Парчой покрытом золотой
(М. Чаринов. Отчий край)

8. В стихотворениях М. Чаринова используются названия небесных светил:

Горит, горит во мгле
Небесное светило.
(М. Чаринов. Отрезан путь к покою)

Свободы долгожданная звезда
Не зря раскрепостила наши лица
(М. Чаринов. Свобода)

9. В нашем материале встретились примеры использования названий животных, формирующих зооморфный код культуры:

Конь боевой, наш конь казачий,
Он колья рвет, что-то ждет.
(Э. Капиев. Песня)

Куда, куда, орлы крылаты,
Куда ваш путь и с кем ваш бой?
(Э. Капиев. Песня)

Некоторые из анализируемых адъективно-субстантивных сочетаний представляют интерес не только в собственно лингвистическом, но и лингвокультурологическом аспектах, так как составляющие адъективно-субстантивных сочетаний, соотносительных с разными кодами культуры, обозначают национально-культурные реалии и могут быть употреблены в качестве культурно значимых языковых символов: *конь казачий* (гендерный символ)*; орлы крылаты* (символ свободы, гордости, отваги)*; кавказские горы; вологодские кружевницы; горская женщина; российские мастера* (территориально-топонимические символы) и т.д.

Лингвокультурологическую значимость создают как эпитеты-прилагательные, так и определяемые ими субстантивные компоненты, связанные с обозначением как дагестанской, так и российской действительности.

Использование прилагательных-эпитетов в таких словосочетаниях, как отмечает Д. Т. Тагирова, приводит к расширению их семантической валентности и развитию смысловой структуры в новых семантико-синтаксических условиях [2]. Прилагательные-эпитеты выступают в качестве компонентов авторского стиля и одновременно фрагментов этнической лингвокультуры. Нередко компоненты адъективно-субстантивных сочетаний приобретают ментально обусловленную символическую значимость, связанную с потребностью носителей той или иной лингвокультуры в символизации [3, с. 95], и с тем, что символ в различных культурах приобретает культурный смысл, обу-

словленный исторически сложившейся образно-ассоциативной интерпретацией.

Литература:

1. Абуков К. И., Вагидов А. М. Антология дагестанской поэзии. Махачкала, 1981.

2. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2004. – 208 с.

3. Тагирова Д. Т., Самедов Д. С. Эпитеты-прилагательные в поэтических произведениях Риммы Казаковой // Вестник дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Выпуск I. Махачкала, 2018. С. 84 – 90.

УДК 811.41

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В СИНТАКСИЧЕСКОМ ПОЛЕ ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ТАБАСАРАНСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ)

Л. Я. Абасова
аспирантка Института языка,
литературы и искусства им. Г. Цадасы
ДФИЦ РАН, г. Махачкала

Раскрывая содержание финитности и нефинитности в текстах пословиц и поговорок можно выявить способы реализации категориальных оппозиций паронимии. В статье на материле фольклорных текстов анализируются категориальные оппозиции паронимии и представляются грамматические значения глагола. Нефинитные грамматические формы категориальных оппозиций паронимии характеризуются способами совмещения лексического и грамматического значения.

Ключевые слова: *категория числа, табасаранские тексты, синтаксическая паронимия, грамматическое значение глагола, паронимические классы*

By revealing the content of categorical oppositions of numbers with the division of finiteness and incompleteness, we can identify ways to implement categorical oppositions of paronymy in the texts of proverbs and sayings. The finite forms of categorical oppositions of paronymy are represented as the grammatical meanings of the verb in folklore texts. Non-

finite grammatical forms of categorical oppositions of paronymy are characterized by ways of combining lexical and grammatical meanings.

Keywords: *category of number, Tabasaran texts, syntactic paronymy, grammatical meaning of the verb, paronymic classes*

Грамматические формы слов с оттенки модально-темпорального значения, функционирующие как члены категориальных оппозиций паронимии, строятся в языке при помощи определенных средств морфемного состава [1]. К ним относятся финитные и нефинитные формы. Финитные формы категориальных оппозиций паронимии представляются как средства выражения грамматических значений внутри самого слова. Нефинитные грамматические формы категориальных оппозиций паронимии характеризуются как способы реализации грамматического значения путем совмещения лексического слова и семантического строения. Нефинитные грамматические формы категориальных оппозиций паронимии в табасаранском языке выражают различные оттенки модально-темпорального значения и делятся на две группы – простые (или синтетические), сложные (или аналитические) [2, с.18]. См. Таблицу №1

Таблица №1

Нефинитные категориальные оппозиции числовой паронимии		
нефинитные оппозиции паронимии	синтетические оппозиции паронимии Я/ МЫ	сложные оппозиции паронимии Я/ МЫ
причастие	zar(b)hryr «беглец» zar(b)huraji «бежавший»	zar(r)hyri aji «бежать продолжающие»
деепричастие	zar(b)huri «бегая» dagar(b)hun «пробежав»	zar(r)hyri adi «бежать продолжавши»
инфинитив	zar(b)huz «бежать»	zar(r)hyz kugnu «бежать начали»

В табасаранском языке представлены оппозиции паронимии, образующие корреляцию супплетивным способом. Основным дифференциальным признаком паронимии в табасаранском языке выступает моноконсонантный формант глагола -h- и -š-. Формант -h- представлен в парадигме паронимии с нефинитной формой прошедшего и

настоящего времени СВ, а формант -š- – в парадигме будущего и настоящего времени НСВ.

Корреляционная соотносительность глагола с оппозициями паронимии ТЯ наблюдается в парадигме финитно-нефинитных форм. См. Таблицу № 2

Таблица № 2

Нефинитные формы с оппозициями числовой паронимии		
перфект	презенс страдательный/действительный	футурум
Я/ МЫ γa(b/r)hundi «ставши»	du(b)hun «имев СВ» šuli «имея НСВ»	šuludi «будучи»
Финитные формы с оппозициями числовой паронимии		
перфект	презенс страдательный/действительный	фурутум
Я/ МЫ γa(b/r)hi «ставший»	šulaji «становящийся» du(b)hnaji «ставший НВС»	šlu «становивший»

Поскольку специфика числа выявляется в основообразующем форманте презенса, то супплетивные элементы huz «стать» - šuz «быть» с оппозициями паронимии разграничивают нефинитные формы [3, с. 23]. Корень -h- сохраняется и в запретительной, и повелительной форме ТЯ. Корень -š- фиксируется в формах потенциалиса и индикатива.

Семантическое ядро паронимии определяется коррелятом форм причастия/деепричастия, которое уточняет исходное значение числовой оппозиции. К ним относятся следующие видовые корреляты: huz «стать» - šuz «быть» [4, с. 34].

Что касается морфосинтаксического статуса нефинитных форм с оппозициями паронимии, то здесь необходимо дать пояснение. Действительно, все приведенные формы с оппозициями единственного и множественного числа сохраняют структуру (деепричастие/причастие + вспомогательный глагол) [5; 6]. Таким образом, в грамматическом строе табасаранского глагола вопросы категориальных оппозиций паронимии требуют специального изучения – парадигматики глагола.

Литература:

1. Абдурахманова А. Г. Функциональная модель словаря национальной культуры и маршрут стилизации терминов // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 2 (63). С. 323-325.
2. Ганиева Ф.А. Лингвокультурная специфика имени собственного в фольклорных текстах (на материале анализа языков Дагестана) // Мир культуры, науки и образования. 2019 2019. № 2 (75). С. 562-564.
3. Загиров З.М. Сопоставительная грамматика русского и дагестанских языков. Махачкала, 2002. С. 18-31.
4. Шихалиева С. Х. Словосочетания в табасаранском языке. Махачкала, 2010. 172 с.
5. Шихалиева С. Х. Глагол табасаранского языка // Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Махачкала, 2005. С. 22-41.
6. Шихалиева С. Х. Грамматические категории глагола табасаранского языка. Рос. акад. наук, Дагестан. науч. центр, Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы. Махачкала, 2004. 139 с.

УДК 811.22

IMMORTALITY IN THE IRANIAN TURKMEN TRIBE'S LEGEND OF KOROGHLU

A. Abedibalajadeh
S. M. Mirmiran,
University of Guilan, Iran

Exposure to time is an inevitable destiny of human. this problem, by far, has involved man's mind not only as a philosophical problem, but also as an evident fact. The most significant and greatest concern, especially human philosophical worries from human existence appear, indeed, it has been a subject of "death". Hence, the ancient mythical man resorted to elusive the ordinary (earthen) time which would have made him old and finally descent him prematurely to death. So, he always tries to came close to the immortal (eternal) life in a such a way that he has a permanent and inalienable time in mundane world like the world of Parmenides in which connect himself to the eternal time.Since mythology and legendary narratives in their extensive sense are an ontological kind expressed in the form of allegory and metaphor, thus it can be expected that it has been answered to this thoughtful problem through mythological and legendary narrative

and provided the way to reach immortality. Perhaps the mythological response to the phenomenon of time can be divided into two categories: first, is the immortal or sacred time, the subject of resurrection, in addition, can be placed in this category. the second, though, is reaching to immortality with his own corporal body. It seems that historical time is confronted by the ancient man through resorting to myths, legends and rituals by putting himself in sacred time which is periodic and permanent and resist toward historical fatal time. There are some evidence of immortality and achieving to it in various cultures of nations. Man, On the other hand, is seeking a way for survival of his own body, yet he is faced with a bitter inevitable reality of death. However, legends, which are the weakened expressions of myths, have, in some way, stated immortality and permanency of time in the form of allegoric narratives of this subject. The myth of "Koroghlu" in Iranian Turkmen tribe legend in which eternality is stated in symbolic and metaphoric form would be studied in this article and it would be also established that There are many different forms of immortality and eternality in all cultures.

Key words: *Myth, immortality, Legends, Koroghlu*

آلاله عابدی بالاجاده **Aabedib1@smail.uni-koeln.de**
سیدمجتبی میرمیران **mirmiran@guilan.ac.ir**

جاودانگی در افسانه‌ی کوراوغلیِ ترکمن‌های ایران

چکیده

مواجهه با زمان سرگذشت گریزناپزیر آدمی است؛ از دیرباز تا کنون این مسأله نه تنها به صورت یک مشکل فلسفی بلکه همچون واقعیتی گریزناپذیز ذهن‌های آدمی را درگیرخود کرده است. در واقع بزرگترین دغدغه و نگرانی و اندوه بویژه فلسفی انسان از آغاز هستی‌اش تا کنون مسأله مرگ بوده است. از این روی، انسان اساطیری و باستانی از زمان عادی و سپنجی(مادی) که فرتوت وپیرش می‌کند و به‌سوی مرگ و نیستی می‌کشاندش، گریزان است. و تلاش او این بوده تا هود را به مرزهای حیات و زندگی جاویدان نزدیک گرداند؛ به‌گونه‌ای که در جهان مادی و سپنجی، زمان چون مهرپامنیدی است، یعنی زمانی پایا و کاستی‌ناپذیرداشته باشد. و از این طریق خود را با زمان ابدی پیوند زند. از آنجا که اسطوره و روایت‌های افسانه‌ای درگسترده‌ترین معنایش نوعی هستی شناختی است که در قالب تمثیل و استعاره بیان می‌گردد، می‌توان انتظار داشت که در روایات اساطیری و افسانه‌ای پاسخی به این مفصل قکری داده شده باشد و راهای رسیدن به جاودانگی را فراهم نموده باشد.شاید بتوان پاسخ اساطیر به پدیده‌ی زمان را دست کم به دو دسته تقسیم کرد:یکی زمان ازلی یازمان مقدس که مقوله‌ی معاد را نیز می‌توان در این دسته جای دادو دوم رسیدن به جاودانگی با تن خویش و جسمانی. به‌نظر می‌رسد که انسان دوران باستان با توسل به اسطوره‌ها و افسانه‌ها و آیین‌هایش و تکرار آن‌ها به‌نوعی به مقابله با زمان تاریخی دست یازیده و با قرار دادن خویش در زمان‌های مقدس که زمانی است دوری و پایا در برابر زمان مرگ‌آور تاریخی می‌ایستد، که شواهد و مصادیق جاودانگی و

راه‌های رسیدن به آنان در فرهنگ‌های ملل به نحو آشکار وجود دارد. از سویی دیگر بشرفانی در جستجوی یافتن چاره‌ای برای بقای تن خویش است، حال آن‌که او با واقعیت تلخ و اجتناب ناپذیر مرگ دست به گریبان است.افسانه‌ها که نمود ضعیف شده‌ی اساطیر هستند، به‌نحوی جاودانگی و پایایی زمان را در قالب روایت‌های تمثیلی این موضوع را نشان داده‌اند. این مقاله می‌کوشد به بررسی افسانه کوراوغلی به روایت قوم ترکمن بپردازد که درآن به شکل استعاری و نمادین موضوع جاودانگی طرح شده است و ثابت می‌کند که در همه‌ی فرهنگ‌های ملل اشکال مختلف جاودانگی و راههای رسیدن به آن وجود دارد.

کلیدواژه: اسطوره، جاودانگی، افسانه، کوراوغلی

مقدمه

مطالعه اسطوره‌ها به فهم مضامین اساسی باورهای هستی‌شناسانه‌ی انسان و سیرتکامل آن کمک می کند. زیرا اسطوره اصطلاحی است کلی و برگزیده‌ی باورهای مقدس انسان در مرحله‌ی خاصی از تصورات اجتماعی که در عصرجوامع به اصطلاح ابتدایی شکل می‌گیردو یاور داشت مقدس همگان می‌گردد که معمولا درباره خدایان،موجودات فوق بشری و وقایع شگفت‌آوری که در زمان‌های آغازین با کیفیاتی متفاوت از زمان عادی ما رخ داده و به خلق جهان و اداره آن انجامیده است، یا در دوران های دوردست آینده رخ خواهد داد.(بهار، 1375: 371). جاودانگی یکی از مباحث هستی‌شناختی انسان است است که از دیرباز تا کنون در گفتمان ادبی و اسطوره‌ای فرهنگ‌های گوناگون وجود داشته است. چرا که ذهن انسان براي دست یافتن به هستی سرمدي و به تعلیق درآوردن زمان مادي بدیه‌ی‌ترین مسأله‌ی زندگی پیش‌روي او بوده است به همین دلیل بشر همواره در سیر نظام اندیشگانی خویش کوشید تا برای گریز ازفناپذیری(زمان سپنجی)، به کمک باورهای مقدس به اثبات بقای خویش بپردازد و به شرایط کیهانی پیش از هبوط (زمان ازلی) بازگردد. چرا که به اعتقاد الیاده بشرفناپذیری خویش را در نتیجه‌ی گناه و سرکشی انسان دانسته و مرگ را حادثه‌ای می‌پندارد که به دست دشمن آفریدگار به جهان راه یافته است. تمایل انسان به جاودانگی، مبارزه‌ی بی‌وقفه‌ی او را با زمان منعکس می‌کند و حتی بیش از آن نشان‌گر مبارزه‌ی شدید است با مرگ، برای فتح پیروزی ابدی(شوالیه، 1388: 57). با این حال اندیشه جاودانگی و فناناپذیری انسان دارای ساختاراسطوره‌ای مشترکی است و از کهن الگوها و نمونه‌های ازلی پیروی می‌کند؛ ازینرو شامل داستان های خدایان، قهرمانان و وقایع کیهانیست ،درعین‌حال که در بسترهای فرهنگی مختلف نمودهاي فراواني و روایت‌های متفاوتی دارد. باستید معتقد است هراسطوره ممکن است با دگرگونی‌های بزرگ و کوچک از قومی به قوم دیگر منتقل شود ویا با اساطیر دیگر آمیخته گردد(باستید،1370: 58). براي نمونه، قهرمانانی که برای دستیابی به جاودانگی در داستان‌های مختلف مطرح شدند: داستان آدم و حوّا در سفر پیدایش، گیلگمش، اوتانپیش تیم، خضر، پشوتن، کیخسرو و..... بر این اساس، پژوهش پیش‌رو بر مبنای نگرش اسطوره‌ای به سفرقهرمان درافساته کوراوغلی قوم ترکمن ایران، در جست وجوی جاودانگی است.

خلاصه داستان

داستان کوراوغلي در واقع تمثیل حماسي زیبایي از مبارزات طولاني مردم با دشمنان داخلي و خارجي است و مخصوصاً با الهام از قیام جلالي لر خلق شده و در دو کلمه قیام کوراوغلو و دسته اش تجلي کرده است . نهال این قیام به وسیله مردي سالخورده به نام علي کیشي کاشته مي شود که پسري دارد موسوم به روشن که همین پسر سالهاي بعد به نام کوراوغلي مشهور و نامبردار گردید . علي کیشي خود مهتر خان بزرگ و حشم داري به نام حسن خان بر سر اتفاق بسیار جزیي که آن را توهین نسبت به خود تلقي مي کرد دستورمي دهد

چشمان علي را از كاسه در آورند . علي كيشي بر اثر اين حادثه با دو كره اسب كه آنها را از جفت كردن مادياني با اسبان افسانه اي دريايي به دست آورده بود همراه پسرش روشن از قلمرو و نفوذ و قدرت حسن خان مي گريزد و در چنلي بل يا كمره مه آلود كه كوهستاني سنگلاخ و صعب العبور با راههاي پيچاپيچ است مسكن می گزيند. روشن آن دو كره اسب را كه به نامهاي قيرآت و دورآت مشهور مي شوند به دستور جادو مانند پدرش پرورش مي دهد و در قوشابولاق يا جفت چشمه در شبي معين آب تني مي كند و بدين گونه هنرعاشقي در روح آن دميده مي شود.
علي كيشي از يك تكه سنگ آسماني كه در كوهستان افتاده است شمشيري براي پسرش روشن سفارش مي دهد و بعد از وصايا و سفارش‌هاي لازم مي ميرد و در همان قوشابولاق به خاك سپرده مي شود . آوازه هنر روشن به تدريج از كوهستان‌ها مي گذرد و در شهرها و روستاها به گوش مردم مي رسد و در اين هنگام است كه از روشن به كوراوغلويعني كورزاد شهرت پيدا مي كند . كوراوغلي سرانجام موفق مي شود حسن خان را به چنلي بل آورده به آخور ببندد و انتقام پدرش را از او بستاند . از عاشقهاي پرآوازه آن عصر عاشق جنون بود كه به كوراوغلي مي پيوندد و به تبليغ افكار و انديشه هايش مي پردازد و راهنماي شوريدگان و عاصيان به كوهستان مي شود(دوردی قاضی، 1390: 34-33)

تحلیل:

کوراوغلی پسر مرد نابینا یا به‌عبارت دیگر قهرمانی که از گورزاده شد و نام اصلی خود وی روشن می باشد، نظام های ارزشی و هستی شناسی قوم ترکمن را که بر مبنای تقابل است، نشان می دهد. در ابتدای داستان نور و روشنایی مطرح می شود: در کیهان‌شناسی بیشتر اسطوره‌ها آفرینش از تاریکی نخستین همراه با پیدایش روشنایی که سمبل جاودانگیست صورت می‌گیرد و مرگ قهرمانان نیزبا فرو رفتن در ظلمت یا به تعبیر دیگر هاویه‌ی نخستین به تصویر کشیده می‌وشد. در عین حال که همه پهلوانان رویین تن و قهرمانان اسطوره‌ای نقاط ضعفی دارند، برای نمونه در اسطوره های ایرانی اسفندیار، آشیل در اسطوره های یونانی و کریشنا در اسطوره های هندی.همچنان‌که میترا به‌عنوان یک ایزد آریایی به‌معنای نورآسمان است که در ریگ ودا به معنای خدای نور آسمان به‌کار رفته است(اسماعیل‌پور، 1377: 110) از طرف دیگر اندیشه‌ی قوم ترکمن تحت تأثیر میراث قومی خود با باورهایی مرتبط با سحر و ستاره شناسی آمیخته شده است. در این نوع باورها خدای نوردرآسمان جای دارد و ناظر برهمه چیز است. در واقع شروع داستان و سیر حرکت قهرمان در مسیرجاودانگی و فناناپذیری با از دست دادن بینایی علي كيشي پدر روشن صورت می‌پذیرد، فرو رفتن در ظلمات و نوزایی برای دستیابی به حقیقت با از دست دادن بینایی. در ادامه پدر نابینا به همراه دو اسب به پسر خود به سمت سرزمین مقدس می‌گریزد. پدر در کسوت پشتیبان در نقش پیردانا قرار دارد و مهمترین وظیفه‌ی او یاری شخصیت اصلی در تعامل با جهان است. گریختن درواقع دور شدن از فناپذیری و خویشتن انسانی شخصیت‌های داستان از جهان ناسوت با حرکت به‌سوی غایت خود با درآمیختن با طبیعت و نیل به جاودانگی و رسیدن به جهان لاهوتیست. در این گریز دو اسب اسرارآمیزآن‌ها را همراهی می‌کنند. اساساً درنظام اساطیري براى متمايز كردن شخصيت اسطوره‌ای و پروراندن آن، ازعناصر و نمادهاي گوناگون ياري مي گيرند. اسب از دیرباز همراه بشر بوده و اهمیت زیادی در متون ادبی دارد. اسب در نزد آریایی ها از اهمیت زیادی برخوردار بوده تا اندازه‌ای که مهر که ایزدجنگ و پیروزی بوده و دارنده‌ی اسب‌های تیزرو و اروند اسب است به کسانی‌که در پیمان‌های خود استوار بوده اتد اسب‌های تندرو می‌بخشد(رضی، 1380: 377). در بیشترفرهنگ‌های کهن اسب جانوری خورشیدی یا موازی باخورشید بوده،

در اساطیر ودایی خورسید در ابتدای شب اسبی تیره رنگ را می‌راند(Rig.v: I, 122, 14). اقوامی که در آسیای مرکزی زندگی می‌کردندآفتاب تنها خدایی بود که می‌پرستیدند و برای او قربانی اسب فدیه می‌کردند(Abetecove Yusopov, 1994, 23) در اسطوره های ایرانی رخش، شبدیز سیاهرنگ ازبارزترین نمونه‌های اسطوره هستند. اردویسور آناهیدنیز الهه آب‌ها بخشنده اسبان نیک است. اسب در ادبیات و فرهنگ قوم ترکمن از جایگاه و یژه‌ای برخوردار است و در زندگي مردمان اين سرزمين نقش مهمي ايفا مي كند و از ان به‌عنوان يال و پر انسان یاد می‌کنند. این این نوع حیوانات در افسانه‌ها ویژگی‌های اسطوره‌ای دارند و یاریگر راکب خود بشمار می‌روند. همچنان که در اسطوره‌های ایرانی رخش برای رستم. این دو کره اسب نیز که با شکافته شدن دریا بیرون آمده‌اند، ویژگی خارق العاده داشته، یاریگر، مکمل و مرکبی برای دستیابی به جاودانگی و مهار نفس سرکش راکب خود خواهند بود. الیاده نیز در توصیف این اهمیت ذکر میکند که در نظرگاه انسان بدوي، جانوران به‌منزله‌ی نیروهايي بوده‌اند که نه‌تنها بر رازهاي زندگي و طبیعت، بلکه بر رازهاي جاودانگي و فناناپذیري نیز آگاهي و اشراف غریزي داشته اند (Eliade ,1976 :61). آن‌ها به سرزمینی اساطیری در دامنه کوه مه آلود می‌رسند.کوه در باورهاي اساطيري مأوای بهشتی و مکان اتصال به آسمان است که نقش مهمی در راهنمایی انسان در مسیر تعالی دارد.کوه هاي مقدس سرزمين هاي مختلف بيش از هر مكان مقدسي شكوه و جلوه اي نمادين و رمزي دارندو كوه مقدس در مرکزجهان واقع شده‌است و آن‌جاست که آسمان و زمین به هم مي پيوندد (ستاري1372: 106). در فرهنگ‌های مختلف، بیشتر آیین هاي مذهبي نیز بر فراز کوه ها بر پا می‌شد چرا که در تصور انسان بدوی کوه ، نزدیک‌ترین مکان به خدایان و نیروهایی مافوق بشریست. مهراوستایی که بیش از هر ایزدي با خورشید همراه است، از درون غاری و از سنگ زاده شده است. چنی بیل آرمانشهری که در داستان ترکمن در دامنه‌ی کوه قرار دارد و پس از عبور از راهه‌ای پرپیچ و خم که خود نشان‌گر عبور از مصائب برای دستیابی به جاودانگیست در حقیقت جغرافیای عالم مثال را که برگرفته از خاطرة ازلی انسان است ، نشان می‌دهد ازینرو همواره برای رسیدن به سرزمین سعادت و جاودانگی پیش از هبوط انسان تلاش می‌کند.در اساطیر ایران گنگ دژ و ورجمکرد نمایان‌گر سرزمین جاودانه هستند. درباره ور جمکرد در وندیداد آمده است: « اهورا مزدا جمشید را از زمستان سخت آینده و آسیب یافتن جهان از آن آگاه ساخت و به او دستور داد که از براي زمستان سخت آينده و آسيب يافتن از بلا و رهانيدن آفريدگان ايزدي ور جمكرد بسازد و با چند تن از ياران و با رمهاي از چارپایان نیک در آن باغ شود. آتش و تخم گیاهها و رو یدنیی ها را نیز به آن‌جا برده نگاه دارد. در سنت ایرانیان این باغ در همانجایی که اهورا مزدا جمشید را از طوفان آینده آگاه نموده، ساخته شده است » (پورداوود، 1380: 45). در اساطیر یونانی نیزکوه المپ جایگاه خدایان یونانی است. همچنین بهترین خدایان یونان معابد و کاخ‌هایی در قله آن داشتند. در آنجا بود که خدایان گرد هم می‌آمدند تا شراب ایزدان یونان، و خوراکشان یعنی آمبروزیا را که به آنان زندگی جاودانه می‌داد بخورند. پدر قهرمان در نقش کهن الگوی پیر دانا که از بصیرتی مافوق بشری برخوردار است، به او جادو می‌آموزد، به بیان دیگر راه رسیدن به اصل خویش را با تعلیمات خود به او نشان میدهد .همه‌ی قهرمان‌های اسطوره‌ای به شدت در پی الگوپذیری و یگانگی با خدایان هستند، چرا که تنها وجه تمایز خدا و انسان در فناپدیری انسان و جاودانگی خداوند است. بر این اساس، در حرکت بعدی کوراوغلی در شب تاریک و در قوشابولاق یا جفت چشمه در شبي معين آب تني مي كند و بدين گونه هنرعاشقي در روح آن دميده مي شود. همان‌طور که پیش‌تر گفته‌شد در گفتمان اسطوره‌ای آب از تقدس برخوردار است و قهرمانان اسطوره‌ای را در استانه تحول قرار می‌دهد. آب نماد حیات است و شستشو در آب نماد بازگشت

به اصل کودکانه، گذر از مرگ و صورت مثالی حیات جاودانه است. گورین متقد است با غرق عارفانه در زمانی تسلسلی درون‌مایه‌ی مرگ و تولد دوباره را بیان کرده و تسلسل بشر با تسلیم شدن به چرخش مرموز و گسترده‌ی چرخه‌ی دائمی طبیعت به‌ویژه فصول، به نوعی فناناپذیری دست می‌یابد(گورین، 1377: 179). الیاده نیز معتقد است که آب که رمز آفرینش کیهان میباشد، جوهری جادوییست(الیاده، 1376 :193).در اسطورهٔ زندگی زرتشت آمده است که زرتشت پس از چندین بار گذار از رودخانه‌ی داییتی موفق به سخن گفتن با امشاسپندان یا فرشتگان مقدس شد (آموزگار و تفضلی،1370: 86-84). عبارت دمیده شدن روح عشق به گفتمان صوفیانه در این داستان اشاره دارد. در گفتمان صوفیانه کوه مظهر تجلی جلوه حق است و سالک را برای رسیدن به معشوق و تعالی به سمت سلوک و شهود فعل حق به حرکت وا می‌دارد، سالک عاشق در حق فنا و در وی بقا می‌یابد. علي كيشي از يك تكه سنگ آسماني كه در كوهستان افتاده است شمشيري براي پسرش روشن سفارش مي دهد. همانطوركه پیش‌تز اشاره شد، قهرمانانی که نامیرا هستند یا به سمت نامیرایی در حرکتند عمدتا ابزارهای یا پوشش‌هایی خاص، دارند که آنان را آسیب‌ناپذیر می‌سازند. هنگامی که میترا توسط نیروی عظیمی از صخره زاده شد دستش بالا بوده درحالیکه خنجر و مشعلی در دست داشت(ورمارزرن، 1393: 91). برخی از خدایان گیاهی و تجّسدهای انسانی ایشان نیز سالحی مخصوص یا وسیله موهبت/ قدرت ویژه و مشهور دارند؛ برای مثال آهنگر آسمانی دو رزم ابزار مخصوص می‌سازد و به بَعَل می‌دهد(گری، 1378 :135). در این قسمت شمشیری که از سنگ آسمانی ساخته شد ابزاری جادوییست که دربرابر دشمن بکارگرفته می‌شود و هم نماد ابزاری یرای خلسه و سفرجادوییست. علی کیشی بعد از وصایا و سفارشهاي لازم مي ميرد و در همان قوشابولاق به خاك سپرده مي شود. فریزر معتقد است که انسان نخستین متأثّر از شعائر مربوط به بهار بوده است. بدیهی است که مبناي اين اسطوره پاسخی براي مرگ گیاهان در زمستان و تولّد دوبارهٔ آنان در فصل بهار وجود دارد. علی کیشی همانند ایزدان گیاهی به‌صورت آیینی میمیرد اما درشخصیت فرزند خود تولدی دوباره می‌یابد. به بیانی دیگر با استحاله قهرمانان روبرو هستیم.لمینگ معتقد است که اسطوره‌ی قهرمان معمولا راجع به موضوعاتی همچون مرگ و هبوط و سفر به سرزمین مرگ زیستی، احیا،رستاخیز، جاودانگی سخن می‌گوید(لمینگ،1379: 84)در واقع قهرمانی واحد داریم که در دو کالبد در داستان ظاهر می‌شوند. مرگ علی کیش (پایان کاستی‌ها) و رازآموزی روشن (مسیر جاودانگی) اکنون قهرمان نامیرایی را بانام کوراوغلی متولد می‌کند. بر اساس نظر یه یونگ درباره‌ی صورت‌های مثالی و جاوداتگی ، انتقال نفس یا روح، اولین وجه ولادت مجدد است که باید مورد توجه قرار گیرد. بر اساس این نظریه، حیات یک نفر از طریق گذشتن از درون پیکر موجودات مختلف، در طول زمان ادامه می‌یابد و یا به تعبیری دیگر این حیات متوالی است که با تجسدهای مختلف فاصله‌گذاری می‌شود(یونگ، 1368: 62). کوراوغلی که اکنون قهرمان بلندآوازه است به خونخواهی پدر و وصایای او ظلم و ظلمت را به بند می‌کشد.

نتیجه

نتایج حاصل از این پژوهش، حاکی از آن است که برخی از افسانه‌های کهن و اساطیری قوم ترکمن، به دلیل آنکه با زندگی و باورهای مردم، منافات نداشته‌اند و کارکرد اخلاقی و فرهنگی داشته و به نفع اجتماع بوده است، نسل به نسل تداوم پیدا کرده‌اند. تعمق و رمزگشایی از افسانه کوراوغلی تاحدودی درهم ریختگی در باورهای این قوم رانشان می‌دهد که حاصل آمیخته‌شدن اسطوره های متفاوتی است که به اقتضای نوع معیشت باآن ئر اعصار مختلف با آن‌ها مواجه شده‌اتد. شخصیت کوراوغلی در هیأت انسانی اساطیری دارای ویژگی‌های خاص نمودپیدا کرده که گاه بر مبنای معتقدات اقوام کهن آریایی تا سطح ایزد

مهر و در دوره‌ای متأخرتر هم ردیف مرشدکامل در گفتمان صوفیانه قرار می‌گیرد. استحاله انسان با آگاهي تغییریافته و خدایگونگی راهی برای کسب معرفت جاوداتگی قهرمان افسانه‌هاست.

منابع

1. آموزگار، ژاله و احمد تفضلی ، (1370)، **اسطوره‌ی زندگی زرتشت**، تهران: کتابسرای بابل
2. اسماعیل‌پور، ابولقاسم، (1377)، **اسطوره بیان نمادین**، تهران: سروش
3. الیاده، میرچاد، (1376) ، **رساله در تاریخ ادیان**، ترجمه‌ی جلال ستاری، تهران: سروش
4. باستید،روژه، (1370)، **دانش اساطیر**، ترجمه‌ی جلال ستاری، تهران: نشر توس
5. بهار، مهرداد، (1375)، **ازاسطوره تا تاریخ**، تهران: نشرچشمه
6. پور داوود، ابراهیم، (1380)، **یسنا**. تهران: اساطیر
7. دوردی قاضی، حاج مراد (1390)، **صیاد و همراه**، ترجمه‌ی رسول فضلی، گرگان: مختومقلی
8. رضی، هاشم، (1380)، **اوستا**، تهران: بهجت
9. شوالیه، گربران، (1388)، **فرهنگ تمادها**، ترجمه‌ی سودابه فضایلی، تهران:جیحون
10. گری، جان،(1378)، **اساطیر خاور نزدیک**، ترجمه‌ی باجالن فرّخی؛ تهران: اساطیر
11. لمینگ، دیدید آدامز(1379)، **سفر دریایی قهرمان**، ترجمه‌ی علیرضا حسن‌زاده و عنایت اله روفاهچی، کتاب ماه هنر، شماره‌ی 25و26
12. ورمارزرن، مارتین،(1393)، آیین میترا، ترجمه‌ی بزرگ نادرزاده، تهران: نشرچشمه

Список литературы

1. Abetecove Yusopov, 1994, 23
2. Eliade, Mircea. (1976). Myths, Dreams and Mysteries. Peter Smith Pub. Eliot, Alexander. (1992). Myths. McGraw-Hill.
3. Gustav Carl, Jung, Mother: Archetypes Four; Hull Carrington Francis Richard,(2003).Routledge, 3 Edition; Trickster, Spirit, R

УДК 811.35

КОНЦЕПТ «ВРЕМЯ» В ЗЕРКАЛЕ АВАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Л. Г. Алиханова
Дагестанский государственный университет
г. Махачкала

В статье рассматриваются некоторые особенности лексического состава аварских фразеологических единиц, актуализирующих кон-

цепт «Время»; определяются национально-культурные компоненты соответствующих фразеологических образов, коды культуры, с которыми соотносятся фразеологизмы со значением времени; описываются случаи метафорического употребления составляющих компонентов и использования принципа алогизма для формирования национально-культурных фразеологических образов.

Ключевые слова: *аварский язык, фразеологические единицы, концепт «время», лексический состав, национально-культурные образы*.

The article discusses some features of the lexical composition of Avar phraseological units, actualizing the concept of "Time"; the national-cultural components of the corresponding phraseological images are determined, cultural codes with which phraseological units correlate with the meaning of time; cases of metaphorical use of component components and the use of the principle of alogism for the formation of national-cultural phraseological images are described.

Key words: *Avar language, phraseological units, the concept of "time", lexical composition, national-cultural images*.

Фразеологические средства актуализации концепта «Время» в аварском языке изучены недостаточно, чем, прежде всего, определяется актуальность поднимаемой в настоящей статье проблемы. Кроме того, анализируемые фразеологические единицы, являющиеся фрагментами аварской языковой картины мира, представляют интерес не только в лингвистическом плане, но и в лингвокультурологическом.

Материал для анализа был собран из аварско-русского фразеологического словаря М. М. Магомедханова [1993]. Для демонстрации внутренних образов анализируемых фразеологизмов и их национально-культурной специфики даются не только литературно-смысловые, но и буквальные переводы. В составе аварских фразеологических единиц, актуализирующих концепт «Время», используются слова разных лексико-семантических групп. Прежде всего, обращают на себя внимание субстантивы, обозначающие временные отрезки: *ц1огьазул сордо* «очень темная ночь» (*букв*. «ночь воров»), *хераб къоялъ* ««на закате дня, на старости лет» (*букв*. «в день старости»): в составе фразеологизма использован смещенный эпитет, формально связанный с субстантивом *къо* «день», а семантически относящийся к возрасту старого человека; *къо ккараб мех* «время нужды, тревожных переживаний» и т.д.

Средствами фразеологических единиц могут быть актуализированы ограниченные отрезки времени, соответственно в таких ФЕ используются субстантивы типа *мугьлат* «миг», *лах1зат* «миг, мгновение», *минут* «минута», внутренние образы которых мотивируют темпоральную семантику аварских фразеологических единиц: *цо лах1заталъ* «в один миг, в мгновение ока»: *минут базег1ан* «вмиг, меньше чем за минуту» и др.

Продолжительное время может быть актуализировано употреблением слов количественной семантики, числительных, обозначающих большие числа, в сочетании со словами временной семантики: *азарил соназ* «издавна, испокон веку» (*букв*. «тысячами лет»); *нусго соналъул г1умру* «долгая жизнь» (*букв*. «жизнь в сто лет») и др.

Отдельные названия времен года (например, слово *хасел* «осень»/ «зима») метафорически используются для обозначения возраста человека:

г1умрудул хасел «преклонный возраст» (*букв*. «осень жизни»), *хасел ч1араб ригь* «преклонный возраст» (*букв*. «возраст, когда наступила зима»).

Переносно для актуализации концепта «Время» (=возраста) используются соматизмы:

керен хахулеб замана «младенческий возраст» (*букв*. «время, когда грудью кормят») – ср. в рус. *молоко на губах не обсохло*;

малъ г1анасеб лъимер «ребенок маленького возраста» (*букв*. «ребенок величиной в ноготь») и др.

Некоторые аварские фразеологические единицы, актуализирующие понятие «время», содержат в своем составе субстантивы с общим значением времени, но при этом отличаются национально-культурной спецификой:

гьоко гъоркьа т1аде гирулеб мех «время везения» (*букв*. «время, когда арба снизу вверх катится»): национально-специфический фразеологический образ строится на принципе алогизма, «небывальщины»); на таком же принципе алогизма строится фразеологический образ *г1орц1ем къинлъараб мехалъ* «когда мул отелится» – ср. в *рус*. *когда рак на горе свистнет*; *бачил ригьалдаго* «в совсем раннем возрасте» (*букв*. «в возрасте теленка»): фразеологический образ мотивируется путем использования зооморфной метафоры; *Нух1ил замана* «очень давние времена» (*букв*. «время Ноя»): использован библейский образ.

При самостоятельном (автономном) употреблении слова типа *ригь* «время», *замана* «время», *мех* «время» обозначают неспециали-

зированное время (= время вообще), но в составе фразеологических единиц они формируют национально-культурные образы, особенно часто используемые в произведениях художественной литературы.

В части аварских паремиологических единиц, актуализирующих концепт «Время», используются глагольные компоненты, обозначающие определенные границы времени (например, *начало* и *конец* времени):

балагьараб бер къанщилалде «в мгновение ока, очень быстро» (*букв*. «раньше, чем успеешь закрыть глаза»), *бет1ер хъах1лъизег1ан* «до старости лет» (*букв*. «до тех пор, пока не побелела голова» = ср. в рус. до седых волос) и т.д.

Таким образом, актуализация концепта «Время» происходит использованием лексических единиц не только в прямом, но и в переносном метафорическом значении, что способствует формированию национально-культурных фразеологических образов, составляющих фрагменты аварской языковой картины мира. Такие фразеологические образы свидетельствуют об особенностях ассоциативно-образной интерпретации лексических единиц в языковом сознании аварцев.

Литература:

1. Алиханова Л.Г. К вопросу о лексическом (компонентном) составе фразеологических единиц со значением пространства в аварском языке//Андийские языки среди языков народов Дагестана. Материалы научно-практической конференции-презентации. 6-8 июня 2011 г. – Махачкала, 2011. – С. 32-34.

2. Алиханова Л.Г. Числовая символика в аварских фразеологических и паремиологических единицах//Андийские языки среди языков народов Дагестана. Материалы научно-практической конференции-презентации. 6-8 июня 2011 г. – Махачкала, 2011. – С. 34-37.

3. Магомедханов М.М. Аварско-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1993. – 409 с.

УДК 908

АРМЯНСКАЯ ГРОМАДА ЛУГАНЩИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ РЕГИОНА

Т. Ю. Анпилогова
Н. В. Вострякова,
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»,
г. Луганск

В статье рассмотрена история формирования армянской громады на Луганщине. Показано этническое и культурное многообразие региона Донбасса.

Ключевые слова: *громада, этническая группа, армяне, Донбасс.*

The article describes the history of the formation of the Armenian community in the Luhansk region. The ethnic and cultural diversity of the Donbass region is shown.

Key words: *bulk, ethnic group, Armenians, Donbass*.

Этническая история Луганщины чрезвычайно богата и представляет собой непрерывный синтез самых разных культур, народов, народностей, этнических групп. Уже на начальном этапе освоения территории края в XVII–XVIII вв. Здесь сложился многонациональный конгломерат, обусловивший и в дальнейшем одну из основных особенностей региона – национальное многообразие и поликультурность, здесь веками проживали поляки, евреи, немцы, татары, армяне, сербы и др.

Заселение региона представителями различных национальных громад (этнических групп) наравне с русскими и украинцами, составляющими большинство местного населения, интенсивно происходило на протяжении трёх веков – с XVIII по конец XX в. – и имело различные причины. Одним из наиболее значимых факторов, приведших к процессу внешней иммиграции представителей различных народов на Луганщину на рубеже XIX – XX вв., стало активное промышленное развитие Донбасса, что, с одной стороны, стало причиной быстрой урбанизации, с другой, решало проблему кадров в сфере промышленного производства.

В советский период этническая пестрота Донбасса продолжала сохраняться, причем представители различных этнических групп проживали в регионе как компактно (национальные районы, села, колонии), так и разрозненно. К середине 1920-х гг. Донецкую губернию населяли 42 национальности, причем около 10% – представители различных этнических групп, помимо украинцев и русских [1].

В последние годы все чаще внимание историков, политологов, социологов, этнологов привлекают проблемы формирования национальной и этнической идентичности молодежи, сохранения культурной аутентичности так называемых малых народов, установления разумного баланса в системе формирования национального и этнорегионального самосознания у граждан многонациональных государств. Этим аспектам посвящены научные работы исследователей Н. К. Еропутовой, Л. Д. Якубовой, В. О. Сиволапова, ученых, принимавших участие в Международной научной конференции «Родина как константа культуры» (Майкоп, 30 ноября – 3 декабря 2017 г.), III Международной научной конференции «Образ Родины: содержание, формирование, актуализация» (Москва, 19 апреля 2019 г.), V Международной научно-практической конференции «Воспитание национального самосознания и патриотизма: от истории к современности» (Славяносербск, 24 апреля 2019) [2].

Нередко в научно-популярных изданиях и даже научных исследованиях встречается подмена понятий, состоящая в попытке авторов отождествить термины «малые народы» и «этнические группы» («национальные меньшинства»). На наш взгляд, данный подход не является корректным, поскольку представители национальных громад – этнических групп, компактно проживающие за пределами своей этнической территории, не могут считаться малыми народами, к которым относят этнические общности, проживающие на своей этнической территории и насчитывающие менее 60 тыс. человек населения. Поэтому в данной статье по отношению к предмету исследования употребляются термины «этническая группа», «этническая громада», «национальное меньшинство», являющиеся тождественными друг другу.

Одной из этнических групп Донбасса, практически не изученной отечественными исследователями, является армянская община, представители которой одними из первых появились в малонаселенном регионе в XVIII столетии. По мнению донецкого исследователя В. А. Пирко, оперирующего данными переписи населения края 1778 г., активный процесс освоения армянами Донетчины начался с образо-

вания г. Нахичевань и пяти сел, ставших центром переселения армян в Восточную Украину из Крыма [3].

Архивные данные конца XIX – начала XX вв. свидетельствуют о том, что на территории Донбасса в то время уже проживала многочисленная община армян. Так, согласно Всероссийской переписи 1897 г., армяно-григорианами являлись 2% населения Луганска. К концу 1905 г. в городе насчитывалось более 100 армянских семей. Широко была известна торговая сеть магазинов: Костаняна и Меликяна [4]. В конце XIX в. местный настоятель Нерсес Ованесян проводил религиозную службу в молитвенном доме, находившемся в советское время на ул. Ленина. Накануне Первой мировой войны армянский молитвенный дом Святого Григория продолжал функционировать в Луганске под руководством протоиерея Г. Полубосьянца.

В женских гимназиях города Луганска начала XX в. учились девушки армяно-григорианского вероисповедования. Например, в гимназии Р.Н. Воскресенской с 1907 по 1911 г. училась Ашхена Каспаровна Матосьянц, крестьянского происхождения, а в 1915 г. – дочь турецко-подданного Маргарита Даниловна Торосьянц, которая, окончив дополнительный 8 класс этой гимназии, получила звание учительницы русского языка и истории [5].

На рубеже веков армяне проживали также в населенных пунктах Славянск, Бахмут, Юзовка. Очередной этап миграции армянского населения на земли Донбасса связан с событиями геноцида армян, начавшегося в 1914 г. и приведшего к кровавым событиям 1915 г. в Западной Армении. Чаще всего переселение армян на Донбасс было опосредованным – сюда они, как правило, перебирались с Кавказа, Ставропольского края и Прикубанья. По мнению исследователя И. Гаюк, официально община Армянской апостольской церкви в Луганске была зарегистрирована в 1923 г. [6]. С 1926 года здесь работал луганский районный комитет помощи Армении. Именно по инициативе этого комитета в городе часто организовывались благотворительные концерты и театральные представления, средства от которых шли в фонд помощи Армении [7]. В 1929 г. в местном религиозном объединении насчитывалось более 200 человек. Согласно данным, опубликованным С. Матевосян, в 1927 г. в Луганске был открыт армянский клуб им. Шаумяна, работавший на общественных началах. Его деятельностью руководила ячейка завода имени Октябрьской Революции. При клубе был организован пионерский отряд, работали кружки – музыкальный, драматический, шахматно-шашечный, ликбеза (армянский), а также библиотека [8]. Более массовой являлась армянская

община города Сталино (ныне – Донецк Донецкой Народной Республики), при которой действовали две армянские школы, сохранившиеся и после Великой Отечественной войны. Это обуславливалось очередным притоком армян в регион в связи с процессом восстановления разрушенного Донбасса. Сюда приезжало немало армянских горных инженеров, врачей, архитекторов, военных. Практически неисследованной на сегодня остается проблема переселения беженцев-армян в 1990-е гг., связанная с событиями в Азербайджане, Арцахе (Нагорном Карабахе), а также с землетрясением Армении. По данным переписи в 2001 г. на территории Луганской области проживало около 6,5 тысяч армян [9].

Начиная с 1990-х гг. уровень этнического самосознания представителей отдельных национальных общин Донбасса существенно вырос, что проявилось в деятельности на территории региона 39 национально-культурных общественных организаций и обществ. В состав Ассамблеи народов Луганщины до недавнего времени входили представители 20 наиболее активных национально-этнических общественных организаций региона [10]. В процесс поиска национально-культурной идентичности активно включилась и армянская община Донбасса.

В 1992 г. в Донецке было зарегистрировано армянское культурно-просветительское общество «Наири». Его возглавил горный инженер-механик Беник Чилингарян. В Луганске в 1994 г. открылось армянское национально-культурное общество «Крунк», президентом которого был избран Карен Гургенович Андреасян. Событием в жизни армянской диаспоры на Донбассе стало освящение церкви «Сурб Хач», возведенной в г. Макеевка Красногвардейского района Донецкой области. А в 2001 г. в городе был заложен первый камень фундамента Армянской Православной Апостольской Церкви «Святая Мария» (Сурб Марьям). До начала боевых действий 2014 г. на Донбассе существовали армянские общины и в других городах – Горловке, Макеевке, Краматорске, Северодонецке, Краснодоне. В ходе военно-политического конфликта армянская диаспора приняла активное участие в жизни своей этнической общины Донбасса: настоятелем Армянской Апостольской Церкви Донбасса Юсиком Нуриджаняном было отправлено 8 фур гуманитарной помощи, собранной армянами, проживающими в разных областях Украины. Помимо луганских армян адресную помощь получили 58 столичных детских садов, три больницы и Луганская областная специальная общеобразовательная школа-интернат [11].

25 февраля 2017 г. в Луганске было открыто Луганское армянское национальное культурное общество «Урарту», ставшее правопреемником общества «Крунк». Очевидно, что современная Луганщина, как и столетия назад, является территорией совместного проживания многих народов, которые наравне с русскими и украинцами считают эти земли своей малой Родиной, сохраняя при этом свои национально-культурные особенности, язык и исторические корни. Вследствие сложившейся исторически общности территории и образа жизни у армян Луганщины, как и у всего населения края, независимо от национальной принадлежности, сформировалась единая ментальность, характерной чертой которой стал дуализм идентичностей: с одной стороны, сохраняется национально-культурная самобытность, с другой, еще более укрепилось региональное самосознание. Это отразилось и в постепенной трансформации исключительно экономического термина «Донбасс» в этноним – самоназвание этнорегионального сообщества Луганщины и Донетчины. В этой ситуации важной задачей является преумножение мощного ресурса создания государственности в лице отдельных этнических групп путем формирования этнорегионального самосознания у населения региона.

Литература:

1. Государственная архивная служба Луганской Народной Республики (Госархив ЛНР). Ф. 42. Оп. 1. Д. 2. Л. 24, 45.

2. Гуманитарная помощь Донецку и Луганску от армянской диаспоры [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// dina-simonyan. livejournal. com/ 635597.html. (дата обращения: 12.08.2015).

3. Деба С. В. История формирования полиэтнической среды Луганщины [Электронный ресурс] / С.В. Деба. – Режим доступа: http:// fki.lgaki. info/ 2017/04/20/с-в-деба-история-формирования-полиэт/. – (дата обращения: 19.07.2019).

4. Еропутова Н. К. Греки Приазовья в 20–30-х гг. XX вв.: политико-правовое и социокультурное развитие этноса: дисс. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Еропутова Наталья Константиновна. – Донецк, 2019.

5. Колесников С. Этносы Луганщины. Армяне 12 июля 2012 Общественно-политический еженедельник «Вечерний Луганск» [Электронный ресурс] / Сергей Колесников. Режим доступа: http:// nl.irtafax.com.ua/2012-07-12-61.html

6. Маркевич А. Ударим аэропланом «Безбожник» по небесам. 13.12.2009 [Электроный ресурс]. – Режим доступа: http:// capricios. livejournal.com/17421.html, свободный.

7. Сиволапов В. О. Радянізація німецьких колоній в Україні у 20-30-х рр. XX ст.: дис. … канд. іст. наук: 07.00.01 / Сиволапов Василь Олексійович. Луганськ, 2007.

8. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 219. Л. 24.

9. Шакарянц С. Армянская община Новороссии [Электронный ресурс] / Сергей Шакарянц. Режим доступа: http: // blognews.am/ rus/ news/ 162995/armyanskaya-obshchina-novorossii.html, свободный.

10. Швецов М. Начало расселения армян на Донбассе уходит корнями в эпоху раннего Средневековья [Электронный ресурс] / Михаил Швецов. Режим доступа: http://sau.net.ua/content/mihail-shvecov-nachalo-rasseleniya-armyan-na-donbasse-uhodit-kornyami-v-epohu-rannego. – (дата обращения: 19.07.2019).

11. Якубова Л. Д. Национальные районы: опыт осуществления политики коренизации в УССР / Л.Д. Якубова // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. – С. 76 – 86.

УДК 81-2

ЭТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ХОХОВ (ТОСТОВ)

С. Х. Анчек
Адыгейский республиканский институт
гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева,
г. Майкоп

В центре исследования – хохи адыгов, номинируемые в фольклоре других народов как «благопожелания», «здравицы». Выявляются отличительные особенности хохов от благопожеланий и от здравиц. Отмечается, что язык хохов выделяется среди других жанров фольклора своей краткостью, ясностью и четкостью. Наблюдается наличие архаизмов, пословичного материала, сравнений, которые способствуют более глубокому пониманию, осмыслению и восприятию данного жанра народного творчества.

Ключевые слова: *хохи, жанр, благопожелания, проклятия, здравицы, архаизмы*.

In the center of the study – the Ukrainians of the Adygs, nominated in the folklore of other peoples as «good wishes», «toast». Distinctive features of Ukrainians from good wishes and from toast are revealed. It is noted that the language of the hohi stands out among other genres of folklore for its brevity, clarity and sharpness. There is the presence of archaisms, proverbial material, comparisons that contribute to a deeper understanding, understanding and perception of the genre of folk art.

Keywords: *Khokha, genre, best wishes, curses, toast, archaisms.*

Испокон веков у адыгов принято начинать и завершать любые торжества и обряды *хохами* «тостами», занимающие немаловажное место в фольклоре адыгов. А. М. Гукемухом, Н. М. Чуяковой, З. П. Кардангушевым, Н. Х. Емыковой, М. А. Табишевым собрано, систематизировано и издано множество текстов данного жанра адыгского фольклора. Они достаточно широко исследованы как фольклористами, так и этнографами А. Т. Шортановым, З. М. Налоевым, М. И. Мижаевым, Б. Х. Бгажноковым.

Хохи напоминают благопожелания и здравицы, поэтому многие исследователи причисляют их либо к первым, либо к последним. А некоторые вообще не усматривают различий между благопожеланиями и хохами. Например, М. Ч. Кремшокалова пишет: «У кабардинцев все дела принято начинать с благопожеланий (хохов)» [1, с. 226]. Н. М. Чуякова считает, что «древние люди <…> вкладывали в слово магическую силу, оформляя свои пожелания, думы в поэтические формы хохов, а образные тосты в честь тех или иных богов» [2, с. 24-25]. А.Т. Шортанов, тоже подчеркивая магическую силу хохов, считал, что они «иногда пелись под музыку» [3, с. 60]. М. И. Мижаев называет их «гимном, <…> дифирамбом в стихотворной форме» [4, с. 30].

Все же некоторые исследователи отметили отличия хохов от благопожеланий и здравиц. Например, Н. М. Чуякова пишет, что использование благопожеланий не ограничено временем и местом, а здравицы используют во время застолий и обрядов. «Рассматриваемые жанры отличаются и по своему объему» [2, с. 26]. М.А. Табишев называет дополняющие здравицу негативные пожелания «поэтическими проклятиями» [4, с. 78]. По нашему мнению, в отличие от благопожеланий хохи всегда имеют стихотворную форму; в семантическом аспекте они не всегда доброжелательны, могут перейти в проклятие, что и отличает их от здравиц, т.е. в отличие от благопожеланий хохи всегда сохраняют поэтическую форму, а в отличие от здравиц – семантика не всегда положительная.

Рассматривая архитектонику хохов, З.М. Налоев выделяет три составляющих компонента: зачин; перечень благ; концовка [5, с. 18-20]. И.Х. Пшибиев определяет данные компоненты как 1) объект послания; 2) перечисление желаемых для объекта состояний; 3) повелительно-желательная концовка [5, с. 127]. Б.Х. Бгажноков считает, что классический тост должен соблюдать компоненты: 1) обращение к Богу; 2) номинация объекта, за которого человек ходатайствует перед Богом, испрашивает для этого объекта те или иные блага; 3) перечисление желаемых благ; 4) прошение у Бога исполнения высказанных пожеланий [6, с. 7]. По нашему мнению, З. М. Налоев и И. Х. Пшибиев одинаково выделяют структурные компоненты хохов, номинируя их по-разному. Б.Х. Бгажноков добавляет еще обращение к Богу, но должны заметить, что оно не всегда наблюдается. Хотя, если даже его имя не называется, оно подразумевается.

На основе вышеперечисленных определений можно сформулировать основные жанровые характеристики хоха – это обращение к Богу с конкретными просьбами для какого-либо объекта и объяснениями причины прошения, которое завершается молитвой об исполнении высказанных желаний. Отличительной особенностью хохов является двучастность: первая часть – пожелание определенному объекту блага перед Богом, вторая часть – пожелание тоже своего рода блага тем объектам, которым не понравилось первое пожелание.

Рассмотрим теперь языковую материю некоторых хохов, для определения способов вербализации структурных компонентов, обозначенных Б.Х. Бгажноковым:

1. Обращение к Богу, т.е. инициальные формулы: «О, наш Бог, Великий Бог!» [7, с. 10], «О наш Тха, Тха Великий» [5, с. 80-82]. «О Аллах, породивший Вселенную» [7, с. 13]. Бог в адыгских языках получил две номинации: *Тхьэ* и *Алахь/ялыхь*. В роли первой номинации выступило исконно адыгское слово, а в роли второго – заимствование из арабского языка. Хохи, содержащие обращение к Тхьэ – первичные, а хохи с обращением к Аллаху сложились в период распространения ислама среди адыгов. Обращение не входит в состав предложения, но выделяется звательной интонацией, которая может приобретать разнообразные оттенки. Повтор имени *Тхьэ* усиливает восприятие текста. Обращение к *Тхьэ* всегда употребляется с притяжательным аффиксом первого лица множественного числа *ти-* «наш», а обращение к Аллаху, в основном, сопровождается притяжательным аффиксом третьего лица множественного числа *я-* «их»: *ти Тхьэ* «наш Бог», но *я Аллахь, ялыхь* «их Бог». В языке адыгов четко отразились

понятия «родной» и «неродной». В большинстве случаев обращения и к Тха, и к Аллаху сопровождаются усилительной звательной частицей *о*. Когда обращение выражено именем в превратительном падеже, обычно за ним следует гиперболическая характеристика Бога. Это, когда обращение имеет при себе развернутое восхваляющее определение: «О Аллах, породивший Вселенную, / Несуществующее создающий, / Созданное им кому молится, / Сам никого не просящий, Аллах!» [7, с. 13]. Такого рода обращение в грамматике получило название «развернутое обращение». Повторяющаяся конструкция с инфинитным глаголом на *-эу*, держит слушателя в постоянном ожидании продолжения повествования. Надо заметить, что в адыгской поэзии данное художественное средство является характерным явлением. В хохах указанная конструкция может встречаться от десяти и более раз.

2. Номинация объекта в хохах может быть выражена именами или местоимениями: «Цель, которую они поставили, дай им достичь!», «А у тех, кто, отвергнув наши пожелания, / Зло против нас затаил».

3. Перечисление желаемых благ, которые могут быть совершенно разными: «Цель, которую эта семья поставила, дай ей достичь! / Чтобы тысяча [голов] резвилась, / Восемь сотен играли, / Чтобы из числа играющих / Свадебные пиры устраивали, / Чтобы громадным озером было их молоко, / Чтобы гигантским колесом был их сыр, / Чтобы их невестки исправно молоко доили, / Чтобы их старушки с молока сметану снимали» [8, с. 79]. Наблюдаются медиальные формулы: «Чтобы огонь из старых дров в наших очагах никогда не гас», «Чтобы словно ягнята ласковы [были]», «Чтобы как наседки многодетны [были]» и т.д.

4. Прошение у Бога исполнения высказанных пожеланий, т.е. финал. Используется финальная языковая формула, используемая в первой части хохов: *Тыгъэун, я Алахь!* «Осчастливь нас, наш Аллах!», *Ялыхь, дыгъэпсо!* «О Аллах, дай нам так жить!». Во второй части используются финальные формулы: *Я Алахь о шIы!* «Сделай так, наш Аллах!», *Апхуэдэу Алыхьым къигъанэ!* «Такими Аллах пусть их оставит [навеки]!», *Ялыхь къэгъанэ!* «О Аллах, оставь их такими!» и т.д.

Анализ хохов в сборнике Н. Х. Емыковой [8] позволил нам определить их функции как предвещающие, развлекающие и завершающие. Хохи предвещают о начале нового года, жизни, семьи, похода; сопровождают различные церемонии как свадьба, новоселие, засто-

лье, обряды, связанные с новорожденным; завершают любые церемонии.

Хохи у адыгов моделируют позитивное будущее. Многие из них содержат настоятельные советы, поучения.

ТикIэхэр шIу зэрэлъэгъоу, «Наши молодые пусть любят друг друга

ТинысакIэмэ укIытэ яIэу, Пусть будут скромны наши снохи,

Ягуащэхэр агъашIоу, Пусть они балуют своих свекровей,

Япщыхэр шIу алъэгъоу, Пусть они любят своих свёкров» [9, с. 138].

Некоторые хохи содержат бинарные оппозиции: *Дунаим инэмыс, / Ахърэтым инасып, / Дунаим идолэт, / Ахърэтым иджэнэт* «При жизни – чести, / После смерти – счастья, / При жизни – блага, / При смерти – рая».

Как известно, лексика есть самая подвижная часть языка, которая сразу испытывает давление времени, пространства, поэтому исследуя словарный состав языковой материи хохов, обнаруживаем слова, которые в современных адыгских языках уже не употребляются, либо малоупотребительны. К их числу относятся архаизмы, историзмы, табуированная лексика.

В хохах полно архаизмов, устаревших слов: *кIад* (лит. – *пхъэчай*) «кадка, в которой нарты хранили вино», *бэгъудан* (лит. – *цу*) «вол белой масти», *бгъодж* «поле, степь», *бабэ (пIастэ)* «каша», *ордэ унэжъ (унэ ин, бай, нэхъоир из зыфэпIощтыр)* «древний дом, мифологический дом, полный изобилия и счастья», *щао (амыжъоу къэнэгъэ гъэжъошIанI)* «невспаханное посевное поле» и т.д.

Наблюдаются историзмы, слова, обозначающие исчезнувшие реалии и явления: *апс* (лит. – *лагъэ*) «деревянная миска», *ашъо* «кольчуга», *бганэ* «сноп, вязанка», *кубжъармэ (бжъэ хъагъэ зытет цуку)* «арба», *цуабзэ* «лемех», *шыпэшыу* «лидер, возглавляющий группу всадников», *Iумаф (насыпышIу)* «счастливый, удачливый» и т.д.

В хохах сохранились элементы охотничьего языка адыгов – табуированная лексика: *борэ* «древнее адыгское название волка», *лъынэ (псэушъхьэ пщэрым къытекIрэ дагъэр)* «животный жир». Данные слова не встречаются в современных адыгских языках. Значение можно определить по контексту. В хохах так же встречаются слова, смысл которых не поддается расшифровке: *шэгъурыбэджэу.*

Итак, хохи определяются нами как самостоятельный жанр адыгской народной прозы. Они характеризуют образ жизни адыгов. В фольклоре других народов хохи номинируются как «благопожела-

ния», «здравицы», но отличительной особенностью хохов является их стихотворная форма, которая и отличает от благопожеланий. Различные языковые единицы как сравнения, метафоры, архаизмы, историзмы, табуированная лексика, фигуры речи, традиционные и частные формулы усиливают выразительность языка хохов.

Литература:

1. Адыгэ хъохъухэр [Адыгские здравицы (благопожелания)] / Сост. Н. Х. Емыкова. Майкоп, 2011. 138 с.

2. Бгажноков Б. Х. Отрицание зла в адыгских тостах / Б. Х. Бгажноков. – Нальчик, 2010. 118 с.

3. Кремшокалова М. Ч. Благопожелание (хох) как жанр речи в кабардино-черкесском языке / М. Ч. Кремшокалова // Журнал «Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина». Выпуск № 2 / том 1, 2012. С. 223-232.

4. Мижаев М. И. Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов / М. И. Мижаев. Черкесск, 1973. 206 с.

5. Нало З. Лъабжьэмрэ щхьэкIэмрэ [Корни и ветви. Литературно-критические статьи] / З. Нало. Нальчик, 1992.

6. Пщыбий И. Адыгэ IуэрыIуатэ [Адыгское устное народное творчество] / И. Пщыбий. Налшык, 1998.

7. Табишев, М.А. Проклятия как малый жанр адыгского фольклора / М.А. Табишев // Псалъ (Слово). Майкоп, 2007. № 4 (7).

8. Чуякова Н. М. Малые жанры адыгского фольклора / Н.М. Чуякова. Майкоп: Меоты, 1999. 166 с.

9. Шортанов А. Т. Фольклор // Очерки кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 11-64.

УДК 82-1/29

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ НЕКОТОРЫХ СОЕДИНЕНИЙ В ЭПОСЕ «КНИГА ДЕДА КОРКУТА»

Ф. М. Агаева
Институт языкознания им. Насими
Азербайджан, г. Баку

История создания эпоса «Книга Деда Коркута» – величайшего древнетюркского письменного памятника, включенного в сокровищницу духовных ценностей народов мира, национального

достояния азербайджанского народа, – и реальное время событий, происходящих в эпосе, всегда были в центре внимания ученых. В статье анализируется образ жизни, обычаи, традиции огузов, отраженные в эпосе.

Ключевые слова: *эпоса «Книга Деда Коркута», древнетюркский письменный памятник, сокровищница духовных ценностей*

The history of the creation of the epic «The Book of Grandfather Korkut» the greatest ancient Turkic written monument, included in the treasury of spiritual values of the peoples of the world, the national heritage of the Azerbaijani people - and the real time of events taking place in the epic have always been the focus of scientists. The article analyzes the way of life, customs, traditions of oguz, reflected in the epic.

Keywords: *the epic «The Book of Grandfather Korkut», an ancient Turkic written monument, a treasure trove of spiritual values*.

История создания эпоса «Книга Деда Коркута» – величайшего древнетюркского письменного памятника, включенного в сокровищницу духовных ценностей народов мира, национального достояния азербайджанского народа, – и реальное время событий, происходящих в эпосе, всегда были в центре внимания ученых. Образ жизни, обычаи, традиции огузов, отраженные в эпосе, богатство и колорит его языка послужили объектом многочисленных исследований.

Грамматика, фонетические особенности, лексика эпоса, отличающаяся богатством и разнообразием, также были изучены в различных аспектах и послужили содержательными источниками для дальнейших исследований.

В то же время служебные части речи в тюркских языках давно уже являются объектом исследования. Полагаем, что определение периода формирования и развития служебных частей речи в тюркских языках, конкретизация частоты их употребления в исследуемых письменных памятниках играет важную роль в установлении возраста этих памятников.

В тюркских языках по частоте употребления самой древней служебной частью речи могут считаться послелоги. «Послелоги, происходящие от существительных и глаголов, на протяжении истории изменялись и приобретали новые формы, сложные значения, не похожие на их исторические корни. Поскольку послелоги состоят из слов, утративших свою самостоятельность, они считаются самыми древними единицами словарного фонда языка» [1, с.57]. Постепенное отде-

ление самостоятельных слов от их лексического значения, приобретение ими нового грамматического значения в результате присоединения к окончаниям слов соответственно падежам и способность формирования парадигм в отличие от других групп слов – вполне естественное явление в процессе развития агглютинативных языков.

Х. Мирзазаде, говоря о значимости исследования послелогов, пишет: «Изучение происхождения послелогов, их функций и значений с точки зрения исторического развития весьма актуально. Хотя эта часть речи малочисленна по сравнению с другими частями речи, по своей значимости она ни чуть не уступает им. Во все периоды послелоги сохраняли свою оригинальность и, развиваясь, с течением времени становились ещё более «качественными», обогащались новыми словами и «очищались» от архаичных элементов». [6, с. 195] Послелог – это грамматически неизменяемая служебная часть речи, стоящая после существительных, иногда после инфинитива, причастия, выражающая определённое отношение, формирующая грамматическую связь между предлогом и действием и не имеющая лексического значения. Некоторые послелоги, присоединяясь к концу слов, по своему грамматическому значению близки к аффиксам. М. Эргин с функциональной точки уподобляет послелоги падежным аффиксом: «Падежные аффиксы образуют номинальные падежи существительных, послелоги же – адвербиальные падежи существительных» [8, с. 369]. Таким образом, послелоги уточняют и дополняют значения падежей, выражая синтаксические отношения. Послелоги управляют предшествующими им именами, требуя постановки их в том или ином падеже.

А. Шюкюров, говоря о грамматических особенностях послелогов, разделяет их на три группы: «1. Послелоги, управляющие именительным и родительным падежом существительного; 2. Послелоги, управляющие дательным падежом; 3. послелоги, управляющие исходным падежом» [9, с. 22]. Послелоги как группа слов находилась в центре внимания ученых, занимающихся изучением истории тюркских языков. Французский тюрколог Ж. Дени исследует послелоги под названием «postposition» и противопоставляет их в французском языке предлогам – «preposition». Ж. Дени не считает послелоги отдельной частью речи и выделяет их как группу слов среди частиц. Следует отметить, что эта традиция принимается тюркологами всего мира, в том числе и турецкими лингвистами. А. В. Габен, говоря о послелогах, отмечает, что послелоги управляют существительными, местоимениями, числительными, требуя постановки их в определённом падеже.

Они уточняют и дополняют значения падежей, выражая синтаксические отношения» [5, с. 93].

Однако в советской тюркологии послелоги рассматриваются как отдельная часть речи, и во всех книгах по исторической грамматике им, как и другим частям речи, отводится специальное место.

Часть послелогов, употребляющихся в эпосе «Книга Деда Коркута», исследовалась в определенные периоды. Послелоги изучались и как часть общей исторической грамматики, и как часть исследований грамматики языка эпоса [3].

А. Танрыверди в «Исторической грамматике азербайджанского языка» дает анализ нескольких послелогов, некоторые из них употребляются именно в языке эпоса «Книга Деда Коркута» [10]. В научных трудах, посвященных исследованию послелогов, встречаются и противоречивые мнения. Послелоги, употребляющиеся в языке письменных памятников, постоянно являются объектом исследования. В научном труде «Грамматическое исследование эпоса «Книга Деда Коркута», подготоловленном Институтом языкознания имени Насими Национальной Академии наук Азербайджана, С.Мехдиева анализирует некоторые послелоги, употребляющиеся в языке эпоса [9, с. 335-350].

«Семантика любого послелога связана в первую очередь с его первоначальным значением. Значения, происходящие от его первоначальной семантики, в той или иной степени сохраняют с ним некую общность и обусловливают семантическое разнообразие послелогов. Поэтому для выявления значения послелогов необходимо рассмотреть их историю и пути развития» [1, с. 57]. Таким образом, с учетом вышеизложенного мы дифференцируем особенности употребления послелогов с семантико-функциональной точки зрения. Послелоги, употребляющиеся в эпосе как союзы, иногда и как частицы, многофункциональны. Послелоги, выражающие временное и пространственное отношение. Bərli, bəri «сюда, на эту сторону; с (со), начиная с». Данный послелог употребляется во многих тюркских языках в различных фонетических вариантах: в туркменском: bə:ri; в ногайском, кумыкском, каракалпакском, киргизском, алтайском, узбекском, казахском: beri; в азербайджанском: bəri; в башкирском bire; в гагаузском: be:ri; в тувинском be:r.

Этот послелог в языке эпоса «Книга Деда Коркута» употребляется в форме bərü gəlgil 18 раз, в темпоральном же значении – 3 раза:

Bu evi harab olası varaldan bərü dəxi karnum doymadı.

Beyrək diri olsa on altı yıldan bərü gəlürdi bir yigit.

Şundan bərü

Неслучайно М. Эргин, указывая индекс этого слова, даёт его в отдельности и как наречие, и как послелог, употребляющийся после падежного аффикса – *dan* [7, с. 43]. Автор в своем научном труде «Türk dil bilgisi» («Грамматика турецкого языка» - Ф.А.), говоря о послелоге *beri*, отмечает его употребление в исходном падеже [8, с. 369]. Как видно из рассмотренных примеров, в период создания эпоса слово уже начинает отдаляться от своего самостоятельного значения и, частично, функционирует как послелог.

Послелог *sonra* «после, потом, затем, далее, спустя». Х. Мирзазаде относительно данного послелога, в частности, пишет: «Послелог *sonra,* образовавшийся из двух составных частей (son+ra), относится к неустойчивым послелогам, поскольку он употребляется и как наречие времени, и как послелог. В письменных памятниках он встречается редко, например: Ol vaqiədən sonra gər gah ki həzrəti Rəsul Hüseyni əlinə alub iltifat edərdi... Послелог *sonra* требует перед собой существительное в исходном падеже и означает «после (чего-то или кого-то); через (какой-то промежуток времени)».

Аффикс - *ra* после слова *son* «конец, окончание, исход, развязка, финал» толкуется по-разному. Например, О. Бётлингк разъясняет – *ra* в значении «туда». Согласно некоторым мнениям, *-ra-* самая древняя форма аффикса дательного падежа. Подтверждением тому служат данные словаря М. Кашгари и уйгурских письменных памятников [6, с. 196]. Пути образования послелога *sonra,* как и многих других служебных частей речи, вызывают споры. В дастане «Книга Деда Коркута» послелог *sonra* употребляется не столь интенсивно: Bir neçə müddətdən sonra bir oğlan toğurdu [4, с. 213]; Yad qızı həlalım var, andan mənim iki oğlancığım var, əmanətim var, ismarlaram anlara, andan *sonra* mənim canımı alasan [4, с. 280]; Məndən *sonra* alıb ozanlar söyləsin [4, с. 282].

В современном азербайджанском языке это слово в форме *sonra* сохраняет своё самостоятельное лексическое значение, но употребляется и как послелог. Как уже указывалась выше, в эпосе «Книга Деда Коркута» отмечается низкая интенсивность употребления данного послелога. Это слово не имеет никаких синонимов – послелогов.

Послелог ala / ələ. Этот послелог употребляется в эпосе «Книга Деда Коркута» в значениях «сторона; по направлению к, в сторону чего», и поэтому формирует синонимические ряды со словами, означающими направление. Историки-тюркологи в древней семантике данного слова видят именно содержание «сторона, направление». А.

В. Габен толкует послелог *ala* как «сторона, направление; нижняя сторона» [5, с. 128].

Полагаем, что в этом есть большая доля правды, однако наличие в семантике послелога лексико-семантического варианта *alt tərəf* «нижняя сторона», «нижнее направление» с научной точки зрения нелогично. Так, значения «большой», «высокий», «верхний» слова *ala* в тюркских языках давно уже приняты тюркологами. Исходя из этого логичнее предположить, что слово *ala* действительно означает именно «верхняя сторона».

Eger erdir, eger arvatdur kurhusu ağac,
Başun *ala* bakar olsam başsuz ağac,
Dibün *ala* bakar olsam dibsüz ağac.

В другом месте:

Sağum *ala* bakduğumda kartaşum...
Solum *ala* baktuğumda tayım Aruzu gördüm...
Karşum *ala* bakduğumda seni gördüm.

В другом примере:

Yanum *ala* baktuğumda konşuma eyü bakdım.
Karşum *ala* yigit menüm...

В эпосе это слово употребляется как послелог семь раз. Однако дастане отмечены случаи употребления данного слова и как цветообозначения. Таким образом, слово *ala* формирует омонический ряд. В примере Ağ üzlü ala gözlü слово *ala* действительно означает цвет- *ala gözlü* «голубоглазый».

Послелог *tası* употребляется в значении «наружу, вне». В данном фонетическом варианте и семантической функции послелог фиксируется лишь в одном месте эпоса «Книга Деда Коркута»: Ol məlun dəxi kaladan tası gəlüp bunlara müqabil oldu, ər oldu. Послелоги *taşı* и *içrə* «внутри, вовнутрь» с семантической точки зрения являются антонимами.

Послелог *içre.* Послелог *iç+re* означает «внутри, между». В письменных памятниках употребляются послелоги *tası, taşra, daşra,* выступающие как его антонимы. Ни один из указанных послелогов не употребляется в современном азербайджанском язык и считается архаизмом. Ж. Дени, говоря о послелоге *içrə,* отмечает, что он встречается в чагатайском и уйгурском языках. Х. Мирзазаде считает, что послелог *içrə* образовался от самостоятельного слова *iç* «внутренность; нутро» и отмечает, что в языке исторических памятников он встречается крайне редко: «Можно так понять, что поскольку послелог *iç* по значению является синонимом аффикса местного падежа –

da/də, не было никакой необходимости их одновременного употребления. Слово, стоящее перед послелогом *iç+rə*, «проявляется в именительном падеже». (6, с. 207)

М. Эргин классифицирует данный послелог как выражающий пространство и направление.

Отметим, что в эпосе «Книга Деда Коркута» данный послелог употребляется лишь в одном месте: «Karanlı dün içrə azsam umum Allah». Его значение полностью соответствует значению слова *içində* «внутри». Это слово сформировалось как послелог, но окончательно не отдалилось от своего самостоятельного значения.

Послелоги, выражающие причину – цель. *üçün / içün* «ради, для» относится к разряду послелогов, выражающих причину – цель. Хотя данный послелог анализировался в научных трудах, посвященных истории языка, однако категорические мнения относительно его происхождения и семантической функции не высказывались.

Ж.Дени пишет: «У этого послелога несколько значений: 1. Цель: Ağ akça qara gün üçündür. При употреблении в этом значении он обычно стоит после инфинитива: Sizi görmək üçün gəlmişəm – «Я пришел, чтобы увидеть вас». 2. просьба, мольба: Allah rizası üçün Ради Бога». 3. слабый оттенок цели: Sənin için «для тебя», *onun üçün* «для него/ неё». 4. причина: в этом значении чаще всего употребляется с указательными местоимениями: *onun için* «для него / неё bunun *üçün* «для этого» и т.д.» [2, с. 538].

А. В. Габен также рассматривает послелог *üçün // için* и включает его в разряд слов, изолированных от наречий [6, с. 92].

Послелог *ötrü* «для, ради, из-за, чтобы, чтоб, вследствие, по причине». Выступает как синоним послелога *üçün*. Данный послелог подробно анализировался во многих научных трудах, посвященных истории тюркских языков. Семантика послелога соответствует его грамматической функции. Послелог употребляется с существительным в исходном падеже и выражает значение причины. В эпосе «Книга Деда Коркута» употребляется в значениях «для, ради, из-за, чтобы» в четырёх местах. М. Эргин относит его к послелогам, выражающим причину [6, с. 204].

Х. Мирзазаде, анализируя данный послелог, включает его в разряд послелогов, выражающих цель [6, с. 204]. В научных трудах других тюркологов противоречивые мнения относительно семантики этого послелога не встречаются. Семантическая функция данного послелога заключается в создании отношения причины-цели: şimdi yigiti

atar yıkar serer purtar yıkılsın. Oğuz elleri kfrk yigit bir beg oğluyla bir kızdan ötürü ölmək nolur dedilər.

Bir suçdan *ötürü* dərgahdan sürdün.

Bu cümlə eyni ilə başqa bir yerdə də işlədilir.

Таким образом, как видно из всего вышеизложенного, в период создания эпоса данный послелог уже сформировался со значением причины – цели и употреблялся в нём соответственно своей семантической функции, однако частота его употребления не было высокой. Анализ послелогов в языке эпоса «Книга еда Коркута» показывает, что во время создания эпоса некоторые послелоги ещё окончательно не отделились от своего самостоятельного значения. Лишь некоторые из них ещё с древних времён сформировались как послелоги и полностью отдалились от своих самостоятельных значений.

Литература:

1. Abdullayeva S. Qoşmaların qrammatik semantikası // Türkologiya, 1999, №1-4, s.57-63 Qaben A.V. Eski Türkcənin qrameri. Türk tarih kurumu basım evi, Ankara: 1988.

2. Deni J. Türk Dil Bilgisi. İstanbul: Kabalçı, 2009.

3. Kitabi Dədə Qordud dastanının qrammatik tədqiqi (fonetik, morfoloji və sintaktik təhlil). Bakı: “Elm”, 2018. 491 s.

4. Kitabi Dədə Qorqud. Bakı: Teas Press Nəşriyyat evi, 2016.

5 .Qaben A.V. Eski Türkcənin qrameri. Türk tarih kurumu basım evi, Ankara: 1988.

6. Mirzəzadə. H. Azərbaycan dilinin tarixi qrammatikası, Bakı: Azərbaycan Universiteti Nəşriyyatı, 1990.

7. Mühərrəm Ergin. Dede Korkut kitabı. 1-2. Ankara, Türk Dil Qurumu, 2018.

8. Mühərrəm Ergin. Türk Dil Bilgisi. Umut Matbaası, İstanbul: 2013

9. Şükürov Ə. Azərbaycan dilinin tarixi qrammatikası, Bakı: APİ nəşri,1981.151 s.

10. Tanrıverdi Ə.Azərbaycan dilinin tarixi qrammatikası. Bakı, 2010.

УДК 82-14

ИНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В РАЗВИТИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

А. Т. Акамов
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
ДФИЦ РАН, г. Махачкала

В статье обсуждаются процессы развития дагестанской поэзии с мировыми литературными традициями. Расширение функций дагестанской поэзии вырабатывается преимущественно в специальных терминах – это прежде всего лексика персидского, арабского, тюркского влияния, а в XX веке и русское влияние, которые обогащали дагестанскую культуру, а затем, в преобразованном виде становились неотъемлемой ее частью. В нашем случае, уясняется проблема лингвокультурологических интерпретаций – язык художественной литературы со стилистическим расслоением нормы XX – XXI вв.

Ключевые слова и фразы: *язык; стиль; дагестанская литература; термин; функциональная тенденция; литературный национальный язык*

The article discusses the processes of development of Dagestan poetry with world literary traditions. The expansion of the functions of Dagestan poetry is developed mainly in special terms – it is primarily the vocabulary of Persian, Arabic, Turkic influence, and in the 20th century and Russian influence, which enriched Dagestan's culture, and then, in transformed form became an integral part of it. In our case, the problem of linguistic interpretations – the language of fiction with stylistic stratification of the norm of the 20th and 21st century – is being clarified.

Keywords and phrases: *language; style; Dagestani literature; the term functional trend literary national language*

Дагестанская литература на этапе своего становления и развития находилась под влиянием национального фольклора, восточной, и позже, русской литератур, а во второй половине XIX стала вступать в активный диалог с мировыми литературными традициями, что неоднократно отмечалось исследователями.

Данный процесс вполне закономерен, ибо, как отмечал В. Жирмунский, «… ни одна национальная литература не развивалась вне живого и творческого взаимодействия с литературами других наро-

дов, а те, кто думает возвысить свою родную литературу, утверждая, будто она выросла исключительно на местной национальной почве, тем самым обрекают ее даже не на «блестящую изоляцию», а на провинциальную узость и самообслуживание» [1].

Персидское, арабское, тюркское, а в XX веке и русское влияние входили в ареал эстетических взаимодействий, которые обогащали дагестанскую культуру, а затем, в преобразованном виде становились неотъемлемой ее частью.

Г. Г. Гамзатов, неоднократно обращаясь в своих трудах к проблеме генезиса арабоязычной литературы в Дагестане, пишет: «Дагестанская литература X–XIX вв. на арабском языке формировалась под общим влиянием средневековой арабской словесности, и в то же время всеми своими корнями уходила вглубь истории и культуры своего края и имела своим адресатом отечественного читателя. Она по праву принадлежит национальному наследию народов Дагестана» [2].

В этом контексте заслуживает отдельного внимания мнение известного ориенталиста И. С. Брагинского, который отмечал, что многие малые народы средней Азии и Закавказья вправе рассматривать «…как свое родное, то культурное наследство, которое иные исследователи бесследно растворили в персидской, турецкой или общемусульманской культуре» [3].

Академик И. Ю. Крачковский, инициатор системного изучения арабоязычной литературы на Кавказе, выделил два направления бытования арабской литературы в Дагестане: «С одной стороны – это типично схоластическая литература средних веков, с легкостью находящая себе аналоги и на Востоке, и на Западе в соответствующие эпохи... Дагестанские ученые того времени, – отмечал ученый, – владели уже всей полнотой общеарабского наследия своих веков... Для нас интересен другой слой развившейся здесь литературы – литературы оригинальной, выросшей на местной почве, ярче отражающей местные исторические события» [4].

И сюжетика, и жанровая структура, и образная система арабоязычной дагестанской литературы глубинными корнями связаны не только с древненациональными фольклорными истоками, но и разнослойными элементами иных культур, с мифологией и представлениями иных народов.

Дагестанская художественная литература содержит классические иранские сюжеты героического, лирического и трагического характера. В канву художественного повествования органично вплетены образы мифических героев «Шах-Наме» Рустама, Заля, Исфандияра,

злодея Заххака и кузнеца Кавы, восставшего против тирана. В литературе народов Дагестана широко используются назидательные короткие рассказы Саади Ширази, неповторимые стихи Хафиза, философская поэзия Моулави Руми.

Инонациональные эстетические веяния сыграли благодатную роль в истории развития дагестанского художественного слова. Сохранившиеся дагестанские письменные памятники свидетельствуют о динамике развития персоязычного словесного искусства – от мифических образов до отдельных разножанровых персоязычных произведений дагестанских авторов.

Таким образом, можно констатировать, что восточные традиции получили в Дагестане широкое распространение, стали составной частью ментального, духовного мира полиэтнического региона.

Новый всплеск интереса к Востоку стал заметен в национальных литературах Дагестана в конце XX – начале XXI веков. В новый исторический период времени повсеместно наблюдается активизация русскоязычной литературы. Дагестан не стал исключением в этом процессе. Национальные писатели, художники все чаще создают свои произведения на русском языке. В условиях полиэтничности Дагестана – это явление детерминировано самой логикой развития общества. Русский язык, ставший теперь языком межнационального общения, выполняет функцию медиатора. Посредством русского языка, переводов на русский язык, литература одного этноса становится достоянием всей дагестанской литературы.

Русскоязычная литература Дагестана конца XIX – начала XXI в. представляет собой пример активного взаимодействия различных культурных и литературных традиций. В последние два десятилетия русскоязычная литература переживает расцвет. Ее развитие зависит от многих причин и факторов, среди которых имеются как субъективные (эстетические представления автора, художественная концепция его творчества и т.д.), так и объективные (потребность общества в русскоязычной литературе, межкультурный и межлитературный диалог, взаимосвязь и взаимовлияние разных пластов культуры и др.).

Сегодня дагестанская русскоязычная литература является наглядным примером межкультурного синтеза. В результате длительного процесса взаимодействия всех исходных слагаемых в полиэтнической и полилингвистической национальной среде сложилась уникальная общность культуры, литературы. Все это наглядно отразилось в динамике развития дагестанской русскоязычной поэзии.

С начала 90-х годов минувшего века устоявшееся восприятие традиционной дагестанской поэзии претерпевает существенную трансформацию. В ее смысловом и формальном поле возникает некая синтетическая общность литературного письма. Растет число поэтов, ориентированных на творчество С. Есенина, В. Маяковского, И. Мандельштама, М. Цветаевой, А. Ахматовой, Б. Окуджавы…

В современной дагестанской русскоязычной поэзии многие символы переосмыслены, подкреплены новыми реалиями. Теперь творчество поэтов новой формации почти не ограничено нормативно-каноническими установками, оно многогранно, пластично. Более глубокое, тонкое выражение человеческой сущности, большая открытость эмоций делают героя такой поэзии приближенным к действительности, и поэтому его эмоции созвучны эмоциям современного читателя.

Человек отходит от априорных идеальных традиционных конструктов самовыражения, стремится раскрыться внутрь, оценить свою роль в этом мире.

Восточная и западная традиция теряют свой онтологический смысл, элементы этих традиций используются поэтами для более свободного самовыражения, не признающего стесняющих воображение рамок. Интеграция элементов русской, восточной, западноевропейской культур в дагестанскую объективно способствует не только расширению творческих возможностей авторов, пишущих на родных языках, но и способна раздвинуть границы их менталитета. Как уже отмечалось, сближение и взаимодействие дагестанской и русской литератур было закономерным и исторически обусловленным процессом. Таким же закономерным процессом стала в последние десятилетия естественная ориентированность дагестанской литературы на восточную культуру. Невозможный ранее синтез нескольких восточных традиций с русской или европейской приводит к неожиданным результатам.

Вопрос о «восточных мотивах» – это еще и вопрос обогащения национальных форм в европейской литературе. Классические формы восточной поэзии пришли в стихосложение стран Западной Европы, придав им особую афористичность, своеобразную рифмовку и…» [5].

Новый всплеск интереса к Востоку стал заметен в европейских и русской литературах в конце XX – начале XXI веков. Этот интерес имеет свои причины, причем не всегда сугубо культурологического, художественного характера. Вместе с тем, как мы убеждаемся на ре-

альных примерах, усиливаются процессы освоения русской и европейских культурно-художественных традиций.

Необходимо также отметить, что при этом в национальных литературах происходит новое осмысление восточной классики. Восточная поэзия обогатила сокровищами своей мудрости не одно поколение поэтов в разных концах света. Ее отголоски можно найти в творчества Байрона, Гете, Гейне, Пушкин и многих других. В последнее десятилетие минувшего века восточное поветрие стало достаточно заметным явлением в поэзии русской, северокавказской и дагестанской.

Рассмотрение некоторых моментов формирования и развития русскоязычного субэтнического пространства в их реально сложившемся на сегодняшний день виде позволяет отметить тот факт, инонациональные смысловые и формообразующие включения становятся не только распространенным элементом словесного творчества русскоязычных поэтов, но и способствуют формированию новых жанровых и тематических направлений, как это происходит в творчестве М. Дугричилова, М. Муслимовой, Т. Раджабова, А. Казбекова, Д. Джаферова, А. Ханмагомедова, Ф. Оруджа, Ф. Джамаля, М. Ибрагимовой и многих других. В первую очередь, это связано с выбором медиума, русского языка, обладающего огромными художественными возможностями.

Необходимо отметить и факторы, способствующие этому явлению. Одна из наиболее распространенных форм культурного обмена – перевод, занимает значительное место в ряду традиций еще со времен вхождения арабо-мусульманской литературы в культурное пространство Дагестана. В последние десятилетия XX века именно перевод стал одной из основных форм взаимодействия, оказывая все более активное влияние на другие формы, на весь ход литературного развития. Поэтические переводы, как правило, адаптируют переводимого автора в среду национальной литературы. Интересные примеры складывающейся цепочки: перевод – влияние – творческий процесс поэта – представляют многие эпизоды истории дагестанской литературы. Участие в литературном процессе республики в качестве поэтов-переводчиков с русского, языков дагестанских народов, с турецкого, арабского, персидского (три последних с подстрочников), во многом способствовало становлению и зрелости их как поэтов. Современные двуязычные поэты сочетают в своем творчестве элементы национальной традиционности и атрибутивные заимствования из арабской, персидской, турецкой, русской, европейских литератур. В их текстах обращение к четкой графике фольклорных традиций органично совме-

щается с клишированной формой выражения этико-эстетических понятий восточной поэзии. В результате этих совмещений получаются зачастую оригинальные в своей многогранности поэтические тексты, несущие новые смыслообразующие и формообразующие элементы. Творчеству этих и других русскоязычных авторов не может быть дана однозначная оценка – слишком яркие, неканонические образы и мотивы создают неповторимый колорит, у одних вызывающий недоумение или даже внутреннее неприятие, у других же – признание.

Зачастую современные русскоязычные поэты используют суфийские символики, полагая, что их поэзия имеет прямое отношение к суфизму. Однако по большей части, это лишь формальное схождение. Глубокая философия истинного суфизма остается для большинства из них недоступной.

Более продуктивной формой обращения на нынешнем этапе развития национальной поэзии является обращение к классическим, хорошо усвоенным жанровым формам восточного стиха, таким как бейты, четверостишия, рубаи, восьмистишия, стихотворные обращения, элегические, медитативные стихи, стихи-посвящения и т.д.

У каждого из представителей современного поколения дагестанской поэзии свой жизненный и лирический опыт, своя степень поэтической зрелости. Однако творчество каждого из них представляет собой вполне оформившуюся тенденцию, игнорировать которую мы не вправе.

Проникновение новой образности, новых форм художественной выразительности в поэтический строй стихов современных художников слова стало уже укоренившейся традицией. Но лишь немногим из поэтов удается удачно использовать восточные константы в своих текстах, построить их на сравнениях, ассоциативной символике, в которых заложена емкая оценка, точно характеризующая суть явления.

Опыт развития дагестанской поэзии вообще, а русскоязычной в частности, позволяет говорить о феномене, состоящим из живого языка, точнее, черпающем энергию из многих языковых сред, пересеченных в жизни поэта. Ярчайшим примером, иллюстрирующим сказанное, являются произведения многих дагестанских русскоязычных поэтов. Только на стыке двух, а может быть и трех языковых и культурных стихий могли возникнуть такие строчки А. Казбекова:

Весь мир в тебе – Писании священном,
Весь мир объемлет Золотой Коран.
Безмолвие – симфония Вселенной.
Безмолвие – прозрения Океан [11].

* * *

Узор волшебный, как халат с плеча султана,
Расшитый золотом на небосводе дремлет,
Звезда читает суры из Корана,
Благоговейно полумесяц внемлет.

Эта приверженность к восточной традиции, а также порой явная, но чаще подсознательная перекличка с творчеством великих поэтов придает своеобразие и обаяние его поэзии, а кроме того, помогает взглянуть на классику другими глазами, почувствовать существование знакомых имен в новом пространстве:

Глупец, Хайяма прочитав,
Станет рабом хмельных забав,
А мудрый о вине забудет,
Он от Хайяма пьяным будет.

Многообразие форм художественного самовыражения дагестанских поэтов проистекает не от стремления к эксперименту – это скорее универсальность таланта, особый дар, позволяющий создавать новые образцы интеллектуальной литературы, заниматься активной реабилитацией исторического наследия и создавать собственные, не менее талантливые образцы поэзии и прозы.

Культурные интерпретации элементов суфийского стиха стабилизировались в функциональных и эстетических парадигмах современной дагестанской поэзии. По большей части обращение на Восток, попытки проникнуть в суть недоступного до конца и никем не исчерпанного многоликого и многогранного явления – суфизма, это потребность в новых духовных импульсах, а также не в малой степени поиск способов и образов самовыражения.

Литература:

1. Жирмунский В.М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Вып. 3. М. 1960. С. 183. С.177-186.

2. Гамзатов Г. Г. Дагестан: Историко-литературный процесс. Вопросы истории, теории, методологии. Махачкала, 1990. С. 212. 309 с.

3. Брагинский И. С. О соотношении интернационального и национального в развитии литератур народов СССР // Вопросы литературы. 1977. № 10. С. 105-111. С. 90.

4. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Избранные сочинения. М.-Л., 1960. Т. 6. С. 615. 739 с.

5. См. Молдавский Дм. Поэзия обращается на Восток // Вопросы литературы. 1986. С. 214–215.
6. Дугричилов М. Избранное. Махачкала, 1998. С. 181.
7. Указ. соч. С. 5.
8. Фильштинский И. Предисловие к антологии «Арабская поэзия средних веков». М., 1975. С. 713. 767 с.
9. Казбеков А. Взгляни на обитель. Махачкала, 2015. С. 84. 148 с.
10. Указ. соч. С. 24.
11. Указ. соч. С. 95.

УДК 811.22

ABU YAKUP SAKAKI “MIFTAHUL ULUM” – ABOUT INFINITIVE FORM OF VERBS

A. Akmalkhanav
PhD of the International Islamic Academy of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan

Abu Yakub Sakaki named the first season of the second volume of “Miftahu-l-ulum” “About forms of Infinitives” **(الفصل الاول في هيئات المصادر)**. The scholar expresses his thoughts relying on the scientific conclusions: “Having many infinitive forms of three consonant verbs without extra letters, these verbs have no exact numbers of infinitives.” He says that there are many infinitive forms of three consonant verbs, he links the second consonant vowel (harakat) with forms of infinitive which are completely different. If the verb is intransitive and the vowel (harakat) of the second consonant is fatha-[a] in present-future tense the infinitive of this verb is **فعول ,** (ركع - he knelt, **يركع** – present-future tense, **ركوع** - kneeling/ to kneel, infinitive form), if the vowel (harakat) of the second consonant of transitive verb is kasra-[i] the infinitive of this verb is **فعل ,** if the vowel (harakat) of the second consonant of verb is ḍamma-[u] the infinitive of this verb is **فعالة** [1: 52] **.** The scholar claims to pay attention not only to the morphology of the verb but also to the semantics.

Following scholars and linguists wrote some forms of three consonant verbs without extra letters releted to the semantics: Sibavaihi “Al Kitab”(2: 4-vol. 5-page), Ibn Sarraj “Al usul fin nahv” (3: 3-vol. 86-page), Abu Kasim Zujaji “Aljumal fin nahv” [4 :383], Ali ibn Ismail “Al mukhassas” (5: 14-vol. 216-page), Ibn Kabisi “At tatimmatu fit tasrif” [6:218], Ibn Yaish “Sharh al mufassal” (7: 2-vol. 43-page), Ibn Usfur “Al

mukarrib" (8:2-vol. 130-page), Ibn Malik "Sharh umdat al hafiz" (9:2-vol. 711-page) Khizr Yazdi "Sharh shafiati Ibn al Hadjib" (10: 1-vol. 153-page), Abu Haiyan Andalusi "Irtishaf ad darb" (11:2-vol. 483page), Ba-hauddin ibn Akil "Al musaid ala tas'hil al favaid" (12:2-vol. 618-page), Djalaliddin Suyuti "Hamiu al havami" (13: 2-vol. 48-page).

They are:

1. If the verb means job and management, its infinitive is **فعالة** : plant -زرع , -to plant -زراعة ,command -امر, امارة –to command

2. If the verb means action and events its infinitive is فعلان: غلى- boil, غليان-to boil, ثار -rebel, ثوران - to rebel

3. If the verb means movement its infinitive is فعيل: رحل - depart, رحيل -to depart, دب-crawl, بيب - to crawl

4. If the verb means complaint its infinitive is فعال : ابي -reject, اباء-to reject, جمح -strain, جماح- to strain.

5. If the verb means illness and sickness (aching) and it is not in the form of فعل its infinitive is فعال : زكم -have a cold, زكام - to have a cold, سعل -cough, سعال - to cough.

If the verb is in the form of فعل its infinitive is فعل : ورم–swell, ورم -to swell, وجع -ache, وجع- to ache.

6. If the verb means making a sound and voice its infinitive is فعال or فعيل : bray-نهق , to bray-نهيق, make a noise –ضج , to make a noise-ضجيج

7. If the verb means condition relevant to colour its infinitive is فعلة : redden-حمر , to redden- حمرة , become yellow- صفر , to become yellow-صفرة .

The infinitive is divided into three according to the semantics:

1. General infinitive (المصدر العام) - expresses action and condition with the all consonants of the verb. For instance: sat-جلس , جلوس - to sit.

اسم المصدر – "Name of the infinitive" free from some letters (extra or core letters) are infinitives express action and condition and give a name to the verb [14: 142]. For example: و الله انبتكم من الارض نباتا٠ – Allah plants you from the earth. (Nuh, 17-ayat). Verb- انبت, name of the infinitive- نبات, "to plant"

2. One time infinitive (اسم المرة) –refers to an action or event happened once. Its form فعلة belongs to only three consonant verbs without extra letters, other verbs have an form in general infinitive adding "tā" (ة) to the end (15: 2-vol. 772-page). For instance: فنظر نظرة في النجوم –He once looked up the stars. (Saffat, 88-ayat).

3. Infinitive of form and feature (مصدر الهيئة) – indicates how the action or event happened. This infinitive is فعلة. For example: و اذا نبحتم فاحسنوا الذبحة. – if you slaughter make the slaughter easy. (16: 4-vol. 16-page).

The infinitive is divided two according to the morphology:

1. مصدر الميمي- infinitive in the form of مفعل or مفعل . This type of infinitive begins with extra consonant "mīm" (م). (17: 1-vol. 233-page). For example: ضرب–hit, مضرب-to hit.

2. المصدر الصناعي - made up infinitive is formed by adding "ya" , feminine suffix "tā" (ة). (18: 1-vol.177-page). This suffix means feature of the root consonants: a man, person- انسان mankind – انسانية.

After writing three consonant verbs, Sakkaki notes about infinitives of four consonant verbs without extra letters: "The four root consonant verbs have two infinitive forms, they are: فعللة and فعلال" [1:52]. He paid attention to the morphological structure of the four root consonant verbs, as the infinite form of these verbs with two the same consonants have two forms فعلال and فعلال (shook-قلقل, to shake- قلقال).

The infinitive forms of verbs differs relating to their number of root consonants. It is said there are many infinitive forms of three root consonant verbs without extra letters by Sakkaki. Most of the linguists claim that there are more than forty types of this infinitive form. Mahmud Zamakhshari told from Sibavaihi three root consonant verbs have thirty two forms [19:74].

Afterwards Sakkaki writes about extra letter "hamza" in the form of افعل : "This type of infinitive is formed in افعل . Adjvaf/weak,hollow (if the second root letter of the verb is "vāv" or "yā" "alif" may come instead of these letters) verb has افال form" (1:52). In this case the scholar mentions about verbs with the second sick consonant, which is a complex situation after forming the infinitive in a simple way. There are some verbs with the first sick consonant letter. It is not clear that the scholar did not mention about it. In this type of infinitives the sick letter changes its haraka/vowel with the same long vowel: brought- اوصل infinitive form is not - اوصال but to bring -ايصال .

The infinitive form of the verb of the second sick letter is افالة . in this case "tā" (ة)-means there is a sick letter in this verb as "tā" (ة) comes instead of the sick letter.It is called–عوض [20: 304]. Sakkaki explains this: "If the second letter of the verb is sick, "alif" comes from the verb and form which causes two sukuns staying together (two consonants without vowel letter). "Alif" is missed (1:52)". For example: stayed-اقام, its original form is - اقوم, its infinitive is not - اقوام but اقامة (in the form of - افالة) because the vowel is heavy to the sick consonant.

If other verbs have the third sick letter in this form it changes into "hamza". It is called "the changing of sick letters into "hamza" ("قلب حروف العلة الي الهمزة") [20: 334].

Moreover, Sakkaki wrote about the other forms of infinitives: “If the second root letter of the verbs is doubled فعل, they have infinitive form -تفعلة or تفعيل, sometimes-فعال” .

In case of the verb having the third letter sick, the sick letter is missed and “tā” (ة) comes instead of this consonant: called- سمى , to call- تسمية , their infinitive form is تفعلة

If “alif” (extra letter) comes after the first root consonant in the form of فاعل its infinitive is مفاعلة and فعال or فيعال . The form of infinitive of the verbs first letter “yā” is only مفاعلة. The exact form for sick verbs is فعال, the sick letter is changed with “hamza”.

If “ta’un” comes before the first root consonant its infinitive is تفعل sometimes تفعال. The sick letter is missed and vowel (harakat) of the last letter is kasra-[i]:

Verb: تفاعل infinitive: تفاعُل

Verb: انفعل infinitive: انفعال

Verb: افتعل infinitive: افتعال

Verb: استفعل infinitive: استفعال

If the first root letter is “vāv” or “yā” the two letters change into long [i]-kasra. (they are called “ مثال”).

Some adjvaf/weak,hollow verbs have استفعالة form where the sick letter is missed.

Sick letters of defective verbs change into “hamza”:

Verb: افعوعل infinitive: افعيعل

Verb: افعول infinitive: افعوال

Verb: افعال infinitive: افعيلال

Verb: افعل infinitive: افعلال. In this form and other forms of verbs the doubled (tashdid) consonants are separated and it is called “فك الادغام” (separating tashdids).

Verb: تفعلل infinitive: تفعلل

Verb: افعنلل infinitive: افعنلال

Verb: افعلل infinitive:افعلال.

The scholar notes that the infinitive form of the verbs of تفعال and فعيلى are used to strengthen the meaning of the word [1: 53]. Makhmud Zamakhshari agrees to his opinion [19 :178].

Because of being very complicated in morphological sphere the scholar writes about the infinitives of the verbs in the first season of his book. The infinitives differ from other types of made up (compound) words as they have many forms. Above the infinitives are clarified according to their root consonants. Having many infinitives and no exact rules are the differences between three consonant letter and four consonant letter verbs. One

of these verbs is سماع – to listen. Scholars tell some forms according to their meanings. If the verb has first consonant sick letter this letter is missed. Four root consonant verbs without extra letter have exact number, there is no complexity. Sakkaki gives some opinion about characteristics of these forms.

Distinguishing types of infinitives according to their semantics makes infinitives apart from other compound words. Morphological division shows its characteristics. Infinitive form of verbs with extra letter is concrete and their complexity is how to form them: عوض–to recompence, قلب-to change, فك الادغام-to spread idgham. Furthermore, Sakkaki informs how to differenciate two types of "hamza" in writing that makes easy to use. Sakkaki wrote about infinitive forms of verbs and rare forms of infinitives which were not clarified in the works of linguists. This indicates that the scholar had a wide knowledge of arabic grammar.

List of sources used

1. الامام ابو يعقوب يوسف بن ابي بكر بن محمد السكاكي. تحقيق حمدي محمد قابل. مفتاح العلوم. – القاهرة. دار التوفقية.2008. صفحة 395.
2. .أبو بشر عمرو بن عثمان بن قنبر. تحقيق وشرح عبد السلام محمد هارون. كتاب سيبويه. الجزء الرابع. –بيروت. دار الجيل. صفحة 494.
3. ابن السراج . تحقيق الدكتور عبد الحسين الفتلي. الأصول في النحو. الجزء الثالث. – بيروت. مؤسسة الرسالة. 1405ه.صفحة 445.
4. أبو القاسم الزجاجي. تحقيق الدكتور علي توفيق الحمد. الجمل في النحو. – بيروت. مؤسسة الرسالة. 1408ه. صفحة 523.
5. علي بن إسماعيل بن سيده. المخصص. الجزء الرابع عشر. –بيروت. دار الفكر. 1348ه. صفحة 266.
6. أبو عبد الله محمد بن أبي الوفاء الموصلي. المعروف بابن القبيصي. تحقيق الدكتور محسن سالم العميري. التتمة في التصريف. – جدة. نشر نادي مكة الثقافي الأدبي. 1414ه. صفحة 332.
7. يعيش بن علي بن يعيش. شرح المفصل. الجزء الثاني. – القاهرة. تصوير مكتبة المتنبي. صفحة 160.
8. ابن عصفور. تحقيق أحمد عبد الستار الجواري وعبد الله الجبوري. المقرب. الجزء الثاني. – بغداد. مطبعة العاني. 1391ه. صفحة 256.
9. محمد بن مالك. تحقيق الدكتور عبد المنعم أحمد. شرح عمدة الحافظ وعدة اللافظ. الجزء الثاني. – القاهرة. مطبعة الأمانة. 1985م. صفحة 806.
10. جمال الدين عثمان بن عمر. تحقيق الدكتور صالح عبد العظيم. كتاب الكافية في علم النحو والشافية في علمي الصرف والخط. – القاهرة. مكتبة الآداب. 2010م. صفحة 124.
11. أبو حيان الأندلسي. تحقيق الدكتور رجب عثمان محمد. ارتشاف الضرب من لسان العرب. الجزء الثاني. – القاهرة. مطبعة المدني. 1418ه. صفحة 623.
12. بهاء الدين بن عقيل. تحقيق الدكتور محمد كامل. المساعد على تسهيل الفوائد. الجزء الثاني. – دمشق. دار الفكر. 1400ه. صفحة 815.

13. جلال الدين السيوطي. تحقيق عبد العال سالم مكرم. همع الهوامع في شرح جمع الجوامع. الجزء الثاني. – الكويت. دار البحوث العلمية. 1400ه. صفحة 432.
14. محمد بن مالك. تحقيق محمد كامل. تسهيل الفوائد وتكميل المقاصد. دار الكاتب العربي. 1967م. صفحة 534.
15. عبد الله بن علي بن إسحاق الصيمري. تحقيق الدكتور فتحي أحمد مصطفى علي الدين. التبصرة والتذكرة. الجزء الثاني. - مكة المكرمة. نشر البحوث العلمي. 1402ه. صفحة 538.
16. أبو عيسى محمد بن عيسى بن سورة الترمذي. تحقيق أحمد محمد شاكر. سنن الترمذي المسمى بالجامع الصحيح. الجزء الرابع. – بيروت. دار إحياء التراث العربي. صفحة 354.
17. أبو بشر عمرو بن عثمان بن قنبر. تحقيق وشرح عبد السلام محمد هارون. كتاب سيبويه. الجزء الأول. –بيروت. دار الجيل. صفحة 446.
18. الشيخ مصطفى الغلاييني. جامع الدروس العربية. الجزء الأول. بيروت. مؤسسة الرسالة. 2010م. صفحة 204.
19. العلامة محمود بن عمر الزمخشري. تحقيق الشربيني شريدة. المفصل في صنعة الاعراب. – القاهرة. دار
الحديث. 2013. صفحة 395.
20. الأستاذ راجي الأسمر. المعجم المفصل في علم الصرف. – بيروت. دار الكتب العلمية. 1997م. صفحة 637.

УДК 811.351.12

ГРУЗИНСКО-ДИДОЙСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ[1]

Н. А. Ардотели
Института языкознания им. Арн. Чикобава,
Грузия

Статья посвящена анализу лексических заимствований в грузинском и дидойском языках. Предпринята попытка установить направления проникновения соответствующих лексем дидойского языка из грузинского. Кроме того, дана фонетическая адаптация дидойских специфических фонем в грузинском.

Ключевые слова: *заимствование, лексема, адаптация, транслитерация*

The article is devoted to lexical borrowings in Georgian and Didoy languages. The pre-drinking is to establish the directions of penetration corresponding to the lexem. In addition, the phonetic adaptation of Didoi specific phonemes in Georgian is given.

[1] Работа выполнена при поддержке национального научного фонда им. Шота Руставели (проект № FR-18-072).

Keywords: *borrowing, lexema, adaptation, transliteration*

Из специальной (историографической, лингвистической и фольклорной) литературы известно, что дидойцы имели многовековые исторические (экономические, политические и культурные) связи с грузинским народом, особенно, с непосредственно контактирующими горскими племенами (тушины и хевсуры). Ареальные контакты между грузинскими горскими диалектами и дидойским языком существовали в течение длительного исторического периода. С этой точки зрения особый интерес представляет «Житие грузинских царей» («Житие Картли») Леонтия Мровели, двуязычные надписи и фольклорные предания.

О заимствованиях дидойской лексики в грузинском, и наоборот, отмечается в исследованиях И. А. Джавахишвили, А. С. Чикобава, Г. А. Климова, И. В. Мегрелидзе, Т. Е. Гудава, К. Ш. Микаилова, И. Х. Абдулаева, М. Ш. Халилова и др.

Лексические встречи между исследуемими языками обусловлены шестью факторами. В сравниваемых языках данная лексема:

1) восходит к третьему источнику: груз. ḳaṭa, дид. ḳeṭu (ср. рус. кот, англ. cat «id».) «кот», «кошка»;

2) генетически имеет общее происхождение: общедаг. *ḳwe-da/la: общекартв. *dKwi-b «два»;

3) заимствована из одного языка в другой: дид. uji > груз. vaji «сын»;

4) имеется типологическое сходство: лат. tibi (дат.), ср. дид. debe-r (дат.) «тебе»;

5) является звукоподражательной и сформирована сомостоятельно: дид. kuku, ср. груз. guguli «кукушка»;

6) принята в результате обратного заимствования: ав. torax˜ > груз. karaqi (ср. арм. karag) > беж. Karaki «масло».

Следов языкового влияния грузинского языка на дидойский язык больше, чем на другие дидойские (resp. цезские) языки, что отразилось в основном на уровне лексического заимствования. Соответствующие лексемы заимствуются как с одной стороны, так и с другой:

а) лексика, заимствованная из грузинского языка: дид. koboro, ср. древнегруз. qwimiri (хевс. диал. qumbura) «мельничная воронка», дид., гин. loko «навоз», ср. хевс. диал. loqi «грязь» и т. п.

б) из дидойского языка проникли следующие лексемы: дид. bel‘i «дикое животное», ср. груз. bitla (хевс. диал.) «тур до пяти лет», дид.

žek-a «бить», ср. груз. ga-zekv-a «сильно бить», дид. ’eč! (I кл.) «подажди!», ср. туш. диал. eč! межд. «ого!» и др.

Заимствованные слова более или менее отличаются по семантике, что иногда основывается на аналогии. Что же касается фонетической адаптации дидойских заимствований в грузинском, они реализуется по разному: а) интенсивные согласные передаются неинтенсивными коррелятами; б) латеральные транслируются двумя графемами: l‘, l´ > Tl, t´ > tl; в) звонкий спирант > 0, глухой спирант h> > h; г) сонанты: палатальный □j > i, билабиальный … > v; д) ларингальный смычный > 0 и т. п.

Литература:

1. Язык фольклора: хрестоматия / сост. А. Т. Хроленко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 224 с.

2. Языки Дагестана / под ред. Гамзатова Г.Г. – Махачкала: Офсет, 2000. – 553 с.

УДК 8. 80.801

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПОЭМАХ (1920-30 годы XX века)

Я. Т. Аскерова
Института литературы им. Низами Гянджеви НАНА,
Азербайджан

Статья посвящена актуальной в литературоведении проблеме взаимодействия народного творчества с эпической поэзией 20-х годов XX столетия. На основе теоретического исследования рассматриваются конкретные произведения различных поэтов, специфика художественных приемов и основные движущие силы эволюции национальной поэзии. Фольклорные традиции наблюдаются в строении сюжета, в лексической системе, в особенностях народного мышления.

Ключевые слова: *фольклор, поэмы, народное творчество, традиции, эпическая поэзия.*

The article is devoted in literary studies to the problem of interaction of folk art with the epic poetry of the 20s of the 20th century. On the basis of theoretical research, specific works of various poets, the specifics of ar-

tistic techniques and the main drivers of the evolution of national poetry are considered. Folklore traditions are observed in the plot structure, in the lexical system, in the peculiarities of folk thinking.

Keywords: *folklore, poems, folk art, traditions, epic poetry.*

В 1923-м году, после утверждения советской власти в Азербайджане начало свою деятельность «Общество обследования и изучения Азербайджана». В его работе принимали активное участие такие ученые, как Ханафи Зейналлы, Вели Хулуфлу, Бекир Чобанзаде и Амин Абид, они занимались сбором фольклора, писали статьи о жанрах народного творчества. Ими впервые была разработана теория фольклора, в попытках организовать эту работу, они собирали экспедиции в регионы республики. В результате пропаганды этой работы, повысился интерес к фольклору, к поэтическим образцам 23-30-х годов. Часто наблюдались попытки передовых поэтов использовать богатый опыт фольклора на простонародном языке, тенденции к использованию ашугского стиля, распространению дастанов, сказок, пословиц и поговорок.

На самом деле отношения поэта и писателя с фольклором связаны с личностью человека, его отношением к родному языку, его любовью к стране, в которой он вырос, историей и чувством родины, находящемся в его разуме и сердце. Эта информация, скрытая в слоях подсознании творческих личностей, следует за ними по мере раскрытия формы и стиля произведения, рифмы и интонации, последовательности каждого слова, имен, событий и др. Советизация не помешала этому процессу, особенно в отношении языка и стиля в творчестве талантливых художников.

Можно проследить до мельчайших деталей примеры стихов, написанных в 20-30-х годах, в основном из фольклора, различных жанров устной литературы, художественного выражения. Мы видим, что в тридцатые годы эта тенденция была более актуальной в творчестве ведущих поэтов Г. Санылы, А. Джавада, С. Вургуна.

Истоки фольклора отражаются не только в названиях и содержании этих стихов, но и в обычных выражениях, во множестве топонимов, символов, в формах национального мышления, в словах пословиц, поговорках и фразах.

В поэзии 20-х годов особенно была популярна романтическая поэма Дж. Джаббарлы «Девичья башня», основанная на одном из многочисленных мифов о Девичьей башне. «Девичья башня» – единственное стихотворение Дж. Джаббарлы, написанное на историче-

скую тему в лирико-романтическом стиле. Было много легенд о Девичьей башне – одной из главных символов Баку. Имена, используемые в стихотворении, также являются символическими. Имя дочери шаха Дурна (журавль) в народной литературе встречалось как символ чистоты и недоступности. Дж. Джаббарлы сумел нарисовать художественный портрет, прекрасно изображая чувства и волнения Дурны. Содержание поэмы является удивительным выражением любви отца – шаха к дочери. Гантемир – жестокий, тиранический и властный правитель. Его любовь к дочери заключается в том, что он не способен на более высокие чувства, и что в его жизни нет никакого табу. Р. Юсифоглу рассматривает это произведение как «поэму-легенду, поэму-повествование»: «Большая часть стихотворений, созданных в азербайджанской литературе XX-го века, была создана в виде легенд. В этих трудах авторы либо брали фольклорные мотивы, использовали народные сказки, легенды, либо пытались выразить свои литературные выдумки с помощью мифов, легенд и сказок». [5, с. 66-67]. Однако, представляется сомнительным принадлежность, этого предания к азербайджанским легендам: «Легенда, отражающая содержание произведения, была впервые опубликована в «Дорожных записях» на Кавказе в 1852 году» [7, с. 100]. Как известно, стихи Джаббарлы «основаны на легенде латышского поэта Павла Роозитиса и русского поэта Михаила Ларскина» («Мифологические источники и художественная истина». А. Рустамлы).

Ясный язык, спокойный стиль и ритмичность стихотворения, как по форме, так и по содержанию, способны пробудить в каждом читателе искренние чувства. Растущий интерес к фольклору преподнес Г. Санылы, который хорошо знал деревенскую жизнь, широкий спектр тем и свобод. Т. Акимова отмечает, что, «очень часто встречаются формулировки в виде афористических, пословичных выражений» [1, с. 393]. В стихах поэта содержится много диалектизмов, архаических слов и фитонимов. Но более века спустя все более очевидной становится важность информации и конкретных деталей, которые могут быть использованы при выяснении значения этих архаических слов и выражений, тем самым обогащая нашу культуру, язык, этнографию. Чрезмерная увлеченность народной эстетикой не умаляет ценности произведений Г. Санылы, этим он дает жизнь живому и богатому стилю народного творчества в письменной литературе. Известно, что Г. Санылы обладал просветительскими идеями еще до революции и даже публиковал свои книги. Проявляя интерес к народному творчеству, он исследовал фольклорные образцы и жанры практическим об-

разом, а также использовал их в своих художественных произведениях. В богатом поэтическом творчестве Г. Санылы («Наша деревня – аранское кочевье» (1924), «Конец угнетения» (1927), «Новруз и Гулара» (1929), «Тургутские беженцы» (1932)) использовано большое количество средств художественного выражения.

Деревенская жизнь предоставила Г. Санылы свободу самовыражения и красочность художественных тем. В его поэмах изображены труд созидающих людей, народные традиции, национальные особенности народа, начиная с одежды и заканчивая мышлением. От поэмы «Кочевье» веет спокойствием, счастьем и живительной энергией. В поэме присутствуют присущие азербайджанскому народу юмористические сцены о жизни простых трудящихся, которые порой попадают в неловкие ситуации. Идиллическое описание деревенской жизни приводит в удивление, насколько игриво и легко изображает их Г. Санылы. Описание деревьев, растений, животных поражает своей точностью. В поэме встречаются забытые в наше время операции людей с животными, информация о приготовлении и хранении молочных продуктов, а также хлеба и разных национальных блюд. Но это все передается ритмичным, сладким, простонародным повествованием. Даже в произведениях, отражающих советскую идеологию, Г. Санылы сумел сохранить свой естественный стиль.

Стремительная эволюция поэм в 20-30-х годах свидетельствует о том, что основы азербайджанского стихотворения, которое будет создано в будущем, были заложены на прочных фольклорных основах, и что поэма находилась в новом процессе становления.

Литература:

1. Акимова Т. О поэтической природе лирической народной песни. – М., 1986, –393 с.

2. Əhmədov Bədirxan. XX yüzil Azərbaycan ədəbiyyatı. – Bakı: Elm və təhsil, – 2015.

3. Babaxanlı Gülbəniz. Qurumayan budaqlar. (1920-30 cu illər Azərbaycan poemalarının qaynaqları) – Bakı, – 1995, 151s.

4. Babaxanlı Gülbəniz. Azərbaycan epik şeiri və klassik irs (1920-50–ci illər) – Bakı, – 1997.

5. Rafiq Yusifoğlu. Azərbaycan poemaları. – Bakı: Elm, –1998.

6. Sanılı H. Seçilmiş əsərləri, – Bakı, – 1993.

7. Эфендиев П.С., «Джаббарлы и народное творчество», – Баку: Принтер, –1985, с. 100.

УДК 811.35

О ЦЕНТРЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Б. М. Атаев
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
ДФИЦ РАН, г. Махачкала

Сохранение общего культурного и образовательного пространства в едином государстве невозможно без решения проблем неконфликтного языкового и культурного сосуществования проживающих в нем многочисленных народов. В данной статье анализируются многоплановые, многоаспектные проблемы новой языковой ситуации.

Ключевые слова: *новая языковая ситуация, социолингвистическая парадигма, языки Дагестана*

The preservation of a common cultural and educational space in a single state is impossible without solving the problems of non-conflict linguistic and cultural coexistence of the numerous peoples living in it. These problems are multifaceted and multifaceted and must be addressed in a comprehensive and systematic manner.

Keywords: *the new linguistic situation, of the sociolinguistic paradigm, languages of Dagestan*

За последние годы в Российской Федерации сложилась новая языковая ситуация: произошло правовое закрепление статуса титульных и нетитульных языков в некоторых субъектах, сформировалась новая социолингвистическая парадигма. Изменения произошли не только в статусе названных языков во многих субъектах Российской Федерации, но и в сфере функционирования государственных и региональных языков на некогда едином общественно-политическом и экономическом пространстве, в характере культурно-языковых отношений народов огромной многонациональной России. Изменилась сама типология культурно-языковых контактов народов России.

Все это требует от ученых - лингвистов, этнологов, культурологов, политологов - не только осмысления происшедших перемен, но и выработки новых подходов к решению культурно-языковых проблем, новой методологической основы для исследования и теоретического обобщения культурных, языковых, социолингвистических и этноязыковых процессов сегодняшнего дня. В контексте международных правовых актов, и, прежде всего Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств Совета Европы, возникла потребность

в решении неотложных задач, в первую очередь соблюдения права негосударственных языков на свободное использование родного языка в сфере культуры, образования, социальной и экономической жизни, без чего невозможна реализация общеевропейской стратегии сохранения и поддержания культурного и языкового многообразия.

Сохранение общего культурного и образовательного пространства в едином государстве невозможно без решения проблем неконфликтного языкового и культурного сосуществования проживающих в нем многочисленных народов. Эти проблемы многоплановы, многоаспектны, и решение их должно осуществляться в комплексном и системном виде. В первую очередь необходимо координировать усилия ученых-лингвистов и специалистов других областей знания, сопряженных с культурно-языковой проблематикой, для решения неотложной задачи – выработать единую комплексную программу плодотворного сотрудничества языковедов, преподавателей, других специалистов сферы образования в деле исследования, обучения и распространения знаний о языках и культурах народов Дагестана.

Первым существенным шагом в этом направлении могло бы стать создание при Дагестанском федеральном исследовательском центре РАН (ДФИЦ РАН) и ДГУ совместной организации по сохранению и развитию языков и культур народов Дагестана - Регионального центра языков и культур народов Дагестана**.**

В учредительных документах Регионального Центра могли бы быть обозначены основные функции такой организации. К ним, например, могли бы относиться:

– подготовка рекомендаций по основным направлениям фундаментальных и прикладных исследований языковых, культурологических и этнологических проблем РД;

– системное и оперативное изучение культурно-языковой ситуации в регионе, координация разработки и осуществления совместных научно-исследовательских и образовательных программ с соответствующими научно-исследовательскими и образовательными учреждениями региона;

– исследование процессов развития взаимосвязи национальных культур и языков РД, их функционирования и взаимодействия,

- изучение проблем двуязычия и многоязычия, функционирования государственных и бесписьменных языков, развития национальных систем образования в области изучения и преподавания этих языков;

– создание информационной базы данных в вопросах изучения языков и культур РД.

В дальнейшей перспективе может быть разработан и комплексный план работы Регионального Центра в области изучения и сохранения языков и культур народов Северо-Кавказского федерального округа (ЦИЯК СКФО) как базовой организации по языкам и культурам народов Северного Кавказа РФ.

Проблематика деятельности Регионального центра в этом направлении могла бы быть нацелена на исследование актуальных вопросов функционирования государственных и бесписьменных языков указанного федерального округа, укрепление исторических традиций взаимодействия их с русским языком как государственным, международным и языком межнационального общения в новых общественно-политических условиях сегодняшнего времени.

Предполагается включение в основные направления деятельности Регионального центра исследование следующих проблем:

– языковая ситуация и языковая политика в Северо-Кавказском федеральном округе РФ;

– двуязычие и многоязычие;

- законы о языках и их соответствие международным законодательным актам о языковых правах;

– русский язык в регионе: от реального - к правовому двуязычию;

– русский язык как государственный язык Российской Федерации, его функционирование в едином образовательном пространстве;

– национальные языки и культуры региона; культурно-языковое взаимодействие на пути к толерантности;

– мировой опыт решения культурно-языковых проблем в многонациональных сообществах.

Основная идея проекта состоит в том, чтобы предложить:

– проведение фундаментальных и прикладных исследований;

– подготовку специалистов по языкам и культурам народов РФ;

– повышение квалификации специалистов и подготовку научно-педагогических кадров путем организации различных форм послевузовского образования (в том числе аспирантуры и докторантуры), проведение научных и учебно-методических семинаров;

– развитие и углубление сотрудничества с научными организациями и образовательными учреждениями субъектов СКФО в целях создания информационной, интеллектуальной и учебной сети нового Содружества;

– разработку, апробацию и распространение научно-исследовательских и учебно-методических материалов и т.д.

Думается, что предложения по созданию Регионального центра – шаг вперед в становлении конкретных структур, способствующих объединению на деловой, профессиональной основе усилий лингвистов, филологов, культурологов и политологов по обновлению некогда единого гуманитарного пространства Южного региона РФ.

Мы считаем, что пора в этой связи перевести решение вопроса о создании единого образовательного пространства с вертикального уровня на горизонтальный, т.е. предоставить возможность профессионалам-практикам субъектов СКФО на согласованных условиях развивать сотрудничество по языкам и культурам народов, населяющих Северный Кавказ. «Региональный центр языков и культур народов РФ» мог бы взять на себя координацию этого сотрудничества и определение наиболее эффективных направлений делового взаимодействия на всем пространстве СКФО.

Создание Регионального центра языков и культур народов РД будет способствовать продвижению интеграционных процессов в сфере науки, образования и культуры с преимущественным вниманием к изучению языков и культур народов Северного Кавказа на взаимной основе. Отношение к русскому языку и культуре в субъектах СКФО значительно улучшится, если в ДФИЦ РАН и в ДГУ начнут проявлять практический интерес к тому, что происходит в культурной и языковой жизни республик Северного Кавказа. Тем самым в СКФО должны быть обеспечены условия для того, чтобы россияне не оказались в языковой и культурной изоляции: незнание языков соседей, каждый из которых представляет свое богатство, может пагубно отразиться на всех сферах межэтнических отношений. Это хорошо поняли западные политики и государственные деятели, осуществляя новую стратегию в области языков и культур республик бывшего СССР. В ряде университетов США и Западной Европы открыта специализация по языкам и культурам стран бывшего СССР.

Как известно, так называемая модель догоняющей модернизации продемонстрировала свою неэффективность. При создании Регионального центра нам нужно исходить не из «догоняющей» модернизации, которая, в конечном счете, может привести к потере традиционной культуры, а из осознания того – что этот Центр может стать новым компонентом культурной жизни субъектов Российского Кавказа, влияющим на социальное и национальное равновесие в РФ, основанное на синтезе культур и исключающее какую-либо дискриминацию в области языковой культуры.

Стремление народов СКФО к взаимопроникновению культур невозможно без перехода интеграционных процессов, прежде всего в гуманитарной сфере, на новый качественный уровень. Именно на это должны быть направлены наши усилия по созданию в будущем Центра языков и культур народов всего Северного Кавказа.

Литература:

1. Атаев Б. М. Миноритарные языки Дагестана: статистический обзор и особенности функционирования // Вестник ВЭГУ, № 3. Уфа, 2015. С. 77-84.

2. Атаев Б. М. The role of Bible translation in preserving the languages of Dagestan // Language vitality through Bible translation. New York, 2015. P. 207-216.

3. Атаев Б.М. Языковая ситуация в Дагестане: история и развитие // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Международная конференция: доклады и сообщения. /Отв. ред. Г.А. Дырхеева, А.Н. Биткеева и др. Улан-Удэ: Институт языкознания РАН, ИМБТ СО РАН, 2019. С. 129-132.

4. Гасанова С. Х. Родные и государственные языки в коммуникации: тенденции сохранения и развития // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 567-569.

5. Гасанова М. А. Языковой ландшафт дагестанского города как концепт культуры (пилотные исследования кейс-технологического проектирования) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2018. Т. 12. № 1. С. 82-88.

УДК 811.22

COPMARTIVE STUDY OF PERSIAN LANGUAGE AND CREDENCE PATTERN IN TRADITIONAL FOLKLORE STORY IN IRANIAN TAZIEH

A. A. Lichaei
University of Guilan,
Iran

"Each of the first ten days of Muharram is the occasion for the staging of different performances depicting the death of each of the relatives and supporters of Imam Hussein? Typically on the day of Âshurâ a synoptic

performance is given where all of the martyrs' deaths are presented in a single recounting**.** Usually first night they performed Taziyeh of begin of Imam Hussein journey to Karabala. Gabriel and another angles from god is come and they want to he will be martyrdom in Ashura. This small story introduces love of god to Imam Hussein. This fact of circling of Muharaam in the year it is set Muharaam one year is summer and another year is winter and Taziyeh has different situation for established especially in Iran and Georgia like some word in opioun of Georgi Eristavi (1811–1864) . Every Taziyeh has time between two or three hours in the night and every 45 minute one Ruzeh khan (who sing sad music) sing a mourning song about that night story and suffering of Imam Hussein and his family.

Keyword: *Muharram, Taziyeh, expressions of sympathy, Iran, Georgian culture*

Introduction. Taziyeh Is ten night performance and every night different story is performed but each night we be closer than to suffer martyrdom Imam Hussein and last night is that top of mourning and cry for him. Imam Hussein with 72 of his closed friend and his family is the based of story of Taziyeh.

Taziyeh is the condolence drama and folk theatre that performed with sad music and voice of mourning of audience for this event and this is most important tragedy for one way of Muslim name is Shiite. Taziyeh has religious symbolic epic like Aboulfazel. He is cousin of Imam Hussein he bring water for Imam Hussein family with his teeth because his enemy was cutting his hands in the fight.

After Imam Hussein and his family suffer martyrdom in Muharram all of his adherent and favor his opinion every Muharram make one special occasion including mourning ceremonies. One of the famous is Taziyeh and it is in Iran traditional and folk dramas performance for mourning. Every night, after pray in the common place like Midan and mosque or Takiyeh everybody has well voce is come and select one small rule for itself in Taziyeh. In Iran and more Arabic countries everybody wants to come for mourning ceremony he should to wear block dress and block cloth. That is mean he is very sad and feeling sorry. In Taziyeh also everybody is sad and all audience wear block. Taziyeh is very near to classical theatre in the world for example Taziyeh has costume, make up, rule, text, scene, stage, time, space, director, actor…But one of important difference is there that is people and audience before performed Taziyeh, they know about full story and they come only for see and mourning and clean his inside «Ta'zieh or Shabih-Khani is one of the oldest and most authentic tradi-

tions of theater in Iran. It is a kind of theater is based on agonizing life stories and fables of Shiite Imam Hussein.Although religious theatrics is at its inception, Ta'zieh soon thereafter encompassed other forms of Folklore, thus assuming an entertaining characteristic». After Imam Hussein and his family suffer martyrdom in Muharram all of Shiite will be angrier from another group of Muslims (Sunni) that way they are sad he martyrdom in unlawful time and this is mistake of Yazid (enemy of Imam Hussein) that he starts war in this month. Best time for performed Taziyeh is 1st Muharram till 10th but this is depend on which area and which kind of Shiite wants to performed it for example Indian Shiite in Kashmir 2 days before Muharram is come started to performed and till 7 days after Imam Hussein martyrdom that is mean 17 Muharram every years and in Rasht North of Iran they performed Taziyeh from one day before Muharram till to only 2 days after Imam Hussein martyrdom. Taziyeh is the religious performance from practiced in Iran. Origin The word Tazieh is from Arabic language and its root word is Azaa The word Taziyeh literally means mourning and consolation after death. "The word Taziyeh literally means expressions of sympathy, mourning and consolation. As a dramatic form it has its origins in the Muharram procession commemorating Hussein's martyrdom and throughout its evolution the representation of the siege and carnage at Kerbela has remained its center point. In Farsi, the word refers to mystic plays dating back to the tragic beginnings of Shiite history, with all its rudeness and bloodshed at Karbala 14 centuries ago. Another name for Taziyeh is Shabiyeh Gardani (portrait turn round) and Shabiyeh Khani (portrait sing) it is on the basis of story and fiction and narrative of life and tragically and event and hardship of Imam Hussein and hard time he had in Muharram (first month of Arabic calendar). Muharram in Arabic calendar is changed to season by season on the year. that mean is one year for example Muharaam is 10th December and next year 10 days is moving and is come 20th December. This fact of circling of Muharaam in the year it is set Muharaam one year is summer and another year is winter and Taziyeh has different situation for established especially in Iran. Every Taziyeh has time between two or three hours in the night and every 45 minute one Ruzeh khan (who sing sad music) sing a mourning song about that night story and suffering of Imam Hussein and his family. One week before the Muharram every shop and market has a block flog in his wall and somebody wear block cloth but this is depend on state in Iran and a few suttee wear block dress from first day in Muharram. In Muharram not only Taziyeh some many ceremony of Ashura starts with big drums, horns, banners, portraits of Hussein, large paintings, actors with costumes and the whole shebang to

capture the mobs hearts and in every street they established one big Takiyeh. Muharaam is the holy month for Shiite because in Muharram Imam Hussein and his party were ambushed by Yazid's troops and forced to swear an oath of allegiance to the Sunni leader as the price of their freedom. Tradition has it that this took place on the first day of the month of Muharram. For ten days, Hussein's company was cut off from water in the scorching desert of Karbala. Despite the knowledge that his supporters in Kufa had abandoned him after being terrorized by Yazid's army, Hussein refused to take the oath. On the tenth day, after an intense battle, all the male members but one of Hussein's parties was savagely killed. Their heads were cut off and taken as trophies to Yazid in Damascus, while the female members of the party were taken hostage. The battle at Karbala and its aftermath precipitated the definitive schism of the Sunni and Shiite Islamic branches.

In Muharram those days is important first day, 9th all male of Imam Hussein family martyrdom, 10th Imam Hussein martyrdom and his female family was sent to shaam (capital of Sunny in that time) 13th Zinab sister of Imam Hussein addressing for all of Muslim in sham, 17th is seven days after Imam Hussein is martyrdom and is holy day for Shiite. Time for performed Taziyeh mostly is Muharaam but in depend on situation of group suppose in Muharram of people of all of level is come for performed Taziyeh and this is spiritual reward but we have professional Taziyeh group that they live and they performed for money.

Professional Taziyeh group doesn’t have certain time and they performed for invitation in people house or in grave for make happy death spirit. Usually in Iran we have 3 time ceremony after die 3rd, 7th, and 40th. People believe it if performed on the grave his or her soul will be happy.

In the 19 century after influence western Theater in Iran few group established for Happy Taziyeh that means they wants to show religious happy story of Shiite to audience. They select happy story from Prophet Muhammad life and his family for example wedding of daughter of Prophet Muhammad with Imam Ali in Taziyeh. Taziyeh is a ceremony held in the month of Muharaam, every performed between 2-3 hours and to mourn the tragedy of Ashura, which took place on the 10th day of Muharaam when Imam Hussein, the third Imam of Prophet Mohammad infallible household was martyred in Karbala along with his 72 companions in an unequal battle with the ruler of the time. Performances may be long or short, but they often take place all day, particularly on the ninth and tenth days of the Islamic month of Muharram, called Tasuâ and Âshurâ respectively, the latter being the day of the martyrdom of Imam Hussein. Research method. Every-

body can performed Taziyeh because this is such as pray for God and his prophet Muhammad and his grandson Imam Hussein and suppose all of members live in the villages it depend on his face or his size director select that who also is one of elder of members of village. Female rule is forbidden to give to women's because in Islam and exclusively in Shiite women cannot sing song and it has sin for them. "Performers in women's parts wear baggy black garments which cover them from head to toe. Since female roles are played by men, the voluminous robes and veils also provide concealment. Women rule performing with men and they play such dramas, once dispersed throughout the Iran, has been paid attention since the150 years ago. Those men (women) have been well thought of by people although they have sometimes been banned from performing any plays during these years due to religious reasons. Imam Hussein rule or another character is not fixed for anybody and my be director change it for next year but director chose everybody with his ability and actors were chosen for their physical attributes. Protagonists playing Hussein for example, were expected to be tall with broad shoulders and fine beards for people.

In Taziyeh who is writer in Persian language called Maghtal Nevis he has to be emotion and fundamental person and he show so many scenes that doesn't have any real background. He wants to cry and touched audience more. In Taziyeh who is director in Persian language called Nazem al Boka he is also stage director and he has to manage all of rules and time space and costume and make up or rhythm of song in dialogues. Taziyeh performed 150 years back with government helping for established for people and they pay money for custom and all tools on the stage. Argues the resistance of the clerical is class to Ta'ziyeh performances may have been more professional than ideological. The Ta'ziyeh provided an outlet that, though religious, was more [popularly] favorable than the religious instruction Given by the religious person. The first famous judgment was given by Mirza Abul-Qasem ibn Hassan Gilani who died in 1815-16 CE. He was one of the most important religious authorities of the Qajar period and well respected by the Shah and his ministers. In answer to the question of whether it is "lawful on the days of Ashura to play the roles of the Imam or the enemies of the Family of the Prophet in order to induce the people to weep?" he issued a fatwa (religious order) for Taziyeh."

Children rule is available in Taziyeh because Imam Hussein has a son is six month years old that who martyrdom in karbala named is Ali Ashghar and he has nephew and niece. Usually 4 or 16 kid play those rule almost that time Imam Hussein family after Ashura went to shaam(Syria). For example hundred years back in Rasht (north of Iran) a Taziyeh group

name is Samsaam. It use 16 kid for all children rules for performance one the stage for that scene they are captive. Usually children between 12 to 14 years old performed female rules in Taziyeh because they have body like women and his voice is such as ladies. They used Borgheh (face covered) to hidden his face for audience.

"This could and did cause casting problems, however, since a fine singing voice was necessary to complement the pleasing physique of a hero. Young boys with good vocal skills who began by playing girl's roles in the *Taziyeh* khaani or Shabiyeh khaani, often assumed the parts of young men after their voices changed. If a young actor did not attain the stature deemed compatible with a heroic part or if his voice retained a feminine quality, he would continue to play female characters. Baani is the producer for Taziyeh. He is a rich of shopkeeper in that area and he is very well-known for people and he has to never time used drink and any of evil work in this street or locality.

He has to come before starting or begin of Taziyeh and say some word about this group and he swear in front of people all of things in this Taziyeh is for him and nothing is unlawful and he has to bless for members and people is come and curse to Imam Hussein enemies. Every night he has to come on the stage and say some word and addressing for people and curse to Yazid and bless for Imam Hussein family and everybody fallowing him this word name is Hadis kardan. Nosekheh khan is name of everyone wants to be actor and everybody wants to performed but they have to say some dialogue if not and only on the stage sit or walking same friend of Zinab they call him Nash. He is only mere numbers and noses on stage. Zan khan is that one play female actor like Zinab and mother of Ghasem, bride, Huriyeh…Bache khan is somebody is kid and children only for show that Yazid soldiers are very cruel and they killed kids on war. Discussion. Mazlum khan is somebody of Imam Hussein friend and his following in Karbala and they wear green color on the stage. Ashghiaa is those actor they performed on the stage rule of enemy for Imam Hussein and evil personality for fight but one things is wonderful before Taziyeh has been started .they come on the stage and curse to him because they are sad and apologize from god ,they performed this rule.

Everybody is performed has to sing song all of his dialogue because they have to be well voce for delivery dialogue. Everybody play some rule of Imam Hussein friend has to sing some song very sad and sorrow and worry but for Imam Hussein enemy this is very happy music and more laughing and his voce is very strong. In Muharram every avenue or street has Takiyeh two or three some time more that this. This place is not need

to help from government in till history. Somebody in the year has vow or oblation. He or she keeps it in his pocket till to Muharram after that pay for Takiyeh (small house and temporary for mourning). Every Takiyeh has two ways has for organized Taziyeh for mourning in this avenue or street: First way it chosen that his mangier select somebody they like performed Taziyeh and teach grammar of singing or delivery dialogue. More Taziyeh in Muharaam in Iran is like it and we call itself determined group. Second way is that Takiyeh invite a professional group from another famous Takiyeh. This way is more expensive for people live on this street but in the high class area maybe is happened. Taziyeh help to remember all happen in Muharram because somebody believes it history is repeat in during the time. That is means they says every time maybe Ashura event and myrmidon for Islam come back again and for all the time New Yazid is there and we need new Imam Hussein for fight with somebody in darkness. Religious leader try to remember it for people. They wants every year people cry for Imam Hussein and curse to his killer for example Yazid and Umma. "Taziyeh became a vehicle for expressing this vital and important concept of free will. As we had mentioned earlier, public Taziyeh originated in the efforts of Shiites to assert their political rights and draw a connection between the tyranny and oppression suffered by Imam Hussein and that suffered by them. Having a similar situation requires acting in a similar manner. So, out of the Taziyeh (mourning) movement arouse a theatrical representation of the events at Karbala, called Taziyeh Khani (a drama for mourning). This has been one of the greatest weapons of the Shia throughout the years for inspiring resistance against the oppressors and renewing our bonds of faith and faithfulness to Islam. The justice of Allah has always been one of the pillars of belief in Shiite Islam. Allah is just and no injustice can be attributed to him. The opinion of many of our great Islamic scholars has likewise supported the Taziyeh performances for Allah. Another benefit and answer for why performed Taziyeh of Imam Hussein also creates a continuity of experience between the Muslims and their leaders, making each generation feel as if they were with the Imams and the Prophet Mohammad.

Taziyeh teach to all of Muslim and Shiite that the central theme of these plays is the conflict between good and evil, or right and wrong, persevering for the belief of Heavenly Justice. The protagonist of a Taziyeh prefers death over life lived under oppression.

Ashura today consists of the remembrance and performance of this bloody day's events, and the details around it. Hussein is seen as a symbol of bravery and ultimate martyrdom in the face of injustice, a powerful

theme which re-presents itself in various forms, through the epochs. The tragedy was back the death of Imam Hussein and his male children and companions in a brutal massacre on the plain of Karbala, (about 60 miles south of modern day Baghdad in Iraq) in the year 680 AD. In every Taziyeh we have religious myth and narrative is in the poem language and audience has background knowledge about religious stories if not they cannot understand more of allusion and element and symbolic sentences. Taziyeh doesn't show only a religious story and pivot for tazyeh is continue of life in war between divine by counting beads at random that is means good and evil. Main rule in Taziyeh prefers to death in under sovereignty of oppressor in life but all of champion in Taziyeh doesn't show this image in power. They do cry more for sympathy. Paradise is most important for Taziyeh champions they show it value in war between good and evil and they try to respect for human moral distinction and major rules can decided. Ancient Iranian rituals and ceremonies are at the root of Taziyeh, specifically Soog-e-Syavash (a sacred theatrical mourning ritual). Syavash was an Iranian mythological hero whose destiny was marked by tragedy and destitution.

Upon his death, a mesmerizing hymn commemorated Syavash's sad tale. The hymn maintained its importance up to the 3rd century (Hejri), apparently from the All-e-Booyeh Dynasty and on. As a result of the growth of the Shi'ite movement it became a part of the Shiite Persian ritual. During the Safavi-yeh Dynasty (10th century), Taziyeh's popularity grew tremendously as it took a more theatrical form; by the end of the Zandi-yeh Dynasty (11th century) it taken on a form approximate to its contemporary one."(Peter Chelkowski, Taziyeh: The Total Drama, Moscow Publish, Moscow, 1987, p131). In Taziyeh we have big glorious portrait of the loving those Myth like Abolfazl Hazrat Abbas (Hussein's right hand and his uncle). These portraits are pure fictional and far from historical realities Abbas had his both hands cut off by Yazid in battle yet still was fighting with his teeth. More tradition has it that this took place on the first day of the month of Muharram. For ten days, Hussein's company was cut off from water in the scorching desert of Karbala.

Conclusion and Results. We can see despite the knowledge that his supporters in Kufa had abandoned him after being terrorized by Yazid's army; Hussein refused to take the oath. On the tenth day, after an intense battle, all the male members but one of Hussein's parties was savagely killed. In karbala his head were cut off and taken as trophies to Yazid in Damascus, while the female members of the party were taken hostage. The

battle at Karbala and its aftermath precipitated the definitive schism of the Sunni and Shiite Islamic branches.

The Prince of Martyrs (Hussein) death does not always conclude the essential Taziyeh repertory. Performances may continue after Ashura to depict the sorrowful destiny of the female members of Hussein's family who were taken as captives to Damascus. Yazid and Shemr killing all of Shiite myth this is show to us he is most evil person for Shiite all and he kill Seyeds (Descendants of Prophet Mohammed). After Shemr was beheading Hussein and killed his young son Yazidis capturing Hussein's family to shaam Zeynab myth the women and Seyedehs fighting with evils, covered with chadors on their heads and Neqabs (cover) on their faces in Taziyeh and she is Mythical Shiite Bull Shiite stories. All element of Taziyeh did develop political and cultural themes but all performances hark back to the martyrdoms at Karbala, especially of Hussein, the grandson of Prophet Mohammad. Because Shiites revere Hussein's death as redemption and consider participation in Taziyeh, either as actors or spectators, as pious acts that would gain them intercession on the Day of Judgment, the dramas remain magnetic. Taziyeh in History has different event for example during Second World War and for many years thereafter, the political and social conditions did not allow for public recitation. Hence, the devout Shiite held private ceremony. The first Taziyeh so many religious leader thinking was held by Imam Hussein's sister, Seyyeda Zainab and his son, the fourth Imam, Zainul Abideen.

Taziyeh can be found in the stories of pre-Islamic heroes, Rostam and Siavash. Stories which are, at heart, legends from Zoroastrian times handed down through Ferdosi’s Shahnameh. Perhaps the habit of eulogizing heroes simply got transferred. Another sign of non-Islamic influence is the imagery – fantasy portraits of the Imam Hussein full-bearded but with glowing almond eyes, almost feminine – an unquestionably Persian beauty." Conclusions. So at last, many my non Iranian friend ask me that what the purpose of crying for people who lived and died 1200 years ago? Suggesting we forget all about it and move on. To do this would be to forget about Islam. In fact, crying for Imam Hussein is so desirable, that it equated with the rewards of worship of Allah. Never time Taziyeh has divorce any element of religion from itself:

"Taziyeh has never lost its religious implications. Because early Shiites viewed Hussein's death as a sacred redemptive act, the performance of the Muharram ceremonies was believed to be an aid to salvation; later they also believed that participation, both by actors and spectators, in the Taziyeh dramas would gain them Hussein's intercession on the day of the

Last Judgment. Imam Hussein is one of the intermediary and communicating between Allah and people. They wants to resort with Taziyeh to be clear his any sin but if they mourning for Imam Hussein, Allah forgive them. Taziyeh with sorrow song and some sad sentence can do it. Islam is the world's second largest religion with a world following of one billion people but we don't have more kind of Islamic drama in the world. Taziyeh is the first Theatrical religious drama with all of tools. Taziyeh is a belief performance and all of things for preparer it is come from people and everybody with love has bring food and all the things performer need on the stage. Some time who has any good voice who has any instrument in the year for accepted and granted between people is come and help to Taziyeh group and they has to be participating. After Islamic republic revolution in Iran all of Taziyeh performer had been very happy because in past time any government doesn't like religious performance and this revolution had changed his life. But after revolution so many of Iranian religious leader does give any permeation to Taziyeh group for performing because they thinking Taziyeh is disrespect and dishonor to Islamic heroes.

References:

1. Bandura, A. (1999). A socio- cognetive analysis of substance abuse: a gentic perspective analysisof substance abuse: a gentic perspective. *Psychological science*, 10, 204-217.
2. Collins, S. (2008). Statutory social workers: stress, job satisfaction, coping, social support and individual differences. *British Journal of social work*, 38, 1173-1193.
3. D Zurilla, T. J., & Goldfried, A. M. (1990). Development and Preliminary evaluation of the social problem solving inventory. *Psychological Assessment*, 2, 156-163.
4. Folkman, S., & Lazarus, R. S. (1984). The dynamics. F a stressful encounter: cognitive appraisal, Coping and encounter outcomes. journal of personality and social psychology. 50, 992-1003.
5. Galanter, M. (2006). Innovations: Alcohal & drug abuse, spirituality in alcoholism anonymous: psychiatric services, 57, 307-309.
6. Han, C. H., Yoon, J. S., sung. Y. H., Lee., S. Y., Kee, S. B., Lyoo, K. I., Renshaw, F . P., & Cho, C.S. (2008). A preliminary study: novelty seeking, Frontal executive Function , and dopamine receptor(D2) taql A gene polymorphism in patients with methamphetamine. Dependence.Journal of comprehensive psychiatry, 41, 387-392.

7. Kuntsche, E., Fischer, V. M., & Gmal, G. (2008). Personality factors and alcohol use: a mediator analysis of drinking motivets. Journal of personality and individual differences 45, 796- 800.

8. Lukasiewicz.M., Neveu, X., Blecha. L., Falissard, B., Reynaud. M., & Gasquet, I. (2008). Cognititve and behavioral effects pathways to substance- related disorder: a structural model approach exploring the influence of temperament, character, and childhood adversity in a national cohort of prisoners. Alcohol and Alcoholism, 43, 281-295.

9. Meijer, A. S., sinnema, G., Bijstra, O. J., Mellenbergh, J. C., & wolters, G. W. (2002). Coping styles and locus of control as predictors for psychological adjustment of adolescents with a chronic illness. social science and medicine, 54, 1453-1461.

10. Stephenison, M. T., & southwell, B. G., (2006). Sensation seeking, the activation model, and mass media Health eampaigns: current Findings and Future directions foe cancer communication. Journal of communication, 56, 38- 56.

11. Storey, J., & Billingham, J. (2001). Occupational stess and social work. Social work Eduction, 20, 659-69.

12. Trull, T. J., Sher, K. J., Minks- Brown, C., Durbin, J., & Burr, R. (2000). Borderline personality disorder and substance use disorders: A review integration. Clinical psychology review, 20, 235-253.

13. Vermeiren, R., schwab, S., & king, G. (2005). Suicidal behavior and violence in male adolescent. Journal of adolescence, 34, 123- 134

14. Zukerman, M. (1994). Behavioral expression and bases of sensation seeing. New York: Cambridj university press.

УДК 81-25

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

И.М. Багандова,
П.М. Габибуллаева
Дагестанский государственный педагогический университет,
г. Махачкала

В статье разграничиваются паремиологические единицы – пословицы и поговорки. Процесс разграничения пословиц и поговорок выявляется синкретизмом. Генетически и функционально у пословиц и поговорок много общего. В результате разграничения удалось выявить деривационный ряд паремиологических единиц.

Ключевые слова: *паремии даргинского языка, пословицы, поговорки, фразеологические единицы*

The article delineates the paremiological units - proverbs and sayings. The process of distinguishing proverbs and sayings is revealed by syncretism. Genetically and functionally, proverbs and sayings have a lot in common. As a result of the demarcation, it was possible to identify a series of paramyological units.

Keywords: *dargin language paresies, proverbs, sayings, phraseological units*

Одной из актуальных и до сих пор однозначно не решенных проблем и в языкознании, и в фольклористике является проблема разграничения пословиц и поговорок. Паремии иногда настолько сближаются друг с другом, что не все лингвисты разграничивают их различные понятия, а рассматривают как одну сигнификативную сферу под общими терминами «паремиологический фонд», «паремиологический минимум», «паремии» [1].

Факт значительной общности пословиц и поговорок неоспорим. Считается даже, что «для общей теории фразеологии совершенно не существенно, будут разграничиваться пословицы и поговорки или нет». Тем не менее, различия между ними есть, что дает основание полагать, что данные фразеологические объекты являются близкими, но не тождественными [2].

Процесс разграничения пословиц и поговорок довольно сложен по причине синкретизма, характерного им по природе. Генетически и функционально у тех и у других много общего. В результате деривационных процессов ряд поговорок возник из пословиц:

От пословицы:

Абдал гьамадли урухх1ейрар, амма урухвиалли т1ашаэс х1ейрар. Дурака нелегко запугать, а если запугаешь – не остановишь.

Произошла поговорка:

Абдал урухкуси ах1ен. Дурак не боится.

По мнению А. В. Кунина, признаком, позволяющим отграничить рассматриваемые фразеологические единицы, является присущий пословицам назидательный смысл. В поговорках отсутствует дидактический характер, что и отличает их от пословиц. А. В. Кунин определяет пословицы как краткие изречения обобщающего и назидательного характера, а поговорки - как коммуникативные фразеологические единицы непословичного характера [3]:

Анц1кьили висахъу, дигайли шадвирахъу. От печали плачут, от любви радуются.

Анкъилав гапик1усила, хъалчир арши иршусила хъу дерхъибти ах1ен. У того, кто хвастается у очага и на крыше сеет пшеницу, поле не расцветет.

За простотой смысла приведенных в пример пословиц угадывается философский подтекст с обобщенно-назидательным посылом.

Г. Л. Пермяков в своих исследованиях об отграничении пословицы от поговорки проводит анализ грамматической структуры рассматриваемых языковых единиц, называемых исследователем «клише» по трем признакам [2]:

- замкнутость = незамкнутость;
- частность = обобщенность;
- образная мотивированность = прямая мотивированность.

«Замкнутые единицы» - это пословицы, которым характерна устойчивость лексемного состава, замкнутость структуры узуальных вариантов, регистрируемых словарями:

Пагьмула вег1личив, къайгъила вег1 чедивиркур. Талантливого побеждает старательный [4].

Поговорки – это «незамкнутые» единицы, представляющие собой обороты с открытой структурой. Требуют распространения переменными компонентами:

Разидешла барх1и къант1си бирар. День радости краток;

Разити бурх1ни къант1ти дирар. Радостные дни коротки.

Классифицируя пословично-поговорочные предложения по степени обобщенности, можно выделить обобщенные и частные предложения. Поговорки лишены обобщенности – это свойство пословиц:

Сукникьянала хунжи мургьили ухар. Хурджины свахи сверкают золотом. Поговорка употреблена для характеристики конкретного случая (что именно хурджины свахи, а не хурджины всех).

Сунечи черуркъубси х1ясибли, мурул адам сегъуна саял вагьес вирар. По избраннице можно узнать мужчину. Пословица передает высокую степень абстракции (узнать любого мужчину). Лексическое значение пословицы как нельзя лучше раскрывает менталитет даргинцев, по адатам которых исключительно женщина отвечает за душевное состояние мужчины и уют в его доме.

Шангличиб кьулса халабаибси заманара бирар. Бывает и такое время, когда ложка больше котла. Пословица о том, что все в этом мире временно.

Еще одно основание для отграничения пословиц и поговорок по версии Г.Л. Пермякова – это мотивированность прямая и образная. К подтипу с прямой мотивировкой включены фразеологические единицы, смысл которых вытекает из смысла составляющих эти клише слов. Существенно то, что данная особенность не является непременным для выделения пословиц. Дело в том, что в пословицу входят единицы с буквальным значением всех компонентов, которые большинство лингвистов относят к пословичному фонду фразеологии: *Сях1бат таманбиубли г1ергъи делхъли булхъули х1ебирар.* После праздника не танцуют.

К подтипу предложений с образной мотивированностью относят фразеологические единицы, смысл которых непосредственно не вытекает из смысла составляющих эти клише слов, а связан с ним через образ: *Сунела азбарлизиб гьарил хя арслан-къаплан саби.* В своем дворе каждая собака чувствует себя львом. Лексическое значение пословицы многогранно:

1. В своем доме каждый волен поступать, как хочет;
2. В каждой семье свои порядки;
3. Каждый сам решает, как ему жить.

Литература:

1. Аничков И. Е. Идиоматика идиом и идиоматика идиоматизмов // Проблемы фразеологии. Л., 1964. С. 37-56
2. Пермяков Г. Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений // Паремиологический сборник: Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978. С. 105-136.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1996. С. 381.
4. Гасанова У. У. словарь даргинских пословиц и поговорок. Махачкала: ДГУ, 2014. С. 91-137.

УДК 809.461.26

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЕЙ АНТРОПОНИМОВ НАРОДОВ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

М. Р. Багомедов
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

Статья посвящается проблеме составления словарей (словаря) личных имен народов полиэтнического региона на примере Республики Дагестан, где сосредоточены двадцать восемь языков, четырнадцать из которых являются бесписьменными. Отмечаются перспективы развития в данном направлении.

Ключевые слова: *антропоним, антропонимия народов Дагестана, именник, этнолингвистический пласт, словарь*.

The report is devoted to a problem of compiling of dictionaries (dictionary) of personal names of the people of polyethnic region on the Republic Dagestan's example where twenty eight languages are concentrated and fourteen of them are unwritten (oral). Development prospects in the given direction are noted.

Keywords: *anthroponym, anthroponimate of the peoples of Dagestan, name, ethnolinguistic layer, dictionary*

В именниках народов Дагестана находят свое отражение исторически сложившиеся обычаи и традиции, религиозные взгляды, эстетические представления. В дагестанском антропонимиконе наличествует несколько этнолингвистических пластов: исконный, арабский, персидский, тюркский и русский. Такая пестрая картина объясняется тем, что территория, населяемая дагестанцами с древних времен, служила ареной многочисленных исторических событий. Она была зоной интенсивных взаимодействий местных и пришлых этнических групп на протяжении многих веков. Естественно, что современные личные имена дагестанцев формировались в течение длительного периода под воздействием целого ряда исторических этапов в сложных этнических и лингвистических условиях.

Основную массу имен дагестанцев составляют заимствованные имена, а исконные представлены в ограниченном количестве. Влияние именников других языков и изменение традиций и обычаев наре-

чения детей на различных этапах истории способствовали постепенному вытеснению исконных имен. В количественном соотношении явно преобладают арабские личные имена. Их интенсивному проникновению и закреплению в антропонимии народов Дагестана способствовали следующие факторы: функционирование арабского языка в определенный исторический период в качестве языка религии, делопроизводства, науки, культуры и образования. Арабские имена проникли главным образом после принятия мусульманской религии. Торгово-экономические, политические и культурные связи с носителями тюркских языков, общность религии тюркоязычных и дагестаноязычных народов и отходничество благоприятствовали проникновению тюркских имен. Персидские личные имена проникали в результате военно-политических, торгово-экономических, культурных и других связей Дагестана с Ираном. Встречаются имена-гибриды, образованные с участием арабских, тюркских и персидских имен.

Заимствование русских личных имен (сюда мы относим и западно-европейские имена, заимствованные через русский язык) относится к более позднему периоду. Их массовое проникновение наблюдается в XX веке, особенно во второй половине. Вхождение Дагестана в состав России, упрочение экономических, политических и культурных связей, создание новой письменности дагестанцев на основе русской графики, приобретение русским языком статуса государственного языка РД и языка межнационального общения дагестанцев явились предпосылкой пополнения.

В республике проведена огромная работа по изучению грамматического строя дагестанских языков и составлению их научных грамматик. Вместе с тем следует, однако, отметить неразработанность ономастикона дагестанских языков на достаточно хорошем уровне.

Онимы длительное время оставались вне должного внимания лингвистов. Вплоть до второй половины XX в. не было комплексных работ с лингвистическим анализом. В 1996 г. выходит книга Р. И. Гайдарова «Введение в лезгинскую ономастику» [1, с. 48-82]. Вопросам истории становления и развития ономастики в республике посвящена статья И. Х. Абдуллаева «Об исследованиях по дагестанской ономастике» [2, с. 105-120]. Различным вопросам антропонимии посвящен ряд работ этого же автора.

В приложениях к национально-русским словарям прилагается систематизированный материал по ономастикону народов Дагестана. Организованный в г. Махачкале первый Кавказский ономастический семинар стал «научной конференцией, охватившей значительный по

объему свежий материал, впервые введенный в научный оборот» [3, с. 4]. В 1980 г. в г. Орджоникидзе был издан межвузовский сборник статей «Ономастика Кавказа».

В первом выпуске сборника материалов и исследований «Дагестанская ономастика» опубликованы шесть статей по антропонимам [4]. Во второй выпуск вошли двадцать статей, где рассматриваются семантические и словообразовательно-морфологические особенности различных видов собственных имен в дагестанских языках [5].

В последнее время публикуются научные труды и словари по антропонимии народов Дагестана: Э. Я. Сафаралиева «Как тебя зовут?» [6], С. М. Рабаданова «Даргинская антропонимическая система в сопоставлении с русской и английской» [7], П. А. Лекова «Способы передачи аварских антропонимов в русском тексте» [8], Абдулмуталибов Н.Ш. «Словарь лезгинских личных имен» [9], Н. Э. Гаджиахмедов, Г.-Р. А.-К. Гусейнов «Кумыкские личные имена: происхождение и значение. Введение в кумыкскую антропонимику. Словарь» [10], «Словарь арабских и персидских заимствований в даргинском языке» (Сост. Н. И. Стоянова, И. И.Эфендиев) [11], М. Р. Багомедов «Словарь даргинских личных имен» [12], Н.Э. Гаджиахмедов «Личные имена кумыков: традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика» [13].

Личные имена часто включаются в состав топонимов и других разрядов собственных имен. Сегодня назрела необходимость издания словарей всех народностей полиэтнического Дагестана. На наш взгляд, структура словарной статьи может выглядеть подобающим образом:

1. В левой части словарной статьи по алфавиту располагаются личные имена на родном языке (диалекте): *Айгуб, Гъази, ГIяшура*.

2. Далее следует русский вариант, т.е. официальный, паспортный: *Айгуб* Айгуб, *Гъази* Гази, *ГIяшура* Ашура.

3. При каждой форме толкуемого имени дается ее характеристика, в которой наличествует языковая, иногда и культурно-историческая информация: *ГIисакь* Исаак др.-евр. от *йисхак* «засмеется, засмеялась», имеется в виду Сарра, жена библ. патриарха Авраама, которая засмеялась, услышав, что у нее в преклонном возрасте родится сын; *РяхIима* Рагима араб. от м. и. *Рях1им* «милосердный» (эпитет Аллаха).

4. В правой части указывается источник происхождения имени: *ГIяхIмад* Ахмед араб., *Мирза* Мирза перс., *Ажай* Ажай тюрк.

Включенная в скобки помета указывает на первоначальный источник происхождения имени: *Давд* Дауд араб. (др.-евр.), *ХIиммат* Гиммат перс. (араб.), *Наргиз* Наргиз перс. (др.-греч.).

5. Этимология имен дается по всевозможным источникам. Отмечаются различные версии толкования имени с отсылкой читателя к соответствующим работам. В таких случаях они отмечаются литерой. Например: (Г) – Гафуров, (С) – Суперанская, (Саф) – Сафаралиева, (СЭ) – Стоянова, Эфендиев и др.

При совпадении имен разного происхождения в одном звучании, они приводятся через номера. Например: *СягIид* Саид араб. 1) «счастливый, успешный»; 2) «растущий, идущий вверх»; 3) «охотник»; 4) возможно, от араб. *Сайид* «предводитель, глава», титул потомков пророка и халифа Али.

Спорные положения отмечаются литерой (?): *Сайбул* Сайбул араб. стяж. ф. м. и. *Сайпуллагь* (?); *Санай* Санай дарг. от нар. *сана* «солнечная сторона» (?).

В словарь необходимо включать и такие имена, сведения о происхождении которых отсутствуют. В целом словарь должен содержать следующую информацию: какие имена служат для именования представителей того или иного этноса; какие формы принимают одни и те же имена у представителей разных диалектов; какие формы имен соотносятся друг с другом как варианты; является ли данное имя мужским или женским, полным или сокращенным; кем создано то или иное имя и как оно проникло в язык; от каких слов образовано имя.

Таким образом, сбор и последующее изучение антропонимов, а также издание словарей личных имён народов полиэтнического Дагестана имеют значение как в собственно лингвистическом отношении, так и с точки зрения лингвоэтноэкологии.

Литература:

1. Гайдаров Р. И. Введение в лезгинскую ономастику / Р. И. Гайдаров. Махачкала, 1996. 111 с.

2. Абдуллаев И. Х. Некоторые вопросы дагестанской антропонимии / И.Х. Абдуллаев // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970. С. 136 –139.

3. Ономастика Кавказа / Отв. ред. Никонов В. А. Махачкала, 1976. – 330 с.

4. Дагестанская ономастика. Материалы и исследования / Сост. Таймасханова Т. Г.; Науч. ред. Кадыраджиев К. С. Махачкала, 1991. 161 с.

5. Дагестанская ономастика. Материалы и исследования. Вып. 2 / Сост. Таймасханова Т. Г., Тагирова З. М.; Отв. ред. Абдуллаев И. Х. Махачкала, 1996. 114 с.

6. Сафаралиева Э. Я. Как тебя зовут? / Э. Я. Сафаралиева. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1994. 340 с.

7. Рабаданова С. М. Даргинская антропонимическая система в сопоставлении с русской и английской / С.М. Рабаданова. Махачкала, 2000. 128 с.

8. Лекова П. А. Способы передачи аварских антропонимов в русском тексте / П. А. Лекова. Махачкала, 2002.

9. Абдулмуталибов Н. Ш. Словарь лезгинских личных имен / Н.Ш. Абдулмуталибов. Махачкала, 2004. 199 с.

10. Гаджиахмедов Н. Э., Гусейнов, Г.-Р. А.-К. Кумыкские личные имена: происхождение и значение. Введение в кумыкскую антропонимику. Словарь / Г.-Р.А.-К. Гусейнов, Н. Э. Гаджиахмедов. Махачкала, 2004. 170 с.

11. Словарь арабских и персидских заимствований в даргинском языке / Сост. Стоянова Н. И., Эфендиев И. И. Махачкала, 2005. 130 с.

12. Багомедов М. Р. Словарь даргинских личных имен / М. Р. Багомедов. Махачкала, 2006. 169 с.

13. Гаджиахмедов Н.Э. Личные имена кумыков. Традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика / Н.Э. Гаджиахмедов. Махачкала. 2008. 184 с.

УДК 908

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И АЗЕРБАЙДЖАНА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕТЮРКСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Ш. Б. Балаева
Государственного историко-архитектурного
заповедника «Ичеришехер»,
Азербайджан

Многочисленные народы, этносы и этнические группы Дагестана и исторического Азербайджана имеют давние исторические, культур-

ные, экономические, политические и прочие ценности. Лейлатепинская культура сыграла определенную роль в становлении Майкопской культуры. С периода бронзы изучение исторической этнографии народов Дагестана и этнической исторической территории Азербайджана позволяет выделить определенные единые черты в образе жизни населения.

Ключевые слова: *этнос, этническая группа, Дагестан, Азербайджан, Северный Кавказ, обряды культура*

Numerous peoples, ethnic groups and ethnic groups of Dagestan and historical Azerbaijan have long-standing historical, cultural, economic, political and other values. Leilatepin culture played a role in the formation of Maykop culture. Since the bronze period, the study of the historical ethnography of the peoples of Dagestan and the ethnic historical territory of Azerbaijan allows us to distinguish certain uniform features in the way of life of the population.

Keywords: *ethnic group, ethnic group, Dagestan, Azerbaijan, North Caucasus, rites of culture*

Исторически судьбы народов Дагестана и Азербайджана в силу близости границ, географического расположения и целого ряда объективных и субъективных причин переплетались и взаимовлияние этих двух народов и в политической, и в экономической, и в культурной области, бесспорно.

Результаты археологических, этнографических, лингвистических исследований, проводимых на протяжении прошлого столетия доказывают, что начиная с периода палеометалла-энеолита, прослеживаются схожие черты в культуре этих народов. Середина VI - середина IV тысячелетия до н.э. является периодом возникновения оседлых раннеземледельческих культур на Кавказе. Огромную роль в становлении Майкопской культуры сыграла Лейлатепинская культура. Этот процесс продолжается и в последующие тысячелетия. В это время появляются формы погребальных обрядов в виде курганов, катакомб и др. Эти формы погребальных обрядов ученые больше относят к ранним погребениям подвижных скотоводов-тюрков.

С периода бронзы изучение исторической этнографии народов Дагестана и этнической исторической территории Азербайджана позволяет выделить определенные черты сходства в образе жизни, жилье, одежде, менталитете и т.д. этих двух братских народов.

Особенно тесные связи устанавливаются с периода Кавказской Албании. Политическая и социальная жизнь Ширвана и Дагестана,

начиная примерно с VI века связана с деятельностью Ширваншахов. С этого времени политические судьбы этих двух народов прочно сплелись и протекали в русле арабо-хазарских взаимоотношений, их полуторавекового противостояния. В период государства Ширваншахов вхождение Южного Дагестана и Дербента в состав государства Ширваншахов способствует экономическому процветанию и политической стабильности и оказывают плодотворное влияние на весь процесс развития этого региона [1, с. 39].

Дагестанский и азербайджанский народы связывают и прочные политические узы, которые в определенные исторические периоды сближали эти два народа и взаимообогащали их.

В XIX веке в политической жизни азербайджанского и дагестанского народов появляется мюридизм. Как идеология национально-освободительного движения мюридизм связал эти два народа в борьбе против иноземного завоевания.

Идеи мюридизма, широко распространенные в Азербайджане в XIX веке, свидетельствуют о тесных политических связях Азербайджана с Дагестаном. Данные эпиграфики свидетельствуют о том, что именно отсюда, из Азербайджана, идеи мюридизма проникли в Дагестан и превратились в идеологию народно-освободительного движения Шамиля, которые сотрясали Российскую империю на протяжении долгих 30 лет [2, с. 43].

Основоположником мюридизма в Азербайджане стал Шейх Исмаил Сираджеддин Ширвани, имя которого упоминается в эпитафийной надписи Шейха Гаджи Махмуд Баба Эфенди. Жизнь и деятельность Шейха Исмаила Сираджеддина Ширвани приходится на период российской экспансии на Кавказ. Он не только разработал программу мюридизма, в основу которой вложил идеи суфийского тариката «Накшибандийя», но и сыграл огромную роль в деле распространения мюридизма в Дагестане и Чечне. У него было много учеников и последователей в Дагестане. Одним из них был известный ученый Молла Мухаммад Ярагский и его ученик Хас Мухаммад [3, с. 44]. В воззвании программы мюридизма отмечалось, что «магометане не могут быть под властью неверных. Магометанин не может быть ничьим рабом или подданным и никому не должен платить подати, даже мусульманину. Кто мусульманин, тот должен быть свободным человеком и между вами, мусульманами, должно быть равенство. Кто считает себя мусульманином, для него первое газават, а потом исполнение шариата. Будучи под властью неверных или чьей бы то ни было,

все ваши намазы, оруджы, странствования в Мекку с прибытием русских ничего не значат» [4, с. 34].

Таким образом, как мы видим, еще задолго до утопистов и Ленина Шейх Исмаил провозгласил идеи равенства, братства и независимости. Осознав всю сложность политического положения Азербайджана, большая часть территории которого была занята российскими войсками, Шейх Исмаил Сираджеддин Ширвани не отказывался от борьбы при этом возлагая большие надежды на движение Шамиля. В этой связи он возлагал большие надежды на северо-западные районы, в частности, на Джаро-Белоканскую область, где влияние русских было очень слабым и утверждение здесь России представляло опасность для благополучного исхода движения мюридизма в Дагестане [5, с. 34].

После заключения Туркменчайского договора в 1828 году он эмигрирует в Турцию. В 1847 году он умер и был захоронен в Амасии, его мавзолей по сей день является местом поклонения. Однако даже после его смерти идеи мюридизма продолжали жить в Азербайджане, Дагестане и Чечне. В Чечне эти идеи живы и поныне. Свидетельством тому могут служить призывы о газавате, которые неоднократно звучали в период последней Кавказской войны [6, с. 349]. О тесных политических связях Азербайджана и Дагестана свидетельствуют многочисленные памятники, сохранившиеся в Дербенте. К их числу относятся оборонительное сооруженное-крепость в Ахты и Цахуре, построенные Ширваншахом Фаррух Йасаром. Им же построено здание медресе – высшего учебного заведения при комплексе соборной мечети в городе Дербенте. Медресе в честь Ширваншаха именуется «Фаррухийа». На Дербентской стене имелась надпись, которая повествовала о восстановлении крепостных сен во времена правления Ширваншаха Шейха Ибрагима I, а также надпись, где говорится о том, что после распада империи Тимура крепостные стены ремонтировались и восстанавливались Ширваншахом Халилуллахом I. Ширваншахи имли родственные отношения с Кайтагским Уцмием. Последний был женат на сестре Ширваншха Фаррух Йасара, а в 1466 году Фаррух Йасар женился на сестре Кайтагского правителя [7, с. 359]. Дербентские крепостные стены реставрировались и при шахе Аббасе I. Южный Дагестан и город Дербент также входили в состав территории Кубинского ханства. Жена Фатали Хана Кубинского Тути Бике ялялась правителем Дербента. Ее мавзолей находится на кладбище, расположенном севернее Кирхлярских ворот. Целый ряд надписей на худжрах сообщают о реставрационных работах в комплексе медресе

во времена правления Шейхали хана Кубинского. Таким образом, народы Дагестана и Азербайджана в силу сложившихся геополитических условий, постоянно находились во взаимодействии и жили одной политической жизнью.

Литература:

1. Неймат М. С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. т. I, Баку, 1991.
2. Кулиева В. Роль и позиция мусульманского духовенства в социально-политической и культурной жизни Азербайджана в конце XIX начале XX вв. в ракурсе армяно-азербайджанских политических отношений. Баку, 2003.
3. Неймат М. С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. т. II, Баку, 2001.
4. Авлиялар энсиклопедиси. Т.2, Истанбул, 1992 г. (на турецком языке).
5. Бакиханов А. А.Гюлитан-и Ирам (редакция, комментарии, примечания и указатели академика З. Буниятова). Баку, 1991.
6. Неймат М. С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. т. I, Баку, 1991.
7. Неймат М. С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. т. IV, Баку, 2008.

УДК 811.221

ОБ ИРАНИЗМАХ В КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

Е. Б. Бесолова
Северо-Осетинского института гуманитарных
и социальных исследований им. В.И. Абаева,
г. Владикавказ

В данной статье обсуждается вопрос о стратификации лексического фонда кавказских языков на предмет наличия лексических общностей иранских (осетинского) и кавказских языков, обусловленных историей и этнокультурой носителей этих языков.

Ключевые слова: *лексические общности, кавказские языки, иранизмы, лингвистические контакты*

This article discusses the stratification of the Caucasian Lexical Fund for the presence of lexical commons of Iranian (Ossetian) and Caucasian languages, due to the history and ethnoculture of the speakers of these languages.

Keywords: *lexical communities, Caucasian languages, Iranianisms, linguistic contacts*

Изучение лексических общностей иранских и кавказских языков представляется чрезвычайно интересным и плодотворным. Большой вклад в прочтение типологических и ареальных аспектов этих общностей внесли В. И. Абаев, Д. И. Эдельман, Г. С. Ахвледиани, М. К. Андроникашвили, Г. А. Климов, Р. А. Ачарян, Ю. И. Алироев, К. З. Чокаев, И. Х. Абдуллаев, К. Ш. Микаилов и др.

Межкавказский лексический фонд, который сложился в течение многовековых взаимных контактов, в процессе взаимодействия и взаимовлияния, – щедрый материал для создания *этнокультурного словаря лексических общностей.* Он может быть разработан на богатом лингвистическом, этнографическом, фольклорном, историческом, археологическом и пр. материале и может явиться подтверждением прозорливости выдающегося востоковеда В. И. Абаева, уловившего «дух и существенные черты единой кавказской этнической культуры» [1, с. 89].

Вопрос о стратификации лексического фонда кавказских языков на предмет наличия лексических общностей иранских (осетинского) и кавказских языков, обусловленных историей и этнокультурой носителей этих языков, давно назрел. Кавказизмы иранского происхождения с присущими им лексико-семантическими и фонетическими особенностями подлежат объединению в тематические и лексико-семантические группы с обоснованием произошедших в конкретном языке семантических сдвигов в их значениях.

Примером существования иранских компонентов в языках Кавказа, а также включения иранского мира в кавказский может послужить древнейший социальный термин *pādšāh* «падишах», «шах». Первоисточник – перс. *pādšāh* < др.перс.**pātixšāyaϑiya-*.

В осетинском языке слово *паддзах* встречается в значениях «царь», «шах», «король»; *ус-паддзах* «правящая царица» (букв. «женщина-царь»); производные – *паддзахад* «царство», «государство» [1, с. 235]; *паддзах* «император», «государь» [2, с. 233]; *паддзахад* «держава», «империя» [2, с. 233].

Термин прочно укоренился во многих языках Кавказа; ср. авар. *пачаӏ* агул. *patčah,* табас. *pacah,* анд. *pacah,* чеч. *паччаӏ,* каб. *padśaӏ;* чечен. и ингуш. языках *паччахь* – в знач. «царь, король, государь, падишах»; в лак. *паччягьлугъ ~ пяччягьлугъ,* авар. *пачалихъ ~ пачилих,* лезг. *пачагьлугъ,* таб. *паччагьлугъ* «государство, держава; страна, край» [2, 2011]. Производные формы – авар. *пачалихъ ~ пачалих,* дарг. *пачалихъ* «государство», «нация», по мнению Н.С. Джидалаева, являются «очевидными заимствованиями из кумыкского языка» [1, с.151]. Мотивирует учёный тем, что в слове *пачалыкъ* в значении «государство» выделяются *пача* «царь» и суффикс кумыкского языка *-лыкъ.*

Но тюркский (кумыкский) словообразовательный суффикс *-лыкъ* как самостоятельная единица не известен авар. и дарг. языкам, потому что все формы с *-лыкъ* в них являются, по утверждению Н.С. Джидалаева, непосредственными заимствованиями; к примеру, собственно авар. форма *пачалъи* «царство» < *пача* + авар. словообразов. суф. *-лъи;* сюда же относят чеченский кумыкизм *пачгьалхъ* (<*пачагьлукъ*) «государство». Лезг. *пачагьлугъ,* таб. *паччагьлугъ* «государство» считаются заимствованиями из азер. *падшагьлыг* «царствование; период царизма; царство», где наблюдается звукоизменение комплекса *-дш- (>-тш-) > -ч-* . Суффикс *-лугъ* функционирует, по мнению одних учёных, как самостоятельное словообразовательное средство [2, с. 62], а другие считают, что большинство форм с *-лугъ* в означенных языках – прямые заимствования из азер. языка [Гайдаров, 1967, с. 214]. Н.С. Джидалаев пишет, что если бы лексема *паччягьлугъ* была бы образована на собственно лакской почве, то указанная форма выступала бы в значении «поступок, присущий царю», «царщина», а не «царизм» в значении «государство» [1, с.151].

Многозначность рассматриваемого термина в дагестанских языках пытаются объяснить и как результат его самостоятельного функционирования в новой языковой среде; см. в азер. языке в значении «государство», «держава» – *дöвлäт* (< араб.), «государство», «страна» – *ölkä, mämläkät* (< араб.-перс.), «край» – *ölkä.* Наблюдения языковедов выявили, что эти термины, за исключением слова *mämläkät,* представлены и в дагестанских языках, но с определённой стилистической окраской, в то время как термины *пачалих, паччягьлугъ* стилистически нейтральны [1, с.151].

Культурные связи носителей кавказских и иранских (осетинского) языков, даже при отсутствии ареальных контактов, как уже установлено, составили «культурное единство, превозмогающее историческое многоязычие». Оно обусловлено как внутренней жизнью кав-

казских народов, так и тем, что одним из конкретных источников заимствования для кавказских, тюркских и индоевропейских языков Кавказа был персидский. Данное обстоятельство объясняют как эпохой иранских завоеваний, деятельностью иранских шахов, их походами на Кавказ, так и скифо-сармато-аланским миром, интенсивными политическими, экономическими и пр. связями, влиянием и ролью алан в исторических судьбах народов Кавказа.

Свидетельством истории народов и разновременных контактов языков может явиться не только рассмотренный социальный термин из нов. перс. *padšāh* (<др.перс. * *pātixšāyaϑiya-*) в значении «падишах», «царь», «шах», давший в кавказских языках древнейшие образования с иранской основой, но также значительное количество кавказских иранизмов, осевших в словарном наследии генетически родственных, так разносистемных языков; они «*очень многочисленны и древни*», и среди них «выделяются своим полновесным культурным содержанием» три группы слов: «1) *названия культурных растений и домашних животных*; 2) *термины материальной культуры*; 3) *термины социального порядка»;* приводимые В.И. Абаевым изоглоссы захватывают несколько различных языков [2, с. 287-293]. Интерес вызывают социальные термины и идущие от них личные имена, которые возникли на древнеиранских основах. Напр., **azna* «знатный», «благородный»; «известный». Образованные от этой основы социальные термины в языках Кавказа представлены в виде двух вариантов: южнокавказском – армянском (*azn-iw* «благородный; знатный») и грузинском (*azn-a-uri* «благородный; дворянин») языках; восточнокавказском – в ряде дагестанских языков [2, с.211].

Как показала жизнь, распространение и дифференцирование последующих и вторичных их значений произошло со временем, локально и самостоятельно.

Примеры-свидетельства древней лексики, восходящей к иранским формам, пересекают весь ареал распространения иберийско-кавказских языков. Слова общекавказского лексического фонда, возникшие на базе иранских лексических элементов, наличествуют почти во всех языках этнокультурного ареала Иран-Кавказ-Анатолия. Аспекты рассмотрения – и историко-сравнительный, и сопоставительный, и конвергентного развития – выявляют факты в пользу общекавказского социокультурного и культурно-исторического пространства, дающего возможность вести речь о кавказском языковом союзе, включающем означенный этнокультурный ареал. Исследование их семантики и этимологии зачастую даёт обильную почву для

размышлений об особенностях межкавказских схождений как в материальной культуре, так и в обрядах, обычаях, быте и нравах, в фольклоре и религиозных воззрениях. Надеемся, что создание этнокультурного словаря лексических общностей откроет ещё одну страницу в изучении раннесредневековой истории этноязыковых контактов языкового ареала Анатолия-Кавказ-Иран.

Литература:

1. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти томах. / [сост. А. М. Ганиева; отв. ред. А.М. Аджиев]. М.: Наука, 2010. 378 с.
2. Языки Дагестана / под ред. Гамзатова Г.Г. Махачкала: Офсет, 2000. 553 с.

УДК: 811.161.1

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ[1]

Л. И. Богданова
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова,
г.Москва

В статье рассматривается отражение изменений в ценностной картине мира в современном русском языке, ставится вопрос об изучении этого процесса в сопоставительном плане на материале языков народов России, подчёркивается необходимость поиска оптимальных путей сохранения этнокультурных ценностей.

Ключевые слова: *этнокультурная ценность, народы России, глобализация, культурная идентичность, язык как деятельность, сохранение ценностей*.

The article discusses the reflection of changes in the value picture of the world in the Russian language. Changing values requires a comprehending study of the languages of the peoples of Russia. It is necessary to look for optimal ways to preserve ethnocultural values.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №17-04-00053

Keywords: *ethnocultural value, peoples of Russia, globalization, cultural identity, language as an activity, preservation of values*.

В XXI веке остро стоит вопрос о сохранении исчезающих языков. В многонациональном и разноязычном Дагестане проблема сохранения и развития родных языков и культур также является одной из наиболее важных [1, с. 132]. Не менее значимым, на наш взгляд, является и вопрос о сохранении самобытных этнокультурных ценностей, отражённых в языках. Национальное многообразие и культурное единство народов России обеспечивается, в том числе, и за счёт сохранения уникальных культурно-специфичных ценностей населяющих страну народов. Культура хранит социально значимый опыт в различных видах знаковых систем, среди которых язык, порождая всё новые и новые тексты, создающие информационную среду человека как носителя культуры, является наиболее надёжным транслятором ценностей. При этом важно осознавать, что духовные ценности служат основой и фундаментом единой культуры большого многонационального государства, каким является Россия.

В настоящее время практически все страны, все языки и культуры не могут не испытывать на себе влияния глобальных интегративных процессов, чему во многом способствует развитие новых информационных технологий. Последнее время даже стало возможным говорить о формировании глобального социума – единой земной цивилизации, идущей на смену разрозненным этническим группам [2, с. 31]. Несмотря на многие положительные стороны международной интеграции, нельзя не заметить, что технократическое постиндустриальное общество, общество потребления, общество виртуальной реальности всё больше тяготеет к прагматизму, личностной обособленности, а во многом и к бездуховности, безнравственности, распущенности.

Постепенное «стирание» национально-специфических культурных границ, характерное для современного мира, таит в себе опасность разрушения формировавшегося веками традиционного образа жизни, установившихся норм и правил речевого поведения. Деформация той духовной среды, в которой социализируется ребёнок, стандартизация процессов духовно-нравственного становления человеческой личности могут привести к утрате идентичности [2, с. 112-113].

Идентичность предполагает процесс соотнесения субъекта или объекта с другими субъектами / объектами с целью выявления общих или специфических признаков самоотождествления индивида с дру-

гим индивидом, группой, образцом, идеалом, нацией [3, с. 222]. Опыт показывает, что стремительное ускорение процессов трансформации социокультурной среды является пусковым механизмом к тому, что самоидентификация не происходит, что, в свою очередь, постепенно приводит к моральной деградации этноса. Приобретая массовый характер, кризис идентичности рождает «потерянные поколения», поколения манкуртов: об этой опасности предупреждал Чингиз Айтматов. Потеря этнических идеалов и ценностей создаёт реальную угрозу для современного человека стать негуманным, а «негуманное общество не предсказуемо и не жизнеспособно» [4, с. 15]. Именно идентичность может служить показателем психосоциального благополучия личности, её жизненной успешности, человеческой и профессиональной реализованности [5].

В формировании культурной идентичности у молодого поколения основную роль играют различные социальные институты, в первую очередь, семья и школа, высшие учебные заведения, а также учреждения культуры, культурные общества, средства массовой информации и др. Работникам образовательных учреждений сейчас важно осознавать, что образование должно «произрастать» из культуры, в том числе из этнокультуры. Ценность образования состоит в том, что оно является одним из надёжных способов транслировать понимание глубинного смысла человеческой жизни, передавать будущим поколениям идею человечности, составляющей ядро культуры. На данном этапе идея ценностного подхода к преподаванию в школе и вузе связана с гуманистической образовательной парадигмой, для которой характерны принципы равенства, свободы, партнёрства, соразвития, диалогизма в духе идей М.М. Бахтина [6]. К настоящему моменту феномен культурных ценностей в его практической реализации в образовательном процессе ещё недостаточно изучен.

Поскольку язык является «стержневым элементом, на котором основывается культурная самобытность наций» [7, с. 45], то формирование национально-культурной идентичности должно происходить на основе глубокого изучения родных языков и русского языка, причём в плане сопоставления глубинных смысловых процессов, происходящих в языках. Язык в его деятельностном, активном понимании [8] формирует культурную идентичность, которая, в свою очередь, определяет ценностное отношение человека к другим людям, к самому себе, к миру в целом. Изучение ценностей, отражаемых языком, способствует формированию чувства собственной истинности, пол-

ноценности и одновременно ощущения единства, сопричастности миру и другим людям.

Наиболее значимым в плане формирования идентичности является семантический анализ лексики, который позволяет выявлять внутреннюю форму слова, способ метафоризации, учит видеть в значении слова универсальное и специфическое, объективный и субъективный компонент, отражение реального положения дел и его оценку.

На основе анализа семантики слов с оценочным компонентом значения можно сформулировать правила, которые составляют своеобразный моральный кодекс людей, говорящих на этом языке. Так, анализ слов с отрицательной оценкой позволяет «вывести» некоторые из «заповедей» русской наивно-языковой этики: «нехорошо преследовать узкокорыстные интересы»: *домогаться, льстить, подлизываться*; «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей»: *подслушивать, подсматривать, любопытствовать*; «нехорошо унижать достоинство других людей»: *издеваться, насмехаться, глумиться*; «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве»: *унижаться, пресмыкаться, угодничать* [9, с. 351]. Исходя из этих правил, можно декодировать русские культурные ценности. Некоторые из них (внутренний мир, человеческое достоинство, доброта, уважение к людям и их мнению) представляются общими для многих народов. Однако в научном плане предстоит выяснить, какова иерархия этих общих ценностей в разных культурах, как соотносится в них универсальное и национально-специфическое.

В аксиологическом аспекте важным представляется учёт несовпадения значений слов, обозначающих культурные понятия в разных языках. Мир вокруг нас, оставаясь везде одним и тем же, воспринимается и отражается по-разному в различных языках. «Сравнивая детально разные языки, мы разбиваем иллюзию, к которой нас приучает знание лишь одного языка, иллюзию, будто бы существуют незыблемые понятия, которые одинаковы для всех времён и для всех народов» [10, с. 316].

Следует отметить, что уникальные, культурно обусловленные дополнительные смыслы нередко стремятся подавить знаки денотативной системы и даже их вытеснить. Будучи зависимы от социокультурного контекста, эти коннотативные оценочные значения часто не фиксируются словарями, и их распознавание зависит от фонда общих знаний и интуиции интерпретатора. Коннотативные смыслы живут до тех пор, пока активно живёт контекст, который их породил [11].

В условиях многонационального государства, каким является Россия, и в условиях межкультурного взаимодействия в современном мире особенно важно учитывать несоответствие оценочно-ценностного потенциала слов в разных языках и культурах [12]. Так, например слово *берёза* (*берёзка*) в словарях русского языка толкуется как ‘лиственное дерево с белой (реже с тёмной) корой и с сердцевидными листьями’. Однако в сознании русского человека *берёза* символически связана с родиной, с мыслями о ней (*И родина щедро поила меня березовым соком…*), со стройной женской фигурой (*стройная как берёзка*). Совсем другие ассоциации вызывает берёза у норвежцев – в норвежском языке это символ стойкости; у немцев – символ весны; у англичан берёза вообще не связана с символическими значениями. В китайской культуре сходную с *берёзой* символическую функцию выполняет *слива мэй*, а в японской – *сакура*.

В коннотативной семантике разных языков можно обнаружить не только национально-специфический, но и универсальный компонент. Так, в частности, было доказано, что слово *правый* (особенно при обозначении руки) в подавляющем большинстве случаев в разных языках, среди которых и генетически не связанные друг с другом, имеет один и тот же этимон с позитивным значением ‘сильный, прямой, правильный, честный, надёжный, хороший’, а слово *левый*, напротив, – этимон с негативным значением ‘слабый, кривой, неправильный, нечестный, ненадёжный, плохой’. Эти представления находят отражения и в этикете многих народов. Русский язык также демонстрирует указанные различия. С одной стороны, положительная оценка: *Наше дело правое – мы победим; Он правая рука министра* и т.п. С другой стороны, отрицательная оценка: *левый доход, встать с левой ноги, написано левой ногой* и др. Оппозиция *правый – левый* входит в более широкую систему оппозиций: *мужской – женский, верхний – нижний, белый – чёрный, жизнь – смерть, свет – тьма, небо – земля* и др., где первый член во многих языках мира имеет устойчивую положительную оценку, а второй – отрицательную или сниженную [13, с. 260]. Ср. *быть на седьмом небе, небесные черты, небесная душа,* с одной стороны, и *сойти с небес на землю, земные хлопоты, небо и земля,* с другой стороны.

Богатый материал для обучения даёт сопоставительное изучение метафор. Установленным научным фактом является, например, то, что в европейских языках прилагательное *тёплый* приобретает метафорическое значение ‘приятный’, ‘приветливый’, ‘активный’, а прилагательное *холодный* – значение ‘бесчувственный’, ‘вялый’. Общий

тип метафорического переноса при этом получает в каждом языке своё особое национально-культурное значение. Исследования сопоставительного плана показали, что в русском языке – в метафорическом плане – представлены чаще, чем во французском, слова, обозначающие звуковые впечатления (*глухой лес, глухой переулок, глухой ворот*), а во французском – слова, обозначающие цвета и краски. Подобные сопоставительные исследования необходимы и в отношении языков России, поскольку изучение такого рода явлений позволяет выявить различия в мировосприятии народов, носителей тех или иных языков.

В процессе изучения ценностей родной культуры, отражённых в языке, учащимся необходимо осознать, как национально-культурные ассоциации и внутренняя форма слова отражают способ национального мировидения. Мотивированность значения слова, сохраняющаяся в его внутренней форме, нередко является частью заключенного в слове культурно-специфичного концепта. Слово *тоска*, например, представляя национально-специфичный русский культурный концепт «тоска», по данным словарей, связано этимологически со словами *тщетно* и *тошно*, а также, косвенным образом – со словом *тесно.* При этом все три варианта внутренней формы слова *тоска,* не вступая в противоречие друг с другом, могут отражаться в его актуальном значении (ср. рассказ А.П. Чехова «Тоска»). Слово *обидеть*, согласно «Этимологическому словарю русского языка» [14], произошло от старого слова *об-видеть*, в котором предлог *об-* значит 'вокруг, огибая, минуя': ср. *обнести* кого-то угощением, 'пронести мимо, не дать', *обделить, обвесить, обвести*. Внутренняя форма *обидеть* – ‘обделить взглядом, не заметить, не посмотреть'. Таким образом, именно недостаток внимания составляет основу *обиды* в русском понимании. Обнаружение скрытых смыслов с помощью «оживления» внутренней формы является удачным приёмом привлечения внимания учащихся к национальным ценностям, например, полезно восстановить внутреннюю форму слов *родина, родня, народ, порода, урожай,* имеющих один общий для всех исторический корень *род*. Слово *родник* также связано с корнем *род* [17], что нашло отражение в художественной литературе: *Я слово родник давно приметил….Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода зарождается. Родник родит реку, а река льётся, течёт через всю нашу матушку землю, как бы родня между собой* (К.Г. Паустовский).

В рамках русской культуры выявляется такая ценность, как *прямота*, важное качество для русского «разговора по душам». В толко-

вых словарях *прямой* толкуется как ‘правдивый, откровенный, нелицемерный’. Такие метафорические значения прилагательного *прямой* зафиксированы для многих языков, в том числе и для языков России. Так, например, мокшанское прилагательное *прямой* имеет метафорические значения ‘правильный, справедливый, честный, откровенный, простой, бесхитростный’. В горномарийском языке *прямой человек* – это ‘честный, правильный’. В эстонском языке – ‘правильный, настоящий, истинный, справедливый’ [15, с. 112-113]. Однако *прямота* с позиций других культур не всегда оценивается положительно, и даже может вызывать удивление. Так, например, прямые и честные ответы российского футболиста очень удивили в своё время журналиста из Великобритании: «Этот Аршавин – неисправимый русский!» («Советский спорт», 2009, 20. 05). *Прямоту* как одну из русских ценностей хорошо иллюстрирует пример, связанный с выступлением на заседании ООН российского дипломата В. Сафронкова, который призывал представителя Великобритании Р. Райкрофта смотреть прямо в глаза, не отводить взгляд. В русской культуре смотреть прямо в глаза собеседнику является признаком искренности, открытости, честности. Следует подчеркнуть, что выступление В. Сафронкова многими носителями русской культуры оценивалось положительно – как прямое и честное, несмотря на нарушение им норм дипломатического этикета. При этом оценка его речи как дипломата, с профессиональной стороны, была в основном отрицательной.

Активное владение родным языком предполагает учёт ценностно-оценочных компонентов значения, которые не всегда фиксируются словарями, но могут влиять на результат коммуникации.

Русский язык, как и многие другие языки мира, в настоящее время находится в трудном положении, поскольку происходит процесс переосмысления ценностных установок и приоритетов, характерных как для русского народа, так и для многих народов бывшего Советского Союза. На фоне активизации заимствований из английского языка происходит забвение некоторых русских ценностей. Эта проблема в современном глобализованном мире представляется общей для многих языков России и мира.

Междисциплинарные исследования последних лет фиксируют изменения в русской языковой картине мира. Так, например, отмечается появление в русском языке новой техноморфной модели номинации, что говорит об отражении «в языковой картине мира нового стереотипного мировосприятия – технократического» [16, с. 351]. Трансформация и «отмирание» ценностей в языковом отражении

проявляется также в деактуализации и постепенной десемантизации ряда слов, обозначающих социально значимые понятия. Среди уходящих слов и постепенно забываемых ценностных смыслов можно отметить *порядочность, скромность, совесть, честь, благородство, достоинство* и др. Эти понятия, представленные в культурах и языках народов России, постепенно подвергаются деформации. Полное забвение этих ценностей может обернуться социокультурной катастрофой. При этом важно подчеркнуть, что речь вовсе не идёт о формальном исчезновении этих слов: они достаточно частотны. Речь идёт об их смысловом опустошении и ценностной девальвации. Происходят и семантические сдвиги, связанные с изменением оценочного знака тех или иных слов. Так, например, анализ употреблений слова *честолюбивый* показывает, что в 60–70 гг. XX века частотным было использование этого слова в отрицательных контекстах: *Это был человек, видимо, тяжёлого и резкого характера, честолюбивый и обиженный* (В. Гроссман, Жизнь и судьба, 1960). Человек не честолюбивый, напротив, оценивался в то время положительно: *… дядя Гриша, простодушный, не честолюбивый, истинный мастер своего дела, передовик…* (А. Рыбаков, Тяжелый песок, 1975-1977). Совсем иная картина наблюдается в XXI веке. Употребление этого слова в одном ряду с безусловно положительными характеристиками доказывает его позитивную оценку в сознании современных людей: *За дело взялся толковый следователь. Честолюбивый и одаренный.* (Л. Зорин, Глас народа, 2008). Честолюбие в современном обществе способствует карьере, а карьера – успеху, что является желанной целью для многих людей. Изменилась с отрицательной на положительную и оценка слова *амбициозный*. Анализ материала позволяет предположить, что *честолюбие* и *амбициозность* – это те качества, которые помогают в наше время стать *успешным* человеком, сделать *карьеру*. При этом *скромность, кротость, застенчивость*, по мнению многих молодых людей, мешают осуществлять этот глобальный жизненный проект, мешают двигаться вперёд, в связи с чем оценочный потенциал прилагательного *скромный* постепенно меняется. Обзор иллюстративного материала разных лет показывает положительные контексты употребления слова *скромный* в примерах из XIX и XX веков (*солидный* и *скромный*; *скромный, серьёзный, верный*) и допустимость негативного контекстного окружения, характеризующего современного *скромного* человека в текстах XXI века: *Напротив садится скромный мужчина — застенчивый взгляд, сальные волосы, мешковатые штаны…* (П. Осетинская, Рояль на линолеуме, 2012). При помощи союза

но может создаваться оценочное противопоставление: *Конечно, скромный немного, скрытный, но такой простой!* (К. Букша, Завод «Свобода», 2013), где *скромный и скрытный* – это плохо, а *простой* – хорошо. Скромность в современном мире всё больше отождествляется с бедностью, поэтому и не приветствуется молодёжью. По-видимому, «скромность» можно квалифицировать как «уходящую» ценность, хотя в словарях это слово по-прежнему предстаёт с положительной оценкой.

Основываясь на наших наблюдениях, можем сделать вывод о частичном изменении оценочных смыслов ряда социально значимых культурных понятий. Изучение динамических процессов, происходящих в семантике слов под влиянием изменений в современной общественной жизни, как важная и актуальная задача современной лингвистики, требует дальнейших коллективных усилий в плане организации комплекса сопоставительных исследований на материале языков народов России. Проблема сохранения исчезающих языков и национально-культурных ценностей также требует глубокого изучения с целью поиска оптимальных путей сохранения и приумножения духовного богатства народов России.

Литература:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. М.: Языки славянской культуры. 1995. 766 с.

2. Асанова Д.А. Сохранение родного языка и культуры в условиях многонационального государства // Теория и практика современной науки. 2017. №2 (20). С. 44-48.

3. Атаев Б.М. Языковая ситуация в Дагестане: история и развитие // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Международная конференция: доклады и сообщения. /Отв. ред. Г.А. Дырхеева, А.Н. Биткеева и др. Улан-Удэ: Институт языкознания РАН, ИМБТ СО РАН, 2019. С. 129-132.

4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994. 616с.

5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445с.

6. Богданова Л.И. Язык как деятельность: к проблеме развития культурной идентичности в современной России // В сб.: Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве /

Отв.ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. М.: Языки народов мира, 2018. С. 112-118.

7. Богданова Л.И. Конфликт ценностей в условиях контакта культур // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Международная конференция: доклады и сообщения / Отв. ред. Г.А. Дырхеева, А.Н. Биткеева и др. Улан-Удэ: Институт языкознания РАН, ИМБТ СО РАН, 2019. С. 133-136.

8. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и в тексте. М.: Наука, 1988. С. 11-26.

9. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 342 с.

10. Кашкин Е.В. Полисемия признаковых лексем с семантикой ‘прямой’: данные горномарийского языка // Родной язык. 2018, №2. С. 106-127.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

12. Синячкин В.П., Бахтикиреева У.М. Лингвистические заметки о virtuality// Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей II Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. М.: РУДН, 2018. С. 29-39.

13. Тропина Н.П. Языковая картина мира: от технократического мировидения к техноморфной метафорической номинации // Язык и ментальность в диахронии. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С 351-359.

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под ред. проф. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1964. Т.Т. 1–4. Том 3. 828 с.

15. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность / Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995. 247 с.

16. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 343 с.

17. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука. 1974. 428 с.

18. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.

УДК 81`371

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «ЭМОЦИЯ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

С. В. Борзова
Дагестанский государственный технический университет,
г. Махачкала

Данная статья посвящена вопросу вербализации концепта «эмоция» глагольными репрезентантами, входящими во фразеологизмы русского языка. Эмоциональное восприятие действительности отражается в языке и характеризует национальное сознание. Устойчивые выражения позволяют определить особенности мировосприятия отдельного народа, являясь источником многовекового жизненного опыта. На материале фразеологических единиц русского языка рассматривается актуализация эмоциональной концептосферы, выявляются случаи усиления или утраты эмоциональной семантики, устанавливаются причины полисемии многозначных фразеологизмов, делаются выводы об отдельных особенностях национального характера русского народа.

Ключевые слова: *концепт «эмоция», семантический анализ, фразеологические единицы, глагольные репрезентанты, эмоциональная концептосфера.*

This article is devoted to the verbalization of the concept "emotion" by verbal representatives included in the phraseological units of the Russian language. Emotional perception of reality is reflected in the language and characterizes the national consciousness. Expressions allow you to define the peculiarities of the worldview of individual people as the source of centuries of life experience. The Russian phraseological units are used to consider the actualization of the emotional conceptosphere, to identify cases of strengthening or loss of emotional semantics, to determine the causes of polysemy of polysemantic phraseological units, to draw conclusions about some features of the national character of the Russian people.

Keywords: *the concept of "emotion," semantic analysis, phraseological units, verb representatives, emotional conceptualsphere*.

В последние десятилетия в отечественном языкознании наметился антропоцентрический подход в исследованиях. Лингвистов стали

интересовать вопросы, связанные с реализацией процессов мышления и восприятия мира в языке в целом и определенного народа в частности. Именно язык, вербализируя явления окружающей действительности и явления психической и мыслительной деятельности человека, становится идентифицирующей характеристикой каждого отдельного этноса.

При изучении культуры конкретного народа привлечение данных языка выходит на первый план. Как отмечают современные языковеды (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов и др.), выявление особенностей национального характера, глубокое и всестороннее понимание культуры народа возможно именно через язык. Язык является средством доступа к проявлениям ментальной сферы деятельности человека и к ненаблюдаемым когнитивным процессам. В связи с этим проблемы отражения в речи эмоционального восприятия мира как особенностей национального сознания становятся весьма актуальными.

Эмоции в сознании получают собственное содержание, воплощаясь в эмоциональных образах или когнитивных представлениях, сообщающих субъекту об изменениях в его внутреннем мире с точки зрения значимости для него окружающих явлений, предметов, лиц. Представления человека о его внутреннем мире и окружающей действительности образуют эмоциональную концептосферу, которая состоит из развивающихся эмоциональных концептов «страха», «радости», «мучения», «боязни», «зависти» и под. Эмоциональные концепты обладают антиномией: с одной стороны, они являются «центральной частью, которая делает представителей разных этносов более или менее похожими друг на друга [1]. С другой стороны, им свойственна этноспецифичность, обусловленная «индивидуальным эмоциональным трендом и национальным индексом данной культуры» [2].

Концептуальная эмоциональная картина мира находит отражение и во фразеологическом составе языка. Общепризнанным является мнение о том, что прежде всего устойчивые выражения отражают народную мудрость, поэтому их изучение позволяет глубже понять определенный этнос, выявить характерные черты его менталитета, особенности национального характера. Фразеологизмы, в отличие от отдельных лексем, вбирают и отражают «обиходно-эмпирический, исторический и культурный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [1, с. 249] Как отмечает Гасанова М.А., фразеологические единицы содержат в себе «специфику восприятия жизненных ценностей, исторического опыта и памяти языко-

вого коллектива» [2, с. 3]. Нас интересуют фразеологизмы, содержащие в себе глаголы, актуализирующие в своем прямом значении эмоциональную концептосферу.

Задача статьи – определить особенности функционирования эмоциональной лексики во фразеологизмах, отметить изменения глагольной семантики слов-репрезентантов концепта «эмоция», выявить отражение эмоциональной жизни русского народа в отобранных фразеологизмах. Материал для исследования был взят из «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Фёдорова.

Методом сплошной выборки были собраны фразеологизмы, содержащие глагольные лексемы, называющие эмоции в прямом значении. Это такие выражения, как *бередить рану, дурить голову, жизни своей не жалеть, превозносить до небес, счастье улыбнулось* и под. Мы проанализировали 85 фразеологических единиц. Семантический анализ показал, что в 67 фразеологизмах глаголы сохранили облигаторное эмоциональное значение и усилили его в контекстах: *выматывать душу, глаз радуется, голова вскружилась, корчить рожу, мыкать горе* и под.

Эмоциональное значение актуализируется и усиливается чаще всего сочетанием с лексемами-репрезентантами душевной жизни человека: *бог, господь, душа, проведение, судьба, жизнь, живот, век.* Например: *бог миловал, бог не обидел, не бояться бога, выматывать душу, живота своего не жалеть* и под. Таких фразеологизмов нами обнаружено больше всего – 33. Это можно объяснить религиозностью русского народа, верящего в судьбу. По мнению А. Вежбицкой, это «неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности» [3, с. 34]. Вера народа в высшие силы, в их управление жизнью, в зависимость судьбы от милости бога отражается в данных фразеологизмах.

Усиление эмоционального значения создаётся также сочетанием со словами, называющими части тела человека, которые отвечают за эмоциональное восприятие: *сердце, глаз, голова*. Таких контекстов 13: *бередить сердце, задурить голову, проплакать все глаза* и под.

Слова, называющие абстрактные понятия, *счастье и горе* встречаются в сочетании с глагольной эмоциональной лексикой в 3 фразеологизмах: *счастье улыбается, горе горевать, мыкать горе*.

Нами обнаружено 11 фразеологизмов, имеющих варианты: *бередить душу/бередить сердце, выматывать душу/выматывать кишки,*

корчить рожу/корчить харю, мыкать век/мыкать жизнь, навострить лапти/навострить лыжи, навязаться на голову/навязаться на шею, накостылять шею/накласть в шею, курицы не обидит/комара не обидит/мухи не обидит, потупить взор/потупить глаза, не прогневайся/не прогневись, пытать проведение/пытать судьбу.

В 5 фразеологизмах репрезентанты концепта «эмоция» актуализируют периферийные семы эмоциональных глаголов, и весь фразеологизм приобретает иное, и необязательно эмоциональное, значение: *верёвка плачет, кот наплакал, дурью маяться, много о себе мечтать, прости-прощай*.

Фразеологизм *верёвка плачет* «кто-либо заслуживает казни через повешение» имеет сему «осуждение, неодобрение».

Выражение *как кот наплакал* «очень мало кого-либо или чего-либо» актуализирует значение «маленькое количество» существительного *кот,* не усваивая эмоциональной семантики слова *плакать: Восемьдесят рублей бутылка, — слабо возразил Фомин, вернувшийся с тарелкой бутербродов. — Денег у нас теперь у всех, как кот наплакал… С текущих счетов, как вы знаете, выдают по семьсот пятьдесят рублей на душу, — добавил Фомин, у которого вряд ли был где-либо текущий счет* [3].

Дурью маяться «делать глупости; поступать не так, как следует» содержит основную сему «плохо, глупо», находящуюся на периферии семантического поля глагола *маяться*: *Квартира три месяца под наблюдением, телефон на прослушке. Голосок у вас приятный, Ася, мелодичный, вам бы на радио работать, а не дурью маяться. Нельзя же быть такой беспечной, милая барышня…* [4]

Фразеологизм *прости-прощай* «1. Сбежал, скрылся, уехал, оставив навсегда кого-либо или что-либо. 2. Оставлять какое-либо дело или занятие» актуализирует сему «отсутствие, исчезновение» и также не усваивает эмоциональную семантику репрезентанта *прости*, а мотивируется семой «расставание» глагола *прощай*: *Конечно, они «прощались, расставались» и с «родимой сторонушкой», и со своим счастьем, и с надеждами, и с той, с кем это счастье соединялось:*

Ты прости-прощай, любезный друг,
И, родимая, ах да прощай, сторонушка! –

говорили, вздыхали они каждый по-разному, с той или иной мерой грусти и любви, но с одинаковой беззаботно-безнадежной укоризной [5].

Нами выявлено 6 многозначных фразеологических единиц: *морочить голову, накостылять шею, побойся бога, не прогневайся, про-*

сти-прощай, шутки шутить. Полисемия данных выражений имеет разные причины.

Выражение *морочить голову* «1. Намеренно вводить в заблуждение, дурачить кого-либо. 2. Надоедать кому-либо глупостями, приставать кому-либо с пустяками. 3. Думать, размышлять о ком-либо или о чём-либо, тревожась и беспокоясь» вбирает в себя значение исходной лексемы *морочить* «вводить в заблуждение, обманывать» и расширяет его. Так, первый лексико-семантический вариант развивается на базе значения глагола *морочить* «вводить в заблуждение, обманывать». Второе значение фразеологизма актуализирует сему «глупость, пустяк» первого лексико-семантического варианта этой же фразеологической единицы. На развитие третьего значения влияет присутствующая в значении слова *голова* сема «думать» [6].

Выражение *накостылять шею* второе значение «2. Разбранить кого-либо, дать нагоняй кому-либо» развивает на базе первого «1. Избить, отколотить кого-либо».

Этим же объясняется многозначность *побойся бога*: «1. Постыдись, имей совесть. 2. Не поступай так необдуманно, поспешно».

В выражении *не прогневайся* «1. Вежливая форма извинения или отказа от чего-либо. 2. Вини самого себя, сам виноват» многозначность объясняется актуализацией сем «отсутствие гнева» и «наличие гнева» соответственно исходного глагола *гневаться*.

В *прости-прощай* «1. Сбежал, скрылся, уехал, оставив навсегда кого-либо или что-либо. 2. Оставлять какое-либо дело, занятие» полисемия обусловлена семами глагола *прощаться* «уходить», «расставаться», «прерывать отношения» в первом лексико-семантическом варианте и «расставание», «прекращение отношений» во втором [7].

Фразеологизм *шутки шутить* «1. Говорить или делать что-либо только для забавы, развлечения. 2. Насмехаться, издеваться» развивает многозначность на базе производящего *шутить* «1. Весело и забавно говорить, поступать; делать что-н. ради забавы. 2. Насмехаться, подшучивать».

10 фразеологизмов с глагольными репрезентантами концепта «эмоция» стали формулами речевого этикета и утратили эмоциональную семантику.

благодарю покорно (покорнейше),
бог простит,
как бог милует?
будь милостив (будьте милостивы),
как господь милует?

не побрезгай (не побрезгуй) и не побрезгайте (не побрезгуйте), добро пожаловать!
не прогневайся (в 1 зн.),
милости просим,
прощения просим.

В этих выражениях есть слова религиозной направленности *бог, господь* (3 контекста), глаголы с семами «добро», «мир» *миловать, просить* (6 фразеологизмов), частица *не*, отрицающая негативную семантику эмоционального глагола *брезговать, прогневаться* (2 фразеологизма). Это тоже отражает менталитет русского народа: стремление к миру, желание оставаться в добрых отношениях [8].

Из собранных фразеологизмов нами выявлено 3 словообразовательные пары: *дурить – задурить, морочить (в 1 зн.) – заморочить, костылять-накостылять*.

13 фразеологизмов содержат частицу *не*. В одном контексте она усиливает эмоцию: *не нахвалиться*, в 12 используется в значении отрицания действия, названного эмоциональным глаголом. И в результате фразеологизм меняет полюс эмоции на противоположный: *не прогневайся, не пожалеешь, похвалиться не могу, не пожалеть себя, не хвалят, не побрезгай (не побрезгуй, не побрезгайте, не побрезгуйте), жизни своей не жалеть, бог не обидел, не бояться бога, не бояться ни бога, ни черта, не гневи бога, комара не обидит (курицы не обидит, мухи не обидит)*. 7 фразеологизмов из данного списка имеют положительную эмоциональную семантику, отражая особенности русского менталитета: одобрение собеседника или жалость к нему, сочувствие

Во фразеологизмах *горе горевать* и *шутки шутить*, образованных из 2 однокоренных слов, посредством своеобразного плеоназма усиливается эмоциональная семантика.

Таким образом, нами выявлено 85 фразеологических единиц, включающих себя глагольные репрезентанты концепта «эмоция».

67 рассмотренных фразеологизмов вербализируют эмоциональное значение исходного глагола и усиливают данный концепт. Этому способствуют сочетания прежде всего со словами, называющими явления духовной жизни русского народа: *бог, век, господь, душа, живот, жизнь, провидение, судьба.* Преобладание таких фразеологизмов объясняется религиозностью русского народа и некоторым фатализмом, свойственным представителям этого этноса. Утратили эмоциональную семантику, став формулой речевого этикета, 10 фразеологизмов. Но при этом они сохранили эмоциональные особенности рус-

ского народа: стремление к мирной жизни под покровительством высших сил. 6 фразеологизмов развили полисемию на базе полисемии исходных эмоциональных глаголов или в результате актуализации сем входящих в них слов. В 12 фразеологизмах эмоциональное значение глагольного репрезентанта меняется на противоположное благодаря сочетанию с частицей *не.*

Семантический анализ показал, что более 50% фразеологизмов усваивает эмоциональное значение входящего в них глагольного репрезентанта концепта «эмоция». Фразеологизмы отражают такие черты русского народа, как доброжелательность, миролюбие, религиозность, вера в высшие силы.

Литература:

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания, 1995, №1. С.37-67.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / АН ССС. Институт языкознания. М.: Наука, 1976. 383с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Гасанова М. А. Словарь табасаранских пословиц и поговорок. Махачкала, 2017. 176 с.
5. Гринченко Л. В. Фразеологические и паремиологические единицы как средство речевого воздействия в политической коммуникации / Культура и цивилизация. 2016. №4. С.246-253.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
7. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 991 с.

Словари:

Словарь русского языка: в 4-х томах. М.: Русский язык, 1981-1984.
Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т./Сост. А.И. Фёдоров. М., Цитадель, 1997.

Интернет-ресурсы:

http://www.ruscorpora.ru/
http://www.russcomm.ru/rca_biblio/sh/shakhovsky03.shtml

УДК 811.11-112

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ПРООБРАЗ ТЕОРИИ «ОСНОВНОГО МИФА»: КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Г.А. Ваганян,
В.Ф. Багдасарян
Российско-Армянский (Славянский) университет,
г. Ереван

В статье анализируется когнитивный материал с культурологическими и лингвистическими фактами. Единство многообразного и объемлющего материала теории «основного мифа» представляется методами литературного анализа, выделяется универсальная мифологическая линия. Новая концепция исследования данного вопроса проводится с учетом исторических, философских, культурологических и лингвистических фактов.

Ключевые слова: *основной миф, когнитивный анализ, лингвистический анализ, мифологический сюжет*

The article analyzes cognitive material with cultural and linguistic facts. The unity of the diverse and voluminous material of the theory of the "main myth" is presented by methods of literary analysis, a universal mythological line is highlighted. The new concept of research on this issue is based on historical, philosophical, cultural and linguistic facts.

Keywords: *basic myth, cognitive analysis, linguistic analysis, mythological plot*

Теория «основного мифа», разработанная лингвистами В. Топоровым и В. Ивановым в 60-70-ых годах XX века, сводится к выделению основного мифологического сюжета в области индоевропейской мифологии [1]. Когнитивный и лингвистический анализ рассматриваемой области показывает, что к настоящему времени теория «основного мифа» устарела, поскольку не вбирает в себя целостный круг исследуемых вопросов. Критика теории «основного мифа» неизбежно оказывается в соотнесении с современным положением анализа мифологического сознания в критической и научной философии.

Анализ качества информации несет новые культурологические и лингвистические утверждения. Так, например, среди переднеазиатских кочевников, живших в начале I тыс. в Каппадокии, стали выявляться многозначные этнонимы *каски/кашки* в лице татар, индоарий-

цев и скифов [2]. Самоназвание *каска* совпадает с хаттским (протохеттским) теонимом *Kašḱu* ‘бог луны’ и идентифицируется с названием *Каспийского* озера, с древнегрузинским этнонимом *кашаг*, древнеармянским *гашке*, древнерусским *косог*, осетинским *касаг*, протолезгинским *кас* – человек. Протолезгинские племена *Кас-ки*, говорившие на ранее семитском диалекте, поклонялись богу Луны и представляли собой этнический конгломерат шумеров и аккадцев эпохи месопотамской цивилизации. Древнее название *Каспийского* озера исчезло, однако одноименный этноним племен встречается в названии *Кавказ* «*каф=кас*» букв. «пена человек».

Подобно древним народам античности, кавказцы центром духовной деятельности и интеллекта считали не мозг, а сердце. Подчеркивая, разнообразные сведения о многочисленных народах Кавказа можно сообщить фактуальную информацию: в древности Восточный Кавказ греки называли *Скифией*, персы – *Тураном*.

Лингвистический анализ древних феноменов Кавказа позволяет сделать вывод: есть книга, в которой все сказано, все решено, после которой нет сомнения, что Книга «Библии» – это история о первобытных предках кавказских племен. Предания, мифы и легенды «примитивных» кавказских сообществ не имеют реального автора, они являются продуктом коллективного со-высказывания. «В чем суть нашего бытия?» До сих пор знания о первобытных предках предоставлялись нам этнологией. А она уже априори движется в толковании человеческого бытия вообще. Наш анализ, представляя некий конгломерат речи высокообразованного человека, окрашивает значения метапсихологической закономерности. Мета, постепенно входя в тело психологии, бросает в диалог объективные тайны и загадки человеческой речи. Перевод Библии на языки народов Кавказа выявляет картину метапсихологическим пределом.

В настоящее время специалисты по культурной антропологии, этнологии и археологии, восстанавливая культурную предысторию, уделяют мало внимания так называемому: «В начале было Слово, и Слово было у Бога». Наиболее древними богами в толковании человеческого бытия вообще являются олицетворяемые небесные светила – Солнце//Луна. В незапамятные времена была битва между богами, и пятна на луне – это раны, полученные ею в битве. Луна хвасталась, что она красивее Солнца, и Солнце в сердцах ударило Луну по лицу куском овчины. История, культура, нравственность в толковании человеческого бытия вообще описаны в Библии, а Христос – это содержание грядущего по материалам культурной антропологии.

Литература:

1. Иванов В., Топоров В. Исследования в области славянских древностей. Наука, Москва, 1974.
2. Abdullaev I. J. Research case data conceptology with the paradigmatic and syntagmatic maintenance // Opcion. 2018. Т. 34. № 87-2. С. 279-290.
3. Болдырев Н. Когнитивная семантика: Курс лекций. Тамбов: ТГУ, 2000, стр. 123.

УДК 070.430

ИНТЕРВЬЮ И ИНТЕРВЬЮЕРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ТВ

Н. А. Булейко
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

В статье рассматриваются проблемы интервью как жанра, его видов и методов реализации на современном экране РГВК «Дагестан».

Ключевые слова: *интервью, виды, телепроект, журналист, телепродукция, информация, портрет, язык, драматургия*.

Annotation. The article is devoted to the problems of interview, their forms and methods of realization on the modern screen of RGVK «Dagestan»/

Key words: interview, forms, TV-project, journalism, television production, information, portrait, language, dramaturgy.

РГВК «Дагестан» (республиканская государственная вещательная компания) создана в 2003 году по решению Правительства республики Дагестан. Ее первый эфир состоялся в апреле 2004 года. Сегодня вещание ведется на пятнадцати языках: русском и четырнадцати языках народов Дагестана. РГВК носит имя своего первого руководителя – государственного, общественного деятеля республики Гаруна Курбанова, трагически погибшего в июле 2011 года.

РГВК «Дагестан» является одним из ведущих телевизионных каналов республики, который производит информационные, аналитические, публицистические, культурно-просветительские, познавательно-развлекательные телепроекты. Несомненным плюсом является вещание компании на спутнике. Но именно этот факт требует от журнали-

стов исключительного профессионализма всех участников творческого процесса.

С первых дней своего существования РГВК «Дагестан» сделал ставку на производство интервью. Интервью – межличностное, вербальное общение для получения информации и производства нового знания в целях удовлетворения информационных потребностей общества [1, 4].

Интервью было и остается одним из востребованных телевизионных жанров, в связи с возможностью получения информации из «первых рук». А субъективный характер жанра дает интервьюерам дополнительные плюсы: предоставить аудитории различные точки зрения на факты, события, явления, проблемы. Но нельзя забывать, что интервью – один из самых сложных телевизионных жанров, требующий от журналистов специальной подготовки: общей, конкретной, психологической. Практикующие телеинтервьюеры считают, что успех интервью зависит и от физического состояния журналиста и его собеседника, и дождя за пределами студии.

Несмотря на то, что каждый тележурналист, приходя в телекомпанию, в первую очередь становится интервьюером, не каждый может работать в кадре в качестве интервьюера. Чтобы зрители досмотрели телепрограмму до конца, интервьюер должен обладать множеством качеств: артистизмом, обаянием, искренностью, заинтересованностью, увлеченностью. Со временем интервьюер должен стать профессионалом телевизионного общения, психологом и психотерапевтом. Психологом - потому что точно надо знать, как подать себя, быстро определить тип личности, которая сегодня в студии. Психотерапевтом – потому что надо помнить, что интервью на камеру – огромный стресс для героев интервью [2, 256-257]. Трудно найти журналиста на ТВ, личность которого объединила в себе все эти качества. Особенно сложно это в региональных телекомпаниях, где журналистам приходится выступать в амплуа интервьюера, вопреки их желаниям и предрасположенности к данному виду работы. В результате телевизионный продукт выходит в эфир не самого высокого качества.

Сегодня в вещательной сетке РГВК «Дагестан» присутствуют традиционные модели интервью: информационные: «Подробности», «Здоровье», «На виду»; портретные: «Глянец», «Вдохновение», «Кунацкая». Наглядно прослеживается и процесс симбиоза моделей интервью. Телепроекты «Вдохновение» и «Кунацкая» могут соединить элементы информационной и портретной моделей. Ярким примером

симбиоза информационного, проблемного и портретного интервью является проект канала «Аутодафе».

В качестве интервьюеров выступают Анвер Багиров, Тельман Раджабов, Хамис Шамилова, Мадина Пахрудинова, Малика Куниева, Магомед Гюсейнов, Барият Убрынская, Юлия Майорова, Гаджимурад Зияутдинов, Заур Газиев, Зарипат Курамагомедова, Магомед Махатилов и другие. Все они работают в партнерском стиле, оставаясь в корректных профессиональных рамках.

Предварительная подготовка прослеживается в интервью Заура Газиева («Аутодафе»), Гаджимурада Зияутдинова («На виду. Спорт»), Анвера Багирова («Подробности»). Диалог идет живо и динамично, вопросы артикулируются четко и ясно. Интервьюеры проявляют неподдельный интерес к своим собеседникам. Яркое начало присутствует в «Аутодафе». Журналист стремится начать с вопросов, которые помогли бы собеседнику настроиться на откровенное общение. К сожалению, редки случаи выхода программы «Подробности» с Анвером Багировым, который профессионально выстраивает драматургию интервью, компетентен в заявленной теме, добивается ответов на вопросы, от которых собеседники пытаются уйти.

Чаще в эфире РГВК «Подробности» выходят с Тельманом Раджабовым. Журналист не всегда владеет предметом разговора, ошибается в цифровой информации, озвучивает малопонятные вопросы. Конечно, и Тельману Раджабову может повезти, если его собеседницей станет Татьяна Гамалей, которая и на неудачный вопрос даст информационно-насыщенный ответ.

Характерные черты телепроекта «Глянец» - банальные вопросы, перебивание собеседников, комментирование и хихиканье интервьюеров. Мадина Пахрудинова и Малика Куниева, возможно, слышали о технике проведения интервью – «сыграть инспектора Коломбо», но не поняли, что ключевое слово – сыграть, а не быть.

Антиподом М. Пахрудиновой и М. Куниевой является Нажмутдин Атлыгишиев в проекте «На виду». Он уверен в себе, серьезен, дружелюбен, тактичен. Но это лишь внешние атрибуты. По сути, журналист не всегда может определить цели и задачи интервью, композиционно выстроить ход беседы, не слышит ответов собеседников, отчего задает вопросы невпопад.

Еще недавно телепроект Ханжана Курбанова «собирал» у экрана аудиторию, способную оценить искреннее общение с интересными дагестанцами. Его герои делились мыслями, рассуждали о жизненных перипетиях, судьбе и имидже Дагестана. Финальной точкой был

блиц-опрос из десяти вопросов. Они подводили коммуникацию к логическому завершению. Но Ханжана Курбанова в эфире РГВК «Дагестан» заменил Магомед Гюсейнов. «Кунацкая» превратилась в скучное интервью, где непременно присутствуют фразы: «мечта детства», «реакция родителей», «тяжело ли работать?». Восприятию интервью как целостного телевизионного произведения мешает несовершенный русский язык.

Вновь приходится говорить о главной проблеме региональных интервьюеров – языковой. Тележурналисты допускают лексико-стилистические, морфолого-стилистические и фоностилистические ошибки. Речь их изобилует словами-паразитами, бессвязными и перегруженными предложениями. Когда дагестанские тележурналисты поймут, что язык - их главный инструмент, с помощью которого они информируют, просвещают, воспитывают свою аудиторию, начнут осваивать азы общения, обретут свободу собственной речи, можно будет ожидать положительных результатов в становлении жанра интервью на региональном ТВ.

Литература:

1. Лукина М.М. Технология интервью. М., 2003.
2. Зверева Н.В. Школа регионального журналиста. М., 2004.

УДК 811.11-112

ПОНЯТИЯ «КАВКАЗ»: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, КОНЦЕПТ

В.О. Ваганян,
Г. А. Ваганян,
В. Ф. Багдасарян,
Российско-Армянский (Славянский) университет, г. Ереван

В статье анализируется когнитивная оценка мифологического мотива в форме идеи познания «дерева добра и зла». Концептуальный смысл идеи борьбы лежит в сознании (мышлении) парадигмы и цены знаний, выраженной в форме идеи познания «дерева добра и зла». Этот сюжет интерпретирован в мотивах наскальных рисунков. Ключевым анализом доисторического человека с последствиями катастрофического извержения вулкана становится битва.

Ключевые слова: *разделение языков, сознание, интерпретация, кнцептуальный смысл*

The article analyzes the cognitive assessment of the mythological motive in the form of the idea of learning the tree of good and evil." The conceptual meaning of the idea of struggle lies in the consciousness (thinking) of the paradigm and the price of knowledge, expressed in the form of the idea of knowledge of the "tree of good and evil." This story is interpreted in the motifs of rock paintings. A key analysis of a prehistoric person with the consequences of a catastrophic volcanic eruption is a battle.

Keywords: *language separation, consciousness, interpretation, common sense*

Согласно Книге Юбилеев, первоначальное место расселения яфетидов – Армянское нагорье. После разделения языков они распространились на восток, север и запад и, таким образом, заселили всю Евразию (за исключением Ближнего Востока, где обосновались семиты, потомки первого сына Ноя – Сима). Согласно армянской и грузинской традициям, от сыновей Фогармы, внука Иафета, произошли армяне, грузины и другие народы Кавказа. Фогарма (ивр. Тогарма, арм. Торгом, груз. Таргамос) – библейский послепотопный патриарх, сын Тира (Тираса/Фираса), внук Иафета, брат Рифата, Асканаза и Иавана.

В этой связи, прежде всего, обращает на себя внимание характер сакральной географии, сохранивший типологически табуированные древнеиндоарийские корни в фольклоре народов Дагестана. Отмеченные останки индоиранских культов в Дагестане, выявляют отголоски предмифологии и расширяют полученную информацию в иноэтническом нарративе: рассказывают, что в глубокой древности Бог ходил по горам Кавказа с «мешком языков» и рассыпал их на территории Кавказа. С тех пор здесь существует известная легенда «Гора языков – Гора Кавказа», а прототекст этнолокального дагестанского своеобразия с совокупными описаниями сохранился в «Пасхальной хронике» и тексте «Семьи языков» [2]. В них в одинаковом порядке перечисляются народы, которые произошли от Сима, Хама и Иафета. Приводим строки: «Пишу с Богом, какие народы произошли после вавилонского смешения языков …. Среди них знающих письмо шесть народов – греки, амореи (мидяне), аленайе (аланы), римляне (латиняне), армяне, грузины». Письменными семитскими народностями названы сирийцы, иудеи, вавилоняне (шумеры), персы, эламитяне.

Дошедшие до нас клинописные документы языков Передней Азии помогают реконструировать события прошлого. В частности, И.М. Дьяконов отмечает: «Нередки были случаи полного вытеснения одного, побежденного языка другим – языком-победителем, при сохранении прежнего культурного и антропологического состава населения. Так, в северной Месопотамии последовательно сменились хурритский, аккадский, арамейский (сирийский) языки в общем одинаковом составе населения; в южном Двуречье сменились шумерский, аккадский, арамейский [3].

Более того, проблема лингвистического субстрата древних языков Передней Азии представляется в новом свете в связи с открытием субарейских текстов. До сих пор было известно, что шумерским термином Su(-bir), аккад. Šubartu во II тыс. обозначали хурритоязычные территории в верховьях Тигра и Евфрата, и предполагалось, что первоначально этот термин обозначал некое дохурритское население (в титулатуре касситского царя Агума II: «царь касситов и аккадцев, царь Вавилона).

Сегодня уже доказано, что государства Передней Азии Шумера, Аккада, Элама включены в тип отношений географической общности Кавказа. Благодаря «Великому шелковому пути», стратегическое положение Кавказа оказалось перекрестком цивилизации, и теперь нет сомнения, что семиты и шумеры, жившие бок о бок в Месопотамии, оставили свой след в истории Крымского полуострова [4]. Уже само географическое положение региона способствовало тому, чтобы процесс консолидации межэтнических элементов кавказских семитов и кавказских тюрков протекал в межкультурной среде.

На фоне расширения сфер межкультурной коммуникации, предмет человеческого бытия выявляет феномен этнической идентичности.

Литература:

1. Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Стратановского, под общей редакцией С. Л. Утченко. Редактор перевода Н. А. Мещерский, Изд-во “Наука”, Ленинград, 1972.

2. Драсханакертци О. История Армении, перевод с древнеармянского М.О. Дарбинян-Меликян, Ереван, 1984.

3. Марр Н. Армянская культура. (Ее корни и доисторические связи по данным языкознания). Предисловие проф. Ганаланяна О.; Ереван, Айастан, 1990, http://www.iatp.am/culture/articles/marr.html

4. Хоренаци М. История Армении (пер. с древнеарм. Саркисяна Г.), "Айастан", Ереван, 1990.

УДК 81-22

THE STATUS OF THE PARATAKINE TRIBE IN THE HISTORICAL PERIOD OF ANCIENT PERSIA

Hassan Kohansal
University of Guilan, Iran

In ancient Persia, there were different tribes, each of which had a share in Iranian history, civilization and culture. One of these less-known ethnic groups is Paratakine. The name of this tribe in historical texts has come from Pari Ta'ken, Pery Ta'ken, Peritakinoee, Pery Tikan, Feri Tikan, Bari Tikan, Paratakenak and Free Ta'kens. The Satrap Paratakine is adapted to the area of today Faridan city in the west of Isfahan province (including Fereidoun Shahr, Chadegan, Boein and Miandasht and Fridan). It was a vast land spread from East to Gey (jey) of today Isfahan and from west to Ekbatan or Hamedan province and its northern direction to Taragayari and from other side to Atran district in the northeast of Khuzestan. The historians of the Imperial Med land (559 BC - 708 BC) consists of three districts; Med Atropatan is known as (including Azerbaijan and Kurdistan to the eastern Tigris), Med Sofla (including Iraqi Ajam to the Gomes or today Semnan and Lorestan), and Med Paratakine or Partakanak (Limited between the mountainous regions of the east of Anzan to the Kasyan Plains and the Zayandehrood Basin). One of the six Medes tribes was Paratakine. The Partakans played a significant role in the companionship of the Medes in the abolition of the Assyrian empire in the year 612 AD, as well as in the establishment of the Median army and the army. In the formation of the Persian Empire Achaemenid Empire (330 BC - 559 BC), their influences played a significant role, and because of this, the people of Pars were exempted from payment of taxes and royalties. Satrapi Paratakines were very economically prosperous, and one among the most abundant central parts of Iran during the Achaemenid period. With the invasion of Alexander to Iran in the year 331 BC, with the decline in the economic and production growth of society, the social dispersion expanded, and Satrapi Paratakine, like other satrapis faced stagnation. With the seizure of Iran by Alexander, one of the three states that remained was Satrapi. The political dispute during the Selukian period (250 BC -321 BC), contributing to the collapse of the social and economic system of Satrapi Paratakine and the invasion and dominance of the primitive tribes of Alimaii to there. With the formation of the Pars Partian Empire (250 BC-224 AD), the executives and army soldiers of the local satraps, to create security and tranquility of

the roads and caravans, as well as training and preparing the cavalry forces to confront the enemies, they started the construction of the small and large garrison, and the construction of military Fortresses. Archaeological excavations in the eastern part of Lorestan and the military forts in the Golpayegan area confirm the matter. With the security and tranquility created, Satrapi Paratakine regained its past economic and social prosperity. With the formation of the last Persian Empire in the ancient era (224-651AD), i.e., the Sassanid government, Satrapi Paratakine started to decline. The Sassanid did not agree with the political, administrative, and cultural behaviors of the Parthians, and did not pay much attention to the military fortress on a military policy basis. The consequence of that was the invasion of the foreign enemies and domestic native enemies as in the past like The Ilimaiis and the increase of taxes and tribute. Such conditions created in the Sassanid government (as well as imposing the acceptance of Zoroastrianism), was the Underlying cause of the economic, social and cultural degeneration of the Satrapi Paratakine tribe.

Keywords: *Satrapi Paratakine tribe, Med, Achaemenid, Hellenic, Parthian, Sassanid*

جایگاه قوم پرتاکن در دوره تاریخی پارس باستان (651 م – 708 ق.م)

ژاله دکتر حسن کهنسال واجارگاه-دانشگاه گیلان-رشت-ایران

چکیده

در ایران باستان ،اقوام گوناگونی زندگی می کردند که هر کدام سهمی در تاریخ ،تمدن و فرهنگ ایران داشته اند .یکی از این اقوام کمتر شناخته شده پرتاکن ها (Paratakine) هستند.نام این قوم در متون تاریخی بصورتهای به پاری تاکن،پری تاکن،پریتاکینوئی،پری ساتراپ پرتاکن با تیکان،فری تیکان،باری تیکان،پاراتاکناک و تاکن های آزاد آمده است. منطقه و شهرستان فریدن امروزی در غرب استان اصفهان (شامل:فریدون شهر،چادگان،بوئین و میاندشت و فریدن می شود)تطبیق داده شده است.سرزمین وسیعی بوده است که از طرف شرق تا گی(جی) اصفهان امروزی و از سوی غرب تا ایالت اکباتان یا همدان و جهت شمالی آن تا رگا یا ری و از دیگر سوی تا نواحی آتران در شمال شرقی خوزستان ماد ;گسترده بود.مورخان سرزمین امپراتوری ماد (559 ق.م – 708 ق.م) را شامل سه ناحیه آتروپاتن(شامل آذربایجان و کردستان تا حوزه شرق دجله علیا)،ماد سفلی (شامل عراق عجم تا حوزه قومس یا سمنان امروزی و لرستان بود) و ماد پرتاکن یا پارتاکناک (میان مناطق کوهستانی شرق انزان تا دشت های کاسیان و حوزه آبریز زاینده رود محدود بود)می دانند.یکی از اقوام ششگانه مادی ها ،پرتاکن ها بودند.قوم پرتاکن نقش مهمی در همراهی مادها در از میان بردن امپراتوری آشور در سال 612 ق.م و همچنین در ایجاد ارتش و نیروی اداری مادها ایفا کردند. پرتاکن ها در شکل گیری امپراتوری پارس هخامنشی (330 ق.م – 559 ق.م نقش موثری داشتند و بخاطر همین امر بسان قوم پارس از پرداخت مالیات و خراج معاف شدند.ساتراپی پرتاکن از نظر اقتصادی بسیار شکوفا و از جمله آبادترین نقاط مرکزی ایران در دوره هخامنشی محسوب می شد. با حمله اسکندر به ایران در سال 331 ق.م کاهش رشد

اقتصادی و تولیدی جامعه و اختلافات اجتماعی گسترش یافت و ساتراپ پرتاکن مثل سایر ساتراپ ها دچار رکود شد. با تصرف ایران توسط اسکندر ،یکی از سه ایالتی که بصورت ساتراپی باقی ماند پرتاکن بود نزاع سیاسی در دوره سلوکیان(250 ق.م -312 ق .م)باعث در هم ریختگی نظام اجتماعی و اقتصادی ساتراپی پرتاکن و هجوم و تسلط اقوام بدوی الیمایی به آنجا شد.با تشکیل امپراتوری پارس اشکانی (224 م -250 ق.م) ، کارگزاران و ارتش سالاران ساتراپی های محلی ،برای ایجاد امنیت و آرامش راهها و کاروانیان و همچنین آموزش و آماده سازی نیرو های سواره نظام برای مقابله با دشمنان به ساخت و ساز پادگان های کوچک و بزرگ و احداث قله های نظامی پرداختند.کشفیات باستانشناسی قلاع در محدوده شرق لرستان و دژ های نظامی حوزه گلپایگان تایید کننده این امر است.با امنیت و آرامش ایجاد شده ،ساتراپی پرتاکن مجدد به رشد و بالندگی اقتصادی و اجتماعی گذشته خود رسید.با تشکیل آخرین امپراتوری پارس در عهد باستان (651 م -224 م) یعنی دولت ساسانی ،ساتراپی پرتاکن بسوی افول و انحطاط رفت . ساسانی ها با رفتار های سیاسی ،اداری و فرهنگی اشکانیان موافق نبودند و در زمینه سیاست نظامی به استحکامات نظامی چندان توجهی نمی کردند.پیامد این امر باعث هجوم دشمنان خارجی و بومیان داخلی بسان گذشته مانند ایلیمایی ها و افزایش مالیات ها و خراج ها شد.چنین شرایط ایجاد شده در دولت ساسانی (همچنین تحمیل پذیرش دین زرتشتی)، زمینه ساز انحطاط اقتصادی ،اجتماعی و فرهنگی قوم و ساتراپی پرتاکن را ایجاد کرد.

واژگان کلیدی:
قوم پرتاکن، ماد ، هخامنشی ، هلنی ، اشکانی ،ساسانی

مقدمه

در مطالعه تاریخ ایران باستان با اسامی اقوام متعددی برخورد می کنیم که هر کدام به سهم خود نقشی را ایفا کرده اند.بررسی و مطالعه اقوام نقش بسیار مهمی در شناخت درک بهتر تاریخ) اشاره کرد.نام این قوم Partakineایران خواهد کرد.از جمله این اقوام می توان به پرتاکن (پاری تاکن ، پری تاکن، پریتاکینوئی،پری تیکان،فری تیکان، ;در متون تاریخی بصورت های پاری تیکان ،پاراتاکناک و تاکن های آزاد آمده است.

پرتاکن ها قومی جنگجو و بی پروا بودند و در طول تاریخ ایران باستان بر اساس شرایط زمانی علیه آنها بوده اند. گاه همگام و همسو با دولت ها و

در این پژوهش قصد بر این است که به بررسی نقش و جایگاه پرتاکن ها در ادوار مختلف تاریخ ایران باستان پرداخته شود.

پرتاکن ها از ماد تا پایان سلوکیان(250 ق.م-708 ق.م)

اول، ماد آتروپائن که ; مورخان سرزمین ماد کهن را مرکب از سه ناحیه بزرگ دانسته اند شامل آذربایجان و کردستان تا حوزه شرق دجله ی علیا را شامل می شده است.دوم ماد سفلی که عراق عجم تا حوزه قومس (سمنان امروزی)و لرستان را در بر می گرفته است و سوم ماد پارتاکناک یا پرتاکن که میان مناطق کوهستانی شرق انزان تا دشتهای پر فراز و نشیب کاسیان و حوزه آبریز زاینده رود محدود و محصور بوده است.(زرگری نژاد ،1357: 52) در کتیبه های آشوری و الواح گلی به دست آمده از حفاریهای شمال کرکوک و سرزمین های جنوبی دریاچه وان در ترکیه مطالبی وجود دارد که از لشکرکشی تیگلات پلسر اول شاه قدرتمند آشوربه ماد کهن در حدود 900 ق . م حکایت دارد.

گزارش ها و مندرجات لوحه های به دست آمده به خراج سالیانه ی سنگینی که نسبت به اقوام ماد تحمیل گردیده ،اشاراتی دارد که نشانگر باج گزاری قبایل و طوایف این سرزمین و

انقیاد آنان نسبت به آشوری ها به حساب می آید.از کتیبه ای که از شلمانصر دوم ،فرمانروای مقتدر آشوری بر جای مانده (839 ق.م)چنین به دست می آید که بعضی از قبایل مادای (ماد) به خصوص قوم پرتاکن از فرمان او سر پیچیده و با فرمانروایان نظامی ، ماموران و ممیزان مالیاتی دشمن به مبارزه پرداخته و حاضر به تمکین سیاسی واقتصادی نبوده اند.(همان منبع: 53 (

بر اساس اطلاعات حاصل از کاوش های باستان شناسی و آثار به دست آمده از سال 726 بخش بزرگی از ماد پرتاکن از سلطه ی دشمنان به در آمده است و مادها آن را «پاهرا» به ;ق.م معنی آزاد ،نامیده اند.مادها و پرتاکن ها اولین مردمی بودند که از فرمان آشوریان سر پیچیدند.مجموع طوایف ماد در قدیم شامل شش طایفه بزرگ می شد که هرودوت مورخ یونانی) یا پرتاکن (Paritakinoi) ،پریته کینویی (Bousia بوزایی (;آنها چنین ذکر می کند) ، ماگویی Boudioui) ،بودیویی(Arizantoi) ،اریزانتویی (Strawates،استروخاتس ( ) . در باب طایفه پریته کینویی احتمال می رود که محل آنها در حدود اصفهان امروزی Magoi(یعنی فریدن باشد.چنانکه اریزانتویی را احتمال داده اند که در نواحی شرقی ماد و شاید حدود ری (رگا) باشد. در مورد مکان سایر اقوام نظری نمی توان داد.(زرین کوب ، 1364 : 84)

پر تاکن ها در افول و سقوط آشوریان به همراه دیگر قبایل مادی و مساعدت های اقوام همجوار خود نقشی اساسی داشته اند.به نظر می رسد این بخش از ماد واسطه میان هم نژادان خود و پارس ها هم بوده اند.پرتاکن ها در شکل گیری ارتش و نیروی اداری ماد های تازه به قدرت رسید ،به خصوص در سرزمین های جنوب شرقی این دولت ،نقش بی بدیل ایفا نمودند.(رضا زاده شفق ،1339 : 46)

آنچه از دیگر متون کهن و باستانی تمدن های دیر باز مستفاد می شود آن است که پرتاکن چنان که بر خلاف اینکه ;ها در فراز و فرود دولت ماد نقش های نا همگون و متناقض داشته اند در اول با دولت ماد همکاری و همیاری داشتند اما در دوران بعدی به خاطر کم توجهی و بی اعتنایی شاهان و نپرداختن دولت سالاران به امور مردم و جنگهای طولانی و رکود اقتصادی جامعه ی پرتاکن و همچنین تحریکات سران قوم پارسی به مخالفت و معاندت با حاکمان ماد پرداختند و در سقوط و زوال ماد ها ،پارسیان را مساعدت و مصاحبت نمودند. همین عامل باعث شد که در امپراتوری هخامنشی به نقش بی بدیل آن ها توجه خاصی گردید و ایالت وساتراپی با نام آن ها در روش اداری و تقسیمات جغرافیایی آریائیان پارسی شکل گرفت و بوجود آمد.(همان : 60 ، 61)

این سرزمین و مردمانش از هسته های اصلی و محوری امپراتوری هخامنشی (331 ق.م -559 ق.م)به حساب می آمدند. از نظر اقتصادی یک قدرت برتر بوده و از جمله آبادترین نقاط مرکزی ایران ساتراپی پرتاکن بوده است زیرا جاده های متعددی که مسیر و محل تردد کاروان های تجاری به شمار می آمدند از این منطقه عبور می کردند.

مردم ایالت پرتاکن مالیات و خراجی به امپراتوری بزرگ پارس نمی پرداختند.به طوریکه هرودوت آنها را با پارسیان یکی دانسته است.(یاکابوسکی،1355 : 22)

ممکن است به علت آنکه پرتاکن ها در انتقال اطلاعات سیاسی ،نظامی و اداری دولت « مادای» ماد به کارگزاران هخامنشی نقش بزرگی ایفا می کردند و همچنین در اموراهداری و اقتصادی پارس ها را یاری می کردند و با آنان در مقابله با دشمنان ایران همکار و همساز بوده اند باعث پدیداری چنین نظری در میان مورخان یونانی شده است.

تجانس فکری ،همبستگی های سیاسی و اجتماعی و اختلاط و امتزاج عملکرد که به دنبال تعاملات جمعی شکل می گیرند در این برهه به خوبی نمایان شد.

از تخت جمشید پنج راه به شوش ،پرتاکن یعنی (فریدن امروزی)کرمان ;به گفته ی پیرنیا ،بنادر دیلمان و هرمز در خلیج فارس کشیده شده بود.(پیرنیا ،1360 :383 و 384)

یا] جی [ساتراپ پرتاکن شامل سرزمین وسیعی بوده است که از طرف شرق تا گی و]ری [و جهت شمالی آن تا رگا]همدان[اصفهان امروزی و از سوی غرب تا ایالت اکباتان گسترده بوده است.وجود دو شاهراه] شمال شرقی خوزستان [از دیگر سوی تا نواحی آتران بزرگ تخت جمشید و ری که هر دو از پرتاکن عبور می کرده اند علاوه بر موقعیت مناسب اقتصادی بر اهمیت اداری و نظامی و سیاسی آن می افزوده است.(میر محمدی 1382 :56)

ساتراپ پرتاکن به مرور همگام با بزرگان و حاکمان خود از مزایای همراهی و همکاری با امپراتوری هخامنشی برخوردار گردید و همپای آنان قدرتمند شد و سپس با ایشان به ضعف گرایید.توان اقتصادی و تولیدی جامعه کاهش یافت و اختلافات اجتماعی گسترش پیدا کرد.(مشکور ،1379 :242)

با یورش اسکندر به ایران ، ایالتهای غرب دولت هخامنشی دچار رکود و ویرانی شدند، مقاومتهای مردمی ،بیگانه ستیزی وکمبود آذوقه حرکت دشمنان را با سختی و شکست مواجه ساخت.

در پی آن ، برای تامین هزینه های لشکریان ،«اکساتر» والی شوش که به شدت مورد تنفر مردم بود به پرتاکن اعزام گردید تا بتواند از منابع موجود در این ساتراپ دشمنان را یاری رساند و تجمع مخالفان حضور بیگانه در این ایالت را بر هم زند و فرو بپاشد.(رانداماید ،1355 :194)به نظر می رسد هسته های مقاومت مردمی و پادگان های نظامی و علاوه بر آن ویژگی های طبیعی و دفاعی منطقه ،پیشگامان سپاهیان دشمن را در رسیدن به خواسته هایشان ناکام ساخته و به همین خاطر چندی بعد اسکندر با تحمل تلفات فراوان و گذر از میانه های زاگرس ،سرزمین پرتاکن را تسخیر و تصرف نمود.(پیر نیا و همکاران :1372 : 64 و 65)به پرتاکن ،طبرستان و اری ;گفته ی آلفرد فون گوتشمید از نواحی متصرفه اسکندر فقط سه ایالت یا ، به خاطر خصوصیت جغرافیایی و کوهستان های تو در تو و راه های ارتباطی شان ،مانند زمان داریوش اول به صورت ساتراپ و ایالت باقی ماندند.(گوتشمید،1367 :185 و 181)آریان اشاره میکند که اسکندر در بهار سال 330 قبل از میلاد و حدود آوریل که دیگر خود را فرمانروای ایران می دانست ،از شیراز ،اسپدانه (اصفهان)و پرتاکن یا پریتکانه (فریدن) به سوی همدان حرکت کرد (رجبی ، 1381 :3/ 168)

سرزمین پرتاکن با حملات بیگانگان به ضعف گرایید و مدتی بعد با جنگهای خونینی که میان سرداران و جانشینان اسکندر در سال 317 ق.م درگرفت به شدت ویران شد و آبادانی خود را از دست داد.(دیاکونوف ،بی تا: 236-234)

بر اساس متون تاریخی مستفاد می گردد ،درهم ریختگی نظام اجتماعی و اقتصادی شهرها و روستاهای حوزه جغرافیایی پرتاکن ها در دوره هلنی های مهاجم چنان بوده است که کوه نشینان الیمایی که محل استقرارشان میان کوهستان های شمال شرقی خوزستان و شرق لرستان کنونی بود ،تار و پود جامعه از هم گسیخته پرتاکنی ها را با حملات غارتگرانه و پی در پی الیماییان را که کوچ نشینان کم ;خویش پاره کرده و فرسودند.برخی مورخان مانند استرابون فرهنگ و بدوی بودند ،جزء ساکنان پرتاکن بر شمرده اند.(میر محمدی ،1382 :60) بنظر چنین نیست .احتمال می رود تسلط چند دهه آن ها بر این ساتراپ که به صورت متناوب و محدودی ادامه داشته ،باعث پیدایش چنین نظر و اندیشه ای شده باشد.

پرتاکن ها در دوره های اشکانی و ساسانی (651م-250 ق.م)

با قدرتمند شدن پارت های آریایی و ظهور دولت اشکانی (224 م -250 ق.م) بوم ساخت فرهنگی اجتماعی پرتاکن ها تغییر و تحول اساسی یافت.اقتصاد ناپایدار این منطقه هر لحظه به وسیله کوچروان فرصت طلب تهدید می شد.کارگزاران و ارتش سالاران دولت های محلی برای ایجاد امنیت و آرامش راه ها و کاروانیان و همچنین آموزش و آماده سازی نیروهای سواره نظام برای مقابله با دشمنان به ساخت و تجهیز پادگان های کوچک و بزرگ و احداث قلعه های نظامی پرداختند.(شکرانی ،1376 : 74) به نظر می رسد با این اقدام ،اندکی بر مشکلات فائق آمده و در دوره های متناوب ،مردم پرتاکن و سرزمین های مجاورش در آرامشی نسبی به سر می برده اند.

دژها و پادگان های دوره اشکانی در زمان امپراتوری ساسانی مورد توجه و تعمیر قرار نگرفتند و به مرور فرو ریخت و ویران شد.اشکانیان به قلاع مرزی و سرحدات خود اهمیت بیشتری می دادند و به تمرکز نیرو های جنگاور خود در حدود و ثغور امپراتوریشان تکیه داشتند.(لکهارت ،1355 : 112)طی مطالعات باستانشناختی و کاوش های انجام شده آثاری از غرب بوئین، و ;این استحکامات نظامی و راهداری در محدوده جنوب غربی فریدونشهر میاندشت و شرق داران (غرب استان اصفهان)به دست آمده است.بر اساس نگاره های موجود در آثار کشف شده که در سال 1351 هجری شمسی هویت نمایی و سالیابی شده اند ،آثار و ابنیه و دژ های حوزه گلپایگان (جرپاذگان) و کشفیات حاصله از قلاع محدوده شرق لرستان همگی از دوره اشکانیان برجای مانده اند.(شکرانی ،1376 : 81 و 82)

با ظهور دولت پارسی نژاد ساسانی (651 م-224 م) قوم و ایالت پرتاکن به دلایلی اهمیت اول به خاطر ناهماهنگی های سیاسی موجود در میان ;خود را از دست داد و به انحطاط یافت دولتمردان ساسانی و حاکمان محلی آنان پایه های فرهنگی و اجتماعی و به ویژه توانایی اقتصادی این محدوده جغرافیایی و دیگر نقاطی که بیشتر بر نظام شبانی استوار بودند از بین رفت.دوم هجوم دشمنان خارجی و یونانی های هرج و مرج طلب.سوم تهاجمات گاه و بیگاه بدویان داخلی مانند ایلیماییان.چهام گرفتن مالیات ها و خراج های گوناگون جهت اداره دولت شهرها و تعمیر و ساخت قلاع یا تامین هزینه جنگها.پنجم ساسانیان با رفتارهای سیاسی ،فکری و اداری اشکانیان موافق نبودند و به ابنیه و استحکامات آنان توجهی نمی کردند و پیامد آن ویرانی و تزلزل اجتماعی گسترده بود.(کریستین سن ،1982 :327)

تضاد مختصات فکری فرهنگی میان ساسانیان و دولت پیش از آن ها یعنی اشکانیان باعث بروز و شکل گیری فرایند نا امنی از جهات گوناگون در جامعه شد.(ریچارد ان فرای ،1356 : 36 و 37)ساسانیان با هدف گسترش و ترویج آیین زرتشت برای پیروان ادیان دیگر سختی ها و صعوبتهایی را پدید آورده و فشارهای مضاعف مذهبی و سیاسی آن ها باعث شد که در محدوده پرتاکن روستاها و سکونتگاه های جدیدی از پیروان و گروندگان به زرتشت شکل گیرد و بافت اجتماعی و فرهنگی این بخش از ایران دچار تغییر و استحاله شود.

بر اساس نظر علی جناب سکونتگاه های پیروان دین زرتشت در این حدود به پسوند «آن» ختم می شده است که نشانه حاکمیت مطلق کدخدایان ساسانی در آن محل بوده است.مانند «تیران» یعنی از آنِ تیرداد.«داران» یعنی از آنِ دارا .«تندران» یعنی از آنِ تندر.(جناب ،1371 :121-119)

این نظر چندان صائب و ثابت شده نیست ولی در برخی نقاط و نواحی پرتاکن نشانه ها و آثاری از فرهنگ دوره ساسانی برجای مانده است که به عنوان نمونه منطقه موسوم به «ده روستایی» در حاشیه شهر «افوس» با شیوه های فرهنگی و شهرسازی این دوره تطابق داشته و نشانگر توسعه و تحکیم جامعه زرتشتی در پرتاکن باستان بوده است.

دردوره ساسانی قوم و ساتراپی پرتاکن تحت تاثیر دگرگونی های سیاسی و اجتماعی ،فرهنگی و اقتصادی گرفتند و بسان جامعه ایرانی به سوی سقوط و انحطاط گرویدند.(زرین کوب ،1381 :3)

نتیجه گیری

پرتاکن ها از جمله اقوامی هستند که کمتر در منابع تاریخی به نقش و جایگاه آنها پرداخته شده است.قومی که هرودوت از آن اسم برده است و محل سکونت آنها در شهر فریدن بوده است.منافع قومی پرتاکن ها چگونگی ارتباط با دولت های ایران باستان بوده است اوج بالندگی پرتاکن ها بعنوان یک ساتراپی از امپراتوری ماد تا پایان اشکانی بوده است. از شجاعت و دلاوری آنها در ثبات سیاسی بهره گرفتند.اما در دوره امپراتوری ساسانی بدلیل سیاست های داخلی و خارجی و رسمی شدن دین زرتشتی ،جامعه پرتاکن دچار تضعیف شد.

کتابنامه

الاصفهانی ،محمد مهدی ابن محمدرضا (1376)، نصف جهان فی تعریف الاصفهان ،به تصحیح منوچهر ستوده ،تهران، انتشارات امیر کبیر

پیرنیا(مشیر الدوله)،حسن (1360)،تاریخ ایران باستان ،جلد دوم ،تهران ، انتشارات ابن سینا

پیر نیا ،محمد کریم(1372)و همکاران ، راه و رباط ،تهران ، انتشارات آرمین ،چاپ اول ،

جناب ،میر سید علی (1371) ،الاصفهان،به اهتمام عباس نصر ،اصفهان ، انتشارات گل ها ،چاپ دوم

دیاکونوف.م.م ، تاریخ ایران باستان ،ترجمه روحی ارباب ،بنگاه ترجمه و نشر کتاب ،چاپ دوم ،بی تا

رضا زاده شفق، صادق (1349)، ایران از نظر خاور شناسان ،تهران،انتشارات گوهر

قدیانی ،عباس (1382) ، فرهنگ تاریخ ایران ،جلد دوم ،تهران ،انتشارات آرون،چاپ اول

کلهارت ،لارنس (1355)، شهرهای نامی ایران ،ترجمه سعادت نوری ،نشر سازمان جلب سیاحان

یاکابوسکی .آ.بو، تاریخ ایران از دوران باستان تا سده هیجدهم ،ترجمه کریم کشاورز ،تهران، موسسه مطالعات اجتماعی ،چاپ دوم ،1355

میر محمدی ،محمدرضا (1382)، جغرافیای تاریخی فریدن (پرتیکان باستان) ،اصفهان ، انتشارات ارمغان قلم.چاپ دوم

شکرانی ،ابوالقاسم (1376) ، تاریخچه برخی بناهای تاریخی ایران ،اصفهان ، بی نام ،چاپ اول

فن گوشتمید،آلفرد(1367) ، تاریخ ایران و ممالک همجوار آن از اسکندر تا انقراض اشکانیان ،ترجمه کیکاووس جهانداری ،انتشارات بنگاه ترجمه و نشر ،چاپ ششم

داندامایف.م.ا (1355) ، تاریخ سیاسی اقتصادی و اجتماعی هخامنشیان ،ترجمه میر کمال نبی پور ،تهران ،انتشارات امیری،چاپ دوم

رجبی ،پرویز (1381) ،هزاره های گمشده – خشایار شا تا فروپاشی هخامنشیان ،جلد سوم ،تهران ،قدس

زرگری نژاد ، غلامحسین(1357)، تاریخ سیاسی اجتماعی ایران قبل از اسلام ، تهران، انتشارات دفتر تحقیقات و برنامه ریزی ،چاپ چهارم

زرین کوب ،عبدالحسین (1364) ،تاریخ مردم ایران- ایران قبل از اسلام،تهران ،امیر کبیر

زرین کوب ،عبدالحسین و روزبه(1381) ، تاریخ ایران باستان (ساسانیان) ،تهران ، انتشارات سمت،چاپ دوم
نلسون فرای ،ریچارد(1356)، پارت در زمان اردوان سوم ،نشریه انجمن فرهنگ ایران باستان سال چهارم ،شماره اول،

خاستگاه ،زمان و محل سکونت قوم آمارد در ایران پیش از تاریخ

kohansal@guilan.ac.ir دکتر حسن کهنسال واجارگاه-دانشگاه گیلان-رشت-ایران
زلیخا شیخ حسینی

چکیده:

به علت وجود اوضاع طبیعی منطقه جنوبی دریای خزر (کاسپین) ،وجود دشت های فراخ و جنگل های انبوه منابع آبی کوههای البرز و هجوم مهاجران به این منطقه اولین بار انسان در این مناطق به کوچ نشینی و یکجا نشینی گرایش پیدا کرد و توانستند امارت نشینیهایی در آنجا ها بوجود آورند .یکی از این اقوام که در مناطق جنوبی دریای کاسپین ساکن بودند.آماردها از اقوام پیش از آریایی هستند که بین دو قوم غیر Amardes) (شدند ،آماردها آریایی دیگر یعنی کادوسیان و تپوریان می زیستند .بومیان فلات ایران در هنگام مهاجرت آریایی ها در غرب مردمانی موسوم به کاس سو که یونانیان آنها را کوسیان یا کیسی می نامند و در جنوب غربی ایران عیلامی ها ، در شمال و منطقه ی گیلان کادوسیان و کاس ها و در مازندران تپوری ها و در میان کادوسیان و تپوری ها ،آماردها یا ماردها زندگی می کردند .گروهی آماردها را از اقوام بومی منطقه شمال ایران محسوب می کنند و برخی دیگر آنها را از بر اساس اسناد و مدارک تاریخی و کاوش های باستان شناسی اقوام هندو و ایرانی می دانند. ،زمان حضور آماردها در منطقه ی استان گیلان امروزی ایران ،بین هزاره دوم و اولین هزاره قبل از میلاد می دانند.برای بدست آوردن سرزمین های وسیع تر دست به مهاجرت قبایلی از صفحات شمالی تر دریای کاسپین به سبب تنگنای سکونتی که از کثرت جمعیت ناشی شده بود یا تغییرات یا نامهربانی های اقلیمی به مناطق موجود بین دریای کاسپین و اورال و همچنین جهان غرب و شمال شرق دریای کاسپین به مهاجرت هجوم گونه دست زدند.آنها از زادگاه خود کنده شدند و به نقاط امن تری که بین پیش روی آنها بود را برای سکونت انتخاب نمودند.آماردها همزمان با مهاجرت آریایی ها از شرق به غرب ،در شمال ایران سکونت نمودند.آماردها پیش از حمله آریایی ها در مرزهای شمال غربی ایران میان رود اترک و سرزمین مرو می زیستند.با ورود آریایی ها توان ایستادگی در مقابل آنها را ندیدند و راه مهاجرت را پیش گرفتند.آنها به کوهستانهای البرز پا نهادند و در کنا ره های سپید رود و کوههای جنوب گیلان ساکن شدند.سرزمین آماردها از شرق به مرز ورگانا (گرگان) و پارت (خراسان امروزی) از شمال به کاسپین و از غرب به لنکران ،از جنوب شرقی کومیس و کومس و از جنوب به رکا یا رکه (ری) به شهر کاسپین (قزوین امروزی)محدود بوده است.کوههای عمارلو در استان گیلان سرزمین قوم آماردها بوده است.امروزه شهرهای آمل ،نوشهر،تنکابن ،طالقان ،رودبار الموت شامل سرزمینهای تاریخی آماردها محسوب می شود. برخی پژوهشگران آمل امروزی را پایتخت قومی آماردها می دانند.

این قوم توانست یکی از درخشان ترین دوره های فرهنگی پیش از تاریخ ایران را "مارلیک" در منطقه ی رودبار در استان گیلان را بوجود آورد.

واژگان کلیدی : فلات ایران ،آماردها ،گیلان،خاستگاه ،زمان ،سکونت

УДК82-22

THE ORIGIN, TIME AND RESIDENCE LOCATION OF THE TRIBE OF AMARD IN PRE-HISTORIC IRAN

Hassan Kohansal
University of Guilan, Iran

Due to the natural conditions of the Southern Caspian Sea, the existence of large plains, massive forests and water sources of the Alborz mountains and the influx of immigrants to this region, it was the first time that humans tended to migrate to these areas to settle in. And they were able to build mansions there. One of these tribes settled in the southern parts of the Caspian Sea was the Amard. The Amardes are from pre-Aryan tribes that lived between two non-Aryan tribes, i.e., the Kadosyan and Tepurians. With regard to the Iranian plateau natives, during the migration of Aryans in the West, the people known as Kass-Su, that the Greeks called them Kosiyan or kasey; in the southwest of Iran, the Elamites; in the north and in Gilan region, kaducian and Kasses; in Mazandaran, Tepuris; and among kadusian and Tepuris, Amardes or Mardes were living. Some consider the Amardes as the natives of the northern region of Iran; while, others consider them as Hindu-Iranian. According to historical documents and archaeological explorations, the time of the presence of Amardes in the region of the present-day Gilan province of Iran is between the second millennium and the first millennium BC. In order to obtain more extensive territories, extensive immigration started from the northern plates of the Caspian Sea which was due to the plight of the inhabitants caused by the plurality of the population, and natural calamities or climatic changes to the existing areas between the Caspian Sea and the Ural, as well as the West and Northeast of the Caspian sea. They were departed from their hometown, and they chose the more secure places they face for residence. The Amardes were settled in the northern Iran simultaneous with the migration of the Aryans from the East to the West. Before the Aryans' attack, The Amardes were living on the northwestern borders of Iran between Atrak River and Marv. With the arrival of the Aryans, they could not stand against them and proceeded to migrate. They migrated to the mountains of Alborz, and were settled in Sefidrud and the mountains of the southern Gilan. The land of the Amardes, has been limited from the east to the borders of Vorgana (Gorgan) and Part (today's Khorasan), from the north to Caspian, from the west to Lankaran, from the southeastern part to Komis and Komas, and from the south to Raka or Reke (Rey) to the city of Caspian

(today's Qazvin). The Amarlu Mountains in Gilan province, has been the land of Amardes. Today, the cities of Amol, Noshahr, Tonekabon, Taleghan, and Rudbar Alamut are considered to be historical landmarks of the Amardes. Some scholars consider today's Amol as the ethnic capital of the Amardes.

These people were able to create one of Iran's most prehistoric cultures, "Marlik", in Rudbar area of Gilan province.

Keywords: *Iranian plateau, Amardes, Gilan, origin, time, residence*

خاستگاه ،زمان و محل سکونت قوم آمارد در ایران پیش از تاریخ

دکتر حسن کهنسال واجارگاه-دانشگاه گیلان-رشت-ایران kohansal@gmail.ac.ir
زلیخا شیخ حسینیz.hoseini205@gmail.com

چکیده:

به علت وجود اوضاع طبیعی منطقه جنوبی دریای خزر (کاسپین) ،وجود دشت های فراخ و جنگل های انبوه منابع آبی کوههای البرز و هجوم مهاجران به این منطقه اولین بار انسان در این مناطق به کوچ نشینی و یکجا نشینی گرایش پیدا کرد و توانستند امارت نشینیهایی در آنجا ها بوجود آورند .یکی از این اقوام که در مناطق جنوبی دریای کاسپین ساکن شدند ،آماردها(Amardes) بودند.آماردها از اقوام پیش از آریایی هستند که بین دو قوم غیر آریایی دیگر یعنی کادوسیان و تپوریان می زیستند .بومیان فلات ایران در هنگام مهاجرت آریایی ها در غرب مردمانی موسوم به کاس سو که یونانیان آنها را کوسیان یا کیسی می نامند و در جنوب غربی ایران عیلامی ها ، در شمال و منطقه ی گیلان کادوسیان و کاس ها و در مازندران تپوری ها و در میان کادوسیان و تپوری ها ،آماردها یا ماردها زندگی می کردند .گروهی آماردها را از اقوام بومی منطقه شمال ایران محسوب می کنند و برخی دیگر آنها را از اقوام هندو و ایرانی می دانند. بر اساس اسناد و مدارک تاریخی و کاوش های باستان شناسی ،زمان حضور آماردها در منطقه ی استان گیلان امروزی ایران ،بین هزاره دوم و اولین هزاره قبل از میلاد می دانند.برای بدست آوردن سرزمین های وسیع تر دست به مهاجرت قبایلی از صفحات شمالی تر دریای کاسپین به سبب تنگنای سکونتی که از کثرت جمعیت ناشی شده بود یا تغییرات یا نامهربانی های اقلیمی به مناطق موجود بین دریای کاسپین و اورال و همچنین جهان غرب و شمال شرق دریای کاسپین به مهاجرت هجوم گونه دست زدند.آنها از زادگاه خود کنده شدند و به نقاط امن تری که بین پیش روی آنها بود را برای سکونت انتخاب نمودند.آماردها همزمان با مهاجرت آریایی ها از شرق به غرب ،در شمال ایران سکونت نمودند.آماردها پیش از حمله آریایی ها در مرزهای شمال غربی ایران میان رود اترک و سرزمین مرو می زیستند.با ورود آریایی ها توان ایستادگی در مقابل آنها را ندیدند و راه مهاجرت را پیش گرفتند.آنها به کوهستانهای البرز پا نهادند و در کنا ره های سپید رود و کوههای جنوب گیلان ساکن شدند.سرزمین آماردها از شرق به مرز ورگانا (گرگان) و پارت (خراسان امروزی) از شمال به کاسپین و از غرب به لنکران ،از جنوب شرقی کومیس و کومس و از جنوب به رکا یا رکه (ری) به شهر کاسپین (قزوین امروزی)محدود بوده است.کوههای عمارلو در استان گیلان سرزمین قوم آماردها بوده است.امروزه شهرهای آمل ،نوشهر،تنکابن ،طالقان ،رودبار الموت شامل سرزمینهای تاریخی آماردها محسوب می شود. برخی پژوهشگران آمل امروزی را پایتخت قومی آماردها می دانند.

این قوم توانست یکی از درخشان ترین دوره های فرهنگی پیش از تاریخ ایران را "مارلیک" در منطقه ی رودبار در استان گیلان را بوجود آورد.

واژگان کلیدی : فلات ایران ،آماردها ،گیلان،خاستگاه ،زمان ،سکونت

مقدمه

به علت وجود اوضاع طبیعی منطقه ی جنوب دریای کاسپین (خزر) ،وجود دشته های فراخ و جنگل های انبوه و آب های روان کوه های البرز و هجوم مهاجران به این منطقه ،اولین بار بشر در این نقاط به یکجانشینی و کوچ نشینی گرایش پیدا کرد بدین ترتیب در این مناطق امارت نشین هایی به وجود آمد.یکی از گروههایی که در مناطق جنوبی دریای خزر ساکن شده اند قوم آمارد هستند. مارد(Mard) ، مرد(Mard) ، آمارد(Amard)، مردوس (Mardus) یا ماردی(Mardi)یکی از اقوام جنوبی دریای خزر بودند.این قوم علاوه بر نقش سیاسی نقش فرهنگی درخشانی در تاریخ ایران پیش از داشته است و توانستند یکی از درخشان ترین دوره های فرهنگی پیش از تاریخ را در بنام مارلیک در رودبار استان گیلان ایجاد کنند.

معنای واژه ی آمارد

واژه ی مرد در گات ها به صورت مرت ،در پهلوی مرتوم (مرتم) و در فارسی مردم آمده و صفتی است به معنای در گذشتنی ،نیست شدنی که از ریشه ی مر mar می باشد و در فرس هخامنشی به معنای مردن و در پهلوی مورتن است (دانای علمی ،1389 : 59).

آمارد بر گرفته از واژه ی ایرانی مرتیه martiya با معنای مرد می آید.شاید این قوم به خاطر پیشه ی راهزنی مسلحانه ی خود که مستلزم شجاعت و تهور بود این اسم را برای خود انتخاب کرده بودند تا بنمایانند که مرد به معنای واقعی کلمه هستند(توین بی[1] ،1378 : 72). پاره ای از زبان شناسان واژه ی مرد و مردانه و مردم را در فارسی و همچنین فعل مرد و تمرد و مشتقات دیگر آن را در عربی از نام این طایفه می شناسند(میر ابوالقاسمی ، 1369: 23). در مورد دلیل نامیدن این اقوام به این نام نظرات مختلفی وجود دارد.« نام های آمو،آمول، مردوس،مردان و آماردان جملگی از یک ریشه یعنی ریشه ی آریایی برای مفهوم « نیروی زندگی ،زندگی » یا « بی مرگی ،جاودانگی» برخاسته اند» (محلوجی ،1382 : 220).نظر دیگری هم وجود دارد که همانند نظر توین بی است.«مرد به معنای شجاع و قهرمان است.قهرمانی که با گذشت و ایثارگر و با انعطاف باشد و چون آماردان مردمانی بی باک و با گذشت و سخت کوش و کنجکاو و در دوستی و تفاهم با دیگران پیشگام بودند مرد نامیده می شدند»(شبان ، 1368 : 24).

اعتقادی در میان برخی از محققین رایج است که نام مازندران از واژه ی مارد گرفته شده است و مارد در حقیقت همان آمارد است و معنی واژه ی کنونی مازندران ،سرزمینی است که ماردها در آن زندگی می کنند یا مارد اندر آن (فهیمی ، همان : 174).

خاستگاه قومی آماردها

درباره ی نژاد آماردها اطلاع دقیقی وجود ندارد و پژوهشگران دنیای باستان در این مورد دیدگاه های مختلفی ارائه داده اند: « امارها از اقوام پیش از آریاییان هستند که بین دو قوم غیر آریایی دیگر یعنی کادوسیان و تپوریان[2] می زیستند» (مشکور ،همان : 87). «آماردها قبل از هجوم آریایی ها در کوه های البرز سکونت داشتند» (فروتن ،همان :28).«بومیان فلات ایران

---

[1] - Arnold Joseph Toynbee

[2] - گروهی از بومیان کرانه ی دریای خزر هستند که سرزمین آن ها به درستی مشخص نیست.برخی معتقدند که مسکن این مردم از شهرستان بابل امروزی تا مرز گرگان ادامه داشته است.(احمدی پور ،زهرا و دیگران ،پهنه ی آبی شمال ایران :خزر یا کاسپین ، ص 41)

در هنگام مهاجرت آریایی ها در غرب مردمانی موسوم به کاس سو بودند که یونانیان آن ها را کوسیان یا کیسی می نامند و در جنوب غربی ایران عیلامی ها ،در شمال و منطقه ی گیلان کادوسیان و کاس ها و در مازندران تپوری ها و در میان کادوسیان و تپوری ها آماردها یا ماردها زندگی می کردند» (پیر نیا ،1370 : 157).

هنگامی که شاخه ی ایرانی آریاییان از اواخر هزاره ی اول پیش از میلاد به فلات ایران آمدند اقوامی مانند تپورها ،آماردها ، ماننا[1] و اورارتوییان[2] کاسپی ها در فلات ایران زندگی می کردند »(محمدی ،نصرالله ،همان :75).

از منابع تاریخی چنین استنباط می شود که آماردها جزء اقوام بومی منطقه ی شمال ایران محسوب می شوند.با این وجود برخی هم خلاف این نظر را دارند و معتقدند که :« امکان دارد آماردها بخشی از اقوام مهاجر آریایی باشند که حکومتی در منطقه تشکیل داده باشند و با مردم بومی آمیزش یافته باشند » (رواسانی ،1370 : 290). و همچنین دکتر نگهبان هم آماردها را از اقوام هند و ایرانی می شناسد(نگهبان ،1385 :453).شهید زاده کاوش گر ناحیه ی رودبار و تالش درباره ی ریشه ی نژادی تیره ی ماردها معتقد است که اینان تیره هایی از نژاد بزرگ کاسپی بوده اند (شهید زاده ، بی تا :4).

مهاجرت آریایی ها به فلات ایران

آریایی ها شعبه ی وسیعی از نژاد سفید محسوب می شوند .مفهوم واژه ی آریا به صورت های گوناگون روایت شده است ;به معنای اصیل و نجیب ،مهمان نواز و آزاده و غیره .نام سرزمین ایران از این واژه برگرفته شده است.به نظر می رسد مسکن اصلی آریائی ها ،استپ هایی در امتداد شمال دریای سیاه و دریای خزر در جنوب روسیه تا ترکستان و رودهای جیحون و سیحون بوده است.آنان به دلایل مسائل اقتصادی اقدام به مهاجرت نمودند.اوستا نام مملکت اصلی آنها را ایران ویج ذکر می کند که دارای آب و هوای خوش و سرزمین های حاصلخیز بوده است.هوا ناگهان رو به سردی گرایید و چون آنان نتوانستند احتیاجات غذائی خود را از آنجا تامین نمایند شروع به مهاجرت نمودند.برخی از اقوام آریائی به طرف اروپا و گروه دیگر که بعدها موسوم به هند و ایرانی شدند به جانب ایران و هند گسیل شدند (کهنسال واجارگاه،1383 :3).

در همین ایام در نواحی مختلف فلات ایران ، طوایفی مانند عیلامیان و تپوران و کادوسیان و آماردان و قبایل سیاه پوست ساکن بودند و مهاجرین آریایی برای تصرف سرزمین های جدید به جنگ های سختی با انان محتاج گشتند و با این مردم درگیر شدند (صفا ، 1390 :45). در آغاز هزاره ی اول پیش از میلاد اقوام هند و اروپایی دومین مهاجرت و هجوم خود را به آسیای غربی شروع کردند.حرکت این اقوام از همان محلی که مرکز اصلی ایشان بود یعنی از سرزمین واقع در جنوب روسیه ی اروپا انجام گرفت و از جمیع جهات این مهاجرت با اولین مهاجرت آن ها شباهت تمام داشت(پرویز ،1343 :19).

دوره ی زمانی آماردها

مشخص کردن دوره ی زمانی حضور این قوم در مناطق شمالی کاری بس دشوار است.اما برخی منابع در این رابطه چنین می نویسند که : احتمالاً ،اقوام باستانی ماردها یا

---

[1] - اقوام آریایی که در آغاز هزاره ی دوم پیش از میلاد از سراسر دشت های ترکستان از جلگه های نواحی شمالی قفقاز و دریای کاسپی به داخل سرزمین ایران فرود آمدند.(بهزادی ،رقیه ،قوم های کهن در آسیای مرکزی و فلات ایران ،ص 209)

[2] - نخستین بار نام این قوم را در اسناد آشوری می بینیم که دولتی را در منطقه ی دریاچه ی وان تشکیل دادند و مانع از پیشرفت آشوری ها به سوی شمال شدند.(بهزادی ،رقیه ،همان منبع ،ص 31)

آماردها در نیمه ی دوم هزاره ی دوم پیش از میلاد در دامنه ی شمالی جبال البرز و کرانه های جنوبی دریای خزر مستقر شده اند (نگهبان ، 1378 : 17). به گفته دانداماییف ، یک قدرت سیاسی نسبتاً قوی در سرزمین گیلان امروزی در اواخر هزاره ی دوم و آغاز هزاره ی اول پیش از میلاد وجود داشته که اشیاء کاوش شده در مارلیک این نکته را ثابت می کند (رواسانی ،همان : 290) از دیدگاه آخوندی

این قوم حداقل در حدود 2 یا 3 قرن بلکه مدت بیشتری یعنی احتمالاً از قرن 14 تا 10 پیش از میلاد در کرانه های جنوبی بحر خزر سکونت داشته اند (آخوندی ،1378 :24).

روزگارانی که احتمالاً اقوام زیادی جهت بدست آوردن سر زمین های وسیع تر از باریکه های محدود دریا و کوه ،دست به مهاجرت می زدند.قبایلی نیز از صفحات شمالی تر دریای خزر به سبب تنگنای مکان که از کثرت جمعیت ناشی شده بود یا تغییرات یا نامهربانی های جوی به مناطق موجود بین دریای خزر و اورال و همچنین جهات خاوری و شمال شرق این دریا به مهاجرت هجوم گونه دست می زدند.نتیجه ی چنین مهاجرت هایی که موج وار صورت می گرفت ،گاهی گروه های کوچک را در خود ادغام می کرد و ملتی واحد تشکیل می شد یا این که این گروه ها قادر به مقابله با مهاجران نبودند و به دلایلی مجبور به کوچ اجباری می شدند و از زادگاه خود کنده می شدند و نقاط امن تری که قهراً پیش روی آن ها بود برای سکونت انتخاب می نمودند.از جمله ی این نژادها سه قوم تاریخی و مشهور منطقه ی شمال ایران به نام های تپوری ،کادوس و آمارد هستند که همزمان با انتشار آریاییان از شرق به غرب در حدود سال های 1000 پیش از میلاد به جای قوم کاس در گیلان و مازندران سکونت نمودند (یوسفی نیا ، همان : 32).

بر اساس منابع تاریخی و کشفیات باستان شناسی می توان استنباط کرد که هزاره ی دوم و اول پیش از میلاد زمان حضور آماردها در منطقه ی گیلان امروزی است.

محل سکونت قوم آمارد

در مورد مکان سکونت آماردها تقریباً تمام نویسندگان نظر واحدی دارند .در وندیداد آمده است که این مردم در جوار مرو(مرگیانا یا مرغیانا)ساکن بوده اند(سرتیپ پور ،1352 :107).آماردها پیش از حمله ی آریایی ها در مرزهای شمال خاوری ایران ،میان رود اترک و سرزمین مرو می زیسته اند. با ورود آریایی ها به سرزمین های جدید ،آماردها که در خود توان ایستادگی در برابر حمله ی خونین مهاجران تازه نفس را نمی دیدند راه گریز در پیش گرفتند و در جست و جوی پناه گاه رو به کوهستان های البرز نهادند و سر انجام در کناره های سپید رود[1] و کوهستان های جنوب گیلان جای گرفتند » (پیر نیا ، همان :158). این مطلب اشاره به همان جنگ های آریاییان با مردم بومی ایران دارد. آماردها در حاشیه ی سپید رود زندگی می کردند و سپید رود به نام آنان رود آمارد خوانده می شد (میر ابوالقاسمی ،1369:23). از این نام گذاری معلوم می شود که آماردها مدت های طولانی در سرزمین های مجاور سپید رود سکونت داشته اند.

حد غربی سرزمین آماردها دره ی سفید رود و حد شرقی آن به تنگه ی طبیعی چالوس می رسید و در آن جا آماردها با اقوام تپوری و مازنی [2] مجاور شدند (عبدلی ،1378 :44).

---

[1] - طویل ترین رودخانه ی داخلی ایران قزل اوزن نام دارد که در قدیم آماردیس خوانده می شد.این رودخانه پس از آن که در نزدیکی پل منجیل هشترود وارد ان شد نام سفید رود به خود می گیرد و در مشرق رشت وارد دریای خزر می شود.(پرویز ،عباس،تاریخ دو هزار و پانصد ساله ایران ،ص 7)

[2] - «دیوان مازنی» یا «دیوان مزن» که بومیان اصلی مازندران قبل از آریاییها بوده اند.(احمدی پور ،زهرا و دیگران ،پهنه ی آبی شمال ایران : خزر یا کاسپین ،ص 47)

سرزمین آماردها از شرق به مرز ورگانا (گرگان) و پارت (خراسان امروز) از شمال به کاسپین ،از غرب به لنکران،از جنوب شرقی کومسین ، کومس (شهرهای سمنان و دامغان و بسطام) و از جنوب به رگا یا رگه (ری) و از جنوب غربی به شهر کسپین (قزوین)محدود بوده است»(احمدی پور و دیگران ،1384 : 40).

کوه های سبز عمارلو سرزمین قوم آماردها بوده است (کشاورز ،1347 : 1 و 2). که در حال حاضر منطقه ی وسیعی در جانب شرقی سپید رود با نام آمارلو یا عمارلو معروف می باشد (سرتیپ پور ،1352 : 109). و امروزه شهرهای آمل ،نوشهر ،تنکابن ،طالقان ،رودبار و الموت سرزمین آماردها را شامل می شود(مهجوری ،1342:35). گروهی از محققین آمل را محل سکونت این قوم می دانند (نوشین ،1355 :62). و نام آمل را ماخوذ از آمارد می دانند و آن را پایتخت این قوم محسوب می دارند.آنان معتقدند که واژه آمارد بر اساس تحولات زبان شناسی به آمل دگرگونی یافته است خاصه این که هنوز در تلفظ قدیمی آن با میم مکسور می خوانند(کسروی ،1356:284). حتی بعضی نام مازندران را گرفته شده از نام آمارد می دانند(شایان ،1363 :175).

آماردها در متون دینی

قدیمی ترین کتاب دینی ایرانیان اوستاست.اوستا [1] مجموعه ی کهن ترین نوشتار و سروده های ایرانیان است و همان دانشنامه ی ایرانیان بوده است.در روزگار باستان بیست و یک نسک (کتاب) داشته و هم اکنون دارای پنج بخش است که نام آن ها از این قرار است:یسنا،یشت ها،وندیداد،ویسپرد و خرده اوستا.

در اوستا ساکنان شمال ایران دیو یا دروغ پرست نامیده شده اند و ایالت های گیلان و مازندران مسکن دیو ها نامیده شده است.دلیل آن شاید مقاومتی بوده که این اقوام در مقابل سیل هجوم و مهاجرت آریاییان به خرج داده بودند.چرا که سرزمین هایی که در جنوب دریای خزر قرار داشته اند به دلیل موقعیت جغرافیایی از بقیه ی سرزمین ایران جدا بوده اند.این سرزمین ها به سبب این که سلسله کوه های بلند و سخت گذر ، آن ها را از فلات ایران جدا می کرد و به علت آب و هوا و شرایط طبیعی به دنبال استقلال سیاسی برای خود بودند(میر فخرایی ف1380 :41).مردم بومی از حیث نژاد ،عادت، اخلاق و مذهب از آریائیها متفاوت بوده اند، آریائیها آنان را دیو یا تور می نامیدند. در اوستا دو کلمه ی «ورن» و «مازن»مربوط به اقوام مناطق شمالی ایران است و برای همه ی نیروهای پلید و شر ،از غربی ترین تا شرقی ترین نقطه گیلان و مازندران را در بر می گیرد(پورداوود ، 1377 :17).

نام آماردها در یکی از بخش های اوستا به نام وندیداد [2] برده شده و به آن ها صفت پیرو اهریمن داده شده است. درآنجا که گوید :سومین و بهترین سرزمین ها که من اهورا مزدا آفریدم مرغیاناست(مرو)[3] که نیرومند است و وفادار به آریا.اهریمن مرگ زا بر ضد او اقوام مردان را به وجود آورد » (رضی،1376: 9). از این مطلب چنین بر می آید که اقوام آمارد مدتی دراز متعرض مردم مرو (مرغیانا)بوده اند.منتها وفاداری مرویان نسبت به آریا ها موجب شد که از پیشروی آنان جلوگیری شود.چنین استنباط می شود که آماردها یکی از قبایل قومی و مذهبی بودند که با قبایل زرتشتی ایران دشمنی می ورزیدند(سرتیپ پور ،1352 : 108 و 107).

نتیجه گیری

---

[1] - Avesta

[2] - Vendidad

[3] - وندیداد سومین سرزمین مزدا آفریده را تحت نام مونورو(mouru) می نامد.در متن پهلوی وندیداد که چندان با متن اوستایی آن مطابقت ندارد از این سرزمین تحت نام مرو (Marw) یاد شده است.

آماردها از اقوام پیش از آریایی در کناره جنوبی دریای کاسپین بودند که بر اساس اسناد و مدارک تاریخی و کاوشهای باستان شناسی در گیلان امروزی بین هزاره دوم و اوایل هزاره اول قبل از میلاد زندگی می کردند.برخی آماردها را از اقوام بومی منطقه شمال ایران محسوب می کنند و برخی نیز آنها را از اقوام هند و ایرانی می دانند.کوههای سرسبز عمارلو سرزمین قوم آماردها بوده است.آنها توانستند یکی از ارزشمندترین دوره های زندگی پیش از تاریخ ایران را «مارلیک» در رودبار استان گیلان بوجود آورند.

کتابشناسی

- آخوندی احمد ،(1378)، " گنجینه های مارلیک تصویری گویا از هنر و صنعت گری ایرانی در سه هزار سل پیش ،تهران،مجله گردشگری،شماره4
- احمدی پور زهرا و دیگران(1384) ،"پهنه آبی شمال:خزر یا کاسپین،جغرافیا: ژئوپلتک"،شماره 1
- بهزادی رقیه ،(1383) ، آریاها و نام آریاها در چشم انداز کهن تاریخ ایران،تهران،طهوری
- پرویز عباسی (1343)،تاریخ دو هزار و پانصد ساله ی ایران از قدیمیترین ازمنه تاریخی تا تشکیل سلسله طاهریان،تهران،.موسسه مطبوعاتی علمی
- پورداود ،ابراهیم(1377)،یشت ها ،ج 2،تهران،اساطیر
- پیر نیا ،حسن (1370)،ایران باستان ،دنیای کتاب،ج1
- توین بی ،آرنولد (1378)،جغرافیای اداری هخامنشیان ،ترجمه همایون صنعتی زاده،تهران،بنیاد موقوفات دکتر محمود افشار
- دانای علی ،جهانگیر (1389) ،"آماردها قومی سلحشور در شمال ایران" ،نشریه چیستا،شماره 277
- رضی،هاشم (1376)،وندیداد،تهران،فکر روز
- رواسانی،شاپور(1370)، جامعه بزرگ شرق ،تهران،شمع
- سرتیپ پور،جهانگیر (1352)،نشانه هایی از گذشته در گیلان و مازندران ، رشت،مولف
- شایان،عباسی (1363)،مازندران ،تهران ،علمی
- شبان ، ذبیح الله (1386) ، دایره ی آفرینش تمدن کوهپایه های کرانه های دریای کاسپین ،رشت
- شهید زاده ،عبدالحسین (بی تا) ،گزارش علمی باستان شناسی گیلان ،سازمان میراث فرهنگی کشور ، تهران ، گزارش شماره 1
- صفا، ذبیح الله (1390) ، حماسه سرایی در ایران ،تهران،فردوسی ،چ5
- عبدلی ،علی (1378) ، تاریخ کالوس ها ،تهران،فکر روز
- فروتن ،غلامرضا(1382)،مارلیک (چراغعلی تپه) ،رشت،پیام فرهنگ
- فهیمی ،سید حمید(1381)، فرهنگ عصر آهن در کرانه جنوبی غربی دریای خزر از دیدگاه باستان شناسی ،تهران،سمیرا
- کسروی،احمد(1356)،کارونه،تهران،شرکت سهامی حبیبی،چ2
- کهنسال واجارگاه ،حسن،میرمیران سید مجتبی (1386)،"گیلان در دوره باستان" ، گیلانی ها، شماره 2
- شکور محمد جواد (1347)،ایران در عهد باستان ،تهران،دنیای کتاب،چ 1

- نگهبان،عزت اله (1385)،مروری بر پنجاه سال باستان شناسی ایران ،تهران ، سبحان نور
- نوشین،جواد (1355)،چالوس،تهران،طهوری
- محلوجی،حسین (1382)،دانشنامه کاشان ، آریاییان ،مردم کاسی،امرد،پارس و دیگر ایرانیان،تهران،بنیاد فرهنگ کاشان
- میر ابوالقاسمی،محمد تقی(1369) ، گیلان از آغاز تا انقلاب مشروطیت ، رشت ،هدایت
- یوسفی نیا،علی اصغر (1370)،تاریخ تنکابن،تهران،قطره

УДК 811.359

ОБРАЗОВАНИЕ ОТВЛЕЧЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

П. М. Габибуллаева
Дагестанский государственный педагогический университет,
г. Махачкала

В статье рассматривается образование отвлеченных имен существительных в даргинском языке. Отмечаются наиболее продуктивные и малопродуктивные суффиксы.

Ключевые слова: *даргинский язык, отвлеченные имена существительные, абстрактные понятия, суффиксы, продуктивные, малопродуктивные*.

The article examines the formation of abstract noun names in the Dargin language. The most productive and unproductive suffixes are noted.

Keywords: *Dargin language, abstract names nouns, abstract concepts, suffixes, productive, unproductive*

Как известно, к отвлеченным именам относятся существительные, которые употребляются для обозначения абстрактных понятий качества, состояния и действия. Приведем примеры: *кири* «добродетель», *х1яракат* «энтузиазм», *урк1ец1и* «милосердие», *гьими* «зло», *гаши* «голод» и т.д.

Как утверждает С. Н. Абдуллаев, «даргинские существительные не богаты словообразовательными суффиксами, и большинство тех суффиксов, которые ныне имеются, как бы окаменели, стали непродуктивными. В даргинском языке, надо заметить, нет почти увеличи-

тельных, уменьшительных суффиксов, но имеются суффиксы отвлеченности…»[1, с. 85].

Многие отвлеченные существительные в даргинском языке образуются при помощи суффикса *–деш*, который является одним из наиболее продуктивных. Данный суффикс прибавляется к существительным, иногда и к прилагательным [2, с. 102]. Например, *мешудеш* (от прилаг. *мешуси* «похожий»+*деш*) «сходство», *ц1убдеш* «белизна» (от *ц1уб* прилаг. «белый»+деш»), *хьанц1деш* «синева» (от прилаг. *хьанц1* «синий»+деш), *марайдеш* «траур» (от сущ. *марай* «траур»), *вайгъабзадеш* «подлость, трусость» (от сущ. *вайгъабза* «подлец»+деш).

Отвлеченные существительные в даргинском языке образуются и от числительных: *цадеш* «единство» (от числ. *ца* «один» + деш). Иногда он прибавляется к глаголам в форме 3 лица прошедшего или настоящего времени и таким образом образует существительные с отвлеченным значением.

Отвлеченные существительные со значением действия образуются с помощью суффиксов *-ала,-ъала*. Выражая отвлеченное действие данные суффиксы прибавляются к глагольным основам. Например, *вяшъала* «движение» (от *вяшъэс* «двигать»), *изала* «болезнь» (от *изес* «болеть»), *чегьала* «одежда» (от *чегьес* «надеть»), *гъайъала* «разговоры» (от *гъайэс* «говорить») и т.д.

Отвлеченные имена существительные со значением действия в некоторых даргинских говорах (мулебкинском, мугринском, мургукском) образуются с помощью малопродуктивного суффикса *-ат1ала* (являющегося синонимом суффикса *-ала)*: *вяшат1ала* «движение», *пишат1ала* «лишние движения».

Указанные существительные в даргинском языке образуются и с помощью суффикса *-ни*: *багьни* «знание» (от *багьес* «знать») и т.д.

Часть отвлеченных существительных даргинского языка употребляется только в единственном числе: *башри* «походка», *кири* «добродетель», *урк1ец1и* «милосердие» и т.д.

Отвлеченные существительные *гаши* «голод» и *дяг1и* «холод» имеют только форму множественного числа. Часть отвлеченных существительных имеют формы и единственного и множественного чисел. Например: *вайдеш –вайдешуни* «зло», *г1ях1деш – г1ях1дешуни* «добро», *хъя – хъями* «клятва – клятвы», *изала – излуми* «болезнь – болезни» и т.д. Отметим, что отвлеченные существительные часто употребляются в различных экспрессивных выражениях даргинцев. Приведем примеры:

Х1ушаб дахъал г1ях1дешуни дулгулра. «Желаю вам много добра» (благопожелание).

Душмайс мурталра вайдешуницун диаб! «Врагу всегда желаю зла»! (проклятие).

Х1ела урк1ец1илизирад мадухъахъабая, Аллагь! «О Аллах, не обделяй нас своим милосердием»! (мольба)

Марайдеш каммадиаб чучир! «Пусть траур не закончится у них»! (проклятие).

Х1ушаб мурталра гьарбизуни диубли дигулра! «Желаю вам успехов»! (благопожелание).

Литература:

1.Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка. Махачкала, 1954.

2.Мусаев М-С. М. Дарган мез. Мях1ячкъала, 2014.

УДК 811.512.162

ШИРВАНСКОЕ ШЕЛКОВОДСТВО РАЗВИВАВЩАЯСЯ НА ШЕЛКОВОЙ ПУТИ В ПРИМЕЧАНИЯХ ПОЭТА 15-го ВЕКА

К. Г. Гаджиева,
Национальная Академия Наук Азербайджана,
Азербайджан

В статье анализируется обширная информация азербайджанского поэта XV века Бадр Ширвани, предоставляющего в своих стихах заметки о развитии шелководства в средневековых городах. Информация о городе Эреш представляет особый интерес. Эреш был известен как город, занимающийся торговлей шелком в средние века, где существовал знаменитый рынок шелка и разных тканей. Во время правления Ширваншахов в XV веке Ширван, который расположен на Великом Шелковом Пути, стал объектом многих строительных и архитектурных работ.

Ключевые слова: *шелководство, XV век, Бадр Ширвани, Великий Шелковый Путь*

The article analyzes the extensive information of the 15th century Azerbaijani poet Badr Shirvani, who provides notes on the development of silk farming in medieval cities in his poems. Information about the city of

Eresh is of particular interest. Eres was known as a silk trading city in the Middle Ages, where there was a famous silk market and different fabrics. During the shirvanshah rule in the 15th century, Shirvan, which is located on the Great Silk Road, became the object of many construction and architectural works.

Keywords: *silk farming, 15th century, Badr Shirvani, Great Silk Road*

Великий Шелковый Путь со своей древней историей принес развитие и инновации в страны, и города, которые находились на его расселении. Расширение торговли в этих регионах, прибытие иностранных торговцев из разных стран также дало толчок строительству. Ярким доказательством этого является строительство большого количества караван-сараев, мостов, мечетей на Шелковом пути, проходящем через территорию Азербайджана. Об этом читаем: «В то время основные дороги караванов, как правило, проходили через страны, где путешественники и торговцы видели довольно высокую культуру, где не были войны и межплеменной розни, и местное население не были равнодушны к торговле. Все эти качества характерны для азербайджанского населения. А трудолюбивые и талантливые ремесленники могли предложить много товаров иностранным купцам со всего мира.» [http://qadinlar.co/heyat-terzi/maraqli-melumatlar/44531-azerbaycan-ve-boyuk-ipek-yolu.html]. Среди предлагаемых товаров были декоративные предметы, оружие, изысканные ковры и музыкальные инструменты, изготовленные азербайджанскими ювелирами. Каждый из этих продуктов, в другой стране в отдельности представляют вкус, мысль, талант и способности азербайджанского народа, тонкости азербайджанской культуры. С этой точки зрения, эту важную торговую путь от Китая до Европы можно также называть Великим Путём Культуры.

В своё время производство шелка являлось процветающей производственной отраслью на Шелковом пути. Древние азербайджанские города, такие как Шеки, Шамахи, Эреш, Ордубад, считались важными центрами в производстве шелка. В одной статье говорится: «В связи с тем что первый ветвь Великой Шелковой Пути проходил через Южного Азербайджана, в городах такие как Дербенд, Ширван, Шеки, Бейлаган, Гянджя, Габала, Тебриз, Нахичевань, имеющие с ним связи, шелководство сильно развивалось и каждые из них стали популярными как центром шелководства и торговли»[1, с.22]. Точную информацию обо всех этих развитиях в средние века можно увидеть не только в работах местных и зарубежных историков, а

также в произведениях поэтов средневековья. В двенадцатом веке великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви часто упоминал имя шелка и шелкопряда, подчеркивая, что шелк является символом красоты, комфорта и богатства.

Наденешь саван ты, зачем же - молви толком -
Как шелковичный червь, ты весь облекся щелком?[7, с.65]

Шелковая ткань и шелковые одеяния не были чужды поэту. Родной город Низами, город Гянджа, также был расположен на Великом Шелковом пути и сюда прибыли множество ценных продуктов из многих городов мира. В древней Гяндже всем было известно ценность этих изысканных и деликатных товаров, приготовленных с тонким вкусом. Об этом читаем следующее: «В XIV-XVIII вв. роль городов Азербайджана, расположенных на Великом Шелковом Пути, еще более возросла. Это произошло благодаря развитию торгового пути - Волга-Каспий, освоенного русскими и английскими торговцами. В этот период, например, такие города как Шемаха, Дербент, Баку, Ардебиль, Тебриз, Марага, Гянджа, Нахичевань становятся центрами перевозки, где складывались товары, привезенные из Востока и Европы. Торговцы из России, Европы, Турции, Центральной Азии и Дальнего Востока собирались именно здесь»[6].

Нужно отметить, что на протяжении всей истории в городах Азербайджана во все времена были посажены и культивированы тутовые деревья. Пословицы, байаты и песни о тутовом дереве занимают особое место в фольклорном сохранении нашего народа. Тутовые деревья и шелк принимали активное участие в традициях и в повседневной жизни азербайджанцев и многих народов Востока. Ткачество и пошив ковров из шелковых нитей является одной из основных производственных традиций города Шеки. Каждую шелковуя одежду, изготовленную в Азербайджане и в других странах Азии, с его изысканном стилью вышивки и оригинальном ткачеством также можно называть произведениями искусства. Известный писатель и литературовед О. Сулейменов пишет: «В общем, история шелка - одна из самых интересных страниц в истории древней Евразии» [7].

В произведениях средневековых туркменских поэтов, в древних «Огузнаме», в эпосе «Деде Горгуд», часто встречается выражение «yüpek guşag», «yüpek halça». Этот факт означает, что шелк обладает значительное место на этих землях.

Информация о производстве шелка встречается в произведениях некоторых поэтов XIV-XV веков. Азербайджанский поэт XV века Бадр Ширвани предоставляющий обширную информацию в своих

стихах об истории того периода, также включил заметки о развитии шелководства в средневековых азербайджанских городах. Жизнь Бадра Ширвани совпала с периодом между 1387 и 1450 годами, и в его произведениях была в основном отражена исторические события XV века. Более 122 стихотворений были посвящены историческим событиям. Тут можно уделять особое внимание политическим процессам и историческим вопросам в Ширване. Как известно из истории, экономическое развитие Ширвана, а также всего Азербайджана, цветение городов день ото дня внезапно прекратилось в двадцатых годах XIII века. Причиной были разрушительные нападения и нашествия монголов на этих территориях. В основном, города как такие Гянджа, Барда, Бейлаган и Шабран были развалины и упразднены. Все это вызвало глубокое замедление и снижение в Ширване. Ряд экономических реформ, проведенных монгольскими правителями к концу XIII века и снятие некоторых налогов с населения, помогли постепенно возродить страну. Города, такие как Дербент, Шамахи, Баку, расположенные на международных торговых путях, после монгольского вторжения были едва ли укреплены и им удалось восстановить свою экономику. До конца XV века шелковые ткани, ковры, специи и т. д. Изготовленные ткани экспортировались в такие страны, как Россия, Италия и Франция. Из истории нам известно, что Каракойюнлу Искендер несколько раз вторгся в Ширван (1425-1427, 1428, 1431, 1433). Боевые сцены между ним и Ширваншахом Халилуллахом были описаны в касыдах Бадр Ширвани. При описании боевых сцен можно увидеть имена многих мест и крепостей. В 1433 году Каракойюнлу Искендер еще раз напал на Ширван. На этот раз Шемаха был сильно разрушен. Воины Искендера уничтожили тутовые деревья то есть сырье шелководства, которое являлось основой экономики Ширвана и убивали сотни людей. По данным источников, во время нападений было казнено 300 ученых [1, с.70]. Как всегда, Ширваншах Халилуллах посылает сообщение о нападении Шахруху Тимуриду и отправляется в город Рей через море, чтобы добраться до Шахруха. В 1434 году Шахрух отправил войска в Азербайджан, и Ширваншах сопровождал его в этом военном походе. Искендер убежал перед этими силами и укрылся в замке Элинджа в Нахичевани. Наконец, в 1436 году он был убит своим сыном Шахкубадом с решением факихов - «собранием мусульманского законодательного органа». Бадр Ширвани описывает победу Ширваншаха Халилуллаха над Искендером Каракоюнлу и его завоевание Тебриза таким образом:

رفت تبریزرا گرفت به تیغ **شاه شروان بنصرت ارزانی**
آن سکندر چنان سکندرخورد که افتاد از رکاب سلطانی
[5, c.495]

«Ширван-шах отправился в Тебриз с достойной победой благодаря своему мечу. Тот Искендер, так споткнулся что который упал с султанатской лошади.» После этих событий его брат Джаханшах в Тебризе доброжелательно поприветствовал Шахруха и сообщил что будет покорен ему и таким образом он получил право контролировать земли Южного Азербайджана.

Бадр Ширвани в своих стихах также упомянул о многих географических и топонимических именах. Среди них часто встречаются названия Мугань, Джабаны, Каспи, Габала, Элчикен, Курекчай, Гирдыман, Самур. Частые появления е его произведениях имена таких мест как Тюркан, Агдаш, Евлах, Эреш Мельхан, Зардаб, Бюльбюля, Курдуван, Талыстан, Дилямшах, Бехабан, Шехергах подтверждают, что эти поселения все еще существовали до XV века. Информация о городе Эреш представляет особый интерес. По выражению «Я не шелк, чтобы выставлять себя на Эрешском рынке шелка», можно предположить, что Эреш был известен как город, занимающийся торговлей шелком в средние века, где существовал знаменитый рынок шелка и разных тканей. «Английские путешественники в шестнадцатом веке упомянули об Эреш как большой центр производства шелка на Южном Кавказе. По словам А.Ченкинса, крупнейший и наиболее процветающий торговый город страны под названием Эреш находился на границе с Грузией. Минадои из Венеции называл Эреш как один из основных городов Сефевидов и рассказывал о производстве прекрасного белого шелка который был назван купцами «tatoxes» [9].

В своих произведениях Бадр Ширвани воспевая природную и, архитектурную красоту своей родины также дает массу интересных информаций. Его стихи посвященные Габале, Махмудабаду, Дербенду и т.п., являются красивыми образцами искусства, одновременно давая отличное представление об условиях и среде этих населенных пунктов в 15-ом веке.

Габала – один из средневековых азербайджанских городов, имеет отдельное место в диване Бадра Ширвани. Поэт посвятил этому городу стихотворение из двадцати шести куплетов. Это стихотворение помогает нам иметь полное представление о средневековом Габале. Габала, некогда известная как столица Кавказской Албании в течение

более двух тысяч лет было местом обитания с великолепными сооружениями и буйными человеческими жизнями [2, с.289]

В произведениях Бадра Ширвани читаем:

حبذا بوی ریاحین و هوای قبله خنك آن آب روانبخش وصفای قبله
دلبرانش همه طوبی قد وحوری صفتند گویی از خاك بهشتست بنای قبله

[3, с.316]

«Как прекрасен воздух, прохладная вода, и аромат Габалы. Все красавицы с ростом Тубы и лицом ангела, как будто основание Габалы было заложено из рая.» Эти и другие строки являются надежным источником информации о существовании города Габалы в XIV-XV веках. В произведении встречаются географические названия такие как «Кочалан», «Гёльденгелен», «Гора Амира», и названия народов как «Лезгины», «Турки», «Туркмены» и т.п.

Как правило, во время правления Ширваншахов в XV веке Ширван, который расположен на Великом Шелковом пути, стал объектом многих строительных и архитектурных работ. Как упоминается в произведениях Бадра Ширвани, во время правления Ширваншаха Ибрагима и Ширваншаха Халилуллаха Первого были возведены ряд нескольких архитектурных и строительных образцов. Просматривая научные работы известного исследователя истории Ширваншахов Сара Ашурбейли, мы видим, что Халилуллах - достойный преемник мудрого политика-дипломата Ширваншаха Ибрагима и выдающийся представитель династии Ширваншахов, построил серию впечатляющих архитектурных памятников дворцового ансамбля Ширваншахов и обеспечил Баку настоящий вид подобающей столице. Он заботясь о торговле также построил ряд комплексов караван-сараев и мостов. Сара Ашурбейли назвала годы правления Ширваншаха Халилуллаха «периодом процветания государства Ширваншахов» [4, с.58]

Весь этот прогресс и процветание помогли расширению торговле, международных дипломатических отношений на Шелковом пути и распространению культуры между странами. Мы можем надеяться, что восстановление и модернизация Великого шелкового пути в нынешнее время также обеспечит развитию международных отношений в новом контексте, создав условия для обмена наукой, культурой и торговлей.

Литература:

1. Ашурбейли С. Государство Ширваншахов. Баку, 1983
2. Бартольд. В.В. Сочинения. т. II. Ч. I Москва, 1963
3. Ширвани Бадр. Диван. Москва, 1985
4. Qasımov D. Qədim İpək Yolunun bərpası reallıqdır. Tarixi İpək Yolu və Naxçıvanın iqtisadi-mədəni əlaqələrinin inkişafı məsələləri Beynəlxalq İpək Yolu Konfransının materialları.Naxçıvan, 2015
5. ebooks.azlibnet.az/book/CdEnK4rA.pdf c.65
6. http:// qadinlar.co/ heyat- terzi/ maraqli- melumatlar/ 44531-azerbaycan- ve-boyuk-ipek-yolu.html
7. https://www.advantour.com/rus/silkroad/azerbaijan.
8. https://525.az/site/?name=xeber&news_id=12862#gsc.tab=0
9. https://az.wikipedia.org/wiki/

УДК 811.351

КОНЦЕПЦИЯ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Н. Э. Гаджиахмедов,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

В статье обсуждается проблема сохранения и развития языкового и культурного многообразия в полилингвокультурной среде Республики Дагестан. Рассматриваемая проблема актуальна в связи с бурным развитием процессов глобализации, которые усиливают унификацию культур и ведут к сокращению культурного разнообразия. Процессы глобализации, несомненно, представляют угрозу языкам и культурам, прежде всего, языкам малочисленных народов Дагестана. Развитие языкового и культурного разнообразия в киберпространстве – это возможность сохранить языки и литературы, быстро и эффективно расширить сферу использования национальных языков, не обладающих достаточной коммуникативной и демографической мощностью.

Ключевые слова: *национальные языки, языки малочисленных народов, Республика Дагестан, унификация*

The article discusses the problem of preservation and development of linguistic and cultural diversity in polylinguality environment of the Re-

public of Dagestan. This problem is relevant in connection with the rapid development of globalization processes that enhance the unification of cultures and lead to a reduction in cultural diversity. The processes of globalization undoubtedly pose a threat to the languages and cultures, especially the languages of the small peoples of Dagestan. The development of linguistic and cultural diversity in cyberspace is an opportunity to preserve languages and literatures, to quickly and effectively expand the use of national languages that do not have sufficient communicative and demographic power.

Keywords: *national languages, languages of small nations, Republic of Dagestan, unification*

Мировое сообщество сегодня живёт в новых геополитических условиях, которые формируются двумя противонаправленными тенденциями: 1) глобализация как унификация всех сфер жизни и 2) реанимация, сохранение и, где это возможно, развитие, самобытных этнических культур. Несомненно, более ощутимой является первая тенденция – глобализация. Вторая же возникла как реакция на опасность исчезновения национальных культур и их базовых компонентов – языков. Активизирующиеся в последние десятилетия процессы глобализации, несомненно, представляют угрозу языкам и культурам, прежде всего, языкам малочисленных народов. Дагестан является одним из наиболее многоязычных регионов мира.

Сложность решения проблем языковой ситуации не требует особых доказательств, она очевидна. Если бы эта проблема была не такой сложной, то вопрос о ее решении не был бы актуальным в мировом масштабе. Кроме того, об этом свидетельствует и тот факт, что нет еще общепринятой программы решения вопроса. Поэтому давно назрела необходимость разработки универсальной программы для определения путей и методов торможения и остановки процесса угасания миноритарных языков.

Рассмотрим основные концепции сохранения и развития языкового многообразия в полиэтническом Дагестане.

Первая концепция. Основными направлениями реализации программы сохранения и развития языков народов Дагестана является формирование научно-образовательного центра партнерства школ, вузов, Дагестанского научного центра с научно-исследовательскими и образовательными учреждениями, Министерства образования и науки Республики Дагестан и Института Педагогики им. Тахо-Годи. Создание такого координационного Научно-образовательного центра явля-

ется важнейшим условием интеграции вузов, научно-исследовательских институтов, школ, колледжей, гимназий и др. учреждений в решение проблем сохранения языкового многообразия и создания мультиязыковой образовательной среды.

Вторая концепция – изучение языковой ситуации в Дагестане в целом и в его населенных пунктах, что должно послужить основой для составления программ по решению концептуальных проблем сохранения языкового многообразия. Это должно быть целенаправленное социолингвистическое исследование языковой ситуации, включая не только миноритарные языки, но и другие языки, в первую очередь, русский язык как язык межнационального общения. Такой подход будет первой и необходимой ступенью в реализации программы сохранения языков. Эта задача должна быть нацелена на установление реальной картины языковой ситуации в регионе. Выполнение этой важной части программы осуществляется путем применения лингвосоциологических (анкетных) исследований по специальной программе с последующей обработкой собранного материала и с использованием компьютерных технологий, обобщения результатов исследования. При этом выборка респондентов и само анкетное обследование, установление численности и контингент обследуемых проводится по специальным принципам и методам с соблюдением всех условий, необходимых для проведения эксперимента. Только такой подход может обеспечить репрезентативность результатов исследования. Именно результаты лингвосоциологических исследований должны послужить одним из главных исходных положений при изучении языка, формировании программ и решений проблем языковой ситуации в регионе.

Необходимо дать возможность субъектам страны в рамках своих конституционных и законодательных полномочий решать вопросы образовательно-языковой политики в сфере родных и государственных языков республик в соответствии с особенностями языковой ситуации в каждом регионе.

Третья концепция. Очень важным направлением для сохранения языкового многообразия является всестороннее изучение системы языка, различных ее уровней, характера функционирования языковых единиц, особенностей этнолингвистических, лингвокультурологических явлений языка, имеющих непосредственное отношение к проблемам языковой ситуации, составление орфографических, толковых, двуязычных словарей, проведение лингвистических, фольклорных полевых исследований, экспедиций. Естественно, к ним относятся и вопросы заимствования и характер взаимодействия языков, в том

числе и языков различных типов применительно к конкретному языку, который избран как объект сохранения и развития.

Концепция четвертая. Это образовательная составляющая программы сохранения языков и культур: разработка программ и методов обучения языку, составление учебной литературы нового поколения, ФГОС-ов по родным языкам и литературам, методики преподавания языка, рекомендации по внедрению новых технологий обучения родному языку; проведение школьных и студенческих районных и республиканских олимпиад.

Эта концепция направлена на создание отвечающих современным требованиям лингводидактики новых программ обучения, удобных для усвоения языка способов и методов, новых подходов с целью создания современной учебной литературы, в частности, аудиовизуальных учебников и учебных пособий, компьютерных вариантов школьных и вузовских учебников.

В эпоху глобализации во всех образовательных учреждениях должна проводиться осознанная и целенаправленная работа по диверсификации и развитию разнообразия языков в образовательном процессе.

Создание центров и лабораторий лингвокультурной экологии для документирования всех языков народов Дагестана явилось бы еще одним шагом в сохранении и развитии дагестанских языков.

Нужна целенаправленная работа Министерства образования и науки по повышению качества обучения родным языкам на всех уровнях образования в результате внедрения в учебный процесс новых научных и методических знаний и развития профессионального мастерства будущих преподавателей родных языков и литератур. Если мы хотим, чтобы наши дети лучше владели родными языками, необходимо повысить уровень их преподавания в городских школах. Отсутствие специальных учебников для городских школ только усугубляет сложившуюся ситуацию.

Нередко изучение языка становится для школьника, лишённого правильной мотивации, лишней обузой. Остро стоит и вопрос с учебной литературой для изучения языков.

Концепция пятая. Интернет оказывает двойственное воздействие на ситуацию с языковым разнообразием: с одной стороны, усиливает унификацию культур и ведет к сокращению языкового разнообразия, а, с другой стороны, открывает благоприятные возможности для его сохранения и оживления в киберпространстве.

Чрезвычайно важно сохранять и развивать не только язык, но и культурное наследие, созданное на основе этих языков и оставленное нам нашими писателями, поэтами, учеными и т.д. Для этого необходимо создание национальных корпусов дагестанских языков, общедоступных Интернет-библиотек на всех языках народов Дагестана, электронной информационной базы фольклорного и литературного наследия народов Дагестана. Весьма актуальным является создание диалектных корпусов, в которых все документированные тексты диалектов будут представлены в двух формах: а) в виде звукового и видеомодуля – аудиофайла и видеофайла; б) в виде графического модуля.

Повышению мотивации к сохранению языкового многообразия в полиэтническом Дагестане будет способствовать создание многофункционального полилингвального электронного лексикографического фонда дагестанских языков. Словари – необходимая составляющая при изучении любого языка. Они в полном объеме должны быть представлены на веб-сайтах дагестанских языков. Каждый словарь должен быть оснащен: а) поисковой программой, б) средствами автоматизированного перевода, в) программой статистической обработки.

На сайтах дагестанских языков необходимо разместить видеоуроки и видео-лекции по родным языкам, разработанные по специальной методике обучения.

Необходим единый лингвистический центр для создания и информационного наполнения многоязыкового веб-сайта «Языки народов Дагестана». Если мы не будем заботиться о сохранении и развитии наших языков, Интернет и сопровождающая ее глобализация будут, сокращать жизнеспособность среднеразвитых языков и в значительной степени ускорять исчезновение языков миноритарных народов. Если же мы на самом деле будем заботиться об их сохранении и развитии, то Интернет может быть незаменимым инструментом.

К сожалению, в Дагестане, в отличие от многих полиэтнических регионов, не ведется целенаправленной работы по осмыслению проблем многоязычия и культурного разнообразия в киберпространстве. Однако развитие языкового и культурного разнообразия в киберпространстве – это возможность сохранить языки и литературы, быстро и эффективно расширить сферу использования национальных языков, не обладающих достаточной коммуникативной и демографической мощностью. Перед нами уникальный в истории этап развития дагестанских языков. Было бы непростительной ошибкой для дагестан-

ского языкознания упустить этот момент, не изучать те процессы, которые сегодня происходят в дагестанских языках, не замечать новые и крайне интересные подходы к сохранению языкового многообразия в Дагестане.

В целом, можно констатировать, что современная языковая политика в сфере создания эффективно функционирующей мультиязыковой электронной среды отличается несистемным, несбалансированным характером, не позволяет создать необходимые условия для сохранения и развития родных языков в условиях многоязычного Дагестана.

Концепция шестая. Главное условие сохранения и возрождения языка – это желание самих носителей сохранить его, стремление к самоидентификации. Часть людей хочет отличаться от остальных своей культурой и своим языком – вот на этом желании все и держится. Желание самих людей выучить язык – это, конечно, важно. Дело государства – создать условия, обеспечить финансирование, а там уж люди сами разберутся [1, с. 30]. Действительно, если сами представители миноритарных языков не будут заинтересованы в существовании своей культуры, никакое финансирование и никакие государственные программы поддержки тут не помогут. Язык и литература – не музейная ценность. Как бы странно это ни звучало, в данном случае сохранение национального языка – дело самих носителей этого языка. Без них и языку, и культуре просто негде будет существовать [1, с. 67].

В наш прагматичный, ориентированный на личный успех век можно задаться вопросом о том, насколько вообще имеет смысл стремление любой ценой сохранить языки малочисленных народов. Размышляя над этим вопросом, необходимо вспомнить, что функции языка не исчерпываются его коммуникативными возможностями. Важнейшими функциями языка являются также аккумулятивная, позволяющая накапливать опыт культуры, и культуротворческая, позволяющая создавать культуру [2, с. 50]. «Язык тесно связан с культурой, это неразделимые вещи. Мы видим мир через язык, через слова, выражения, метафоры». Являясь важнейшим компонентом культуры, язык во многом обусловливает её выживание. Многообразие же культур на территории единого государства необходимо для обеспечения более полного осознания сущности патриотизма, поскольку наполняет конкретным культурным смыслом понятие малой родины [1, с. 30].

Одного личного желания людей сохранить язык и культуру своих предков недостаточно, нужна политическая воля и роль государственной власти в деле сохранения идентичности малочисленных

народов. К сожалению, далеко не всегда государство создаёт для этого условия и обеспечивает необходимое финансирование и правовые гарантии. Проблема поддержки миноритарных языков федеральные власти в основном «скинули» на регионы, а у тех отсутствуют необходимые средства. При этом государство должно возрождать «здоровый патернализм». «У нас в стране беда с национальной политикой – декларативна, существует лишь на бумаге, на практике не реализуется совсем», – считает Евгений Головко [3, с. 30].

Нет механизма применения этого нормативного акта, нет финансирования, за счет чего все, что прописано в законе, становилось бы возможным». «Все, что происходит и чего добиваются люди, – это заслуга регионов и самих народов», – уверена она [3, с. 30].

Прежде чем говорить о сохранении языка, надо говорить о сохранении самого этноса, традиционной культуры. Нужно думать о способах выживания этносов.

Остается вопрос о том, насколько внимание научно-педагогической общественности, а также интересы самих представителей малых народов могут быть услышаны во властных структурах, от которых во многом зависит решение проблемы языкового многообразия Дагестана и России.

Таким образом, проблема языковой ситуации носит многоаспектный характер, затрагивает многие стороны социокультурной жизни носителей языков, естественно, требует научного исследования системы языка, функционирования языка, его взаимодействия с другими языками, создания научно обоснованного комплекса учебных материалов, разработки отвечающей современным требованиям лингводидактики методов обучения языкам. Кроме того, решение проблемы требует профессионального, государственного подхода, участия в нем многих слоев населения, в том числе властей всех уровней, а также требует и материальных затрат.

Литература:

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). - М., 2003. - 128 с.

2. Егоров А., Модель Н. Большие проблемы малых языков // Эксперт Северо-Запад. М., 2015. - № 10-11. - С. 30-31.

3. Кудрявцева М.Е., Шевченко А.С. К вопросу о многоаспектности проблемы исчезающих языков северо-западного федерального округа: по материалам круглого стола // Восток-Запад: взаимодействие языков и культур. – М., 2015. С. 66-68.

УДК 81-22

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСОВ ФОНЕТИКИ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Х. Т. Гаджизаде,
Университет «Нахчыван»
Азербайджан, г. Нахичевань

В статье обсуждается информация об орфографии и орфоэпии азербайджанского, арабского и персидского языков, рассказывается о взаимодействии фонетических структур. Также отмечается, что в орфоэпических словарях арабского языка слова выстраиваются по первым и последним буквам алфавита.

Ключевые слова: *гласная, согласная, фонетические явления, закон гармонии, звук, слог, единица языка*.

The article discusses information about spelling and spelling of Azerbaijani, Arabic and Persian, and talks about the interaction of phonetic structures. It is also noted that in orthopedic dictionaries of the Arabic language words are lined up on the first and last letters of the alphabet.

Keywords: *vowel, conseator, phonetic phenomena, the law of harmony, sound, syllable, unit of language*

Каждая сфера языковедения, пройдя определенный путь исторического развития, создает свою историю. Фонетика также является сферой лингвистики, проделавшей такой путь развития в азербайджанском языкознании. Фонетика развивался под воздействием времени на различных языках, в различных странах, в различных направлениях в зависимости от историко-политической, общественной ситуации. Из монографических исследовательских работ А. Бабаева, Дж. Садыговой, Т. Алескерова об азербайджанских языковедах отчетливо видим, что в азербайджанской лингвистике вопросы фонетики до советского периода были одной из интересующих наших ученых и мыслителей тем. Верно, до 1920-х годов исследование фонетики не велось системно по единой линии, данной сфере не были посвящены какие-либо конкретные произведения, но, тем не менее, можно встретить значительное количество научных сведений на эту тему.

Возникновение на Востоке исламской религии сыграло важную роль в развитии всех наук, в том числе, и языкознания. В частности,

арабское языкознание получило широкое развитие и оказало влияние на лингвистику других народов. А. Бабаев писал: «Азербайджанское языкознание возникло на основе мирового и арабского языкознания и опирается на их традиции. На начальном этапе развития нашего языкознания, роль исторической ситуации также неопровержима, как и роль восточного языкознания. Так как теоретическое мышление каждой эпохи является продуктом истории». С возникновением ислама арабский язык стал господствующим языком на востоке. Истории также известно, что влиятельность арабского авторитета продолжилась примерно 300 лет. В результате ослабления арабского халифата растет влияние тюркского авторитета. «Начиная с X века азербайджанские ученые или приглашаются на Восток, или же переезжают в известные города исламского востока и ведут исследовательские работы, либо же читают лекции по тем или иным сферам науки в высших школах-медресе того времени». Естественно, что написание научных произведений на арабском также было главной характерной особенностью эпохи. Хатиб Тебризи, Губейш Тифлиси, Гасан Усамеддин Абдулсамин оглу, Ибрагим Шабустари Бурханаддин и др. относятся к азербайджанским ученым, сыгравшим особое место в развитии арабского языкознания. Они, в частности, создали значимые произведения в словареведении. В общем, просмотрев языкознание, можно увидеть, что если в Европе ученые больше писали о грамматике, то на востоке преобладали работы в области лексикографии. Также отметим, что азербайджанскому ученому миру еще не известен источник по языкознанию доисламской эпохи. Начиная с XII века, на востоке персидский язык превалирует над арабским. Традиция посвящения произведений персидскому языку возникла еще в XI веке с Г.Тебризи. Эта традиция продолжилась и в последующие периоды. В XIV веке произведения Фахраддина Хиндушаха Нахчывани, его сына Мухаммада Хиндушаха Нахчывани, жившего в XVII столетии Мухаммада Хусейна ибн Халаф Тебризи отличаются своей оригинальностью в этом смысле. Словари персидского языка, составленные этими авторами, имеют чрезвычайно большое значение в языкознании.

В большинстве написанных словарей, наряду с лексикологией и грамматикой языка, также истолкованы вопросы фонетики. Например, в словаре Мухаммада Нахчывани «Сихаху-л-фурс» также даются дополнительные примечания по исторической фонетике персидского языка. Также в произведении Мухаммеда Хусейна ибн Халафа Тебризи «Бохране гате» дается информация об орфографии и орфоэпии персидского языка, рассказывается о фонетической структуре языка.

В XVII веке Али Юсиф Ширвани в своем произведении «Тухвату-л-Абваб» из двух частей повествует о фонетических, грамматических и лексических вопросах языка не в предисловии и дополнении, а в процессе толкования отдельных слов. Также отметим, что в словарях слова выстраивались по первым и последним буквам алфавита языка, к которому данные словари относились. В XIX веке в Европе и России интерес к восточным языкам уже возрос. Также преподавание в высших школах России, в частности, персидского языка, привело к возникновению большого количества учебников в указанный период.

В первой половине XIX столетия А. Бакиханов написал произведение «Гануни Гудси» (1829), посвященное грамматической структуре персидского языка, в 1841 году перевел произведение с персидского языка на русский («Краткая грамматика персидского языка») и опубликовал его в Тифлисе. Произведение является первым известным нам самостоятельным трудом, посвященным грамматике персидского языка в азербайджанском языкознании.

«Гануни Гудси», хоть и посвящен грамматике персидского языка, здесь вопросам фонетики отведен отдельный раздел. Произведение состоит из предисловия и трех разделов: фонетика, морфология, синтаксис. В первой части, именованной фонетика, сопоставлены звуки персидского языка с гармонирующими звуками русского и французского языков.

В XIX веке Абдулкерим Иревани также в своем труде «Гаваеде сарф ве нехве зебане фарси» (1846) попытался исследовать персидский язык в целом. В произведении наряду с сущностью, происхождением языка, типологической классификацией иранских языков, терминологией, речью, словом, предложением, стилистикой, морфологией, и частично лексикой также говорится о проблемах фонетики. Также отметим, что Абдулкерим Иревани в данном своем произведении, посвященном грамматике персидского языка, поясняя вопросы фонетики, в некоторых местах сравнил персидский язык с азербайджанским. Для языкознания того периода это было новшеством. Сопоставление исследуемого языка с азербайджанским мы впервые встречаем в произведении «Гаваеде сарф ве нехве зебане фарси» Абдулкерима Иревани. Помимо того, автор в своем произведении рассказывает об одном правиле, свойственном тюркскому языку, которое можно считать законом созвучия нашего нынешнего языка.

В XIX веке С.Велибеков также занимался исследованием персидского языка, рассказал в своем труде «Усуле джадиде лисане фарси» (1896) из 184 страниц о вопросах фонетики. Автор во вступлении сво-

ей книги под заголовком «Сармашг» дал пояснение написанию некоторых букв.

В 1884 г. Мирза Джафар Рзаев для изучения персидского языка с практической точки зрения написал и издал учебник «Краткая грамматика персидского языка». В предисловии к своему произведению он рассказал об изобилии в полученных учебниках персидского языка недостатков, а в следующих двух основных частях дал толкование правилам и законам персидского языка с русской транскрипцией. В книге также говорится о таких фонетических вопросах, как персидский (арабский) алфавит, звуки, произношение звуков, ударение.

В 1888 г. Мирза Казымбек Абидинов написал и издал произведение под названием «Краткий очерк персидского языка (этимология)». Произведение из 81 страниц состоит из девяти разделов. Мирза Казымбек Абидинов посвятил первый раздел данного труда, посвященного грамматике персидского языка, фонетике. Он писал, что в персидском языке имеется 18 буквенных знаков, из которых образуются 32 буквы с помощью точек. Автор дал широкое пояснение правилам написания букв персидского языка в начале, середине и конце слова, а также жестам и прочим знакам, используемым для облегчения чтения.

Вопросы фонетики мы встречаем также в книге М.Казымбека «Грамматика тюркско-татарского языка» (1839), признанной новым и значимым событием не только в азербайджанском языкознании, но и в тюркологии в целом. В первой части труда, состоящей из трех частей, названной «Алфавит», говорилось об особенностях арабского алфавита, используемого многими народами в тот период. А под названием «Произношение букв» дается сравнительное пояснение тому, как произносится звук, выражаемый каждой буквой, сначала на русском, а затем в нескольких тюркских языках. Ученый особо остановился на произношении согласного бурун н (сагыр нун).

В конце XIX века Мирза Мухаммад Афшар написал произведение «Фанни-сарфи-турки», посвященное грамматической структуре азербайджанского языка. Первое заглавие данного произведения, дата написания которого точно не известна, «Бабул-хуруф» («Раздел букв») посвящено разъяснению арабских букв. Автор рассказывает о 28 буквах, также указав, что в арабский алфавит тюрки добавили согласные nı (сагыр нун), а персы n, ç, g, j.

Традиция добавления в книги по грамматике XIX века проблем фонетики продолжается с С. М. Ганизаде. В первой части своего труда «Грамматика Тюрко-Кавказско-Азербайджанского говора» (1902)

он рассказал о формах, произношении букв арабского языка, провел сравнение этих звуков со звуками русского языка.

С. М. Ганизаде в очередном усовершенствованном издании своей книги «Грамматика тюркского языка Кавказско-Азербайджанского говора» (1922) снова возвращается к вопросам фонетики. Эту книгу можно считать второй частью книги «Грамматика Тюрко-Кавказско-Азербайджанского говора». Автор указал число гласных на азербайджанском языке 10, включил в наш язык звук э под влиянием русского языка. Гласные разделил на две группы (твердые, мягкие), а звук э разместил в ряд мягких гласных.

Также отметим, что в научной литературе, возникшей в азербайджанском языкознании до 1920-х годов, число гласных в нашем языке не всегда указывалось девять, как сейчас. В трудах М.Казымбека и Мирзы Мухаммада Афшара говорится, что в азербайджанском языке существует три гласных (элиф, вав, йа), а в книге «Грамматика Тюрко-Кавказско-Азербайджанского говора» (1902) С.М.Ганизаде число гласных звуков указано как два. Известно, что в арабском алфавите гласные отображаются тремя буквенными знаками. Значит, в то время вопросы фонетики излагались под воздействием арабского языка и алфавита. И азербайджанские языковеды отмечали наличие в нашем языке двух или трех гласных. А С.М.Ганизаде в своей книге «Грамматика Тюрко-Кавказско-Азербайджанского говора» (1922) попытался исправить эту ошибку, доведя число гласных до 10. Но и в этот раз допустил ошибку в вопросах согласных под влиянием русского языка (как добавление в наш язык звука э). Так, он разделил согласные не на глухие и звонкие, а на твердые и мягкие.

Как нам известно, арабский алфавит не был пригоден для азербайджанского языка. Вызывал трудности, как в письме, так и в чтении. Не соответствовал правилам нашего языка. Начиная с XIX века, данная проблема начала беспокоить наших литераторов и мыслителей. Борьба за алфавитную реформу в Азербайджане началась Мирза Фатали Ахундовым. И в последующем М.Шахтахтылы, С.Велибеков, Н.Нариманов, У.Гаджибеков, Дж.Мамедгулузаде и другие, продолжив путь М.Ф.Ахундова, много говорили на эту тему в своих трудах.

Как мы видим, до 1920-х годов в азербайджанском языкознании вопросы фонетики имели практических характер, в связи с чем, говорилось в основном о написании и произношении букв, основная суть, отличие звука и буквы не было установлено. В нашем языкознании мы не встречаем научный источник, посвященный специально фоне-

тике. И некоторые вопросы фонетики представлены в дополнениях к словарям и книгам по грамматике.

Литература:

1. Бабаев А. М. История азербайджанского языкознания. Баку: БГУ, 1996, 276 с.
2. Чобанов М. Н. I тюркологический съезд и современные проблемы тюркских языков. Баку, 2006. 150 с.
3. Чобанзаде Б.В. Избранные произведения (Тюркский язык). Баку: «Восток-запад», 2007. 200 с.
4. Чобанзаде Б.В. Избранные произведения (Метод преподавания тюркского языка и литературы). Баку: «Восток-запад», 2007. 200 с.
5. Чобанзаде Б.В. Избранные произведения (Введение в тюркско-татарское языкознание). Баку: «Восток-запад», 2007. 200 с.
6. Демирчизаде А. Современный азербайджанский язык (Фонетика. Орфография. Орфоэпия). Баку: «Восток-запад», 2007. 256 с.
7. Гусейнзаде М.Н. Современный азербайджанский язык. Баку: АПИ, 1963. 276 с.
8. Раджабли А. Азербайджанское языкознание. Баку, «Нурлан», 2007, 416 с.
9. Султанов Р. О единицах языка и их характерных особенностях // Научные труды АГУ. 1956. №1. с. 128-136.
10. Алекперов А.Г. Фонематическая система современного Азербайджанского языка. Баку: Элм, 1971. 100 с.
11. Кязимов Ф. Система гласных фонем азербайджанского языка // Изв.АН СССР, 1952, т. XI, вып. 4, с. 295-301.

УДК 821.411.21

ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ МЕДИТАТИВНОЙ ПОЭЗИИ АБУ-ЛЬ-АТАХИИ

Т. Э. Гаджимурадова,
А. А. Омаров,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

В статье рассматривается природа и жанрово-тематическое своеобразие жанра зухдийят в творчестве Абу-ль-Атахии – одного из ярких представителей поэзии Первого Аббасидского периода в араб-

ской средневековой литературе. Особое внимание уделяется философским и теологическим проблемам, нашедшим отражение в его стихах.

Ключевые слова: *арабская средневековая литература, медитативная поэзия, жанр зухдийят, религиозно-благочестивые мотивы, средства выразительности, символ*

The article examines the nature and genre-themed originality of the genre of zuhdiyat in the work of Abu-l-Athiyah - one of the brightest representatives of the poetry of the First Abbasid period in The Arab medieval literature. Particular attention is paid to the philosophical and theological problems reflected in his poems.

Keywords: *Arabic medieval literature, meditative poetry, genre of zuhdiyat, religiously-pious motifs, means of expressiveness, symbol*

Идеи воздержания и презрения к мирским радостям рождались в сознании людей и проникали в поэзию в конце VIII и в начале IX в. не случайно. Обстановка утонченной роскоши придворной жизни в стране, терзаемой войнами, политической борьбой, принимавшей характер бесконечных дворцовых заговоров, создававших ощущение непрочности власти и отсутствия политической стабильности в государстве, порождали два на первый взгляд противоположных мироощущения – гедонистическое и пессимистическо-аскетическое. Испытываемое жителями столицы и других городов Ирака ощущение «эфемерности бытия» и приближения «конца света» одинаково вызывало и стремление к наслаждениям и к благочестивому воздержанию, ведущему к вечному блаженству [1, с. 80].

В благочестивой поэзии Абу-ль-Атахии, порицавшего царившую в столице империи распущенность, содержалась хотя и косвенная, но достаточно острая критика придворных нравов. Отдавая дань современным веяниям, Абу-ль-Атахия проявлял большой интерес к философским и теологическим проблемам. В это время ожесточенные споры по вопросу о свободе человеческой воли и предопределении вели между собой кадариты (сторонники концепции свободной воли) и джабариты (сторонники концепции фатализма), и Абу-ль-Атахия, постоянно ощущавший свою беспомощность в земной жизни, невольно принимал джабаритскую доктрину о полной предопределенности Аллахом человеческой судьбы [1, с. 83].

Главное место в его поэзии этого времени занимают зухдийят, порой напоминающие облеченные в поэтическую форму аскетиче-

ские проповеди или философские размышления о смысле жизни, скором и неизбежном конце мира, тщетности всех земных человеческих усилий.

Поэзии Абу-ль-Атахии даже раннего периода свойственны философские раздумья. Хотя его панегирики имеют строго традиционную композицию, в них то там, то здесь проскальзывают и философские пессимистические нотки. Газели лишены какой-либо фривольности, а поношения (хиджа) осторожны и не в пример его предшественникам не грешат излишней грубостью. Со временем, однако, скептицизм поэта и жалобы на несправедливость судьбы переходят в глубокий пессимизм, и философская лирика вытесняет в его творчестве все традиционные жанры – любовные и застольные песни, поношения и даже обязательный для придворного панегириста мадх (восхваление). Новая тема благочестиво-назидательного и аскетического характера выросла у поэта из наблюдений над жизнью общества, личного опыта и философских раздумий. Острое чувство современности заставляло его размышлять над трагическим опытом истории, а талант помог ему свои медитации обратить в поэтическую мысль.

Индивидуальный душевный опыт Абу-ль-Атахии дает его поэтическому сознанию толчок к осмыслению проблем общечеловеческого значения. Конкретное интимно-биографическое событие остается за текстом, и возникает вечная тема неизбежности смерти, усталости от суетных земных устремлений, выраженная с большой эмоциональной силой и богатством смысловых оттенков.

.. О ты, кто строит высокие дворцы! Куда ты стремишься? Неужели ты хочешь достичь облаков?

Ты ведь только в долине судьбы, и если смерть пустит в тебя стрелу, то не промахнется.

О ты, строящий (дворцы) для разрушения временем! Строй что хочешь, все равно все будет разрушено!

Неужели ты надеешься, что смерть пощадит тебя, и что она тебя любит? Ведь время не несет ничего, кроме перемен.

О, если бы ты мог посмотреть на мир глазами зрячего, ты бы понял, что он обманчивее блуждающего миража.

Мир подобен ускользающей от тебя тени, и все, что ты видишь в нем, – лишь туман.

И огонь сжигающей людей смерти горит с каждым днем все сильнее [1, с. 84]. (Перевод И.М. Фильштинского)

Период творчества, начало которого исследователи склонны датировать временем пребывания Абу-ль-Атахии при дворе Харуна ар-

Рашида, поэт все чаще обращается к теме покаяния, неотвратимости смерти и тщетности человеческих усилий в земной жизни.

أبو العتاهيةكُلُّ حيّ كِتابهُ معلومُ

لـ أبو العتاهية، منذ 12 عامًا، في غير مُحدد

كُلُّ حيٍّ كِتابهُ معلومُ
لا شَقَاءٌ، وَلا نَعيمٌ يَدومُ
يُحسَدُ المَرْءُ في النّعيمِ صَباحاً،
ثمَّ يُمسي وعيشهُ مذمومُ
وَإذا ما الفَقِيرُ قَنّعَهُ اللهُ،
فسِيّانِ بُؤسُهُ وَالنّعِيمُ
من أرادَ الغِنَى فلا يسأل النَّاسَ،
فإنّ السّؤالَ ذُلّ وَلُومُ
إنّ في الصّبرِ وَالقُنوعِ غنى الدّهرِ،
حِرْصُ الحريصِ فقرٌ مُقيمُ
إنمَا الناسُ كالبهائِمِ في الرزقِ
سَواءٌ جَهولُهمْ وَالعليمُ
ليسُ حزمُ الفتى يجرُّ لهُ الرزْقَ
ولا عاجزاً يُعدُّ العديمُ

[2]

Каждому живому его известна судьба.
Ни беда, ни счастье не продолжаются вечно.
Завидуют счастью мужчины утром.
С наступлением вечера его жизнь становится порицаемой.
Когда несчастный доволен тем, что дал Всевышний,
И счастьем, и бедою в равной степени.
Кто хочет богатство и не спрашивает людей.
Это вопрос униженный и порицаемый,
В терпении и довольстве малым – богатство времени…
В стремлении жадного – нужда живущего.
Люди как звери в поисках пропитания одинаковы
И невежественные, и умные.*

Активно привлекаемая поэтом форма антитезы позволяет понять диалектику художественного мышления Атахии через изменчивость, превращение в противоположное: беда / счастье; вечное / сиюминутное; утро / вечер; довольствующийся малым / жадный; невежественный / умный. Характерно, что все эти антонимические конструкции заканчиваются темой пустоты и мрака, когда нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего.

Как видим, поэта отличает пристрастие к контрастам и антитезам. Он легко переходит от одного созерцаемого предмета или явления к другому, затем вновь возвращается к началу, как бы замыкая круг развертывания образа и достигая философско-художественного обобщения.

لاحَ شيبُ الرأسِ منّي فاتَّضحْ

لـ أبو العتاهية، منذ 12 عامًا، في غير مُحدد

لاحَ شيبُ الرأسِ منّي فاتَّضحْ
بَعدَ لَهْوٍ وشَبابٍ ومَرَحْ
فَلَهَوْنَا وفَرِحْنَا، ثمّ لَمْ
يَدَعِ المَوْتُ لذي اللّبّ فَرَحْ
يا بَنِي آدَمَ صُونُوا دينَكُمْ
يَنْبَغي للدّينِ أنْ لا يُطّرَحْ
وأحْمَدُوا اللهَ الذِي أكرَمَكُمْ
بنذيرٍ قامَ فيكُمْ فنصَحْ
بخطيبٍ فتحَ اللهُ بهِ
كُلَّ خيرٍ نلتُمُوهُ وشرَحْ
[3]

Показалась седина на голове у меня
После развлечений юности и радости.
Мы радовались, играли, но потом
Смерть не оставила в сердце радости.
О, сыновья Адама, берегите вашу религию.
Нельзя религию бросить.
Восхваляйте Аллаха, который вас боготворил.
Аллах вам отправил увещевателя,
Он пришел к вам и советовал с добротой,
Которую вы получили и он разъяснил.

Три символа (жизнь – смерть – вера) организуют художественное пространство стихотворения. Три силы организуют не бытовой философский план. Обычный факт – приход старости – даётся в особом ключе трагического перелома, который не проходит бесследно. Только вера, любовь к Всевышнему, благодарность за жизнь спасают душу от забвения, содействуют сохранению святынь долга, чести, памяти, верности. И идея смерти становится итогом земного существования. Но в контексте веры самое страшное – духовная смерть, полное забвение, бездумное равнодушие.

Ключевые понятия, лежащие в тематической основе произведения, связаны с идеей скоротечности жизни и нежеланием человека

признать, что погоня за материальным, благами («эти здания и слуги, которых мы покупаем, как будто жить будем вечно…») так суетна и несерьёзна перед лицом Вечности. Развлечения и деньги остаются в прошлом. А что же приносит новый день? Здесь нет положительного исхода. В грустной тональности поэт говорит об одиночестве и отчуждённости человека.

Часто поэт использует риторический вопрос. Неслучайно и это стихотворение заканчивается словами: «Где ваши ум и зрелость?» Риторический вопрос позволяет актуализировать мысль читателя (слушателя) через поиск нужного слова или ёмкой пары антонимов. И в этом, как нам представляется, соединяется личное и общественное, индивидуальное и коллективное.

В зухдийят Абу-ль-Атахии много традиционных компонентов, в частности обличительных мотивов и других тем: седина как вестник смерти; «увещеватель», долженствующий напоминать о том, что молодость невечна; тема «всеядного рока», пожирающего людей и пьющего их кровь (в чем заметны отголоски мифологических представлений о судьбе); тема одиночества человека. Тем не менее Абуль-Атахия создал принципиально новый вид философско-дидактической лирики, обладающий необычайно сильным эмоциональным воздействием.

Прозрачность, легкость языка делала стихи Абу-ль-Атахии популярными в самой различной аудитории, правда, образованные литераторы – современники поэта считали их «слишком простыми». Знаменитый филолог Асмаи (IX век) говорил о стихах Абу-ль-Атахии: «Стихи Абу-ль-Атахии подобны площади перед царским дворцом, где можно найти и драгоценный камень, и золото, и пыль, и навоз, и финиковые косточки» [4, с. 125]. Это высказывание относится к зухдийят Абу-ль-Атахии, составляющим абсолютное большинство его стихов.

Несмотря на общий пессимистический характер заухдийят, они, как это ни парадоксально, оптимистичны, ибо предполагают непрерывную преемственность человеческих поколений, следующих друг за другом. Призрак Страшного суда витает над ними не как предел существования человечества, а как напоминание людям о том, что человек добродетельный может не бояться его, он только не должен грешить.

Литература:

1. Фильштинский И.М. Арабская литература в средние века. VIII–IX вв. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978
2. Аль-Атахия. Режим доступа: https:// www.alsh3r.com/ poems/ view/ 409 (дата обращения 28.05.2019
3. Аль-Атахия. Режим доступа: https:// www.alsh3r. com/ poems/ view/408 (дата обращения 26.05.2019)
4. Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). М.: Наука, 1974. 254 с.

УДК 821.161.1.09

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ХАДЖИ-МУРАТ»

Г.А. Гасанова
Бакинский Славянский Университет,
Азербайджан

В данной статье анализируется тема, посвященная отражению этнокультурных элементов в художественном пространстве повести Л. Толстого «Хаджи-Мурат». Великий писатель посредством этнографических деталей сумел показать реальный мир горцев, их единство с окружающей природой, их мышление и мировосприятие. Национальное своеобразие и характер наиболее ярко проявились в обыденной речи персонажей и изустном творчестве. Раскрывается отношение и оценка писателем ментальности кавказцев, их духовно-нравственных ценностей. Толстой призывал уважать другую культуру.

Ключевые слова: «*Хаджи-Мурат», этнокультура, образное мышление, горская речь, особенности стиля, заимствованная лексика, языковое чутье*

The story by L. Tolstoy "Haji-Murat" - one of the best creations of the writer. In it with all completeness the relation to vital and spiritual way of the mountain people, culture, customs and traditions is opened it. Characteristic features of mountaineers, their attitude, psychology and national and figurative thinking found expression not only in songs, but also in the mountain speech. Tolstoy sought to reflect a living spoken language, using proverbs, sayings, aphorisms, wishful thinking. The popular wisdom is put

into them. L. Tolstoy calls for respect for the culture of the people of the Caucasus.

Keywords: *"Haji Murat", ethnoculture, figurative thinking, mountain speech, style features, borrowed vocabulary, linguistic flair*

В повести «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстой продемонстрировал глубокое знание жизни народов Северного Кавказа. Интерес к обычаям и традициям мусульман был не только этнографическим, но и духовным. Описывая быт и нравы горцев, язык и фольклор, он стремился отразить представления об исламских культурных ценностях. Через образ жизни (обстановка жилища, форма одежды, пища, обряды и праздники и т.д.) раскрывается духовная культура народа, в которой сохранились элементы традиционнного религиозного мировоззрения. Писатель акцентрирует внимание на гуманистических общечеловеческих идеалах, заложенных в мусульманской религии. «Толстой высоко ценит отношение мусульман к женщине, гостю, к таким чертам, как верность, честность, достоинство, человечность, – отмечает проф. А.Дж.Гаджиев. – В описаниях мусульманских ритуалов и обрядов он показал себя тонким знатоком исламской культуры» [1, с. 127].

Изучение жизненного уклада горских народов привело писателя к осознанию духовных ценностей ислама, утверждающих идеалы высокой нравственности, добра и справедливости. Исламская религия полностью соответствовала его духовному миру, что явствует из многочисленных высказываний Толстого в сохранившейся переписке (в частности, с Е.Е.Векиловой, супругой генерала русской армии Ибрагим ага Векилова) [5].

Коранические выражения нашли отражение и в повести «Хаджи-Мурат»

(«Бисмиллях ир-рахмани рахим»; «Ля иллаха илл Аллах»; «Я хакк»; «Зикр»;

«Я кайюм»; «Мухаммад ун Расуллах»; «Гу», «Зикр»; «Истихар-намаз» и др.).

Хаджи-Мурат предстаёт как праведный мусульманин, всецело преданный своей вере, он свято чтит исламские обряды, обязательные для всех правоверных. Поклонение Аллаху – их священный долг. Глубоко раскрыть образ героя «с богом в душе» Толстому помогло обращение к народному творчеству. Горские песни (о кровомщении, тавлинская сказка о соколе, о джигите Гамзате, песня матери), придающие повести лирически-эмоциональную и одновременно героическую окраску, ещё более усиливают восприятие смелого воина. Они

напоминают лучшие образцы азербайджанской фольклорной поэзии. Прославление мужества и героизма в духе народной поэзии и традиций. По словам известного языковеда М.Т.Тагиева, в текстах песен «Толстой сохраняет стиль оригинала», что выражается в «системе фраз и их сцеплении» [3, с. 213-233]. Народно-образное мышление горцев нашло выражение как в песнях, так и в горской речи. Особый национальный колорит придают ей народные выражения (пословицы, поговорки, приветствия и пожелания). В них находят отражение представления и наблюдения над жизнью. Они тесно связаны с обычаями и горским этикетом и придают национальное своеобразие повествованию («Я с Кораном и шашкою приду», «У женщины ума в голове – сколько на яйце волос», «Сыновья твои да чтобы живы были», «Приход твой к счастью», «Да получишь ты радость и жизнь», «Бог да воздаст вам», «Желаю вам вечный мир с богом всемогущим» и т.д.).

Своеобразие мышления и художественное восприятие мира выражается в сравнительной характеристике персонажей и явлений действительности («Он был телом сильный, как бык, и храбрый, как лев, а душой слабый как вода» , «как пчела, знала в какое место больнее ужалить», «Я как ястреб, поджавши крылья, прыгнул вниз в пропасть», «…аул небольшой, с ослиную голову, как у нас говорят в горах» и т.д.). Наряду со сравнениями часты и устойчивые сочетания («Недалеко от нас выстрела за два под гору», «Он (Гамзат) сам выехал на встречу за два выстрела» и т.д.).

Известно, что писатель тщательно отбирал их и отшлифовывал (что видно из различных редакций повести), приближая к оригиналу. При этом они естественно увязаны с конкретной обстановкой. В этом проявляется поразительная интуиция и фольклорное чутьё великого художника. Толстой стремился отразить живой разговорный язык, сохранить особенности стиля речи. Как верно подметил проф. А.Дж.Гаджиев, «речь горцев в повести строится весьма своеобразно – в лаконичной, порой завуалированной форме, полунамёками они могут обсуждать самые важные вопросы» [1, с. 125].

Вкладывая в уста горцев характерный для них язык, писатель вплетал в него русские слова и фразы. В общении с русскими они говорят на «несклоняемом» ломаном наречии и используют смешанные выражения, как и русские («Хорош песня, умный песня», «Прощай!.. Кунак булур. Время, – айда пошёл», «Прощай, матушка, – спасиб», «Улан якши» и т.д.).

Как видим, Толстой отражает не все особенности речи персонажей нерусских, а воспроизводит лишь отдельные, наиболее типичные эле-

менты этой речи, являющиеся как бы «условными намёками на реальную речь горцев». И это полностью соответствует принципу типизации речи персонажей, который использовали и другие русские писатели.

Вполне естественно, что горцы, с трудом выговаривающие русские слова, вносили в него элементы своей родной речи и строили фразы по образцу своих: «Мюрид мой. Элдар имя ему»; «Это можно, только много, очень много есть чего рассказывать» и т.д.

Расположение слов в том порядке, какой свойствен тюркским языкам. Для передачи горской речи и местного колорита писатель широко использовал и заимствованные слова, в том числе тюркизмы. По утверждению известного азербайджанского ученого-лингвиста М.Т.Тагиева, тюркская лексика связана не только с кумыкским языком, но и с азербайджанским. Известно, что писатель обучался тюркским языкам в Казанском университете у одного из основателей русского востоковедения Мирзы Казембека. Не случайно многие устойчивые сочетания повести аналогичны выражениям родного языка. Сказанное можно проиллюстрировать наглядными примерами: Ханефи, чтобы прекратить раздор между семьями и положить конец кровомщению, просил Хаджи-Мурата «принять его братом» (qardaşlığa götürmək). Лексический оборот вводится с сопроводительным комментарием: «Я не брил два месяца головы, ногтей не стриг и пришёл к ним. Они пустили меня к Патимат, к его матери… и я стал его братом» [4, с. 316].

Такого же типа сочетание «лёгкий человек» (yüngül adam). Так называет Хаджи-Мурат своего нукера Хан-Магому, имея в виду, что он несерьёзный, поверхностный человек.

В переносном значении употреблено и выражение «взять кровь» (kiminsə qanını almaq, canını çıxartmaq). Хаджи-Мурат, не покорившись Гамзату, хотел покончить с ним, уничтожить его: «…Гамзату только мы с братом не хотели покориться. Нам надо было кровь его за ханов. Мы делали вид, что покорились, а думали только, как взять с него кровь», т.е. покончить с ним, уничтожить его [4, с. 317].

Толстой не перенасыщал текст «экзотической» лексикой, соблюдая меру и сообразность в её употреблении. Она органически вплетена в ткань повествования.

Изучение языка и стиля писателя, вживание в мир его идей и образов помогло национальным переводчикам в воспроизведении художественного своеобразия и идейного содержания повести. Переводчики (К. Карабеков (1912), Б. Талыблы (1929), М. Эфендиев (1958)) сумели отобразить реалистические принципы Толстого в

изображении горных аулов, пейзажных зарисовок, внешней и внутренней характеристики героев, их индивидуальной речи.

Языковое чутьё и отточенное мастерство помогли им и при переводе образцов устного народного творчества, представленных в повести.

По словам азербайджанского толстоведа Ф.Рзаева, «переводы из фольклора кавказских народов могут служить примером творческого и вдохновенного отношения к работе» (подразумевает последний вариант перевода) [2, с. 76].

Переводы были осуществлены с учётом богатых возможностей азербайджанского языка, его изобразительно-выразительных средств, интонационно-ритмичного строя. Бесспорно, переводчикам помогло не только знание языка, они сумели прочувствовать всю силу и глубину мысли творений художника.

Переняв творческую манеру и язык писателя, его образ мыслей и способ их выражения, переводчики стремились максимально приблизить перевод к тексту повести.

Наиболее ярко творческое восприятие традиций Толстого проявилось и в переводе-инсценировке повести, выполненном классиком азербайджанской литературы, драматургом Джафаром Джаббарлы в 1928 году. Взяв за основу темы и образы фольклора, драматург переработал их по-своему и создал проникновенные поэтические произведения (по мотивам песни матери и песни о Гамзате). Здесь сполна проявился его дар поэта-лирика.

Таким образом, исследование этнокультурных особенностей в повести Л.Толстого «Хаджи-Мурат» позволяет глубже осмыслить влияние великого писателя на литературу и культуру Азербайджана, и тем самым дополнить научные представления о литературном взаимодействии и межкультурном художественном диалоге.

Литература:

1. Гаджиев А., Рзаев Ф., Якубова М., Алиева С.Восток в русской литературе. Учебное пособие. Баку, 2011. 175с.

2. Рзаев Ф.Ч.Проза Толстого в азербайджанских переводах. Баку: Наука и образование, 2009. 268 с.

3. Тагиев М.Т. Заметки о языке и стиле повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат»// Учёные записки. Серия филологическая, 1961. №9.

4. Толстой Л.Н.Собр.соч.: в 12 т.Т.12, М.: Правда, 1984, 510 с.

5. Толстой Л.Н.-Векиловой Е.Е.,13-16 марта1909 г. http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1909-yanvar-iyun/letter-125.htm

УДК 811.351.31:81’373.72

ОБРАЗЫ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

С. Н. Гасанова
Дагестанский государственный университет,
г.Махачкала

В статье сделана попытка выявить образы домашних животных на материале паремий агульского языка. Выявляется обусловленность семантики паремий символикой зоонимических образов некоторых животных (кошки «гитан», собаки «гъуй» и петуха «ккекк). Устанавливаются не только универсальные образы и характеристики, но и особенности языковой картины мира, культурных смыслов, заключенных в метафорических и метонимических образах данных зоонимов в составе устойчивых единиц.

Ключевые слова: *фразеологизмы, пословицы, поговорки, языковая картина мира, символика, зоонимы.*

The article attempts to identify images of pets on the material of agula paremies. The conditioning of the semantics of paremies is revealed by the symbolism of zoonimic images of some animals (cat "gitan", dog "gyuy" and rooster "kkek). Not only universal images and characteristics are established, but also features of the linguistic picture of the world, cultural meanings, enclosed in metaphorical and metonimic images of these zoonyms as part of stable units.

Keywords: *phraseologies, proverbs, sayings, linguistic picture of the world, symbolism, zooyms.*

Для лингвокультурологических исследований наибольший интерес представляют паремиологичские единицы, компонентами которых выступают зоонимы. Для зооморфной характеристики человека может быть использовано любое животное. Но наиболее часто употребляются наименования тех животных или птиц, с которыми человек достаточно хорошо знаком в силу характера географических, социальных условий своего обитания. Несмотря на универсальный характер символики отражения животных в устойчивых единицах разных языков, национально специфичными являются те метафорические или метонимические смыслы, которые демонстрируют специфи-

ку исторического опыта того или иного этноса, особенности видения мира в языковом мышлении носителей языка [5].

В паремиологическом фонде агульского языка довольно большой пласт занимают фразеологизмы и пословицы, поговорки, в которых функционируют зоонимические компоненты.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала показывает, что наибольшую активность в качестве компонентов устойчивых единиц выступают наименования домашних животных, таких как, *гитан* «кошка», *гъуй* «собака», *ккекк* «петух», *даги* «осел». Из наименований диких животных наибольшую частотность обнаруживает компонент х*1уч* «волк». Паремии с данными компонентами передают как положительные, так и отрицательные характеристики человека.

У каждого народа существуют свои особенности «соизмерения «человека и животного. Такие эталоны-сравнения дают образцы ума или глупости, красоты, жестокости, добра и зла, являются частью этнической картины мира, реализуемой через систему нравственных ценностей [4].

Гитан «кошка». Издавна находясь рядом с человеком, кошка заслужила любовь человека, но вместе с тем паремии агульского языка показывают, что она наделена разными характеристиками. Считается, что кошка мечтает, чтобы ее хозяйкой была старуха, чтобы незаметно своровать у нее все что захочется, тогда, как собака мечтает о молодых хозяевах, чтобы каждый из них мог его досыта накормить [2].

Лексема *гитан* «кошка» в агульском языке реализуется также в с отрицательной коннотацией чаще о женщинах, которые нежатся, любыми способами уклоняясь от домашней работы значении «ленивый, соня»: *гархьалай гитан.* Название кошки в детском языке *писак1ай, писанай* также используется для иронии при характеристике ленивой женщины, белоручки. В основе характеристики кошки в паремиологических единицах агульского языка лежат наблюдения не только над поведением животного, но и над его внешним видом.

Образ кошки в паремиях основан на действиях, поведении в тех или иных ситуациях. Кошка предстает с одной стороны сонливым, ленивым животным, с другой – хитрым, коварным, осторожным, суетливым: *Гъархьуна х1авейчин, гитан х1а хьуна ахьаси* «Если бы рост зависел от сна, то кошка выросла в первую очередь». *Ппара гъархьуна х1а вейчин, гитан аждагьа дегьен хьуна ахьаси.* – Если бы большими становились (вырастали) из-за того, что много спят, то кошка была бы великаном – в назидание лежебокам. Коварство кошки, ее корысть, осторожность выражена в ФЕ: *1улус ккекьу гитан су-*

ман – как кошка, которая поджидает мышку. *Фера давай гитани Iулра фарцандава*. – даром и кошка мышку не ловит. *Мив даркьай джар ухаф (букв. «немяукая сливки пьющий»)* – коварный. *Саваб бадалди гитани Iулра фарцандава* – даже кошка мышку без выгоды не ловит.

О вечной вражде кошки и собаки говорит и следующее выражение: *гъуруна гитанар суман г1ахъунаттар* (букв. «как собаки и кошки, вечной ссоре находящиеся») – о состоянии вражды между кем-либо.

В компаративных ФЕ агульского языка закрепился также и внешний вид кошки, его усов для оценки для отрицательной характеристики мужчины. Редкие усы мужчины сравниваются с усами кошки, которые, как известно, не отличаются густотой: *Гитанин суьппелар ккееф* - кошачьи усы имеющий. *суьппелар ккеядегьенттар идемар дава* – с*уьппелар гитаниккра ккея (*букв. «Не все те, кто носит усы являются мужчинами, усы и у кошки есть»). – Не в усах честь, усы и у кошки есть.

Мотивированность и национально-культурный характер, наряду с образностью, являются важнейшими свойствами символов [2].

Черная кошка, как и у многих народов, ассоциируется у агулов с несчастьем, неприятностями, что отразилось в проклятиях: хал *аккуьшурай ве, кIаре гитан дала адилгуна.* – «Чтобы дом твой разрушился и на развалинах только черная кошка, чтобы сидела». *Ве хулаъ кIаре гитан гъутIурай.* – «Чтобы в твоем доме одна черная кошка только осталась жить».

В исламской культуре кошка считается священным животным, обижать ее считается большим грехом. Причина тому особое отношение к нему самого пророка Мухаммада (с.а.с). У агулов есть предание, связанное с ним и объясняющее происхождение полос на спине у кошки.

Пророк Мухаммад *(с. а. с)* однажды совершал намаз у реки. Вдруг сверху приползла огромная змея, подождала, пока он помолится, потом поздоровалась с ним и попросила спрятать ее, так как за ней гнались враги.

– Как я могу спрятать тебя, ты такая большая? – спросил Пророк.

– Я могу превратиться и в маленькую, – сказала змея. Она свернулась и стала размером с ящерицу, и пророк Мухаммад (с. а. с) спрятал ее за пазуху.

Прибежали враги, которые гнались за змеей. Спросили про неё. Единственный раз в своей жизни наш пророк Мухаммад (с. а. с), го-

ворят, тогда сказал неправду, он им ответил, что не видел ее, и они ушли.

А змея после этого никак не хотела вылезать из-за пазухи Пророка.

– Пока ты не дашь кусок мяса из твоего тела, я не уйду, – сказала змея.

Пророк думал-думал, какую же часть тела ей дать, решил дать мизинец. В тот момент, когда он протянул руку и змея хотела укусить его, с неба упала кошка и съела змею.

Пророк Мухаммед (с.а.с.) погладил кошку по спине, поэтому у нее на спине появились полосы [2]

Вместе с тем, кошка считается и неблагодарным животным: у агулов существует поверье о том, что на том свете за человека (хозяина) будет заступаться не кошка, которая всегда живет в доме, в тепле, а собака, которой запрещено (у мусульман) заходить в дом.

Ккекк «петух». У агулов образов, связанных с петухом не очень много. Существуют идиомы, где эта птица выступает символом утра, олицетворением света, ясности, как, например, *г1аквнан кекк (*букв. «петух рассвета») – о людях, которые встают рано, или *ккеккерихъай гъайшас* «с петухами встать», «ккеккелан *ул суман алайкуная* – ясное как глаз петуха (о небе). С другой стороны петух символизирует и неразборчивость, отсутствие благодарности, понимания добра, что нашло отражение в таком обороте, как *ух1у ккеккела ул аттивафе (букв. «*петух выклюнет глаз того, кто его выкормил – взращенный петух глаз выклевывает. Обычно так отзываются о людях, не понимающих или не помнящих добро, которое им оказывали [1]. Интерес вызывает то, что глаз петуха выступает в ФЕ также символом малых размеров чего-либо: *Ккеккелан ул дегьен хIур* (*букв.* «село с петушиный глаз») – небольшое село. *Ккеккелан ул дегьенфттала дава гебирин хIур, амма нач хьичира гIаттагъуна аве гебур, чаб дала адаваф суман* – Село их с петушиный глаз, но они везде [лезут] как будто никого, кроме них нет [3].

В составе фразеологических единиц лексема *ккекк* выражает также значение неопытности, отсутствия навыков в силу молодости (ср. в русском: молодо-зелено): к*кеккелан дегьен Iуьмур хьуна адава учин* (*букв.* «не прожил столько, сколько петух») – *разг. шутл*. очень молодой, неопытный; *Iуьрус ккеккеландегьен Iуьмур хьуна адава учин* (букв. «не прожил еще столько, сколько прожил русский петух»).

В агульском языке петух символизирует также задиристость (*ккекк суман агъадагъас* «наскакивать как петух»). Интерес представляет также функционирование в переносном значении лексемы

бадбад «гребешок», которая в агульском языке у потребляется как прозвище человека с задиристым, скандальным характером.

Если ФЕ с компонентом *ккекк* могут употребиться только применительно к характеристике мужчины, следующая фразеологическая единица с компонентом *пе1* «курица» не имеет строгой гендерной направленности: *Хил кейхьу пеI суман* (*букв.* «как курица с отвисшим крылом») – ходить как в воду опущенный. *Хил кярхьуна ккекк суман / ГIеджизди руцай маркьа / Iурдиъ учIу джавакьв суман / Раттаккайвелар маркьа.* – Как петух с повисшим крылом / Несчастным не ходи. Как в зиму воробей /По дворам [попрошайничая] не ходи (Гусейни) [3].

Гъуй «собака». Для агулов, как и для другиз народов, исповедующих ислам, сравнение кого-либо с собакой является оскорблением, т.к. считается, что это грязное животное. Лексема *гъуй* в переносном значении в агульском языке имеет только отрицательную коннотацию и символизирует: 1) жадность, голод: г*ашин гъуй* (*букв.* «голодная собака») – скупердяй, ненасытный. *Гашин гъуй э: гъил дахъуна, рекъ-радж акьас ягIафттава, агъаде бицIи шиникквдин чангаъра кехIей фера икIас аттрукьафттава* – Очень жадная, скупердяйка: (букв. «открыв руку») намусы делать не умеет, если ребенок в дом зайдет, ему в руку ничего не даст; *гъурурuг1 иркк суман г1архьас* (букв. «оказаться как кость между собаками») – оказаться в скандальной ситуации; оказаться причастным к чужой ссоре.

2) крайнюю степень усталости, беспамятства: *гъуй суман фаттархьас* (*букв.* «как собака валяться») – уснуть мертвым сном от усталости. *Бизар хьуна, гъуй суман, фаттархьуне зун накь гIараъас адехаб.* – Вернувшись с покоса, я от усталости уснул мертвым сном;

3) грубость, злость, гнев: *гъваран хасият хъаеф* (букв. «собачий характер имеющий») – невоздержанный, грубый. *Iае сив але хьир ухIайдала, раккал алитIуна гъуй ухIуна идже э.* – Чем жить с языкастой женой, лучше держать собаку у дверей;

4) пустозвонство, ворчливость: *гIафрафар аркьа гъвара кьацI икIафттава.* – Собака, которая лает, не кусается;

5) понурый вид: *кIилис гъван киркьу тарта суман хьас* (*букв.* «как пес, которому камнем в голову попали»): 1) потерянный, жалкий, понурый вид; 2) огорошить; как обухом по голове. Ср. рус.: *ходит как в воду опущенный, как побитая собака***.**

6) низкое положение в обществе: *гъваралас ахтт хьас* (букв. «оказаться ниже собаки») – 1) потерять уважение людей, упасть в глазах людей; 2) сожалеть о содеянном.

Образ суки *кач* (особенно имеющий белый окрас) используется и в некоторых магических ритуалах как средство способное повлиять на погоду. Для вызова солнца во время затянувшихся дождей, хвост собаки обстригали ножницами. И делать это должен был первенец мужского пола.

Как показывает исследованный материал, зооморфные устойчивые единицы как культурные знаки языка транслируют как универсальные характеристики, так и специфику мироощущения агульского народа, особенности языковой картины мира.

Литература:

1. Алхасов Г. А. Символика: животные в языке, мифах и поверьях агулов||vk.com›@agul…simvolika-zhivotnye-v…poveryah-agulov.
2. Вардзелашвили Ж.А.Символизация обыденного в языковой картине мира// Acta Linguistica. Journal of Contemporary Language Studies/ Vol. 3 No 2(2009)/ Eurasia Academia Publishers. Sofia. С. 64-70. // http:// www.actalinguistica.com/ arhiv/ index.php/ als/ article/ view/ 205/ 294
3. Гасанова М. А. Особенности формирования паремиологических образов с зооморфным кодом культуры в табасаранском языке // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2011. №4. URL: https:// cyberleninka.ru/ article/ n/ osobennosti-formirovaniya-paremiologicheskih- obrazov-s- zoomorfnym- kodom- kultury-v-tabasaranskom- yazyke (дата обращения: 10.08.2019). Гасанова С. Н. Словарь паремиологических единиц агульского языка. Махачкала. 2018.
4. Лебеденко Т. А. Особенности английских фразеологизмов, имеющих в своей семантике зооморфический компонент// Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка № 16 (179), 2009. Сс. 31-37.)
5. Калюта А. М. (Эрджиесский университет, Турция) Русские и турецкие фразелогизмы с зоонимическим компонентом// elib.bsu.by
6. Кухарева Е. В. Арабские пословицы как отражение национального менталитета. Изд.во» МГИМО» - Университет. Москва, 2010/
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - 288 с

УДК 811. 351

ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

У. У. Гасанова,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

В статье анализируются факторы, влияющие на языковую ситуацию и социальные условия функционирования языка. Языки Дагестана развиваются в тесном контакте с русским языком, связи продолжаются уже более двух веков и прошли множество разных этапов. В республике, как и во всем мире, в последние годы происходят глобальные миграционные процессы, которые способствуют развитию русского языка, порою даже в ущерб родному языку.

Ключевые слова: *русский язык, дагестанские языки, родной язык, языковая ситуация, этническая однородность, миграционные процессы, национальная культура.*

The article analyzes the factors that influence the language situation and social conditions of the language. The languages of Dagestan are developing in close contact with the Russian language, the ties have been going on for more than two centuries and have passed many different stages. In the republic, as in the rest of the world, in recent years there have been global migration processes that contribute to the development of the Russian language, sometimes even at the expense of the native language.

Keywords: *Russian, Dagestan languages, native language, language situation, ethnic homogeneity, migration processes, national culture*.

Сохранение и развитие языка – важнейшее политическое дело государственного масштаба. Ибо каждый язык, независимо от того, кому он принадлежит – или многочисленной нации, или малочисленному народу, этносу – это драгоценный клад, созданный тем или иным народом. Если язык функционирует, то живет и народ, который им пользуется, если исчезает язык, то исчезает и сам народ.

Общеизвестно, что при изучении национально-языковых процессов учитываются в основном такие языковые факторы, как культурно-исторические, этнолингвистические, социальные и другие условия развития языковой жизни, тогда как такие факторы языковой ситуации, как ценностные ориентации народа, привязанность к своей куль-

туре, истории и языку и т.д. мало принимаются во внимание. Тем более в последние десятилетия происходит нивелировка национальных культур. Это все приводит к росту различных негативных явлений в языковой жизни республики, да страны в целом.

Основными функционирующими языками в Дагестане являются русский и 14 письменных языков Дагестана. Однако, дагестанские языки в последнее время утрачивают свои позиции. Многие из них переходят постепенно в разряд бытовых. К сожалению, ни один из языков Дагестана не может служить единым для всех народов языком приобщения к мировой культуре, к научно-техническому прогрессу. Взаимодействие национальных языков с другими языками, распространение русского языка в условиях Дагестана связано с его этноязыковой спецификой.

Значительная часть населения республики на сегодняшний день проживают в городах. В сельских районах, где раньше они проживали компактно, сегодня проживают небольшие группы населения пожилого возраста. Они же пытаются сохранить традиции и культуру родного края.

Дагестан – один из сложных этноязыковых регионов. Здесь на сравнительно небольшой территории представлены индоевропейские, кавказские и тюркские семьи языков, тесно связанные с расселением их носителей и миграцией населения. На территории республики проживает более сорока народностей. В этом плане Дагестан представляет собой уникальную республику. Почти 98% населения республики владеют русским языком как своим родным. Русский язык служит в многонациональной республике языком межэтнического взаимодействия [1, с. 138].

На распространение русского языка среди различных групп коренного населения Дагестана в современный период существенно влияют такие экстралингвистические факторы, как проживание в городе или в сельской местности, этническая однородность или неоднородность, национально-смешанные браки, вид языковой среды, миграционные процессы и т.д. В республике, как и во всем мире, в последние годы происходят глобальные миграционные процессы, которые способствуют развитию русского языка, порою даже в ущерб родному языку. Более 60% населения республики сегодня проживают в городах. Отток населения из сел в города продолжает расти. Для национально-однородной среды характерно функционирование одного из дагестанских языков и русского в качестве второго. Этническая неоднородность среды оказывает существенное влияние на развитие

двуязычия, а также на зависимость этого явления от социальных и демографических факторов.

Постепенно развивается массовое двуязычие дагестанцев, вследствие чего создается новая языковая ситуация. Появились смешанные браки. (Если в 1970г. было зарегистрировано 15 тыс. таких браков, то в 1980 г. уже 19 тыс., в 2000 году 24 тыс. Сегодня количество смешанных браков составляет более 30 тыс.)

Такие факторы, как многонациональный состав населения, этнический характер браков, рост смешанных семей послужили объективными факторами, суживающими сферу функционирования дагестанских языков.

Общеизвестно, что языки, обладая равными юридическими правами, не являются равными в функциональном отношении. Поэтому сфера функционирования русского языка, более полифункционального, обслуживающего практически все сферы общественной жизни, возрастает с каждым днем. Значительно вырос процент владения русским языком, число же лиц, в совершенстве владеющих своим родным языком, сокращается с каждым днем.

Растет число дагестанцев, не владеющих своим родным языком. Так, за последние 29 лет (с 1980г. по сегодняшний день) это число возросло почти втрое.

Среди городского населения этот процент еще выше. По нашим данным только 20 % коренных народностей пользуются своим родным языком. К ним относятся дети дошкольного возраста, люди пожилого возраста, живущие в сельских районах.

Современная языковая ситуация в республике характеризуется тем, что среди молодежи значительно уменьшилось и продолжает уменьшаться количество лиц, владеющих родным языком.

Сложившаяся языковая ситуация привела к значительной утрате общественных функций национальных языков республики.

Национальным языкам стали наносить урон, начиная со второй половины прошлого века, когда школы, работавшие до этого по национальным программам, были переведены с 5 класса на русский язык обучения с преподаванием родных языков как предметов. А в последующем, как мы знаем, происходило только сокращение часов по данным дисциплинам. В городских школах преподавание родного языка многие годы находилось на самом низком уровне. До недавних пор в любой городской школе урок родного языка негласно мог быть легко заменен любым другим предметом. В результате выросли поколения людей, не изучавших родной язык в школе.

В последнее время предпринимаются попытки по изменению сложившейся ситуации с родными языками.

В ДГУ, ДГПУ, педагогических колледжах ведется преподавание родных языков и литератур. В последние годы в ДГУ ведется преподавание дагестанской литературы не только на филологическом, но и на других факультетах.

Однако национальные языки почти не употребляются в производственной сфере республики. Родной язык функционирует в сельской местности в одноязычных коллективах. Он постепенно превращается в бытовой язык. В настоящее время практически нет людей коренных национальностей, не знающих русского языка. Русский язык является языком уже не только межнационального общения дагестанцев, но и языком их внутриэтнического общения. Устное общение и переписка в социальных сетях происходит на русском языке.

В настоящее время пополнение билингвов в городе идет в основном за счет миграции населения из сельских районов. Четкой границы между городским населением и сельским в сфере употребления родного языка уже не наблюдается. Во многих сёлах дети общаются между собой и со взрослыми на русском языке. Причем, во многих случаях такое общение происходит с одобрения взрослых.

Ведь, известно, что для сбережения языка чрезвычайно важно распределение носителей по возрастным группам. Если же дети уже не усваивают язык своих родителей, то «сохранение этого языка, без вмешательства каких-либо чрезвычайных обстоятельств, нереалистично» [2, с. 10].

По данным опросов, лишь 25 % респондентов ответили, что разговаривают со своими детьми на родном языке. На русском языкеобщаются более 30% населения, на обоих языках общаются 45 % населения. Низок процент читающих и пишущих на родном языке. Подписка национальных газет и журналов, издание художественной литературы на национальных языках находится на катастрофическом уровне.

В условиях массового билингвизма быстро увеличивается число лиц, для которых родной язык, будучи привычным для разговора на темы быта, оказывается непривычным, затруднительным для общения на научные, научно-производственные и другие темы узкоспециального характера. В таких случаях двуязычный субъект обычно переключается на русский язык. В настоящее время эта тенденция еще более усугубляется. Двуязычием обусловлено и имеющийся упадок культуры родной речи.

В речи дагестанцев-билингвов наблюдается включение не только отдельных слов, но и целых оборотов из русского языка.

В этой связи представляется необходимым усиление тех функций дагестанских языков, которые связаны с устным употреблением, совершенствованием форм языка радио и телепередач, при увеличении их продолжительности, проведение культурно-массовой работы на родных языках.

Формирование и развитие двуязычия должно осуществляться на базе родного языка, при этом активным языком для билингва должен оставаться родной язык, особенно в сферах народного образования, в сфере быта и внутрисемейного общения.

Языки народов Дагестана и вместе с ними национальные культуры народов Дагестана можно сравнивать с поляной, состоящей из множества разнообразных цветов, образующих вместе красочный ковер. С потерей этих цветов будет пропадать и красота ковра. Так же и с нашими языками: с потерей каждого из наших языков обществу, культуре народов будет нанесен непоправимый урон. Для сохранения и развития родного языка требуется глубоко продуманная, многосторонняя работа, которая должна осуществляться по специальной государственной программе.

Законодательное закрепление родного языка, как государственного на территории республики Дагестан – это один из главных способов сохранения и обеспечения его дальнейшего развития.

Литература:

1. Гасанова У.У. Русский язык и культура народов Дагестана // Функционирование русского языка как государственного в современных условиях. М., 2013. С.138.

2. Кибрик А.Е. О факторах, отрицательно влияющих на жизнеспособность языков малочисленных народов// Русский язык и языки народов Крайнего Севера. -Л., 1991. С. 10.

УДК 811.4

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КУМЫКСКОЙ ПРОЗЫ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТЕЙ Н. БАТЫРМУРЗАЕВА)

М.А. Гусейнов
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН,
г. Махачкала

В статье рассмотрена языковая картина мира кумыкской литературы начала XX века на примере повестей «Бедная Хабийбат», «Давут и Лейла», «Гарун и Зубайдат, или Несчастная Джанбийке» Н. Батырмурзаева, датируемых досоветским периодом, отмечено, что нашедшие в них отражение архаичная, религиозная лексика, мусульманская символика, фразеологизмы, в большей мере вышедшие ныне из сферы активного применения, характеризуют не только язык эпохи, которой они принадлежат, но и мировоззренческие основы, нравственные ценности национальной культуры.

Ключевые слова: *Н. Батырмурзаев, кумыкская проза, картина мира, поэтика, язык, архаика, религиозная лексика, фразеологизмы*.

In article the language picture of the world kumykskoj literature of the beginning of the 20th century by the example of stories Habijbat "poor", "Davut and Leila", "garun and zubaydat or Unhappy Dzhanbijke" n. Batyrmurzaeva, dating back to the dosovetskim period, pointed out that they found reflection of archaic, religious vocabulary, Muslim symbols, idioms, increasingly retired now from the scope of application, characterize not only the language of the era to which they belong, but also ideological foundations, moral the value of national culture

Keywords: *N. Batyrmurzaev, kumykskaja prose, worldview, poetics, language, archaic, religious vocabulary, idioms*.

Языковая картина мира кумыков являет собой обширную проблему, имеющую ряд важных аспектов, прежде всего связанных с ее изменениями, трансформацией. В изучении данных аспектов благодатным материалом предстают художественные тексты. В данной статье, ввиду ограниченности объема, представляется целесообразным рассмотрение этой проблемы на примере повестей основоположника кумыкской прозы Нухая Батырмурзаева.

Творческое наследие Нухая Батырмурзаева (1865–1919) составляет одну из ярких страниц истории литератур народов Дагестана. Своими повестями «Бедная Хабийбат» («Языкъ Гьабийбат», год издания 1910), «Давут и Лейла» («Давут булан Лайла»,1912), «Гарун и Зубайдат, или Несчастная Джанбийке, («Гьарун булан Зубайдат, яда Насипсиз Джанбийке», 1914), изданными в типографии М.-М. Мавраева в начале XX века, он явился, по существу, основоположником, зачинателем художественной прозы кумыков, а в более широком формате, народов Дагестана и Северного Кавказа вообще. Нухаем Батырмурзаевым внесен весомый вклад в развитие национальной словесной культуры, роль и значение которого трудно переоценить. Его прозаическое наследие, опубликованное позднее в формате научного издания [3], обстоятельно освещено в трудах Г.Б. Мусахановой [5], К.Д. Султанова [6], С.М.-С Алиева [1], С.Х. Ахмедова [2], М.А. Гусейнова [4] и др.

Все три повести Н. Батырмурзаева строением композиции, развитием сюжетных линий, системой образов, формой их трактовки обнаруживают общность, единообразие. В них явственно проявляется их просветительская направленность. Автор стремится продемонстрировать важную роль знаний, образования на примерах судеб своих персонажей, прежде всего женских, что было ново и оригинально в национальной словесности. В русле веяний своей эпохи Н. Батырмурзаев делает акцент на гендерной проблематике, утверждая тем самым важную роль женщины в семье и обществе.

Во имя убедительности высказываемых идей Н. Батырмурзаев оперирует бинарными конструкциями. В случае, когда девочки стремятся к знаниям, во многом по воле родителей–отцов, получают возможность учиться, то судьбы женских персонажей складываются удачно, прежде всего это сказывается на обретении ими семейного счастья. В случаях обратных, когда и сами девочки негативно относятся к образованию, при этом игнорируют роль знаний и их родители, то на их долю выпадают горести и беды, в первую очередь это отражается в проблемах их брачной жизни.

В языке повестей Н. Батырмурзаева четко проявляется религиозное, мусульманское мировосприятие автора, приверженность его к устоявшимся национальным традициям, представляющихся характерными началу минувшего столетия в целом. В этой связи очевидно, что данных произведениях отразился «язык и стиль эпохи» рубежа веков.

В данном контексте обращает внимание значительное количество арабизмов, терминов мусульманского содержания. Арабизмы, встречающиеся в текстах, можно выделить условно в три группы: 1) сохранившие свое значение в языке и поныне; 2) малоупотребительные; 3) вышедшие из сферы употребления.

В первую группу можно отнести слова намаз, ораза, шайых (шейх), варис (наследник), зайып (немощный) и др.; во вторую – асаба (сподвижник Пророка(а.с.), исрап (транжира, мот), къапуллукъ (беспечность), маариф (просвещение), талакъ (развод по-мусульмански), тартип (порядок),

К слову сказать, арабизмов, вышедших из сферы употребления, которых, естественно, нет и в кумыкских словарях, больше всего встречается во второй и третьей по времени написания повестях. Таких лексем нами выявлено около пятидесяти, среди которых наименования учебных дисциплин, а также ибрат (внимание), лаънат (проклятие), насара – янсуру (склонения), фанну (наука), сарп (мотовство), икрам (поклонение) и др.

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что среди лексических единиц арабского происхождения, используемых адептом мусульманской реформации, немало слов чисто религиозного содержания, таких, как нафс (чувственность, страсть), къадар (предопределенность судьбы), тафсир (толкование Корана), вирд (разрешение на какое-нибудь деяние, данное шейхом) и др.

Относительно роли этого слоя языка, следует заметить, что они в отдельных примерах способствуют созданию колорита эпохи, а порой используются для придания художественному стилю возвышенности, приподнятости.

Одним из распространенных явлений, приемов художественной литературы является наличие в ней синонимичных рядов, что находит место и в произведениях Н. Батырмурзаева. Учитывая просветительскую направленность его творчества, а также памятуя о том, что в кумыкском языке наблюдается целый ряд слов, имеющих значением знание, просвещение, обучение, представляется небезынтересным проследить, каким из них более всего оперирует автор.

Наиболее употребительным в современном кумыкском языке словом является билим (знание). Однако оно используется автором всего несколько раз. Еще менее используются слова маариф (просвещение) и маърипат (просвещение, образование), содержащие в себе и значение знание.

Наиболее употребительным в повестях Н. Батырмурзаева словом, обозначающим знание, оказывается слово илму. На современном, нынешнем этапе развития родного языка писателя русскоязычным эквивалентом его является слово наука, но никак не знание. Суть такой метаморфозы проясняется легко, если учесть время, эпоху, когда творил автор повестей. В дореволюционный период обучение, просвещение в мусульманском Дагестане было ориентировано на арабскую культуру, арабские науки, естественно, и письмо базировалось на арабской графике. В языке сохранились устойчивые сочетания – дин илму, арап илму, что соответственно означают религиозная наука, арабская наука, которые тесно смыкались друг с другом, вытекали одно из другого. В начале прошедшего столетия в нашем крае знания базировались на исламе, на религии, в результате чего всякое знание имело целью овладение науками религиозными, арабскими прежде всего. Даже обучение письму, которое было арабским, представлялось как определенный шаг в освоении мусульманских дисциплин, религиозной литературы, а лишь затем только, быть может, даже в последнюю очередь для мирских дел.

Словом, знания, просто обучение письму представлялись в период творчества Н. Батырмурзаева как часть понятия илму и органически являлись его составляющей. Вот почему слово илму является наиболее употребительным в синонимичном ряду лексем, обозначающих понятие знание.

Весомую роль в повестях занимает этический аспект, чем обусловливается наличие целого ряда метафор, базирующихся на нравственных понятиях, звучащих и в авторской речи, и в языке персонажей.

Согласно кумыкским адатам, как и мусульманским понятиям, в семье доминирует муж. В соответствии с национальными нормами этикета писателем осторожно и весьма своеобразно извещается о том, что супруг нередко соглашался с мнением жены, при этом об этом говорится в положительном контексте: «эри муну сёзюнден кёп къыргъа чыкъмай эди» – «муж не отклонялся далеко от сказанного ею слова». Если бы об этом было сказано, как говорится, прямо и без затей, эффект мог быть противоположным.

При сватовстве, что часто имеет отображение в повестях, приняты определенные нормы изъяснения. Следует народным обычаям и автор, когда герои не говорят напрямик, что хотят взять сыну в жены чью-то дочь, женить его. Есть формулы, посредством которых обозначаются данные понятия, как, например, «хотим Абидат сделать

невестой» – «Абидатны гелин этме сюебиз», или «сына хотим сделать умным и зрячим» – «уланыбызны башлы-гёзлю этме сюе эдик» в значении женить. Аналогична и суть выражения «сагъа къардаш болма сюемен» – «хочу породниться с тобой», адресуемого отцом одной семьи другому, что подразумевает желание взять в жены сыну его дочь.

В повестях предметом изображения становятся взаимоотношения молодых людей, проявление их искренних чувств друг к другу. Но при этом о своих чувствах персонажи, следуя национальному этикету, говорят не прямо, а завуалированно, посредством фразеологизмов, образных выражений. Выражение «сагъа юрегим тюшген», дословно переводимое как «сердце мое расположилось к тебе», свидетельствует о вспыхнувшем большом чувстве к субъекту противоположного пола. Идентична ему и суть звучащей из уст девушки сентенции: «Давутгъа гёзюм тюшген», переводимое дословно: «взор мой пал на Давуда», служащей свидетельством ее симпатий к парню.

Часто звучат фразеологизмы со словом «сердце» («юрек»). Горестное событие в судьбе индивида обозначается понятием «юрегин сындырагъан зат» – на русском языке это ничто иное, как «то, что сломает сердце». «Юрегине от тюшюп гетди» («сердце вдруг опалилось огнем») говорится тогда, когда смена настроения в худшую сторону происходит довольно быстро.

Таким образом, язык повестей Н. Батырмурзаева впечатляет своим богатством, обилием лексической архаики, фразеологизмов, образных выражений. Повести основоположника национальной прозы ценны тем, что отражают в достаточно полной форме языковую картину мира кумыков начала XX века, вбирающей в себя мировоззренческие основы, духовные, нравственные императивы национального сознания.

Литература:

1. Алиев С.М.-С. Дорога в современность. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1977. 158 с.

2. Ахмедов С.Х. Художественная проза народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. 280 с.

3. Батырмурзаев Н. Бедная Хабийбат / сост., подстр. перев. и комм. М.А. Гусейнова. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007. На кум. и рус. яз. 256 с.

4. Гусейнов М.А. Кумыкская проза начала XX века. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2003. 285 с.

5. Мусаханова Г.Б. Очерки кумыкской дореволюционной литературы. Махачкала: изд-во Даг. филиала АН СССР, 1959. 116 с.
6. Султанов К.Д. Къумукъланы адабияты (Литература кумыков). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1964. На кум. яз. 232 с.

УДК 81-11

ОПИСАНИЕ ФОЛЬКЛОРА И СТИЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ТАБАСАРАНСКИХ ТЕКСТОВ)

А.С. Гюлев,
аспирант кафедры языкознания
Дагестанского государственного
педагогического университета,
г. Махачкала

В литературоведческой науке Дагестана в особом регистре фольклорной литературы созданы словари языка Е. Эмина, С. Стальского, Г. Цадасы, Р. Гамзатова, К. Закуева и др. Материалы для описания языка и стиля Г. Омаровой рассматриваются в особом регистре фольклорной литературы и показателя паронимической аттракции. Как показал анализ, живая русская разговорная речь оказывается плодотворной для анализа корпуса устного табасаранского языка.

Ключевые слова: *перевод, моделирование, стилевой инвариант, литературный язык, язык художественной литературы*.

In the literary science of Dagestan in a special register of folklore literature created dictionaries of the language of E. Emin, S. Stalsky, G. Tadasy, R. Gamzatova, K. Zakuyeva, etc. Materials to describe the language and style of G. Omarova are considered in a special register of folklore literature and the indicator of paronymic attraction. As the analysis showed, live Russian colloquialism is fruitful for the analysis of the corps of oral Tabasaran language.

Key words: *translation, modeling, style invariant, the literary language, the language of fiction.*

В литературоведческой науке Дагестана в особом регистре фольклорной литературы созданы словари языка Е. Эмина, С. Стальского, Г. Цадасы, Р. Гамзатова, К. Закуева и др. Материалы для создания

корпуса языка Г. Омаровой рассматриваются в особом регистре поэтической литературы, изданной в междисциплинарном показателе фольклорных текстов. О богатстве языка Г. Омаровой свидетельствуют не только количественные образцы текстов фольклорного языка, но и качественные единицы языка художественной литературы. Письмо-послание «Телизенг» с переводом на дагестанские языки представляется различными сходнозвучными заимствованиями индоевропейских, тюркских, кавказских языков [1]. Как показал анализ, живая русская разговорная речь оказывается плодотворной для анализа корпуса устного табасаранского языка. Пропорциональное представление корпуса языка осуществляется классификацией жанровых употреблений и табасаранских фраз.

Здесь показатель перевода табасаранских фраз с проекциями языковой игры Г. Омаровой структурирует фон: латинское tele «ткацкий станок»; греческое tel «далекое место»; английское tell «сказать». Согласно второй проекции устной табасаранской речи – тел «провод», зенг «звонок». Инструментом языковой игры Г. Омаровой выступает не только проекция паронимии, но и подвижное, слоговое ударение. Ударение в интерпретации Г. Омаровой тяготеет к конечному слогу: телизе́нг «сотовый телефон», чIилли́ кьутдиа́н «из тонкой коробки», зенга́р йиву́з «звонить», утка́н хъпехъру́р «радостный слушатель». Подвижность ударения проявляется при изменении слова, при увеличении слогов в слове. Ударение в интерпретации знака паронимии Г. Омаровой, как правило, перемещается с корня слова на аффиксы: зе́нг мукьа́м ««звонок мелодия»// зенгна́н мукьма́р «мелодия звонка». При перемещении ударения гласные звуки, утратившие ударение, редуцируются и при этом происходят различные фонетические процессы га́ф - гафа́рин гу́нтI «слова звонка», тани́ш гье́нг «знакомая мелодия». В интерпретации знака паронимии Г. Омаровой много слов, в которых ударение играет смыслоразличительную роль: ву́йи «был» – вуйи́ «бывший», гъада́бгъур «взявший» – гъадабгъу́р «возмет» [2]. Определенные закономерности в расстановке ударения наблюдаются и в других глагольных формах. В глаголах с превербами ударение всегда падает на первый слог, а в трехсложных – на последний. Во многих случаях деепричастные, причастные и личные формы глагола различаются лишь местом ударения: у́лтIикIну «повернувшись» – илтIи́кIну «перевел», а́лбагну «нарядив» – алба́гну «нарядил» [3]. Большинство фонетических процессов в системе гласных и согласных табасаранского языка связано с перемещением ударения в слове, которое в нитрикском диалекте, лежащем в основе литератур-

ного языка, подвергает морфемику слова значительной трансформации. Кандыкский говор нитрикского диалекта в интерпретации знака паронимии Г. Омаровой, систематизирует основу литературного табасаранского языка и вычленяет сегмент статистических сопоставлений. Разграничение сегмента ударения со сходнозвучным показателем наблюдается в сопоставлениях паронимов зéнг*zéng // тéл*tél. Двойственная природа сходнозвучного показателя паронимии издавна побуждала поэтов искать соответствия между двумя сторонами языкового знака, которые смыкаются при трансформации однокорневых слов.

Анализ произведения Г. Омаровой показывает, что ее поэзия с содержанием сходнозвучных слов пронизана сближением пропорций паронимической аттракции. Так, между пропорциями сходносозвучных слов устанавливаются стилистические ограничения «слово*лексема//термин».

Литература:

1. Абдуллаев И. Х. Междагестанские и межкавказские языковые контакты. Историко-этимологические, ареальные и ономастические исследования. Махачкала, 2015. 617 с.

2. Шихалиева С. Х. Грамматические категории глагола табасаранского языка. Махачкала, 2004. 139 с.

3. Шихалиева С. Х. Глагол табасаранского языка // Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Махачкала, 2005. С. 22-41.

УДК 37

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

З. Я. Дибирова
Ассоциация учителей родного языка и
родной литературы РД,
г. Махачкала

Обучение родному языку является главной проблемой на любом этапе развития человеческого общества. Поэтому поиск оптимальных путей решения данной проблемы, разработка соответствующих учеб-

ных комплектов, совершенствование технологии и методики обучения родному языку были и остаются одной из актуальных задач в системе народного образования.

Ключевые слова: *родные языки, государственные задачи, национальная принадлежность*

Learning the native language is a major challenge at any stage in human society. Therefore, the search for the best ways to solve this problem, the development of appropriate training kits, the improvement of technology and methods of teaching the native language have been and remain one of the urgent tasks in the public education system.

Keywords: *native languages, state tasks, national identity*

Сохранение и развитие родных языков – одна из государственных задач, стоящих на современном этапе перед Россией, это особо актуально для многонационального Дагестана. В Дагестане жители говорят на 32 языках, хотя официально признаны только 14 этносов. В формировании национальной идентичности значительную роль, занимает родной язык.

Родным называют язык, который человек усваивает в раннем детстве, подражая окружающим его взрослым и детям, определяет национальную принадлежность человека. Но так бывает не всегда. В некоторых семьях, где один из родителей или даже оба не являются одной национальности, но с детства воспитывались в речевой среде, где принято говорить на родном языке, и в этих случаях именно родную речь постоянно слышит, воспринимает и осваивает в раннем детстве ребенок. На этом языке он не только учится говорить, но и познает и осмысливает окружающий мир, думает. С раннего детства и до глубокой старости вся жизнь человека неразрывно связана с языком. Ребенок еще не научился, как следует говорить, а его чистый слух уже ловит сказки, материнские колыбельные песенки. Но ведь сказки и прибаутки – это язык. Часто говорим, что о человеке судят по его делам, но забываем иногда, что слово тоже поступок. Речь человека – зеркало его самого. Любую нацию всегда представляют дети.

И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.

Эти строки стихотворения «Родной язык» Расула Гамзатова, как нельзя лучше говорят о том, что если исчезнет родной язык, то это станет настоящей трагедией, ибо вместе с ним исчезнет и национальная культура целого народа, а значит и сам этот народ.

Для того, чтобы пробудить интерес ребёнка к изучению родного языка, учителя родных языков стараются проводить уроки, интересными, вызывать положительные эмоции, быть увлекательными с использованием занимательных упражнений, творческих работ для развития устной и письменной речи, используют игровые моменты, загадки, сказки, пословицы и поговорки. А для этого учитель работает творчески и опираясь на новые концепции, формирует национальное сознание путем ознакомления с обычаями, традициями, ценностными ориентациями, своего народа. Во всех школах включены в план воспитательной работы мероприятия, беседы, игры, песни, танцы, прививающие любовь к искусству традициями своего народа, устраиваются встречи со старожилами города, села, которые хорошо помнят лучшие традиции прошлого.

Успешно обучать детей родному языку можно и нужно в семье. При отсутствии заинтересованности ребенка и поддержки семьи даже под руководством талантливого учителя и при наличии хорошего учебника трудно достичь изучения ребенком родного языка. Поэтому нужно заботиться о повышение роли семьи в решении данной проблемы.

Связь поколений заключается в передаче потомкам опыта, накопленного предыдущими поколениями, в соблюдении обычаев и традиций предков, в продолжение потомками дела, начатого предками. Только семья и школа помогут ребёнку познать и осмыслить, сохранить и приумножить культурное наследие своего народа. Необходимо с раннего детства приобщать к ценностям национальной культуры, языку. Детство - это самое благоприятное время для начала погружения детей в истоки родного языка. Родной язык это неотъемлемая часть культуры, но часть очень обширная и очень специфичная, ибо без знания родного языка невозможно усвоить культуру. Национальная культура усваивается вместе с родным языком, через газеты, театры, телепередачи, писателей, обычаи и традиции. От знания и владения родным языком мы ничего не потеряем, наоборот, приобретаем – понимать историю своего народа, его культуру и национальные ценности. Сохраним же языки, передающие духовные ценности каждого народа грядущим поколениям. Всегда будем помнить, что путь к истине и доброте, красоте и величии лежит через родной язык. Это душа и сердце народа, без которой не выжить ни одной нации.

Итак, язык формирует своего носителя. Каждый национальный язык не только отражает, но и формирует национальный характер. В качестве источников, подтверждающих существование национально-

го характера, можно рассмотреть фольклор, или устное народное творчество, как наиболее надежный источник сведений о национальном характере. Действительно, хотя в произведениях устного народного творчества стереотипны не только герои, персонажи, но и сюжеты, сам факт, что они представляют собой коллективное творчество народа, что они «обкатаны» в устных передачах из поколения в поколение, как морская галька, не имеющая первоначальных индивидуальных изгибов, изломов и зазубрин, и что поэтому они лишены субъективизма индивидуально-авторских произведений, – все это делает их наиболее надежным источником и хранилищем информации о характере народа. Родной язык – это средство сохранения и трансляции культуры, истории, традиций народа и преемственности поколений.

Речь-показатель общей культуры человека, его интеллекта, его речевой культуры; ее совершенствование особенно активно начинается и продолжается в школьные годы. Поэтому, задача учителя-словесника – воспитать у учащихся чувство гордости за родной язык, который воплощает в себя культурные и исторические традиции нашего народа.

Для повышения эффективности преподавания предмета учителя работают над собой, над своим самообразованием. (Это и прохождение курсов повышения квалификации, и курсы переподготовки, взамопосещение уроков, участие в различных конкурсах, викторинах, форумах).

Самостоятельное повышение уровня образования способствует лучшей подготовке к урокам, приемам ведения урока. Учитель является не только носителем знаний, он является воспитателем в учащихся эстетических, этических, нравственных начал.

Преподавание родных языков становится очень важным в нашем современном мире. Сегодня, когда дети потихоньку переходят на русский язык, нам, учителям, надо не только научить правильно разговаривать на родном языке, но и давать качественное обучение родного языка. Изучение родного – это долгий процесс, который требует много времени и терпения. Наши учителя– люди активные и творческие. По родным языкам ежегодно проходят семинары учителей родных языков, «Мост дружбы» в образовательных учреждениях, где учителя делятся опытом работы друг с другом, проводят мастер-классы. Так же в школах выпускают тематические газеты, проводят недели родных языков, конференции, олимпиады, конкурсы, праздники, внеклассные мероприятия. И конечно же, все мероприятия проходят с

применением современных технологий обучения, в частности информационных.

Современная школа требует как от учителя родного языка, так и от других существенного сокращения времени на передачу знаний и применения таких технологий, которые будут активизировать познавательную деятельность учащихся.

В условиях информационного общества возрастает роль информационной компетентности учителя, и особое внимание уделяется ее развитию. Информационная компетентность учителя указывает на уровень овладения и использования информации в образовательном процессе. К наиболее значимым информационным компетенциям, владение которыми необходимо современному учителю, можно отнести следующее:

- знание и использование рациональных методов поиска и хранения информации в современных информационных массивах;
- владение навыками работы с различными видами компьютерной информации;
- умение представить информацию в Интернет;
- владение навыками организации и проведения уроков и внеклассных мероприятий с помощью компьютерных и Интернет-технологий;
- умение организовать самостоятельную работу учащихся посредством Интернет-технологий;
- владение навыками использования компьютерных и Интернет-технологий по конкретному предмету, с учетом его специфики.

В настоящее время, к сожалению, малый процент учителей родных языков владеют информационной компетентностью в достаточном объеме.

“… то, что мы знаем – ограничено, а то, что не знаем – бесконечно”.

Одна из самых острых проблем современности – проблема сохранения национальных культур, особенно культур малых народов. Язык – это орудие культуры: он формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию.

Особенность Дагестана заключается в том, что примерно из ста двенадцати языков, отнесенных к языкам коренных народов России, тридцать два сосредоточены в пределах данного региона. О перспективах превращения Дагестана в «заповедник языков» писали много. До недавнего времени преподаванию родных языков в качестве пред-

мета в школах не уделялось должного внимания. Изучение родного языка вошло в обязательную часть школьной программы. Это огромный плюс. Сегодня родной язык изучают в рамках предметных областей: «Родной язык и литературное чтение на родном языке» – в начальной школе и «Родной язык и родная литература» – в основной и старшей школе. Все общеобразовательные учреждения включили в учебные планы предметные области: «Родной язык и литературное чтение на родном языке» – на уровне начального общего образования и «Родной язык и родная литература» – на уровнях основного и среднего общего образования. Родителям гарантирован свободный выбор родного языка, который дети будут изучать в рамках этих предметных областей (ч. 6 ст. 14, п. 1 ч. 3 ст. 44 Закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ). Но отказаться от обязательных предметов родители не могут.

С каждым годом большое распространение получают школы со смешанным национальным составом учащихся. Это связано с урбанизацией и миграцией населения. Именно в результате миграционных процессов многие населенные пункты из однонациональных превращаются в многонациональные.

Таким образом, первоначальное языковое образование – становление личности путем вхождения в культуру, благодаря присвоению и творческому преобразованию которой ребенок становится ее субъектом. Само же присвоение происходит в результате познания, развития, воспитания и учения. При помощи и поддержке педагога каждый ребенок при этом находит для себя свой личностный смысл деятельности, что и позволяет ему становиться субъектом образовательного процесса.

Поэтому сохранение родного языка должно стать одной из главных задач дагестанцев, и самым важным здесь является отношение к языку в семье, а уже потом его преподавание в учреждениях образования.

Система образования призвана сохранять языковое и культурное разнообразие и историко-культурное наследие дагестанского народа. В этой ситуации изучение родных языков в школе как учебного предмета становится единственным способом их сохранения и развития.

Поэтому первейшая задача школы обучить детей хорошо владеть родным языком. Красиво сказано, но, однако, возникает вопрос «с помощью чего учить?».

Всем известно, что по родным языкам не так уж богата учебно-методическая база школы. Учителя родных языков сталкиваются со

многими нерешенными вопросами, проблемами. Каково же состояние преподавания родного языка в школе? Меняются времена, люди, мысли, меняется сама жизнь, но для учителя одно остается неизменным – каждый день, входя в класс, он видит глаза детей. Не зря говорят, что глаза – это зеркало души. И глядя им в глаза, мы, учителя, видим и понимаем, как многое зависит от того, чему мы сможем их научить, как сможем воспитать сегодня, чтобы завтра они смело шагнули в жизнь и сумели построить эту жизнь достойно. Да, сегодняшние дети – не вчерашние ученики, они другие, они меняются. Если вчера слово учителя было неоспоримо, все, что говорил учитель принималось без сомнений, то сегодня учитель должен быть готов доказать каждое слово, суметь убедить и построить диалог с учениками. Сегодня весь процесс обучения и воспитания строится на сотрудничестве ученика и учителя. Хороший учитель не только увлечет за собой ученика, но и сам увлечется новой идеей, поиском, то есть сам постоянно учиться быть учителем.

Все это говорит о том, что учителем сегодня быть нелегко. Труд учителя – это тяжелый труд. Это постоянный труд души и сердца. Ведь каждый ученик находит место в сердце учителя, а учителю так необходимо разглядеть, распознать душу каждого ребенка. И неважно, что учитель порой строг, смотрит с укором, важно, чтоб он не был равнодушным. К сожалению, не во всех школах Республики работают учителями родных языков непосредственные специалисты. Во многих школах часы по родным языкам распределены между учителями лишь бы для того, чтобы увеличить нагрузку учителя до ставки. И представьте себе, каково должно быть преподавание родного языка при этом. Большая беда школы и в том, что нет конкуренции среди учителей родных языков.

Доказательством этому является то, что в университетах, институтах с каждым годом уменьшается количество абитуриентов, поступающих на факультет дагестанской филологии и на филологический факультет. Актуальной остается и то, что бедна материально-техническая база школы по родным языкам. В отличие от других дисциплин, сегодня мало издаются дидактические, методические материалы.

И в завершении своего выступления Ассоциация учителей родного языка и родной литературы Республики Дагестан выражает всем присутствующим почтение и признательность за личный вклад в повышение престижа учителя родного языка, в создание условий реали-

зации конституционного права сохранения и развития дагестанских языков, как важного фактора культуры народов Дагестана.

Язык неразрывно связан с историей народа, выражает и отражает национальную культуру, поэтому его изучение должно рассматриваться как одно их средств развития сознания, один из способов выражения мыслей и самовыражения учащихся.

С каждым поколением степень владения родным языком снижается, и есть серьезные опасения, что через два-три поколения эти языки вообще выйдут из употребления, а затем исчезнут вовсе.

Сегодня в школах не хватает учебников и методических пособий, много из того, что есть, устарело. Есть проблемы с подготовкой молодых кадров.

Одной из первоочередных задач в этом направлении представляется обязательное ведение 3-х часов в неделю на изучение родных языков в общеобразовательных учреждениях республики (согласно учебному плану).

Литература:

1. Феталиева Л.П. Исторические этапы развития инклюзивного образования младших школьников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 2. 2016. С. 32-35.

2. Языки Дагестана / под ред. Гамзатова Г. Г. – Махачкала: Офсет, 2000. 553 с.

УДК 37

THE PROBLEM OF EDUCATION AND TRAINING OF THE TALENTED CHILDREN

M. M. Djalilov,
Teacher of English language
Integrated skills department № 2
English faculty 2

В современную эпоху знание английского языка неразрывно определяется этапом развития истории народа, отражает национальную потребность, поэтому изучение должно рассматриваться как одно их средств развития сознания, один из способов выражения мыслей и самовыражения учащихся.

Ключевые слова: *изучение английского языка, учащиеся 10-15 лет, гимназия, школа*

In the modern era, the knowledge of English is inextricably defined by the stage of development of the history of the people, reflects the national need, so the study should be considered as one of their means of development of consciousness, one of the ways of expressing thoughts and students' self-expression.

Keywords: *Learning English, students aged 10-15, gymnasium, school*

Gifted children constitute an invaluable national treasure of our country. Possessing high abilities, they will soon determine the content and pace of social and economic progress, will occupy key positions in the economy, administration, science, art, ideology, and this is the best we can hope for. Realizing this, in the last 10-15 years, our society has gradually begun to make the transition from an adaptive-disciplinary model of unified education to a personality-oriented, "centripetal" model centered on a child. A widespread form of innovation in the field of education has become such institutions as a gymnasium, lyceum, college, as well as specialized classes for in-depth study of individual subjects to realize the special interests of gifted high school children. In such classes and schools, there are changes in the target settings of the educational process; they are highly oriented towards creating optimal conditions for the social and cultural development of students, taking into account their individual characteristics. However, even these newly established institutions, not badly solving the general educational tasks for the formation of a scientific worldview, the development of creative activity, etc., are limited in their abilities to significantly improve the work of finding, supporting and further developing talented individuals while maintaining a high level of universal education without modernization the whole system of teaching gifted children. The development of society depends on the growth of the intellectual, cultural, moral potential of its members. The education system is called upon to form new generations capable of achieving social harmony [1]

Until recently, it was believed that there were no problems with gifted children in our country: for an early opening musical, artistic or mathematical gift, there existed specialized schools, the same children who did not get into them, some elective pedagogical art was not subject to influence and all " equally". They did not stop talking about the need to support young talents, but there was no support in reality either, except for excep-

tional cases. The contradiction is not that teachers and parents did not want to work with gifted children, but that there was no system of diagnostics, cultivation, control and protection that would allow gifted children and create conditions for their development that it would involve the integration of the efforts of teachers, educators, parents (the quantitative aspect) and create an appropriate implementation mechanism within the framework of our educational system (qualitative aspect)[2]. To develop a pedagogical technology for the management of the process of teaching gifted children, under modern conditions there are favorable conditions. This includes:

1. Democratization of society in general.

2. The variability of the school educational system, expressed in:

- organizational and structural transformation;
- Diversity of content and methods of education;
- development and testing of new diagnostic techniques;
- experimental verification of innovations.

3. Humanization of the entire teaching and educational process, expressed in:

- the widespread recognition of the need to manage the learning process of becoming a self-developing personality;
- recognition of the freedom of choice of content and forms of study as the realization of personal activity;
- Recognition of the primary role of internal motivation;
- Encouraging the creative activity of both students and teachers, who are reoriented from information education to the activity-developing, receive broad rights and opportunities (the choice of forms and methods of teaching, the publication of author's textbooks and programs, etc.) [3].

At the same time, we note that these conditions are principally proclaimed rather than realized. The existence of these favorable social and pedagogical factors facilitates our task. However, it is very complex and must be solved step by step. In our opinion, the main contradiction lies in the orientation toward early recognition and cultivation of an objective natural "gift", innate talent, on the one hand, and the lack of relevant experience in organizing effective management of these actions, on the other. There are other contradictions:

- between the need to search for and diagnose children with high creative abilities, and the lack of targeted programs for their differentiated and divergent learning, the occasional, sporadic nature of the experience;
- between the formal character of the evaluation of general and specific giftedness, when the pedagogical community judges by the results of

certain contests - olympiads, conferences, etc., - and the need to create a regime for meaningful daily monitoring of the development of a gifted person;

- between the high needs of gifted students and the lack of an adequate level of preparedness of teachers to work with them;

- between the need to expand the information and experimental field of activities in this direction and financial support;

- Finally, the most cruel socio-economic contradiction that the school itself can remove, probably, is not able to - between the very fact of the existence of gifted children and the danger of their possible unclaimedness. The absence of conditions for the self-realization of a talented person is in conflict with her very nature and has a destructive effect on her life's destiny. Training programs for such students should also include a socialization regime, a kind of "tempering" and nurturing the will to compete and win even those of them whose temperament excludes the fighting spirit, and to which career considerations are not valid [4].

The problem of education and training of gifted children was the object of research by psychologists and educators, both domestic and foreign [5]. In psychology, the identification of the personal characteristics of giftedness and creative self-development is presented in the works of V.I. Andreev, L.S. Vygotsky, Z.I. Kalmykova, A.M. Matyushkin, Ya.I. Ponomarev, S.L. Rubinshtein, and others.

The phenomenon of giftedness really needs a serious psychological-pedagogical and logical-philosophical study. The reasons for this urgency are the current economic situation in the country, the socio-political situation, and the spiritual and spiritual crisis (after which the recovery should begin in the future if all the healthy forces of society participate in it, and the orientation of the coming century on the humanization of education) and the restructuring of the pedagogical science. However, intuitively understood giftedness can not be the object of pedagogical management, therefore, the theoretical justification and characterization of the phenomenon of giftedness is a necessary logical starting point for any analysis, especially since it is a question of intellectual talent.

The most important condition for effective management of the process of educating intellectually gifted children is to provide them with intellectually gifted teachers. It seems to us that the process of creative self-realization depends on a number of didactic conditions. These include those that are purposefully implemented in the educational process and which are designed to ensure the most effective implementation of the process of teaching talented adolescents.

The main practical conditions for effective management, the process of teaching gifted children can be expressed by the following practical recommendations:

a) the strengthening of the humanistic orientation of pedagogical activity - along with the identification of individual characteristics of schoolchildren - levels of cognitive interests and inclinations, inclinations and abilities, motives for cognitive activity, to fully promote their intellectual development and self-development; b) in accordance with the level of cognitive interests and intellectual development of gifted students, it is desirable to organize their education taking into account the principles of external and internal (individualization) differentiation; c) the person-oriented, especially the individual-creative approach requires a significant change in the nature of the teaching work-causes the need for serious scientific, theoretical and psychological-pedagogical training, improving the technology of teaching, fostering the creative development of trainees and establishing pedagogy of co-creation between the teacher and schoolchildren; d) the teacher, the head of the educational and educational institution, parents and everyone who is involved in this process to be extremely thoughtful and competent, be able to tactfully rely on the materials of a deep analysis of the individual qualities of the student's personality and be ready to apply the most reasonable technology of instruction, development of schoolchildren.

However, it is important to combine traditional and innovative methods and techniques that stimulate the intellectual development of gifted children.

Among them:

- the inclusion of schoolchildren in active educational activities, more often to raise questions for self-decision, the constant complication of the content of the study material, the use of additional super-program information obtained in institutions of additional education and through self-education;

- Every possible encouragement of the desire of gifted children to participate in various competitive events for children and youth (olympiads, contests, exhibitions, etc.);

- the opportunity for gifted children to present their ideas, thoughts, knowledge and skills to different audiences of students (class, school, press, etc.);

- the desirability of creating, at the school of the Council or a special center-council (district, city) for the development of scientific and method-

ological recommendations for the further development of individual gifted children;

- inclusion of parents in the intellectual development of their children - recommendation of reasonable participation in the work of circles and sections, scientific and cultural institutions, visits to libraries, use of NIT (new information technologies), radio and television, etc.

References:

1. Abdujabbarov A. The educational technologies. Tashkent, 2008
2. Andreev V.I. The pedagogics of highest school. Kazan, 2013
3. Djuraev R. The innovational technologies. Tashkent, 2011

УДК 81'282.8

НЕМЕЦКО-ТУРЕЦКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ: ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

А. И. Едличко
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва

Статья представляет собой научный обзор современных линвоконтактных исследований в области взаимодействия и взаимовлияния неродственных языков. Кратко анализируется история изучения языковых контактов в немецкоязычной германистике. Акцентируется внимание на причинно-следственных связях в процессе контактирования немецкого и турецкого языков в исторической ретроспективе, а также вопросах формирования и функционирования немецко-турецкого социолекта на территории современной Германии. Дается характеристика некоторых изменений, появившихся в результате (взаимо)влияния изучаемых языков: заимствований, смешения кодов, формирования и развития новых смешанных языков.

Ключевые слова: *языковые контакты, немецкий язык, турецкий язык, препиджин, пиджин, идиом, социолект, контактирующие языки, смешанный язык, смешение кода*

German-Turkish language contacts: reasons and results

The article presents a scholarly overview of modern contact linguistics research of the interaction and mutual influence of non cognate languages.

The history of the study of language contacts in German studies is briefly analyzed. The author also focuses on the cause-effect relationship in the contacting of the German and the Turkish languages in historical retrospect, as well as issues on the formation and functioning of the German-Turkish sociolect in today's Germany. The author of the paper demonstrates the changes in the terminological base and elaborates on the evolution of the term, that labels the language form under study: from Gastarbeiterdeutsch (Guest Worker German) of the first Turkish migrants in the Germany after World War II to the emergence of Türkendeutsch (Turkish-German) among today's young generation. The characteristics of some changes as a result of (inter)influence of contact languages are given: borrowings, code-mixing, formation and development of the new mixed languages. The article also describes linguistic features of the new language form (at the phonetic, grammatical, lexical levels), originated from the mixing of the language code and having a relatively systematic character.

Key words: *language contact, the German language, the Turkish language, prepidgin, pidgin, language form, sociolect, contact languages, mixed language, code-mixing*

> *История языков – это прежде всего история их контактов, а языковые изменения – это феномен, который приводится в движение преимущественно через контакт <…> языков (и говорящих).*
>
> [Hinrichs 2013, с. 32–33]

Исследование языковых контактов играет значимую роль в различных областях гуманитарного знания. Акцентирование внимания на причинах (взаимо)влияния языков и результатах такого воздействия имеет значение не только для языкознания в целом и социолингвистики в частности, но и для лингводидактики, (лингво)культурологии, литературы, социологии, статистики, политологии и других наук и научных направлений. Это дает возможность не только провести всесторонний анализ динамических процессов, происходящих в социуме, но и выявить сущностные аспекты в развитии контактирующих языков. Рассмотрение языковых контактов с позиций лингвоконтактологии, «учени[я] о связи и взаимодействии различных языков в определенный период развития общества» [Прошина 2005], позволяет обнаружить и проанализировать многочисленные неологические языковые категории.

Признавая недостаточность изучения феномена языковых контактов в истории европейского языкознания, современные авторы вы-

деляют существенные моменты, которые вплоть до XX в. оставались вне поля зрения европейских лингвистов:

1. Основными объектом научного исследования довольно долго были отдельные европейские языки и культуры. При этом преимущество отдавалось языкам старой Европы (английскому, немецкому и французскому), т.н. «западным культурным языкам».

2. С XIX в. ученые занимались национально ориентированным языкознанием, что затрудняло выявление и понимание взаимосвязей языков и культур в больших языковых ареалах.

3. Такая ситуация способствовала появлению «мифа о существовании одного языка» [Hinrichs 2013, с. 32], который является доминирующим в государстве, в национально-культурном пространстве. Принцип «одно государство – одна нация – один народ – один язык», долгое время господствующий в Европе, и сегодня служит политическим целям. В Балканских странах и в некоторых современных западноевропейских государствах можно до сих пор наблюдать последствия этой односторонней позиции [Там же].

В целом соглашаясь с выдвинутыми тезисами, отметим, что исследование сугубо европейских языков (точнее, конкретного языка конкретной страны, а также взаимодействия и взаимовлияния этих языков) в европейском языкознании в течение длительного периода абсолютно оправдано, что можно объяснить становлением и развитием синхронной европейской лингвистики как науки, сменой научных парадигм и практическим характером науки о языке, которая была направлена на осмысление национальной культуры той или иной страны Европы. В качестве еще одной причины можно назвать колониальную экспансию европейских государств и их националистическую языковую политику в завоеванных странах, целью которой было насаждение и распространение своих официальных (европейских!) языков. Западноевропейские языки контактировали с автохтонными языками колоний в странах Карибского бассейна, в Африке, Индонезии и т.д., что приводило к возникновению пиджинов, креолов и смешанных языков / вариантов языков. Однако колониальная политика дала толчок к изучению языковых контактов неродственных языков западноевропейскими германистами. Таким образом, исследование языковых контактов приобрело определенные исторические основы: еще во 2-й половине XIX в. появились первые работы по изучению контактных языков, пиджинов и креолов, см., например, труды австрийского лингвиста Г. Шухардта [Hugo Schuchardt Archiv URL]. Тем не менее, креолистика «как само-

стоятельное направление в лингвистике <…> стала развиваться лишь с 1950-х годов» [Беликов, Крысин 2016, с. 80].

В европейской германистике языковые контакты являются объектом исследования лингвистической типологии (Sprachtypologie), контактной лингвистики (Kontaktlinguistik), или лингвоконтактологии, креолистики (Kreollinguistik), вариантной лингвистики (Varietätenlinguistik), миграционной лингвистики (Migrationslinguistik). Повышение научного интереса немецких лингвистов к указанной проблематике наблюдается с 1970-х гг. [Dittmar, Klein 1975; Heidelberger Forschungsprojekt 1975; и др.], что было связано с необходимостью анализа и научного описания структурно-содержательных характеристик новых идиомов, которые формировались и развивались на территории Германии в результате контактов автохтонного населения и приезжих рабочих, гастарбайтеров, из разных стран (Италии, Испании, Греции, Югославии и Турции) в послевоенное время для восстановления страны. Современные комплексные социолингвистические исследования проводятся на материале разных контактирующих языков на территории немецкоязычных стран: русского и немецкого [Goldbach 2005; Brehmer 2007], английского и немецкого [Zimmer 1997; Hohenhaus 2001], арабского и немецкого [Tazi 1998], турецкого и немецкого [Androutsoupoulos 2001; Keim, Cindark 2002; Keim, Cindark 2003; Cindark 2004; Dirim 2004; Cindark, Hünlich 2017]. Теоретические основы лингвоконтактологии – онтология и социогенез языкового контактирования, методология и методы контактной лингвистики – также находятся в центре внимания лингвистов, см. [Wildgen 2005; Androutsoupoulos 2006; Bücker 2007; и др.]. Несмотря на складывающуюся системность изучения причинно-следственных связей языковых контактов, сущностных характеристик контактирующих языков в европейском ареале, на языковых границах, в бывших колониях и неоколониальных государствах, ученые отмечают недостаточность исследования диастратических вариантов немецкого языка и явления его пиджинизации, см. подробнее [Löffler 2010, с. 125].

Языковые контакты являются причиной появления лексических, фонетических, грамматических заимствований в контактирующих языках. Согласно исследованиям, в начале XX в. в немецком языке насчитывалось 158 слов турецкого происхождения [Best 2005, с. 57]. Назовем некоторые известные лексемы, заимствованные из турецкого языка в немецкий в разные исторические периоды: в XV в. – *Horde* ‘орда’ < тур. *ordu*; в XVI в. – *Tulpe* ‘тюльпан’ < тур. *tülbant/ tülbent;* в XVII в. – *Diwan* ‘диван’ < тур. *divan, Turban* ‘тюрбан’ < итал. *turbante* < тур.

tülbent, Schabracke ‘попона’ < тур. *çaprak*; в XVIII в. – *Pascha* ‘паша’ < тур. *paša, Kiosk* ‘киоск’ < франц. *kiosque* < тур. *köşk* (современное значение слово получило в XIX в.); в XX в. – *Joghurt* ‘йогурт’ < тур. *yoğurt* [Kluge 2002]. В результате реимиграции в современном турецком языке появились немецкие слова: *aysberg* < нем. *Eisberg* ‘айсберг’, *dübel* < нем. *Dübel* ‘дюбель’, *gestalt* < нем. *Gestalt* ‘гештальт’, *haymatlos* < нем. *heimatlos* ‘не имеющий родины’, *kayzer* < нем. *Kaiser* ‘кайзер, император’, *otoban* < нем. *Autobahn* ‘автобан’, *otopark* < нем. *Autopark/Parkplatz* ‘парковка’, *şinitzel* < нем. *Schnitzel* ‘шницель’ и др.

Современная лингвистическая ситуация в Германии, поликомпонентная по своей сути, характеризуется (наряду с литературным языком и разговорной речью) наличием не только широкой языковой палитры региональных вариантов немецкого языка (диалектов) и миноритарных языков, но и существованием его социальных разновидностей. Многообразие территориальных диалектов в Германии дает основание говорить о «внутреннем многоязычии» [Hinrichs 2013, с. 38] в стране, а функционирование новых диастратических вариантов – об особых формах диглоссии.

Языковые контакты возникают при коммуникации представителей разных социально-возрастных групп, однако наибольший интерес в настоящее время, по нашему мнению, представляют идиомы, возникшие в результате коммуникации молодежи с миграционными корнями с автохтонными жителями Германии. Такие социолекты, этнолекты или мультиэтнолекты, возникают на основе немецкого и других языков. В процессе использования социолектов наблюдается смешение кодов, т.е. «немотивированный переход билингва в процессе речевого общения от одного языка к другому» [Словарь … 2006, с. 196]. К их отличительным особенностям относится наличие иноязычных вкраплений из контактирующих языков.

Впервые идеи о появлении нового социолекта на базе немецкого языка высказал М. Клайн в статье о немецком пиджине гастарбайтеров [Clyne 1968]. Данная теория была поддержана рядом исследователей, которые использовали термин *Pidgin-Deutsch* по отношению к формирующимся социолектам [Dittmar, Klein 1975]. Языковыми особенностям пиджинов, как известно, являются следующие характеристики: редуцированный словарный фонд; приспособление произношения к автохтонному языку; упрощенная грамматика (опущение или упрощение артикля и конечных флексий, упрощение управления глаголов (валентности), ограничение глагольной флексии формами инфинитива, причастия, перфекта без употребления субъекта); система-

тический повтор ошибочных форм [Dittmar, Klein 1975; Heidelberger Forschungsprojekt 1975; Löffler 2010, с. 125]. Немецкий гастарбайтеров 1960–1970-е гг. базировался на «принципе симплификации» [Riehl 2014: 130] – основном признаке препиджинов и пиджинов. По нашему мнению, данный идиом скорее можно было бы отнести к препиджину, т.е. социолингвистическому феномену, который «возникает как компромисс между плохо усвоенным вторым языком начинающих билингвов и «регистром для иностранца», который создается теми, для кого этот язык является родным» [Словарь … 2006: 171].

В ранних работах немецких германистов, выполненных в русле сопоставительного исследования языков, использовалась другая терминология, семантика которой соотносилась со смысловой дихотомией «свой – чужой»: *Gastland-Sprache* ‘язык принимающей страны’ (о немецком языке) [Löffler 2010: 125] и *Ausländerdeutsch* ‘немецкий иностранцев’ [Meisel 1975], *Gastarbeiterdeutsch* ‘немецкий гастарбайтеров’ или *Deutsch ausländischer Arbeiter* ‘немецкий иностранных рабочих’ [Graefen, Liedke 2012: 24]. Появление названных терминов с терминокомпонентами *Pidgin* ‘пиджин’, *Gast* ‘гость’, *Gastarbeiter* ‘гастарбайтер’, *Ausländer* ‘иностранец’ знаменовало начальный этап в изучении формирующихся социолектов. В настоящее время лексема *Gastarbeiter* считается устаревшей, сема «гость» указывает на непостоянство нахождения в стране. Архаизация социального явления, с одной стороны, и развитие лингвистической политкорректности, с другой, послужили причиной развития, изменения и расширения терминологического аппарата и привели к замене термина *Gastarbeiterdeutsch*, именующего развивающиеся социолекты.

Появившееся чуть позднее наименование диастратических вариантов *jugendliche Ethnolekte* ‘молодежные этнолекты’ [Graefen, Liedke 2012: 24] можно отнести скорее к терминам-гиперонимам, который в целом подчеркивает возраст и отнесенность к этносу или этнической группе, но не конкретизирует этническую принадлежность. Глобальные миграционные процессы стали причиной развития такого научного направления, как миграционная лингвистика (Migrationslinguistik), в рамках которой рассматриваются языковые изменения, вызванные влиянием языков мигрантов на автохтонные языки [Krefeld 2004; Dittmar, Şimşek 2017; и др.]. В категорию таких обобщающих номинаций для различных смешанных идиомов включают термины *Migrantendeutsch* ‘немецкий мигрантов’, [Hinrich 2013, с. 146] использующийся в понятийно-терминологическом аппарате

миграционной лингвистики или *Xenolekt* ‘ксенолект’ [Riehl 2014, с. 130], называющий неродные языки.

Поскольку термин *Pidgin* носит иронический оттенок и нередко воспринимается как негативная социолингвистическая категория (опять же с позиций восприятия базовой категории «инаковости» и возникновении термина в результате колонизации), он все чаще заменяется в современной теории языковых контактов конкретизирующими субститутами, ср.: *Türkisch-Deutsch* ‘турецкий немецкий’, *Russisch-Deutsch* ‘русский немецкий’, *Jugoslawisch-Deutsch* ‘югославский немецкий’ и др. [Hinrich 2013: 146].

С начала XXI в. принято различать термины, именующие новый турецко-немецкий языковой феномен. Турки, проживающие на территории Германии, рассматривают родной язык, на котором разговаривают в Турции (*Türkei-Türkisch* ‘турецкий в Турции’), и турецкий язык, функционирующий в ЕС (*Europatürkisch* ‘европейский турецкий’) [Hinrich 2013, с. 186], как отдельные категории. В современных исследованиях немецко-турецких языковых контактов узуальными представляются термины, которые предлагают сами носители социолекта: *Türkisch-Deutsch* ‘турецкий немецкий’ и *Deutschland-Türkisch* ‘турецкий Германии’ [Там же, с. 147], или *Deutschlandtürkisch* [Cindark, Aslan 2004]. Таким образом подчеркивается соотношение нового, нетипичного для страны смешанного языка и его территориальной отнесенности. Наряду с названными в работах использовались и другие термины (с негативными коннотациями, см. ниже), однако в силу своего дискриминирующего характера они не получили дальнейшего употребления. Турецкий немецкий можно услышать повсюду, однако «число коммуникативных сфер, обслуживаемых [данным] идиомом» [Виноградов 1990, с. 616] ограничено бытовой областью (турецкие кварталы), сферой традиционной профессиональной деятельности мигрантов из Турции (дёнерные/кебабные, закусочные, торговые павильоны) и образовательной областью (школы; курсы, где этнические турки изучают немецкий язык).

Исследователи говорят не только о турецком немецком, но и о появлении мультиэтнических идиомов, которые образовались на базе немецкого как результат смешения различных языков мигрантов на территории Германии. В данном случает речь идет о мультиэтнолекте *Kiezdeutsch* (кицдойч). Термин *Kiezdeutsch* использовали подростки из турецких, курдских, арабских семей, проживающие в берлинском районе Кройцберг (Berlin-Kreuzberg) для наименования собственного идиома, используемого как средство внутренней коммуникации в

своей социальной группе. В научный оборот данный термин был введен в 2006 г. немецкой исследовательницей Хайке Визе [Wiese 2006] и довольно быстро приобрел фактически нормативный характер. В более ранних исследованиях использовались термины, подчеркивающие различные сущностные характеристики социолекта: его смешанный характер (*Mischsprache* ‘смешанный язык’ [Hinnenkamp 2000, с. 100]; *Gemischt-sprechen* [Там же, с. 101]), этническую и диастратическую отнесенность (*Türkendeutsch* ‘турецкий немецкий’ [Androutsoupoulos 2001; Kern, Selting 2006]; *Türkenslang* ‘сленг турок’ [Auer 2003; Löffler 2010, с. 126]), локализацию и дискриминирующие признаки (*Ghettodeutsch* ‘немецкий язык гетто’ [Keim 2004, с. 203]; *Kanakdeutsch* ‘немецкий канаков’ [Löffler 2010, с. 126] и *Kanak Sprak* ‘язык канаков’ [Zaimoğlu 1995]). Последнее наименование использовалось изначально как родовое понятие для всех языков мигрантов и имело негативные коннотации. Полисемант *Kanake, заимствованный из полинезийских языков с нейтральным значением* «Mensch» ‘человек’, имеет в современном немецком негативные ингерентные коннотации *(ЛСВ 2 и ЛСВ 3),* одно из значений (2) при этом *референтно соотносится с иностранцем, представителем другого этноса [Duden URL]:*

Kanake, der

1. Ureinwohner der Südseeinseln, besonders Neukaledoniens

2. Ausländer, Angehöriger einer anderen, fremden Ethnie (diskriminierendes Schimpfwort)

Aussprache meist: [kaˈnakə]

Gebrauch: derb abwertend

3. verachtenswerter, hassenswerter Mensch (oft als Schimpfwort)

Aussprache *meist*: [kaˈnakə]

Gebrauch: umgangssprachlich abwertend

Herkunft

polynesisch kanaka = Mensch

В отличие от указанного слова термин *Kiezdeutsch* не ассоциируется с этнически дискриминирующей номинацией. Лексема *Kiez* в значении ‘район города’ (1), довольно употребительна на северо-востоке Германии, особенно в Берлине *[Duden URL]*:

Kiez, der

1. Stadtteil, [abgelegener] Ort

Gebrauch: nordostdeutsch, besonders berlinisch

Beispiel – sie kennt ihren Kiez genau

2. Rotlicht-, Amüsier-, Vergnügungsviertel

Gebrauch: Jargon

Beispiel – in einem Hotel auf dem Kiez

Социолект кицдойч, как уже отмечалось, зародился в молодежной мультиэтнической среде в мигрантских районах. Таким образом, *Kiezdeutsch* воспринимается как наименование не только нейтрального диастратического варианта немецкого языка, но и неформального способа общения с выраженной диатопической маркированностью, поскольку семантика терминоэлемента *Kiez-* соотносится с определенными районами города и берлинским диалектом. Масштабный характер распространения кицдойч и, соответственно, активное исследование идиома привели к появлению фундаментальных исследований на разных языках [Собянина 2014; Акулова 2016; Wiese 2006; и др.] и к созданию электронного лингвистического корпуса в Германии, см. [Das KiezDeutsch-Korpus URL]. Кицдойч является результатом межкультурной коммуникации немецкой молодежи и молодого поколения мигрантов (как правило, подростков, представителей второго и третьего поколений). Данный феномен нередко относят к мультисоциолектам, поскольку он представляет собой идиом, возникший на почве нескольких неродственных языков. Турецкий немецкий не привязан только к столице Германии, развитие идиома наблюдается и в других федеральных землях, см. [Kallmeyer, Keim, Aslan, Cindark 2002].

У. Хинрихс справедливо отмечает, что «контакт – это двигатель всех языковых изменений» [Hinrichs 2013: 33]. Для турецко-немецкого идиома характерен комплекс особенностей на разных уровнях языка. Так, к фонетико-фонологическим характерным чертам данного социолекта относятся [Keim 2004, с. 215]:

1. Тенденция к сокращению долгих гласных, что приводит к изменению качественных характеристик окружающих согласных.

2. Опущение инициального гласного звука в личном местоимении *ich* и оглушение звука [m] в различных комбинациях звуков, например: *sch_hab* или *hah_sch, muss_sch.*

3. Напряжение глухих взрывных [p, t, k] и щелевых [s, f, ʃ] прежде всего в инициальной позиции.

4. Четкая аспирация глухих взрывных.

5. Рассогласование звонких взрывных и дополнительное согласование сонорных звуков.

6. Опущение звука /r/ после кратких гласных.

7. Быстрый темп речи и в целом напряженная речь.

8. Тенденция к «ударной» ритмизации за счет равного соотношения ударных и безударных слогов, силлабической ритмовки.

9. Тенденция к использованию интонации с ровным движением тона (без сильного повышения тона).

На морфологическом и синтаксическом уровнях языка наблюдаются следующие явления:

1. Опущение и/или изменение позиции некоторых служебных частей речи, например, выпадение предлогов и артиклей, ср. классические примеры из кицдойч: *Ich geh' Schule* = нем. *Ich gehe in die Schule* 'я иду в школу'; *Ich bin Schule* = нем. *Ich bin in der Schule* 'я в школе'.

Данное явление можно объяснить отсутствием некоторых предлогов в турецком языке, эквивалентных немецким (например, нем. *an, auf, zu, neben, mit, vor, nach, für*), а также постпозицией послелогов в турецком как агглютинативном языке. В турецком языке как языке агглютинативном форманты (например, выражающие пространственные, целевые, причинные и др. отношения) присоединяются к слову в постпозиции, в отличие от флективного немецкого языка, ср.: нем. *wie (eine) Rose* – турецк. *gül gibi;* нем. *mit dem Auto* – турецк. *araba ile;* нем. *nach dem türkischen Grundgesetz* – турецк. *Türk Anayasasina göre* и др. [Hinrichs 2013, с. 75].

2. Выпадение вспомогательных глаголов *sein* и *haben*, например: *Ali burada / Ali_hier* = нем. *Ali ist hier; hava sicak / Wette_heiß* = нем. *Das Wetter ist heiß; Hasan gelmiş / Hasan_gekommen* = нем. *Hasan ist gekommen / Hasan soll gekommen sein* и др.

3. Использование неверного рода существительных: *rischigtes Tee.*

4. Ошибочное управление глаголов, например: *wenn isch mit ihm heirate* = нем. *wenn ich ihn heirate.*

5. Использование новых грамматических средств выражения побудительности, например, императивных форм глагола *lassma* < нем. *lass (uns) mal, sagma* < нем. *sag (mir) mal, musstu* < нем. *musst du,* например: *Lassma treffen!* 'Давай(те) встретимся!' *Musstu Doppelstunde fahren!* 'Тебе нужно ехать полчаса!' [Wiese 2012, с. 64]. При этом побуждение *lassma* касается в т.ч. и говорящего, а повелительные глаголы *musstu, sagma* соотносятся со слушающим.

6. Свободный порядок слов в предложении: *Lassma treffen Alexanderplatz* = нем. *Lass uns am Alexanderplatz treffen* 'Давай(те) встретимся на Александерплац!'.

На лексическом уровне наблюдаются:

1. Генерализация значения распространенных глаголов *gehen, kommen, machen*, например: *Isch mach disch Krankenhaus* = нем. *Ich*

schlag dich krankenhausreif; Ich mach' dich Messer = нем. *Ich ersteche dich* [Wiese 2006];

2. Использование турецких форм обращения *(moruk* = нем. *Alter* 'старик/старикашка') и оскорбления *(siktir lan* = нем. *Verpiss dich* 'проваливай') в т.ч. в качестве междометий и дискурсивных маркеров и др. [Keim 2004, с. 210];

3. Использование новых сокращений *ischwör/ischwöre <ich schwör(e), gibs < es gibt*, например: *Mit Auto hat bei uns ein Tag gedauert. Ischwöre*. 'На машине у нас это длилось день. Клянусь' (стремление подчеркнуть правдивость высказывания); *Aber gibs auch ´ne Abkürzung* 'Но есть также и сокращение' [Wiese 2012, с. 70, 74];

4. Заимствование лексики из других языков, существующих на территории Германии.

Другие случаи системных девиаций на всех языковых уровнях обобщены в работах [Cindark, Aslan 2004, с. 3; Androutsoupoulos 2006; Cindark, Keim 2016; и др.]. Проведенный анализ разных языковых категорий (к примеру, просодического компонента и синтаксиса) турецкого немецкого позволяет ученым сделать вывод о том, что данный идиом стоит рассматривать не как статическую категорию, а как «(этнический) стиль, для которого характерно систематическое и функциональное использование определенных синтаксических и просодических структур» [2, с. 270], что является одним характерных способов самовыражения коммуникантов.

Смешение кодов является одной из ключевых форм внутригрупповой коммуникации. Во время коммуникации турецкой молодежи на немецком языке характерными представляются морфосинтаксические конструкции, которых нет ни в немецком, ни в турецком языках. К таким конструкциям относят, например, сочетания с глаголами *yapmak/etmek* 'делать', которые становятся устоявшимися неологизмами. При этом флективные формы турецких глаголов *yapmak*/*etmek* используются в сочетании с инфинитивными формами немецких глаголов, например: *feiern yaptim* (= досл. нем. *feiern machte ich* 'праздновать делал я', ср. нормативный вариант в немецком языке *ich feierte* 'я праздновал'). В турецком языке отсутствует структура «глагол в инфинитиве + финитная форма глаголов *yapmak/etmek*» [3, с. 385].

Сохранение лингвокультурных традиций в турецкой диаспоре в Германии и нежелание полностью интегрироваться в лингвокультурный социум становится резистентным фактором для развития естественного билингвизма у турецких подростков и отражается на их немецком языке. Исходя из социального характера и типов отноше-

ний, преобладающих в обществе и языке, турецко-немецкий социолект можно трактовать как многокомпонентную категорию, для которой характерно наложение различных составляющих: языковой (турецкий и немецкий языки), социально-хронологической (возраст), этнической (национальность) и локальной (конкретный регион в Германии).

В заключение отметим, что языковые контакты как следствие взаимодействия двух или более языков и/или их вариантов могут возникать в условиях языкового пограничья, между адстратными языками, в результате (нео)колонизации, миграционных и лингвомиграционных процессов. В результате контактирования языков возникают новые идиомы – пиджины, креолы, смешанные языки, при этом также наблюдается переключение кодов. Языковые контакты могут приводить к конвергенции языков, т.е. формированию схожих свойств в структуре контактирующих языков. Немецко-турецкие языковые контакты на территории Германии, насчитывающие уже не одно десятилетие, обусловлены различными историческими событиями, политическими и социокультурными факторами. Контактирование носителей, немцев и этнических турок, и взаимодействие их родных языков привело к возникновению нового социолекта, что является следствием лингвокультурной адаптации мигрантов турецкого происхождения в немецком социуме. Развивающийся идиом имеет свои релевантные особенности на всех уровнях языка, ключевыми из которых являются стремление к сокращению и редукция языковых явлений. Взаимодействие языков и изменения в их структуре и содержании, появление новых социолингвистических категорий (несмотря на отсутствие генетической близости) еще раз подтверждают тот факт, что языки не являются фиксированными кодами, застывшими артефактами.

Литература:

1. Акулова М.Е. Речевое поведение немецкой молодежи на примере мультиэтнолекта Kiezdeutsch (социо- и прагмалингвистический аспект): дисс. ... к. филол. н.: 10.02.04 / Акулова Мария Евгеньевна. Ростов-на-Дону, 2016. 178 с.

2. Беликов И.В., Крысин Л.П. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. 337 с.

3. Виноградов В.А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 616–617.

4. Прошина З.Г. Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2005. № 1 (5). С. 124–128.

5. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.

6. Собянина В.А. К вопросу об исследованиях особенностей немецкого языка мигрантов в Германии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 133–136.

7. Androutsoupoulos J. Ultra korregd Alder! Zur medialen Stilisierung und Aneignung von "Türkendeutsch" // *Deutsche Sprache*. 2001. Nr. 4. S. 321–339. https:// jannisandroutsopoulos.files.wordpress.com/2009/12/ds-4-2001.pdf

8. Androutsoupoulos J. Ethnolekte in der Mediengesellschaft. Stilisierung und Sprachideologie in Performance, Fiktion und Mediasprachdiskurs. // Standard, Variation und Sprachwandel in germanischen Sprachen. 2006. S.113–155.

9. Auer P. „Türkenslang" – ein jugendsprachlicher Ethnolekt des Deutschen und seine Transformationen // Buhofer H.F. (Hg.) Spracherwerb und Lebensalter. Tübingen: Francke, 2003. S. 255–264.

10. Best K.-H. Turzismen im Deutschen // Glottometrics. 2005. Nr. 11. S. 56–63.

УДК 811.35

VERBAL MORPHOLOGICAL COMPLEXITY IN CONTACT: CLUES FROM LEZGIC (EAST CAUCASIAN)

Ж. Отье,
Франция

В статье анализируются языковые контакты как следствие взаимодействия двух или более языков и/или их вариантов, обсуждаются условия языкового пограничья восточнокавказских языков и лингвомиграционных процессов. Как следствие контактирования языков выявляется уровень эволюционной морфологии и дифференцируются новые морфосинтаксические идиомы.

Ключевые слова: *эволюционная морфология, языковые контакты, идентификация, нахско-дагестанские языки, восточнокавказские*

Different types of language contact can lead to simplification or complexification. While the first type is easy to identify as leading to the minimal morphologies found in pidgins and creoles, it proves more difficult to relate the state of affairs in morphologically complex languages to contact, or to explain why genetically related languages may become simpler or more complex in similar contact environments, especially in the absence of historical documents and sources.

Our paper will attempt to draw the general lines of morphological evolution in Lezgic, a deep and clearly articulated branch of East Caucasian (EC, aka Nakh-Daghestanian) comprising a dozen languages which have all undergone prolonged contact with unrelated (Turkic, Iranian) or related languages. Thanks to external comparison (i.e. the availability of at least five other branches for EC, against which internally reconstructed proto-Lezgic morphology can be checked), the set of inherited verbal inflectional segments is well established and borrowed formatives can be identified.

The main categories involved in the morphological complexity of verbs in East Caucasian are 1) gender/number agreement with S/P arguments, 2) synthetic, root-adjacent aspect marking, 3) layered deictic preverbs, 4) tense and modality formatives, 5) synthetic negation. All these categories can be reconstructed for proto-Lezgic, and have only rarely been lost altogether in the daughter languages. Additionally, 6) person indexing developed fully and independently in two distantly related Lezgic languages, Udi and Tabasaran, as a structural copy of Azeri Turkic person agreement.

We will assess the level of complexity found in each Lezgic language's verbal morphology in correlation with the amount and types of language contact they are known to have undergone. This branch has been chosen for the variety of contact situations and the various levels of verbal complexity it offers, from quite low in Lezgian and Agul to high in Kryz, Archi, and Rutul, to very high in Budukh, Tsakhur and Tabasaran. The complexity of expression of these categories will be evaluated along the parameters of a) number of subcategories, b) inflectional exponence, c) lexical exponence (bipartite stems), d) allomorphy, e) transparency/syncretism, f) suppletion, g) fusion.

Our main finding is that the level of complexity does not seem to have risen or fallen significantly from reconstructible proto-Lezgic to the average level found in the contemporary languages. Very few new categories like person indexation or non-indicative modalities have emerged in individual languages, and those most probably as copying of Turkic verbal cat-

egories[1], while some inherited categories like gender agreement have dwindled – thereby leading to further complexification as in Tabasaran – or disappeared entirely as in Udi, Agul and Lezgian. In general, all of the verbal affix systems found in Lezgic languages continue systems already present in their reconstructed parent languages, with the exception of personal indexes, which all derive from inherited free pronouns, and just one instance of affix borrowing[2].

The second finding is that in the majority of Lezgic languages, complexity parameters and domains tend to compensate for each other, to the extent that complexity in one part of the verbal morphology of a language seems to correlate with simplicity in another. For instance:

Tabasaran has reduced its gender system to a human / non-human opposition, but allomorphy and syncretisms have increased the complexity of verbal agreement in terms of transparency;

the famously large verbal paradigm of Archi (1.5 million forms, according to Chumakina and Corbett[3]) is compensated for by a high degree of regularity in its processes, no fusion, and the low number of synthetic verbs overall.

Agul verbs have lost gender/number agreement, but have developed (rather than retained) a layered system of locative *vs* orientational deictic preverbs[4] not found elsewhere in the Lezgic branch but showing exactly the same structure as the layered system of preverbs in the Dargwa branch of East Caucasian (van den Berg,2003). Contact between Agul and Southern Dargwa varieties (Chirag) is well established and certainly accounts for this shared feature, whatever the direction of structural borrowing.

Tsakhur and Budukh verbs have (independently) developed fusional morphology at the juncture of gender and other prefixes, including Turkic-type vowel harmony and other sandhi phenomena, but their TAM system, being suffixal and strictly concatenative, remains perfectly transparent.

---

[1] Kryz and Budukh have developed a debitive mood calqued on the same category found in Azeri, cf. Authier 2010 'Finite and non-finite: prosodic distinctions on Budugh verb stems', in Isabelle Bril (ed.) *Clause Linking and Clause Hierarchy: Syntax and Pragmatics*. John Benjamins: pp. 143-164.

[2] in Udi, the negator *nu-* seems to be a Kartvelian or Iranian loan.

[3] LAGB meeting, September 2008 Archi Language tutorial.

[4] *a-ʁ-x-as* IN-UP-put-INF 'to put up and inside', Ganenkov & Maisak 2016. *Aghul* in Peter O. Müller, Ingeborg Ohnheiser, Susan Olsen, Franz Rainer (eds), Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe. Berlin: De Gruyter. P. 3579-3594.

- structurally conservative languages like Kryz or Archi may downplay inherited or innovated complexities by reducing the number of synthetic verbs in favour of light verb constructions.

Such light verb constructions, often overlooked in studies of verbal complexity, are a major source of morphological change in all EC languages that have been in prolonged contact with non-EC or EC but distantly related languages. In the case of Lezgic languages, the number of synthetic verbal lexemes compared to analytic (verb compound) formations has certainly decreased, but periphrastic renewal of the verb stock did not always lead to real simplification.

It is often the case that complex verbs can be a source of greater complexity when their analytic structure is blurred and the inflectional morphology becomes trapped inside bipartite stems: this typologically rare development has taken place in about half of the Lezgic languages, with various morphophonemic consequences. Although trapped inflectional morphology generally tends to migrate to a more external position, an intermediate stage is represented by languages like Kryz and Ikhrek Rutul, which show multiple exponence of gender/number morphology in the present and future tense due to incomplete univerbation of the tense-forming copulas[1], thereby violating the 'inflection-outside-derivation principle: A morphologically complex word is preferred if its inflectional affixes are further away from the root than its derivational affixes' (Haspelmath 1993).

However, where verbal locutions have gone the whole way to univerbation, they have usually brought about simplification, for instance in Lezgian, where negation is still prefixal in some non-finite forms but has otherwise migrated to suffixal position after being attached to tense-forming copulas or, in the prohibitive mood, to the conative auxiliary 'to do'. Such regularisation processes happened mainly in higher contact situations, where more contact between adults is documented, with correlate imperfect acquisition, and prevented the preservation of existing complexity. The case of Lezgian is not surprising: being a large language (400 000 speakers) spread over a wide area including lowlands and in contact with Azeri (Turkic) and Tat (Iranian), adult second-language acquisition, exogamy and multilingualism have probably been more widespread than in smaller, more isolated Lezgic language communities.

[1] Kryz *b-a-b-q-re-b* HPL-PV-HPL-keep-PRS-HPL 'They are kept.' Cf. Haspelmath 1993 'A common striking feature of such changes is intermediate hybrid forms that show the inflection both in internal and in external position.'

In the case of Agul, a language of the high mountains, we assume that the level of contact with adult speakers sufficient to play a role in the simplification process (loss of gender, not replaced by person agreement) was with Jewish Tat refugees, who fled Nader Shah's persecutions in the early 18th century and inhabited a large minority of settlements in the Agul district well into the 19th century, as attested by oral tradition.

Another result of this research on verbal morphological complexity is to establish links between inflectional and derivational morphology as well as with syntactic typology:

Tabasaran innovated a dichotomy between the older class of derivative preverbed verbs, which lost most of the original stem aspect marking, and a new class of 'strong' verbs, without semantic preverbs, which use inflectional preverbs to mark subcategories of the perfective (aorist and perfect). This process cannot be historically connected to the similar grammaticalization of deictic element into aspect-marking 'bounders' (cf. Bybee, Perkins & Pagliuca 1994) in Indo-European or Kartvelian.

Also in Tabasaran, innovative person marking has drifted further than attested in the source language (Azeri), where it indexes only S/A (subject) arguments, to index also P arguments, non-core arguments (dative, potential subjects) and even non-arguments (genitive modifiers);

Udi bipartite stems and endoclisis[1] (Harris 2002) are still close to their original syntactic level, and still obey rules dictated by information structure.

Budukh bipartite stems (Authier 2012) are purely morphological, having fused to the level of morphomes and represent much higher complexity.

Without significant increase of inflectional synthesis, both Budukh and Tsakhur represent the highest levels of opacity: verb stems have become hard or impossible to segment. Sociolinguistically, both languages have been in regular contact with lowland languages (mainly Azeri, but also Georgian, Batsbi and Armenian in the case of Tsakhur and Tat in the case of Budukh) during winter pastures, but remained closed and tight-knit communities.

In Archi, the same low-contact situation accounts for the preservation of inherited complexity. But contact with Lak (another branch of EC) should also be taken as a possible source of increased complexity. A clue favouring this assumption is the grammaticalisation of 'say' as a highly

[1] *u-t'un-k-sa* PV-3PL-eat-PRS 'They eat.'

productive light verb in Archi, which is shared with and certainly borrowed from Lak.

Finally, a case of drift is the development of optative morphemes from univerbation of an auxiliary ‘say’ on imperative forms in the majority of Lezgic languages. This parallel innovation may have been triggered by contact with Turkic, which has an optative paradigm, but it is also found in many other, non-Lezgic languages of Daghestan.

УДК 811.112

ПРОБЛЕМЫ АЛГОРИТМИЗИРОВАННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БЕСПИСЬМЕННЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ И МИРА

С. И. Замогильный,
Ю. В. Ставропольский,
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»
г. Саратов

В статье обсуждается реализация итеративного алгоритма исследования бесписьменных языков народов России. Единственно возможный способ сбора текстовых материалов в этих случаях – запись и транскрибирование. Для этого может потребоваться создание новой системы записи, определение орфографических стандартов.

Ключевые слова: *бесписьменный язык, алгоритм, литературная традиция, коренные народы, письменность*

The article discusses the implementation of an iterative algorithm to study the unwritten languages of the peoples of Russia. The only possible way to collect textual material in these cases is to record and transcribe. This may require the creation of a new recording system, spelling standards.

Keywords: *unwritten language, algorithm, literary tradition, indigenous peoples, writing*

В мире существует множество языков, не обладающих письменной формой. Письменная форма существует у 5 – 10% языков. Всего в мире насчитываются порядка 25 систем письменности. Большая часть

существующих в мире языков не только не имеют письменности, но даже не зафиксированы в научной литературе. Речь идёт о языках коренных народов, не имеющих литературной традиции, а также о диалектах, которые используются в повседневном устном общении, но не применяются в письменном общении. Примерами языков, в которых существуют многочисленные бесписьменные региональные диалекты, существенно отличающиеся от стандартной языковой нормы, выступают китайский и арабский языки.

Единственно возможный способ сбора текстовых материалов в этих случаях – запись и транскрибирование. Для этого может потребоваться создание новой системы записи, определение орфографических стандартов. Примерами являются EARS для сиро-палестинского диалекта арабского языка, либо TRANSTAC для иракского диалекта арабского языка. Предложенный подход может оказаться полезен для исследования диалектов, которые соотносятся со стандартным письменным вариантом языковой нормы. Гораздо сложнее, а подчас невозможно пользоваться им применительно к прочим языкам. Когда одна речь передаётся при помощи другой речи, тогда письменная форма языка может считаться вторичной. При определённых обстоятельствах, можно попробовать, при передаче речевой транскрипции, обойтись без соблюдения письменной нормы.

Известны два подхода к транскрибированию речи в бесписьменных языках. Во-первых, базисный подход, во-вторых, фонетический подход. В обоих случаях выполняется разбивка на фразы. При базисном подходе, фразы состоят из произвольного количества слов. При фонетическом подходе фразы состоят из произвольного количества фонем. Выделение слов требует фрагментирования звуковой последовательности с выделением крупных единиц.

Разбиение на отдельные фразы означает возможность соотнесения безписьменной фонетической последовательности с конструкциями какого-либо из письменных языков. На практике результаты оказываются далеко не блестящими, ибо даже при максимальной длине фразы подтверждаются не более 10 – 15% предложенных соответствий. Одно из объяснений состоит в том, что конструкции письменного языка, на который происходит перевод, отобраны непродуманно. Попытки более продуманно подойти к подбору языковых конструкций навели исследователей на мысль о возможности выработать некий программный алгоритм, способный с высокой степенью достоверности расчленять незнакомый текст на отдельные слова, наподо-

бие тех алгоритмов, которые применяются в вычислительной геномике.

Подобный алгоритм должен сочетать в себе различные уже практикующиеся подходы из практики пословного фрагментирования. Во-первых, следует опираться на предсказуемость фонем. При этом важно, чтобы количество различаемых фонем, следующих за определённой последовательностью, резко убывало бы к концу последовательности, пока не будет достигнуто морфологическое окончание. Можно слегка изменить данный подход и вычислить информационную общность между всеми последовательно располагающимися фонемами x и y на протяжении одного и того же высказывания, затем принять за морфологическое окончание некий локальный минимум информационной общности, не превышающий заданного порога. Во-вторых, следует использовать те границы между словами, которые известны изначально, при переходе от одной фонетической последовательности к другой. В-третьих, следует учитывать частоту слов. Слова, полученные в результате фрагментации, характеризующиеся высокой частотой, вероятно, являются действительными словами. Низкая частота говорит о том, что ошибочно определены границы слов. В-четвёртых, полезно задействовать алгоритм свёрточного декодирования Эндрю Витерби.

Реализация данных идей на практике приводит к следующему итеративному алгоритму. Нулевой шаг – инициализация, первичная фрагментация всего корпуса текста по единственному критерию информационной общности. Первый шаг – создание вокабуляра из примерно одной тысячи наиболее частотных слов, построение n-граммной языковой модели. Второй шаг – декодирование, предложение наиболее вероятного сегментирования для всех оставшихся нефрагментированными высказываний, исходя из языковой модели, разработанной первым шагом алгоритма. Третий шаг – возврат к первому шагу алгоритма. Важно отметить, что вторым шагом алгоритма необходимо разметить границы фрагментов априорно. Ошибочное фрагментирование некритично, ибо определение информационной общности внутри фрагментов укажет на допущенные ошибки.

Литература:

1. Kuang S.-R., Liang C.-Y., Tseng I.-P. A Low-Power Codeword-Based Viterbi Decoder with Fine-Grained Error Detection and Correction Techniques // Arabian Journal for Science and Engineering, 2018. Vol. 43. Issue 2. P. 585 – 595.

2. Zaidan O. F., Callison-Burch C. Arabic Dialect Identification // Computational Linguistics, 2014. No. 40 (1). P. 171 – 202.

3. Мирзоев Ш. Лексическая синонимия в бесписьменном языке (на материале шугнанского языка). Душанбе, 2007. 211с.

4. Осипова М. В. Об особенностях перевода фольклорных текстов бесписьменных народов (на материале айнского фольклора) // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014. № 1. С. 78 – 82.

5. Уткин Л. В., Уткина И. Л. Быстродействующий алгоритм полногеномного поиска ассоциаций на основе анализа пар объектов // Труды СПИИРАН, 2018. № 3 (58). С. 5 – 26.

6. Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока. Кн. I. М., 1928. С. 41 – 64.

УДК 37

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА НАРОДОВ ДОНБАССА

В. О. Зинченко
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»,
г. Луганск

В статье поднята проблема сохранения культурного единства народов Донбасса как части Русского мира. С позиций сохранения независимости многонационального и поликультурного государства обоснована необходимость патриотического воспитания студенческой молодежи с нахождением новых форм, методов и средств. Кратко представлен апробированный опыт одного из ведущих вузов Донбасса по организации патриотического воспитания, с опорой на формирование у будущих специалистов осознанного патриотического поведения и целенаправленной патриотической деятельности.

Ключевые слова: *многонациональное и поликультурное государство, культурное единство, Русский мир, патриотическое воспитание, образовательная среда вуза.*

The article raises the problem of preserving the cultural unity of the peoples of Donbass as part of the Russian world. From the standpoint of preserving the independence of a multinational and multicultural state, the necessity of Patriotic education of students with finding new forms, methods and means is justified. The tested experience of one of the leading universities of Donbass on the organization of Patriotic education, based on the formation of future specialists conscious Patriotic behavior and targeted Patriotic activities, is briefly presented.

Key words: *multinational and multicultural state, cultural unity, Russian world, Patriotic education, educational environment of the University*.

Сложные политические и социально-культурные процессы, происходящие в последнее время в обществе, актуализировали проблему патриотического воспитания молодежи как ключевого условия обеспечения устойчивого развития и национальной безопасности государства. Как указывает Д. А. Горбачёва, проблема патриотического воспитания обучающихся обусловлена, в том числе, и кризисом в социально-политических и нравственных сферах [1, с. 34]. М. М. Самко констатирует, что «вечные ценности: гражданственность, патриотизм, любовь и святое отношение к Родине, еще вчера казавшиеся незыблемыми, сегодня не являются достоянием большей части молодежи» [2, с. 177]. Причиной этого, по мнению исследовательницы, является прерванная связь поколений, лишившая наше общество идеалов и вечных «ценностей», которые не передаются при рождении, а вручаются старшим поколением «с любовью, заботой и надеждой».

Российская Федерация – многонациональное и поликультурное государство, в котором сплав традиций, обычаев, ценностей разных народов способствовал возникновению культурно-исторического феномена – Русский мир, выходящего за территориальные границы государства российского. В связи с эти возникает и новое понимание родины, России, ее культуры.

Донбасс в культурном понимании – это некая проекция России, где во взаимопонимании столетиями существуют представители разных народов и народностей, ощущающих себя сегодня неотъемлемой частью Русского мира. Происходящие на Донбассе процессы выдвинули ряд важных задач по сохранению культурного единства этих народов, что в значительной мере повлияло на политику по работе со студенческой молодежью, одним из важных направлений которой является формирование личности будущего специалиста, патриота и

гражданина с высокой моральной установкой и готовностью к служению и защите Родины.

Необходимо отметить, что в высших учебных заведениях последние двадцать лет воспитательная работа практически не проводилась. Исключение составляли вузы, осуществляющие подготовку педагогов. Поэтому перед руководящим и профессорско-преподавательским составом вузов встала задача по организации системы воспитательной работы, одной из составляющей которой является патриотическое воспитание.

Анализ педагогических исследований позволяет констатировать, что вопросы патриотизма и патриотического воспитания обучающихся интересовали многих ученых, в частности, таких педагогов, философов, социологов, как Л. В. Байбородова, В. В. Белкина, А.К. Быков, Д.А. Горбачёва, В.В. Деев, М.А. Ешев, С.П. Меньшиков, О.А. Овчинников, М.М. Самко, С.В. Слукин, И.Г. Харисова и других.

Несомненный интерес представляют работы Л. В. Байбородовой, Н.А. Белоусова, В.В. Буткевич, Н.Б. Воронцовой, М.С. Джилкишиевой, А.Д. Живейко, Н.В. Ермоленко, Г. С. Квасных, М. Б. Кусмарцева, С. П. Меньшикова, О. А. Овчинникова, А.Н. Саржановой, В.А. Середы, К.И. Шик и других авторов, посвященные проблемам патриотического воспитания студенческой молодежи.

Однако, несмотря на актуальность и практическую значимость, вопросы реализации патриотического воспитания студентов с учетом возможностей образовательной среды вузов, разрабатываются, на наш взгляд, недостаточно, что связано необходимостью определить те конкретные педагогические механизмы и инструменты, которые обеспечат формирования этой компоненты личности будущего специалиста в рамках целостного учебно-воспитательного процесса.

В этом контексте хотелось бы поделиться опытом ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» по реализации патриотического воспитания студенческой молодежи, методы и средства которого в последние годы существенно расширились.

Прежде всего, отметим, что патриотическое воспитание студенческой молодежи в университете осуществляется на основе принятой Программы воспитательной и социальной работы. Разработке данной программы предшествовало изучение опыта организации патриотического воспитания в вузах Российской Федерации и Донецкой Народной Республике, а также широкое обсуждение среди профессорско-преподавательского состава и студенчества основных направлений

реализации патриотического воспитания в университете. Проведенная работа показала необходимость не только обобщения передового опыта разных образовательных учреждений, но и учета собственных наработок, часть из которых стала результатом студенческой инициативы, осознанием их ответственности за будущее Луганщины [3, с. 54].

Программа описывает основные мероприятия по реализации патриотического воспитания в университете, периоды их проведения и планируемые результаты. Работа по патриотическому воспитанию в вузе реализуется на следующих уровнях: на уровне вуза, института/факультета, кафедры, студенческой группы, что находит свое отражение в конкретных планах и программах.

Данные программы и планы учитывают возможность реализации работы по патриотическому воспитанию, как в рамках учебного процесса, так и посредством различных мероприятиях, проводимых во внеучебное время, что позволило организовать в вузе целостную образовательную среду.

Особе внимание в рамках учебного процесса уделено изучению гуманитарных, социально-экономических и профильных дисциплин, раскрытию в учебном материале историко-культурного, рекреационного, научного, производственно-технологического, экономического потенциала Луганщины и всего Донецкого региона, задач по развитию Республики, роли молодежи и представителей конкретных профессий в их решении. В связи с этим патриотическое воспитание в университете находит свое аспектное отражение в учебно-методическом обеспечении учебных дисциплин, тематике курсовых и выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций, а также при проведении круглых столов, научно-практических конференций, самостоятельной и научно-исследовательской работе студентов.

Так, кандидатом исторических наук, доцентом кафедры истории Отечества Т. Ю. Анпилоговой в 2015–2017 годах были ряд изданий, посвященных истории Луганщины, а именно: наглядное пособие «Выдающиеся деятели Луганщины (комплект портретов для кабинета истории)»; учебно-методические пособия «История в лицах: выдающиеся деятели науки и культуры Луганщины», «Выдающиеся деятели Луганщины», научное издание «Великая отечественная война глазами детей». Данные издания являются дополнительной учебной литературой.

Результатом совместной научно-исследовательской работы студентов и преподавателей стал проект «Образование Луганщины в годы Великой Отечественной войны». В рамках данного проекта было подготовлено и проведено ряд мероприятий просветительской направленности среди школьников ЛНР с целью формирования уважения к истории Луганщины, гражданской позиции, воспитания патриотизма и чувства гордости за свою Родину, приобщения учащихся к изучению истории Великой Отечественной войны.

Напомним, что одним из проявлений патриотизма является патриотическое поведении и патриотическая деятельность, которые носят характер конкретных действий личности, направленных на защиту интересов Родины, ее развитие и благосостояние. В связи с этим в рамках выполнения выпускных квалификационных и магистерских работ студентами целенаправленно исследуются проблемы, связанные с решением актуальных проблем гуманитарного характера и социально-экономического развития Луганской Народной Республики. Необходимо отметить, что ряд исследований студентов нашли свое внедрение на предприятиях и организациях различных сфер народного хозяйства Луганской Народной Республики, сделав небольшой вклад в ее развитие. О широте решаемых студентами проблем можно судить по тематике выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций разных направлений, подготовку которых осуществляет ЛНУ имени Тараса Шевченко. Приведем только некоторые примеры:

– *Культурно-историческое наследие как туристский ресурс Луганского региона* (направление подготовки «Туризм»);

– *Принципы проектирования знаков почтовой оплаты ЛНР с праздничными сюжетами* (направление подготовки «Дизайн»);

– *Товароведная оценка качества и ассортимента ламинированных напольных покрытий, реализуемых на региональном рынке* (направление подготовки «Товароведение»);

– *Зарождение и развитие Луганской народной игрушки* (направление подготовки «Изящные искусства»):

– *Культурное наследие Луганщины в социокультурном пространстве отечественной культуры: история и современность* (направление подготовки «Культурология»);

– *Формирование познавательного интереса у дошкольников на основе изучения особенностей родного края* (направление подготовки «Педагогическое образование»);

*– Ценностные ориентиры молодежи г. Луганска: современное состояние и тенденции развития (*направление подготовки «Социология»);

– История, современность и перспектива региональной прессы Донбасса (на примере «Стахановского знамени») (направление подготовки «Журналистика»).

Особым, интегрирующим направлением патриотического воспитания студентов университета стала краеведческая работа, которая активно ведется в Институте истории, международных отношений и социально-политических наук под руководством кандидата исторических наук, доцента Т. Ю. Анпилоговой. Ею разработана авторская программа «Краеведческая работа как основа формирования гражданственности и патриотизма у студенческой молодежи». Особенностью реализации данной Программы является вовлечение в деятельность патриотической направленности студентов разных специальностей университета и школьников Луганска посредством их участия в работе научно-методического центра «Исторический опыт и практика патриотического детского и молодежного движения». В рамках работы центра отдельно хотим отметить конкурс научно-исследовательских работ учащихся школ и студентов «Улицы моего города», который с 2016 года стал уже традиционным.

Особое место в реализации патриотического воспитания студенческой молодежи занимают творческие конкурсы и спортивные мероприятия (*большинство из которых были инициативой студенчества*), такие как конкурс театрализованной песни «Отчизны верные сыны», литературный конкурс «Любовь к Родине едины», конкурс творческих работ «Мы вместе, мы едины!», военно-спортивная игра «Донбасский характер», мероприятия «Студенческая масленица» и «Пасхальное чудо». Целью последних двух данных мероприятий является не только сохранение народных традиций, но и оказание помощи нуждающимся.

Благотворительность, как социальное явление, тесно связано с любовь к Родине и ее народу, имеет на Донбассе глубокие исторические корни, уходящие в самое начало формирования этого промышленного центра Российской Империи. В связи с этим благотворительность рассматривается преподавателями и студентами университета, как одна из важных национальных традиций, позволяющих не только формировать и развивать духовно-нравственные ценности у молодого поколения, но и способствовать действенному проявлению патриотизма. Поэтому, собранные во время пасхальной ярмарки благотвори-

тельные взносы были направлены в 2017 году детям-инвалидам, в 2018 году – пожилым людям, проживающим в гериатрических центрах ЛНР, и детям-инвалидам с проблемами в опорно-двигательной системе, проживающим на прифронтовых территориях, в 2019 году – студентам университета, имеющие ограниченные возможности здоровья.

Приведенные в учебно-методическом пособии примеры отражают только небольшой спектр работы по реализации различных направлений патриотического воспитания студентов. Однако они в достаточной мере характеризуют возможности образовательной среды вуза по организации разноплановой воспитательной работы и могут послужить ориентирами для всех заинтересованных лиц в развитии системы патриотического воспитания в вузе.

Литература:

1. Горбачёва Д. А. Социализация и патриотическое воспитание учащихся средствами наглядной агитации // Культурная жизнь юга России. 2015. № 2. С. 33 – 36.

2. Патриотическое воспитание в высшем учебном заведении: коллективная монография / под ред. канд. пед. наук, доц. В.О. Зинченко; ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко». Луганск: Книта, 2018. 180 с.

3. Самко М. М. Библиотека и гражданско-патриотическое воспитание молодежи // Известия Нижневолжского агроунивер. комплекса. 2006. № 3. С. 176 – 180.

УДК 81.373.611

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СЛОВ-АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. А. Зюзина
Дагестанский государственный университет,
г.Махачкала

Данная статья посвящена вопросу адаптации слов-англицизмов в русском языке, рассматриваемой на материале лексики из сферы спорта. Рассматриваемые спортивные термины активно ассимилируются в русском языке на уровне словообразовательной системы, что приводит к появлению у них членимости и к образованию на их базе

новых производных слов по достаточно продуктивным словообразовательным моделям языка-реципиента.

Ключевые слова: *русский язык, слова-англицизмы, словообразовательная адаптация, членимость, производность, словообразовательная активность*.

The article is a scientific overview of modern linvo-contact studies on the interaction and mutual influence of unrelated languages. The history of studying language contacts in German-speaking Germanics is analyzed briefly. The emphasis is on causal relationships in the process of contacting German and Turkish in historical retrospect, as well as issues of the formation and functioning of the German-Turkish sociolect in the territory of modern Germany. Some of the changes that have alike are the result of the (mutual)influence of the languages being studied: borrowing, mixing codes, forming and developing new mixed languages.

Keywords: *language, German, Turkish, prepijin, pidgin, idiom, sociolect, contact languages, mixed language, code mixing*

Иноязычные слова, попадая в любой язык, в частности в русский, начинают приспосабливаться к системе принимающего языка на всех уровнях его системы – фонетическом, лексическом, словообразовательном, грамматическом. В результате такой адаптации иноязычное слово становится освоенной языковой единицей.

В данной статье мы коснемся вопроса словообразовательной адаптации слов-англицизмов из сферы спорта, пришедших в русский язык в конце 20 столетия. Об освоенности данных терминов на уровне словообразовательной системы русского языка можно судить по двум моментам: а) по изменению членимости их основы, б) по наличию производных от данных терминов.

Одним из аспектов освоения англицизмов в словообразовательном плане является изменение членимости их основы. Изначально заимствованные как готовые единицы, они начинают распадаться на морфемы в том случае, когда язык целый ряд пополняется целым рядом иноязычных слов, одинаковых в структурном и содержательном отношении.

Так, например, в спортивной терминологии появилось множество названий видов спорта, содержащих компоненты -инг- и -бол-:

пейнтбол – «спортивная игра, в которой участники делятся на две команды и стремятся поразить соперников, стреляя в них специальными красящими шариками» [СлК];

пушбол – «спортивная командная игра в мяч большого диаметра, который пытаются забить в ворота соперника» [СлК];

*гандбол – «*спортивная игра в мяч; игроки соревнующихся команд руками перебрасывают мяч и пытаются забросить его в ворота команды-соперника» [СлК],

картинг – «вид автомобильного спорта – гонки на картах» [СлК];

сноубординг – «зимний вид спорта: скоростной спуск с горы на одной широкой короткой лыже» [СлК],

уотербординг – «вид водного спорта: спортсмен совершает перевороты и акробатические прыжки, стоя на специальной доске и держась за фал, прикрепленный к впереди идущему катеру» [СлК].

Суффикс -инг- имеет значение «вид спорта», а формант -бол- добавляет еще и значение «вид спорта (спортивной игры) с использованием мяча (шара)». Поскольку эти компоненты отличаются повторяемостью и им можно приписать одно и то же значение в составе ряда слов, то они начинают вычленяться как значимые единицы.

Слова-англицизм по степеням членимости являются либо свободно членимыми, либо находящимися на четвертой ступени членимости по шкале, предложенной М.В. Пановым [Панов 1975: 88–93].

Так, например, свободной членимостью обладает слово *каньонинг* «вид спорта: лазанье по каменистым стенкам каньонов и спуск вплавь (без применения лодок, плотов и т. п.) по протекающим в каньонах горным речкам» [СлК], так как оно вступает в двойной ряд соотношений: по корню соотносится со словом *каньон*, а по аффиксу со словами типа *боулинг, дайвинг* и т.д. Примером англицизмов из сферы спорта, находящихся на 4 ступени членимости, являются слова типа *айсинг, дриблинг*, поскольку аффикс в данных словах отличается повторяемостью, а корень является уникальным и вычленяется по остаточному принципу.

Однако следует отметить, что степень членимости одних и тех англицизмов в русском языке может быть разной, что обусловлено целым рядом субъективных факторов. Очевидно, что для владеющих английским языком структура слова будет прозрачной. Прозрачна она и для тех, кто разбирается в спорте и спортивной терминологии.

Если рассматривать вопрос о наличии производных от слов-англицизмов в русском языке, то следует отметить, что спортивные термины-англицизмы очень активно включаются в систему русского словопроизводства. Так, например, от существительных, заимствованных русским языком в большом количестве, образуются агентивы,

т.е. названия лиц, занимающихся профессионально тем видом спорта, который указан в производящей основе:

картинг – картингист,

регби – регбист,

гандбол – гандболист,

ралли – раллист.

При образовании названий спортсменов с помощью суффиксов в основе производного слова происходят морфонологические явления. Например, если основа заканчивается на твердый согласный, то в результате присоединения суффикса *-ист-* происходит чередование твердых и мягких согласных:

гандбол – гандболист,

[л]// [л’]

картинг – картингист.

[г]// [г’]

В результате образования суффиксальным способом названия лица от несклоняемого существительного на *и* происходит такое морфонологическое явление, как наложение (интерференция):

регби +ист → регбист,

ралли + ист → раллист.

От названий мужчин-спортсменов образуются названия лиц женского пола с помощью суффикса *-к-*:

гандболист – гандболистка,

регбист – регбистка,

картингист –картингистка.

Почти от всех существительных-англицизмов образуются относительные прилагательные, имеющие значение «относящийся к тому, что названо мотивирующей основой»:

гандбол – гандбольный,

картинг - картинговый,

пушбол – пушбольный,

сноуборд – сноубордистский,

ралли – раллийный,

регби – регбийный или *регбистский*.

В основном прилагательные образуются суффиксальный способом, при помощи суффиксов *-н-, -ов- (-ев-) , -ск-*.

Прилагательные с суффиксом *-н-* обозначают признак, относящийся к предмету или явлению, названному мотивирующим словом. Они образуются от названий видов спорта. При образовании произ-

водных на стыке суффикса и корня могут происходить морфонологические явления.

Так, например, если основа слова заканчивается на [л], то наблюдается чередование [л]-[л’], например:

гандбол – гандбольный,

пушбол – пушбольный и др.

В прилагательных *регбийный, раллийный,* образованных от несклоняемых существительных *регби* и *ралли*, при присоединении суффикса относительного прилагательного *-н-*, наблюдается интерфиксация, т.е. к основе существительного прибавляется интерфикс *й,* поскольку с помощью суффикса *-н-* образуются прилагательные от основ существительных на согласную.

Прилагательные с суффиксами *-ов- (-ев-)* и *-ск-* означают «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом». В качестве мотивирующих для прилагательных с суффиксом *-ов- (-ев-)* выступают основы неодушевленных существительных, оканчивающихся на твердый согласный. Примеры:

картинг - картинговый,

рейтинг - рейтинговый,

тренинг - тренинговый,

прессинг - прессинговый.

Прилагательные с суффиксом *-ск-* образуются от заимствованных одушевленных существительных – названий спортсменов, например:

спринтер – спринтерский,

стайер – стайерский,

сноубордист – сноубордистский,

регбист – регбистский и т.д.

От названий некоторых спортивных приемов образуются глаголы, обозначающие «проводить, осуществлять тот прием, который назван производящей основой», например: *спарринг – спарринговать, прессинг – прессинговать*.

На базе заимствований-англицизмов образуются сложные слова, которые состоят: а) из англицизма и русской основы: *сноуборд-парк, фристайл-центр, скейт-товары*; б) из двух слов-англицизмов: *байк-шоу, скейт-шоп*.

Все перечисленные выше слова образуются с помощью чистого сложения.

Таким образом, спортивные англицизмы, заимствованные русским языком в 20 веке, достаточно активно адаптируются в языке-реципиенте на словообразовательном уровне, что отражается в появ-

лении членимости их основ, а также в образовании производных по продуктивным словообразовательным моделям русского языка.

Литература:

1. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 1996.

2. Панов М.В. О степенях членимости слова // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

3. СлК - Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008.

УДК 81’322.5

ЭНТРОПИЯ КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. И. ХАРМСА)

А. З. Измайлов,
Институт экономики и антикризисного управления;
И. Ю. Багдасарова,
Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет);
З. Р. Абдуллаева,
Московский институт стали и сплавов,
г. Москва

Авторы предлагаемой статьи рассматривают понятие энтропии в контексте организации языкового пространства литературного произведения. С помощью метода структурно-функционального анализа текста делается попытка выделить основные признаки указанного понятия и способы его достижения, а также установить необходимость его использования и результат воздействия на читателя.

Ключевые слова: *художественный текст, организация языкового пространства, нарушение логической связи, псевдоструктура*.

The given article considers the term “entropy” with reference to the organization of literary text sprachraum. With the help of structure-function text analysis the authors make attempt to single out the main char-

acteristics of the notion and the ways of achieving it as well as the necessity of its application and its influence on a reader.

Key words: *literary text, organization of verbal sprachraum, alogism, pseudostructure*.

Термин «энтропия» берет свое начало в теории информации и означает «меру неопределенности состояния» объекта либо ситуации со «счетным числом» исходов. [1, с. 217]. В нашей статье мы рассматриваем применение данного термина в отношении к художественному тексту. Существует множество определений самого понятия «текст». В нашей работе мы исходим из такого понимания текста, которое рассматривает последний как систему, отвечающую требованиям «лексического, грамматического, логического и стилистического» порядков и реализующей определенную прагматическую установку [1, с. 184]. Некоторые авторы в качестве основополагающей категории художественного текста дополнительно выделяют – категорию времени [2, с.16]. Практическая значимость художественного текста заключается, прежде всего, в его *информативности* для читателя. А поскольку большая степень *энтропии* текста предполагает и большую информативность последнего (под информативностью здесь следует понимать б*о*льшее число вариантов развития событий), то можно предположить, что энтропия может в определенном смысле служить основой для создания особых, замысловатых художественных текстов. Перед автором такого рода текстов стоит достаточно сложная задача кодирования, которая должна быть выполнена таким образом, чтобы задача декодирования оказалась посильной для потенциального читателя [3, с.17].

Особенностью творчества Д. И. Хармса, родоначальника жанра абсурда в литературе, заключается в том, что практически все его произведения построены с нарушением различных лексико-грамматических, стилистических и семантических норм. Отсутствие нормативности и системности в построении художественных текстов Д.И. Хармса, в свою очередь, ведет к увеличению степени энтропии. Один из его рассказов «Рыжий человек» начинается так:

«Жил был рыжий человек, у которого не было глаз и ушей» [9, с.189].

Уже в первом предложении мы видим нарушение логической связи между главным и придаточным предложением, потому что отсутствие глаз и ушей у человека воспринимается читателем неоднозначно. Несмотря на то, что существуют отдельные свидетельства об

анофтальме [4, с.7] или микротии у новорожденных [5, с.242], одновременное отсутствие обоих признаков на лице человека представляется маловероятным, если вообще возможным. Следующее предложение еще больше разрывает логико-семантическую цепочку: *«У него не было и волос, так что рыжим его назвали условно»* [9, с.189]

Число вариантов последующего развития событий увеличивается по мере развертывания текста. Параллельные конструкции с негативной семантикой усиливают динамику хаоса (в противоположность к упорядоченной организации текста). В конце рассказа выясняется полное отсутствие признаков наличия субъекта (рыжего человека) *«Ничего не было»*, что не может не привести к когнитивному диссонансу со стороны неопытного читателя. Более искушенный читатель может спрогнозировать переход к другой линии повествования (например: *Поговорим о чем-нибудь другом*), когда рассказ неожиданно заканчивается: *«Уж лучше мы о нем не будем больше говорить»*. Степень энтропии, хотя и достаточно условная, определяется числом пропозиций с отрицательной семантикой. Кроме того, смысловые нарушения присутствуют и внутри самого предложения. Так, в приведенном предложении остается не вполне понятным использование преференциального наречия *«уж лучше»*. Смысловой разрыв становится еще более очевидным, если мы обратимся к началу рассказа, где утверждается, что человек *«жил-был»*.

Эта неопределенность и незавершенность художественного текста усиливает принципиальные авторские позиции на вымышленность текста, его *фикциальность* [6, с.119] инициируют читателя на использование дополнительных критериев для определения авторского замысла. Так, например, используя *ретроспективный* анализ [6, с.121] данного текста, с учетом особенностей той эпохи, в которой работал автор, можно сделать выводы о наличии весьма тонкой границы между реальной жизнью и состоянием небытия, условности индивидуальных признаков личности, абсурдности существования и т.п. Тем не менее, вопрос о соответствии первоначального авторского образа и образа, сформировавшегося в мозгу читателя под влиянием авторской идеи, остается открытым [7, с.29].

В другом примере, отдельные структурные элементы текста могут быть грамматически и семантически связаны:

«Однажды Орлов объелся толчёным горохом и умер. А Крылов, узнав об этом, тоже умер. А Спиридонов умер сам собой. А жена Спиридонова упала с буфета и тоже умерла. А дети Спиридонова утонули в пруду...» [9, с.195]

При внешней организованности рассказа, усиливаемом наличием повторов и параллельных структур, налицо отсутствие единого семантического ядра повествования, которое вводит читателя в состояние «семантического хаоса» [8, с.15] Обобщающее предложение в конце «*Хорошие люди и не умеют поставить себя на твёрдую ногу»* [9, с.195] создает видимость грамматически оформленного текста, но не способствует пониманию на уровне глубинной структуры.

Этот рассказ, в отличие от первого, внешне более структурирован, имеет логическую последовательность и завершенность. Однако, принимая во внимание разрыв семантических связей на поверхностном уровне, а также, взаимосвязь поверхностной и глубинной структур (последняя определяет мотивацию автора), мы, очевидно, имеем дело с псевдоструктурой. Такой (энтропический) способ организации пространства художественного текста, при котором потенциальному читателю отводится роль соавтора, является не чем иным, как сознательным авторским выбором. В отсутствии внешних логических связей в тексте реципиент вынужден переходить на новый несистемный уровень восприятия, сопоставления отдельных событий и фрагментов текста с объективными и субъективными категориями действительности, что позволит ему приблизиться к первоначальному авторскому замыслу и оценить реалии той эпохи, в которой создавались произведения.

Литература:

1. Баранова Н. А., Николаенко В. П. Особенности глазного протезирования при врожденном анофтальме и микрофтальме // Офтальмологические ведомости. 2018. Т.11. №3. С.6-14.

2. Водяницкий В. Б. Ошибки и осложнения при хирургическом лечении микротии // Здоровье и образование в XXI веке. 2011. Т.13. №5. С. 242

3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007, 144 с.

4. Измайлов А. З. Языковая креативность личности: монография. Смоленск: Изд-во «Смоленская городская типография», 2011. 97 с.

5. Кошевая И. Г., Макарова В. А. Текст в рамках различных типов художественного времени // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. №3. С. 14–19.

6. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: «Искусство – СПБ», 1998. С. 14 – 285

7. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Издательство МПУ “Народный учитель”, 2001. 282 с.

8. Саракаева Э.А. Глоссалия как психолингвистический феномен [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// www.krotov. inf/history/ 20/sara2003.html.

9. Хармс Д. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука классика, 2005. 864 с.

УДК 811.351.42

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ С СОМАТИЗМОМ *КОГ* «НОГА»

Б.Н. Исакова
Чеченский государственный педагогический университет,
г. Грозный

В статье исследуются фразеологические единицы чеченского языка с компонентом метафоризации – соматизм *ког* «нога», выражающий различные эмоционально-психические состояния человека: лень, усталость, страх, унижение и др.

Ключевые слова: *чеченский язык, фразеологические единицы, соматизм ког «нога».*

The article explores the phraseological units of the Chechen language with the component of metaphorization - somatism of the "leg" which expresses various emotional and mental states of the person: laziness, fatigue, fear, humiliation.

Keywords: *Chechen, phraseological units, somatism of the "leg"*

Антропоцентричность наиболее ярко проявляется на фразеологическом уровне языка. В составе фразеологических единиц антропоцентрической направленности большой удельный вес занимают компоненты – соматизмы. Отчасти это можно объяснить тем фактом, что слова, обозначающие части тела, входят в ядро основного состава словарного фонда языка. Широкая представленность соматизмов во фразеологических единицах обусловлена также важностью функций, выполняемых той или иной частью тела. В чеченском языке можно выделить следующие наиболее распространенные в составе фразео-

логических единиц соматизмы: *дог* «сердце», *корта* «голова», *б1аьрг* «глаз», *мотт* «язык», *уьг* «рука», *ог* «нога». Фразеологические единицы, содержащие в своем составе данные соматизмы, составляют 2/3 от общего количества соматических фразеологизмов чеченского языка. Это обусловлено как важностью функций данных частей тела, так и легкостью их метафоризации. Наиболее продуктивным среди перечисленных выше соматизмов является лексема *дог* «сердце». Данная лексема встречается в качестве соматического компонента во фразеологических единицах, репрезентирующих различные эмоционально-психические состояния человека, такие как: страх, печаль, радость, удивление, грусть, тоска и др. Соматизм *дог* «сердце» во фразеологических единицах чеченского языка приобретает метафорические значения, характеризующие как внутренний мир человека, так и интеллектуальный мир человека. В первом значении *дог* «сердце» коррелирует с компонентом *са* «душа», а во втором значении – с компонентом *корта* «голова».

С.М. Хайдаков возводит слово «сердце» к нахско-дагестанскому хронологическому уровню» [4, с. 11]. Во всех нахско-дагестанских языках сердце традиционно считается местом сосредоточения сокровенных мыслей и чувств, например: *дог ахка* «раскрыть сокровенные мысли, чувства», букв. «сердце прорыть»; *дог даккхийдан* «испытывать сильную радость», букв. «сердце радостное» и т.д. Как и многие древние народы, дагестанские и нахские народы считали центром духовной деятельности и мышления не мозг, а сердце [2, с. 56].

Соматизм *ког* «нога» обладает в чеченском языке также большой активностью фразообразования. Поэтому фразеологизмы с соматическим компонентом *ког* «нога» относятся к продуктивным группам соматических фразеологизмов чеченского языка. В «Чеченско-русском фразеологическом словаре» Д.Б. Байсултанова [1] содержится около 50 ФЕ, в составе которых употребляется соматизм *ког* «нога».

Соматические фразеологизмы с компонентом *ког* «нога» применяются для репрезентации таких состояний и качеств, как:

Усталость:

– *когаш т1ехь ца латтавала* «устать от быстрой ходьбы», букв. «ног под собой не чувствовать»;

– *хала когаш т1ехь латтавала* «еле стоять на ногах»;

– *хала когаш т1ехь латта* «едва ноги держат».

Уверенность:

– *кога ирах1отта* «встать на ноги», «улучшить свое материальное положение»;

– *ког хецна ваха* «жить на широкую ногу», «жить в достатке»;

хецна ког «богато, широко, не считаясь с затратами», букв. «на широкую ногу».

Лень:

– *гоьла т1е ког баккха* «бездельничать, ничего не делать», букв. «положить ногу на ногу»;

- *ког меттах ца баккха* «совершенно ничего не делать, не приложить усилий».

Унижение:

– *когашкахь 1илла* «лизать ноги кому-л.», «ползать в ногах у кого-л.», букв. «в ногах валяться».

Удовлетворение:

– *гоьла т1е ког баьккхина* «с чувством внутреннего удовлетворения, довольства», букв. «на колено ногу закинув».

Страх:

– *са когашка хьада* «испытывать страх», букв. «душа в ноги удирать», ср. русск. «душа в пятки ушла».

Проступок:

– *ког шарша* «сделать ошибку в жизни, совершить проступок», букв. «нога скользнуть» и т.д.

Как показывают примеры, в основу формирования фразеологической единицы и ее значения кладется не целостный образ, а лишь «произведенная от образа ассоциация, актуализированная на фоне значения некоторого исходного сочетания, а затем – вычерпанного из него содержания, соотносимого с номинативным замыслом говорящего, заданным в форме некоторого когнитивного состояния сознания» [3, с. 188].

Во фразеологических единицах антропоцентрической направленности наиболее ярко проявляется идиоэтноспецифика быта и культуры народа. Знание фразеологического фонда языка составляет область фоновых знаний, которые позволяют глубже понять психологию и менталитет народа – носителя языка. Поэтому исследования в области фразеологии представляют особый интерес для лингвокультурологии и этнолингвистики.

Литература:

1. Байсултанов Д.Б. Чеченско-русский фразеологический словарь. Изд. 2-е. В трех томах. Том 2. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2016.

2. Магомедханов М. М. Очерки по фразеологии аварского языка. Махачкала, 1972.

3. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1998.

4. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.: Наука, 1973.

УДК 81-26

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ЛАКУНЫ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ В УЗБЕКСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Н. Р. Исматуллаева,
Ташкентский государственный институт востоковедения
Узбекистан, г. Ташкент

В статье анализируется феномен невербальной лакунарности в китайском и узбекском языкахи. В соответствии с лингвокультурологическим анализом, лакуной считается фраза, которая характерна для повседневной, культурной, социальной и исторической жизни определенной народности. В статье анализируется несколько типов лакун: субъективные или национально-психологические, действие-коммуникативные, текстовые, культурные, паралингвистические[1].

Ключевые слова: *феномен лакунарности, фрагмент, узбексикй, китайский, лингвокультурологический*

The article analyzes the phenomenon of non-verbal lacunarity in Chinese and Uzbek languages. According to the linguist's analysis, lacuna is considered a phrase that is characteristic of the daily, cultural, social and historical life of a certain people. The article analyzes several types of lacuna: subjective or national-psychological, action-communicative, textual, cultural, paralinguistic.

Keywords: *phenomenon of lacunarism, fragment, Uzbek, Chinese, lingocultural*

Проявление феномена лакунарности находим в процессе сопоставления в двуязычных, многоязычных словарях. Но есть и средства

[1] Усманова Ш.Р. Таржиманинг лингвомаданий аспектлари (дарслик). – Т.: ТошДШИ, 2017. Б. 148-150.

коммуникации, толкование которых нельзя найти ни в одном словаре. Это и есть паралингвистические, т.е. невербальные лакуны. При сравнении двух разных языковых культур многие невербальные компоненты коммуникации являются лакунарными. Как вербальные лакуны, так и невербальные лакуны можно определить как фрагмент, непонятный и странный для слушателя. Невербальные лакуны, как и вербальные лакуны можно классифицировать на полные и частичные или абсолютные и относительные. Абсолютными (полными) лакунами следует считать такие фрагменты невербального сообщения смысл которых, является абсолютно непонятным и о его значении нельзя догадаться[1].

Китайский ученый Ху Вэньцзун к невербальным коммуникативным средствам относит взгляд, жест, движение тела (пантомима), улыбка, выражение лица (мимика), одевание и макияж, молчание, расстояние между собеседниками, концепция времени и использование пространства[2].

Т. Резникова отмечает, что невербальная информация может в некотором смысле выполнять роль суперсегмента, перекрывая по значимости весь вербальный поток и определяя результат коммуникативного акта[3]. По убеждениям ученых, 70% коммуникаций передается с помощью невербальных средств.

М.Саидханов классифицирует невербальные средства на 3 больших группы:

1. Ритуалы – действия, относящиеся к обычаям, правилам и их комплекс.

2. Формы этикета – правила поведения в процессе коммуникации.

3. Жесты – действия, которые передают определенную информацию во время коммуникационных общений[4]. В соответствии с этой классификацией невербальные лакуны можно также сгруппировать в

---

[1] Глущенко Т.С. Феноменология паралингвистической лакунарности в русской и англо-американской лингвокультурах.// Лакуны в языке и речи (выпуск 1). – Благовещенск: БГПУ, 2003. С. 34-35.

[2] 胡文仲。跨文化交际学概论。– 北京：外语教学与研究出版社，1999。第94页。

[3] Резникова Т.Б. Этнопсихолингвистическая специфика кинесических лакун. // Лакуны в языке и речи (выпуск 1). – Благовещенск: БГПУ, 2003. С. 178.

[4] Саидхонов М.М. Новербал воситалар ва уларнинг ўзбек тилидаги ифодаланиши: филол.фан.номз.дисс. – Тошкент, 1993. Б. 31.

три группы: ритуальные лакуны, этикетные невербальные лакуны и кинесические лакуны.

Известно, что народы мира имеют разные обычаи и традиции, сложившиеся с незапамятных времен. В частности, в китайском и узбекском народностях по религиозным, идеологическим, региональным, климатическим факторам и факторам образа жизни, имеются различия в обычаях и свадебных ритуалах, в церемониях похорон и жертвоприношениях. Различия в ритуалах также способствуют выявлению лакун. К примеру, в узбекских семьях к рождению младенца в 20-дневный период устраивают малую «акика», а к 40-дневному большую «акика», а также «бешик туйи[1] (дословно - празднество колыбели)». Акика – это по мусульманскому обычаю пир в честь рождения "нового гостя". А в Китае празднуют семейные торжества на 30-й и 100-й день рождения ребенка. Итак, хотя и есть различия в культуре двух народов по дням проведения торжества в честь ребёнка, но у китайцев нет ни ритуала, ни понятия «празднество колыбели». Поэтому «бешик туйи» – это ритуальная лакуна на фоне китайской культуры.

Когда идёт речь об этикетных невербальных лакунах, в ряде китайских источниках[2] отмечается, что китайцы не «выражают свою печаль и радость внешне» и это считается выражением дисциплины и хорошим тоном поведения. Выражение лица у китайцев сильно отличается от других народов. Во время разговора с китайцами такие действия как покачивание головой, надувание губ, движение бровями, хмурость, вытаращивать глаза и т.д. встречаются реже, чем у европейцев. Также абсолютно не существует движение плечом для коммуникативных целей. Китайцы всегда контролируют свои чувства перед обычными знакомыми лицами. Это часто приводит к незнанию и непониманию представителями других народов о чём думают китайцы. Но европейцев, чьи самые сокровенные чувства полностью выражены внешне, китайцы иногда считают чрезмерно бесцеремонными. По свойству, если китаец не говорит и демонстрирует признаки молчания, или же проявление легкой хмурости на лице, это означает про-

[1] Бешик (колыбель) - это четырехногое устройство, предназначенное для того, чтобы пеленать и качать ребенка. Бешик туйи – празднество по случаю того, что младенца впервые укладывают в колыбель. [Ўзбек тилининг изоҳли луғати (Толковый словарь узбекского языка). – Москва: «Русский язык», 1981. С. 108.]

[2] 吴晓露。说汉语 谈文化。- 北京： 北京语言文化大学出版社， 2002。第332页。

тест, которое выражается гораздо сильнее, чем может себе представить представитель другого народа.

Замечено, что восточные народы, включая узбекский народ, имеют общие культурные связи. Т. Резникова утверждает, что понимание (познание) и природных, и функциональных качеств культурных предметов носителей близких культур, особенно принадлежащих к одному культурному ареалу, не представляет трудностей[1].

Поскольку в Китае существуют некоторые традиционные табу в коммуникации между посторонними мужчинами и женщинами, телесная связь между ними строго ограничена. В редких случаях можно наблюдать рукопожатия[2]. Такая коммуникативная ситуация тождественна на поведении других восточных культур. Особенно, по правилам узбекской этики, при общении такие принятые действия как опускать взгляд, молчание, сдержанность в выражении лица, иногда приложение руки к груди, все это может неправильно истолковываться представителями других народов в процессе коммуникации. Также возможно, что такие действия могут быть частично понятны другим культурам.

По сведениям Т.Глущенко, частичные, или относительные, невербальные лакуны по аналогии с вербальными можно рассматривать как кинемы, о значении которых реципиент может догадаться, но не полностью уверен в своем предположении[3].

М.Саидханов, также классифицирует жесты, которые являются невербальными средствами, на сомакинесические, мимические и пантомимические невербальные средства[4]. Проявление сомакинесических лакун в китайской и узбекской лингвокультурологии может быть проиллюстрирована некоторыми примерами, как указание первых личных местоимений единственного числа «я» и множественного числа «мы». Китайцы при констатировании понятия «я», указательным пальцем указывают на свой нос, в то время как узбеки ударят руку в грудь лёгким движением. Чтобы показать на «мы», китайцы ука-

---

[1] Резникова Т.Б. Этнопсихолингвистическая специфика кинесических лакун. // Лакуны в языке и речи (выпуск 1). – Благовещенск: БГПУ, 2003. С. 180.

[2] 吴晓露。说汉语 谈文化。- 北京： 北京语言文化大学出版社， 2002。第333页。

[3] Глущенко Т.С. Феноменология паралингвистической лакунарности в русской и англо-американской лингвокультурах.// Лакуны в языке и речи (выпуск 1). – Благовещенск: БГПУ, 2003. С. 36.

[4] Саидхонов М.М. Новербал воситалар ва уларнинг ўзбек тилидаги ифодаланиши: филол.фан.номз.дисс. – Тошкент, 1993. Б. 68.

зательным пальцем начиная с себя рисуют фигуру круг в воздухе. У узбеков нет особой формы жеста для выражения этой концепции.

В китайской системе счета посредством жестов после числа «пять» методы счёта отличается от узбекской системы. Семантика жестов чисел с «шести» до «десяти» абсолютно не существует в узбекском познании счёта. В этом случае возникающие лакуны можно рассматривать как частичные или относительные лакуны.

В заключении можно отметить что, невербальные средства играют важную роль в межкультурной коммуникации. В результате кросс-культурного сравнительного исследования были выделены три группы невербалных лакун: ритуальные лакуны, этикетные невербальные лакуны и кинесические лакуны. Также по измерениям понимании и познании другими культурами различены полные или абсолютные невербальные лакуны и частичные или относительные невербальные лакуны.

Литература:

1. Глущенко Т. С. Феноменология паралингвистической лакунарности в русской и англо-американской лингвокультурах // Лакуны в языке и речи (выпуск 1). Благовещенск: БГПУ, 2003.
2. Резникова Т. Б. Этнопсихолингвистическая специфика кинесических лакун. // Лакуны в языке и речи (выпуск 1). Благовещенск: БГПУ, 2003.
3. Саидхонов М. М. Новербал воситалар ва уларнинг ўзбек тилидаги ифодаланиши: филол.фан.номз.дисс. Тошкент, 1993.
4. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Москва: «Русский язык», 1981.
5. Усманова Ш.Р. Таржиманинг лингвомаданий аспектлари (дарслик). Т.: ТошДШИ, 2017.
6. 胡文仲。跨文化交际学概论。–
北京：外语教学与研究出版社，1999。
7. 吴晓露。说汉语 谈文化。- 北京： 北京语言文化大学出版社，2002。
8. 现代汉语词典（第5版）。– 北京：商务印书馆，2005。

УДК 811.35

К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ РОДСТВА ЮГО-ЗАПАДНЫХ ЯЗЫКОВ ЛЕЗГИНСКОЙ ПОДГРУППЫ

М. О. Ибрагимова
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
ДФИЦ РАН,
г. Махачкала

В статье верифицируется родство юго-западных языков лезгинской подгруппы. Исследователи рассматривают цахурский и рутульский языки в единой цахурско-рутульской ветви, а крызский и будухский – в шахдагской ветви. Лексикостатистические методы применительно к уточнению филогенетической классификации западнолезгинских и южнолезгинских языков остаются открытыми.

Ключевые слова: *цахурский, крызский, будухский, автономные группы, генетическая общность*

The article verifies the kinship of the southwestern languages of the Lezgin subgroup. Researchers consider the Tsahur and Rutul languages in a single Tsahur-Rutul branch, and kryzando and Boudha in the Shahdag branch. Lexicostatistical methods in relation to the refinement of the phylogenetic classification of the West Lezgin and South Lezgin languages remain open.

Keywords: *Tsahur, Kryz, Boudha, autonomous groups, genetic community*

В нахско-дагестанском языкознании не достигнут научный консенсус о степени родства языков рутульско-цахурской общности (рутульского и цахурского) и шахдагских языков (крызского и будухского). Исследователи либо рассматривают их в составе юго-западной группы лезгинской ветви нахско-дагестанских языков, либо выделяют в две автономные группы.

Г. А. Климов объединяет цахурский и рутульский языки в единую цахурско-рутульскую ветвь, а крызский и будухский – в шахдагскую ветвь [1986: 82].

В качестве объединяющего лезгинские языки в монографии Е. Ф. Джейранишвили применен термин «йихъийско-албанские или албано-йихъиские языки» [1983. Т. I: 286-287], который Г. Х. Ибрагимовым используется в отношении четырех языков лезгинской группы:

«Генетическая общность цахурского, рутульского, крызского и будухского языков, исторически локальной подгруппы юго-западного (в дальнейшем йикийско-албанского) ареала лезгинских языков, систематически прослеживается на всех уровнях». [Ибрагимов, 1987: 138].

С. М. Хайдаков относит к двум автономным «подгруппам» рутульский и цахурский языки, с одной стороны, и крызский и будухский – с другой стороны [1904: 118]. Факт наличия четырехклассной системы во всех южно- и западнолезгинских языках, по мнению С. М. Хайдакова, не верифицирует их близкое родство: «Имеются веские основания утверждать, что наличие или отсутствие именных классов в языках не обусловлено степенью генетического родства их между собой, т.е. не обусловлено принадлежностью их к той иной подгруппе…» [1904: 119].

М. Е. Алексеев полагает, что «... основания для выделения особой группировки, объединяющей рутульско-цахурскую и шахдагскую подгруппы» менее убедительны» [1984: 93]. Природа отдельных изоглосс, объединяющих рутульский и шахдагские языки (в частности «инновационный» маркер эргатива *-р* в трёх языках), признана им контактной с учетом соседства ареала общего расселения носителей борчинско-хновского диалекта рутульского языка и носителей крызского и будухского языков. Основанием для подобного рода выводов послужили лексикостатистические данные, полученные при сравнении стословных списков лезгинских языков. Процент совпадений исследуемых языков представлен в следующем фрагменте таблицы [1984: 91]:

	цахурский	крызский	будухский
рутульский	50	41	42
цахурский		38	36
крызский			63

В статье А.С. Касьяна «К формальной генеалогической классификации лезгинских языков (Северный Кавказ)» применение пяти лексикостатистических методов привело к различным результатам: а) три метода (модифицированный метод ближайших соседей, стандартный метод ближайших соседей, а также метод невзвешенной максимальной бережливости) указывают на первое отделение западнолезгинской группы и последующее деление на южнолезгинскую и восточнолезгинскую группы; б) метод попарного внутригруппового невзвешенного среднего указывает на первое отделение южнолезгин-

ской группы; в) метод Монте-Карло с цепями Маркова указывает на первое отделение восточнолезгинской группы.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что формальные аргументы, полученные А. С. Касьяном с использованием лексикостатистических методов применительно к уточнению филогенетической классификации западнолезгинских и южнолезгинских языков, также оказались противоречивыми, а вопрос определения степени родства языков рутульско-цахурской языковой общности и шахдагских (бабадагских) языков остается открытым.

Литература:

1. Алексеев М. Е. К вопросу о классификации лезгинских языков // Вопросы языкознания, 1984, № 5. С. 88-94.

2. Джейранишвили Е. Ф. Цахский и мухадский языки. Т. 1. Фонетика. Тбилиси, 1984.

3. Ибрагимов Г. Х. Общности в склонении имен существительных в цахурском, рутульском, крызском и будухском языках// Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала, 1987. С. 138-147.

4. Касьян А. С. К формальной генеалогической классификации лезгинских языков (Северный Кавказ)// Вестник РГГУ: Серия «Филологические науки. Языкознание»: Вопросы языкового родства [Journal of Language Relation-ship], № 11, 2014. С. 63-80.

5. Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986.

6.Хайдаков С. М. Принципы именной классификации в дагестанских языках. М., Наука. 1980.

УДК 81-21

NAMES AND USES OF WILD LEAFY VEGETABLES IN SHIRI, DAGHESTAN

I. Kaliszewska,
Институт этнологии и культурной антропологии
Варшавского университета
Польша, г. Варшава

В статье обсуждается аспект коммуникационной лингвистики с дифференциацией фитонимии. На материале фитонимической лексики даргинского села Шири, расположенного в Дахадаевском районе

Республики Дагестан, автор анализирует контент лексической терминологии и дифференцирует наименования даргинского языка с профессиональным стандартом «фитоним*овощ».

Ключевые слова: *село Шири, Дагестан, фитоним, лексика, термин, даргинский язык*

Shiri is a small mountainous village in Dakhadaevski Region in the Republic of Daghestan. The article discusses the aspect of communication linguistics with the differentiation of phytonimy. On the material of the phytonymic vocabulary of the Dargin village of Shiri, located in the Dakhadaev district of the Republic of Dagestan, the author analyzes the contents of lexical terminology and differentiates the name of the Dargin language «phytonym*vegetable».

Various species of wild leafy vegetables are collected in Shiri and there are still many social and cultural practices connected with plant collection in the village. Yet due to migration processes, local knowledge about wild greens and their uses is being slowly forgotten or not passed on.

The Shiri language is highly endangered and so are the local plant terminologies and classifications. I explore what wild leafy vegetables are collected in this part of Daghestan and how the relation between plants and people is shaped in this linguistically and culturally diverse context.

УДК 821.161.1

«ДОЖДЬ В ПАРИЖЕ» РОМАНА СЕНЧИНА: РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ АВТОРЕ И ГЕРОЕ

Д. Ф. Керимова,
С. А. Абдуллаев,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

В настоящей статье сделана попытка проанализировать новый роман писателя Р. Сенчина «Дождь в Париже». Автор останавливается на рассмотрении некоторых структурно-семантических характеристик текста, а также личности главного героя Андрея Топкина.

Ключевые слова: *Роман Сенчин, «Дождь в Париже», историзм, ретроспекция, рефлексия.*

This article attempts to analyze the new novel by the writer R. Senchin “Rain in Paris”. The author stops at the consideration of some structural and semantic characteristics of the text, as well as the personality of the main character Andrey Topkin.

Key words: *Roman Senchin, «Rain in Paris», historicism, retrospection, reflection.*

Современная русская литература – явление довольно интересное и неоднозначное. У нее много поклонников и порицателей. Среди последних – писатель Анатолий Королёв, который опубликовал своего рода «некролог» прозе наших дней в журнале «Знамя»: «Основные черты новых текстов: ирония вплоть до издёвки, уход от традиций, отказ от диалога с идеалом и гуманизмом, скепсис по отношению к ходу истории» [2].

Лидером в поколении нынешних молодых прозаиков и «одним из самых спорных современных писателей» [5], считается Роман Сенчин – российский писатель, литературный критик, вокалист групп «Гаражная мелодика» и «Свободные радикалы», каждая публикация жёстких, построенных на современном жизненном материале произведений которого вызывает горячие споры среди критиков самых разных направлений.

Вячеслав Калмыков, давший обзор 50 самых ярких дебютов в прозе начала третьего тысячелетия, включил в него Сенчина наряду с Сергеем Шаргуновым, Ильей Кочергиным, Анной Козловой и Ильей Стоговым. Он же отметил необыкновенную независимость характера автора. Действительно, в конце 1990-х начинающий Сенчин одновременно отдал несколько своих рассказов в главный патриотический журнал России «Наш современник» и пару повестей ультрадемократическому «Знамени». Явление для литературного мира невообразимое! Однако сам Сенчин никак не прокомментировал это, будучи, возможно, убеждён в том, что «литература – дело одинокое, а все эти гражданские войны раздувают те, кто уже или полностью исписался или переживает творческий кризис» [1].

Практически в каждом тексте находят отражение факты биографии автора (жизнь в Туве, работа в Минусинске, увлечение музыкой и т.д.). «Дождь в Париже» – первая крупная вещь Романа Сенчина, вышедшая после «Елтышевых» и «Зоны затопления» – книг, которые вошли в шорт-листы литературных премий «Большая книга», «Русский Букер», «Ясная Поляна», «Национальный бестселлер» и «Русский Букер десятилетия».

Главный герой Андрей Топкин – сорокалетний мужчина, за плечами которого три неудавшихся брака и профессиональная нереализованность. Последний разлад в семье реанимирует детскую мечту героя – побывать в Париже. Недельный тур с прилагающимися экскурсиями оборачивается алкогольными возлияниями в одиночестве в гостиничном номере и мемуаризацией жизни.

Весь роман построен как своеобразная ретроспекция. Герой вспоминает свое детство, юность, отрочество – странствует по всем своим «университетам». Примечательно, что картины жизни Топкина разворачиваются на фоне исторических событий, происходящих в городе, стране, мире. Глазами подростка наблюдаем распад СССР, межнациональные конфликты между русскими и тувинцами, рождение первых кассовых кинолент и музыкальных групп и т.д.

«О-о-о шанз элизе…» – песня из детства, которая звучит в доме еще мальчишки Андрея. Именно тогда мать, большая поклонница красот Парижа, называет его лучшим на Земле. Его родной Кызыл тоже лучший, «но по-другому» [3], – ответит на вопрос маленького Андрюши папа. Так и закрепятся в романтическом сознании Топкина два города: реальный, родной, который невозможно покинуть, и город-мечта.

Страх «исчезнуть, погибнуть где-то в огромной стране» [3] не дает Топкину уехать из Кызыла, порой даже ценой семьи. Первая потеря случается в 1993 г., когда родители с сестрой переезжают в Эстонию. Девятнадцатилетний Андрей категорически отказывается ехать с ними. Позже, когда он поедет с женой и сыном в гости к родным, он поймет, что стремление приспособиться (эстонский акцент, смена имен) лишило его семью русской идентичности. Вторая глобальная потеря произойдет через 20 лет, когда разобьется вдребезги его третий брак: Алина с сыном Даней уедут в город Бобров в Воронежской области. Они сбегут от проблем, но, как обнаружится после, совсем рядом начнется настоящая война, и шурин героя добровольцем отправится в ЛНР.

Топкина нельзя назвать фанатичным патриотом своей малой родины. Его привязанность напоминает скорее борьбу с пустотой, которую подробно описал Виктор Пелевин. Пелевинский герой Петр Пустота – поэт-декадент, находящийся в двух временных отрезках. Если в революционном Петрограде он сподвижник Василия Чапаева, который отправляется на фронт Гражданской войны, то в современной России он человек психически нездоровый, помещенный в медицинское учреждение для душевнобольных. Андрей (типичный сенчинов-

ский персонаж, на первый взгляд) тоже живет двумя измерениями. В настоящем – он банкрот, ничего не добившийся, но многое растерявший. Возможно, для поддержания интереса к жизни он и обращается к прошлому, которое наполнено людьми, событиями, памятными вещами. Своеобразная каталогизация знаковых для поколения символов и предметов недавнего прошлого больше всего касается 80-х: школьные дискотеки, войны кварталов, магнитофоны, брейк-данс, группа «Мираж», запрещенные «Доктор Живаго» и «Чевенгур», штаны-бананы, видеосалоны и бражка по собственной рецептуре.

В своих воспоминаниях герой Сенчина рассуждает о природе бунтарства, роке и переменах, которых требовали сердца фанатов группы «Кино». Особенно памятны Топкину песни группы «Мираж» из альбома «Звёзды нас ждут сегодня»: «В восемьдесят восьмом для четырнадцатилетних-семнадцатилетних девчонок это был самый настоящий призыв к бунту». Там звучал вызов: «Я буду жить только так, как хочу»» [3]. Это, как кажется герою, и привило тогдашней молодежи чувство недооцененности в своей среде и родило желание поскорее из нее вырваться.

Неоднозначно воспринимается перестройка: «С одной стороны, повеяло свежестью, бодростью и желанием жить как-то осмысленней, плодотворней, а с другой – не очень-то милый, но привычный мир стал рушиться» [3]. За миражами пошла жуткая реальность: межнациональные конфликты, которые рвали в клочья тело некогда единой страны. Так было в Туве. В этом герой Сечина близок пастернаковскому Юрию Живаго, отношение к революции которого меняется от ее восприятия как «великолепной хирургии» до жестокой стихии, уносящей невинные жизни, разбивающей судьбы и разрушающей нравственные нормы.

Писатель Павел Басинский так отозвался о новой книге Романа Сенчина: ««Дождь в Париже» при всех вроде бытовых и «низменных» деталях этого романа – необыкновенно изящная вещь. И при всем довольно остром социально-политическом содержании её – вещь философская… Этот роман можно перечитывать, открывая там новые грани и подтексты. А можно просто прочитать с грустной улыбкой: еще один русский был в Париже и не увидел ничего, думая только о своей родине. А почему? А потому что в Париже был, разумеется, дождь» [4].

Удивительно, но топос, вынесенный в заглавие, не просто не становится самостоятельным героем, как это часто случается в литературе (вспомнить хотя бы Достоевского, Гоголя и Белого), но и фоном

даже. Если говорить о функционале, то город мечты героя становится скорее ноотропом, вызывающим непреодолимое желание вспомнить то время, когда герой по-настоящему жил. Возможно, хотя бы ради этого стоило увидеть Париж…

Литература:

1. Калмыков В. 50 самых ярких дебютов в прозе начала третьего тысячелетия // Литературная Россия, 25.03.2005.
2. Королев А. Стена с глазами. Заметки о злоключениях постмодерна из первых рук // Знамя. – 2016. – № 12.
3. Сенчин Р. Дождь в Париже. – ЛитРес, 2018.
4. Скрипко В. Возвращение к язычеству. О новом романе Сенчина «Дождь в Париже» // День литературы, 08.06.2018.
5. Чупринин С. Всё о Сенчине. В лабиринте критики // Литературная Россия, 23.02.2015.

УДК 811. 35

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ СПОСОБЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА

З. Х. Киева,
Ингушский научно-исследовательский
институт им. Ч. Э. Ахриева,
г. Магас

В статье рассматривается лексико-семантический способ образования лингвистических терминов ингушского языка (появление новых слов в результате изменений в значении уже существующих в ингушском языке слов). Исследование лингвистической терминологии ингушского языка показывает, что процесс ее становления за счет внутренних ресурсов развивается в двух основных направлениях: 1) использование общеупотребительных слов в новом терминологическом значении; 2) смысловой перевод и описание значений терминов русского языка (калькирование).

Ключевые слова: *лингвистическая терминология, терминообразование, лексико-семантический способ, ингушский язык*.

The article examines the lexico-semantic way of forming linguistic terms of the Ingush language (the emergence of new words as a result of

changes in the meaning of words already existing in The Ingush). The study of linguistic terminology of the Ingush language shows that the process of its formation at the expense of internal resources develops in two main directions: 1) the use of common words in the new terminological meaning; 2) a semantic translation and description of the meanings of the terms of the Russian language (calcation).

Keywords: linguistic terminology, terminology, lexico-semantic method, Ingush language

Лингвистическая терминология, представляющая различные области языкознания, является неотъемлемой частью лексики современного ингушского литературного языка и представляет собой особый пласт лексики. Лингвистические термины образуются в языке посредством тех же способов, что и единицы других лексико-семантических подсистем языка.

В образовании лингвистических терминов ингушского языка широко используются как его внутренние ресурсы, так и внешние источники. Первый источник – собственный словарный состав и словообразующие возможности ингушского языка, второй – это русский язык и интернациональная лексика, вошедшая в ингушский язык посредством русского языка.

Исследование лингвистической системы ингушского языка показывает, что процесс ее становления за счет внутренних ресурсов развивается в двух основных направлениях: 1) использование общеупотребительных слов в новом терминологическом значении; 2) смысловой перевод и описание значений терминов русского языка (калькирование). В рамках этих двух направлений реализуются различные словообразовательные типы, отражающие специфические особенности лексико-грамматической системы ингушского языка.

В лингвистической терминологии ингушского языка с диахронической точки зрения одним из характерных способов образования терминов можно признать лексико-семантический. Сущность данного приема заключается в том, что слова общеупотребительного языка используются как термины и приобретают новое значение или изменяют прежнее [8, с. 256; 2, с. 124-129].

«Семантический способ создания термина (семантическое терминообразование) – это появление у лексической единицы определенного естественного языка специального значения, которое является понятием в системе понятий определенной специальной области знаний или деятельности» [5, с. 31]. В связи с этим академик В.В. Ви-

нограда указывал: «Между словарем науки и словарем быта – прямая и тесная связь». Эта связь носит двусторонний характер: специальная лексика пополняется за счет слов общеупотребительных, ибо многие термины образуются путем использования уже существующих в языке слов на основе развития нового значения, и, наоборот, терминологическая лексика обогащает литературный язык [1, с. 24].

В ингушском языке при таком способе терминообразования одна из семем исходной лексемы отделяется в самостоятельную словарную дефиницию, сохраняя при этом фонетический облик основного слова: *маьже* ‘часть тела’ (исходное значение) – *маьже* ‘член предложения’ (лингвистический термин), *лард* ‘фундамент, основа чего-либо’ (исходное значение) – *лард* ‘основа слова’ (лингвистический термин).

Приведенные примеры представляют собой общеупотребительную лексику ингушского языка. В результате семантического переосмысления данные лексемы перешли в разряд лингвистических терминов. Чем больше информации, совпадающей со свойствами нового познаваемого объекта содержится в существующем значении слова, тем выше вероятность избрания данного слова в качестве термина для обозначения именуемого объекта.

В исследованиях лингвистов представлены различные точки зрения, обосновывающие деривационные процессы трансформации отдельных значений полисемных слов в лингвистические термины, и поэтому одним из способов пополнения словарного фонда языка, по мнению большинства лингвистов, можно признать семантическую деривацию и//или лексикализацию [3, с. 30; 1, с. 24].

Лексико-семантический способ заключает в себя следующие основные направления: 1) терминологизацию общеупотребительных слов; 2) специализацию значений слов; 3) расширение значений слов.

В современном ингушском языке на базе указанных направлений и возникло значительное количество лингвистических терминов. Следует отметить, что процесс превращения слов общего фонда в термины зависит от заложенных в языке возможностей пересемантизации слов – метафоризации, метонимизации, сужения и расширения значения, т.е. от семантического переоформления, а иногда и перераспределения значений между лексемами.

Иными словами, в лингвистической терминосистеме ингушского языка некоторые термины, возникшие на базе обычных слов, обязаны своим происхождением метафорическому переосмыслению: *юхь* ‘лицо’, *чаккхе* ‘окончание’, *лард* ‘основа’, *кеп* ‘вид’, *ма1ан* ‘значение’, *ха* ‘время’. Данные термины, как было указано выше, возникли на базе

обычных слов посредством приобретения новых семем или переосмысления полисемных. Соответственно, новые образования включаются и в новые дистрибутивные возможности.

Таким образом, семантическая деривация, как способ номинации, содержит анализ созданных этим способом единиц терминологической лексики, которые являются результатом деривации значения внутри одной и той же языковой формы. Происходит данная деривация значений путем применения старых, известных в языке слов в новом значении. Деривация осуществляется на базе прямого и косвенного переноса наименований. При семантической деривации в языке новое слово не появляется, так как деривация значения происходит внутри одного и того же слова [4, с. 58]. А.А. Реформатский это явление объясняет тем, что «слова как названия могут легко переходить с одной вещи на другую или на какой-либо признак этой вещи, или на ее часть» [6, с. 81].

Согласно концепции Е.И. Чупилиной, лингвистический термин и бытовое слово с тем же значением характеризуются «различиями в семантических и структурных факторах контекста, что говорит о самостоятельности терминологического значения» [7, с. 32-34].

Словоформа *т1адам* в ингушском языке первоначально имела значение ‘капля’. Впоследствии в результате метафорического переноса данная лексема приобрела семантику пунктуационного знака ‘точка’. Другая форма *лаг1а*, имевшая базовое значение ‘ступенька’, в результате семантической метафоризации трансформировалась в лингвистический термин ‘степень’. В результате метафоры по форме в ингушском языке возник термин *такилг* ‘тире’, основой для которого явилась лексема *такилг* ‘тропинка’.

В современном ингушском языке словоформа *мотт* ‘язык’ полисемная: прямым значением ее является ‘биологический орган живого организма’: *бежан мотт* ‘коровий язык’; переносным – ‘орган речи’, т.е. данная словоформа в лингвистической литературе употребляется как термин в следующем значении: «система звуковых, словарных и грамматических средств, являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе»: *г1алг1ай мотт* ‘ингушский язык’, *йоазон мотт* ‘письменный язык’, *1илманхочун мотт* ‘язык исследователя’.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно заключить, что в большинстве случаев основой для возникновения лингвистических терминов в ингушском языке является, прежде всего, исконный пласт лексики с соответствующей знаковой отнесенностью. Термины,

пополнившие словарный состав языка, благодаря новым синтагматическим возможностям, порождают в свою очередь новые слова или словосочетания с определяющими словами и тем самым способствуют дальнейшему обогащению словарного фонда ингушского языка.

Термины, образованные с помощью лексико-семантического способа, составляют ядро лингвистической терминологии и отличаются высокой частотой употребления, являются базовыми для других терминов данной терминологии.

Литература:

1. Виноградов В.В. Вступительное слово // Вопросы терминологии. Материалы Всесоюзного терминологического совещания. – М., 1961.
2. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. – М, 2008.
3. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М., 1977.
4. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: семантика производных слов. – М., 1981.
5. Лейчик В.М. Предмет, методы и структура терминоведения: Автореф. дис … докт. филол. наук. – М., 1989.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М., 2008.
7. Чупилина Е.И. Соотношение терминологических вариантов многозначных слов и их типовых контекстов (на материале английской медицинской терминологии) // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1971.
8. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 2005.

УДК 81-26

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.В. Кон
Республика Узбекистан,
г. Ташкент

В статье анализируется концепт «личные местоимения как синтаксическая конструкция высказывания». Семантика личных место-

имений, реализующаяся в контексте или в определенном коммуникативном акте, имеет стилистически ориентированную функцию.

Ключевые слова: *модальность, залоговость, личные местоимения, семантика*

The article analyzes the concept of "personal pronouns as a syntax statement design." The semantics of personal pronouns, which is implemented in context or in a certain communicative act, has a stylistically oriented function.

Keywords*: modality, collateral, personal pronouns, semantics*

Личные местоимения, по мнению целого ряда, являются средством выражения семантики персональности, модальности и залоговости. Выбор лексико-грамматических средств передачи семантики личных местоимений 1-го и 2-го лица предопределён как лингвистическими, так и социальными факторами, проецирующими коммуникативно-прагматические интенции участников коммуникации. Функциональная триада «я – ты – он» в совокупности с бинарной категорией числа обладает богатым семантическим спектром. Категория лица непосредственно взаимодействует с категорией числа, и в некоторых грамматических исследованиях в глаголе выделяется как двуединая категория лица – числа [2, с. 269].

Формы «я» и «ты» служат для идентификации говорящего и слушающего. В языке художественного произведения функциональное взаимодействие данных форм может использоваться с целью актуализации изобразительных приёмов отстранения/сближения образа автора с читателем. Например: эффект отстранения «ты» в функции «я»: «Человек обидел тебя, ты рассердился на него и, разумеется, сдержался, не обидел его. И что ж? В сердце у тебя злоба, и ты не можешь относится к этому человеку добро.... Вчера (я) испытал это...» (Л.Толстой).

Подобный же случай словоупотребления даёт диаметрально противоположный эффект «сближения» или «присутствия»: «Запоздаешь, бывало, на прогулке, отстанешь от других, идёшь одна, спешишь, - жутко! Сама дрожишь как лист... Утром встанешь свежа, как цветочек» (Ф.Достоевский). Или: «Иногда просто не знаешь, как поступить. То, се... беда-с! Просто совсем в тупик приходишь...» (И.Тургенев)

Содержание "вы" отличается простотой значения и устойчивостью словоупотребления, может включать кроме конкретного адреса-

та как другие определенные лица, так и неопределённо-обобщённое множество референтов (ты + они). Кроме того, здесь также возможны два варианта: «вы может включать нескольких собеседников (ты + ты + ты...), или же собеседника и одного или нескольких неучастников речевого акта (ты + он / они)» [1, с. 14].

Например: «В остроге было иногда так, что знаешь человека несколько лет и думаешь про него, что это зверь, а не человек, презираешь его. И вдруг приходит случайная минута, в которую душа его... открывается наружу, и вы видите в ней такое богатство... что у вас как бы глаза открываются, и в первую минуту даже не верится тому, что вы сами увидели и услышали». Или: «Ах, когда б вы знали, как тоскуется, когда вас раз сто в теченье дня на ходу на сходствах ловит улица!» (Б.Пастернак)

Формам "мы" и "вы" оппозиционирует форма "они", представляющая множество однородных референтов. Употребление формы «они» в значении «он» характеризуется признаками устарелости, узкой отнесенности к описаниям архаичного деревенского или мещанского быта, социальной ограниченности, связанной с преувеличением почтения или подобострастия. В современной речи такое употребление, скорее всего, может встретиться лишь в контексте шутки или иронии.

Разнообразные эмоционально-экспрессивные оттенки прагматического отношения к лицу, о котором идёт речь, отражаются и в художественной литературе девятнадцатого века. Ср., например: «Петров. Уж Целестин Мечиславич всегда что-нибудь к ущербу придумают!» (М. Салтыков-Щедрин). В других случаях говорящий дистанцируется от адресата по причине, того, что адресат может превосходить его в чем-либо. Например: «Вскоре в обращении Дуси со мной я ощутила снисходительность... говорили со мной добродушно, но свысока» (Н.Ильина); «Варя задумалась. Я торжествовал. Меня, значит, уважали, коли задумались» (А.Чехов).

Прямо противоположные случаи функционирования местоимения «он» в значении «они» могут встречаться в роли художественно-изобразительного приёма, обладающего большой силой обобщения явлений действительности. Например: Слушайте, я намерена здесь открыть переплетную...- Эх, Marie, у нас и книг-то не читают, да и нет их совсем. Да и станет он книгу переплетать? – Кто он? - Здешний читатель и здешний житель вообще. – Ну так и говорите яснее, а то: он, а кто он неизвестно. Грамматики не знаете. – Это в духе языка, Marie,- пробормотал Шатов» (Ф.Достоевский).

Прагматические возможности форм лица актуализируются в различных моделях словоупотребления. К примеру, в формах 1-го лица мн. числа раскрывается широкий потенциал прагматических нюансов. Содержание "мы" включает "я + ты", "я + вы", "я + он", "я + они". Например:

1) величественно-монархическое «мы»: «Божиею поспешествующею милостию, Мы, Император и Самодержец Всероссийский...»;

2) риторическая форма «мы» как специальный прием автора, направленный на то, чтобы не выделять себя из числа своих читателей (или слушателей), напр.: Как мы уже говорили раньше.. Как нам кажется.., Мы уже обращали внимание на то... и т.п.

3) докторское «мы» в вопросе «Как мы себя чувствуем?» с «этикетным» значением «участливой совокупности», с возможным шутливо-ироническим подтекстом: «Ага, - услышала я голос Расщепея, - то-то! Можем, если захотим. Смотрите, чтобы и дальше так...» (Л. Кассиль) «Отлично! Мы, кажется, улыбаемся! Будьте здоровы, соблаговолите ещё раз улыбнуться!»

4) учительское «мы», как бы приобщающее педагога к миру ребёнка или подростка: «Ребята, открываем учебники на странице семнадцать и записываем упражнение номер три!»

5) фамильярное «мы»: сближение «я» с адресатом в ситуациях непринуждённого общения, когда возможно сокращение дистанции между собеседниками: «Куда спешим? Опаздываем?» (например, при встрече на остановке сослуживцев).

6) просторечное «мы», которое употребляется вместо «я» в старорусском быту: «Протасов. А Вы – замужняя? Луша. Нет ещё... Девицы мы...» (М. Горький) Здесь «...говорящий из скромности, скрывая свою личность за другими, может обнаруживать себя в форме 1-го лица множ. числа» [3, с. 463]. Например: «Ты кто же, солдат? – Солдаты (мы) Апшеронского полка. От лихорадки умирал» (Л.Толстой);

7) эмоционально-грубоватое «мы», используемое в оборотах типа «Слыхали мы», «Встречали мы»: «Слыхали мы эту песню много раз, - возразил Базаров, - но что вы хотите этим доказать?» (И.Тургенев)

Итак, персональность имеет статус многофункциональной, разноуровневой категории, для которой трансляция семантики лица не является только глагольной функцией; данная категория реализуется в высказывании в целом, что позволяет рассматривать лицо с синтаксической точки зрения.

Таким образом, личные местоимения имею важное значение при построении высказывания, синтаксических конструкций. Семантика

личных местоимений, реализующаяся в контексте или в определенном коммуникативном акте, имеет стилистически ориентированную функцию. На наш взгляд, это открывает перспективы для совершенствования теории и практики преподавания русского языка как неродного.

В заключение добавим, что данная квалификация категории лица, отражённая в работах целого ряда исследователей, по нашему мнению, не противоречит ее узкому пониманию как глагольной категории, составляющей ядро функционально-семантического поля персональности.

Литература:

1. Авраамов Г. Г. Структура функционально-семантическое поле персональности в современном французском языке // Ж. «Филологические науки. Вопросы теории и практики». № 11. 2013, часть 2. С. 13-16.

2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: «Прогресс», 1974. 447 с.

3. Шахматов А. А.Синтаксис русского языка. Л.: «Учпедгиз», 1941. 620 с.

УДК 81-25

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПАДЕЖНЫЕ РАМКИ В СЕВЕРНОМ ДИАЛЕКТЕ АХВАХСКОГО ЯЗЫКА

Денис Крэссель
Лионский Университет,
Франция

В настоящей статье рассматриваются глаголы северного диалекта ахвахского языка, употребляющиеся в исключительной падежной рамке. В ахвахском языке обнаружено всего три одноместных глагола с падежной рамкой: аргумент одноместного глагола выражается именной группой в номинативе вне зависимости от ролевой семантики.

Ключевые слова: *глагол, ахвахский язык, падежная рамка, семантика*

This article examines the verbs of the northern Ahwah dialect, which are used in an exceptional case frame. Many predikats are expressed in the Akhwah yahika not by simple verbs, but by lexical combinations
Keywords: *verb, Ahwah language, pad frame, semantics*

Ахвахский язык относится к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанских языков. Ахвахский язык имеет два диалекта: северный и южный. Северный диалект довольно однороден, а южный диалект состоит из трех говоров: ратлубского, тлянубского и цегобского [1]. В настоящей статье рассматриваются глаголы северного диалекта ахвахского языка, употребляющиеся в исключительной падежной рамке.

В ахвахском яхыке, как и в других дагестанских языках, валентность глаголов конкретизируется падежным оформлением аргументов и классно-числовым согласованием глагола с одним из аргументов. Как правило, конструкция ахвахских глаголов включает именную группу в номинативе, контролирующую выбор классно-числового показателя в глагольной словоформе. Этой именной группой в номинативе выражается единственный аргумент одноместных глаголов и пациенс прототипичных транзитивных глаголов (т.е. глаголов, обозначающих ситуации, контролируемые одним из партиципантов (агенсом), и осуществление которых приводит к изменениям в состоянии другого – партиципанта (пациенса)). Существуют однако исключения, т.е. конструкции, не включающие именной группы в номинативе, и в которых глагол не согласуется ни с одним именным членом конструкции. В таких конструкциях, все аргументы оформляются косвенными падежами, и если глагольная словоформа включает классно-числовой показатель, он неизменно в форме среднего (3-го) класса единственного числа.

Ахвахский язык не имеет авалентных глаголов. Правда, глаголы, обозначающие метеорологические явления, обычно употребляются без никакого выраженного аргумента, но они также встречаются в конструкциях, включающих именную группу в номинативном падеже. С некоторыми метеорологическими глаголами, именной группой в номинативе является *дуна* ‘мир’ (1а) или *реше* ‘небо’, с другими, название метеорологического явления

(1б).

(1) а. (*Дуна) гьираххере годи.*

мир становиться_пасмурным: PROG COP: N

‘Погода портится.’

б. *(Ц1ц1а) ц1ц1ари.*

дождь дождить: PF

‘Выпал дождь.’

Опущение именной группы в номинативе в конструкции метеорологических глаголов можно считать следствием ее низкой степени информативности.

4. Одноместные глаголы

Как правило, единственный аргумент одноместного глагола выражается именной группой в номинативе вне зависимости от ролевой семантики. В ахвахском языке обнаружено всего три одноместных глагола с падежной рамкой или <ALL> 3 <LOC >

4.1. Падежная рамка <ALL>

В этой рамке употребляется только глагол *ц1ц1анурулъ1а* ‘чувствовать острую боль’. Как видно из примера (2), именная группа, обозначающая страдающего человека, и именная группа, обозначающая место боли, одинаково оформляются аллативом.

(2) Дига рак1варога ц1ц1анере годи.

1SG:ALL1 сердце: ALL1 колоть: PROG COP:N

‘У меня в сердце колет.’

4.2. Падежная рамка < LOC >

В этой рамке употребляются два глагола: *ч1инурулъ1а* ‘чувствовать острую боль’ и *къваралъурулъ1а* ‘сузиться’. *Ч1инурулъ1а* ‘чувствовать острую боль’ употребляется только в исключительной падежной рамке <LOC> (3).

(3) Рак1вароге ч1инере годи.

сердце: LOC1 колоть: PROG COP: N

‘У меня в сердце колет.’

Как видно из примера (4а), къваралъурулъ1а ‘сузиться’ обычно употребляется в регулярной падежной рамке <NOM>; исключительная падежная рамка <LOC> встречается в сочетании с именем миг1а ‘нос’ (4б).

(4) а. *Микъи къваралъегье годи.*

дорога сузиться: ADV: N COP: N

‘Дорога сузилась.’

б. *Миг1ахъе къваралъегье годи.*

нос: LOC3 сузиться:ADV: N COP:N

‘Нос заложен.’ (букв. В носу сузилось) – 4 –

5. Двухместные глаголы

Как правило, одна из двух ролей двухместного глагола оформляется номинативом, и формальные различия двухместных рамок каса-

ются оформления второго аргумента: <ERG, NOM>, <DAT, NOM>>, и т. д. Встречаются однако с небольшим числом двухместных глаголов следующие исключительные рамки: <ERG, GEN>, <ERG, LOC>, <ERG, ALL> и <ERG, ABL>.

5.1. Падежная рамка < ERG, GEN>

В этой рамке употребляется только глагол *х1албихьилорулъ1а* ‘пробовать’, заимствованный из аварского языка (5).

(5) Гьуссве дарулълъил1и х1албихьилари.

DIST: M: ERG лекарство: GEN попробовать:PF

‘Он попробовал лекарство.’

Падежная рамка этого глагола объясняется тем, что в аварском языке, *х1албихьизе* ‘пробовать’ первоначально являлся сложным предикатом с буквальным смыслом ‘осматривать состояние чего-то’.

5.2. Падежная рамка < ERG, LOC >

В этой рамке употребляются следующие глаголы: *ч1инорулъ1а* ‘ужалить’ (6), *ч1орулъ1а* ‘обжечь’ (7), *къ1укъ1удорулъ1а* ‘стучать’, *къ1вакь1орулъ1а* ‘стучать’, *къелеч1урулъ1а* ‘кусать’ (8), *къинк1онулъ1а* ‘щелькнуть’, *къит1урулъ1а* ‘щипать’ (9).

(6) *Диге кьижвалиде ч1инари.*

1SG: LOC1 оса: ERG ужалить:PF

‘Меня ужалила оса.’

(7) Диге миц1ц1иде ч1ари.

1SG:LOC1 крапива: ERG обжечь:PF

‘Я обжегся крапивой.’

(8) *Диге джибиде къелеч1ари.*

1SG:LOC1 комар: ERG укусить:PF

‘Меня укусил комар.’

(9) *Гьулълъе диге къит1ари.*

DIST: F: ERG 1SG:LOC1 ущипнуть:PF

‘Она ущипнула меня.’

5.3. Падежная рамка < ERG, ALL >

В этой рамке употребляется только глагол *эхъурулъ1а* ‘смотреть’ (10).

(10) *Иссиде телевизорилълъига эхъаде.*

1PL: ERG телевизор: ALL1 смотреть:PF

‘Мы смотрели телевизор.’

5.4. Падежная рамка < ERG, ABL >

В этой рамке употребляется только глагол *къ1еланц1ц1унулъ1а* ‘пререкаться, порицать’ (11).

(11) *Илоде вашогуне къ1еланц1ц1ене бик1вари.*

мать: ERG сын: ABL1 порицать: PROG быть:PF

‘Мать порицала сына.’

6. Трехместные глаголы

Как правило, как и у двухместных глаголов, одна из ролей трехместного глагола оформляется номинативом. Единственным исключением является глагол *мачунулъ1а*, который употребляется в регулярной рамке со – значением ‘рассказывать что-то’ (12а), но также в исключительной рамке со значением ‘рассказывать о чем-то’ (12б).

(12) а. *Дига че чула мачани ди минарек1вассве.*

1SG:ALL1 один вещь рассказать:PF 1SG: GEN муж: ERG

‘Мой муж рассказал мне что-то.’

б. *Гьулълъил1и чела жолълъи мачува дуга деде.*

DIST: N: GEN другой день: LOC рассказать: POT 2SG:ALL1 1SG: ERG

‘Об этом я тебе расскажу в другой день.’

Эта исключительная падежная рамка объясняется опущением главы номинативной именной группы: рассказывать рассказ чего-то ‘рассказывать о чем-то’.

7. Лексикализированные сочетания имя+глагол и исключительные падежные рамки. Как и в других дагестанских языках, многие предикаты выражаются в ахвахском яхыке не простыми глаголами, а лексикализированными сочетаниями имя в номинативе+глагол, например, *комоки гурулъ1а* ‘помочь’, буквально ‘делать помощь’ (13).

(13) *Деде комоки гведе гьулълъа.*

1 SG: ERG помощь делать:PF DIST: F: DAT

‘Я помог ей.’

Конструкция таких предикатов включает именный член в номинативе (имя, входящий в состав сложного предиката), но все партиципанты выражаются именными группами в косвенных падежах. Например, падежную рамку сложного предиката *комоки гурулъ1а* ‘помочь’ можно схематизировать как <ERG, DAT, nom>, где строчные буквы обозначают падежное оформление именного элемента сложного предиката. Следовательно, глаголы с исключительными падежными рамками могут возникать как результат слияния лексикализированного сочетания имя в номинативе+глагол в одну словоформу. Так, ‘поклясться’ может выражаться в ахвахском яхыке сложным предикатом *никва бухъ1урулъ1а* или глаголом *никухъ1урулъ1а*, представляющим собой результат слияния имени *никва* ‘клятва’ с глагольным элементом сложного предиката *бухъ1урулъ1а*. (Существует в

ахвахском языке глагол бухъ1урулъ1а ‘пропадать’, но совпадение с глагольным элементом сложного предиката никва бухъ1урулъ1а, наверно, случайна.). Как видно из примера (14), конструкция сложного предиката *никва бухъ1урулъ1а* <ERG, nom> включает номинативный член (именной элемент сложного предиката), тогда как конструкция глагола *никухъ1урулъ1а* характеризуется исключительной падежной рамкой <ERG>.

(14) Гьуссве никва бухъ1ари гьеч1е бехурулъ1а. DIST:M:ERG клятва N:дать:PF отомщение N:взять:INF ~ Гьуссве никухъ1ари гьеч1е бехурулъ1а. DIST:M:ERG поклясться:PF отомщение N:взять:INF

‘Он поклялся, что отомстит.’

Однако глаголы, возникающие как результат инкорпорирования имени в номинативе, не обязательно сохраняют исключительную падежную рамку, соответствующую их этимологии. В некоторых случаях можно полагать, что исключительная падежная рамка была регуляризирована путем изменения в падежном оформлении одного из аргументов. Примером такого процесса может служить глагол *гьандахьурулъ1а* ‘слушать’. Можно полагать, что этот глагол происходит от сложного предиката *гьандела рихьурулъ1а* [уши держать] с падежной рамкой <ERG, ALL, nom>, буквально ‘держать уши в направлении чего-то’. (Интересно отметить, что в годоберинском языке, ‘слушать’ выражается сложным предикатом *гьант1ук1я рикки*, буквально ‘держать уши’ с падежной рамкой (в годоберинском языке, аллатив не обособляется от локатива) [3]). В ахвахском языке, этот сложный предикат перестал употребляться в аналитической форме. Согласно его этимологии, ожидалась бы для глагола гьандахьурулъ1а исключительная падежная рамка < ERG, ALL >. Однако, как видно из примера (15), гьандахьурулъ1а употребляется в регулярной падежной рамке < NOM, ALL >.

(15) *Гьуве никвага гьандахьари.*

DIST:M песня: ALL1 слушать:PF

‘Он слушал песню.’

Примеры глаголов *никухъ1урулъ1а* и *гьандахьурулъ1а* иллюстрируют две противоположные тенденции в эволюции синтаксических свойств ахвахских глаголов. С одной стороны, инкорпорирование именного элемента сложных предикатов типа имя в номинативе+глагол порождает глаголы с исключительными падежными рамками. Но с другой стороны, существует тенденция к регуляризированию исключительных падежных рамок, и это наверно объясняет

ограниченное число глаголов с исключительными падежными рамками в лексике ахвахского языка, несмотря на относительную продуктивность инкорпорирования именного элемента сложных предикатов.

Список сокращений:

ABL аблатив; ADV: адвербиальное согласование; ALL: аллатив; COP: копула (связка); DIST: дистальное указательное местоимение; ERG: эргатив; F: женский класс; GEN: генитив; V: локатив; M: мужской класс; N: средний класс; PF: совершенный вид; PL: множественное число; PROG: прогрессивный конверб; SG: единственное число.

Литература:

1. Магомедбекова, З.М. 1967. Ахвахский язык (грамматический анализ, тексты, словарь). Тбилиси.
2. Магомедова, П.Т., Абдулаева, И.А. 2007. Ахвахско-русский словарь. Махачкала.
3. Саидова, П.А. 2006. Годоберинско-русский словарь. Махачкала.

УДК 821.35

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА ПОВЕСТИ Б. КУЛУНЧАКОВОЙ «КАЗБЕК»

Ф. А. Кусегенова
Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи,
г. Махачкала

Статья посвящена анализу системы образов повести «Казбек» ногайского писателя Б. Кулунчаковой. Основной в произведении является духовно-нравственная тема, а также проблема семьи, конфликт героя с обществом. Образ главного героя Казбека раскрывается в его взаимоотношениях с отцом, мачехой, учителями и одноклассниками.

Ключевые слова: *ногайская литература, автор, повесть, образ, конфликт, характер героя, средства выразительности*.

The article is devoted to the analysis of the system of images of the novel "Kazbek" by Nogai writer B. Kulunchakova. The main thing in the work is a spiritual and moral theme, as well as the problem of the family,

the conflict between the hero and society. The image of the main character Kazbek is revealed in his relationship with his father, stepmother, teachers and classmates.

Keywords: *Nogai literature, author, story, image, conflict, character of the hero, means of expressiveness*.

Повесть «Казбек» занимает особое место в творчестве Бийке Кулунчаковой. Здесь автор исследует сложные отношения в ногайской семье, освещает судьбу старшеклассников, заканчивающих школу. Идея повести выражена в педагогическом воспитании детей [1].

Повествование ведется от третьего лица. Семейно-бытовые проблемы в повести переплетаются с нравственными. Умелое сочетание бытового и социального в характере героев способствует реалистическому раскрытию образов. Действующих лиц не мало – Казбек, его родители, одноклассники, учителя и соседи. Образная система служит раскрытию основной идеи повести.

В основе повести лежит описание судьбы *Казбека*, в центре – бытовая коллизия. Раскрывая проблему семьи, Кулунчакова исследует два полюса нравственного поведения человека – в обычной жизни и в минуты наибольшего душевного напряжения. Автор убедительно показывает, что взрослый мир, в который входит подросток, испытывает его на нравственную чистоту и благородство.

Чтобы полнее раскрыть образы мачехи Казбека *Анузар* и его отца *Адилхана*, писатель анализирует характеры героев, уделяет значительное внимание проблемам семьи, любви, подвергает критике негативные явления современности. Утрата в душе молодого человека веры в светлое будущее, а у его отца – чести и совести, плата за совершенные ошибки – вот темы, которые поднимает автор.

Конфликт повести строится на противопоставлении мальчика и мачехи, для которой подавление личности ребенка становится целью. Повествование о детстве Казбека начинается со дня смерти мамы. Во всех проходящих мимо женщинах он видел маму, каждый вечер ждал ее с работы. Прошло немного времени, и в дом пришла другая женщина, которая сразу же оттолкнула его. Ее речи раскрывают эгоистическую натуру. Повествователь считает нужным (и это вполне обоснованно) описать один из дней семьи, полный драматизма.

Однажды отец покупает Казбеку новый костюм, и радостный мальчик выходит на улицу покрасоваться обновкой перед ребятишками. А когда он возвращается в дом, то замечает холодный взгляд мачехи и слышит: «Этот вшивый желторотик должен носить новый

костюм, а мой Базарбай должен голым ходить?! Сними сейчас же! Не дай Аллах тебе носить такую одежду! Пока есть Базарбай, тебе не ходить в новой одежде», – сказав эти слова, Апузар содрала с Казбека костюм и закинула его в горящую печку.

Изображение отрицательного в семье осуществлено Кулунчаковой убедительными и художественно мотивированными средствами. Сколько мальчик ни умолял отца спасти костюм из огня, он пальцем не пошевелил и даже не вздрогнул, что говорит о нравственном падении Адилхана, который под влиянием жены превращается в подкаблучника и пьяницу, делая сына круглым сиротой и озлобленным человеком. Но все же эти чувства не овладели Казбеком целиком, в глубине души он хотел вырваться из этого круга и стать счастливым.

Детское сердце чувствовало, понимало, что его предали. Апузар оставалась чужой, недалекой, черствой и злой мачехой. Ей удалось постепенно натравить мужа на Казбека. Отец стал по поводу и без повода ругать и бить сына, которого начали унижать и некоторые школьники. Плохо и неряшливо одетого мальчика, к тому же напуганного, многие дети не пускали в свой круг. Учителя пытались исправить ситуацию, но у них ничего не получалось, потому что они не могли перевоспитать основных виновников зла – родителей Казбека. Вместо счастливого детства юношу ждала тяжелая, лишенная справедливости судьба.

Автор знакомит нас с Казбеком, раскрывая его образ с разных сторон (глазами Касбийке, ее коллег, Зухры и ее подруги Сыйлыхан и т. д.), показывает становление юношеского характера. Мы видим внутренний перелом, взросление его души. Чтобы скинуть с себя тяжесть обид и унижений, юноша решил поменять все – село, дом, школу, друзей, и с этой целью во время летних каникул переехал жить в другое село к своей тете. Это был с его стороны решительный и обдуманный шаг.

Писатель рисует юношу, оказавшегося на распутье, которому удалось сделать правильный выбор. В этом контексте исследуются два полюса поведения человека. Бессердечной Апузар противопоставлены высоконравственные Зухра, Касбийке, Келдихан, Рашидхан, которые ведут себя в лучших народных традициях. Именно они, выдержав испытание, спасают Казбека от депрессии, неверия в собственные силы.

Вовлечение в повествование новых людей дает дополнительные возможности для раскрытия характера героя. Переезд Казбека приближает наступление нового дня веры в людей. В семье мудрой и

доброй тети *Келдихан* ему приходят на помощь: вернувшегося вечером в дом юношу ждала комната, в которой царили чистота и порядок, тепло и уют.

В школе происходит знакомство Казбека с Зухрой и ее мамой. *Зухра* – успевающая ученица и добрый человек. Она искренне переживает за нового одноклассника, думает: «Каждый раз, когда я прихожу из школы, мама крутится вокруг меня, как голубь. А мама Казбека, наверно, хмурит брови, а когда нет настроения, вообще не кормит его». Девушка верит в то, что он не плохой парень, что судьба сделала его злым и озлобленным. Переча матери, она соглашается помочь ему в учебе.

Образ *Касбийке* создается автором простыми и легкодоступными средствами. Сила ее любви к дочери безгранична, она оберегает своего ребенка от всех жизненных невзгод, недоброжелательных разговоров и сплетен. Вдова, одна воспитывающая двух детей, все время обращает внимание на то, что скажут люди. Поэтому противится желанию дочери помочь Казбеку с уроками. Жизненная мудрость подсказывает ей не препятствовать дочери. На миг представив на месте Казбека своего сына, женщина идет на уступки: она разрешает готовиться к занятиям у них дома.

Возраст Касбийке не указан. Через поступки и речи героини создается традиционный образ ногайки. Так, например, она говорит о Казбеке: *«Аналы козы куйрыклы, анасыз козы буйыкты»* – «Ягненок при матери хвостатый, ягненок без матери продрогший»; об Адилхане: *«Ана – казна, ата – езде»* – «Мать – казна, отец – зять»; об Апузар *«Уьйинъдегинъ яман болса, уьй соьнер»* – «Если домашняя (жена) плохая, то дом твой сгорит», *«Яманлык сагынган, яхшылык коьрмес»* – «Желающий вреда, добра не увидит»; о Зухре: *«Кулаксызга соьз айтсанъ, кулагыннынъ кырыннан»* – «Глухому что-то скажешь, все мимо ушей пройдет», *«Яхшыга йолдас болган мырадына етер, яманга йолдас болган соьзге етер»* – «Кто дружит с хорошим (человеком) добьется цели, кто дружит с плохим – добьется пересудов», *«Юмыртка тавыкка акыл уьйретеди»* – «Яйцо курицу не учит» и другие. При этом каждый раз она произносит фразу: «Как говорили в старину наши отцы (деды, старики и т. д.)». Эти пословицы делают язык произведения ярким и художественно выразительным.

Герои Кулунчаковой переживают непростой переход от отрочества к юношеству. Писатель последовательно анализирует состояние их души, раскрывает мысли и эмоции. Между Зухрой и Казбеком возникло первое чувство, но их одноклассница *Ынжыбийке* хочет

помешать этому. В душевных переживаниях прозревает юноша сильный, цельный, обретающий опору в нравственно чистых людях.

Особое место в повести отводится образу *Рашидхана*, который, защищая честь Зухры, дерется с Казбеком. Мотивы поведения героев различны. Рашидхан добр и сострадателен, прямодушен и честен: «Ты оставь свой иргаклинский нрав. Вчера Зухра, сегодня Ынжыбийке, – смотрите на этого Дон-Жуана». Но педагог *Ильяс Керимович* легко развязывает этот узел: «Не тот настоящий мужчина, который прячет недостатки товарища, а тот, кто прямо указывает на них». Образ проницательного и чуткого учителя в повести имеет принципиальное значение: он предстает как личность, нравственно и социально активная.

В главе «Встреча Нового года» повествуется о начале новой жизни, в которой рядом с Казбеком дорогие ему люди – Зухра, тетя Келдихан, добрый наставник Ильяс Керимович и друг Рашидхан. Благодаря их душевной доброте и отзывчивости парень начинает верить в добро и людей.

Образы в повести представляются психологически убедительными. Для сюжета отобрана жизненная ситуация, позволяющая показать характеры, раскрыть образы. Правдивое изображение поведения человека, реализующего себя в соответствующих условиях, – несомненное достоинство произведения.

Литература:

1. Кулунчакова Б.И. Казбек. Махачкала, 1975 (на ног. яз.).

УДК 801. 52

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ АРЧИНСКОГО ЯЗЫКА

Р. А. Магдилова
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

Статья посвящена исследованию одного из важнейших для арчинского национального сознания концептов – эмоционального концепта *талах1* «счастье». анализируются паремиологические единицы с компонентами, составляющими концепт *талах1* «счастье» в арчин-

ском языке. Выявляются и описываются ядерные (основные) и периферийные компоненты концепта *талах1* «счастье». В статье выделяются различные смысловые группы паремиологических единиц, актуализирующих концепт «счастье».

Ключевые слова: *арчинский язык, талах1 «счастье», национальное сознание, концепт, этнокультурная специфика, обиходное сознание, ядерная лексема.*

The article is devoted to one of the most important Archa national consciousness of the concepts of the emotional concept талах1 "happiness". The study explains the paremiological units of the components that make up the concept аллах1 "happiness" in Archa language. Identifies and describes the nuclear (core) and peripheral components of the concept таллах1 "happiness". The article highlights various semantic groups of paremiological units with the concept of "happiness".

Keywords: *talakh 1 "happiness," national consciousness, concept, ethnic and cultural specifics, Archa language, everyday consciousness, the nuclear token.*

Проблема счастья интересовала людей еще с античных времен. Августин Блаженный, Аристотель, Сенека, Фома Аквинский в своих трудах рассматривали всевозможные концепции стремления человека к счастью.

Само представление о счастье лежит у истоков культуры, это своего рода сердцевина индивидуального и национального сознания. А отношение к счастью, в свою очередь, определяет основные характеристики духовной сущности индивидуума.

Благодаря своей этнокультурной специфике, концепт имеет различную трактовку в контекстах определенных культур. Изучение особенностей культурных аспектов того или иного народа возможно посредством изучения тех или иных концептов, позволяющих всесторонне проанализировать особенности культурологического и лингвистического развития нации. А фразеологическая репрезентация концепта дает возможность уяснить суть того или иного понятия посредством психо-лингвистического восприятия языковой парадигмы [2].

Объектом настоящего исследования являются паремиологические единицы, репрезентирующие концепт «счастье» в арчинском языке.

В арчинском языке концепт «счастье» передается общедагестанским словом *талах1*. Под понятие *талах1* «счастье» в языковой кар-

тине мира арчинцев понимается ментальное или эмоциональное состояние благополучия, характеризующееся положительными эмоциями, а также удовлетворенность жизнью, ощущение гармонии.

В арчинском языке лексема *талах1*«счастье» представлена достаточно широко. В качестве ядерной лексемы нами выявлены следующие единицы: *талах1* «счастье» – благоприятная судьба, *талах1, т1алекмул* – удача, везение, *хварукул* – радость, *гьа1ртакул* – радость, блаженство [3]и др..

Проанализировав паремиологические единицы с концептом *талах1* «счастье», мы условно выделили следующие смысловые группы:

1.В арчинском языковом сознании зафиксирована точка зрения, согласно которой счастье – это дар божий, что только Всевышний может дать счастье человеку: *Талах1 обл1уна бущбус бекерт1у* «Счастье не купишь», *Талах1 Аллагьли бал1она бикир* «Счастье только богом бывает дано»; *Бол1от1уттуб талах1 бущбус бекерт1у* «Не данное (Всевышним) счастье не возьмешь» и др..

2. В обиходном сознании арчинцев укоренены воззрения на *талах1* «счастье» как на условие богатства, достатка (счастье воспринимается как синоним богатства): *Талах1 биттуммун ч1ере х1ону хъа1н бекер* «У счастливого и яловая корова телится», (ср. в аварском языке: *Талих1 бугесул бихьинх1амаги къинлъулеб* «У счастливого и ишак мужского пола телится»).

3. В то же время в паремиях арчинского языка зафиксирована другая точка зрения, которая гласит, что не в богатстве *талах1* «счастье»: *Дуниллин хосу талах1 т1о* «Богатство мира тоже не счастье», (ср. в русском: Не в деньгах счастье, счастье не в кошельке, счастье за деньги не купишь).

4. Счастье в паремиологической системе арчинского языка отождествляется с хорошей семьей: *Талах1 биттумми ос лъоннолт1ав доркирт1у* «Счастливый только один раз женится», *Талах1 биттур лъоннол бошормулълъу дикир* «Счастливая женщина – замужняя женщина», *Талах1 биттуммин лъоннол гьибаттур* «Счастлив тот у кого жена хорошая», *Талах1 биттиб лобур бишибуварак квабшарт1у* «Счастливые дети к мачехе не попадут (несчастны дети, что попадают к мачехе) и др..

5. В языковой картине арчинцев *талах1* «счастье» нередко отождествляется с удачей и некой привилегированностью: *Талах1 биттту* «у кого счастье есть (в значении удачливый, счастливый)», *талах1лин гьаллу* «хозяин счастья (кому всегда везет)».

6. Анализ арчинских пословиц и поговорок свидетельствует, что для обыденного самосознания народа характерно восприятие *талах1* «счастья» как некоей непредсказуемой и ненадежной стихии: *Талах1 гьунниймус бол1орт1у* «Счастье не каждому дается»; *Талах1 но1ш т1о, абк1оммиши бе1рхъа1с* «Счастье не лошадь, не погонишь, куда хочешь» (ср. рус. Счастье не лошадь: не везет по прямой дорожке); *Талах1 кура басас бекерт1у* «Счастье в руках удержать невозможно» (ср. рус. Счастье не палка, в руки не возьмешь) [1].

6. Необходимо также отметить, что *талах1* «счастье» в арчинском самосознании очень часто противопоставляется интеллектуальным его особенностям: *Албагьдуммун талах1 би* «У дурака есть счастье», *Албагьдуммин дунил ят* «букв. Дурака жизнь эта (= Дураку везет)»; *Албагьдуммус ц1ат1урттуммускелав г1уммара абчас гьаллъа* «Дураку легче живется, чем умному».

Исследование концепта *талах1* «счастье» в паремиологической системе арчинского языка позволило установить межконцептуальные связи: счастье – судьба; счастье – благо/благополучие; счастье – удача.

В арчинской языковой картине счастье понимается как дар богов, благоприятной судьбы.

Анализ концепта также показал высокую количественную наполняемость семантических групп данного концепта и актуализацию паремиологических признаков, которые входят в парадигму научного познания, поскольку их выбор определяется народной мудростью, коллективным опытом этноса.

Литература:

1. Самедов Д. С., Магдилова Р. А. Словарь арчинских пословиц и поговорок. Махачкала, 2017. С. 154-155

2. Унарокова Г. Ш. Фразеологическая репрезентация концепта насып/счастье в адыгейской языковой картине мира // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 3. С. 87-90.

3.Чумакина М. Е. Словарь арчинского языка. Махачкала, 2007. 412 с.

УДК 069.4

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКА КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСА (ОПЫТ ОЖИВЛЕНИЯ АНДИЙСКОГО ЯЗЫКА)

П.А. Магомедова
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

В статье обсуждается письменная фиксация и хранение фрагмента корпуса андийского языка, куда могли бы войти тексты различных стилей и жанров. При решении данной проблемы был привлечен весомый научный потенциал ученых и компетентных информантов, которые подвергли андийский язык подробному анализу. Это позволяет не только получить письменно зафиксированный корпус бесписьменного языка, но и создать научно-образовательную среду для развития языковой компетенции андийцев.

Ключевые слова: *андийский, бесписьменный, корпус бесписьменного языка, ревитализация*

The article discusses the written fixation and storage of a fragment of the Andean case, which could include texts of different styles and genres. In solving this problem, the considerable scientific potential of scientists and competent informants was involved, who subjected the Andean language to detailed analysis. This allows not only to obtain a written corps of unwritten language, but also to create a scientific and educational environment for the development of the language competence of Andians.

Keywords: *Andean, unwritten, corps of unwritten language, revitalization*

Как зарубежный, так и отечественный опыт ревитализации миноритарных языков, находящихся на грани исчезновения, показывает, что никакие методы, приемы не будут эффективными, если представители самого этноса не захотят говорить на этом языке. Осмысленное понимание необходимости сохранения своей этнокультуры, собственного языкового сообщества, желание развивать и передавать из поколения в поколение свое культурное наследие должно неизбежно привести к живому интересу языковой практики, активизации использования языка в повседневной жизни.

За последнее время накоплен достаточно большой опыт успешного оживления исчезающих языков путем использования различных методов и приемов. «Мировой опыт показывает, что работа по возрождению этнических языков может послужить толчком для решения многих проблем, которые не имеют прямого отношения к языку». Успешная ревитализация находящегося на грани исчезновения языка «автоматически ведет к повышению самосознания его носителей, что в свою очередь стимулирует их социальную и экономическую активность» [1].

Общеизвестно, что языки, количество носителей которых не превышает 10-20 тыс. человек, не имеющие официальную письменность, не зафиксированные никак в лексикографических источниках, функционирующие лишь в разговорно-бытовой форме, относятся по данным ЮНЕСКО на грани исчезновения.

Нами был проведен комплекс мероприятий по ревитализации бесписьменного андийского языка[1], на котором говорит одна из народностей Дагестана.

На сегодняшний день большинство бесписьменных языков аваро-андо-цезской группы имеет опубликованные лексикографические справочники (годоберинско-русский, чамалинско-русский, ахвахско-русский, багвалинско-русский и др. словари), чего нельзя сказать о собственно андийском языке: словари и различного рода справочники отсутствуют (за исключением небольших научных исследований по проблемам языков андийской группы); не разработаны основы письменности андийского языка, нет элементарного учебника для обучения андийскому языку; нет ни одного периодического издания на андийском языке; незафиксированные на письме ценнейшие произведения андийского устного народного творчества обречены на исчезновение и будущим поколениям, скорее всего, они будут не доступны.

Андийский язык среди других бесписьменных языков аваро-андо-цезской группы оказался в самом «плачевном» состоянии.

---

[1] Андийские языки составляют ответвление аваро-андо-цезской подгруппы нахско-дагестанской языковой семьи, в составе которой обнаруживают наибольшую близость с аварским. По генетическому признаку андийские языки можно подразделить на следующие языки а) андийский, ботлихский, годоберинский, б) ахвахский, каратинский, в) багвалинский, тиндинский, чамалинский. К цезским (дидойским) языкам аваро-андо-цезской группы относятся 5 языков: цезский, хваршинский, бежтинский, гинухский и гунзибский языки. Следовательно, аваро-андо-цезская подгруппа имеет в своем составе 13 бесписьменных и 1 аварский (письменный) языки.

Мультикультурная среда региона ограничивает возможности малочисленных коренных этносов в полной мере сохранять и развивать свои этнические языки; в школах ведется обучение на русском языке, в качестве родного преподают письменный аварский язык, в условиях всеобщей глобализации возникла необходимость защиты самобытности и культурного наследия андийского этноса.

Создание и проведение комплекса мероприятий, способствующих ревитализации, развитию и изучению андийского языка как гаранту сохранения культуры андийского этноса, сопровождается,

во-первых, формированием научной базы для широкого удовлетворения языковых интересов андийского общества в целом (в том числе языковой и коммуникативной компетентности андийцев);

во-вторых, необходимостью обработка и систематизация андийской лексики на основе качественного анализа зафиксированной на письме живой речи андийцев, текстов различных жанров, произведений андийского фольклора (сказок); перевод полученных андийских текстов и материалов к андийско-русскому словарю на электронные носители, чтобы сделать общедоступными;

в-третьих, подготовкой и созданием популярных тиражируемых продуктов на андийском языке для различных возрастных групп населения в целях как сохранения и развития языка этноса, так и развивающего обучения языку;

в-четвертых, подготовкой и проведением форумов, круглых столов, конференций, которые способствовали бы объединению усилий научных, творческих и гражданских слоев общества, а также живому открытому диалогу между компетентными представителями национальных меньшинств не только региона, но и федерации в целом.

Первоочередная проблема, которую необходимо было решить, - письменная фиксация и хранение фрагмента корпуса андийского языка, куда могли бы войти тексты различных стилей и жанров. При решении данной проблемы был привлечен весомый научный потенциал ученых и компетентных информантов, которые подвергли андийский язык подробному анализу, существенно восполнив пробел в дагестановедении. Любому пользователю представляются новые возможности для поиска примеров при изучении андийского языка – они будут использованы для решения исследовательских задач, а также в качестве справочника, станет возможным проведение новых, более широких и системных исследований по данному языку и близкородственным языкам. Это позволяет не только получить письменно зафиксированный корпус бесписьменного языка, но и создать научно-

образовательную среду для развития языковой компетенции андийцев.

Проблемы, связанные с сохранением живой андийской речи, как показали исследования, в местах компактного проживания носителей, не наблюдаются. Осмысленный интерес к говорению на этом бесписьменном языке в семье носителей рождает уверенность в том, что сегодня не стоит остро проблема потери устной формы языка.

В процессе реализации исследования нами были сделаны следующие шаги:

1) для подрастающего поколения андийцев (детей дошкольного и младшего школьного возраста) – было создано иллюстрированное издание «Сказки народов мира на андийском языке» - 9,3 п.л. (Печатные издания в горном Дагестане все еще являются популярными и доступными в сравнении с электронными ресурсами, т.к. большинство коренных андийцев, имея компьютеры, не всегда имеют доступную интернет-связь); для них же была подготовлена и записана на CD-дисках профессиональная постановка «Сказок народов мира на андийском языке». Такого рода издания способствуют созданию сенсорно-обогащенной, культурной и эмоционально-значимой среды для развития ребенка как условия самореализации в духе самобытного андийского устного народного творчества в сравнении с фольклором других народов. Изучению языка в контексте культуры с применением разнообразных процедур обращения к языковому сознанию этноса способствуют, на наш взгляд, и СД-диски с записями некоторых сказок в ролевом озвучивании, которые прилагаются к изданию.

2) для взрослого населения было создано и растиражировано печатное приложение на андийском языке к районной газете «Гьудуллъи» («Дружба»).

3) с целью консолидации сил различных слоев гражданского общества, ученых-лингвистов, культурологов, этнографов была проведена Научно-практическая конференция «Андийские языки среди языков народов Дагестана».

Бенефициары исследования нуждаются в

•Получении письменно зафиксированной формы андийской речи для того, чтобы в дальнейшем можно было вести обучение в школе и вузе (создание и официальное принятие алфавита андийского языка нуждается в большом количестве времени, процедур и финансовых затрат, это мероприятие стоит отдельного гранта, поэтому в цели настоящего проекта не входят мероприятия, связанные с созданием,

обсуждением и принятием алфавита и созданием учебника (букваря) андийского языка);

•В письменной фиксации нуждается, прежде всего, лексический фонд (этнолексика) андийского языка, так как он наиболее изменчив и активен к изменениям (давление языка большинства).

•Представители этнических андийцев, не проживающие в местах компактного существования, нуждаются в средствах (инструментах), позволяющих проводить общение с детьми на андийском языке, причем это общение должно быть интересным для детей, воспитывающим их в духе самобытной андийской культуры. Одним из таких инструментов на первых порах может стать иллюстрированное издание «Сказки народов мира на андийском языке»;

•Бенефициары проекта испытывают необходимость в живом общении на андийском языке через периодическую печать, т.е. читать, самим писать заметки, новости, стихи, рассказы о андийцах и на андийском языке.

•Проведенный проект в силах поставить начало первому опыту ревитализации бесписьменного языка как гаранта сохранения культуры этноса.

Представители андийского этноса глубоко понимают необходимость сохранения и развития языка, так как благодаря языку развивается вся культура меньшинства и испытывают необходимость в финансовой и интеллектуальной поддержке своих инициатив на государственном уровне.

Ревитализация отдельно взятого малочисленного бесписьменного языка, представленная целым комплексом методов, приемов и мероприятий, на наш взгляд, может служить примером для использования позитивного опыта по отношению к другим миноритарным языкам.

Литература:

1. Груздева Е., Янхунен Ю. Сохранение и возрождение языков коренных народов Сахалина: http://www.raipon.info/info/actual/1294/

УДК 81-21

РАССКАЗ «ШУТАР» И. А. ДАХКИЛЬГОВА. ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ

А. М. Мартазанов,
Х. М. Мартазанова,
Ингушский государственный университет,
г. Магас

Данная статья посвящена проблеме взаимосвязи двух художественных систем – фольклора и литературы, рассматриваемой на материале рассказа И. А. Дахкильгова «Шутар». Отмечается, что в своих творческих исканиях писатель опирается на богатейшее устно-поэтическое наследие народа, ибо в нем синтезирован его духовно-нравственный опыт, выраженный на всех уровнях художественного дискурса. Произведение писателя анализируется в аспекте формы и содержания, акцентируя внимание на жанровых, и сюжетно-композиционных особенностях.

Ключевые слова: *фольклор, литература, сюжет, философское осмысление, повествование, тема, проблематика, писатель, духовно-нравственный опыт народа*.

This article is devoted to the problem of the interconnection of the two artistic systems - folklore and literature, which is considered on the material of the story by I. A. Dakhkilgov "Shutar". It is noted that in his creative searches the writer relies on the rich oral and poetic heritage of the people, because it synthesizes his spiritual and moral experience, expressed at all levels of artistic discourse. The writer's work is analyzed in the aspect of form and content, focusing on genre and plot-composition allotments.

Keywords: *folklore, literature, plot, philosophical comprehension, narration, subject matter, writer, spiritual and moral experience of the people*

Сложный, многогранный процесс взаимосвязи фольклора и литературы, его роли, места, символики в структуре художественного текста продолжает оставаться одной из актуальных проблем современной литературоведческой науки. В фольклоре аккумулирован духовно-нравственный, этико-эстетический опыт народа, его религиозные воззрения, «сформировавшиеся на протяжении многих веков, пони-

мание им добра и зла, возвышенного и низменного, жизни и смерти» [7, с.161]. Устно-поэтическое творчество «является философским осмыслением окружающего мира, носителем фольклоризованной истории, кладезем мудрости, умным и чутким воспитателем, хранителем живительных истоков гибкого и выразительного языка народа» [5, с. 6]. И сегодня, в XXI веке, оно продолжает «питать ее своими соками», свидетельствуя об уровне художественного мышления народа.

Национальный фольклор писателям используется с целью «восполнения идейно-национального комплекса» [3, с. 28]: И. Базоркин (роман «Из тьмы веков»), А.Боков (повесть «Старый дом»), С. Чахкиев (роман «Волчьи ночи, рассказ «Выйти замуж за огонь») и другие. При этом «эстетические принципы и творческие приемы освоения и привлечения национального фольклора отличаются художественным своеобразием» [3, с. 28]. К примеру, в романе И. Базоркина «Из тьмы веков», устно-поэтические жанры, сюжеты, темы, символы, народные обычаи, обряды вводятся для «эпико-героической характеристики героя романа и эпической трактовки самой темы» [3, с. 28].

Следует отметить, что отражение действительности в народном творчестве неоднозначно: «оно подчинено не законам беспристрастного правдивого повествования о событиях, а принципам словесного искусства, поскольку фольклорное произведение есть продукт художественного творчества, независимо от того, осознанное ли оно или неосознанное. Поэтому в историческом предании могут мирно соседствовать имя подлинного реального лица, принимавшего или не принимавшего участия в описываемых событиях, и имя сугубо фольклорного персонажа, могут упоминаться подлинные события или же события вымышленные» [2, с. 189].

Синтез двух самостоятельных художественных систем – фольклор и литература, находят выражение в творчестве И. А. Дахкильгова. Педагог, ученый, литературовед, историк, он внес колоссальный вклад в становление и развитие национальной науки, но особым «предметом научных пристрастий, смыслом всей его жизни» стал национальный фольклор [7, с.140].

Однако богатейший интеллект И.А. Дахкильгова находит выражение и в литературном творчестве, для которого характерно жанрово-стилевое богатство, широта идейно-тематического содержания, разнообразие осмысляемых проблем. Художественная особенность прозы писателя, в том числе и романной, состоит в том, что она базируется на фольклорной основе, что продиктовано поэтическим мышлением писателя, образным восприятием им окружающего мира:

«Наьначе» («Родина»), «Кукий денал» («Мужество Куки»), «Энчикаш» («Побратимы»), «Т1оговзанчаш» («Искусные камнетесы» или «Зодчие»), «Кери бови» («Ястреб и сова»), «Бийдолга-баьреш» («Всадники с кулачок»), «Хьун саг» («Лесной человек»), «Мишта 1ехадир шайт1а» («Как обманули черта») и другие. Особое место занимает рассказ «Дог майра Куркъа» («Отважный Курюко»), для которого, как и для драматической поэмы С. Чахкиева «Чаша слез», основой послужил фольклорный материал - легенда «Семь сыновей вьюги».

Творческое переосмысление И. А. Дахкильговым многовекового духовного опыта народа, его «эмоциональной энергии» свидетельствует об обновлении фольклорного начала в ингушской литературе. Для самого художника фольклор, как отмечено выше, служит ориентиром творческих исканий. Так, в создании рассказа «Шутар» писатель опирается на сюжет предания «Гайте Шутар» [1, с. 290-292], записанном писателем в 1975 году в сел. Мужичи от 60-летнего жителя Сайта Саадовича Богатырева. Шутар – историческая личность, принадлежавшая к одной из ветви рода Хамхоевых, от которого берет начало фамилия Шутуровы. В легендах и преданиях он предстает как человек неимоверной физической силы и личного достоинства.

Структурно предание о «Гайте Шутаре распадается на две самостоятельные части, в каждой из которой раскрываются те или иные грани характера героя. В первой Гайте Шутар предстает бесстрашным, смелым, отважным воином, для которого нет преград в достижении цели, и «столь ловким, что мог обогнать коня, скачущего во весь опор» [1, с. 291]. Решительность и мужество героя проявились в минуту опасности, когда, воспользовавшись отсутствием жителей Хамхи, которые ушли на свадьбу в Эгикал, разбойники напали на аул. Убив одного из хамхинцев, Дурса, взяв с собой награбленное, они ушли в сторону гор.

В самый разгар свадьбы тревожная весть достигла эгиаульцев, вызвав среди них переполох. В вопросе, как быть в создавшейся ситуации, мнение мужчин разделилось: одни считали, что надо организовать погоню за грабителями и уничтожить их. Другие, напротив, утверждали, что это ни к чему не приведет, разбойники ушли далеко и их не догнать, лучше собраться силами и нанести удар на второй день. Безучастным в спорах оставался лишь Шутар: он попросил шун да (хозяина столов – Х.М.) *«дать ему столько хлебцев, чтобы ими можно было наполнить все свои карманы»* [1, с. 292]. Когда хозяин выполнил его просьбу, «положил он их в карманы и побежал. Набегу он ел хлеб и набирался сил» [1, с.292]. Как гласит предание, «не успе-

ли люди собраться в Хамхах и начать похороны, как Гайте Шутар вернулся и сказал: *«Двух псов я уничтожил, а награбленное ими вернул»* [1, с.292].

По преданию Шутар был не только отважным воином, но и прекрасным охотником, об этом и повествуется во второй части, отчетливее раскрывая его личностные качества. При этом наблюдается синтез проблем «экологии природы» и «экологии человеческой души».

Как свидетельствует народная память, будучи на охоте Шутар повстречался с барсом: он буквально выпрыгнул ему навстречу. Мгновенно среагировав, Шутар решил убить зверя. Но *«барс вдруг стал жалобно скулить, ластиться, как котенок, и ползком приближаться к нему»* [1, с. 292]. Нетрудно было догадаться, что «зверь ищет у него помощи». На протянутой лапе охотник увидел рану и понял, что барс испытывает нестерпимую боль и просит помощи. Недолго думая, он отложил оружие в сторону и, водой очистив «рану от гноя и грязи, наложил подорожник и перевязал» [1, с. 292], после чего барс, благодарный за помощь, «лизнул его руку и ушел». В очередной раз, когда Шутар пришел на охоту, встретив барса, увидел, что «лапа его зажила».

Этот поступок героя явился выражением «дружбы» между человеком и зверем: барс стал помогать ему в охоте: «*пригонял столько зверей, что Шутар только успевал убивать их. С тех пор и пошло у них: барс пригонял добычу, Шутар бил ее, оставлял ему долю и возвращался домой»* [1, с. 292], что в свою очередь стало вызывать удивление сельчан. И ему пришлось раскрыть причину того, что «ему помогает барс», но люди не поверили охотнику, который убеждал их, говоря: *«Но это правда. Верьте мне и не дайте мне убить этого барса!»* [1, с.292]. Решив доказать правдивость своих слов, он смертельно ранил зверя, который «успел пастью схватить его за бедро, но обессилев, свалился и сдох» [1, с. 292]. Шутар заплатил жизнью, чтобы доказать доказуемое. Как гласит предание, так и не вылечившись от этой раны, он скончался.

Бесспорно, осмысление действительности в фольклоре и литературе имеет свою специфику. К примеру, если предание о «Гайте Шутар» – плод коллективного творчества, то произведение И. А. Дахкильгова «Шутар» создано по всем законам художественности. В нем, как и в фольклоре, присутствует «как бы сама жизнь, мир, некая реальность» [6, с. 11]. Однако роль вымысла, проявившегося «в самом отборе изображаемых явлений, в установлении между ними законо-

мерных связей, в придании жизненному материалу художественной целесообразности», в нем велика [6, с. 12].

В рассказе соблюдены все композиционные элементы, т.е. он «распадается на более частные события, но в целом они составляют именно один эпизод в жизни героя и не имеют дальнейшего развития функционально. Количество персонажей немного, поскольку они участвуют лишь в одном событии» [9, с. 349].

Характерная особенность повествования в том, что оно, как отмечено выше, создано на основе древнего предания, что позволяет писателю «воплощая свой взгляд на мир, демонстрируя свою творческую энергию», ставить и решать общественно-значимые проблемы, наиболее полно осветить новые грани жизни народа. При этом на передний план выдвигается проблема духовно-нравственной и психологической сущности человека [10, с.131].

Заглавие рассказа «Шутар» соотносимо «с его художественным миром: главными героями, временем действия, основными пространственными координатами» [8, с. 169]. Сюжет строится таким образом, что события излагаются повествователем (нарраторм), выступающим одновременно и действующим лицом, и одним из персонажей изображаемого мира: «рассказывает о том, что сам наблюдает, испытывает».

В рассказе соблюдены все структурные элементы. В экспозиции дана небольшая зарисовка о жизни села, о социально-бытовом укладе его жителей. В дальнейшем, в процессе развития сюжета, главным действующим лицом становится герой, с которым читатель «знакомится» в момент, когда, неся *«на одном плече ружье, завернутое в шерстяное полотно дулом вниз, на другом, правом плече – тушу убитого зверя»,* он быстро поднимается по косогору вверх, издали объектом внимания мужчин, собравшихся пхьегIа Iа (место, где вечерами по традиции собирались мужчины, чтобы узнать о происходящем в мире, обсудить новости – Х.М.) [4, с .42].

К примеру:

– Это же Шутар идет? – произнес один из стариков. Присутствующие обратили свои взоры на дорогу, что вела к селу.

Что-то несет он, козу или барана.

Скорее всего падаль, – сказал средних лет мужчина, о котором сельчане говорили: «Буцал с плохим глазом».

Если это Шутар, то он не из тех, кто побирается падалью, - произнес старик, указывая посохом в сторону, откуда шел охотник. Снова несет из леса что-то.

Когда Шутар подошел к ним, обращаясь к присутствующим, он воскликнул: «Дикую козу несет, прав я был? [4, с. 43]. В данном случае имеет место как авторская характеристика, так и прием взаимораскрытия.

С образом главного героя связано осмысление вечных вопросов бытия: что есть жизнь, смерть, честь, совесть, достоинство, духовность, сострадание, сопереживание, смысл жизни, роль и место человека в ней, осмысливаемые сквозь призму философских категорий добра и зла. Однако доминирующей выступает проблема национального характера, для чего герой изображается в его широких контактах с окружающей действительностью – обществом и миром природы. Кроме того, национальное в его характере проявляется в нравах, обычаях, традициях, в языке, в эмоциональном и психическом складе мышления и т.д.

Реализация идейно-эстетического аспекта была бы неполной без введения в образный строй повествования нового персонажа – Буцал, антипода главного героя как в плане внешнем, так и духовном. В способах и приемах его характеристики ощущается влияние фольклорных традиций: герой заведомо наделен такими качествами как жестокость, продиктованная алчностью и завистью, лицемерие, отсутствие этики, несдержанность в поведении, в речи, высокомерие, сарказм, присущими сугубо отрицательным персонажам.

К примеру: «Буцал вошел в дом, ухмыляясь, глядя по сторонам». *«Он что, приходил о твоем здоровье справиться?» «Удивляюсь тебе, надо было выстрелом в упор убить зверя, тем более, что он лежал близко от тебя. Очень ты меня удивил»* [4,с.47] . И таких примеров в тексте немало.

В характеристике персонажа автор отталкивается от общественного мнения. Так, односельчане не любили Буцала, считая, «что у него дурной глаз и при встрече с ним путь будет не удачным» [4, с. 42]. Средством раскрытия внутреннего мира персонажа, нравственно-психологической составляющей его характера служат описательные детали: «один глаз у него был с бельмом, а другой - узкий карего цвета, и когда смотрел в сторону, голову наклонял набок … борода была вся разросшаяся» [4, с. 43]. Портрет героя «характерологичен». Порицая тех, кто судит о людях поверхностно, по их внешним данным, автором подчеркивается, что «они были правы: не чист был душой Буцал, разве это не порок, не проклятие?» [4, с. 43]. В данном случае можно говорить об идентичности объективной характеристики повествователя-нарратора и авторской оценки пресонажа.

В главном герое – Шутаре – прослеживается философия жизни самого писателя, его нравственно-этические представления о ней. К примеру: *«Никто не поможет человеку, если он не будет двигаться вперед. Удача приходит лишь к тому, кто в неустанном поиске»* [4,с.44]. Он – носитель лучших черт национального характера. В нем гармонично сочетаются глубокий ум, отзывчивость, доброта, обостренное чувство долга и ответственности с физической силой, смелостью, решительностью, проявляющиеся как в повседневной жизни, так и в минуты опасности. Он способен отвечать за свои действия и поступки. Однако чрезмерная порядочность и честность приводят его к внутреннему конфликту, так как эти качества – причина гибели барса, который, вопреки законам жизни (общества и природы), «поверив в него, подружился с ним» [4, с. 54]. И стал жертвой человеческой алчности, зависти и жестокости.

Одним из самых ярких, лиричных в художественном дискурсе является эпизод «общения» охотника с барсом, в котором повествование ведется от первого лица [8, с. 99]: *«Барс, хороший мой барс, пришел мой барс. Как давно мы с тобой не виделись, что ты делал, где скитался ты? Ты не забыл меня? Долго живи, мой барс, какой ты хороший у меня. … Ты спрашиваешь, кто он? Он не такой уж большой мужчина, чтобы ты его знал, это наш ребенок. Его зовут Буни. На самом деле у него громкое имя – Бунахо. На него не надо обращать внимания, он тебе ничего не сделает, его душа, наверное, ушла в пятки…»* [4, с. 53-54]. Фрагмент служит более глубокому раскрытиюхарактера героя: суровый, решительный, сосредоточенный, в общении с барсом он предстает мягким и нежным.

В обоих текстах барс – жертва. И в первом, и во втором случае его гибель связана с человеческим фактором. В фольклорном его убивает Шутар, чтобы оправдаться перед людьми, не поверившими ему.

В рассказе барс погибает по причине человеческой алчности, зависти: выведав у Шутара, что успех его удачной охоты в помощи барса, которого он вылечил, Буцал стреляет в зверя и смертельно ранит его. Но барс успевает вонзить клыки в бедро Шутара, оказавшегося между ним и сыном, которого он взял по его просьбе. Образ главного героя не сводится к фольклорному стереотипу. Писатель оставляет за ним право на жизнь, хотя путь к выздоровлению длится более года.

Писатель расширяет событийное начало текста, придавая ему гуманистический смысл. Шутар не оставляет барса на растерзание хищникам. Несмотря на серьезность раны, они с сыном хоронят его, как человека, а затем, уложив вокруг надгробия камни, возвращаются

домой. Это неудивительно: барс был одним из самых почитаемых в народе животным. И потому на него никогда не охотились, да и зверь не нападал на людей. И если «по какой-то причине его убьют, или найдут где-то сдохшим, барса, словно человека, охотники хоронили и причитали по нему» [1, с. 293]. Все лучшее в народе сравнивалось барсом – человека, чьим мужеством восхищались люди, хорошего скакуна, лучшее оружие.

Ведя рассказ к логическому завершению, автор не называет имя преступника, но дает понять, что это Буцал, о чем изначально подозревал Шутар. Предположение его подтвердилось случайно: уже лет через пять как сын его стал ходить на охоту. Однажды спустившись с обрыва, чтобы достать убитую дичь, он обнаружил среди зарослей и камней человеческий скелет, а рядом – красивый мундштук. Точно такой же он видел у Буцала, когда он приходил к ним в гости: *«возможно, это и был Буцал, который, испугавшись, решил скрыться после совершенного преступления и сорвался с обрыва»* [1,с.55].

Что же касается Шутара, он ежегодно приходит на могилу барса, на которой установил большой надгробный камень, и мирно «беседует» с ним, выражая сожаление о случившемся. При этом он клятвенно заверяет его, что из-за него оставил охоту навсегда. В мироощущении героя прослеживается нравственная природа самого писателя, мыслителя и гуманиста, который жил, по высшим нравственно-этическим законам, на что ориентирует и читателй.

Таким образом, фольклорный материал, являясь творческим источником для писателя, выполняет в рассказе идейно-эстетическую функцию, ибо духовный опыт народа И. А. Дахкильговым переосмысливается применительно к новым реалиям жизни, в качестве доминанты осмысливая проблему о нравственной ответственности человека перед обществом и миром природы.

Литература:

1. Антология ингушского фольклора в 10-ти томах. Т.7. Составление, перевод и комментарии И.А.Дахкильгова. Ингушские предания. Выпуск I. Нальчик, Издательский центр «Эль-Фа», 2010.

2. Гутов А. М.Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.

3. Далгат У. Б. Литература и фольклор. Издательство «Наука». Москва, 1981. 304 с.

4. Дахкильгов И. А. «Берд» / В кн. Наьначе: роман, дувцараш: Родина: роман, рассказы. Магас: Издательство «Сердало», 2012. С.134-310.

5. Зязиков М.М. Сокровища старины глубокой / Антология ингушского фольклора в 10-ти томах. Т.1. Составление, перевод и комментарии И. А. Дахкильгова. Мифы. Обрядовый фольклор. Нальчик, Издательский центр «Эль-Фа», 2003.

6. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта: Наука, 2008.

7. Мартазанова Х. М. И. А. Дахкильгов – ученый, писатель, патриот, гуманист //Сборник докладов международной научно-практической конференции, посвященной 25- летию Республики Ингушетии. Магас, 2017. С. 140-146.

8. Николина Н. А.Филологический анализ текста. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 256.

9. Тимофеев Л. И. Основы теория литературы.М., «Просвещение», 1976. 480 с.

10. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник для студ. выш. Учеб. заведений / В.Е. Хализев. – 5-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2009. С. 280.

УДК 811.351

КАТЕГОРИЯ КОНТРАСТИВНОСТИ («РЕСТРИКТИВНОСТИ») В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ[1]

Т. А. Майсак
Институт языкознания РАН,
г. Москва

В работе описывается категория контрастивности (в других терминах, «рестриктивности»), впервые выделенная для ряда дагестанских языков в работах О. Ю. Богуславской. В самом общем виде функция показателей контрастивности связана с указанием на выбор из множества альтернатив. На примере текстовых корпусов двух языков, андийского и рутульского, описано морфосинтаксическое поведение и значение контрастивных показателей. Показана частотность контрастивных показателей с определениями и словами «один» и «другой», совместимость с именными и наречными группами. Сделаны выводы о сходствах и различиях в употреблении близких по базовой функции показателей разных языков.

[1] Работа над статьей выполнена в рамках проекта РФФИ №18-012-00852 «Морфосинтаксис андийского языка: опыт внутригенетической типологии».

Ключевые слова: *дагестанские языки, андийский язык, рутульский язык, контрастивность, рестриктивность, текстовые корпуса*.

The paper describes the category of ‘contrastivity’ or, in other terms, ‘restrictivity’, which was established for Daghestanian languages by Olga Boguslavskaja in 1980s. Contrastive markers, which express the choice of an element from a set of alternatives, are affixes or clitics in a number of languages of Daghestan. In the paper, the semantics and morphosyntactic properties of contrastive markers of two languages is described, namely Andi (Andic) and Rutul (Lezgic). It is shown that in the text corpora contrastive markers are especially frequent with attributes (adjectives and participles) as hosts, and also with words ‘one’ and ‘other’; at the same time, contrastive markers are also compatible with noun phrases and adverbials.

Keywords: *Daghestanian languages, Andi language, Rutul language, restrictivity, contrastivity, text corpora*

Введение. Выражение различных семантических категорий, в том числе *контраста* (выбора из множества альтернатив), может по-разному реализовываться в языках мира – как интонационно, так и лексически или же грамматическими средствами. Особенностью ряда дагестанских языков является именно грамматикализованное, морфологическое выражение контрастивности при помощи аффиксальных (или клитических) показателей. Поскольку категория контрастивности нечасто обсуждается в литературе, мы начнем наше изложение с краткой истории ее обнаружения в языках Дагестана.

В 1980-е гг. О. Ю. Богуславская (МГУ им. М. В. Ломоносова) выделила для ряда дагестанских языков грамматическую категорию *рестриктивности* – «смысловое и формальное противопоставление, характерное в первую очередь для адъективов», т.е. для прилагательных и причастий [1, с. 34]. Определения могут быть нейтральными с точки зрения рестриктивности либо маркированными как рестриктивные; в последнем случае рестриктивность выражена специальным показателем. Значение категории рестриктивности формулируется следующим образом: «Если маркированно рестриктивное определение X зависит от существительного Y, то это означает, что Y в данной ситуации мыслится в составе множества однотипных с ним Y-ов и выделяется из этого множества по признаку обладания свойством X (‘тот (те, такие) из Y-ов, который (которые) X’)». Так, например, если сравнить пару словосочетаний из дюбекского говора табасаранского языка *лидзи хини* ‘белая корова’ и *лидзи-сув хини* ‘бе́лая корова’, то

формально определение во втором сочетании отличается наличием показателя *-сув*. На семантическом же уровне «объект (корова) мыслится в составе множества подобных ему объектов и выделяется из этого множества по признаку обладания свойством, описываемым посредством определения (белизны)» [1, с. 35]. Неформально второе сочетание можно перефразировать как «та корова, которая белая (в отличие от остальных коров)».

В диссертации О. Ю. Богуславской рестриктивные показатели отмечаются для восьми идиомов: ахвахского, чамалинского, бежтинского (тлядальский говор), хваршинского (инхокваринский говор), лакского, чирагского даргинского, дюбекского табасаранского и кондикского табасаранского [1, с. 34], см. также обзор в статье [1, с. 236]. В большинстве этих языков маркированные по рестриктивности определения противопоставлены нейтральным, которые не содержат специальных показателей. В части же языков семантически нейтральные определения содержат специальный атрибутивный показатель (*-сса* в лакском, *-зе* в чирагском). Категория рестриктивности, по О. Ю. Богуславской, может охватывать, помимо собственно адъективов (прилагательных и причастий), также генитивы и так наз. «атрибутивы», т.е. словоформы с регулярным атрибутивным показателем. В работе высказывались сомнения в применимости именно термина «рестриктивность» к описываемому О. Ю. Богуславской противопоставлению. Авторы отмечали, что понятие рестриктивности не обязательно предполагает наличие в универсуме дискурса других сходных объектов, отличающихся только по релевантному свойству. Кроме того, в некоторых дагестанских языках «рестриктивные» показатели могут сочетаться не только с определениями, но и с именными группами без определения, имея тем самым другую функцию. В связи с этим в качестве более подходящего термина вместо «рестриктивности» было предложено использовать «контрастивность»: в этом случае подразумевается, что референт, для которого истинна пропозиция, выделяется из ограниченного множества референтов и противопоставляется остальным. Данную трактовку принимают Н. Р. Сумбатова и Ю. А. Ландер, описывая категорию контрастивности в тантынском даргинском (показатель *-ил*, мн.ч. *-ме*), см. [2, с. 220]. Далее мы также будем пользоваться именно терминами «контрастивный» и «контрастивность».

Материал и задачи исследования. Впервые идентифицировавшая класс контрастивных (в ее терминах, «рестриктивных») показателей О. Ю. Богуславская не рассматривает подробно их употребление. В

конкретно-языковых описаниях такие морфемы, как правило, также в лучшем случае лишь упоминаются (например, в разделе про частицы). Одним из исключений является работа [2, с. 220], в котором контрастивным показателям в тантынском даргинском посвящен специальный раздел.

В нашем исследовании мы обратились к анализу контрастивных показателей на корпусном материале – в центре внимания находился вопрос о том, какие именно слова (синтаксические составляющие) чаще всего модифицируются контрастивными показателями и насколько велико различие в их употреблении в разных языках. Были рассмотрены по два подкорпуса для двух дагестанских языков, андийского (аваро-андийская группа) и рутульского (лезгинская группа), в обоих случаях одним подкорпусом был сборник сказок, а другим – перевод Евангелия от Луки. Общее число примеров с контрастивными показателями составило около 150 для андийского (при общем объеме корпуса 28 тыс. слов) и около 100 для рутульского (при общем объеме корпуса 38 тыс. слов).

Контрастивный показатель в андийском языке. В андийском языке контрастивный показатель имеет вид *-гъиб* в андийском и в зиловском говорах и *-кIоб* в рикванинском говоре [3, с. 315]; в гагатлинском говоре используются оба варианта, ср. *бурmIа* ‘богатый’ > *бурmIа-кIоб* ‘тот, который богатый’, *бурmIа-гъиб* ‘тот, который богатый’ [4, с. 122]. В качестве именно контрастивного показателя *-гъиб* охарактеризован в упомянутой выше статье Анны А. Зализняк и В. В. Туровского, основанной на данных экспедиций МГУ им. М. В. Ломоносова.

Для нашего анализа мы привлекли два больших (и, насколько нам известно, пока единственных) текстовых источника по андийскому языку - это переведенный и изданный в 2010 году сборник 13 сказок народов мира и опубликованный в 2015 году перевод Евангелия от Луки; ссылки на данные издания см. ниже в списке источников. Оба они представляют собственно андийский говор. В сборнике сказок показатель *-гъиб* использован 36 раз[1], в переводе Евангелия -113 раз. Данные по употреблению *-гъиб* суммированы в Таблице 1.

[1] Анализ употребления андийского показателя *-гъиб* в сборнике сказок народов мира подробнее представлен в работе [Майсак 2018].

Таблица 1

Показатель *-гъиб* в андийских текстах

	Евангелие	Сказки	Всего
Объем корпуса (в словах)	19000	8500	27500
Количество *-гъиб*, в том числе:	113	36	149
с числительным «один»	13	6	19
с местоимением «другой»	12	7	19
с местоимением «весь, все»	16	4	20
с демонстративом	6	1	7
с вопросительным местоимением	6	0	6
с рефлексивом	0	1	1
с личным местоимением	1	0	1
с существительным (номинатив)	2	4	6
с прилагательным	17	3	20
с причастием	37	10	47
с послелогом	3	0	3

Как показывают текстовые данные, использование *-гъиб* в значительной степени свойственно словам атрибутивного класса, в первую очередь прилагательным и причастиям (примерно половина всех употреблений), см. (1) и (2)[1]. При этом *-гъиб* далеко не всегда маркирует определения – в роли опорного слова могут выступать и именные группы (в т.ч. субстантивные формы местоимений), а также группы с послелогом *лекIу* «больше (чем)». В случае, когда *-гъиб* маркирует именную группу, передаваемое значение можно охарактеризовать как контрастивный топик («а что касается X, то...»), см. (3).

(1) *...мичIи-гъиб воццуди лъиромчуллолIи тIалабло идя бикIводду.*

‘{Старший брат чинил канаву, средний катал на крыше каток,} а младший (маленький-CONTR) брат следил за жерновом.’ [Сказки, *МухаллIи пайдаллIи гьакъиллIи...*]

(2) *...энщуй буккудя-гъиб ирсиллълъи камар иччо.*

‘Отдай мне часть имущества, которое мне причитается (букв. мне должное наследство, должен.PTCP.PRS-CONTR)’ [Лука 15:12]

[1] Ниже в приводимых примерах мы отделяем контрастивные показатели дефисом для большей наглядности; в оригинальных текстах эти показатели в обоих языках пишутся слитно с опорным словом. В фигурные скобки заключены фрагменты предшествующего контекста.

(3) *Во, муалим! Ищиди-гъиб эбиду буккудя?*
‘Учитель, а мы (мы.ERG-CONTR) что должны делать?’ [Лука 3:12]

Четверть всех употреблений *-гъиб* (25,5%) приходится на слова «один» и «другой», причем эти слова в андийском языке непосредственно связаны: местоимение *се-б-ло* «другой» образовано от числительного *се-б* «один» (с суффиксальным классным показателем). Семантически склонность контрастивного маркера к этим словам закономерна, поскольку в таких случаях идет противопоставление либо одного референта множеству, либо двух референтов между собой, см. (4). Значение «другой» чаще всего имеет и сочетание указательного местоимения (демонстратива) с контрастивом, см. (5). Также особенностью андийского языка является распространенное использование *-гъиб* с универсальным местоимением *иб* «весь, все», см. (6). Это употребление, напротив, кажется скорее неожиданным, поскольку универсальное местоимение исчерпывает множество альтернатив, так что семантику контраста в данном случае усмотреть труднее (возможно, речь может идти о противопоставлении множества всех референтов любому другому подмножеству этого множества). Заметим, что ни при словах «один» и «другой» (в контексте противопоставления), ни при слове «весь, все» использование *-гъиб* не является строго обязательным – в текстах встречаются сходные примеры без использования этого показателя.

(4) *Сев-гъиб гьегешуво рихиня, севло-гъиб – гьилудя.*
‘{Ни один слуга не может служить двум господам:} одного (один.M-CONTR) он будет ненавидеть, а другого (другой.M-CONTR) любить.’ [Лука 16:13]

(5) *Желомул релъолълъи гьундоб-гъиб рагьалло вугъгъинну.*
‘Давайте переправимся на другой (тот.N-CONTR) берег.’ [Лука 8:22]

(6) *Ургъунниб гъалбацIулало, билочIу бахуннирсси иб-гъиб гьайванучIу гъгъу ватилогусси!*
‘Подумай и о льве, самом сильном из всех (все-CONTR) зверей, живущих в горах!’ [Сказки, *ГъалбацIило гьинкIкIуло*]

Контрастивный показатель в рутульском языке. В рутульском языке контрастивный показатель имеет вид *-бый*, в кининском говоре *-бай*. Как правило, показатель сопровождается атрибутивным суф-

фиксом *-ды*. С. М. Махмудова характеризует *-быйды* как «определительную частицу», которая «выделяет один предмет из числа других подобных, фиксирует внимание на одном предмете из других подобных», ср. *са-быйды кьыхъ* ‘один из телят’, *ми-быйды зер* ‘вот эта корова (из других)’» [4, с. 215]; в той же работе *-бай* назван суффиксом/инфиксом-«актуализатором». В недавней статье, написанной на материале кининского говора, частица *-бай* характеризуется как контрастивная, выражающая «противопоставление между элементами множества похожих объектов».

Для корпусного анализа мы привлекли два текстовых источника, оба они представляют мухадский говор - это изданный в 2004 году перевод Евангелия от Луки и рутульские тексты, вошедшие в 1- 4 тома «Свода памятников фольклора народов Дагестана» (всего 55 текстов, в основном небольших по объему). В фольклорных текстах показатель *-бый* употреблен 20 раз, в переводе Евангелия - 74 раза. Данные по употреблению *-бый* суммированы в Таблице 2.

Таблица 2

Показатель *-бый* в рутульских текстах

	Евангелие	Свод	Всего
Объем корпуса (в словах)	19200	19200	38400
Количество *-бый*, в том числе:	74	20	94
с числительным «один»	16	10	26
с демонстративом	11	7	18
с прилагательным	6	2	8
с причастием	35	1	36
с наречием	4	0	4
с существительным (локативы)	2	0	2

В рутульских текстах контрастивный показатель менее частотен, и разнообразие опорных слов также менее значительно. Как и в андийском, почти в половине случае в роли опорных слов выступают прилагательные и причастия, см. (7) и (8). Аналогично, в рутульском значительная часть употреблений контрастива (почти 47%) приходится на слово «один» либо на демонстратив, который в сочетании с показателем *-бый* приобретает значение «другой», см. (9) и (10). В единичных случаях отмечены сочетания *-бый* с наречиями и локативными формами имени, см. (11) и (12).

(7) *Джыбра хъуд йыгъа жине кIаъды-быйды рыш сириргара.*

‘На следующий день мачеха отправила свою младшую (маленький-CONTR) дочь.’ [Свод, т. 2, №47]

(8) *Амма Ва гьухьуд-быйды кьуле йыкьыхь, За гьухьуд ваъ!*

‘Но пусть не Моя воля (букв. мной сказанное, говорить.PTCP.PFV-CONTR) исполнится, а Твоя!’ [Лука 22:42]

(9) *Са-быйды гъыIрчехъанара рухьура...*

‘И тут один (один-CONTR) из охотников говорит...’ [Свод, т. 4, №83]

(10) *Тим-быйние рухьура: (...)*

‘{Героиня рассказа видит трех девушек. Одна говорит (...).} Другая (тот-CONTR.ERG) говорит: (...)’ [Свод, т. 2, №60]

(11) *...хьура-бый «Иуда» хьур дур гъад ЦIыкьIурникпаа сабыйды гине.*

‘{Когда Он это говорил, появилась толпа,} и впереди (впереди-CONTR) шел тот, кого звали Иудой, один из двенадцати.’ [Лука 22:47]

(12) *ЙыкьIахълаа-бый йиркьыр, гьа керыркьара ГьIасад чухуйед этегек.*

‘Подойдя сзади (спина.POST.ELAT-CONTR), она прикоснулась к краю Его плаща.’ [Лука 8:44]

Функция контрастивного показателя при наречных группах, по всей видимости, также состоит в подчеркивании указываемого направления или локализации, например, «впереди (из других возможных местоположений)», «сзади (из других возможных направлений)» и пр. Эта функция упоминается в работе С. М. Махмудовой, которая говорит о том, что *-бый* выражает в данном случае «совсем конкретизированное направление»: *мидиъне-бый* «именно по направлению сюда» (< *мидиъне* «по направлению сюда»), *тиниъне-бый* «именно по направлению туда» (< *тиниъне* «по направлению туда»), *гъаъна-бый* «именно снаружи, наружу» (< *гъаъна* «по направлению наружу») [3, с. 203].

Заключение. Анализ употребления контрастивных показателей в текстах двух не близкородственных дагестанских языков показывает как сходства, так и различия между этими показателями. Как мы упо-

минали выше, в двух языках показатели контрастива имеют разную частотность: если для андийского корпуса частотность *-гъиб* составляет 5,42 употребления на тысячу слов, то для рутульского она более, чем вдвое меньше - 2,45. Распределение по типам опорных слов (составляющих) также различается, однако здесь можно выделить общее ядро: в обоих языках наиболее частотны контрастивные показатели именно на определениях (в особенности прилагательных и причастиях), хотя не ограничены ими, но встречаются и на именных и адвербиальных группах. Также бросается в глаза распространенность контекстов, в которых контрастивный показатель следует за словом «один» или «другой». Появление контрастива на слове «другой» факультативно в андийском языке, однако он является обязательным компонентом местоимения «другой» в рутульском (где «другой» происходит из сочетания демонстратива с контрастивом, ср. *тин* «тот» > *тимбайды* «другой»)[1].

Для каждого языка можно отметить употребления, не характерные для другого - так, в андийском это факультативное использование контрастива при местоимении «весь, все», а также на именных группах в функции контрастивного топика («что касается X, ...»). В рутульском к таким употреблениям можно отнести появление контрастива на наречиях и локативных формах имени. Можно надеяться, что дальнейшие сопоставительные исследования контрастивных маркеров позволят четче выделить «ядро» и «периферию» их употреблений в языках нахско-дагестанской семьи.

В заключение отметим, что обоих рассмотренных нами языках контрастивные маркеры обладают сходными морфосинтаксическими свойствами: группа, которую они оформляют, может выступать как в функции определения, так и подвергаться субстантивации. В последнем случае от формы на *-гъиб* и, соответственно, *-бай(ды)* образуется регулярная падежно-числовая форма, ср. андийское *севло-гъиб* «другой» (номинатив) > *севло-гъиб-ш-ди* (эргатив, с показателем косвенной основой мужского рода *-ш-* и падежным суффиксом *-ди*), аналогично рутульское: *тим-бый-ды* «другой» (номинатив, с атрибутивом *-ды*) > *тим-бый-ни-е* (эргатив, с показателем косвенной основой одушевленного типа *-ни(й)-* и падежным суффиксом *-е*). Для андийских показателей *-кIоб* и *-гъиб* наиболее правдоподобным кажется происхождение из форм перфективных причастий бытийных глаголов

[1] О деривационных моделях слов со значением «другой» в нахско-дагестанских языках см. [Lander, Maisak (to appear)].

(«тот, который является») *бикIоб* и *бигъиб*. Этимология рутульского *-бый* / *-бай* пока остается неясной.

Литература:

1. Богуславская О. Ю. Структура именной группы: определительные конструкции в дагестанских языках: дис… канд. филол. наук. М., 1989. 205 с.

2. Зализняк Анна А., Туровский В. В. О месте категории рестриктивности среди смежных явлений // Лингвистические исследования: Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. Ч. I. М.: Наука, 1984. С. 113-121.

3. Махмудова С. М. Морфология рутульского языка. М.: Советский писатель, 2001. 256 с.

4. Салимов Х. С. Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. 420 с.

5. Сулейманов Я. Г. Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1957. 431 с.

6. Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014. – 752 с.

7. Федоренко А. И., Федоренко А. А. Контрастивный показатель -baj- / -bajdi- в рутульском языке // Материалы III Студенческой конференции Института лингвистики 2017. М.: РГГУ, 2019.

8. Boguslavskaja O. Ju. Genitives and adjectives as attributes in Daghestanian // Plank F. (ed.). Double Case: Agreement by Suffixaufnahme. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 230-239.

9. Lander Y., Maisak T. ‘Other’ strategies in the Eastern Caucasus // Iran and the Caucasus. To appear.

Источники:

1. Дунялла бахуннирсси халгъгъиллIол гъгъванаб мицIцIиллассол мухал / Отв. ред. П. А. Магомедова, пер. М. А. Алисултановой. Махачкала: ИД «Нуруль иршад», 2010. 26 с. (Сказки народов мира на андийском языке)

2. Лукадаады шадды хабар / Пер. С. М. Махмудова; ред. М. Е. Алексеев. М.: Библие мадды чIилмыы хъывгад Институтара, 2004. – 135 с. (Евангелие от Луки на рутульском языке)

3. Лукашди босам ергьанолълъи хабар. М.: Библияллълыс таржама идя институти, 2015. 180 с. (Евангелие от Луки на андийском языке)

4. Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 1. Сказки о животных / Сост. А. М. Ганиева. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. 377 с.

5. Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 2. Волшебные сказки / Сост. А. М. Ганиева. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. 652 с.

6. Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 3. Бытовые сказки / Сост. Ф. А. Алиева. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. 565 с.

7. Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 4. Мифологическая проза / Сост. М. Р. Халидова. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. 293 с.

УДК 81-21

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМ СОСТАВА АВАРСКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ «ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ» КАК ГЕНДЕРНОГО СТЕРЕОТИПА

Л. А. Мисиева,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

В настоящей статье впервые определены особенности лексико-грамматического состава аварских гендерных паремиологических единиц, характеризующих женщин: выявлены и интерпретированы субстантивные и оценочные глагольные символические лексические единицы, формирующие положительные и отрицательные образы женщин; охарактеризованы коннотативные составляющие гендерно обусловленных паремиологических образов.

Ключевые слова: *аварский язык, паремии, женские образы, лексико-грамматические особенности, принцип алогизма, коннотации, смысловые отношения.*

This article for the first time identifies the features of the lexicon-grammatical composition of the Avar gender paremiological units that characterize women: the substantive and appraisal verb symbolic lexical units that form positive and negative images of women; characterized by connotative components of gender-based paramyological images.

Keywords: *Avar language, paremia, female images, lexicon-grammatical features, the principle of alogism, connotations, semantic relations*

Аварские паремиологические единицы, характеризующие женщин, ни в лингвистическом, но в лингвокультурологическом аспектах специально не изучались, чем объясняется актуальность рассматриваемой в данной статье проблемы. Основной целью статьи является анализ особенностей лексического состава и морфолого-синтаксических свойств компонентов характеризуемых паремиологических единиц.

Паремиологический материал для исследования был собран из сборников аварских пословиц и поговорок [1; 2]. В целях сохранения национально-культурных образов аварских паремий в основном использованы дословные переводы на русский язык. Анализ собранного материала в соответствии с поставленной целью свидетельствует о следующем.

Лексический состав рассматриваемых паремий, прежде всего, определяется обозначением тех видов деятельности, которые актуализируются в качестве традиционно приписываемых женщине-жене, хозяйке дома. Лексические составляющие данных паремий по этой причине носят характер женской символики: обозначаемые лексическими единицами реалии получили соответствующую интерпретацию в качестве культурных знаков аварского языка. Соответственно женщина в паремиях оценивается положительно или, напротив, негативно в зависимости от того, насколько она соответствует народному идеалу, представлениям носителей аварского языка об образе женщины-горянки.

К числу таких символических лексических составляющих гендерных паремиологических единиц, характеризующих женщин, относятся следующие субстантивные языковые знаки культуры: *мерго* «веретено для прядения», *нах* «масло» (характеризует процесс сбивания масла в женщинами в глиняных кувшинах), *панкъ* «лепешка», *ц1ам* «соль», *чед* «хлеб», *хинк1ал* «хинкалы в виде крупных галушек» (оценивается работа женщины на кухне), *г1ака* «корова» (обозначается процесс дойки коров), *лъим* «вода» (символ женской стихии), *т1анса* «ковер», *салмаг* «палас» (обозначается процесс ковроткачества как традиционно женского ремесла), *т1ор* «колос», *мугь* «зерно», *хер* «трава», *ч1ар* «сорняки», *хур* «пол», *сум* «стебель зерновых» (символизируют сельскохозяйственные работы), *бокь* «сарай», *боц1и*

«скот» (слова с зооморфным кодом культуры), *квар* «нитка», *рукъи* «шитье; шов», *к1векьмахх* «ножницы», *рук1к1ен* «иголка», *хьит* «обувь», *гурде* «платье» (слова, оценивающие способности женщины шить, вязать).

Такие субстантивные компоненты, используемые в паремиологических единицах, рисуют тот или иной (положительный или отрицательный) портрет женщины в зависимости от степени её соответствия представляемому в языковом сознании аварцев идеалу:

Рос какулаго, рукъ кварай, г1ака какулаго, нах кварай «Сетуя на мужа, ест нажитое [мужем], сетуя на корову, масло ест». *Рокъобго къулг1аги тун, къват1иса лълъим баччарай* «Имея родник дома, с улицы воду носит». *Хер ч1ег1ер, ч1ар халат* «Трава [для кошения] стала ненавистной (*букв*. «черной»), сорняки стали длинными» [не убираются]. *Панкъ гьабизе лъим щвеч1ей, лълъелълъе базе ц1ан щвеч1ей* «Чтобы лепешки печь, воды не нашла, чтобы в воду сыпать, соли не нашла» (о никчемной женщине), *Гъаст1а кето кьариай, бокьоб боц1и х1алакъай* «У очага кошка [у которой] жирная, а в хлеву [у которой] скот худой». *К1векьмаххгун барщарай, рук1к1енгун кьаллъарай* «С ножницами не дружит, с иголкой в ссоре». *Гьоболлъухъ унелъул хьитал рукъарай, хьвадизе унелъул гурде букъарай* «Обувь сшила, [только] когда в гости собралась, платье сшила, [только] когда выйти собралась».

Глагольные составляющие рассматриваемых паремиологических единиц связаны также в основном с женскими работами, с выполнением ею обязанностей хозяйки, жены, что соответственно актуализируется глагольными языковыми средствами: *букъизе* «шить», *беч1ч1изе* «доить», *гьабизе* «делать; печь, готовить», *лъехьезе* «подметать», (лъим) *баччизе* «(воду) носить», *лъилъазе* «жать (поле)», *хинк1ал гьаризе* «готовить хинкалы», *бессизе* «ткать», *чуризе* «стирать» и т.д.

Ср.: *Нух бихьидал, хьит букъарай, гьобол вач1индал, рукъ лъухьарай* «Увидев дорогу, обувь сшила, когда гость пришел, дом подмела». *Бессараб т1анса сурмияй, салмаг гвангъарай* «Сотканный ковер [у которой] красив, палас [у которой] ярок». *Ц1улада барахщун, ц1а свине тарай* «Пожалев дрова, огню погаснуть дала». *Ц1илиц1 хвелебилан лъехьоларей, лъим т1аг1инебилан чердоларей*. «Думая, что испортится веник, не подметает, думая, что кончится вода, не купается». *Гъизараб чуруларей, чурараб ц1унуларей* «Грязное не стирает, постиранное не бережет».

В лингвистической литературе при анализе фразеологических и паремиологических единиц обсуждается принцип алогизма, используемый для формирования фразеологических образов и создания образно-оценочных компонентов поэтических произведений. Группа анализируемых паремиологических единиц, характеризующих женщин, как и фразеологизмы, строится на принципе алогизма. Такие паремиологические единицы в основном характеризуются негативными коннотациями.

Г1адада теларилан, хвараб г1ака бечIч1арай «Чтобы даром не пропала, мертвую корову подоила». *Г1акайилан ккун, х1ама бечIч1арай* «Думая, что корова, осла подоила». *Г1одизе ккедал – йоххарай, йоххизе ккедал – г1одарай* «Когда надо плакать – радуется, [а] когда надо радоваться – плачет». *Гьуинаб кьог1лъарай, кьог1аб гьуинлъарай* «Садкое [для которой] стало горьким, [а] горькое стало сладким».

В паремиологических образах осуждаются такие качества женщины, как неаккуратность, нечистоплотность, отсутствие заботы о доме, экономности, хозяйственности и т. д.. Напротив, положительно оцениваются способности женщины шить, ткать, наводить в доме порядок. В части таких премий, в основном отрицательно характеризующих женщин, реализуются противительно-уступительные смысловые отношения:

Рак1алъ хвел гьарулей, к1алалъ сагълъи гьарулей «[Хотя] сердцем смерти желает, словами здоровья желает». *Сах1ие жо рокъоб гьеч1ей, къолоде жо т1ад рет1уней* «[Хотя] В доме на сах [маленькая мерка для муки, зерна] нет ничего, [но] одевается на кали [большая мерка] – в смысле «В доме пусто, а тратит густо». *Г1орго бахъиналде лъитал рахъарай* «Еще до реки [хотя] не дошла, но обувь сняла». *Рокъобго къулг1аги тун, къват1иса лълъим баччарай* «Имея дома родник, с улицы воду носит».

Реализация противительно-уступительных отношений в приведенных выше паремиях поддерживается оппозиционно противопоставленными лексическими единицами: *хвел – сагълъи* «смерть – здоровье», *г1одизе – йоххизе* «плакать – радоваться», *гьуинаб – кьог1аб* «сладкое – горькое», *г1ака – х1ама* «корова (дойная) – осел», *рак1 – к1ал* «сердце – слова» (букв. «рот»), *сах1 – къали* «сах [маленькая мерка для муки/зерна] – кали» [большая мерки для зерна/муки»], *рокъоб – къват1иб* «дома – вне дома».

В части характеризуемых паремий негативно оценивается неадекватное поведение женщины, неумение слушать и слышать

наставления, советы, отсутствие ответственности. Соответственно лексический состав таких паремий носит несколько другой характер: *бицине* «сказать, советовать, наставлять», *к1ал гъезе* «болтать», *тезе* «не слушать [совета], оставлять без внимания», *цее к1анц1изе* «выскакивать вперед» (символизирует отсутствие женского этикета, скромности), *нуц1а къазе* «прекратить что-либо делать» (*букв*. «дверь закрыть») т.д. Ср.:

Радал бицараб къоркъое арай, къаси бицараб борхьие арай «Что, советовали утром, то оставила для лягушки, что советовали днем – оставила для змеи» (используются аллегорические зооморфные образы). *Раг1уда х1ат1ал лъурай, х1алт1уда нуц1а къарай* «К словам ноги пришила [=болтает много], на работу дверь закрыла [работать не любит]» (в паремии использованы фразеологические образы). *Рекъеч1елъуб к1ал гъурай, к1варич1елъуб бер гъурай* «Где не следует, языком болтает, куда не нужно, глаза глядят» (использованы фразеологические образы *к1ал гъезе* «болтать», *бер гъезе* «пристально смотреть»). *Г1акълу бикьулелъул, нахъа хут1арай, хабар бикьулелъул цее к1анц1арай* «Ум [когда] раздавали – отстала [от других], слова (=болтовню) [когда] раздавали – вперед выскочила» (использовано контекстуальное антонимическое противопоставление *нахъа хут1изе* «отстать; не высовываться вперед» – *цее к1анц1изе* «высовываться (*букв*. «прыгать») вперед»). *Цогърониб гьури барай, гьороб бакъ барай* «В закромах ветер гуляет, в сарае засуха наступила» (в смысле «Нет ни зерна в закромах, ни сена в сарае»).

В морфологической и структурно-грамматической организации рассматриваемых паремиологических единиц наблюдаются некоторые особенности, не характерные для узуса. Так, например, в качестве предикатов используются причастные формы, замещающие позицию финитных форм глагола:

Рокъобго къулг1аги тун, къват1иса лълъим баччарай [прич.] «Имея родник в доме, с улицы воду носит». *Дибирги къезавулей* [прич.], *къадиги ч1езавулей* [прич.] «И дибира поспорит (*букв*. «победит»), и кадия остановит» (слова *дибир* и *къади* обозначают звания/статус служителей мусульманской религии).

В предикативной функции используются также краткие прилагательные, что не характерно для узуса (краткие прилагательные в узусе употребляются в определительной функции или же во фразеологизмах, представляющих собой результат редукции паремиологических единиц):

Хер ч1ег1ер [кр. прил.], *ч1ар халат* [кр. прил.] «Трава [у которой] черная [= косить не любит], сорняки [которой] длинные [убирать сорняки не любит]. *К1ал бег1ер* [кр. прил.], *г1акълу дагь* [кр. прил.] «Слова острые [любит болтать], ума мало».

В первой паремиологической единице цветообозначение *ч1ег1ер(аб)* «черный» употреблено в символическом переносном значении. В паремиологических и фразеологических единицах слова в переносных метафорических значениях (в том числе цветообозначения), приобретают особый символический смысл, становясь при этом культурными знаками языка [5, с. 107].

В части паремий в функции отрицания *ни-ни* используется необычная морфологическая адъективная форма *гурей*, образованная от *гуро* «нет» с классно-согласовательным «женским» показателем *-й*:

Аллагаь разияб г1амал гурей, г1адамал разияб пиша гурей «Ни угодного богу поведения, ни угодного [полезного] людям дела». *Лъимер лъезе чехь гурей, чохт1о кквезе гъал гурей* «Ни утробы для ребенка, ни кос для головного убора».

Ещё одной особенностью характеризуемых паремий является использование в постпозитивной предикативной функции экспрессивно-оценочных прилагательных, образованных от генитивных форм существительных: *Кверал меседил-ай, рукъи г1арцул-ай* «Руки [у которой] золотые, шитье [у которой] серебряное (=красивое). *Мерго меседил-ай, т1агъди г1арцул-ай* «Веретено [у которой] золотое, чашка для веретена [у которой] серебряное».

В приведенных паремиологических образах прилагательные, образованные от названий металлов (*месед* «золото», *г1арац* «серебро), использованы в качестве символов красоты, изящества. Особенно в этом отношении следует отметить, оценочное употребление прилагательного *г1арцулай* «серебряная», традиционно выступающего в аварском и других дагестанских языках в качестве символа женской красоты.

Все отмеченное выше относительно специфики лексико-грамматического состава аварских паремиологических единиц, характеризующих женщин, позволяет сформулировать ряд выводов.

В рассматриваемых паремиологических единицах употребляются исторически получившие фемининную интерпретацию культурные знаки языка. Большинство анализируемых паремий носит образно-оценочный характер. Положительные или негативные коннотации, выражаемые данными паремиями, определяются степенью соответствия женщины представлениям носителей языка об её идеале.

Определенную роль в формировании негативных паремиологических образов женщины играют принцип алогизма и грамматическая

семантика конструкций (=противительно-уступительные смысловые отношения).

К числу грамматических особенностей можно отнести предикативное функционирование причастий и кратких прилагательных, а также использование особых адъективных грамматических форм в служебной функции.

Литература:

1. Алиханов З**.** Аварские пословицы и поговорки. Махачкала, 1972. 332с. (На ав. яз.).
2. Алиханов З., Алиханов С**.** Аварские пословицы и поговорки. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2012. 584 с. (На ав. яз.).
3. Максимова Н.А**.** Противоречие как одно выразительных средств поэтического языка//Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. 18-21 марта 2004 года. Труды и материалы. – М.: Изд-во Московского университета, 2004. С.219.
4. Маниева Н.С**.** Прилагательные-эпитеты в современной поэтической речи: лингвистический анализ. Дисс…к. филол. н. Махачкала, 2006.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2004. 208 с.
6. Мисиева Л.А. Образ человека в зеркале аварских паремиологических единиц, построенных на принципе алогизма // Ученые записки Орловского государственного университета.- № 4 (77), 2017. С. 128-132.
7. Олифиренко Л.В. Конструкции с семантически несовместимыми словами в поэтической речи А.Дементьева//Вестник Дагестанского государственного университета. Вып. 3. Филологические науки. Махачкала, 2013. С. 200-203.
8. Самедов Д.С. Образ человека в зеркале фразеологических единиц, построенных на принципе алогизма (на материале ФЕ дагестанских языков) // Вестник Дагестанского государственного университета. Выпуск 3. Филологические науки. Махачкала, 2011. С. 101-104.
9. Солодуб Ю.Л**.** Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объекта лингвокультурологического исследования // Филологические науки, 1999, № 1. – С. 59.
10. Шустов А.Н. Горячий снег, злое добро и другие «нелепицы» // Русская речь, 2006, № 6. – С.47.

УДК 811.1/.2

РОЛЬ ПРИРОДЫ В РОМАНЕ МАРГАРЕТ ДРЭББЛ «ЭКСМУРСКАЯ ВЕДЬМА»

Э. К. Мойдинова
Университет мировой экономики и дипломатии,
Узбекистан

В статье рассматривается представление природы в изображение дамского нрава в романе современной британской писательницы Маргарет Дрэббл. Природа, а тем более лес играет весомую роль в описание необычных черт главной героини, так как она любит жить в лесу, не обращая внимания на то, что она жила в не плохих условиях и воспитала трех детей. Ее отношение к природе, животным в лесу, раскрывает ее внутренний мир и эксцентричность в ее нраве.

Ключевые слова: *природа, лес, женщина, роман, изображение, место, характер*.

The presented article focuses on the meaning of nature in describing woman character in the novel of modern woman English writer Margaret Drabble. Nature, especially forest plays an important role in presenting the main character's eccentric features as the main character prefers to live in the forest though she has lived in comforts and brought up three children in her life. Her attitude towards nature, forest, animals reveal her inner world and unusual feature in her personality.

Key words: *nature, forest, woman, novel, description, place, character*

В *процессе* работы над произведением *писатель* уделяет внимание конкретным деталям, поскольку он служит важным ключом к представлению идеи романа. Герои романа действуют по этой детали, который исследуется по мышлению и отношению к миру. В романе эта деталь может оставаться неактивной, но для автора это важно в представлении идеи. Одним из таких литературных приемов является природа, а именно лес. Для некоторых писателей леса обычно являются местом, в котором живут и выживают дикие животные, дикие птицы. Описывая леса как место, автор представляет связь между человечеством и природой. Для известного американского писателя Джека Лондона (1876-1916) природа была местом, в котором он представил связь между дикими животными и человечеством. Для русско-

го писателя Михаила Пришвина (1873–1954) это было место, где он исследовал жизнь животных и их отношение к людям. Для других авторов описание лесов используется в романах как загадочное место, где герои могут убежать и выжить, поскольку они не могут присоединиться к обществу из-за своих грязных поступков. Писатели, которые наслаждались красотой лесов, начали использовать описание леса как литературный прием, представляя не только идею, но и демонстрируя необычные характеристики своих главных героев в романах.

Известная английская писательница XX века Маргарет Дрэббл в предисловии к своей книге «Британская писательница» заявляет, что «в начале девятнадцатого века любовь к природе, почти заменила любовь человечества как тема для литературы. Хотя английский поэт Роберт Браунинг предпочитал Италию и писал: «О, хорошо бы быть в Англии сейчас, когда там апрель», другой английский поэт Джордж Байрон не смог сдержать всплеск энтузиазма при виде белых скал Дувра и зеленых полей Кента» (Дрэббл, 2009: 6). Для Уильяма Вордсворта, известного английского поэта эпохи романтизма в английской литературе, природа стала важной темой. «Река Дервент и горы Камберленда были для него как мать и отец. Уильям Вордсворт установил новые отношения между человеком и миром природы» (Дрэббл, 2009: 149). «Вордсворт не только рассматривал мир природы как жизненно важное формирующее влияние на человека; он был по крайней мере наполовину убежден, что каждый живой объект, даже растения и деревья могут испытывать радость и горе. Мир был живым символом, но более того, он жил сам по себе» (Драббл, 2009: 153). Так как, природа – это реальность жизни. Определение реальности может быть всем, что перестает существовать в жизни человека. Поскольку реальность означает что-то, что не является ни производным, ни зависимым, но существует обязательно, природа должна быть частью жизни каждого человека. Как отдельные люди, мы склонны забывать о красоте, которую дала нам природа, и видим только те предметы и предметы, которые хотим видеть.

В романе современной женщины английский писатель Маргарет Дрэббл Форест помогает читателю понять эксцентричность главной героини Фриды Палмер. Для писателя лес – это место, где Фрида может осуществить свою мечту, подумать о своей жизни и задуматься над ней. Отношение Фриды к лесу, животным, птицам показывает ее личность как хорошей женщины, матери и бабушки.

Название романа «Эксмурская ведьма» (1996) дает представление о личностных качествах главной героини Фриды Палмер. Ведьма –

это «женщина, которая, как считается, обладает злыми магическими способностями, обычно изображается как одетая в черный плащ и остроконечную шляпу и летящая на метле» (CALD, 2008: 1035). Она – главный отрицательный герой, описанный в сказках, и никогда не делает ничего хорошего для людей. Даже внешность ведьмы раскрывает ее черты как необычной старухи. Еще одна негативная ассоциация с ведьмой заключается в том, что у нее не складываются хорошие отношения с детьми, по натуре она не любит детей, и дети ее боятся. Но в «Эксмурская ведьма» автор представляет совершенно другую «ведьму», которая обладает совершенно разными чертами и имеет положительные характеристики. Фрида Палмер, ведьма романа, – мать, у которой трое взрослых детей. Все ее дети образованы, имеют свои семьи и детей, нашли свое место в современном британском обществе.

Роман начинается с ужина, на котором взрослые дети Фриды приходят к решению, что делать со своей матерью. По словам ее детей, Фрида сошла с ума или потеряла сознание. Но они не могут найти никаких признаков, которые могли бы доказать некомпетентность Фриды. Для них решение Фриды переехать в Эксмур и остаться там становится знаком, доказывающим ее эксцентричность. Фриде не важно, что они думают, потому что она никогда не была внимательной матерью, когда они были дети. Чтобы воспитать своих детей, Фрида писала истории чтобы заработать на жизнь. Но теперь ее взрослые дети уже стали родителями, и поэтому она не беспокоится о них. Ее дети чувствуют, что она чудовище из-за ее прошлой и нынешней невнимательности. Они действительно понятия не имеют, как она проводит свои дни, и кто ее друзья.

Критик Мандова Анна утверждает, что «Эксмурская ведьма» рассказывают об успешном авторе Фриде Палмер и ее отношениях с тремя детьми и их супругами» (Mundow, 1997: 6). Когда Фрида решает переехать в развалины дома в Эксмуре, чтобы изучить ее жизнь и написать мемуары, ее семья начинает обсуждать, кто должен присматривать за матерью. Фрида просто самостоятельно живет своей жизнью, и она, кажется, всегда презирала своих детей, их работу, их супругов, их привычки и их душную, самодовольную жизнь. Но только теперь, в старости, она решила покинуть их и современную Англию: оставив свою машину в пробке, продав семейный дом и поселившись в затворнической резиденции в полуразрушенном с видом на море. Ее жизнь в Эксмуре считается местом или источником, который может раскрыть ее эксцентричные черты как ведьмы. Эксмур – область вересковой пустоши с густым лесом, расположенная на скале у

моря. Природа Эксмура – это место, где Фрида ведет себя и демонстрирует себя как ведьма романа. Дом, в котором она обосновалась, огромен, отвратителен и необитаем. Электричество там часто отключается, и дом вот-вот упадет в море. Фрида купила полуразрушенный викторианский замок из тридцати комнат у моря. «Дом называется Эшком, скучное пригородное название, которое Розмари назвала великой готической глупостью… Ни свет, ни звук не появляются на ее далекой планете» (Дрэббл, 1998: 85). То, как автор описывает Эксмур, раскрывает стиль жизни Фриды, который напоминает ведьму: «Эксмур был полон чудаков. Хотел бы нормальный человек жить один в таком месте, как Эшком? Эшком имел плохую репутацию. Никто из нормальных людей никогда не жил бы в Эшкоме. В отель могли прийти обычные гости, но и они не задерживались надолго. И менеджер сходил с ума. Так же, как и владелец, и адмирал в отставке, который построил этот отель. Не было никаких оснований для того, чтобы жить в одиночку в Эшкоме. (Дрэббл, 1998: 167). Как видно из описания, Фрида также предпочитала гулять в одиночестве и находить компромисс в общении только с животными и птицами в Эксмуре.

Отношение Фриды к своему дому также показывает ее необычную черту, поскольку она не думает о порядке в своем доме. Ее место не иллюстрирует тепло, которое обычная женщина может создать в своем доме, даже предметы, хранящиеся в доме Фриды, представляют ее странную особенность: «Весь дом был свалкой, с огромными грибами и плесенью в местах. Наверху у нее был глобус, бинокль и текстовый процессор. Она сказала, что нашла человеческий череп под половицами…» (Дрэббл, 1998: 109).

Описание природы, особенно леса, отношения женщины к природе, помогает автору представить, насколько эксцентрична главная героиня. Таким образом, можно утверждать, что природа становится устройством, иллюстрирующим необычные черты личности Фриды Палмер. Даже в конце романа Фрида таинственно исчезает, как это происходит с ведьмами в сказках.

Литература:

1. Drabble M.A. Writer’s Britain. Thames & Hudson, 2009. 288 p.

2. Cambridge Advanced Learner’s Dictionary, Third Edition CUP, 2008.

3. Mundow A. “The Witch of Exmoor” by Margaret Drabble. Los Angeles Times, 1997.

4. Drabble M. The Witch of Exmoor. A Harvest Book, 1998. – 281 p.

УДК 801.52

ФАТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ КУЛЬТУР (на материале английского и табасаранского языков)

М. Ш. Мустафаева
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

В статье рассматривается фатическая, или контактоустанавливающая, функция обращений к лицу в разноструктурных английском и табасаранском языках. На основе изучения этикетов установлено общее и национально-специфическое в приветствиях, прощаниях, поздравлениях, пожеланиях, а также дежурных разговорах о погоде как основных примерах проявления фатической речи между участниками речевого общения.

Ключевые слова: *интенция, фатическая речь, контакт, функция, обращение.*

Abstract: The article examines the fatal, or contact-setting, function of addressing a person in various English and Tabasaran languages. On the basis of the study of etiquettes established general and national-specific in greetings, farewells, greetings, wishes, as well as on-call conversations about the weather as the main examples of manifestation of static speech between participants of speech communication.

Keywords: *intention, facespeech, contact, function, appeal*

Впервые фатическую функцию языка в лингвистике выделил Б. Малиновский и затем Р. Якобсон [6]. Б. Малиновский ввел понятие «фатическое общение», понимая под ним естественное стремление человека к коммуникации и потребность в общении. Р. Якобсон понимает термин «фатическое общение» как «сообщения, которые предназначаются для того, чтобы установить, а затем либо продлить, либо прервать общение, т.е. проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае надобности» [6, с. 201].

Позже исследователи стали рассматривать фатическую функцию как «функцию организации интеракции, то есть использования в процессе взаимодействия языковых средств для начала, поддерживания и окончания контакта, обусловленного фокусировкой внимания на контактном элементе сообщения» [3, с. 83]. По мнению Т. Г. Винокур,

фатическая речь используется для установления определённых отношений между говорящим и слушающим [1].

Исследователи выделяют следующие основные составляющие фатической функции:

1) контактоустанавливающая или информативная функция, т.е. привлекающая внимание адресата с помощью какой-либо информации;

2) контактоподдерживающая функция, представляющая собой организующее явление, облегчающее и способствующее дальнейшему взаимодействию коммуникантов или размыканию контакта с установкой на его продолжение [2; 4; 5].

Фатическая функция является основной в приветствиях, прощаниях, поздравлениях, благопожеланиях, в дежурных разговорах о погоде в английской и табасаранской речевых культурах. Традиция приветствовать друг друга при встрече – это древний обычай и, на первый взгляд, он везде одинаков. Однако в каждой культуре существуют строго выработанные правила поведения при обращении и приветствии друг друга, вплоть до жестов, поз, с учетом возраста, пола, положения и т. п. Так, в английском и табасаранском этикетах после устного приветствия (*hello/салам* «привет», *how are you?* «как ты?», *гьапIрава?* «что делаешь?», *фици вуяв*? «как твои дела?») следует рукопожатие, сопровождаемое словами доброго пожелания. После этого завязывается беседа как знак взаимного расположения. Как правило, англичане выбирают нейтральные темы разговора – погода, искусство, новости, чтобы проявить вежливость по отношению к человеку, от которого собеседнику необходима какая-либо информация. Например: *The lady said: "Such a lovely day, my dear. Don't you think it's a lovely day?" "Yes, " she said, "Lovely."* (A. Geras. The green behind the glass) «Леди сказала: «Какой прекрасный день, моя дорогая. Тебе не кажется, что это прекрасный день?» «Да», сказала она, «прекрасный».

В табасаранской речевой культуре после взаимных приветствий как правило следуют реплики, представляющие собой личные расспросы о состоянии собеседника: а) о доме, семье (*Фици вуяв хал, хизан?* «Как твой дом, семья?»); б) о родителях (*Фици вуяв абйирбабар?* «Как твои родители?»); в) о детях, внуках (*Фици вуяв бажар, шубар, худлар?* «Как твои сыновья, дочери, внуки?»); г) о здоровье (*Фици вуяв сагъвал?* «Как твоё здоровье?»), д) о последних новостях в селе. Например:

– Салам аьлейкум, Керим халу! Яв сабахайир ишри.

– Ай аьлейкум салам, жан бай, абатхайир.

– Ихь гъулаъ фу хабар ажа?

– Адар, хайир ву. Вари сагъ ва саламат ву. (А. Жяфаров. МучIувалиан акувализ)

– Мир тебе, дядя Керим! Доброе утро!

– И тебе мир милый мальчик, доброе утро.

– Какие новости в нашем селе?

– Всё по-старому. Все живы и здоровы.

Особенностью табасаранской культуры является то, что сельским жителям свойственно здороваться даже с незнакомыми, посылая им знак доброжелательности и уважения.

В целом, такие речи в английской и табасаранской языковых культурах стандартны и минимально информативны. Однако последнее не означает, что эти разговоры не важны носителям исследуемых языков. Отсутствие подобных этикетных речевых формул в речи коммуникантов является прямым свидетельством о прекращении контакта.

Неотъемлемой частью повседневного речевого общения человека является прощание, под которым традиционно понимают финальный этап диалога, предполагающий обмен напутствиями, пожеланиями перед расставанием. В английской речевой культуре существует огромное количество как официальных (*goodbye* «до свидания», *have a good day/evening/night* «хорошего вам дня/вечера/ночи», *farewell* «прощай»), так и неофициальных формул прощания (*bye* «пока», *see you later* «увидимся позже»). Табасаранские реплики прощания не так многочисленны, как английские, например: *гьелелиг* «до свидания», *гежехайир* «спокойной ночи». В обоих языках после слов прощания следуют различного рода пожелания. В качестве примеров можно привести следующие: *have a good trip/ягъур ибшри* «счастливого пути», *all the best/ужувлар ибшри* «всего наилучшего», *regards to the family* «привет семье»; *саламар йипай варидариз* «передай привет всем», *ицциидар нивкIар рякъривуз* «пусть тебе приснятся сладкие сны». Выступая сигналом о прекращении контакта, этикетные формулы прощания определяют дальнейшие отношения собеседников, выражая их желание или нежелание взаимодействовать в будущем.

Английский речевой этикет обслуживает большое количество этикетных поздравлений с юбилеем (*many happy returns* «поздравляю с днём рождения»), свадьбой (*congratulations on your engagement* «поздравляем с обручением»), рождением ребенка (*congratulations on the birth of your son* «поздравляем с рождением вашего сына»), праздниками, успешным начинанием и т.д., например*: Sophia, success attend*

you, and as you aim at nothing below a captain, you will permit, I hope, your humble hand-maids, to exert their powers of attraction on the lieutenants, ensigns, sergeants and corporals. (M. Clarke. The Fair Americans) «София, пусть удача преследует тебя во всём, а так как вашей целью не является никто ниже ранга капитана, вы позволите, я надеюсь, вашим скромным служанкам проявить силу обольщения к лейтенантам, прапорщикам, сержантам и капралам». Содержание и форма контактоустанавливающего обращения варьируются в зависимости от пола, возраста, социального положения, родственных взаимоотношений говорящих.

Носители табасаранского языка, особенно в сельской местности, для поддержания контакта часто используют различного рода благопожелания чаще, чем поздравления. Примерами могут послужить следующие пожелания: здоровья (*сагъвал тувривуз* «будь здоров»**),** исполнения желаний (*яв кIва айи хиялар дюз ибшри* «пусть сбудутся сокровенные мечты»), напутствия (*ужуб рякъ ибшри* «счастливого пути»), благосостояния (*аллагьди артукъ анIри* «дай вам бог изобилия»; *ужувалар, шадвалар, бахтар, берекет ибшри* «пусть будет добро, радость, счастье, благосостояние»). Так, в табасаранской культуре всегда принято приветствовать человека, занятого работой, следующим благопожеланием:

– Асалам-аьлейкум, кьувват ибшри, Уста!

*– Аьлейкум-салам, сагъ ишриву, Гьясан, жерг! (*А. Жяфаров МучIувалиан акувализ).

– Салам алейкум, мастер, бог в помощь!

– Ваалейкум ассалам, и ты будь здоров, Гасан, заходи!

Подобные пожелания придают речи выразительность, эмоционально-экспрессивную окрашенность и обогащают речь носителей табасаранского языка. Стандартность, поверхностность и легкость фатических разговоров помогает преодолевать разобщенность и некоммуникабельность между участниками речевого общения.

Мы рассмотрели лишь незначительную часть примеров фатической речи в языках разных культур. В зависимости от конкретной речевой ситуации коммуниканты выбирают разнообразные формы обращения, но основным инструментом реализации достижения коммуникативной «удачи» является фатическая речь. Набор основных мировоззренческих установок и моральных понятий, заложенных в семантике английских и табасаранских приветствий, прощаний, поздравлений и пожеланий является общим: здоровье, добро, удача, мир, счастье и т.д. Вместе с тем, в каждом из языков сформировалась

своя система этикетных высказываний, в которой нашли отражение особенности национального мышления и мировосприятия этносов и их многовековой социально-исторический и духовный опыт. Всё это говорит о том, как важно изучать фатическую речь и её влияние на межличностное общение в языках различных типологий.

Литература:

1. Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речи как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993.

2. Зайцева Е.В. Социокультурная обусловленность письменной фатической коммуникации (на примере текстов открыток в британской языковой культуре): Автореф. дис. …канд. филол. наук. – Воронеж, 2012.

3. Рыжова Л.П. Обращение как компонент коммуникативного акта: Автореф. дис. …канд. филол. наук. – Калинин, 1982.

4. Самойленко Л.В. Фатические средства в речи пользователей компьютерной сетью (на материале жанра чата): Автореф. дис. …канд. филол. наук. – Астрахань, 2010.

5. Солдатова О.С. Фатические эмотивы и стиль коммуникации: сопоставление английской и русской лингвокультур: Автореф. дис. …канд. филол. наук. М., 2009.

6. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975.

УДК 811.351.12

МОРФЕМЫ, КОНСТИТУИРУЮЩИЕ ПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ АВАРСКОГО ЯЗЫКА

З.М. Маллаева
Институт языка, литературы и
искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН,
г. Махачкала

В статье исследуется структура посткорневых морфем причастных форм аварского языка. Исходя из функциональной нагрузки, суффиксальные морфемы разделены на детерминативные и категориальные. Позитивные причастия аварского языка конституируются по-

средством категориальных морфем -е-КП (наст. и буд. вр.) и -а-КП (прош. вр.). Производящими основами для причастий настоящего и будущего времен служат соответствующие временные формы литературного языка, а для причастий прошедшего времени – форма прошедшего времени на -р, представленная в реликтовых диалектах южного наречия аварского языка.

Ключевые слова: *аварский язык, глагол, причастие, морфема детерминативной функции, морфема категориальной функции*

The article explores the structure of post-root morphs of the involved forms of the Avar language. Based on the functional load, suffix morphemes are divided into determinative and categorical. Positive communions of the Avar language are conceded edby through categorical morphemes-e-KP (nast. and Bud. v.) and-a-KP (pro. The corresponding temporal forms of literary language are the basis for the sacraments of present and future times, and for the sacraments of the past time, the form of the past time is presented in the relic dialects of the southern dialect. Avar language.

Keywords: *Avar language, verb, communion, morphem determinative function, morphem of categorical function*

Лингвистическая дисциплина, исследующая морфемную структуру слова и всю систему морфем (типы морфем, их структурную организацию и сочетательные возможности) называется морфемикой. Главным объектом морфемики является морфема. Морфема реализуется в речи в виде морфов. Морфемика тесно связана с другими лингвистическими дисциплинами: с фонологией, морфонологией, словообразованием, морфологией и другими разделами языкознания.

Морфемный строй аварского языка изучен только на уровне лексемной морфологии: установления структуры слова, классификации по частям речи, определения характера образования лексико-грамматических единиц их парадигматики и синтагматики. С точки зрения структурной организации именная и глагольная лексема изучена относительно неплохо.

Иначе обстоит дело с морфемной морфологией – морфемикой. Не изучена структурная организация самой морфемы – важнейшего элемента языка. Не установлена роль гласных в морфемообразовании: были ли гласные исторически только огласовками консонантных морфем или вокалическим морфемам с самого начала были свойственны грамматические функции. Не составлен индекс морфем авар-

ского языка с подробным описанием функций каждой морфемы и выявлением всех алломорфов. Не создан словарь морфем аварского языка. Не установлено является ли та или иная морфема категориальной или детерминативной, словоизменительной или словообразовательной.

В данном докладе будет рассмотрена структура суффиксальной морфемы причастия аварского языка категориальной функции. С точки зрения структурной организации причастие аварского языка состоит из следующих элементов: 1) основы, которая в случае неклассных глаголов совпадает с корневой морфемой; 2) суффиксальных морфем, которые, в свою очередь делятся на морфемы детерминативной и категориальной функций.

Категориальные морфемы позитивного причастия настоящего и будущего времён в аварском языке совпадают и состоят из суффикса *-е* и переменного классно-числового показателя *(-е-КП)*.

Различия в образовании причастий настоящего и будущего времён заключаются в том, что причастия настоящего времени образуются от основы финитной формы глагола настоящего времени, а причастия будущего времени – соответственно от основы финитной формы будущего времени:

наст. вр. *бос-ул-а* «берёт» – *бос-ул-е-КП* «берущий»; *гьаб-ул-а* «делает» – *гьаб-ул- е-КП* «делающий»; *къотI -ул-а* «режет» – *къотI -ул- е-КП* «режущий»; *бецц-ул-а* «хвалит» – *бецц-ул-е-КП* «хвалящий»;

буд. вр.: *бос-ил-а* «возьёт» – *бос-ил-е-КП* «который возьмёт»; *гьаб-ил-а* «сделает» – *гьаб-ил- е-КП* « который сделает»; *къотI -ил-а* «порежет» – *къотI -ил- е-КП* «который порежет»; *бецц-ил-а* «похвалит» –*бецц-ил- е-КП*«который похвалит».

Позитивные причастия прошедшего времени образуются путем присоединения категориального суффикса причастия *-а*-КП к основе глагола. Производящей основной в данном случае служит не литературная форма, а форма прошедшего времени на *-р*, представленная в южных диалектах аварского языка (анцухском, закатальском, карахском и в бацадинском смешанном говоре): *цIорори* (анц.) «змерз» – *цIорораб* «замерзший», *ккури* (анц.) «поймал» – *ккураб* «пойманный», *къури* (анц.) «проиграл» – *къураб* «проигравший»:

бос-ан-а «взял» – *бос-ар-а-КП* «взявший»; *гьаб-ун-а* «сделал» – *гьаб-ур- а-в-КП* «сделавший»; *къотI -ан-а* «порезал» – *къотI -ар- а-КП* «резавший»; *бецц-ан-а* «похвалил» – *бецц-ар- а-КП* «(по)хваливший».

Форма причастия прошедшего времени интересна еще в том плане, что она остается неизменной во всех диалектах и говорах аварского языка. Это редкий случай, когда глагольная форма подверглась нивелировке и осталась неизменной во всех диалектах. Возникновение структурного элемента *-р-* Ш.И. Микаилов связывает с историей форм глагола прошедшего времени и считает, что формы прошедшего времени с показателем *-р-*, функционирующие в ряде южных диалектов аварского языка и дали начало образованию причастия прошедшего времени во всех диалектах аварского языка [5, с. 85].

Не вызывает сомнения, квалификация Ш.И. Микаиловым [5, с. 85] структурного элемента аварского глагола *-р-* как наиболее древнего показателя прошедшего времени, который «восходит к периоду существования еще прааварского языка и еще тогда дал начало образованию формы причастия прошедшего времени, сохранившего свой звуковой облик в неизменном виде во всех диалектах аварского языка, что нельзя сказать о причастиях настоящего и будущего времен, которые хоть и образуются по единой модели (основа соответствующей временной формы + *-е* -КП, но каждый диалект имеет собственную временную форму причастия. Например, причастие *ахIулев* «поющий» в одном только андалальском диалекте представлено шестью разными формами:

бухт., хинд.-х.: *ахIинаКП;*
обох.: *ахIенаКП;*
сугр., гамс.: *ахIдалаКП;*
кегер., салт.: *ахIлаКП;*
куяд.:*ахIолеКП;*
чох.: *ахIамаКП.*

Общими для всех этих форм являются корневая морфема *ахI-* и категориальная морфема *-аКП.* Различаются данные формы морфемами детерминативной функции: *-ин-, -ен-, -дал-, -л-, -ол-, -ам-.*

Причастия настоящего общего и будущего времен, образованные от глаголов с основой на согласный, отличаются только тематическим гласным, представленным в структуре этих причастий, напр.: *гьаб-ул-еб* «делающий» – *гьаб-ил-еб* «то, что предстоит сделать», *бацIцI-ун-еб* «чистящий» – *бацIцI-ин-еб* «то, что предстоит чистить».

Причастия, образованные от глаголов с основой на гласный, имеют единую форму для настоящего и будущего времен, поскольку в этих глагольных формах тематический гласный (дифференцирующий признак) не представлен, напр.: *хъва-зе* «писать» – *хъва-л- е-КП* «пишущий» и «который напишет»; *лъа-зе*«знать» – *лъа-л- е-КП* «зна-

ющий» и «который узнает»; *пу-зе* «дуть» – *пу-л- е-КП* «дующий» и «который подует» и т.д.

Таким образом, мы видим, что временная соотнесенность причастий передается особой аффиксацией. Соотнесенность с прошедшим временем передается суффиксом *-р-*, соотнесенность с настоящим-общим и будущим временами суффиксами *-л-* и *-н-* (в зависимости от типа спряжения). Исходя из этого факта и учитывая, что суффикс, репрезентирующий прошедшее время *-р-* не имеет отклонения ни в одном говоре или диалекте аварского языка, можно предположить, что вначале аварский язык различал два времени: прошедшее и непрошедшее с соответствующими формальными показателями. Разделение непрошедшего времени на настоящее и будущее явление более позднего порядка.

Следует отметить? также материальное сходство формантов причастий с указательными местоимениями: *ав (гьав)* «этот», *ай (гьай)* «этот» (возле говорящего), *эй (гьей)* «эта», *эб (гьеб)* «это», *эл (гьел)* «эти» (возле слушающего). Здесь имеет место не только материальное сходство, но и семантическое; буквальный перевод аварских причастий выявляет это сходство, напр.: *хIалтIарав* «этот (рядом) который работал», *хIалтIарай* «эта (рядом), которая работала», *хIалтIулев* «тот (вдали), который работает», *хIалтIулей* «та (вдали), которая работает», *хIалтIулел «*те (вдали), которые работают». Таким образом, можно предположить, что здесь имеет место образование отглагольных форм с помощью местоимений с последующей их грамматикализацией. Участие указательных местоимений в образовании причастных форм с последующей их грамматикализацией не является особенностью только аварского языка. Так, например, суффикс *-чел-*, с помощью которого оформляются причастия и прилагательные в хайдакском диалекте даргинского языка. С.М. Темирбулатова возводит к указательному местоимению *чел* «тот, в сфере слушающего», «значение которого полностью не стерлось в причастных формах, что свидетельствует о том, что процесс грамматикализации суффиксального элемента еще не завершился. Это наводит на мысль, что и суффикс *-иж* восходит к местоимению *-иж «*этот», а *-ци* к вопросительному местоимению *ци* «что?» [6, с. 183]. Еще раньше аналогичный способ образования атрибутивных форм в ряде дагестанских языков (ав., дарг., лак.) отмечали Е. А. Бокарев [3, с. 167]. А. С. Чикобава, И. И. Церцвадзе [7, с. 191], И. Х. Абдуллаев [2, с. 285].

Как известно, Н. Я. Марр назвал дагестанские языки «языками прономинального типа» [4, с. 286]. На материале даргинского языка З.

Г. Абдуллаев возводит все первичные категориальные форманты в системах словоизменения и словообразования к местоимениям (дейктонимам). По мнению З. Г. Абдуллаева «в этом плане даргинский язык не является исключением, другие дагестанские языки располагают не менее четко выраженными иллюстрациями дейктонимического происхождения категориальных формантов» [1, с. 451].

Таким образом, можно предположить, что форманты причастия аварского языка – это грамматикализованные формы указательных местоимений, которые ныне воспринимаются как аффиксы.

В аварском языке функционирует еще одна форма причастия, которая образуется присоединением суффиксального комплекса *-сс-е-*КП к форме инфинитива соответствующего глагола, например, *гьабизе-ссеб* «то, что предстоит сделать», *цIцIализе-ссеб* «который предстоит читать», «долженствующий читать». Эти причастные формы выражают значение будущего времени с оттенком долженствования.

Глагол аварского языка, независимо от типа спряжения, образует посредством *-сс-е-*КП только одну форму причастия, а именно – причастие, выражающее значение будущего времени с явным оттенком долженствования. Суффикс *-сс-е-*КП состоит из двух самостоятельных морфем различной категориальной нагрузки (детерминативной – -сс- и категориальной – *-е-*КП).

Таким образом, проведенное исследование позволяет резюмировать следующее:

1. В аварском язык понятия ‘морфема’ и ‘суффикс’ не совпадают.

2. Все причастные формы (различной темпоральной и модальной семантики) конституируются посредством двух морфем: *-е -КП, -а -КП.*

Литература:

1. Абдуллаев З. Г. Даргинский язык. Ч.II: Морфология. М., 1993.

2. Абдуллаев И. Х. Некоторые вопросы глагольного словообразования в лакском языке // Глагол в языках Дагестана. Махачкала,1980. С. 91-109.

3. Бокарев Е. А. Введение в сравнительно–историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

4. Марр Н.Я. О яфетической теории // Избранные работы. М.– Л., Т. 3, 1934.

5. Микаилов Ш. И. Сравнительно–историческая морфология аварских диалектов. Махачкала. 1964.

6. Темирбулатова С. М. Причастие в хайдакском диалекте даргинского языка. Отглагольные образования в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1989. С. 187-190.

7. Чикобава А. С., Церцвадзе И. И. Аварский язык. Тбилиси, 1962. На груз. яз.

Сокращения:

бухт. – бухтинский; хинд.-х.– хиндах-хоточский; обох.– обохский; сугр. – сугратлинский; гамс. – гамсутлинский; кегер. – кегерский; салт. – салтинский; куяд. – куядинский; чох. – чохский.

УДК 81-21

ОПИСАНИЕ КОНСТАНТ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ВОСТОЧНОЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКАХ

С. Д. Магомедова (Маллаева),
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН,
г. Махачкала

В данной статье анализируются константы имени существительного с градацией «лицо*предмет*цвет» в восточнолезгинских языках. На основе проведенного исследования дифференцируется толкование имен существительных с градацией «человек*лицо*предмет*цвет». Главное достоинство проведенного исследования – описание констант существительного с культурными маркёрами восточнолезгинских языков.

Ключевые слова и фразы: *поэтизмы; стиль; лексика; константа; имя существительное; восточнолезгинские языки*

This article explores the constant poetic style. On the basis of the study, it is proposed to update the interpretation of nouns-pojetizmov, designate the gradation "face * subject" ↔ "man * non-man. The main advantage of the study is to describe a noun with the cultural constants markjorami vostochnolezginskih languages.

Keywords: *pojetizmy; style; vocabulary; constant; a noun; vostochnolezginskie languages*

Современное состояние гуманитарных наук, с одной стороны, и объективные условия изменившегося мира – с другой, неотвратимо требуют осмысления новых базовых представлений с мировоззренческими особенностями языка художественной литературы. Активное развитие языка художественной литературы позволило ученым исследовать корпусы текстов в их связи с ценностями народа, религией, психическим складом, ментальными и мировоззренческими особенностями [1]. Было доказано, что понятия «добро-зло», «хорошо-плохо», «плюс-минус», «верх-вниз» соотносятся с особенностями «цвета», что в каждом конкретном языке есть своеобразные базовые оппозиции фактов изменившегося мира [2]. Иначе говоря, в конкретном языке требуется осмысление психического уклада. Названия цвета имеют большое значение в национальном тексте: это и элементы региональной культуры, и указание на психический уклад, к которой писатель относит действие, или способ представления национального сообщества. Особенно важную роль лексико-тематическая группа цвета играет в повествовательных текстах. Анализируя базовые представления национального сообщества в этническом языке, автор статьи пришел к выводу, что в метрико-эталонной сфере дагестанцев цвет понимается с оппозициями «красный/радость * язык», «жизнь * род», «красный/богатство * народ», «здоровье * нация».

Лингвистически детерминированное функционирование текста представляется, в первую очередь, языковой картиной региона – человека действующего и человека чувствующего [3]. Соответственно, детерминированные имена соотносятся с оппозициями «светлый+добро↑темный+зло». См. Таблицу 1

Таблица 1

Ю. Базутаев Повесть «Яблоки»	**П. Асланов Повесть «В лесу»**	**Г. Гусейнов Повесть «Золото»**	**П. Касумов Повесть «Пора счастливых надежд»**
Дискурс с оппозициями духовного кода			
белый	белый	светлый	светлый
		темный ↕ черный	темный ↕ серый
зеленый	бордовый	желтый	синий
красный	оранжевый	синий	красный
рыжий	желтый	зеленый	зеленый
		красный	фиолетовый

В окультуренном метрико-эталонном измерении дагестанцев цвет, со свойственными характеристиками «красное ↕ белое ↔ светлое*темное», осваивается преимущественно представлением имен «женский / мужской» [4]. Гендерный код культуры, выявляя имена существительные в координатах цвета, кодирует противопоставление названий в художественном тексте [5].

Иначе говоря, своеобразные оппозиции цвета в национальном художественном тексте – это и элементы региональной культуры, и указание на психический уклад представления национального сообщества.

Литература:

1. Абдурахманова А.Г. Функциональная модель словаря национальной культуры и маршрут стилизации терминов // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 2 (63). С. 323-325.

2. Ганиева Ф.А. Лингвокультурная специфика имени собственного в фольклорных текстах (на материале анализа языков Дагестана) // Мир культуры, науки и образования. 2019 2019. № 2 (75). С. 562-564.

3. Караева С. А. Имя собственное*имя нарицательное как фактор системности в терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5-3 (59). С. 166-169.

4. Феталиева Л. П. Исторические этапы развития инклюзивного образования младших школьников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 94-99

УДК 811.512.1

РОЛЬ АЛИ БЕКА ГУСЕЙНЗАДЕ В РАЗВИТИИ АЗЕРБАЙДЖАНО-ТУРЕЦКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Н. Мустафаева,
Институт литературы им. Низами Гянджеви,
Азербайджан

В статье рассказывается о роли видного представителя литературно-общественного мнения Азербайджана Али бека Гусейнзаде в развитии азербайджано-турецких литературных связей. Отмечается, что творчество Али бека Гусейнзаде привлекает особое внимание при изучении литературных связей в литературоведении Турции. Его

идеи туркизма, туранства, приветствуется в Турции с особым уважением. Участие Али бека в общественно-политической жизни и непосредственное вмешательство в события, также же влияние на литературную среду данного периода имеет большое значение.

Ключевые слова: *Али бек Гусейнзаде, Азербайджан, Турция, литературные отношения, туранизм*

The article describes the role of Ali Behinzadeh, a prominent representative of Azerbaijan's literary and public opinion, in the development of Azerbaijani-Turkish literary ties. It is noted that the work of Ali beh Huseynzade attracts special attention when studying literary connections in literary studies in Turkey. His ideas of Turkism, turanism, are welcomed in Turkey with special respect. Ali Bec's participation in social and political life and direct interference in events, as well as the influence on the literary environment of this period is of great importance.

Keywords: *Ali bek Huseynzadeh, Azerbaijan, Turkey, literary relations, touranism*

Неоспорима роль Али бека Гусейнзаде в развитии литературных, общественно-политических связей между Азербайджаном и Турцией. Именно поэтому турецкое литературоведение уделяет особое внимание изучению наследия Али бек Гусейнзаде.

Али бек Гусейнзаде некоторое время учился в Турции и был тесно связан со литературно-общественной средой. Творчество Али бека Гусейнзаде не ограничивалось только Азербайджаном, оно охватывало весь тюркский мир. Ярким примером его привязанности к тюркскому миру является то, что в статьях он выступал как сторонник общего тюркского языка, а также стамбульский говор был основой его языка.

После завершения учебы в Турции Али бек Гусейнзаде вернулся в Баку и, оставаясь здесь всего шесть лет, снова отправился в Турцию и прожил здесь до конца жизни. Установил тесные связи с общественно-политической средой Турции. После переезда в Турцию он, можно сказать, мало занимался творчеством. Литературное наследие Али бека Гусейнзаде в Турции составляет несколько стихов и статей, произведение «Тюрк в двух повестях Запада». Именно по этой причине в турецком литературоведении больше всего были привлечены к исследованию личность Али бека Гусейнзаде, его деятельность в Турции, а также различные проблемы его творчества в Азербайджане (тюркизм, туранство и т. д.).

В советском литературоведении существовало очень мало сведений о литературном творчестве и общественно-политической деятельности Али бека Гусейнзаде в Турции. По данным турецкого литературоведения становится ясно, что Али бек Гусейнзаде очень быстро привык к литературно-общественной среде Турции, глубоко проникал в происходящие в стране общественно-политические процессы. Способность глубоко анализировать политико-общественные процессы, владение несколькими языками, обладание энциклопедическим мышлением вскоре выдвигает его на передний план в среде Стамбула. События, произошедшие в общественно-политической жизни Турции нашли свое отражение в творчестве писателя. До того, как Али бек Гусейнзаде переехал на постоянное жительство в Турцию, в его творчестве Турция занимала основное место. В его работе «Кто такие тюрки и из кого они состоят» [10], опубликованной им в газете «Хаят» («Жизнь») частично, излагались мысли о прошлом тюрков и несмотря на то, что они называются разными именами, восходят к одному корню. Турция также являлась основной темой журнала «Фиюзат», издающаяся после после газеты «Хаят». На страницах журнала печатались произведения или статьи таких турецких писателей, как Ахмед Камал, Абдулла Джовдат, Реджаизаде Махмуд Акрам, Халид Зия Ушаклыгиль, Абдулхаг Хамид Тархан и др.

Все это показывает, что Али бек Гусейнзаде хотел представить азербайджанскую литературную среду как можно большему количеству тюркских писателей. В эпоху второй конституции по приглашению Бахаддина Шакира и других революционеров переехал с Кавказа в Стамбул. Бахаддин Шакир также окончил медицину, был одним из самых известных личностей Эпохи второй конституции, с Али бек Гусейнзаде были тесные дружеские отношения. Принимая это приглашение, Али бек Гусейнзаде входит в литературную, общественно-политическую среду Турции.

Основной причиной запрета на изучение его творчества в литературоведении Советского Азербайджана было охват проблем всего тюркского мира, более широкое написание понятий тюркизма, современности в написанных им темах. Все это не устраивало большевистскую власть, замаскированную под занавес «дружбы народов». Дело в том, когда в советское время в Азербайджане, было запрещено проведение исследований о жизни, личности и творчестве А.Гусейнзаде, в Турции было проведено большое количество исследований, оценены его работы и идеи. Поэтому долгое время

сведения о жизни и творчестве этого выдающегося писателя не становились объектом исследования в азербайджанской литературоведении. Из этих исследований известно, что Али бек Гусейнзаде еще учась в Медицинской школе, пользовался большим авторитетом среди студентов. Юсиф Акчура, один из его коллег, который долгое время работал вместе с ним, высоко оценив влияние Али бека Гусейнзаде на студентов в этот период, писал: «Али бек в стамбульской медицинской школе для знакомства с литературой, идеями, знаниями и культурой Запада сделал больше, чем профессоры». [4, с.207] Как пишет автор богатой источниками книги "Гусейнзаде Али бек" (Анкара, 1998) Али Гейдар Баят: "До прихода Али бека учащиеся многого не знали, от него они научились системе Менделеева, раскрывать рубаи Хаяма жизни западными методами. В руках студентов имелись книги по философии, социологии, романы Леона Джахуна по тюркизму. Теперь молодежь медицинской школы знала, что тюрки живут не только в Турции, но и в России, в Иране, в Китае живут многочисленные тюрки, и в их душе начал пробуждать новый дух - тюркский" [5, с.25].

Наряду с тем что, он был полностью европейцем своей жизнью и поведением, он глубокими, новыми, прекрасными, значимыми стихами, а также беседами о литературе Востока и Запада, прославился среди друзей как великолепный человек, который вобрал в себе все языки мира, науки и литературы, искусство и умело их применял. Друзья и современники Али бека Гусейнзаде такие как Абдулла Джовдат, Зияд Гёкалп, время от времени расценивали его как литератора имеющего большое влияние на общественно-политическую среду Турции.

Исследователи также периодически издавали статьи о влиянии Али бек Гусейнзаде на турецкое общество. Потому что в период пребывания здесь Али бек Гусейнзаде также осуществлял общественно-политическую деятельность, участвовал в определенных конференциях. Он даже некоторое время был членом Партии Единение и прогресс. Тогда политические процессы в Турции очень быстро менялись. Однако он до конца не принимал активного участия в политических процессах.

Как пишут турецкие исследователи, среди основателей созданного в 1911 году объединения «Турк Юрду» были Агиль Мухтар, Мехмед Эмин, Абдулла Хикмет, Ахмед Агаоглу, Юсуф Акчура, а также Али бек Гусейнзаде. В годы Первой мировой войны среди тех, кто выступал против присоединения Турции к войне, было

и его имя. В эти годы Али бек Гусейнзаде по линии Хилал-и-Ахмара (Красный месяц) работал врачом в различных больницах, занимался лечением раненых и больных. В это время он перестал преподавать, и только после окончания войны снова вернулся к прежней должности. После окончания войны, по линии созданного для будущей деятельности турков, юридического общества для защиты прав турко-татарского народа, вместе с Юсуф Акчура, Мехмед Асад Челебизаде, Мукимеддин Бейджан и др. Ездил по Европе, побывал в Софии, Будапеште, Вене, Берлине и Лозанне, провел переговоры. Он с делегацией был и в России, интересовался религиозным, культурным положением российских мусульман. Возвращаясь после участия в Первом Туркологическом съезде в Баку в 1926 году, в Турции был арестован по подозрению в покушении на Мустафа Камал Ататюрка, но вскоре был отпущен на свободу, так как не было подтверждено его участие.

Зия Гёкалп, сыгравший основную роль в формулировке теории тройной формулы, придавал большое значение идеям Али бека Гусейнзаде в этом направлении. Подчеркнув особую важность деятельности Али бека Гусейнзаде и Ахмеда Агаоглу в общественно-политических процессах в Турции, он говорил о том, что вопросы тюркизма, туранизма была переднем плане: «Али бек Гусейнзаде, прибывший из России в Стамбул, объяснял основы тюркологии в Медицинской школе. Стихотворение «Туран» было началом постановки идеи «туранизма» [8, с.28]. А в другой статье его заслуги в тройной формуле он выразил таким образом: «Тройная формула Али бека Гусейнзаде открыла новые горизонты во всем тюркском мире... Этот тихий революционер был проповедником тюркизма и народничества в нашей стране стране» [9, с.140].

В статье «Али бек Гусейнзаде – идеолог трех основных факторов, развевающих флаг Азербайджана» Ильдегиз Куртулан пишет: «Великий Али бек Гусейнзаде первый идеолог, выдвинувший три фактора как один принцип» [12]. Идею тройной формулы выдвинул Али бек Гусейнзаде, а систематизировал Зия Гёкалп: «В Турции в 1911-1918 годах систематизированные Зия Гёкалпом принципы «Тюркизация, исламизация, модернизация» впервые были раскрыты Али беком Гусейнзаде. В 1905 году в газете «Хаят» в статье «Какие науки нам нужны?» Абу Тураб Ахунду, отстаивал идею Тюркизации, Исламизации и Европеизаци для жизни и развития народа». [5, с.33].

О жизни и характере Али бека Гусейнзаде встречается в воспоминаниях сына Ахмеда Агаоглу Самеда Агаоглу и дочери Сю-

рея Агаоглу. В воспоминаниях обоих, описываются самые интересные моменты Али бека Гусейнзаде и его семьи. Они и в Азербайджане были близкими семьями, вместе выпускали газеты и боролись, а затем вели борьбу в Турции. Эта дружба и сотрудничество началась с выпуска газеты «Хаят» в 1905 году, продолжались до конца своей жизни. Как писал Самед Агаоглу, Али бек Гусейнзаде по характеру был похож на мать, с белым лицом, большими глазами, гармоничным голосом, веским, медлительным движением, любил всех людей. Но, по его наблюдениям, Али бек Гусейнзаде значительно отличался от его отца Ахмеда Агаоглы. По поводу позиции занимаемой Али Бека Гусейнзаде в истории турецкого мысли он писал: «имеющий большие заслуги в турецкой мысли, будучи одним из основателей Единения и Прогресса, оставался безымянным членом, будучи основоположником идей выдвинутых Гёкалпом, был лишь профессором кожных заболеваний в университете. В полном смысле был большим гуманистом. Рисовал, пел песни, веселым и шутливым разговором всех вокруг к себе располагал»[1, с.83].

В воспоминаниях Самеда Агаоглу отмечается, что когда Ахмед Агаоглу находился в ссылке на Мальте, Али бек Гусейнзаде был одним из духовных опор семьи. Он также пишет, что он был настолько беден, что не мог материально помочь семье; если бы Кара Камал не протянул руку, он даже не был в состоянии и не мог содержать свой дом. Несмотря на это, Али бек Гусейнзаде часто приезжал к ним, рассказывал истории. Когда они болели, то он насильно открывал им рот и давал лекарство. Из этих воспоминаний ясно видно, насколько Али бек Гусейнзаде был мягким, хрупким человеком. В Турции наряду с произведениями Али бека Гусейнзаде имеются документы в архиве, воспоминания о нем, письма. Юсуф Акчура, Самед Агаоглу, Сюрея Агаоглу и др. в своих произведениях дают интересные сведения о различных моментах его жизни.

Часть архива писателя была передана его дочерью Фейзевером Алпсаром в архив отдела турецкого языка и литературы факультета литературы Эгейского университета. Исследователь Явуз Акпынар написал статьи, изучив эти письма. Явуз Акпынар исследовал и опубликовал письма Али бека Гусейнзаде. В письмах были выявлены очень важные факты о жизни и творчестве Али бека Гусейнзаде, а также его личности. Часть документов исследователь проанализировал в своей статье «Сведения о жизни Гусейнзаде Али Туран бека из писем, открыток и некоторых документов». На основе

данных писем были установлены такие факты, как то, что в 1923 году принимал участие в приеме в доме Нуру паши в Стамбуле членов азербайджанского Милли Меджлиса, а также в составе делегации «Туран» посещение Европы. Многие письма впервые были включены в литературно-научный оборот Азербайджана. Именно ссылаясь на архивные документы исследователь утверждает, что в 1918 году Али бек Гусейнзаде вместе с Ахмадом Агаоглу прибыл на Кавказ в качестве политического советника Нуру паши. Али бек Гусейнзаде на конференциях в Стамбуле сообщал о ситуации на Кавказе. Как отмечает исследователя, в телеграмме Ахмеда Агаоглу и Али бека Гусейнзаде, отправленной Энверу Паше, также встречаются очень важные факты. В телеграмме анализируется ситуация на Кавказе. Видимо, перед ними была поставлена задача проанализировать общественно-политическую ситуацию на Кавказе и сделанные заключения отправить Энвер Паше. Оценивая ситуацию, эти условия для азербайджанских тюрков рассматривали как «Вторую Македонию» . А вступление армян в Кавказскую Федерацию, находящихся на арене в сжатом состоянии, считают «Османской благодатью». Исследователь Явуз Акпынар проанализировав письмо приходит к такому выводу: «…отправка этих двух личностей на Кавказ в качестве «политического консультанта», деятельность в Гяндже при Нуру Паше, должно быть работа Центрального комитета и организации партии Единения и прогресса. Можно предположить, что Энвер Паша знал об этом, возможно это было его желание. Отправка упомянутого телеграфа Энвер Паша, дает возможность допускать, что они напрямую были связаны с Энвер Паша, или по крайней мере, ранее встречались с ним на эту тему» [6, с.321].

У Али бека Гусейнзаде были близкие отношения и с Абдуллой Джовдатом. В письмах, написанных Абдуллой Джовдатом, можно ясно увидеть корни этих отношений и то, ради чего они живут и борются. В письмах Абдуллы Джовдата из Египта ярко выражается его восхищение Али беком Гусейнзаде. В этих письмах также можно увидеть искренность их взаимоотношений. Правда, письма Али бека Гусейнзаде Абдулле Джовдата не сохранились. Однако в письмах Абдуллы Джавдата четко выражаются искренность и отношение обоих. Письма и почтовые карты, написанные Абдуллой Джовдатом из Швейцарии, Франции, Египта и Турции в 1905-1923 годах, общее число которых достигает 20, были сохранены до нашего времени. Как и другие архивные документы Али бека Гусейнзаде, в выявлении этого ценного эпистолярного наследия большой вклад внес

выдающийся ученый азербайджановед, профессор Эгейского университета Измира Али Явуз Акпынар. Именно после того, как дочь Али бека Фейзевер Алпсар передала университету оставшиеся в семье письма, эти письма были обнародованы. Письма Абдуллы Джовдата, раскрывающие как личные отношения, так и взаимные интересы, различные аспекты совместной литературно-общественной деятельности, были впервые опубликованы в марте 2010 года в журнале "Новая турецкая литература", где была произведена транслитерация арабского алфавита благодаря усилиями заместителя доцента отдела турецкого языка и литературы Эгейского университета Шарифы Чакын [13].

Письма Абдуллы Джовдата Али беку Гусейнзаде, как правило, начинаются с разных, но сердечных обращений «Али!», «Мой брат», «Мой дорогой брат, Али», «свет моих очей Али», и т.д. В письмах своему другу единомышленнику, на долю которого выпало немало бед, Абдулла Джовдат писал: "Еще со школы всем было известно, что в Турции нет возможности служить Турции для честного человека, но получив выпуск и диплом, бежать, но я до сих пор не знаю что это даст, и думая об этом не могу не всплеснуть искру, несмотря на уважение, которое я к тебе испытываю! Эх, Али эх…! Как ты мог три-четыре года своей жизни выкинуть на ветер! Я потерял твой след. Если бы я знал, где ты был и что пришлось тебе пережить, я бы сделал все что мог, послал бы по десять-пятнадцать фунтов для начала, затем привез бы тебя в Европу» [13, с.197]. Из этих строк ясно видно, что оба друга не могли скрывать свои сожаления за небольшой провал, потому что они поставили перед собой цель искренне стараться, работать для Турции и тюркизма.

А из следующего письма от 10 апреля 1905 года все эти обещания, по-видимому, являются поздним утешением. Потому что Абдулла Джавдат испытывал свою судьбу еще тяжелее. Ему на жизненном пути пришлось пройти через более сложные и болезненные этапы. По этой причине говоря, «ты страдал, Алибек! А я мучился!» - он еще раз вспоминая сцены своей жизни, наполненные горечью писал: «приехал в Европу. Может быть, за два года я питался только хлебом и сыром. Теперь, когда я пишу эти строки, ты представляешь, как они выглядят, но у меня были слезы в глазах. Так что я был раздавлен в нужде и бедности! Хотя я был из славной династии моей страны. Моя супруга заразилась туберкулезом, умерла. А также мой маленький ребёнок» [13, с.198]. Публикация писем в турецкой литературной среде приводит к выявлению многих фактов о жизни,

биографии обоих писателей. Выявление этих фактов оказывает влияние и на литературоведение Азербайджана. Именно после публикации этих писем в Турции выдающийся литературовед Вилаят Гулиев написал статьи из серии «письма Абдуллы Джовдата Али беку Гусейнзаде» [11]. Основываясь на письмах в этих статьях, исследователю удалось выявить много фактов о жизни и деятельности обоих литераторов. Согласно этим письмам, исследователь привел противоречивый жизненный путь Абдуллы Джовдата (путь, естественно, до 1906 года!) он оценивал его творчество и борьбу в контексте общественно-политических событий эпохи: «Джовдат, изгнанный султанским режимом, расценивался как личность, который стал честью и возвышением страны. Али бек, хорошо знал о том что он читает каждый номер «Фиюзата» во дворце Улдуз чуть ли не под микроскопом, сравнивал друга с выдающими личностями Востока: «Абдулла Джовдат также является одним из сокровищ исламского востока, будучи лишен Стамбула и всей Турции, все были вдохновлены его, написанным на французском, произведением. Когда произносить имя Абдулла Джовдата в Стамбуле считается большой ошибкой. Это относится не только Джовдету, но и другим». Добавим, что сам автор статьи был в числе творческих личностей, включенных в это течение...[11].

Большинство публикаций о Али беке Гусейнзаде в Турции чаще всего посвящены его личности, роли в общественно-политических, литературных связях Азербайджана и Турции. Несмотря на то, что Али бек Гусейнзаде очень мало занимался творчеством в Турции, он сыграл особую роль в популяризации азербайджанской литературы в Турции. Но произведения, написанные здесь, еще не были привлечены к изучению. Несмотря на то, что произведение «Тюрк в двух повестях Запада» написано в Турции, можно сказать, не изучено. Кроме того, еще не полностью раскрыты публикации писателя, опубликованные в турецкой печати.

Литература:

1. Ağaoğlu S. Hayat Bir Macera. İstanbul: YKY, 2013.

2. Akçura Y. Hüseynzade Ali Bey. Türk Yılı. İstanbul: Yeni Matbaa, 1928.

3. Akçura Y. Türkçülüyün tarixi. Bakı: Qanun, 2010.

4. Bayat A.H. Ali Bey Hüseynzade. İstanbul: Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 1992.

5. Böyük ədəbi mütəfəkkir Əli bəy Hüseynzadə (məqalələr toplusu). Bakı: Elm, 2015.
6. Füyuzat // 1906, №1.
7. Həyat qəzeti // 1905, №4.
8. Quliyev V. Abdullah Cövdətin Əli bəy Hüseynzadəyə məktubları // 525-ci qəzet, 2016, 7, 14, 23 mart.
9. Qurtulan İ. Azərbaycan bayrağını mənalandıran üç ümdə amilin ideoloqu Əli bəy Hüseynzadədir // Ədəbiyyat qəzeti, 1992, 12 iyun.

УДК 811.351.22

СЛОВОИЗМЕНЕНЕНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕСТОИМЕНИЙ КАДАРСКОГО ИДИОМА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА[1]

Р. О. Муталов,
Институт языкознания РАН, г. Москва;
Н. А. Вагизиева
Дагестастанский ФИЦ РАН, г. Махачкала

Исследование посвящено выявлению особенностей словоизменения различных разрядов местоимений кадарского идиома даргинского языка. Данный идиом находится на периферии распространения даргинского языка и обладает рядом морфологических особенностей. В результате анализа словоизменительных категорий класса, числа и падежа установлены отличительные особенности, имеющиеся в системе местоимений кадарского идиома сравнительно с другими даргинскими диалектами.

Ключевые слова: кавказские языки, даргинский язык, кадарский идиом, грамматика, словоизменительные категории

The study is dedicated to identifying the specifics of the word-change of different categories of pronouns of the Kadar idiom of the Dargin language. This idiom is on the periphery of the distribution of the Dargin language and has a number of morphological features. As a result of the analysis of the word-changing categories of class, number and case, the

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00718 «Документирование кадарского языка: грамматический очерк, тексты, словари».

distinctive features of the System of Cadar idioms in the system of pronouns of the Kadar idiom are established in comparatively with other Dargin dialects.

Keywords: *Caucasian languages, Dargin language, Kadar idioms, grammar, word-changing categories*

Даргинский язык характеризуется наличием большого количества диалектов и говоров, которые значительно отличаются друг от друга. Носители разных диалектов с трудом понимают, либо вовсе не понимают речь других даргинских идиомов, и данный факт в последние годы стал основой выделения данных идиомов в качестве самостоятельных языков, образующих даргинскую языковую группу. Одним из отдаленных от литературного даргинского языка, основой которого выступает акушинский диалект, является кадарский идиом. Он распространен в северной части даргинского ареала, вдали от других даргинских диалектов, и обладает множеством особенностей, проявляющихся как на фонетическом и лексическом уровнях, так и на морфологическом. Целью настоящего исследования является выявление особенностей словоизменения различных разрядов местоимений данного идиома.

В кадарском идиоме можно выделить следующие группы местоимений: личные (*ну* «я», *х1у* «ты»); указательные (*ит1* «тот, в стороне», *иш* «этот, у говорящего», *их* «этот, у слушателя»); вопросительные (*чин*? «кто?», *це*? «что?» *кудил*? «который»); определенные (*гьар* «каждый» (используется также в качестве кванторного слова), *лебтера* «все», *пулан* «определенный», *чин-дигалра* «кто-угодно», *це-дигалра* «что-угодно»); неопределенные (*чин-цайк1ара* «кто-то», *це-цабрик1ара* «что-то»,); отрицательные (*чиналра* «никто», *целра* «ничто»); рефлексивное (возвратное) (*цаби* «само»). Своеобразными местоимениями, присущими лишь кадарской речи, выступают элементы *ит1* «тот, в стороне», *чин-цайк1ара* «кто-то», *це-цабрик1ара* «что-то». Вопросительное местоимение *це*? «что?» и возвратное местоимение *цаби* «само» в начальной части содержат аффрикату *ц* вместо спиранта *с* литературного даргинского языка (*се?* «что?», *саби* «само») [2, 66], что сближает кадарский идиом с южнодаргинскими диалектами.

В кадарском идиоме нет противопоставления инклюзивных и эксклюзивных форм 1-го лица множественного числа, которое наблюдается в ряде даргинских диалектов. В качестве местоимений 3-го лица используются указательные и возвратные местоимения.

Словоизменительными категориями местоимений в кадарском выступают категории числа, класса и падежа. Формы множественного числа личных местоимений образуются посредством показателя *-ща*: *ну – нуща* «мы», *х1у – х1уща* «вы». Отличительной особенностью кадарского идиома является использование присущего лишь данной речи показателя множественного числа указательных местоимений *-ти: их* «этот, у слушателя» – *ихти.* В литературном даргинском языке и других северодаргинских диалектах маркером множественного числа указательных местоимений выступает морфема *-ди: их* «тот, внизу» – *ихди, ил* «этот, у слушателя» – *илди* [1, 42]. В южнодаргинских диалектах звонкому звуку *д* данной морфемы соответствует геминированный звук *-тт-*: *ил – илтти*. Легко заметить, что глухой звук *т* в кадарском показателе множественного числа более близок прерупти-ву *тт* южнодаргинских диалектов.

При присоединении показателя *-ти* к указательному местоимению *-ит1* «тот, в стороне» происходит слияние двух близких по артикуляции звуков: абруптивного *-т1* и глухого переднеязычного *-т*, в результате чего образуется форма *ити* «они; те, в стороне», не присущая для других даргинских идиомов. *Их адам ватува дягIил энила бари дура, ити адамле арбякьун.* «Оставив его в холодный зимний день на улице, они уехали».

Особенно много отличий наблюдается в склонении местоимений. Так, показателем генитива личных и указательных местоимений, а также возвратного местоимения *цаби* «само» в кадарском выступает *-йа*, что является одной из характерных особенностей кадарской речи: *ну* «я» – *ди-йа «*мое», *нуща* «мы» – *нущи-йа* «наше», *х1уща* «вы» – *х1ущи-йа* «ваше», *ит* «тот» – *ити-йа* «того», *цай* «сам» – *цуни-йа* «его». *Ищ сочинение нушийа дурхIяни белкIунил цаби* «Это сочинение написано нашим сыном».

По всей видимости, аффикс *-йа* образован от исходного аффикса *-ла*, используемого для образования форм генитива от других кадарских слов и характерного для форм генитива других даргинских диалектов; сонорный *л* при этом перешел в более узкий звук *й*: *нуша – нушила > нушийа*.

Форма дательного падежа личного местоимения 1-го лица образуется посредством специфического маркера *-м*: *ну* «я» – *нам «мне». Намра дигахъис итикеана намкера лихIахъибил.* «Я тоже хочу, чтобы и меня слушали, как его». Данный аффикс используется также для образования датива множественного числа личных местоимений 1-го и 2-го лиц: *нуща* «мы» – *нущам* «нам», *х1уща* «вы» – *х1ущам* «вам».

Функционирование губного сонорного звука *м* в качестве показателя датива отмечено также в урахинском диалекте.

Другая особенность склонения личных местоимений кадарского идиома заключается в том, что в нем параллельно функционируют две формы супер-латива местоимения 1-го лица *ну* «я», образованные от разных основ: *дике* и *намке* «на меня». Первая форма образована от местоимения *ду* «я», которая представлена в южнодаргинских диалектах, а вторая – от основы *ну* «я», функционирующей в литературном даргинском языке и северных диалектах; первичной в научной литературе при этом признается первая форма.

В кадарском идиоме представлена также форма ад-латива, отсутствующая в литературном языке и большинстве диалектов; образуется она присоединением к первой основе показателя -*чу*: *дичу* «ко мне». Подобная форма имеется также в тантынском диалекте даргинского языка [4, 59]. Форма ин-латива же в кадарском образуется от второй основы посредством маркера -*зе*: *намзе* «мне».

Одной из ярких особенностей кадарского идиома является отсутствие падежа покоя, или эссива, указывающего на нахождение объекта в области локализации; его функции совмещены в лативе. Данное явление из других даргинских диалектов встречается лишь в кайтагском. Грамматическое оформление эссива в даргинских идиомах, как известно, происходит посредством использования изменяющихся классно-числовых показателей. Лишь в шаринском диалекте, относящемся к южнодаргинским, форма эссива образуется посредством окаменевшей морфемы -*в* [3, 764]. Следует отметить, что в очередной раз выявляется особенность кадарского идиома, сближающая его с южнодаргинскими диалектами. Форма элатива местоимений в кадарском происходит посредством показателя -*ка*, присоединяемого к форме ин-латива: *намзака* «от меня».

Местоимений, изменяющихся по классам, в кадарском идиоме, как и в других даргинских диалектах, немного. Таковыми являются: возвратное местоимение *цаби* «сам» (3 класс ед. числа), (*цай* (1 класс ед. числа), *цари* (2 класс ед. числа), неопределенные местоимения *чин-цайк1ара* «кто-то» (1 класс ед. числа), *чин-царрик1ара* «кто-то» (2 класс ед. числа), *це-цабрик1ара* «что-то» (3 класс ед. числа).

Таким образом, сравнение словоизменительных характеристик местоимений кадарского идиома с материалом литературного языка и других даргинских идиомов позволяет делать вывод о том, что данная часть речи обладает в исследуемом идиоме значительными особенно-

стями, которые проявляются при образовании словоизменительных парадигм.

Литература:

1. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954. с. 218.

2. Вагизиева Н.А. О некоторых фонетических особенностях кадарского диалекта даргинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 65-68.

3. Муталов Р.О. Падежная система шаринского диалекта даргинского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIII. Ч. 1. 2017. С. 751-773.

4. Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Даргинский говор селения Танты: грамматически очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014. 752 с.

УДК 811.351

ЛЕКСИКА КАНДИКСКОГО ГОВОРА НИТРИКСКОГО ДИАЛЕКТА ТАБАСАРАНСКОГО ЯЗЫКА В АВТОРСКОЙ РЕЧИ
(сравнительный анализ терминоданных)

Т. Г. Нурмагомедова
аспирантка кафедры дагестанских языков
Дагестанского государственного педагогического университета,
г. Махачкала

Расширение функций родного языка вырабатывается преимущественно в специальных терминах табасаранского диалекта - это прежде всего лексика кандинского говора языка Г. Омаровой. В нашем случае уясняется проблема лингвокультурологических интерпретаций – язык художественной литературы со стилистическим расслоением нормы XX – XXI вв.

Ключевые слова: *язык; стиль; Г.Омарова; термин; функциональная тенденция; литературный национальный язык*

Expanding the functions of the mother tongue is produced mainly in the special terms of the Tabasaran dialect is above all lexicon of language,

dialect of Kandinsky. G. Omarova. In our case the problem is enquired lingvokulturolog interpretations-the literary language in the language of fiction with the stylistic stratification rules of XX-XXI centuries.

Key words and phrases: *language, style, G. Omarova, the term, functional trend, the national language of literature*

Одним из путей выхода диалектной лексики за пределы того или иного диалекта или говора является использование ее в художественной литературе. Диалектная лексика может использоваться не только в речи действующих героев, но и в авторской речи [1]. В ней литературный язык часто переплетается с диалектными словами, способствуя созданию индивидуального авторского стиля. Использование диалектной лексики, функционирующей в разговорной речи Г. Омаровой, делает художественное произведение выразительным, колоритным, живым. В корпусе текстов Г. Омаровой определяется место русской и зарубежной классики. Переводы произведений А. Пушкина, Ю. Лермонотова, М. Цветаевой, А. Ахматовой, Р. Гамзатова, Л. Кэролла являются важной частью культурной жизни табасаранского народа [2]. Сегодня переводы Г. Омаровой пополняют корпус текстов двуязычного словаря и являются престижными репрезентантами унифицированных норм национальной стилистики. Вместе с тем, на наш взгляд, само разграничение норм стилистики требуют некоторых уточнений. Во-первых, прецедентные феномены дагестанской литературы разграничивают общепринятый и предписанный эталон, универсальный в своей территориальной, профессиональной стратификации. Во-вторых, жанры прецедентного феномена дагестанской литературы воспроизводят не только специфику эталонной речи Г. Омаровой, но и тенденции канонического процесса, связанные с культурой социума [3]. В-третьих, прецедентные феномены различных пластов обнаруживают взаимодействие в языке и стиле Г. Омарова – поэт ↕ писатель, актёр ↕ режиссёр. В-четвёртых, в знаковых системах языка раскрываются индивидуальные стили в широком понимании прецедентного феномена: разговорные и книжные образцы, просторечие, жаргоны, диалектные формы, устная и письменная речь, фольклорный лексикон [4]. Наконец, в-пятых, в знаковых системах прецедентного феномена Г. Омарова, функционирующих либо как эталон, либо как канон, развивается терминология стиля. Говоря о каноне и эталоне, в узком смысле Г. Омаровой, доминантна терминологии рассматривается как прозаическая категория «Гиперборея». Стилистические вкусы Г. Омаровой – естественны и закономерны. Языковые

особенности Г. Омаровой рассматриваются диалогическими и монологическими вкусами. Диалогические и монологические речи героев позволяют судить о характере. Диалог героев позиционирует взгляды поэтессы [5]. Использование диалогов в повествовательном произведении делает полотно поэта колоритным и динамичным. В художественной ткани, композиционной структуре, интонационных полотнах создаются поэтические афоризмы как особый стилевой вкус поэта – свободный перенос названия с одного предмета, явления, действия, признака на другой на основе их сходства. Излюбленным приемом Г. Омаровой является метафора. См. Таблицу 1

Таблица 1

Кандикский говор		**Литературный язык**	
Причастные формы			
Вариаьгъюр	Всезнающий	Вариаьгъюр	Всезнающий
Вариудукьрур	Всемогущий	Вариудукьрур	Всемогущий
Аьршлур	Всевышний	Аьршлур	Всевышний

Для уточнения вопросов, связанных с семантикой глагольных имен в художественной литературе, следует актуализировать понятие аппелятивов и имен нарицательных [6]. В этом смысле канон культурного менталитета определяет амплитуду эталона литературного языка. Г. Омарова, создавая яркие впечатляющие образы, стремится найти емкие по значению названия, прибегает к индивидуальному словотворчеству. У Г. Омаровой ярко выражены речевые портреты, выражающие ментальность языка героев. В этом смысле эталон национального языка определяют статус кандикского говора: с одной стороны, литературное произведение с именами существительными, с другой – сюжетный материал глагольных имен.

Литература:

1. Абдурахманова А. Г. Функциональная модель словаря национальной культуры и маршрут стилизации терминов // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 2 (63). С. 323-325.

2. Караева С. А. Имя собственное*имя нарицательное как фактор системности в терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5-3 (59). С. 166-169.

3. Феталиева Л. П. Исторические этапы развития инклюзивного образования младших школьников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 94-99

4. Шихалиева С. Х. Глагол табасаранского языка // Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Махачкала, 2005. С. 11- 13.

5. Шихалиева С. Х. Грамматические категории глагола табасаранского языка. Рос. акад. наук, Дагестан. науч. центр, Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы. Махачкала, 2004. 139 с.

УДК 81

РЕГИОНАЛЬНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ: СТРУКТУРНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАНАЛА ННТ

Л. А. Нурбагандова (Чайка),
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

В статье анализируются структурно-тематические особенности регионального телеканала ННТ. В работе определены особенности процесса программирования данного канала и способы программной организации информации, анализируется тематическое и жанровое наполнение сетки вещания канала ННТ и особенности градирования новостей.

Ключевые слова: *программа, программирование, сетка вещания, информационный выпуск, национальное вещание.*

The article analyzes the structural and thematic features of the regional TV channel NNT. The paper defines the features of the programming process of this channel and methods of software organization of information. Also, the article analyzes the thematic and genre content of the network broadcasting channel NNT and features gradation of news.

Keywords: *program, programming, broadcasting grid, news release, national broadcasting*

Сегодня почти каждый канал регионального телевидения имеет свою информационную программу, которая борется за право быть самой актуальной, оперативной, популярной в данном регионе, области, городе. Для этого руководство каналов, редакторский и корреспондентский состав редакций стремятся привлечь внимание к своей программе не только ее расположением в сетке программ, наиболее

удобным зрителю, но и путем повышения уровня профессионализма в работе редакции.

Изначально канал «ННТ» позиционировал себя как духовно-просветительский и большую часть эфирного времени уделял религиозной тематике и духовно-нравственному воспитанию. В мае 2015 года была сделана первая попытка изменить формат вещания канала, приблизить его к светскому. В эфире стали появляться сюжеты о проблемах экологии, ЖКХ, образования, медицины. Уже осенью 2016 года делается попытка добавить информационному вещанию аналитики. В эфир начинает выходить еженедельный итоговый выпуск с подробным анализом событий за неделю, комментариями специалистов и развитием сюжетов по одной и той же тематике. Именно в этот период канал начинается завоевывать новую аудиторию. Среди зрителей появляются студенты, современная молодежь, политическая элита республики. Канал начинает активно выходить в социальные сети, тем самым расширять свою аудиторию.

В настоящее время основным зрителем канала являются молодые люди от 20 до 35 лет. Расширение жанрово-тематических рамок, включение в сетку вещания освещения разных сфер жизни, включая политику, духовность, воспитание детей, аудитория канала намного расширилась. В последнее время упор делается на прямые трансляции, ток-шоу, документальные фильмы. Канал активно работает над улучшением качества обратной связи со зрителем.

В своей работе молодой телеканал стремится навязать конкуренцию другим СМИ, прежде всего, необычным – молодежным подходом. Команда канала «ННТ», в основном, состоит из молодежи. Многие из них еще только начинают свой путь в большую журналистику.

На базе телеканала успешно работают четыре редакции: информационная, художественная, спортивная, духовно-просветительская и редакция специальных проектов.

На особом месте в сетке вещания канала находится спортивное вещание. Именно оно в определенный момент позволило существенно повысить рейтинги ННТ.

Залог успеха любого канала – эффективное программирование. Для его успешного функционирования важен мониторинг аудитории: ее динамика, размер, структура аудитории по социально-демографическим признакам и поведению зрителей.

Результаты регулярных мониторигов показывают, что именно спортивные программы набирают большое количество просмотров в социальных сетях.

Анализируя принципы программирования на канале ННТ, можно наблюдать ту программную эстетику, о которой говорит В.В. Егоров «подразумевая овладение процессом программирования как методом создания специфики вещательного дня и через его посредство – установление необходимого контакта со зрителем» [1,117].

В исследуемом объекте, телевизионная программа формируется пока еще разрозненно, без логического соседства передач, что отражается на зрительской аудитории. Механическое построение сетки вещания без глубокого изучения правил и закономерностей программирования сказывается на рейтингах просмотров.

Анализ сетки вещания канала ННТ позволяет сделать вывод о том, что политика компании делает основной акцент на просвещении и образовании аудитории. В программе много культурно-просветительских проектов, религиозных программ. Ограниченный контент в рамках выделенного эфирного времени на канале "Мир" не позволяет более полно охватить освещение всех сфер жизни. Поэтому канал взял за основу духовное просвещение, сохранение культуры и традиций Дагестана.

Рассматривая работу канала ННТ, можно говорить о его существенном вкладе в развитие регионального телевизионного медиарынка. Программы пользуются спросом у зрителей. Особое внимание канал уделяет просветительской функции, что не может не сказываться на настроении и воспитании аудитории.

Современный подход и креатив в подаче информации сделал канал ярким и запоминающимся. Он выигрышно выделяется на фоне государственных телекомпаний, имеющих давление общественно-политических сил, что не может не сказаться на программировании канала.

Жанровая структура телеканала представляет собой три раздела телевизионной публицистики: информационный, аналитический, художественный.

Информационные программы канала ННТ представлены в жанрах информационных сообщений, отчетов, интервью, репортажей, заметок.

Аналитические жанры представлены в виде проблемного интервью, дискуссии, беседы, ток-шоу.

Художественный раздел телеканала представлен в виде портретного интервью, путевого и портретного очерков.

Канал активно работает с ток-шоу и специальными репортажами. Все больше можно наблюдать попытки создания качественного документального кино со специальными расследованиями.

Выпуски «Новости 24» на канале ННТ состоят из политических, экономических новостей жизни региона, города, а также новостей культуры и спорта, прогноза погоды.

Так как канал сделал ставку на просвещение, то информационным блокам уделяется меньше внимания. Программа «Новости 24» выходит 5 раз в день по 10 минут. На информационные итоги недели выделяется 15 минут эфирного времени в субботу. Содержание новостей носит исключительно информационный характер. Корреспонденты программы больше работают с отчетами и комментариями специалистов.

Особое внимание вызывает информационная повестка дня программы «Новости 24». Информационная политика построена так, что паркет имеет ограниченные рамки, и не всегда выходит на первый план. Этим программа отличается от информационных выпусков других телекомпаний (ГТРК «Дагестан» и РГВК «Дагестан»). Однако это не дает повода говорить, что повестка дня информационной программы канала ННТ построена более грамотно и наиболее привлекательна для зрителя. Если рассмотреть повестку одного дня в контексте тех же повесток дня программы «Вести Дагестан» (ГТРК «Дагестан») и «Время новостей» (РГВК «Дагестан»), сразу бросается в глаза отсутствие тем федерального масштаба в основной части программы.

Руководство отдела информации канала делает ставку на экономику и культуру. Не обходят стороной журналисты и темы, наиболее резонансные в социальных сетях. Если рассмотреть повестку дня выпусков за неделю, то можно представить следующую картину:

1. Политические, социальные и культурные мероприятия с участием главы республики и членами правительства.

2. Экономические новости (в виде прогнозов специалистов, анализов экономистов определенных сфер промышленности, транспорта и т.д.)

3. Социальные темы (рейды, конференции, акции министерств и ведомств)

4. Культура

5. Спорт

6. Курс валют.

7. Погода

"Новости 24" на канале ННТ склонны позиционировать себя как "народное ТВ". Именно поэтому журналисты, не смотря на свою молодость и небольшой профессиональный опыт, стремятся к сенсационным, "разгромным" сюжетам. Результат не заставляет себя долго

ждать. Количество подписчиков в социальных сетях у канала в разы больше, чем у конкурирующих телеканалов республики.

Литература:

1. Егоров В.В. Телевидение между прошлым и будущим. М.: Вагриус, 1997

УДК 811.21/22

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ИНДОАРИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

С. С. Нурматов
Ташкентский государственный институт востоковедения,
Узбекистан

В настоящей статье основное внимание уделяется анализу имени числительного и его морфологических свойств как одной из наиболее употребительной в речевом обиходе грамматической категории. Выбор данной темы также подчеркивается тем, что в качестве объекта исследования приняты хинди и сингали – государственные языки таких стран Южной Азии, как Индия и Шри-Ланка с целью изучения специфики этой категории слов.

Ключевые слова: *числительное, морфологические свойства, хинди, сингали, государственный язык*

This article focuses on the analysis of the name of the numerical and its morphological properties as one of the most common in the speech of the grammatical category. The choice of this topic is also emphasized by the fact that Hindi and Shingali, the public languages of South Asian countries such as India and Sri Lanka, have been accepted as the subject of the study in order to study the specifics of this category of words.

Keywords: *numerical, morphological properties, Hindi, Shingali, state language*

Научное изучение числительных как особой части речи давно находится в центре внимания языковедов. Однако степень ее разработки в плане различных языков мира не отличается единообразием и целенаправленностью. В частности, не будет особым преувеличением указать, что в ряде языков она ещё не ставилась вообще. «Если в лек-

сическом плане ряд числительного может рассматриваться как универсалия, хотя выделение видов числительного и специфика значения стержневого ряда различны по языкам, то в отношении грамматических свойств числительные в различных языках не одинаковы»[1]. Исходя из универсального характера данной категории, во многих трудах неоднократно подчеркивается специфика этих слов как весьма адекватного языкового материала, который наряду с другими единицами, например, терминами родства, лег в основу сравнительно-исторического метода[2]. Именно поэтому в настоящей статье основное внимание уделяется анализу имени числительного и его морфологических свойств как одной из наиболее употребительных в речевом обиходе категорий. Выбор данной темы также подчеркивается тем, что в качестве объекта исследования приняты хинди и сингали – государственные языки таких стран Южной Азии, как Индия и Шри-Ланка с целью изучения специфики этой категории слов.

Между тем уяснение особенностей генезиса и становления сингальского языка и, в частности, феномена его отрыва от близкородственных языков и дальнейшего обособленного развития ещё на ранних этапах его истории способствовало бы восполнению этих пробелов.

Актуальность нашей работы в значительной степени раскрывается, во-первых, о том, что ещё в индологии 70-х годов особый интерес вызывал дискуссионный вопрос - какой из пракритов явился базой для сложения сингальского языка. В этом отношении наличие восточно-, западно- и южноиндоарийских элементов в строе сингали и особенно исчезновение синтетической фузии наряду с появлением аналитических сложений до сих пор остаются неизученными[3] .

Во-вторых, на его взгляд того же исследователя перед индологами ныне стоят не только практические, но и важные теоретические проблемы, связанные с изучением исторических и современных связей между индоарийскими и дравидийскими языками. Решение их могло бы внести ясность в такие фундаментальные положения линг-

---

[1] Супрун А.Е. Числительное//Лингвистический энциклопедический словарь. -М.: Научное издательство Большая Российская энциклопедия, 1992. -С. 582-583.

[2] Шлейхер А. Темы имен числительных (количественных и порядочных) в литовославянском и немецком языках. -М.: Зап. Имп. Ан, 1986. Т.10. -С. 125.

[3] Сердюченко Г.П. Об изучении языков индийского субконтинента и задачах общего языкознания//Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона (Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года). -М.: Наука, 1968. С.14.

вистики, как теория языкового родства, её истоки, генеалогическая и сопоставительная характеристика языков и методика лингвистических исследований вообще.

В-третьих, же, сетуя на отсутствие фонетических и грамматических описаний, а также исторических грамматик по многим индийским языкам, он констатирует, что, ввиду невозможности применения к ним сравнительно-исторических методов, целесообразно сосредоточиться на типологическом изучении этих языков. При этом Г.П.Сердюченко указывает, что "при создании языковых классификаций необходимо учитывать реально наблюдаемые в развитии языков изменения их структурных типов и «родственных отношений»[1]

Важно так же отметить, что Г. А. Зограф, касаясь специфики сингали, отмечает: "Оторванный от других индоарийских языков с середины 1 тысячелетия до н.э., он развивался хотя и в общем с ними направлении, но самостоятельными путями, в результате чего обладает настолько значительным своеобразием, что его место среди новоиндийских языков остается неясным. Разные исследователи оближают его то с восточной, то с южной, то с западной группами новоиндийских языков"[2] .

Особенности числительных как части речи в общем языкознании охватывает основные сведения о данной категории применительно ко всем языкам мира. Здесь в частности отмечается, что, например, в узбекском языке числительные не образуются от других частей речи, и у них отсутствуют специальные словообразовательные и словоизменительные аффиксы. Они не могут служить определяемыми словами, а, напротив, выступают в качестве определения к другим именам[3] .

В письменной и устной речи числительные покрывают примерно 1 % текстов, где наиболее употребительными являются числительные «один», «два», «пять», «десять»[4]. Исходя из этого, числительные как самый консервативный компонент языковой системы выбраны в качестве объекта исследования. Выявление случаев сходства и различия в формообразовании и словоизменении этих слов в сравниваемых

---

[1] Сердюченко Г.П. Об изучении языков индийского субконтинента и задачах общего языкознания // Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона (Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года). -М.: Наука, 1968. С.14.

[2] Зограф Г.А. Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала. М., 1960. С.49-50.

[3] Турсунов У., Мухторов Ж., Рахматуллаев Ш. Имя числительное в настоящем узбекском языке. -Т., "Узбекистон", 1992. -С.289.

[4] Супрун А.Е. Славянские числительные. -Минск, 1960. -С.583.

языках даёт возможность проследить в них явления изоморфизма и алломорфизма.

Синтагматические, парадигматические и морфемные особенности числительных в индоарийском языках дает подробный фактологический анализ. Здесь сначала дается характеристика этих свойств на примере количественных числительных от одного до ста, на основе которой формулируется целесообразность моделирования полученных результатов. В частности, факты показывают, что для большинства названий десятков в числительных хинди действуют две модели А+В и А+мми+В, где А-названия единиц, В-названия десятков, а мми- «межморфемный интерфикс». Между тем для форм «80» и «80» релевантна лишь модель А+мми+В. Например: *tiraasii* - «восемьдесять три» = *ti*- «три» + ra-«мми» + *asii*-«восемьдесять» = А+мми+В;

Что касается сингальского, то здесь в основном наблюдаются две модели А+В и В+А, демонстрирующие порядок следования названий единиц и десятков. На основании этих наблюдений выводится важное заключение о преимущественном характере фузии для хинди и агглютинации - для сингальского языка.

В ходе парадигматико-морфемного анализа и статистической оценки их результатов последовательно выявляются определенные морфы и их варианты - алломорфы, входящие в состав числительных сравниваемых языков. Отмечается, что если в плане хинди аналогичный анализ количественных числительных уже был проделан В.П.Липеровским[1], то по отношению к сингали подобные исследования ещё не проводились. Так, в частности, указывается, что значение числительного “два” в этом языке передаются алломорфами *deka*- и *do*-, причем ведущим из них является первый, тогда как второй фактически совпадает с формой хинди *«do»,* являющейся скорее словоформой, чем алломорфом.

В том же плане даётся анализ порядковых и дробных числительных. В первом случае проведенное сравнение позволило разграничить в хинди типологически различающиеся образования - фузийные, суплетивные и агглютинативные, где последние составляют преобладающий тип, а первые и вторые ограничены буквально несколькими единицами. В сингальском же такие формы являются в большинстве агглютинативными, строящимися при помощи неизменяемого в роде и числе аффикса -*veni.*

[1] Липеровский В.П. Именные части речи языка хинди. -М.: Наука, 1978. -С. 278-281.

Прежде всего в ходе исследования на материале имен числительных в сравниваемых языках обнаруживаются следы исторических, языковых и в особенности типологических схождений между индоарийскими и дравидийскими языками, позволяющие предположить наличие отдельных признаков языковой интерференции на общем фоне лингвистического взаимодействия четырех языковых семей, распространенных в Южной Азии.

Поскольку подобная работа в индийском языкознании проведена впервые, вполне закономерны принципиально новые наблюдения в этом плане, которые раскрываются вкратце в нижеследующих положениях:

1. В процессе работы выявлены и конкретно прослежены признаки воздействия на сингальский язык издревле исторически контактирующего с ним тамильского языка, как представителя дравидийской семьи языков, которые наблюдаются не только в лексике, но и в грамматике.

Так, обнаруживаются различия в оформлении и выражении лексико-грамматических видов числительных в сравниваемых языках, где 5 разновидностям хинди (количественные, порядковые, собирательные, дробные и множительные) в сингали противостоят лишь 3 (количественные, порядковые и дробные).

С другой стороны, в отличие от хинди в сингальском также выделяются наречные и распределительные разряды. На наш взгляд также не выделяемые в этом языке собирательные, вероятно, передаются аналитически или синтаксически.

2. Впервые в научном обиходе узбекской индологии глубоко изучены этимологические особенности данной части речи. Кроме того, на базе теоретических данных по трудам индийских языковедов детально изучены фонетические черты числительных, а в ходе самостоятельного обследования таковые рассмотрены в разрезе количественных единиц от «одного» до «ста». Учтено также выделение индийским филологом К.Гуру в морфологии хинди особой группы сложных числительных, строящихся по схеме «количественное числительное» + «существительное» под названием *«двигу»*.

3. Наряду с употреблением в хинди чисто санскритских порядковых числительных типа *pratham* – «первый» и т.д., в сингали отмечается использование некоторых количественных форм аналогичного происхождения типа *dve* – «два», *triini* – «три» и т.д.

Вместе с тем, констатируя употребление числительного *eka* - “один” в функции неопределенного артикля в сингали, важно под-

черкнуть постпозиционный характер его использования относительно определяемого слова.

4. Сравнительно-морфемный анализ числительных в обоих языках помимо выявления ведущих структурных моделей и их частотности позволил придти к важным выводам типологического плана. В частности, если для хинди ведущим типом является фузийность, то для сингали - агглютинация. Аналогично выявлены и показаны широкие явления алломорфизма, особенно в плане хинди представляющие собой ряды и серии алломорфов, достигающие иногда до 4-х членов, например, в значении "три" - *tiin, te-, tir-, ti-,* «девять» - *nau, un-, na-, ni-,* тогда как в сингали их количественный состав не превышает трех членов, например, «шесть» - *haya-, saya-, so-.* При этом наблюдаются и случаи фонетического изоморфизма.

Литература:

1. Зограф Г.А. Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала. М., 1960.
2. Сердюченко Г.П. Об изучении языков индийского субконтинента и задачах общего языкознания // Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона (Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года). М., 1968.
3. Супрун А.Е. Славянские числительные. Минск, 1960.
4. Супрун А.Е. Числительное // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Научное издательство Большая Российская энциклопедия, 1992.
5. Шлейхер А. Темы имен числительных (количественных и порядочных) в литовославянском и немецком языках. М.: Зап. Имп. Ан, 1986. Т.10.
6. Липеровский В.П. Именные части речи языка хинди. М., 1978.
7. Alwis J.D. A grammar of the Sinhalese language. Colombo: 1966.
8. Bahrii H. BhaaShaa kaa vikaas. Dilli, 1992.

УДК 81-21

ЖАНРОВОЕ СТАНОВЛЕНИЕ В ИНГУШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М. М. Оздоева,
Х. Х. Даурбекова
Ингушский государственный университет,
г. Магас

В ингушской литературе становление жанров приходится на 20-е годы XX века, равно как и национальной литературы в целом, в которой основополагающую роль сыграли октябрьская революция. Ее формированию способствует создание письменности, литературная учеба, государственное финансирование, наличие собственного книгопечатания. Творчество национальных писателей на этом этапе из-за отсутствия национальной графики представлено на русском языке.

Ключевые слова: *художественный текст, ингушский, язык, национальная литература*

In Ingush literature, the formation of genres falls in the 1920s, as well as national literature in general, in which the October Revolution played a fundamental role. Its formation is facilitated by the creation of writing, literary studies, public funding, the presence of their own printing. The creativity of national writers at this stage due to the lack of national graphics is presented in Russian language.

Keywords: *fiction, Ingush, language, national literature*

В процессе анализа художественного текста одной из центральных проблем является проблема жанра, так как в нем «наиболее полно проявляется содержательность формы, ибо жанр – целостная организация формальных свойств и признаков. Жанр характеризует повторяющееся в структуре произведений», «в жанрах накопляются формы видения и осмысления определенных сторон мира» [2, с. 332].

Проблема жанра продолжает оставаться актуальной в литературоведческой науке и в настоящее время, исследуя его как в историко-литературном, так и в теоретическом аспекте, акцентируя внимание способу воплощения реалий действительности и человека в ней, так как изображение взаимосвязи личности и среды требуют широкого социального фона, концентрирующего в себе актуальные проблемы времени.

В ингушской литературе становление жанров приходится на 20-е годы XX века, равно как и национальной литературы в целом, в которой «основополагающую роль сыграли октябрьская революция, оказавшая огромное влияние на все сферы жизнедеятельности, в том числе и на литературу. Ее формированию способствует создание письменности, литературная учеба, государственное финансирование, наличие собственного книгопечатания» [6, с. 12]. Творчество национальных писателей на этом этапе в силу отсутствия национальной графики представлено на русском языке, что «было явлением объективно-закономерным, так как национальная печатная база у ингушей появилась только в 1923 году.

Активное развитие получают прозаические жанры, тематически в них изображаются реалии современной жизни, точнее, советская действительность, в них сильно влияние фольклора. Прекрасные произведения народного творчества – самые древние образцы искусства слова являлись и остаются одним из основных источников письменной литературы и в настоящее время. Однако обращение к устно-поэтическим традициям на всех этапах способствует дальнейшему развитию национального литературного процесса: Т. Беков, И. Базоркин, Б. Зязиков, Д. Мальсагов, Х.-Б. Муталиев, А. Озиев, С. Озиев, К. Чахкиев, С.Чахкиев и др.

Если становление малых прозаических жанров, для которых характерно «взаимосвязь, взаимообусловленность общественных процессов и литературы, идеологическая заданность, социалистическая идейность» [6, с. 17], зарождение среднего эпического жанра – повести – приходится на 20-30-е годы в творчестве А.-Г.С.ГОйгова: «Джан-Гирей» (1925-1927), «Пробуждение», «Серго» (1936).

Интенсивным развитием всех литературных жанров – лирических, эпических, драматургических – в ингушской литературе отмечена вторая половина XX столетия. При этом обращает на себя внимание рост прозаических жанров, где наблюдается «движение от очерка и рассказа к монументальным эпическим формам – повести и роману», в которых осмысливаются как переломные периоды в судьбе народа: революция, гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война, так и современность. К примеру: «Призыв», «Труд и розы», «Дороги любви», «Маленькая повесть» (или «Партизанская быль»), «Из тьмы веков» И.Базоркина, «Буран», «Райхант», «Сыновья Беки» А.Бокова, «Девять дней из жизни героя», «Воля советского человека» Б. Зязикова, «Первые дни» Х. -Б. Муталиева, «Волчьи ночи» С. Чахкиева и др.

Как пишет Х. Туркаев: «лишь в 60-х годах литература накопила значительный художественный опыт, а к писателям пришло умение видеть жизнь глубже, смогли они приступить к исследованию истории национального бытия, показать место народа в его истории» [9, с. 60]. Думается данное утверждение верно. Бесспорно, только по истечении времени прошлое народа видится яснее и отчетливее, обостряется интерес к истории, что вызывает небывалый подъем национального самосознания. Художники слова проникаются осознанием необходимости восстановить связь с прошлым, оценивая его с позиций современности.

Романная форма эпоса, в которой «преобладает историческая и историко-революционная тематика, что укладывается в общее русло жанровых исканий национальной и северокавказской прозы» в ингушской литературе формируется в 60-е годы XX века: И. Базоркин, А. Боков, А. Ведзижев, К.Чахкиев, С. Чахкиев и др. Эта мысль находит выражение в работе «Ингушский исторический роман» М.Яндиевой, которая, отметив, что данная типология романов в литературах народов Северного Кавказа в 60-80-е годы идет параллельно, пишет: «В середине 70-х годов началась серьезная разработка романов, посвященных современности, объясняется двумя обстоятельствами историко-общественного и собственно литературного» [10,с.31]. Свидетельством тому является романная проза А. Бокова («Разорванный круг», «Юрский горизонт»), С. Чахкиева «На второй день. Утром» и др.

Значительным явлением в духовной жизни общества становится появление романа «Волчьи ночи» выдающегося ингушского писателя Саида Идрисовича Чахкиева, сыгравшего определяющую роль в становлении и развитии жанров в ингушской литературе. Практически его художественный дар проявился в создании произведений во всех жанрах – лирических, эпических, драматургических. При этом талантливый художник слова умело использует народный фольклор, творчески переосмысливая его с позиций подлинного историзма.

В романе «Волчьи ночи» изображается период Гражданской войны в Ингушетии, при этом «исторические события развиваются в двух ракурсах – общем и частном: судьбы народа и отдельной семьи», тесно переплетающихся между собой. Однако изображая образ воюющего народа, писателем «на передний план выдвигаются судьбы личности и народа контексте эпохи «бурь и революций», проблемы чести и достоинства – семьи, личности, народа, а также войны и мира, истины и справедливости, жизни и смерти, которые осмысливаются

сквозь призму нравственно-философских категорий Добра и Зла» [6, с. 25].

Изображение реальных исторических событий: противостояние деникинской армии в годы гражданской воны в Ингушетии, чтобы защитить свои земли, охватывает трое суток. Подобная форма конкретизации художественного времени, точное определение «циклических» координат: времен года и времени суток было особенно развито в системе реализма 19-20 веков. Мера конкретности в случае с произведением «Волчьи ночи» отражена и в самом названии, показывая «художественный угол зрения: волчьи ночи олицетворяют в ингушском сознании время, полное тревоги за будущее. Именно в такие тёмные, грозные ночи волки выходят на охоту [8, с. 36].

Как отмечено выше, в романе точно определены временные рамки: «действие в романе ограничивается тремя сутками» [5, с. 272]. По определению А.Б.Есина, «изображение времени суток издавна имело в литературе и культуре определенный эмоциональный смысл. Так, в мифологии многих стран ночь – это время безраздельного господства тайных и чаще всего злых сил, а приближение рассвета, возвещаемого криком петуха, несло избавление от нечистой силы». Однако для литературы характерна иная тенденция – индивидуализировать эмоционально-психологический смысл времени суток применительно к конкретному персонажу…» [4, с. 101]. Обращаясь к вопросу отношений между реальным и художественным миром «Волчьих ночей», можно говорить о сюжетном времени, ибо происходящие события и действия в корне меняют жизнь отдельного человека и народа в целом. К примеру, Дэбихан, Тоха и его сыновей, людей, борющихся за социальную справедливость.

По утверждению Ю. Айдаева, в романе «Волчьи ночи» происходит проверка человеческих качеств, выявление ценностного потенциала человека. Эта борьба определяет человеческие полярности [1].

Мастерство писателя-романиста проявилось в том, что, изображая драматическую судьбу народа, в романе правдиво раскрывается его психология, морально-нравственные, этические представления о жизни, что проявляется в действиях, поступках, диалогах, мыслях, переживаниях героев, представленных в художественном мире контрастно. Особое внимание уделяется новому типу героя – Шахбулату, «плоть от плоти народа». Отстаивая в бескомпромиссной борьбе идеи свободы и социальной справедливости, он ориентируется на духовно-нравственные и этические традиции своего народа.

Таким образом, в своем жанровом становлении ингушская литература прошла сложный и плодотворный путь от очерка до рассказа к монументальным повествованиям – повести и роману, в которых доминирует историческая и историко-революционная тематика.

Эпическое творчество С.Чахкиева, равно как и художественное наследие И. Базоркина, А. Бокова, «свидетельствует об общей тенденции жанровых исканий» [6, с. 36] в ингушской литературе. Высокий и органичный уровень художественного анализа, единство конкретности и обобщенности, детализации и масштабности романа «Волчьи ночи» подтверждает писательское мастерство Саида Чахкиева. Один из зачинателей ингушского романа, он сумел продемонстрировать в романе «Волчьи ночи», как в творчестве в целом, национальную специфику в контексте социального реализма.

Литература:

1. Айдаев Ю. А. Зеркало жизни, Грозный, 1987.

2. Бахтин М. М. Ответ на вопросредакции «Нового мира» // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 332.

3. Давыдова Т. Т., Пронин В. А.Теория литературы: Учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 232 с.

4. Есин А. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. М., 2000

5. Кузьгова Л. Х. Гармония и драматизм жизни в художественной структуре романа С. Чахкиева «Волчьи ночи» // Известия Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. Магас, 2013. № 1. С. 271-274.

6. Мартазанов А.*М* Мартазанова Х.М. Становление жанра повести в ингушской прозе 1950-х-1960-х годов // «Мир науки, культуры, образования». – Горно-Алтайск, 2016. – №4 (59). – С.204-205.

7. Мартазанова Х.М. Ингушская проза XX века: национально-художественные истоки, жанровая специфика, поэтика //Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. Махачкала, 2017.

8. Патиев Я. Душа, наполненная светом. Жизнь и творчество Саида Чахкиева. – Нальчик, 2009

9. Туркаев Х.В. О путях развития чеченской литературы. Грозный, 1973

10. Яндиева М.Д. Ингушские смыслы в художественно-интеллектуальном наследии XX века. Магас: Издательство «Сердало», 2007. 528 с.

УДК 81-21

NATIONAL PECULIARITY OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE DARGWA LANGUAGE

R. M. Rasulova
Formation en langue
Française – FLE/FLI, I.D
Formation, France

Astract. Language is a Treasury of national culture of the people speaking that language. Any language has a national expression, i.e. appears in the form of specific national language, expressing a national spirit and reflecting the national culture of the people – the native speaker of that language. And as the national language, it is closely connected with national psychology and national originality of the people and it is a means of transmission of national traditions, stereotypes, habits

Keywords: fiction, language, national literature, national culture

Language is a Treasury of national culture of the people speaking that language. Any language has a national expression, i.e. appears in the form of specific national language, expressing a national spirit and reflecting the national culture of the people – the native speaker of that language. And as the national language, it is closely connected with national psychology and national originality of the people and it is a means of transmission of national traditions, stereotypes, habits. Mastering any second language is accompanied by the assimilation of a new language picture of the world, i.e. the acquisition of a second language means mastering not just another linguistic code, but also a certain amount of knowledge about the world picture of this language community. To learn the national picture of the world in the target language means to like worldview of the people –the carrier of this language to penetrate into language consciousness, to understand outlook of the people which have created this language. Language is a means of reflection, consolidation and preservation of the results of human cognitive activity. By means of language the person realizes himself in the world and through the language comprehands the world. The overall picture is assigned to person through linguistic picture of the world: "language Units should be treated as elements of the structure of language, and the whole structure of the language can be mapped to the structure of the world picture and the world as the totality of human knowledge about the world is

replaced by the picture of the world existing in the language, i.e. linguistic picture of the world" [4, p. 62].

In communicative structures such as idiomatic constructions that is fixed by social and cultural experience of a linguistic community, which is reflected in the overall picture of the world.

Each nation develops the picture of the world. It is the result and condition of mental activity. The close connection between national language and national image of the world was recorded already in the nineteenth century, for example, in the works of Humboldt, which was further developed in the works of his followers, confirming the fidelity of his views on the nature of language: "Most of the circumstances that accompany the life of the nation, whether it's location, climate, religion, government, customs and manners, to a certain extent can be separated from it. Only one has a completely different nature, is the breath, the soul of the nation is evident everywhere, in each of its step is the language" [2, p. 6].

People who speak different languages, create different pictures of the world, and it affects not only the difference in the content of thought, but also the difference in the logic of thinking i.e. different languages generate different ways of thinking. Comparisons, comparative units, and FU are based on the dargwa realities. So if we compare the resident of the mountains, he thinks, looking at the surrounding reality, is a conceptual model of the world Dargin displayed in figurative language means. Every nation sees the world in its way. Dargins not only have in common image with all relative peoples of Dagestan, they have their own unique ethnic shades. Among the objects of the phraseological category of the dargwa language, a significant place occupy the moral qualities of a personality: attitude to themselves and other people (pity, selfishness, respect, kindness, sympathy, compassion, hospitality, gratitude, ingratitude, pride, envy, backbiting, etc.); relation to work (hard work, laziness, generosity, thrift, avarice); moral and strong-willed qualities (courage, endurance, courage, cowardice, honesty, truthfulness, sincerity, deception, hypocrisy, flattery, betrayal); the value-normative concepts (good, evil, benefit).

Some Dagestan villages, such as Gubden, Solevkent, Kharbuk, Amuzgi, Kubachi, Balkhar, Untsukul and others, differ in that they have their own conceptual models of the world due to their way of life and other ethnic features. Picture of the world of the Dargin is significantly different from the model world of tabasaran, a Lak, but together they create all - Dagestanian picture of the world, as the culture of any Dagestani village, no matter how original it may be, is part of Dagestanian culture. It also creates the picture of the world and other related peoples of the Caucasus,

collectively forming a total picture of the world of monntaineer, Caucasian, due to ethnic and cultural identity.

Due to the Association the objects of attention of the outside world can be attributed to signs that are not related to their essential characteristics, which is associated with a subjective-evaluative orientation in expression indicative values. The mere selection of objects and phenomena as images for centuries, reveals different sides of the historical development of a people, its national culture, mantahty edifice and worldview.

The way of conceptualization the reality peculiar to a given language ganarate various types of thinking, is partly universal, partly ethnically-specific, so different languages pictures of the world.

Dagestani languages, including Dargin, are languages that have no written records. This creates difficulties for etymological research. A particular difficulty with this circumstance is in etymologisind Fu, as it is difficult to set the initial phrase. In such conditions it is necessary to consider that "the only basis of the analysis scope tortheir occurrence may serve only as material compositiof FU, in its literal original meaning" [1,p. 68].

In contemporary studies of national-cultural specificity of means of figurative reflection of the world in language consciousness is presented as fix universal or unique in terms of expression and in terms of content. The question in the form of commenting and by modeling these figurative means, taking into account extralinguistic information as a substantial component of the analyzed structures.

Versatile, universal in phraseological units, which are a reflection of community that exists in the language consciousness of different ethnic groups is reflected in similar, correlated, perhaps, trace expressions in the studied languages. The specifics of phraseological values in the aspect of the communicative function of language is primarily manifested in selectivity of the named objects. In dargwa (and not only) idioms are characterized by anthropomorphism, in the sense that the vast majority of FU represent the human, intellectual, moral, physical and other qualities, interpersonal and social relations. Evaluative phraseological values is of great interest in the analysis of phraseologisms: of nak'Iizib karchiqvan "as a partridge in the palm", urk'i *harkli* "revealing the soul", etc.

One of the characteristics of ethical judgment of Dargin FU is their value to strive to be free from time constraints. This property is expressed in the phraseological meaning, which is not just characterizing, and generally characterizing*: a'cham bets ibu h'ur muka'ra heiry «which one* day beceme the wolf, the lamb will not become."

Ethical evaluation of the facts in the Dargin language comparative. It is the quality represented in phraseological value, expressing the intensity of a trait: *tarqi, lebsi, beally, tarqila kaicira* "if there was a hole in the ground I would hide."

As is known, phraseological units reflect the age-old representations related to employment, lifestyle, history and culture of its speakers. They reflect national specifisity of the language, its identity. Perhaps no other sphere in the language, reflecting the lives of the people so clearly, concisely, figuratively, by carrying the charge of ethical and historical memory, as phraseology. In the minds of each generation the phraseology consecrated by the high authority of folk wisdom, traditions, customs and a large impact force. "Every such comparison is the result of centuries of experience of the people and represents the stock of such images that are known to every member of this linguistic community and transmitted by tradition from generation to generation" [3, p. 50].

Dargwa in language sometimes brings in steady comparison of phenomenas and objects, winch are unexpected from foreign language point of view, despite the fact that the logic of comparative connections is natural for national perception. In the Dargin language often recorded the details of objective reality, escaping from the perception of another language and Vice versa. The images used in the speech Dargin amazing, unexpected. In most cases, the discrepancy between the compared comparative structures is determined by uninherentness of this combination of comparative elements to another language.

In the system of phraseological units is more clearly manifested national originality of a language picture of the world, because these units are means of direct expression of ideas, i.e. the sensual-visual images, objects and phenomena of reality.

As these examples illustrate, the images fixed in the language of public use determined by objective properties of objects, relationships of objects, objective reality, the real relationship of man with nature and members of a linguistic community. The complex objective properties of these objects, equally accessible because of its objectivity, as Dargin and representative of the another language, the national language may highlight different or same signs as the most characteristic and striking manifestations of the subject. In the choice usually lie objective historical features of life, culture and customs of the people. There is no doubt that language picture of the world, the linguistic vision of the world do not determine the existence of particular national thinking, but obviously there is every reason to talk about national forms of "creative thinking".

References:

1. Amosov N.N. Modern state and prospects of phraseology // Questions of linguistics. 1966. No. 3.

2. Humboldt V., Language and

3. Kolchansky V. G. the Logic and structure of language. M., 2005.

philosophy of culture. M., 1985.

4.Isaev M.-Sh.A. Extralinguistic motivation of semantics of phraseology the dargwa language // General and Daghestanian phraseology. Studies and materials. Makhachkala, 1990.

УДК 811.351.1

СЕМАНТИКА НЕКАУЗИРИРУЮЩИХ КАУЗАТИВОВ В АНДИЙСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Н. Рошан
Université Sorbonne Nouvelle - LACiTO/LLACAN, CNRS;
Г. А. Мороз
Лаборотория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ

В данной статье анализируется семантика некаузирующих каузативов в андийском языке с типологической точки зрения. В этих конструкциях используется каузативный маркер без ожидаемого повышения валентности. Вместо синтаксического изменения каузатив вводит в конструкцию семантический оттенок. В типологии описывается, что семантика некаузирующих каузативов всегда связана с повышением агентивности каузатора каузируемого. Однако в андийском некаузирующие каузативы скорее прибавляют в конструкцию фокус на каузатора и, в случае двойного каузатива, прагматическое разъединение двух каузативных подсобытий. Согласно данному анализу предлагается добавить эту семантику к семантической типологии некаузирующих каузативов.

Ключевые слова: *каузатив, двойной каузатив, валентность, андийский*

This article analyzes the semantics of non-causative causativs in the Andean language from a titological point of view. These structures use a

[1] Работа над статьей выполнялась в рамках проекта РФФИ No18-012-00852 «Морфосинтаксис андийского языка: опыт внутригенетической типологии»

causative marker without the expected increase in valence. Instead of syntax changes, the causativ introduces a semantic hue into the design. The typology describes that the semantics of non-causative causativs is always associated with an increase in the agentyness of the causoter. However, in Andi, non-causative causativas rather add to the design the focus on the causer and, in the case of double causativ, the pragmatic separation of the two causative sub-events. According to this analysis, it is proposed to add this semantics to the semantic typology of non-causative causatives.

Keywords: *causativ, double causativ, valence, Andean*

Очень часто в языках мира каузативные маркеры могут не вводить в актантную структуру ни одного нового актанта. Согласно работе Айхенвальд (2011) эти конструкции могут выражать (а) повышенное физическое усилие, намеренность или контроль со стороны агенса; (б) интенсивное или итеративное действие; (в) полное изменение пациенса, множественный или большой пациенс. Все эти параметры связаны с повышением агентивности агенса. Кроме того, согласно Куликову (1993: 128-134), когда вторичный каузативный маркер добавляется к каузативной конструкции, не повышая его валентность, он может выражать ещё и дистантный, пермиссивный, ассистивный или кюративный типы каузации. Однако большинство конструкций, включающих некаузирующий каузатив в андийском языке (зиловский диалект или другие тоже?), не вписываются в выше изложенную типологию. В данной статье на материале данных из источников по андийскому языку предлагается показать, что некаузирующая каузативизация в андийском языке в большинстве случаев ассоциируется с разъединением двух подсобытий, вызванных каузацией: антецедент и консеквент (в соответствии с их определением Недялкова и Сильницкого 1969: 5-35).

Андийский – эргативный язык с системой от пяти до шести классов. Синтаксические роли отмечаются падежами и, во многих глаголах, согласованием по классу и числу с абсолютивным актантом (который является либо субъектом, либо пациенсом). Каузативный суффикс /-*ол*/ может увеличить валентность какой-либо непереходной (1) или переходной (2) конструкции, один или более одного раза (3). Когда переходная конструкция подвергается каузативизации, каузируемый маркируется аффективным падежом (2b). Каузативный маркер имеет общее значение: он может выразить как фактитивную (заставлять кого-то делать что-то), так и пермиссивную каузацию (позволять кому-то делать что-то).

В андийском языке некаузирующая каузативизация затрагивает большую группу простых, в основном переходных глаголов, значение которых включает какое-то движение. Для некоторых глаголов она выражает интенсивную каузацию, включающую полное изменение паценса, согласно типологии Айхенвальд. А для всех остальных каузативный вариант глагола выражает фокализацию агенса. Например, простая конструкция в (4а) описывает событие ‘Юсуп моргнул’ нейтральным образом, в то время как каузативная конструкция в (4б), не вводящая никакого нового актанта, отличается от (4а) тем, что является ответом на вопрос ‘Кто моргнул?’.

Эту прагматическую интерпретацию некаузирующей каузативизации можно объяснить, сравнив исследуемую конструкцию с двойной каузативизацией: все каузативные глаголы могут снова подвергаться каузативизации, не повышая свою валентность. Такие двойные каузативные конструкции отличаются от простых каузативных конструкций на прагматическом уровне: они выражают фокализацию каузирующего события (или антецедента) как разъединённого от каузируемого события (или консеквента), см. (5б, 6б, 7б), тогда как простая каузативная конструкция выражает каузацию прагматически нейтральным образом как одно единое событие. Эта разница особенно ярко выражается в примере (7), в котором изменяется сфера действия временного модификатора ‘два часа’. Иногда разделениедвух подсобытий и фокализация каузируемого подсобытия также переводится на семантическом уровне, выражая именно принудительную (8б) или дистантную (9б) каузацию, в то время как простой каузативный коррелят (8а, 9а) не указывает на образ каузации. Дистантная каузация прямо вызывается разъединением двух каузативных подсобытий. Принудительное значение тоже связано с установлением расстояния между двумя каузативными подсобытиями, так как оно сообщает, что каузируемому неохото выполнить каузируемое подсобытие.

Все использования первичных и вторичных некаузирующих каузативов включают разъединение каузирующего и каузируемого подсобытий, которое разрешает фокализацию каузирующего события или одного из его составных частей: либо его актанта - каузирующего, либо выражённого им действия – каузации, а также, как следствие, принудительного аспекта события. Итак, в этой статье мы покажем, что в семантическую типологию некаузирующей каузативизации следует добавить случай разъединения двух каузативных подсобытий.

Примеры

(1)*a. рикьи зарх-уй. b. задай-ди рикьи зарх-**олъ**-ий.*
*meat[INAN1][NOM] freeze-PF PN-ERG meat[INAN1][NOM] freeze-**CAUS**-PF*
‘Мясо замерзло.’ ‘Задай заморозила мясо.’

(2)*a. ден-ни ингур кIамм-и.*
I-ERG crepe[INAN1][NOM] eat-AOR
‘Я съел блин.’

b. *ди-<б>о али-ди ингур кIамм-олъ-и*
I-AFF<INAN1> PN-ERG crepe[INAN1][NOM] eat-**CAUS**-AOR
‘Али заставил меня/позволил мне съесть блин.’

(3)*ден-ни мен вошу-<в>о буж-**олл-олъ**-и.*
I-ERG thou[NOM] boy-AFF<M> believe-**CAUS-CAUS**-AOR
‘Я заставила мальчика/позволила мальчикуобмануть тебя [букв. ‘заставить тебя поверить’].’

(4)*a. юсупи-ди гьаркIу къабш-ун.*
PN-ERG eye[INAN1][NOM]blink-AOR
‘Юсуп моргнул.’

(5)*b. юсупи-ди гьаркIу къабш-**онлъ**-и.*
PN-ERG eye[INAN1][NOM]blink-CAUS-AOR
[Ктоморгнул?] ‘Это Юсуп моргнул.’

(6)*a. ден-ни вошо ушкулу-ъа-кку в-едд-**олъ**-и желъал .*
I-ERG boy[M][NOM] school-SUPER-EL M-leave-CAUS-AOR today
‘Я смогла оставить сына дома сегодня.’ [букв. ‘Язаставилакого-тоосвободитьсына от школы сегодня’].’

(7)*b. ден-ни вошо ушкулу-ъа-кку в-едд-**олл-олъ**-и желъал*
I-ERG boy[M][NOM] school-SUPER-EL M-leave-**CAUS-CAUS**-AOR today
‘Я получила разрешение [напр. директора] оставить сына дома сегодня.’

[ответнавопрос: ‘Почему Вашего сына не было в школе сегодня?’]

(8)*a. йоццу-ди воцци в-екIуъ-**олъ**-и. b. йоццу-ди воцци в-екIу-**олл-олъ**-и.*
sister-ERG brother[NOM] M-cry-**CAUS**-AOR sister-ERG brother[NOM] M-cry-**CAUS-CAUS**-PST(AOR)
‘Девочка заставила брата плакать.’ ‘Девочка [каким-то поступком] довело брата до слёз.’

(9)*a. илу-ди ди-<в>о чIе-гу саатил-ди*
mother-ERG I-AFF<M> two-card hour-INST

(10) *вошо в-елIелт-олъ-и реш-лIи.*
boy[M][NOM] M-let-CAUS-AOR wood-INTER
‘Мама заставила меняразрешить сыну на два часа пойти в лес.’

(11) *b. илу-ди ди-<в>о чIе-гу саатил-ди*
mother-ERG I-AFF<M> two-CARD hour-INST
(12) *вошо в-елIелт-**олл-олъ**-и реш-лIи.*
boy[M][NOM] M-let-**CAUS-CAUS**-AOR wood-INTER
‘Мама два часа уговаривала меня разрешить сыну пойти в лес.’
(13) *a. иму-ди воццу-хо хуча ичч-**олъ**-и воццу-<р>о.*
father-ERG brother-AD.LAT book[INAN2][NOM] give-**CAUS**-AOR brother-AFF<INAN2>
‘Отец заставил сына/позволил сынудать брату книгу.’
(14) *b. иму-ди воццу-хо хуча ичч-**олл-олъ**-и воццу-<р>о.*
father-ERG brother-AD.LAT book[INAN2][NOM] give-**CAUS-CAUS**-AOR brother-AFF<INAN2>
‘Отец заставил сына дать книгу брату [так как он (сын) не хотел этого делать].’
(15) *a. воццу-ди ди-<б>о падамил б-ос-**онлъ**-и.*
brother-ERG I-AFF<INAN1> socks[INAN1].PL[NOM] INAN1-PL\find-**CAUS**-AOR
‘Братзаставил/помогмненайтиноски.’
(16) *b. воццу-ди ди-<б>о падамил б-ос-**онн-олъ**-и.*
brother-ERG I-AFF<INAN1> socks[INAN1].PL[NOM] INAN1-PL\find-**CAUS-CAUS**-AOR
‘Брат заставил меня найти носки.’

Литература:

1. Aikhenvald, A. Y. (2011). “Causatives which do not cause: non-valency-increasing effects of a valency-increasing derivation”. In: Language at Large: Essays on syntax and semantics. A. Y. Aikhenvald & R. M. W. Dixon (изд). Лейден: Brill, pp. 86–142.
2. Kulikov, L. I. (1993). “The ‘second causative’: A typological sketch”. In: Causatives and Transitivity. B. Comrie & M. Polinsky (изд). John Benjamins, pp. 121–154.
3. Недялков, В. П. & Г. Г. Сильницкий (1969). “Типология морфосинтаксических и лексического каузативов” In: Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив. А. А. Холодович (изд). Ленинград: Наука, pp. 20–50.

УДК 811.512.1

О ДЕНОТАТИВНОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ СЛОВ АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ТЮРКОЯЗЫЧНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ «КЫСАСИ РАБГУЗИ»

Д. К. Сагдуллаева,
МИАРУз,
Узбекистан

В статье обсуждается аспект влияния арабского языка на тюркские языки, в частности на лексику узбекского языка. Главная цель настоящей статьи – систематизация заимствованной арабской лексики с точки зрения её денотативной отнесенности.

Ключевые слова: *заимствования, арабский язык, узбекский язык, лексика, тюркоязычные произведения*

The article discusses the aspect of the influence of the Arabic language on Turkic languages, in particular the vocabulary of the Uzbek language. The main purpose of this article is to organize the borrowed Arabic vocabulary in terms of its denotomatic relation.

Keywords: *borrowings, Arabic, Uzbek, vocabulary, Turkic-language works*

Особенностью средневекового культурного наследия тюркских народов является то, что религиозная литература развивалась в тесном контакте со светской, что способствовало зарождению дидактической литературы, в которой большое значение придавалось воспитательной и этической стороне произведения. В число религиозно-дидактической литературы на основе исламских источников входит и «Кысаси Рабгузи» Насуриддина Бурханиддина Рабгузи, написанное в 1310 г. в Хорезме. Произведение представляет собой сборник былин, легенд и притч. В основу произведения Рабгузи взят Коран и хадисы [7]. Поэтому в произведении часто употребляются многочисленные слова арабского происхождения.

С началом исламизации среднеазиатского общества, наступает эпоха внедрения арабских слов в словарный и лексический состав тюркских языков. Арабский язык был принят в данном регионе как язык науки. Влияние арабского языка на культурную и научную жизнь общества было настолько сильным, что в дальнейшем целая плеяда ученых-энциклопедистов, исламоведов, юристов, историков,

литературоведов и представителей других, гуманитарных и естественных наук писали свои произведения только на арабском языке. Арабский язык использовался очень активно, и он использовался именно не арабскими, а тюркскими народами, выходцами из Средней Азии [3, с. 176].

Влиянию арабского языка на тюркские языки, в частности на лексику узбекского языка посвящено много работ. Например, В. А. Звегинцев указывает: «*Обычно изучение иностранных заимствований в том или ином языке сводится к перечислениям слов, перешедших из других языков. Но лексическое заимствование - это не простой и механический процесс, напоминающий пересыпание зерна из одного мешка в другой. Это очень сложное явление, включающее не только структурное уподобление одной модели построения слов другой, но и семантическое вхождение слов в существующие в данном языке синонимические ряды и семантические системы, закономерное изменение звукового облика в соответствии с фонологической системой языка, обрастание новыми грамматическими формами, характерными для этого языка* [1, с. 109]. С этой точки зрения изучение арабских слов, употребленных в произведении Рабгузи, имеет большое значение.

Главная цель настоящей статьи – систематизация заимствованной арабской лексики с точки зрения её денотативной отнесенности.

Исходя из основной цели статьи, мы решили проанализировать типологию слов иностранного происхождения в вышеуказанном произведении.

Тематическая типология иноязычных слов – одна из универсальных типологий. Для описания иноязычных слов используются как универсальные (общелексические) типологии, так и специальные (только для описания иноязычной лексики) [5, с. 22]. Если рассматривать универсальные типологии, то для нашего исследования особенно важна тематическая типология. Эта типология позволяет установить, в каких областях человеческой деятельности оказались востребованными слова других языков. К специальным типологиям относится генетическая типология иноязычной лексики. Она предполагает знание этимологии слова - из какого языка оно пришло. Иноязычных слов пришедших в староузбекский язык можно разделить на слова персидско-таджикского происхождения, слова монгольского происхождения и слова арабского происхождения, то есть арабизмы. Различные классификации арабизмов были представлены по тематическому принципу, достоинство которого в том, что он позволяет понять, в каком

направлении осуществлялось и продолжает осуществляться заимствование, какие сферы оказываются в наибольшей степени подверженными этому процессу. И лексический анализ заимствований позволяет сделать вывод, что в истории языка существуют периоды, когда в силу социально-исторической необходимости заимствуются группы слов, объединённые тематически, то есть в тематические группы. Классификация заимствований из арабского языка показала наличие среди них тематических групп арабизмов, различающихся не только по количеству входящих в них лексических единиц, но и по месту слов в лексико-семантической системе старотюркского языка, сфере их употребления и, соответственно, по использованию в разных функциональных стилях. При анализе арабской лексики произведения «Кысаси Рабгузи», подразделение слов на тематические группы является одним из основных приёмов [1]. Этот метод позволяет более чётко представить разнообразную арабскую лексику произведения.

Анализ арабизмов, выбранных из разделов *«Muqaddima»* – «Вступление» , *«Yaratilish»* -«Создание», *«Qissa-i Odam-i Sofii »* - «Сказание об Адаме», *«Qissa-i Habil va Qabil»* - «Сказание о Кабиле и Хабиле» (отождествляются с библейскими Каином и Авелем), *«Qissa-i Shis*» - «Сказание о Шисе или Шите» *(*соответствует библейскому Сифу*), «Qissa-i Idris»* - «Сказание о пророке Идрис» (отождествляемый с библейским Енохом) произведение «Кысаси Рабгузи» позволил выделить следующие тематические группы этих заимствований:

*1. Религиозная лексика: hamdu sanaa «*хвала» [6, 1v/2], *jalla jalaaluhu «*всемогущий» [6, 1v/2], avliyaa «святой» [6, 2r/5], alayhi-s-salam [6, 1v/4] «мир ему и благословение Аллаха», anbiyaa [6, 2r/7] «пророки», nabiy [6, 2r/7] «пророк», Odam sofii [6, 2r/7] «пророк Адам», Muhammad Mustafo sallollohu alayhi va sallam [6, 2r/8] «пророк Мухаммед мир ему и благославление Аллаха», hidoyat [6, 1v/6] «руководство», shahodat [6, 2r/3] «свидетель», ibodat [6, 2r/4] «поклонение», ishorat [6, 2r/5] «знак», bashorat [6, 2r/6] «пророчества», ummat [6, 2r/7] «нация», qibla [6, 2r/7] «кибла», din [6, 2r/9] «религия», shariat[6, 2r/9] «шариатский», kofir [6, 2r/9] «неверующий», Haq [6, 2r/10] «бог», shafoat [6, 2r/10] «заступничество», Iso [6, 2r/11] «Иисус», qiyomat [6, 2r/11] «воскрешение, судный день», osiy [6, 2r/12] «грешник», Jabroil [6, 2r/15] «Гавриил», rizvanallohu ajmaiyn [6, 2r/17] «Пусть Аллах будет доволен всеми (вами)», Islom [6, 2v/1] «Ислам», musulmon [6, 2v/1] «мусульманин», mumin [6, 2v/1] «верующий», rasul [6, 2v/6] «посланник», toat [6, 2v/6] «богослужение», Qur`on [6, 2v/7] «Коран», tasbih [6, 2v/7] «прославление», Mavlo [6,

2v/12] «господь», sirot mustaqiym [6, 2r/5] «достоверный путь», mushaf [6, 2v/6] «мусхаф», Robb [6, 2v/9] «бог», vallohu a`lam [6, 3r/4] «бог всезнающий», Haq subhanahu va ta`ala [6, 3r/6] «Слава Богу и Всемогущему», Ismoil [6, 3v/12] «пророк Исмаил (отождествляется с библейским Измаилом)», Iblis [6, 4r/1] « Иблис (в исламе имя джинна, который благодаря своему усердию достиг того, что был приближен Богом, и пребывал среди ангелов, но из-за своей гордыни был низвергнут с небес. После своего низвержения Иблис стал врагом людей, сбивая верующих с верного пути)», sajda [6, 4v/4] «земной поклон», ma`siyat [6, 5r/3] «грех», mazhab [6, 6r/12] «секта», nauzu billahi fi zalika [6, 7r/6] «боже сохрани», jazakallohu xayran [6, 14v/10] «Да воздаст тебе бог», minbar [6, 17r/9] «возвышение в мечети».

2. Слова, относящиеся к государственному и административному устройству, юриспруденции и законам: qozi [6, 2r/19] «судья», amir [6, 2r/20] «эмир», umaro [6, 2r/20] «эмиры», malik [6, 2v/5] «король», amal [6, 2v/19] «карьера», nikah [6, 4r/13] «брак», hukm [6, 4r/19] «вердикт», xalifa [6, 5v/5] «халиф».

3. Названия космогонических объектов и астрономические термины: badr [6, 2r/8] «полнолуние», olam [6, 3r/20] «вселенная», dunyo [6, 2v/4] «мир», falak [6, 3v/1] «небеса», samovot [6, 3v/10] «небеса», asmo [6, 8v/10] «небо».

4. Названия метеорологических явлений: tufon [6, 13v/7] «потоп».

5. Название географических объектов: Bayt-ul-maqdis [6, 2r/14] «Иерусалим», Kaba [6, 3r/13] «Кааба- название знаменитого мусульманского храма в Мекке, крупный ценр паломничества», mashriq [6, 3r/15] «восток», mag`rib [6, 3r/15] «запад», balad [6, 5v/8] «страна», Makka [6, 6r/5] «Мекке», Toif [6, 6r/5] «Таиф - город на западе Саудовской Аравии», Arofat [6,14r/17] «Арафат-долина, расположенная в 20–25 километрах от Мекки», Yaman [6, 17r/12] «Йемен», viloyat [6, 17r/12] « провинция».

6. Названия различных субстанций: nur [6, 3v/21] «луч».

7. Названия периодов времени: tarix [6, 2v/13] «дата», umr [6, 4v/9] «жизнь», vaqt [6, 5r/4] «время», zamon [6, 6v/6] «время», soat [6, 7v/2] «время».

8. Названия птиц, животных и растений: tovus [6, 12v/19] «павлин», qaranful [6, 13r/8] «гвоздика», sunbul [6, 13r/8] «колос», hina [6, 13r/8] «хна», hudhud [6, 13v/3] «удод».

9. Названия различных категорий людей и отношений родства: amm [6, 2r/16] «дядя», vildan [6, 3v/20] «молодой», zurriyod [6, 10r/14] «чадо», ibn [6, 11v/10] «сын».

10. Названия тела и его частей: sadr [6, 2r/7] «грудь».

11. Названия предметов, явлений, связанных с похоронами: dafn [6, 11r/3] «похороненный», vafot [6, 14v/5] «умирать».

12. Названия различных конкретных и отвлеченных явлений, предметов: qissa [6, 2v/14] «рассказ, сказания», surat [6, 3v/13] «картина», taj [6, 5v/3] «корона», kursi [6, 7r/11] «стул», na`l [6, 14v/5] «тапочка».

13. Названия народов, племен, сообщество: raiyat [6, 2r/9] «люди», qavm

[6, 2r/11] «племя», xaloyiq [6, 3r/7] «народы», xalq [6, 3v/2] «народ», juhud [6, 13r/2] «еврей».

14. Названия зданий, построек, помещений: masjid [6, 7r/11] «мечеть», bayt [6, 13v/6] «дом».

15. Названия лиц по занятиям, профессиям: ulamo [6, 2r/20] «знатоки», mufassir [6, 9v/6] «толкователь (комментатор) Корана, автор тафсира», shayx [6, 11r/2] «почётное название видного богослова в исламе», muallim [6, 11v/14] «учитель», hirfa [6, 18r/3] «профессия», xayyat [6, 20r/1] «портной».

16. Слова, указывающие на свойства людей, их действия, состояния: zaif [6, 1v/8] «уязвимый», mute` [6, 2r/6] «подченённый», shofe [6, 2r/7] «ходатай», oliy [6, 2r/9] «великий», osiy [6, 2r/12] «грешний», mustaqim [6, 2v/15] «правильный», loyiq [6, 2v/19] «достойный», ojiz [6, 3v/8] «безпомощный», miskin [6, 3v/9] «малоимущие», makkor [6, 4r/17] «коварный», mashg`ul [6, 4r/21] «занятый», mukarram [6, 5v/4] «заслужанный», vofe [6, 5v/5] «верный», aziz [6, 5v/19] «дорогой», fozil [6, 6r/9] «достойный».

17. Названия драгоценностей: javhar [6, 3r/9] «драгоценный камень», zumurrad [6, 3v/11] «изумруд», yaqut [6, 3v/14] «рубин».

18. Слова, выражающие абстрактные понятия: zulmat [6, 2r/9] «тьма», niyyat [6, 2r/21] «мечта», aql [6, 2v/2] «разум», odat [6, 2v/7] «привычка», rag`bat [6, 2v/14] «стимул», maqsud [6, 2v/16] «цель», iltimos [6, 2v/18] «просьба», tavfiq [6, 2v/21] «удача», hur [6, 3v/5] «Гурии - в Коране, райские девы, которые будут супругами праведников в раю», sual [6, 5r/9] «вопрос», javob [6, 5r/10] «ответ», ma`no [6, 5r/18] «значение», uzr [6, 5r/19] «извинение».

19. Слова, связанные с учебой и воспитанием: kitob [6, 2r/17] «книга», kitobat [6, 2v/14] «писменность», qalam [6, 2v/17] «карандаш», ta`lim [6, 3v/7] «образование», ustoz [6, 4v/7] «преподователь», dars [6, 20r/21] «занятие».

20. Название продуктов питания, напитков и блюд:

Sharob [6, 5v/8] «питьё», sharbat [6, 5v/10] «напиток», ne`mat [6, 5v/10] «благо», taom [6, 6v/19] «еда», asal [6, 12v/14] «мёд», xamr [6, 16v/21] «вино».

Тематическая группировка арабских заимствований в произведение Рабгузи показывает характер языковых контактов, происходивших в XIV веке. Она также показывает, что проникновение арабских слов происходило во всех областях культурной, религиозной, общественно-политической, социально-экономической жизни узбекского народа.

Литература:

1. Дадабаев Х., Насыров И., Хусанов Н. Проблемы лексики старо-узбекского языка. Т., 1990. 215 с.

2. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М., 1958. 270 с.

3.Казакбаева Г.А. Арабизмы в узбекском языке в прикладном и теоритическом аспектах: дис. … канд. филол. наук: М., 2009. 102 с.

4. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2002. 1020 с.

5. Мохаммед Абд Али Хуссейн Аль Каззаз. Арабизмы в русской речи: дис. … канд. филол. наук: С., 2018. 273 с.

6. Nāsirüd-din bin Burhanüd-din Rabguzi. Kisasül-enbiya. I cilt. Ankara, 1997. 616 s.

7. https:// cyberleninka.ru/ article. Исхакова. А.Р.Использование нумеративов в тюркоязычном памятнике XIV века «Кысас ал-Анбия» Рабгузи.

УДК 81. 367; 811. 35

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ЗАВИСИМЫМИ ПРЕДИКАТАМИ СО ЗНАЧЕНИЕМ УСТУПКИ В АРЧИНСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Д. С. Самедов, М. А. Гасанова
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

В статье рассматриваются вопросы, связанные со структурной и смысловой организацией сложноподчиненных предложений арчинского языка с уступительной семантикой: определяются способы образования простых и аналитических форм зависимых предикатов; обращается внимание на роль принципа алогизма в формировании и усилении уступительной семантики; выясняются условия согласования местоименного субъектного или объектного актанта в составе придаточной части с зависимым предикатом; описываются ситуации реализации гипотетического (условно-уступительного) значения с формированием дополнительного значения долженствования; рассматриваются последствия употребления в зависимой части альтернативных отрицательных и утвердительных форм уступительных наклонений от одного и того же глагола.

Ключевые слова: *арчинский язык, сложноподчиненные предложения с уступительной семантикой, формы главных и зависимых предикатов, ситуации осложнения уступительной семантики дополнительными значениями, альтернативные формы зависимых предикатов.*

The article examines the issues related to the structural and semantic organization of complex proposals of the Archin language with yielding semantics: how to form simple and analytical forms of dependent pre-iks; draws attention to the role of the principle of alogism in the formation and strengthening of yielding semantics; The conditions for agreeing the place of the subject or object actor as part of the easspart with the dependent predicataret are clarified; Describes the situations of implementation of a hypothetical (conditional- concessional) value with the formation of an ad-

[1] Статья подготовлена к изданию при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследования (РФФИ), грант № 19-012-00-126 «Синтаксис сложного предложения арчинского языка».

ditional value of dueity; considerthe the consequences of using alternative negative and affirmative forms of inclinations from the same verb in the dependent part.

Keywords: *Archin language, complex sentences with yielding semantics, forms of main and dependent predictions, situation of complications of yielding semantics with additional meanings, viola*

Синтаксис сложного предложения арчинского языка изучен недостаточно. Меду тем особенно в структуре сложноподчиненных предложений арчинского языка используются специфические инфинитные формы, выполняющие одновременно функции зависимых предикатов и средств связи частей. Результаты исследования таких синтаксических структур арчинского языка могут быть использованы при описании типологически общих и специфических признаков синтаксических структур разных дагестанских языков, свидетельствующих об историческом пути их развития. Все это определяет актуальность поставленной и решаемой в настоящей статье проблемы.

В характеризуемых предложениях действие, выраженное главным предикатом, представляется реализованным, несмотря на то, что действие, обозначенное зависимым глаголом-предикатом, не предполагает возможности его реализации, а, напротив, исключает его истинность (возможность). Следовательно, действия, обозначенные предикатами главной и зависимой части, в этом случае связаны отношениями обратной обусловленности: ситуация главного предложения существует или наступает вопреки ситуации зависимого предложения, что свидетельствует о наличии в уступительной семантике компонента «обманутого ожидания» [ССРЯ 2008:46].

Обычно в арчинском языке сказуемое зависимой уступительной части сложноподчиненного предложения выражается формой уступительного наклонения, образующейся от аористной формы классных и неклассных глаголов присоединением показателя *-шав*: *ол1ни-шав* «хоть и прочитал», *э1мму-шав* «хоть и заплакал», *хва-шав* «хотя и победил» (1, 2). Для сравнения отметим, что в аварском языке форма уступительного наклонения образуется присоединением показателя *-ги* к форме условного наклонения: *гьабу-ни-ги* «хотя и сделал», *ц1алани-ги* «хотя и прочитал» (в этом случае друг на друга наслаиваются значения «если» + «хотя», формируя синкретичное значение «если даже»).

1. *Зари лагум хабу-шав, адмат ххвареттит1у.*

Я [эрг.] песня [ном.] петь [аор. + шав] никто [ном.] радоваться [аор. отриц.].

Хотя я спел песню, никто не обрадовался.

2. *Зари кумак абу-шав, товмун ари лакъветтит1у.*

Я [эрг.] помощь [ном.] оказать [аор. +шав] он [ген.] работа [ном.] завершиться [аор. отриц.].

Хотя я и помог, его работа не завершилась.

В аналитических формах глаголов-предикатов, структурно представленных сочетанием инфинитной (=деепричастной) формы основного глагола со вспомогательным глаголом *кес* «быть» (ср. *шиовли эди* «было написано», *варл1ирши эвди* «приезжал») форма уступительного наклонения образуется от вспомогательного глагола точно таким же (указанным выше) способом: *шиовли эди-шав* «хотя и было написано», *варл1ирши эвди-шав* «хоть и приезжал» (3, 4):

3. *Дия варл1ирши эвди-шав, товмиттиш бел кумак эбдит1у.*

Отец [ном] приходить [деепр.] быть [аор+шав], он [лок.] мы [дат.] помощь [ном.] быть [аор.отриц.].

Отец хотя и приезжал, нам от него помощи не было.

4. *Конкъ шиовли эди-шав, чех1му ол1нит1у.*

Книга [ном.] написать [деепр.] быть [аор.+шав], никто [эрг.] читать [аор.отриц.].

Книга хотя и была написана, никто [ее] не прочитал.

Форма уступительного наклонения в арчинском языке нередко употребляется в пословицах и поговорках, актуализирующих ситуацию алогизма, следовательно, и семантику «обманутого ожидания» (5, 6):

5. *Хо1н бе1ххе1ттуб би-шав, на1кь ч1у1баттут икир.*

Корова [ном.] черная быть [уступ.] молоко [ном.] белое быть [конст.].

Хотя корова и черная, молоко белое (бывает).

6. *Дия-бува бухле-шав, ух орл1урги.*

Родители [ном.] умереть [аор+шав], поле [ном.] продавать [импер. отриц.].

Если даже умрут родители, поле не продавай.

В части придаточных предложений актант зависимого глагола может быть выражен вопросительно-относительным местоимением. В зависимости от переходности/непереходности семантики зависимый глагол при этом может быть согласован с субъектным и объектным актантами, выраженными местоимениям. Соответственно значе-

ние зависимого предложения представляется формулами «кто бы ни…», «что бы ни…» (7, 8):

7. *Ун гьан бо-шав, зон ват вихкевттит1у.*

Ты [эрг.] что [ном.] сказать [аор+шав] я [ном.] ты [лок.] верить [аор. отриц.].

Что бы ты ни говорил, я тебе не поверил.

8. *Кви ххе1леши ба1хъа1-шав, зари къубул-абухъи.*

Кто [ном.] в гости прийти [аор+шав], я [ном.] принять [фут.].

Кто бы в гости ни пришел, я приму.

В таких предложениях актуализируется неопровержимое утверждение в главной части вопреки убедительно контрастирующим аргументам «мешающих» обстоятельств, обозначенных в зависимой предикации. Синтаксическое время зависимой части обычно контролируется главным глаголом (9):

9. *Дия хъва1-шав, лобур ххвареббтит1у.*

Отец [ном.] приехать [аор+шав], дети [ном.] радоваться [аор.отриц.].

Хотя и приехал отец, дети не обрадовались.

Гипотетическое (условно-уступительное) значение в сложноподчиненных предложениях арчинского языка выражается путем контрастирующего совмещения двух разных по модальности предикатов (отрицательной – в придаточной и положительной – в главной). Возможна и обратная комбинация модальных значений, предикат главной части при этом обычно выражается конъюнктивом (10):

10. *Ун шиабут1у-шав, шиабухъи зари варак кагъара.*

Ты [эрг.] написать [уступ. отриц.] написать [аор.] я [эрг.] ты [лок.] письмо [ном.].

Если даже ты не напишешь, я напишу тебе письмо.

Условно-уступительное значение «если бы даже», «хоть бы и» в отдельных случаях выражается деепричастием совершенного вида, усложненным усилительной частицей *-ву*, что обычно приводит к усилению императивного или долженствовательного значения (11):

11. *Но1ш бол1а-лло-ву, хо1н беще* (пог.).

Лошадь [ном.] продать [деепр.+*ву*], корова [ном.] купить [импер.].

Лошадь даже продав [если даже придется продать], купи корову.

В таких предложениях, как видно из приведенного примера, выражается дополнительное значение долженствования, необходимости реализации того, о чем сообщается в главной части. Значение долженствования может быть выражено употреблением в качестве зави-

симого предиката формы деепричастия, образованного от императива (см. 11: *бол1а-лли*) или вспомогательного глагольного компонента *квашас* «быть должным» в составе аналитической формы главного предиката (12):

12. *Но1шор ол1уно-ву, мах1ла абас квабшухъи.*

Лошади [ном.] продать [деепр.+*ву*], дом [ном.] построить [инф.] быть должным [футур.]

Даже лошадей продав, придется построить дом.

В препозитивной зависимой части сложноподчиненного предложения могут содержаться альтернативные формы уступительных наклонений от одного и того же глагола (отрицательная и утвердительная). Наступление или не-наступление события, обозначенного зависимой частью, в этом случае представляется для говорящего нерелевантным, так как главная часть обозначает реальное [в любом случае] событие в будущем: придаточная (зависимая) часть лишь содержит в себе оценку достоверности того, о чем говорится в главной части сложноподчиненного предложения (13):

13. *Жвен хъа1-шав хъа1т1у-шав, нен охъ овхъи.*

Вы [ном.] приходить [уступ.] не приходить [уступ.] мы [эрг.] свадьба [ном.] делать [фут.].

Придете вы, не придете, мы [все равно] сыграем свадьбу.

В таких предложениях расширяется модальная база зависимых частей сложноподчиненных предложений, формируется экспрессивно-эмоциональный, коннотативный компонент. Зависимые предикаты способствуют усилению категоричности обозначаемого главным предикатом.

Литература:

1. Самедов Д.С. Придаточные уступительные в русском и аварском языках// Языкознание в Дагестане. Махачкала, 1997.

2. Самедов Д.С., Джамалов К.Э. Очерки синтаксиса сложного предложения рутульского языка. Махачкала, 2014. 100 с.

3. ССРЯ – Синтаксис современного русского языка. Учебник для филологических специальностей университетов государств участников СНГ/Под ред. С.В. Вяткиной. СПбГУ: Факультет филологии и искусств, 2008. 347 с.

УДК 811.351.12

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АВАРСКИХ ОРОНИМОВ

З. М. Оцомиева-Тагирова
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН,
г.Махачкала

Сложность изучения оронимии зачастую усугубляется наличием различных подходов народностей к установлению названий горных объектов. Иногда местные жители дают названия только некоторым элементам горы (отдельным выступам, скалам, склонам), не имея обобщающего для нее названия. В еще большей степени это характерно для названий крупных горных хребтов и горных систем. По своему происхождению оронимы восходят к наименованиям, присвоенным по следующим признакам: по внешнему виду или формам рельефа, этнонимам, растительным ассоциациям, историческим событиям, составу животного мира, народным преданиям и легендам, антропонимам и т.д.

Ключевые слова: *аварские языки, терминология, аварская топонимия, семантика, микротопонимы, оронимы*

The complexity of the study of anonymii is often exacerbated by the presence of different peoples approaches to the naming of mountain features. Sometimes the locals give names only some elements of the mountains (separate ledges, rocks, slopes), without generalizing to her name. This is even more characteristic of the names of large mountain ranges and mountain systems. In its origin oronyms go back to the items rated by the following criteria: appearance or forms necklace-FA, the ethnonyms, plant associations, historical events, the composition of the fauna, folk tales and legends, anthroponyms etc.

Keywords: *Avar languages, terminology, toponymy Avar, semantics, microtoponym we oronyms*

Топонимическая терминология народов, издавна живущих в горах, обычно характеризуется многообразием, разветвленностью и приспособленностью к точному обозначению разнообразных особенностей горного рельефа [2, с. 7 – 20; 7.; 5, с. 106-109]: *бакълъи* [бакӏьи] «солнечный склон», *кIкIал* [кӏал] «ущелье», *бетIер* [беҭер] «вершина»

и т.д. Оронимы – это собственные названия объектов рельефа местности (гор). При анализе оронимов интересен тот факт, что на географически разных территориях встречаются сходные названия, присвоенные объектам: *ИццугохI* «Холм у родника, или букв. родниковый холм», *Зази гохI* «Колючий холм, илибукв. Холм с колючками», *ГохIдулъ* «В бугорках, или букв. Среди холмов», *КIудияб мегIе*р «Большая гора (она больше, чем другие рядом находящиеся)» – такие названия встречаются почти во всех населенных пунктах. На исследуемых территориях употребляются географические термины, различные по форме, но сходные по содержанию обозначаемого объекта, как, например, в андалальском диалекте, в который входят бухтинский, ругуджинский, куядинский, обохский говоры:

диалектное	литературное	перевод
ryxl	*roxl*	холм, горка
меэр	*мегIер*	гора
xlyp	*хур*	пашня
нохо	*нохъо*	пещера

Эти данные подтверждают общность понятий, выработанных жителями разных территорий распространения диалекта, а также типологическое сходство природных условий.

Жители высокогорных районов не знают обобщающих названий для обширных горных систем или не употребляют их, к примеру, Богосский хребет, Нукатлинский хребет, которые существуют лишь как официальные названия. Между тем у населения каждая отдельная гора, отдельная возвышенность, отдельный бугор, которые окружают их селения, имеют свои микротопонимические названия [1, с. 5-18; 3, с. 69-71]: *КIирекIараб гохI* [кирекараб гоћ] «Холм с двумя вершинами», *ГIечол гохI* [ғечол гоћ] «Яблоневая горка» (т.е. горка подобна яблоку), *Нахъа мегIер* [наҳа меғер] «Задняя гора». В аварской топонимии встречается определенный состав слов-названий, в которые включены повторяющиеся ключевые слова-индикаторы, иначе говоря, топосновы-апеллятивы. Наименования *ГIомогохI* [ғомогоћ] «Холм-моток», *ИчIгохI* [ичғох] «Девять холмов», *Нахъа мегIер* [наҳа меғер] «Задняя гора», *КаругохI* [каругох] «Тутовый холм», *БегIераб гохI* [беғераб гоћ] «Острый холм», *Цидул мегIер* [меғер] «Медвежья гора», *Кьили мегIер* [қили меғер] «Седло-гора» принадлежат разным объектам и по разным признакам. Для обширного класса подобных названий ключевыми словами являются *гохI* «холм, горка», *мегIер* «гора». Состав характерных для языка ключевых топонимов указывает на характер географических объектов: *КIирекIараб гохI* [кирекараб

гоћ] «Двойной холм», *КIудияб гохI* [гоћ] «Большой холм», *ХIотол гохI* [ћотол гоћ], *ЦIан кьолеб гохI* [цан тлолеб гоћ] «Холм, где овцам дают соль», *Щулалъул гохI* [щулаљул гоћ] «Холм с укреплением». Так, индикатор *гохI* «холм, горка», естественно, распространен в горных районах, сплошь изрезанных лощинами и балками: *бал* «гребень, верхушка», *бакълъи* «солнечный склон», *гомог* «ложбина, желоб», *кIкIал* «ущелье», *щоб* «хребет, хребтовая часть» и т.д. Топонимы-названия, которые служат для обозначения форм названий горных хребтов, принятых в географии и картографии, возникли как искусственные образования. В их основе, как правило, лежат географические термины или собственные географические названия отдельных сравнительно небольших топографических объектов.

При анализе оронимов горного Дагестана обращает на себя внимание тот факт, что наименование получают не все горы, холмы и другие объекты рельефа, а лишь те, которые чем-либо выделяются или имеют определенное, чаще важное значение для местного населения, например, горы, где больше всего пасутся домашние животные, получили такие названия, как *ГIачи мегIер* [ачи меэр] «Коровья гора, или гора, где пасутся коровы», *ХIамигохI щоб* [ҳамигоћ щоб] «Ослинный холм», *Бачазул шоб* «Телячий холм», *Хохза мегIер* [меғер] «Гора молодняка». В оронимах отражаются форма горы, скалы, вершины, слагающие ее породы, местонахождение горы, природное явление, служащее основанием для возникновения оронима. Например, название *Моччол гохI* [мочол гоћ] «Холм глинистого сланца», *Гьорол гохI* [hорол гоћ] «Горка, где дует ветер», *ГамчIи мегIер* [гамчи меғер] «Каменная гора». Многие горы и горные вершины, находящиеся в окрестностях какого-нибудь села, называют по внешней форме, характеризуя их признаки: *Гургинал гохIал* «Круглые холмы», *Кьили мегIер* [қили меғер] «Седло-гора», *БегIераб гохI* [беғераб гоћ] «Острая гора», *Гьоркьохъ щоб* [hорљоћ щоб] «Средний холм», *КIудияб гохI* [кудияб гоҳ] «Большая горка», *КIудияб щоб* [кудияб щоб] «Большой холм».

Названия гор у аварцев Дагестана состоят либо из одного слова, обозначающего признак, по которому выбрано название данной горы, либо из определительного словосочетания. Определениями в таких оронимах могут быть имена людей, названия племен и родов. *ГIанди мегIер* [ғанди меғер] «Андийская гора», *Гьидерил мегIер* [hидерил меғер] «Гора гидатлинцев» – от названия аварских обществ; *КъохIрол мегIер* [кохрол меғер] «Гора кахибцев», *Ругъеждерил щоб* [ругеждерил щоб] «Ругуджинская гора», *ТIекьадерил мегIер* [тетладерил

меғер] «Гора телетлинцев»; этнонимические оронимы, относящиеся к значительным по площади или протяженности объектам и данные по имени проживающих на них людей, типа: *Шухбузул мегIер* «Гора богатых людей», образовано от *шухби* «богатые люди». Формирование феодализма, сделавшего землю собственностью, породило значительное количество принадлежностных (антропонимических) названий. Например, *ЧIикIасезул щобал* «Пастбищные угодья селения Чиркей», *ГIарашил мегIер* «Горы Араша» в Анди, *ГIаличол гохI* «Холм Аличо», *Ингищоб* «Холм инги», *МагьдимегIер* «Гора Магди», *ГIисал гохI* «Холм Исы» и другие. Встречаются названия, связанные с фауной, например: *Найил гохI* «Пчелиная горка», *РитIучIил гохI* «Холм оленя», *БацIи мегIер* «Волчья гора», *ЦIун гохI* «Орлинный холм», *ЦIум чIолеб гохI* «Холм, где останавливаются орлы», *Чуял кколеб гохI* «Гора, где ловят лошадей», *Канарки гохI* «Горка, где водится божья коровка», *ГIанкIил гохI* «Заячья горка» и другие. Особенно интересны природные названия гор, по которым жители определяют время суток, соблюдая религиозные обряды или следуя народным обычаям: *Къалъуда мегIер* «Гора, на котором солнце бывает ровно в полдень, т.е. солнце в зените»; *Къилба мегIер* «Южная гора смотрит в сторону Къиблы», *ГIеласул гохI* «Горка сельского чавуша, с которого он сообщает односельчанам о новостях или предстоящей колхозной работе, собрании и т.д».

Особенности рельефа местности определяются в зависимости от размера, местоположения горы по отношению к близлежащим горам, течению реки, или населенному пункту, например: *Гьоркьоб щоб* «Средний холм», *Жани мегIер* «Внутренняя гора», *КIудамегIер* «Большая гора», *Нахъа мегIер* «Задняя гора», *Цебе мегIер* «Гора, расположенная до села», *КIудиял гохIал* «Большие холмы» и т.д. *Зуберха мегIер* «Гора Зуберха» является высшей точкой хребта *Кули-мегIер* во Внутригорном Дагестане (к северо-востоку от с. Гергебиль).

Многие оронимы–топонимы связаны с историческими событиями, происходившими в данной местности, прежде всего, с борьбой народа против бесчисленных завоевателей и поработителей за свободу и независимость родных гор: *Чолда мегIер* «Гора, на которую поднялся Надир шах перед тем, как начать войну против горцев» (окрестность села Согратль Гуиибского района), *Къажар гъурараб гохI* «Холм, где разбили каджаров» (сел. Мегеб Гунибского района). На территории Хунзахского плато обнаружены также: *Иги рагIал* «Край Иги, скальный обрыв», *Утухил парсал* «Утес, круча Утаха», *Къебелъул парсс* «Кузнечный утес», *Хер бахъулел бакIал* «Место, от-

куда извлекали порох». В этих местах были сооруженные горцами укрепления, башни, окопы, где изготавливали оружие, боеприпасы. Кроме того, в числе оронимов встречается немало названий, связанных с древними верованиями и суевериями, например, *ЦIад байнаб гохI* «Горка, где просят у бога дождя», *Нартасул нохъо* «Ущелье Нартов», *ЩайтIабазул кIкIал* «Ущелье чертей»; обычно они отмечают места, где совершались древние обряды или происходили мрачные и опасные события, наводящие на мысль о «нечистой силе», например: *БагIан рагIал* «Обрыв виновных», *Гьаргьадулеб кьуру* «Колеблющиеся скалы».

Таким образом, географические названия вызывают глубочайший интерес не только у ученых, в первую очередь историков, географов и языковедов, но и у каждого любознательного человека. Одиночное географическое имя, даже совершенно прозрачное в отношении и формы и семантики, не дает достаточной топонимической информации, которая появляется при его исследовании в ряду подобных [4, с. 464-4676, с. 79 – 82.]. Географические названия возникали в конкретных исторических условиях, их происхождение тесно связано с общественной жизнью и языками народов, населявших или населяющих те или иные местности. Она создавалась постепенно как многослойное образование, состоящее, как правило, из разновозрастных и разноязычных элементов.

Литература:

1. Ахманова С. С. Микротопонимика как особый аспект типологии наименований // Вестник МГУ. Филология. I966. N3. с. 5-18.

2. Мурзаев Э. М. Кавказские географические термины и их параллели // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 7 – 20.

3. Оцомиева З.М. Географические апеллятивы в аварских топонимах и гидронимах // В сборнике: Проблемы общей и региональной ономастики Материалы VI Всероссийской научной конференции. 2008. С. 69-71.

4. Оцомиева З. М. Семантические модели топонимов в аварском языке // В сборнике: Материалы II Международного конгресса кавказоведов 2010. С. 464-467.

5. Оцомиева-Тагирова З. М. Отражение ботанических и зоологических терминов в аварской топонимии // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 55. С. 106-109.

6. Суперанская А.В. Грамматические наблюдения над именами собственными // Вопр. языкознания. 1957. № 4. С. 79 – 82.
7. Суперанская, А.В. Что такое топонимика. М: Наука, 1985. 182 с.

УДК 811.351.1

КАТЕГОРИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ И НЕПЕРЕХОДНОСТИ ПРИЧАСТИЯ АВАРСКОГО ЯЗЫКА

Р. О. Пахрудинова,
Дагестанский государственный
педагогический университет, ГКОУ РЦДО ДИ,
г. Махачкала

В статье анализируются особенности аварского причастия. Эргативный и именительный падежи выявляют определение характера субъектно-объектного согласования причастия. Залоговое значение причастной конструкции зависит как от структуры словосочетания, так и от взаимных грамматически выраженных связей словосочетания.

Ключевые слова: *причастие, аварский язык, финитные формы, аналитические конструкции*

The article analyzes the features of the Avar sacrament. The ergative and eminent cases reveal the definition of the nature of the subjective-object alignment of the sacrament. The collateral value of the attached design depends both on the structure of the phrase, and on the mutual grammatically expressed connections of the phrase.

Keywords: *communion, Avar language, finite forms, analytical designs*

Впервые на особенности аварского причастия и деепричастия обратил внимание П. К. Услар (1889). Вслед за П. К. Усларом о причастных и деепричастных формах аварского языка писал Л. И. Жирков в работе «Грамматика аварского языка» [3, с 20-44]. В частности, он указывал на способы образования тех или иных деепричастных форм, на разновидности деепричастий по значению. Кроме того, он отметил участие деепричастия в образовании аналитических финитных форм глаголов.

Позднее вопросы инфинитных форм частично исследовались специалистами по аварскому языку: Ш. И. Микаилов (1964), Г. И. Мадиева (1981), М. М. Нурмагомедов (1993), М. Д. Хангереев (2011), З. М. Маллаева (2007) и др.

В аварском языке причастная конструкция – это самостоятельная синтаксическая единица, характеризующаяся рядом специфических особенностей. Характер и состав построения причастного словосочетания зависит от семантической основы (переходности-непереходности) самого причастия, выступающего как смысловым, так и грамматическим центром причастной конструкции.

Аварское причастие основы переходной семантики может образовать словосочетание двух структурных типов: двусоставное (или двухчленное) и трехсоставное (или трехчленное). Например: *Дун гьамарав* «Я улыбнулся» (двусоставное) – *Дица т1агъур босараб* «Я взял шапку» (трехсоставное). Итак, в том случае, когда причастие образовано от глагола основы непереходной семантики, оно образует словосочетания только одного типа - двусоставные. Двусоставная причастная конструкция переходного причастия отличается от двусоставной конструкции непереходного причастия - эти отличия объясняются семантикой причастия.

Следует рассмотреть причастие в сочетании с именами в субъектной и объектной функциях, а в таких функциях способны выступить только имена в эргативном и номинативном падежных формах. И с причастиями основы переходной семантики возможны словосочетания нескольких структурных типов. Но основные из них три модели:

1) «имя в эргативном падеже + имя в именительном падеже + причастие основы переходной семантики (+ определяемое слово за пределами конструкции)»: *Инсуца босараб берцинаб т1ажу* «отцом купленные красивые брюки»;

2) «имя в эргативном падеже + причастие основы переходной семантики (+определяемое имя за пределами конструкции)»: *Тушманас ч1варав* «врагом убитый»;

3) «имя в именительном падеже + причастие основы переходной семантики + (определяемое имя за пределами конструкции)» *Мурад кьурдулев вугев* «Мурад танцующий есть».

Например, причастие основы переходной семантики *ватарав* «нашедший», «найденный». Своеобразие этого причастия заключается в том, что оно имеет при себе противопоставляемые имена субъекта в эргативном падеже и объекта в именительном падеже: *Г1арац*

батарав вас «Мальчик нашедший деньги» - *г1арац батараб* «найденные деньги». Такое причастие может иметь одновременно грамматически выраженную связь с обоими именными членами словосочетания в субъектной и объектной функциях. А причастие основы непереходной семантики не может иметь при себе противопоставляемых субъектно-объектных имен. Для выяснения же залоговой дифференциации переходного причастия необходимо определить характер его согласования с этими именами, а для этого нужно поставить перед причастиями управляемые ими имена в эргативном и именительном падежных формах.

Первая конструкция модели «имя в эргативном падеже + имя в именительном падеже + причастие основы переходной семантики + (определяемое слово за пределами конструкции)». Это - трехчленное полносоставное словосочетание, в котором представлены все структурно обязательные члены, обусловленные валентными свойствами причастия. Образование в аварском языке трехчленных словосочетаний, как и в других родственных языках, объясняется наличием у них эргативного падежа. И субъект действия при переходных причастиях представлен именно эргативным падежом, что является важной особенностью морфологии этих языков.

Главное слово конструкции, выраженное переходным причастием *батарав* «найденный», своим префиксальным классно-числовым показателем **-в-** указывает, с одной стороны, на внешнюю грамматическую связь с семантическим объектом конструкции, отражая мужской класс единственного числа этого существительного. С другой стороны, причастие *батарав* «нашедший» грамматически сочетается с одним из членов предложения, а именно со своим определяемым, представленным именительным падежом. Своим суффиксом -рав причастие *батарав* отражает отнесенность определяемого существительного к единственному числу. Ни один из именных членов предложения не имеет грамматически выраженной связи со сказуемым предложения. Субъект причастной конструкции, представленный именем в эргативе, не имеет внешне выраженной формальной связи с причастием *батарав* «нашедший». Анализ показал, что причастное словосочетание «имя в эргативе + имя в именительном падеже + переходное причастие» имеет следующий характер грамматической координации: внутреннюю - между причастием и именем в именительном падеже в классе и числе, внешнюю - между причастием и определяемым именем в числе.

Основные отношения эргатива к причастию субъектные, но часто имя в эргативе может выполнять функции инструмента действия, обозначать содержимое предмета или часть целого. Разнообразие функций эргатива аварского языка объясняет разнообразие структур причастных трехчленных словосочетаний в семантическом плане. А это говорит о том, что причастное словосочетание структурного типа «имя в эргативе + имя в номинативе + переходное причастие» может дать два вида семантических структур: а) «субъект действия + семантический объект + глагольное действие», б) «инструмент действия + семантический объект + глагольное действие».

Причастие основы переходной семантики имеет возможность постановки при одной и той же своей форме то реального субъекта, выраженного именем в эргативе, то реального объекта, выраженного именем в номинативе. Именно такая синтаксическая особенность причастия и его взаимоотношений с именами дает возможность продемонстрировать противопоставление действительного и страдательного залогов.

Ярко выраженный характер страдательного залога обнаруживается в двучленных словосочетаниях переходного причастия модели «имя в эргативе + причастие основы переходной семантики + определяемое слово». В аварском языке залоговое противопоставление причастных значений не может определяться морфологической внешностью причастной формы. Залоговость определяется характером синтаксической связи причастия с субъектом и объектом его действия.

А.А. Бокаревым отмечает, что «в случаях определения причастием его смыслового субъекта и объекта имеются все основания говорить о наличии в аварском языке действительных и страдательных причастных определений» [2, с. 231]. Он далее пишет: «аварские действительные и страдательные причастные определения значительно отличаются от русских. Различны, прежде всего, способы, с помощью которых отличаются друг от друга действительные и страдательные значения. В русском языке действительные и страдательные причастия сходны между собой в том, что они относятся к определяемому субъекту или объекту и значением основ и родовыми окончаниями» [2, с. 195].

А. А. Бокарев пришел к выводу о том, что в русском языке существуют одни способы различения действительного и страдательного залогов, в аварском – другие. В аварском действительные и страдательные причастия сходны между собой в том, что они, также как и в русском, относятся к определяемому субъекту или объекту и значени-

ем основ и родовыми окончаниями. Таким образом, можно отметить, что русский и дагестанские языки отличаются отношением действительных и страдательных причастий к своему определяемому имени.

Высказывания А. А. Бокарева о характере выражения залога в аварском языке подтверждаются и материалами и других дагестанских языков. Эти положения продолжает З. Г. Абдуллаев: «Развивая мысли А. А. Бокарева, можно сказать, что в этих языках нет действительных или страдательных причастий самих по себе, а есть причастные словосочетания, выражающие противопоставляемые значения действительного и страдательного залогов» [1, с. 170]. Например: *Тохтирас сах гьавурав вас* «Врачам вылеченный ребенок» – *Лъимер сах гьабурай врач* «Ребенка вылечившая врач».

Причастные конструкции модели «имя в эргативе + имя в номинативе + переходное причастие (глагольное действие)» характеризуются значением действительного залога. Возьмем словосочетания модели «имя в номинативе (семантический субъект) + переходное причастие (глагольное действие) + определяемое имя»: *Дун х1алт1улев вугеб факультет* «Факультет, где я работаю». *Х1алт1улев вугев дун* «Работающий я».

Связь между членами словосочетания и между членами словосочетания и определяемым именем таковы: имя в номинативе отражается в причастной форме в классе и числе. Само причастное словосочетание вступает в связь с определяемым именем через числовой показатель, совершенно независимый от классного показателя причастия и имеющий совсем иное содержание, нежели классный показатель причастия. И грамматическая координация между членами словосочетания объясняется тем, что аварский переходный глагол грамматически координируется с объектом, непереходный – с субъектом. Эти конструкции характеризуются значением страдательного залога.

Каждый из типов словосочетаний имеет свои особенности. В конструкции «имя в эргативе + переходное причастие» отсутствует грамматическая связь между членами словосочетания. В конструкции «имя в номинативе + переходное причастие» члены словосочетания между собою координируются в классе и числе.

Грамматическая связь словосочетания с предложением осуществляется через согласование в числе с определяемым именем при помощи суффикса, что обеспечивает тесную семантическую связь между компонентами конструкции и определяемым именем. Определяемое имя семантически принадлежит не только предложению, но и базовой структуре словосочетания. Залоговость не является особен-

ностью морфологии причастия, она проявляется в контексте, в отношениях причастия с его субъектом и объектом. Залоговость оно получает лишь в сочетании с именем в соответствующей падежной форме, выступая выразителями осложненного определения. И осложнённое определение в аварском языке может быть действительного и страдательного залогов.

Таким образом, залоговое значение причастной конструкции зависит как от структуры словосочетания, так и от взаимных грамматически выраженных связей членов словосочетания.

Литература:

1. Абдуллаев З.Г. Субъектно-объектные и предикативные категории в даргинском языке (к проблеме предложения). Махачкала, 1969. 200с.

2. Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. М.-Л., 1949. 277 с.

3. Жирков Л.И. Грамматика аварского языка. М., 1924. VII, 178 с.

4. Мадиева Г.И. Морфология аварского литературного языка. Махачкала, 1981. -160 с.

5. Маллаева З. М. Глагол аварского языка. Махачкала, 2007. 397с.

6. Микаилов Ш. И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала. 1964. 171с.

7. Нурмагомедов М. М. Морфологическая структура глагола в аварском языке. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1993. 222 с.

8. Хангереев М. Д. Парадигматическая система глагола в аварском языке. Махачкала, 2011. 242 с.

УДК 811.512.161

DIDACTIC POEMS IN TURKISH LITERATURE

G. O. Rakhmatova
PhD of the International Islamic Academy of Uzbekistan

The Turkish Literature has always been an important part of the ethical, moral and didactic principle. During the X-XII centuries, interest in this subject has been intensified. The bright evidence of this is the didactic poems of Mahmud Koshgari's "Divani lugati-t-turk" and Yusuf Hos Hojiib's "Qutadgu bilig". In the quatrains, Yusuf Hos Hojib uses the didactic ideas of oral folklore.

Keywords: *Turkic peoples, ethical, Turkish poetry, didactic poems*

The Turkish literature has always been an important part of the ethical, moral and didactic principle. During the X-XII centuries, interest in this subject has been intensified. The bright evidence of this is the didactic poems of Mahmud Koshgari's "Divani lugati-t-turk" and Yusuf Hos Hojiib's "Qutadgu bilig". In the quatrains, Yusuf Hos Hojib uses the didactic ideas of oral folklore.

The ideas in the "Divani lugati-t-turk" and "Qutadgu bilig" are devoted to describing people's high quality, condemning their shortcomings. In them merciless, greedy, materialistic people, arrogancy cruelty and violence as well have been criticised.

Knowledge in Turkish poetry is known as valuable. Most of the didactic poems in both of these papers encourage people to study science. For example:

In "Divani lugati-t-turk":

Alğïl ögüt mendin, oğul erdäm tilä,
Boyda uluğ ***bilgä bolub,***
bilgiŋ ula (DLT.I.85)[1].

In this section, young people are encouraged to learn and share it with others.

The advice of Yusuf Hos Hojib is as follows:

Bilig, erdäm ögrän *ağïr tut anï,*
Ağïr qïlğay ol erdäm senï.
Bilig bil*, uquš uq, yorïma yava,*
Öδi kelsä berür ol küni (QB.474)[2].

Among the people of the Turkic nations, those who have experienced life have been exhorting the youth to serve as adults. As it is mentioned above from the "Divani lugati-t-turk" and "Qutadgu bilig" quotes for young people not to waste time, but get knowledge and skills.

[1] DLT – Маҳмуд Кошғарий. Туркий сўзлар девони (Девони луғотит турк), III томлик. I, III том. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М. Муталлибов. – Тошкент, 1960, 1963.

[2] QB – Юсуф Хос Ҳожиб. Қутадғу билиг. Нашрга тайёрловчи: Қ. Каримов. – Тошкент, 1971.

When we look at the didactic poems in the “Divani lugati-t-turk” and “Qutadgu bilig”, we see that patience and perseverance are one of the main features of the Turkic people..

In “Divani lugati-t-turk”:

Kelsä qalï qatïğlïq,
Ertär teyü seriŋil.
Özlük ïšïn bilip tur,

In “Qutadgu bilig”:

Ey ne’mat iδisi šukur qïl, yegil,
Ey mehnat iδisi, sabur qïl, egil.
Sabur qïlsa mehnat bolur ne’matïŋ,
Šukur qïlsa ne’matqa artar tegil[1].

The above didactic poems are essentially the same. They talk about the importance of patience. That is if a person is concerned about this life test, he will be tempted to be patient.

There are many examples of Turkic peoples’ oral poetry about the benefits of collecting and treating property, as well as the benefits of pursuing and promoting knowledge. In particular, note the following poems.

In “Divani lugati-t-turk”:

Yağï erur yalïŋuqïŋ näŋï tawar,
Bilig eri yağïsïn nelig sewär (DLT.III.395).

The word “Divani lugati-t-turk” states that a clever person never regards the wealth he has accumulated. Wealth is an enemy to him. The enemy can not be loved. The true meaning of this statement is that it is unreasonable to love and entertain worldly possessions

In the verse of “Qutadgu bilig” it is expressed as follows:

Quvanma qïvï qutqa qutluğ kiši,
Osanma özün qutqa atlïğ kiši (QB.154).

[1] Тўхлиев Б, Сидиқов Қ, Иботов С. Қутадғу билиг. – Тошкент, 2010. – Б. 12.

Yusuf Hos Hojib compares the wealth to the moon. For that he gives Turkic folklore proverbs. That is, do not go to the state, it will be full and will destroy you one day. It is not stable. The state is a temporary thing. And the profession is eternal. It will be at his service until the end of his life.

In both plays it is noted that only statehood ones can rule the people.

In “Divani lugati-t-turk”:

Tawar kimiŋ ökülsä,
Beglik aŋar kerkäyür,
Tawarsïzïn qalïb beg,
Eränsizin emgäyür (DLT.I.343).

When wealth is given to intelligent people, it is considered as a blessing:

Biligsizgä davlat yarašsa kelib,
Biligligkä artuq yarašur tegib.
Biligsiz bilä tursa davlat qalï,
Biliglig bila turğa teŋ-tüš körip (QB.296).

Yusuf Hos Hojib does not deny the fact that the state can be given to the ignorant. But he emphasizes that he will be more virtuous and purposeful when given to the minded.

In Turkish poetry tactful, polite, and warm-hearted relationships are highly valued. Because these qualities are a pillar of morality. Ethics constitutes are the basics of society. Similar poems can also be found in “Divani lugati-t-turk” and “Qutadgu bilig”.

Külsä kiši yüziŋä,
Körklüg yüzin körüngil.
Yawlaq köδäz tïlïŋnï,
Eδgü sawïğ tilängil (DLT.III.50).

Among the Turkic peoples, special attention is paid to the open-minded and kind nature. One needs to be tactful and open-minded when it comes to delivering a person's mind and appraising his work:

Tu etmäk yetürgil kišikä külä,
Yüzüŋni yaruq tut süčig söz bilä.

Kišig qul qïlïğlï bu ekki qïlïnč,
Adïn bulmadïm men, bulunsa tilä (QB.632).

"Divani lugati-t-turk" and "Qutadgu bilig" are one of the fundamental sources of the richness and of the didactic poetry of Turkic peoples. After all, the poetry fragments in the play have been exhausted by their ideological and artistic aspects, as well as the contemporary issues of today.

In summary, Yusuf Hos Hojib used his didactic ideas in the oral tradition of the Turkic nations and artistic development.

References:

1. Маҳмуд Кошғарий. Туркий сўзлар девони (Девони луғотит турк), III томлик. I том. Таржимон ва нашрга тайёрловчи: С.М.Муталлибов. Т., 1960.
2. Маҳмуд Кошғарий. Туркий сўзлар девони (Девони луғотит турк), III томлик. II том. Таржимон ва нашрга тайёрловчи: С.М. Муталлибов. Т., 1963.
3. Тўхлиев Б, Сидиқов Қ, Иботов С. Қутадғу билиг. Т., 2010.
4. Юсуф Хос Ҳожиб. Қутадғу билиг. Нашрга тайёрловчи Қ. Каримов. Т., 1971.

УДК 81.367; 81,37; 82-81.38

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. ГАМЗАТОВА

З. С. Омарова
Дагестанский государственный педагогический университет;
М. А. Гасанова
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

В статье рассматриваются некоторые особенности языка и стиля поэтических произведений Расула Гамзатова: метафоры, соотносительные с разными кодами культуры; языковые структуры, построенные на принципе алогизма; национально-культурные языковые символы; контекстуальные антонимические противопоставления, формирующие антитезу; особенности концептуализации лексических единиц культурно-понятийного характера. В связи с этим в научный оборот вводится новый иллюстративный материал, представляющий ин-

терес как в собственно лингвистическом, так и лингвокультурологическом аспектах.

Ключевые слова: *поэзия Расула Гамзатова, метафоры, семантически несовместимые сочетания слов, языковые символы, антитеза, национально-культурные компоненты.*

The article examines some features of the language and style of poetic works by Rasul Gamzatov: metaphors that are correlated with different codes of culture; language structures built on the principle of alogism; National-cultural language symbols; contextual antonymic contrasts that form the antithesis; conceptualization of lexical units of cultural and conceptual character. In this regard, a new illustrative material is being introduced into the scientific circulation, which is of interest in both linguistic and linguistic aspects.

Keywords: *poetry by Rasul Gamzatov, metaphors, semantically incompatible combinations of words, linguistic symbols, antithesis, national and cultural components.*

Поэзия Расула Гамзатова в лингвистическом аспекте изучена недостаточно. Между тем язык и стиль его произведений отличаются национально-культурными и индивидуально-авторскими особенностями, что свидетельствует об актуальности проблемы, поднимаемой в настоящей статье.

Прежде всего, обращают на себя внимание языковые структуры, построенные на основе принципа алогизма сочетаемости слов. Часто такие структуры выполняют усилительную функцию: *хвел гьеч1еб ч1аголъи* «бессмертная жизнь», *кьог1аб гьоц1о* «горький мед» (из коротких стихов), *хваравги вахъина мун йихьаравго* «и мертвый воскреснет, увидев тебя» и т.д.

Семантически несовместимые сочетания слов и синтаксические структуры, в семантическом плане организованные на основе принципа алогизма, встречаются в поэтических произведениях разных жанров – в поэмах, восьмистишиях и эпиграммах.

Дир ракьалда кьалда г1адан холаро:
Хваразул ц1ар лъола ц1и гьаруразда.
На моей земле в бою никто не погибает;
Именами погибших называют вновь рожденных.
(из восьмистиший)

В поэме о легендарном фольклором герое Хочбаре юная невеста, дочь аварского хана, выданная замуж без её согласия за сына кумык-

ского шамхала (=правителя), просит Хочбара, сопровождавшего свадебную процессию, передать слова благодарности родителям. В действительности же слова невесты звучат как упрек в адрес родителей, как её большая душевная обида:

Абе баркалайин, эркенлъи дихъа
Гьадин г1олохъанго бахъаралъухъан,
Абе баркалайин, ват1анги бахъун,
Гьаб авлахъалде дун т1ойит1аралъухъ.
Скажи спасибо [родителям] за то, что свободы
В таком юном возрасте лишили меня.
Скажи спасибо, что лишив родины,
Меня отправили на равнину.

Родиной (*ват1ан*) дочь хана называет свою родную землю, горы, в которых она росла, а равнинная местность (*авлахъ*) для нее совершенно не знакомая земля, к которой не лежит душа.

Принцип алогизма используется часто в эпиграммах для создания иронии, легкого сарказма. Так, в эпиграмме «*Цо г1олохъанав поэт-«философасде*» («Одному молодому поэту-«философу») Расул Гамзатов пишет:

Щаг1ил хъуби гьаризе
Бархъалисел куцалев.
Обжигать глиняные кувшины
Учит он балхарцев.

Национально-культурная специфика данного образа, использованного для критики начинающего, но при этом претендующего на мудрость поэта, заключается в следующем. Балхарцы (*бархъалисел*) – это жители горного села Балхар, традиционно занимавшиеся производством гончарной посуды, которая пользовалась в горах большим спросом. Метафорически-символический образ балхарского гончара здесь, следовательно, построен на признаках, мотивируемых внеязыковой, экстралингвистической действительностью [1].

Расул Гамзатов иронизирует над молодым излишне «философствующим» поэтом, образно и метафорически называя настоящих поэтов (мастеров слова) балхарскими мастерами и противопоставляя их молодому, далеко не опытному поэту. Использование принципа алогизма в данном случае приводит к формированию образно-ассоциативной антитезы, к выражению иронического стилистического оттенка.

Для усиления антитезы Расул Гамзатов использует и контекстуальные антонимические противопоставления: *гвангъараб гьумер* «яр-

кое (светлое) лицо» – *ч1ег1ераб чадра* «чёрная чадра»: *чадра* – у мусульман: легкое женское покрывало во весь рост, закрывающее голову и лицо, кроме глаз [Ожегов 1983:279]. При описании внешнего облика иранских красавиц, используя такое символическое противопоставление, Расул Гамзатов актуализирует мысль, что яркую красоту восточных женщин не следует скрывать под черной чадрой.

Для поэтических произведений Расула Гамзатова характерна языковая символика. Так, в поэме «*Ахирияб багьа*» («Последняя цена») поэт мастерски использует ситуацию базара, где важной составляющей является последняя (=окончательная) цена продаваемого товара. Поэт расширяет валентность слова *цена*, что приводит к его концептуализации и символизации в морально-нравственном аспекте: *багьа* [*инсанасул г1умрудул, г1олохъанлъиялъул, херлъиялъул, берцинлъиялъул, раг1ул, маг1ил, гьаялъул, рокьиялъул, т1агъуралъул, бакъназул*] – *цена* [жизни человека, молодости, старости, красоты, слова, плача, клятвы, любви, папахи, песен]. Гендерный символ *т1агъур* «папаха» здесь использован для актуализации мужского достоинства, его чести, слова и клятвы.

Расул Гамзатов выражает крайне негативное отношение к людям, которые «торгуют» жизненными ценностями, составляющими основу морали и нравственности, для чего и использовал прием ассоциативно-образного сравнения торговли на базаре с общественной жизнью без нравственных позиций, где торгуют честью и достоинством, красотой и любовью, клятвой и мужским словом.

В поэтических произведениях разных жанров Расула Гамзатова встречаются интересные авторские метафоры:

Х1анч1ил маг1у т1инк1арал Т1амхазал гъадираби «Блюдечки из листьев, куда капали слезы птиц»; *г1урччинал квач1ал* «зеленые лапки» (листьев), *нак1к1азул илхъи* «табун облаков», *ралъадалъул мат1у* «зеркало моря» («*Ралъадги дунги*» - «Море и я»), *г1ишкъуялъул поезд* «поезд любви», *ургъалил гъамас* «сундук переживаний» (количественно-усилительные метафоры), *чанахъанасул сих1ру* «хитрости охотника» (метафора использована для актуализации образа влюбленного юноши) и т.д.

Субстантивные и глагольные метафоры нередко сливаются со сравнениями авторского характера:

Мун [иццул лъар] *даим аваданаб*
К1удиябго г1оларо.
Г1умруялъ, лъимер г1адин,
Ганч1азда басандула.

Ты всегда веселый [родниковый ручеёк],
Никогда не взрослея,
Всегда, как ребенок,
На камешках танцуешь.

***

Гьеб коч1ол гьаркьихъе кьижулаан дун,
Ургъел гьеч1еб лъимер – лълъар гьеч1еб кьег1ер.
Под эту песню я засыпал,
Беззаботный ребенок – безрогий еще ягненок.

В этих и других авторских метафорах Расул Гамзатов использует мотивы аварских народных песен и баллад, что способствует формированию и актуализации национально-культурных компонентов поэтических образов.

В поэзии Расула Гамзатова продуктивно используются экспрессивно-оценочные синтаксические конструкции с коннотативно значимым словом *куц*. Особенно такие конструкции характерны для стихов, посвященных описанию женской красоты:

Болъоде рахунелъул,
Цо бохдул росулеб куц!
Когда по лестнице поднимается,
Как неотразимы ее ноги!
(«*Огь руччаби*»! - «Ах, женщины»!)
Гьел [кьунсрул] *цо кьуркьулеб куц*!
Гьел цо к1ич1ардулеб куц!
Ох, как они игривы!
Ох, как они кокетливы!
(«*Кьунсрул*» - «Брови»)

Такого типа экспрессивные синтаксические конструкции, продуктивно используемые в поэтических произведениях Расула Гамзатова, могли бы стать предметом специального исследования: морфолого-синтаксические особенности его поэзии, представляющие интерес в аспекте комплексного исследования языка и идиостиля поэта, совершенно не изучены, что говорит об актуальности данной проблемы.

Все отмеченное выше свидетельствует о том, что для поэтического языка Расула Гамзатова используются неповторимые авторские метафоры, национально-культурная языковая символика, принцип алогизма, мотивы фольклорных образов, экспрессивные синтаксические конструкции и т.д. Созданные поэтом языковые образы, как свидетельствует исследуемый материал, соотносятся с разными кодами культуры.

Литература:

1. Гамзатов Р. Избранное. Т.II. Махачкала, 1983. 448 с. (На ав. яз.).
2. Гамзатов Р. Последняя цена. Поэмы и стихи. Махачкала, 1976. 384 с. (На ав. яз.).
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2004.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1983.

УДК 811.512.133

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАЗРАТА БАДР-АТА В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ XV-XVI ВЕКА

Г. Сатторова,
Институт узбекского языка,
литературы и фольклора, г. Ташкент

В статье анализируется творчество Занги ота. Занги ота – видный представитель яссавийского течения имел последователей широко известных в исламском мире. О них в различных источниках приводятся различные информации. Места их проживания и творческой деятельности издревле считаются священными и почитаются в народе.

Ключевые слова: *суффист, творческая деятельность, кладбище святилище*

The article analyzes the work of zanga otoa. He was a prominent member of the Yassavia movement and had followers widely known in the Islamic world. Various sources provide information about them. Their places of residence and creative activity have long been considered sacred and revered by the people.

Keywords*: suffrage, creativity, cemetery sanctuary*

В нашей стране много последователей ведущего представителя суфийского течения Ахмада Яссавия, которые широко распространяют в народе идеи суфийского учения и продолжают его дело. Места их проживания и творческой деятельности издревле считаются священными и почитаются в народе.

Занги ота – видный представитель яссавийского течения имел четырёх последователей, имена которых широко известны в исламском

мире. О них в различных источниках приводятся различные информации.

По преданию, четыре последователя Занги аты – Сайид ота, Узун Хасан ота, Садр ота и Бадр ота отправляются в Бухару, где проводят двадцать лет, посвящая себя науке. Все четыре в поисках наставника приходят к Занги ате. Занги ата посвятил их в науку илми хол и илми кол, и отправляет их в Дашти кипчак с миссией распространить среди степного народа идеи ислама. Каждому из них Занги ата вручает по одной шапке и посоху. По его словам, последователи должны были благоустраивать те места, где их посохи начинали спускать корни и превращаться в цветущее дерево. В основе подобных преданий скрывается истина истории Бадр аты.

Бадрота является четвёртым заместителем Занги аты. Нет точных данных по поводу даты и места его рождения. Согласно предположениям, Бадр ата скончался в 681 году хиджрия. Сведения о Бадр ате зафиксированы в нескольких исторических источниках. В произведении Хусейн ал Ваиз ал-Кашифи “Рашохат ул-айнил-хаёт” приводится следующая информация о Бадр ате: “Изложение о его святействе Бадр аты. Его святейство Бадр ата был четвёртым заместителем его святейства Занги оты. В частности, в данной строфе об этом говорится. “Боз нисбат туро Занги би хато йофти шудо азиз вақт Бадр ато”. Согласно сведениям данного источника, его настоящее имя Мавлоно Бадриддин. В частности, подобная информация приводится в произведениях “Рашохат ул-айнил-хаёт” Хусейна ал-Воиз Кошифи, “Насойимул мухаббат” Алишера Наваи, “Тазкираи Тоҳир Эшон” Мухаммед Тахир ишана, Али ибн Махмуд ал-Абивардий ал-Курани (XV-XVI аср) переписан в 936/1530, “Темурнаме” Салахиддина Тошканди, “Тюркские шейхи” Купрулзаде. В этих источниках приведены несколько десятков легенд о Бадр ате.

Почти во всех известных нам источниках место захоронения Бадр аты указывается святое место Зангиота, расположенное в Зангиатинском районе. В тазкире Тахира Ишана “Тазкираи Тохир Эшон” говорится, что «священная могила Бадр аты находится в кишлаке Парохин острова Миёнкол. Автор данных строк посетил могилу его святейства. Народ Корача считается его родом». Эти строки дают повод предполагать, что возможно могила бадр аты находится не в Зангиатинском районе, а в кишлаке Карача Хатирчинского района Наваийского вилоята. Ещё один источник, свидетельствующий о подлинности данной информации это – книга “Китоби байъя” Абдираззак ходжа ибн Абдуваххобходжа, написанная в 1277-78 (1861-62).

Могила, свзянная с именем Бадр аты, находится на кладбище Карача этого кишлака. Если ссылаться на надмогильную надпись, то дата его смерти оказывается указана 681 хиджрия. На надмогильной плите можно прочитать следующее: “Это могила суфийского султана, грехи которого простил Аллах, ҳақиқат бурхони, великого из всех суфиев, главы святых, представителя семьи пророка, и его отца Махмуда аты”. Также приведены даты их смерти.

Святилище бадр ата имеет вид небольшой макбаре. Надмогильная плита реставрирована в 1929 и 1979 годах. Современный вид сооружения над могилой реставрирована в годы независимости. Здесь существует большая мечеть, по свидетельству одного из записей на колонне, его возвышение исчисляется концом 1870 года. В мечети хранится и посох, подаренный Бадр ате Занги атой, который упоминается в ряде легендах о Бадр ате. Посох деревянный, на нём начертчены имена четырёх чаряров.

Мақбара реконструирована кирпичом. Его первоначальный вид не сохранился, сохранился лишь первоначальный вид надгробной плиты.

Надпись на надгробной плите из мрамора начертана на арабском языке, арабской графике. По преданиям, связанными с именем Бадр ата, эта мечеть и макбара были сооружены в 15 веке женщиной, имя которой не известно до сих пор. В легендах говорится, что неизвестная женщина в одну из колонн мечети запрятала золото, для того чтобы в случае необходимости реконструкции мечети, были использованы не чужие, а именно её деньги. Однако со временем, с изменение власти это золото присвоили неизветсные люди. До сегодняшнего дня мечеть ремонтируется ежегодно за счет средств местного населения. В письменных источниках нет информации о данном сооружении.

Существуют несколько традиционных и суеверных обрядов, связанных с именем Бадр ата. На территории исторического памятника существует родник Айнинбу, упоминаемый в легендах. Местное население верит в целебное свойство воды данного родника, больные пользуются ею в целях излечения болезни. В результате наводнения в 1964 году родник был закоплан. Здесь также существует синий камень. Дети захворавшие сильным кашлем наливали в этот камень воду и пили её. Посох, подаренный Занги атой Бадр ате, также использовался в лечебных целях. Люди верят, что посох лечит бездетных женщин, людей с болью в пояснице и совсем переставших ходить. Памятник известен только местному населению. Наличие могилы Бадр аты в разных источниках оценивается по-разному. В известных

на сегодняшний день источниках могила Бадр аты указывается в Зангиатинском районе Ташкентской области. В одной из достоверных источниках, а точнее в книге “Тазкираи Тохир Эшон” Тохир Эшона говорится, что могила находится напротив Парохина в возвышении на острове Миянкол (ныне Хатирчинский район), и что Тахир ишан посещал эту местность. Бадр ота считается представителем суфийского течения. Бадр ата хорошо известен в исламском мире. Во всех источниках, связанных с учением Ахмада Яссави, Занги ата упоминается в качестве четвёртого заместителя. Родословная Бадр аты по 12 поколению восходит к халифе Али (Родословная прилагается). Памятник на сегодняшний день реконструирован. Началась реконструкция родника Айнинбу, упоминаемого в легендах. Книга “Китоби байъ” халифы Абдураззак ходжа бинни Абдулвахобходжа – одного их представителя рода Бадр аты, переведённая во второй половине XIX века хранится у имама мечети Бадр ата кишлака Карача. Видный литературовед Абдурауфа Фитрата в одной из своих статей предполагает, что ученики Ахмада Яссави тоже писали стихи в стиле хикматов, однако они не дошли до наших дней. В их числе автор приводит и имя Бадр аты. Эти сведений о наших предках для нас ещё не достаточны. Эти проблемы ждут своих исследователей в будущем.

Литература:

1. Хусайн Ал Воиз Кошифий «Рашохат ул-айнил-хаёт» 1576 г, С 1788 331с. (867/1463-939/1539)

2. Мухаммад Тохир Эшон «Тазкираи Тохир Эшан». № 69 К. 7017, 82 с.

3. Салохидин Тошкандий «Темурнаме». Т.: Чулпон, 1990. с.216

УДК 811.22

ВЕРОВАНИЯ ГИЛЯНСКОГО НАРОДА НА ОСНОВЕ РУССКИХ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ЭПОХИ КАДЖАРОВ

С. М. Мирмиран,
З. М. Ченари
Гилянский университет, Иран

В настоящей статье исследуются путевые записки и тексты гилянского народа. Принято считать, что путевые записки и тексты являются самым лучшим подходом к доступу верованиям гилянского

народа. Сохранившиеся верования, традиции и убеждения, основанные на образе мышления и человеческого воображения, являются потоками мыслей и религий древних времен, которые адаптировались под требования следующих времен, а также природные явления. То есть тексты и контексты создают новые значения. Возможно, путевые записки являются одной из лучших возможностей для исследования положения духовной жизни гилянского народа в эпоху каджаров.

Ключевые слова: *верования, Гилян, путевые записки, каджары*.

باورهای مردم گیلان بر پایهٔ سفرنامه‌های روسی دورهٔ قاجار

سید مجتبی میرمیران *

زهرا

مرادی چناری **

چکیده

باورها و سنت‌ها بازماندهٔ عقاید مبتنی بر نحوهٔ اندیشه و تخیل خلاق آدمی، جریان‌های فکری و مذاهب ادوار کهن هستندکه خود را با شرایط روزگار بعد و مقتضیات اقلیم‌ها تطبیق داده‌اند. یعنی متن‌ها (text) در بستر و زمینه‌ها (context) معانی جدیدی را باز آفرینی می‌کنند.از این روی، محتمل است دگرگونی‌های فراوانی درآنها روی نماید، تا بدان اندازه که با منشأ واقعی و اصالت بنیادین خود فاصله و شکاف معنای قابل توجهی پیدا کند. اما در عین حال، جوهره‌هایی از مفاهیم و معانی گذشته را با خود داشته باشد. باورها طیف وسیع معنایی زندگی آدمی را در بر می‌گیرد، به نحوی که می‌تواند از ابتدایی‌ترین شکل زندگی انسان تا متعالی‌ترین گونهٔ زیست آدمی را شامل شود. این باورها ضمن آن که عمدتاً محصول خیال دور پرواز آدمی است. یعنی آدمی آن را می‌آفریند، در عین حال خود را در پرتو حمایت آن قرار می‌دهد تا از هراس‌های جهان، وحشت، اضطراب‌های رعب آور متافیزیکی رهایی یابد و از بحران‌های حوادث خط آفرین جهان، جان سالم به‌دربرد. هیچ ملتی نیست، چه در سنتی‌ترین وجه آن، چه در شکل مدرنش، در محاصرهٔ باورهای خود نباشد. این باورها در همهٔ سطوح و شئون زندگی انسان روی می‌نماید. و نه تنها شامل انسان‌های عادی و معمولی می‌شود. بلکه در میان خواص هم این باورها جا خوش کرده‌اند، البته با گذشت زمان برخی باورها کهنه می‌شوند در نتیجه از نظر مردم منسوخ می‌گردند و شکلشان تغییر می‌کند. در واقع زمان‌ها و زمین‌ها خرافات مخصوص به خود را دارند. انسان ایرانی، بویژه انسان سنتی عصر قاجار از این وضع مستثنا نیست. سفرنامه‌ها شاید بهترین امکان برای بررسی موقعیت زیست معنوی انسان گیلانی را در عصر قاجار نشان می‌دهد. اکنون این پرسش روی می‌نماید که سفرنامه‌های عصر قاجار تا چه اندازه می‌توانند، واقعیت‌های در قلمرو باورهای مردم گیلان را آن طور که فی‌نفسه بوده‌اند، در پیش چشم محققان و پژوهشگران فرا نماید. فرض گرفته شده است که سفرنامه بهترین معبر و متن برای دسترس به باورهای مردم گیلان است.

کلیدواژه : باور، گیلان، سفرنامه، قاجار

---

*عضو هیأت علمی دانشگاه گیلان mirmiran@guilan.an.ir

**دانشجوی کارشناسی ارشد ایران‌شناسیz.moradi32@yahoo.com

مقدمه

بحثی دربارهٔ گیلان

گیلان سرزمینی با پیشینهٔ بسیار طولانی است. به گونه‌ای که به نظر برخی گیلان در متون دینی زردتشتیان، یعنی اوستا همان وَرِنَه varena است. همین‌طور در این کتاب دینی، گیلان از جهت رده‌بندی شانزدهمین سرزمین ایرانی به شمار آمده و چهارمین کشوری است که توسط اهورامزدا آفریده شده است(پورداود، 1347: 192). صرف نظر از تعبیرات مختلفی که می‌توان از صفت چهارگوشه برای گیلان باستان داشت (چهار راه بودن، چهار دروازه داشتن و ...) و بدون آنکه خواسته باشیم آن نظر را الگو قرار دهیم، امروزه نیز چهار بخش نسبتاً متمایز در گیلان قابل تشخیص است (فاخته،1387: 61) . استان گیلان به شکل شتر خوابیده‌ای است که در لبهٔ شمالی فلات ایران و در جنوب دریاچهٔ خزر قرار گرفته است. موقعیت ریاضی این استان روی کره زمین بین عرض جغرافیایی 36 درجه و 34 دقیقه تا 38 درجه و 27 دقیقهٔ شمالی بیان گر آن است که این استان در منطقهٔ معتدل شمالی کرهٔ زمین قرار گرفته است. غربی‌ترین منطقهٔ مرزی آن از نصف‌النهار گرینویچ 48 درجه و 53 دقیقه و شرقی‌ترین نقطهٔ مرزی آن از همین نصف‌النهار 50 درجه و 34 دقیقه فاصله دارد(میرمیران، عابدی،1394: 24). گیلان در سفرنامه‌ها چنین توصیف شده است، ملکونف در سفرنامهٔ خود محدودهٔ استان گیلان را چنین قید کرده است که ولایت گیلان مشتمل است بر جنوبی و غربی دریای خزر از شرقی سر حدّ مازندران تا گمرک خانهٔ آستارای روس، و رود آستارا سر حد است و در جنوبی این رود ، کوه‌های تالش که همانا رشته‌ای از کوه‌های قفقازستان است. چون میل به جانب جنوب و غرب نمایند آغاز کوه‌های البرز است. در جانب شرقی آن کوه درفک است. در دیگر طرف این کوه در جنوب گیلان اردبیل و قزوین است(ملکونف،1363: 171). امّا حدود این ولایت را رابینو دقیق‌تر از ملکونف ذکر کرده است " ولایت گیلان در 36 درجه و 28 دقیقه تا 38 درجه و 11 دقیقه عرض شمالی و 48 درجه و 44 دقیقه تا 50 درجه و 32 دقیقه طول شرقی واقع است. گیلان از شمال به دریای خزر و شهر کوچک نمین، و از مشرق به مازندران، از جنوب به قزوین ، خمسه و آذربایجان، و از مغرب به آذربایجان محدود می‌شود. طول آن از شمال غربی به جنوب شرقی در حدود 225 کیلومتر و عرض آن را 25 کیلومتر تا 105 کیلومتر تغییر می‌کند. در حملهٔ مغول، گیلان دارای دوازده شهر بود که در هر یک امیری مستقل حکومت می کرد. این سرزمین بعد ها به وسیلهٔ هشت تن از امیران که استقلالی نداشتند اداره می شد(رابینو،1386: 3). رابینو دربارهٔ ریشهٔ اسم ولایت گیلان نوشته است: " در لهجهٔ محلی بیه به رودخانه یا ساحل رودخانه اطلاق می‌شود. سفیدرود این ناحیه را به دو قسمت تقسیم می‌کند که به نام بیه پیش و بیه پس و یا روپیش و رو پس یا پساگیلان خوانده می‌شود. لاهیجان و رشت در طول زمان پایتخت آن دو قسمت گردیده‌اند(همان). استان گیلان به دلیل موقعیّت خاصّ جغرافیایی خو د از استان‌هایی است که اکثر جهانگردان خارجی در سفرنامه‌هایشان به طرح موضوعات خاص درباره‌ی این استان پرداخته‌اند . این استان چون بر سر راه اروپا قرار داشته و به منزلهٔ دروازهٔ اروپا بوده غالباً سفیران، جهانگردان، بازرگانان و میسیونرها پیش از پیدایش مسافرت اروپایی به روسیه می‌آمدند و از آنجا به منطقهٔ گیلان وارد می‌شدند. گیلان در عصر قاجار از نظر سیاسی و اجتماعی، اقتصادی مهم بوده است. سفرنامه‌ها یکی از منابع دسته اول در پژوهش هستند. از نظر شناخت تاریخ اجتماعی و فرهنگی، آداب و رسوم یک جامعه اهمیت زیادی دارند. سفرنامه‌ها در معرّفی فرهنگ بومی نقش به سزایی بازی می‌کنند. در زمان قاجار سفرنامه‌هایی که به گیلان پرداخته‌اند، بیشتر است. جهانگردانی که به گیلان آمده‌اند بسیاری از باورهای عامیانهٔ مردم گیلان را در سفرنامه‌های خود آورده‌اند. بسیاری از این باورها در مورد

جانوران، دیو، جن، پری، درختان و گیاهان است. برخی نیز دربارهٔ اعمال و کارهای روزمرّهٔ آنان است، از میان جهانگردان، رابینو، خودزکو، مکنزی، ژوبر و مادام کارلاسرنا در این باره بیشتر سخن گفته‌اند.

باور

باورهای عامیانه در میان جوامع گوناگون گسترش دارد. این نفوذ کم و بیش دارای قدمت دیرینه‌ای است و منعکس کنندهٔ فرهنگ مردم آن اجتماع در دوره‌های زمانی پیشینی و تا اندازه‌ای پسینی است . پایداری این باورها در ادوار گوناگون از کارکرد اجتماعی آنها نشان دارد و بیانگر آن است، که باورها، به منزلهٔ واقعیت اجتماعی، فراتر از سطح اندیشه و حتی نمادها و آیین‌ها تجربه شده است. این واقعیت‌ها صرفاً جنبه‌ای کاذب و وهم‌آلود ندارد، بلکه باید در تعامل انسان، زیست جهان، و تلاش بشر در جهت حیات از طریق سلطه بر طبیعت و به منزلهٔ راز بقا دانسته و کاوش شود. در طول تاریخ و در طی اعصار، داستان باورهای عامیانه ادامه یافت، و در میان اقوام و ملل همراه تحول جوامع بالیده و پرورده شده و جنبه‌های نظری نیز به خود گرفته. ادیان این عقاید را به نحو جوهری دگرگون نکردند هیچ دینی تهی از دیدگاه‌های ما بعد طبیعی نبوده، دین‌ها معجزه را می‌پذیرفتند و دنیای غیب و ارواح و جن را باور داشتند، جادو در جامعه اگرچه با گذشت دوران و عصرها هرچند نقش آن کمرنگتر گشت امّا به شکلهای دیگر، سر بر آورد و زندگانی خویش را ادامه داد بشر امروزه هم با فال و خرافات که بن مایه‌های جادویی دارند می‌زید(دماوندی، 1388: 39). باورهای عامیانه مشتمل بر افسانه‌ها، داستانها، موسیقی، تاریخ شفاهی، ضرب‌المثل‌ها، هزلیات، لطایف و بعضاً موضوعاتی است که با وجود بی‌اساس دانسته شدن از سوی برخی افراد و جوامع در زندگی روزمره بعضی دیگر، نقش داشته و بلکه مهم شمرده می‌شود. از جمله هر چند خرافه، با درک نادرست از روابط علّی و اعتقاد وافر به تأثیر عوامل نامعقول ماوراءالطبیعه عجین است، اما دانستن احوالات مردم در این زمینه به شناخت وضعیت اجتماعی، فرهنگی جاری آنان منجر شده است، و ریشه‌های رفتاری جوامع کنونی را مشخص می‌سازد. با آنکه مطالعات زیادی متوجه زندگی ایرانیان عصر قاجار بوده، اما موضوع گرایش به باورهای مردم گیلان بر اساس سفرنامه‌ها معطوف شده است. در این مقاله به دلیل ضیق وقت و نبود مجال ما به پاره‌ای از عناصر خرافی و باورهای فرهنگی و آئینی که در برخی سفرنامه‌های عمدتاً نویسنده‌ای روسی آمده بر می‌شمریم و توضیحاتی بر آنها بر پایهٔ منابع و مدارک هستند می‌افزاییم.

باورهای چهارشنبه سوری و عید نوروز

چهارشنبه سوری یا چهار شنبه آخر سال از مراسم باستانی مربوط به جشن نوروز است این باور در مقولهٔ آئین و جشن جا می‌کیرد. جشن‌ها و آئین‌ها وجه انضمامی و عینی اسطوره‌ها هستند و اسطوره‌ها وجه نظری و تئوریک آئین‌ها هستند، در این جشن که در آن آتش افروزی می‌کنند، بر پایهٔ برخی روایت‌های اسطوره‌ای اولین کسی که این رسم را بنیاد نهاد«هرمز شاپور» پسر اردشیر است. برای این آتش افروزی در میان زرتشتیان به ویژه در روستاهای ایران با تشریفات خاصی انجام می‌گیرد. قاشق زنی یا ملاقه زنی، فالگوش ایستادن، شکستن کوزهٔ کهنه و خرید کوزهٔ نو همچنین خریدن جاروی تازه و نو، تهیه آجیل چهارشنبه سوری، مراسم فال کوزه، پختن آش چهل گیاه، پختن پلو چهاررنگ و مراسم بخت گشائی دختران اشاره دارد که بعضی از اینها از بین رفته‌اند از موارد و عناصر وابسته به آئین چهارشنبه سوری است(پاکدامن، 1378: 100).

نیکتین در مورد جشن نوروز مردم گیلان چنین می‌گوید، که یکی مهمترین اعیاد ایرانیان، عید نوروز است. جشن نوروز از بقایای مراسم باستانی این کشور است و به مذهب اسلام ربطی

ندارد. زیرا که هیچ گونه مدرکی نیست که بتوان آن را به اسلام مربوط کرد. بر عکس مراسم و تشریفات آن عقاید و عادات باستانی این کشور را به یاد می‌آورد. بدیهی است که این تشریفات بنا بر اصول الوهیّت قوای طبیعی و پرستش اشعهٔ روان بخش آفتاب به مرور زمان به وجود آمده است و بقایای همان عقاید کهنه است که هنوز هم گاهی اظهار وجود می‌کند و یکی از دلایل اثبات آن، مراسمی است که در چهارشنبهٔ آخر سال در همه جای ایران صورت می‌گیرد. شب چهارشنبه، آتش زیادی در منازل و معابر افروخته و مردان و زنان جوان، حتّی گاهی پیران هم از روی آن جستن می‌کنند. این رسم شبیه است به مراسمی که در مغرب در جشن سنت ژان به جا می‌آورند. این روز را چهارشنبه سرخی هم می‌گویند شاید این نام را به مناسبت رنگ آتش به آن داده‌اند و دلیل دیگر قدمت جشن نوروز این است که در شب قبل از آن سفره‌ای باید گسترده شود که علاوه بر انواع شیرینی و خوراکی، هفت چیز در آن یافت شود که حرف اوّل آن‌ها سین باشد و معمولاً آن را سفرهٔ هفت سین می‌گویند و به یادبود هفت فرشتهٔ مقرّب اهورمزدا که آنها را امشاسپندان می‌نامند، فراهم می‌سازند. در میان این سفره ظرفی هم باید داشته که در آن دانه‌های گندم و جو یا سایر حبوبات سبز شده باشد. در عید پاک در روسیه هم عاداتی شبیه به این مراسم دیده می‌شود به هر حال این تشریفات نشان می‌دهد که این جشن در موقع بیداری طبیعت برگزار می‌شود و از این آتش بازی‌ها نیروی حرارت آفتاب را درخواست می‌کنند(نیکتین، 1356: 126).

چهارشنبه سوری در گیلان، بلکه در تمام نقاط ایران برجسته‌ترین و پر شورترین رسم در مجموعه رسمهای مقدمه نوروز می‌باشد و مهمترین عنصرش آتش است و نامش هم از شعله ی‌اه طاقن زا ی‌رایسب رد ورنیا زا مه و تسا ی‌خرس ی‌نعم هب »ی‌روس« هکنانچ .هتساخرب شتآ ماذ »ی‌خرس هبنشراهچ»یده می‌شود. نام گیلانی این رسم، «کول کولی چارشنبه» هم سرخی گلها و شعله‌های آتش را در خود دارد. بعضی از مراسمهای کولی کولی چارشنبه در نواحی و شهرهای گیلان شبیه هم هستند، فقط در بعضی موارد با هم متفاوتند در بعض از شهرها 3 یا 5 یا 7 کپه آتش را به طرف قبله درست می‌کنند. با شادمانی اول بزرگترها و به ترتیب کوچکترها از روی آن می‌پرند و ترانهٔ محلی را زمزمه می‌کنند؛ «گول گول چارشنبه، به حق پنشبه، نکبت بشه، شوکت بَیِه. زردی بشه، سرخی بَیِه.». پس از پریدن از روی آتش ظروف شکستنی معیوب را به دور می ریزند و دختران دم بخت را برای دقایقی از خانه بیرون می‌کنند تا در آن سال به خانه بخت بروند و ظرف آبی را هم که کنار آتشها نهاده‌اند، به زمین می‌پاشند. آب، دومین عنصر مهمی است که به اشکال مختلف در مراسم چهارشنبه سوری حضور دارد. در اغلب نقاط شرق گیلان، شب چهارشنبه سوری ظرف آبی از رودخانه یا چشمه به خانه می‌برند و بعضی هم هنگام بردن آب هیچ کلامی بر زبان نمی‌آورند و این آب را «لال آب» می نامند. در علی آباد املش پس از پریدن از آتش جوانان کوزه‌ای آبی که از چشمه پر کردند به آسمان می‌پاشند تا سال پربارانی داشته باشند، سر و روی می‌شویند تا سلامتی بیاورد و به مزرعه می‌پاشند تا زمین پر محصول شود (اصلاح عربانی، 1384: 456).آب، مایع حیات بخش و یکی از تأثیرگذارترین عناصر حیاتی در فرهنگ و فولکلور مردم ایران است. جلوه‌های گسترده‌ای از فرهنگ، تمدن و هنر ایرانیان تحت تأثیر باورها و اسطوره‌هایی بوده است که دربارهٔ آب پدید آمده‌اند(موسوی بجنوردی،1393: 1).

در شهرستان تالش عنصری اسطوره‌ای به نام «چارشنبه خاتون» وجود دارد که با صفات « گلابتون گیسوی بلند اندام زیبا » و «پری گیسو بلند خوش اندام» با اینگونه القاب توصیف می‌شود(موسوی بجنوردی، 1386: 75، اصلاح عربانی، 1384: 456). چارشنبه خاتون با آب و برکت پیوند خاص دارد. این پری گیسو بلند در شب چهارشنبه سوری به هر خانه‌ای سر

می‌زند و از غذاهای خاص چهارشنبه سوری که برایش گذاشته‌اند، لقمه‌ای می‌خورد و برای خانواده‌هائی که خانه خود را در آستانه بهار و سال نو پاکیزه کرده‌اند دعا می‌کند و به آنها برکت می‌دهد. در تالش رسم است که شب چهارشنبه سوری مقداری از غذاهای خود را در ظرفی می‌گذارند و پشت در خانه یا اتاق قرار می‌دهند، تا چارشنبه خاتون از آن بخورد و برایشان برکت بیاورد(اصلاح عربانی، 1384: 456،عاشوری، 1385: 234). برای دیدن چارشنبه خاتون باید بعد از نیمه شب چهارشنبه آخر سال سر قدیمی‌ترین چاه آب منطقه بروند، لباس را تمامی از تن به در کنند، سر در چاه فرو برند و چارشنبه خاتون را صدا بزنند. آنگاه آب چاه می‌جوشد و خاتون بلند بالای گلابتون گیسوی چهارشنبه، از آن بیرون می‌آید و سیلی به گوش کسی که صدایش کرده است می‌زند. اگر او نترسید، نگریخت و یا بیهوش نشد، هرچه از او بخواهد برایش فراهم می‌سازد(اصلاح عربانی،1384: 458، بشرا و طاهری، 1388: 85-86). اهالی پیربازار رشت بر این باورند که اگر کسی در غروب چهارشنبه سوری بر سر چاه قدیمی‌ای که هفت سال از آن آب برنداشته‌اند، برود و چهارشنبه خاتون را صدا بزند، آب آن به جوش و خروج خواهد آمد و اگر شخص نترسد و آنجا را ترک نکند، پس از دقایقی هر آروزیی داشته باشد، برآورده می‌شود(غلامی کفترودی، 1379: 224). نمونه‌هایی از افسانه خاتون چهارشنبه سوری را می‌توان در اکثر مناطق ایران یافت. این افسانه خاتون چهارشنبه سوری هر ساله از دل مردمان و قصه‌های واقعی زندگی آنها بیرون میاید و چهارشنبه سوری دیگری می‌سازد تا این تکرار افسانه خاتون در نقش‌ها و باورها باقی بماند. این افسانه خاتون چهارشنبه سوری در هر کشوری که عید نوروز را جشن می‌گیرند شاید ظاهرش تغییر کرده باشد ولی در آفرینش یا در ریشه یکی است مثلاً در افسانه‌ها و اسطوره‌های روسیه نیز دیده می‌شود.روس‌ها به موجودی خیالی به نام «دموی» اعتقاد دارند که در اجاق منازلشان سکنا دارد. هر چند این موجود مذکر است؛ اما خویشکاری‌های آن به خاتون بسیار شبیه است. آنها بر این باورند دموی روح اجدادشان است که از خانواده محافظت می‌کند. او شبها از جایگاه خود بیرون می‌آید و گاهی شیطنت می‌کند و اهالی خانه را نیشگون می‌گیرد و ظروف را می‌شکند؛ از این رو، برای خوشنودی‌اش، در گوشه‌ای از خانه مقداری هلیم یا مقداری نان قرار می‌دادند. او همانند خاتون چهارشنبه سوری، آینده را برای اهالی خانه رقم می‌زند. هنگامی که فردی در خواب بر اثر تماس دست‌هایی پشمالو، سرد و زبر بیدار شود، حتماً دموی بوده و فاجعه‌ای برای خانواده اتفاق خواهد افتاد(وارنر، 1385: 37).

درختان مقدس

در بیشتر مناطق ایران، که ملاحظه می‌شود برخی درختان کهن و گیاهان مقدس و بنابه قول مردم عوام، نظر کرده و مشکل گشا وجود دارند. بخصوص این درختان در ایران رواج دارند، بارها آنها را دیده یا شنیده‌ایم ، که از آثار و میراثهای توتمیسم قدیم هستند. در بیشتر اماکن مقدس، مانند امامزاده‌ها و مقابر بزرگ و حتی صحن بعضی مساجد، درختان کهن سال وجود دارد که در نظر مریدان آنها، که غالباً مردم عوام هستند، مقدس و نظر کرده و مشکل گشا شمرده می‌شوند، و زائران و مریدان به آنها دخیل می‌بندند و از آنها شفای بیمار و حل مشکلات زندگی خود را می‌خواهند؛ مانند درخت کهن سالی که در صحن امامزاده یحیی در تهران است، حتی برای بعضی از آن درختان به معجزه و کرامت قائلند و معتقدند که اگر کسی آنها را قطع کند ، درخت به کمرشان می زند و ضرروزیان می‌بیند. در شهرهای دیگر ایران نیز نمونه‌های بسیاری از عقیدهٔ مردم به توتم گیاهی مشاهده می‌شود(فضائی، 2536 شمسی: 265-267). رابینو در سفرنامه‌اش می‌گوید که در رشت در محلهٔ کیاب درختی هست به نام آقا بی‌بی زینب که زیارتگاه زنان نازا است. در همان ناحیه دو زیارتگاه وجود دارد در دو گروه چهار درختی

و یکی از این گروه درختان را زنان بسیار گرامی می‌دارند(رابینو، 1350: 78- 79). درخت‌های زیادی هم مخصوصاً از طرف زنها مورد احترام هستند که به آنها پیر و یا بزگوار می‌گویند. شاید وجود آنها علامتی است که کمی پیش در آن مکان‌ها اشخاصی محترم و مشهور و شاید کسانی از سادات مدفون گردیده‌اند(همان،1386: 30). هانری ماسه در کتابش چنین نقل می‌کند، در گیلان داماد در استقبال عروس شیرینی و پول خرد (سکه) روی سر عروس می‌پاشد و بعد یک پرتقال یا نارنج پرتاب می‌کند. آنگاه عروس و داماد دور چاه حیاط می‌گردند و عروس سکه‌ای در چاه می‌اندازد. بعد عروس و داماد یک درخت توت نزدیک خانهٔ خود می‌کارند(ماسه،2535 شمسی: 123). در هر صورت در گیلان به دلیل شرایط خاص اقلیمی و موقعیت طبیعی که دارد، درختان زیادی در انواع مختلف رشد کرده‌اند. مردم گیلان با دیدن درختان عجیب و غریب و تنومند و به باور این که در پای آنها پیر یا بزرگواری دفن شده است، درختان را مورد احترام و تقدس قرار می‌دادند.درختان کاشته شده در محوطه مساجد و آستانهٔ امامزاده‌ها، طی زمان‌های طولانی به واسطه انتساب به تقدس و ارزش‌های معنوی این مکان‌ها مقدس گردیدند و نام‌های متفاوت آزاددار، مزاردار، آقادارگرفتند و نذورات مردم از طریق بستن پارچه‌های سبز و قرمز برای بر آوردن حاجات و نیازها، عملی می‌شد.

درخت رمزی با رکن کیهان، نگاه‌دار جهان و در مرکز عالم قرار دارد. یونگ درخت را مظهر زایش، حیات، شفابخشی وکهن الگویی رمز گونه می‌داند. انسان بدوی برای درخت قائل به روح و روان بود و درخت را محل زندگی ارواحِ پر قدرت و نیاکان می‌دانست؛ درخت پرستی در میان تمامی ادیان ابتدایی وجود دارد(میرمیران، عابدی، 1394: 72). در تاریخ دینیِ قوم آریایی در اروپا پرستش درختان نقش مهم بازی کرده است(فریزر، 1398: 151). " الیاده مواردی را به عنوان شاخص برای مقدس انگاشتن درخت و یا پرستش آن بیان می‌کند، درخت به عنوان تصویری از کیهان، درخت به عنوان مرکز عالم، درخت محل تجلی حق، درخت رمز تجدید حیات، درخت، رمز زندگی جاویدان و تعامل انسان و درخت نظیر مکان ارواح نیاکان و آفرینش انسان و درخت نظیر مکان ارواح نیاکان و آفرینش انسان از درخت و بلعکس. هرگز درختی فقط به سبب خودِ درخت پرستیده نشده، بلکه همواره به دلیل آن چه به وساطت درخت، مکشوف و برای معنایی که درخت متضمن آن بوده و بر آن دلالت می‌کرده، مسجود و معبود بوده است. فریزر می‌گوید، قبیله‌ی توهو در میان مائوری‌ها قدرت بارور ساختن زنان را از درخت می‌دانند و درخت‌ها را با بند ناف نیاکان اساطیری خاصی ارتباط می‌دهند، با این اعتقاد که بند ناف همه کودکان بر درخت آویزان است. و زن نازا نیز برای فرزنددار شدن باید این درخت را در آغوش می‌گرفت"(میرمیران، عابدی، 1394: 73 - 74). فریزر در کتابش میگوید در پنجشنبه‌ی پیش از یکشنبه‌ی سفید روستاییان روس به جنگل می‌روند، آواز می‌خوانند، گلبند درست می‌کنند، و درخت غان جوانی را قطع می‌کنند و لباس زنانه به آن می‌پوشانند یا با نوارها و پارچه‌های رنگارنگ می‌آرایند. پس از آن جشنی می‌گیرند و در پایان آن درخت غانِ آراسته را بر می‌دارند و با رقص و آواز و شادمانی به دهکده می‌برند و در خانه‌ای قرارش می‌دهند که چون مهمان عالیقدری تا یکشنبه‌ی سفید می‌مانَد. در دو روزی که تا عید باقی است مرتب به آن خانه سر می‌زنند و از مهمان گرامی دیدن می‌کنند اما در روز سوم یعنی روز عید، درخت را بر می‌دارند و به رودخانه ای می‌اندازندش و گلبندهای خود را نیز به دنبال آن به جریان آب می‌سپارند(فریزر،1398: 165).

باور تفأل و فالگیری

رابینو در مورد تفأل و فال گیری در گیلان می‌نویسد، کسی که می‌خواهد از آینده خبری به دست آورد، سوزن را در دستمال و پارچه‌ای که آب ندیده باشد فرو می‌برد و می‌ماند تا کسی

ترانه‌ای بخواند. با آن ترانه دربارهٔ آینده تفأل می‌زند و این کار در صورتی درست انجام می‌شود که خواننده ترانه، از قصد کسی که تقاضای خواندن کرده است با خبر نباشد(رابینو، 1350: 31-32). و در جای دیگر می‌گویید که زنها همراه دوشیزه‌ای به کنار جاده میروند و یک جفت قیچی و یک قفل و یک آئینه با خود می‌برند. آنگاه به گفته‌های رهگذران گوش فرا می‌دارند و سخنان آنان در واقع همان هاتف غیبی است که از آیندهٔ این زنان خبر می‌دهند(رابینو، 1350: 38).

بخت گشایی و جلب محبّت

رابینو در بارهٔ باورهای زنان گیلانی چنین نوشته است رسم عجیبی که در شهر دیده می‌شد این بود که در روز چهارشنبهٔ آخر سال، اکثر زنان از ثروتمندان و کسبه به دبّاغ خانه می‌رفتند، بند زیر جامهٔ خود را به دست پسر نابالغی می‌دادند که آن را بگشاید تا بخت آنها باز شود، شیشه‌ای کوچک از آب دبّاغ خانه می‌گرفتند که در شب آینده به شوهر خود بدهند تا به آنها محبّت بکند و هر کس به قدر توان مالی خود پولی در چاه دبّاغ خانه می‌انداخت(رابینو، 1350: 30). در روزگاری که ایرانیها برای نظافت و شست‌وشوی تن بیشتر از گرمابه‌های عمومی استفاده می‌کردند، این باور رایج بود که نوشیدن یک مشت آب خزینهٔ حمام مستحب است(هدایت، 1312: 79). برخی دیگر معتقد بودند که آب خزینهٔ حمام را فقط صبح اول وقت می‌توان خورد و اگر کسی آن وقت، یک مشت از آن آب را بنوشد، در همهٔ عمر رنگ ناخوشی را نخواهد دید. حتی خوردن چند قطره آب از آهک تغار دباغخانه کفایت خواهد کرد. بهبهانیها معتقدند اگر زنی آب دباغخانه را بر سر خود بریزد، نزد شوهر محبوب خواهد شد(موسوی بجنوردی، 1393: 12).

انواع باورهای دیگر

رابینو در کتابش به این اشاره کرده است که گیلانی‌ها غالب اوقات شغالی را نگه‌داری می‌کنند تا سعادت آنها را تضمین کند و صبح قبل از هرچیز سعی می‌کنند تا چشم آنها به شغال بیفتد. اگر در شب صدای شغال مایه‌ی ناراحتی آنها بشود کفش‌های خود را طوری می‌گذارندکه پاشنه اش به دیوار تکیه داشته باشد(رابینو، 1386: 30). مکنزی در کتابش درباره شغالها این چنین می‌گویید که در همه‌ی نواحی ایالت خزر بعد از غروب آفتاب و در شب زوزهٔ عجیب شغال‌ها شنیده می‌شود . وجود آنها همیشه نمایانگر پایین رفتن درجه‌ی حرارت است. ایرانیان می‌گویند شبی که شغالها زوزه می‌کشند و سگها جواب می‌دهند هوای روز بعد خوب خواهد بود ولی اگر شغالها به تنهایی آرامش شب را به هم بزنند روز بعد هوا متغیّر خواهد شد(مکنزی، 1359: 47).

رابینو در کتابش به چشمه‌های شفا بخش اشاره می‌کند. که در گیلان ناحیهٔ رستم‌آباد مقبره‌ای هست به نام پیری که در آنجا شیخی (پیری) مدفون است و در آن محل چشمه‌ای جاری است به نام لال چشمه که از آب آن به بیماران می‌دهند. اما برای اینکه بیمار شفا یابد باید کسیکه آن را می‌برد در راه کلمه‌ای بر زبان نیاورد(رابینو، 1350: 211).

رابینو می‌گوید گیلانی‌ها پس از خاراندن ابرو، انگشت خود را می‌بوسیدند و می‌گفتند که آبرو و حیثیّت آنها نباید لکّه دار شود(رابینو، 1350: 31).

کارلا سرنا می‌گوید که به فاصله نزدیکی از دامنهٔ جنوبی کوه درفک که بلندی‌های دندانه‌دار آن در میان ابرها محو بود به اعتقاد مردم، روستای فقیر جادو شده‌ای قرار داشت که هنوز هم آثار و بقایای آن باقی است ولی کسی جرأت آن را پیدا نمی‌کند که به آن خرابه‌ها نزدیک شود. به موجب روایات محلی این دشت در سابق پر بوده است از تعدادی چوپان و گوسفند و بز که توسّط دیوهایی که در قلعهٔ اسرارآمیزی رفت و آمد داشتند ناگهان همگی به

سنگ بدل شده بودند حتّی بعضی از اهالی آنجا به ما می‌گفتند که هیکل‌های سنگی آنها را از دور دیده بودند(سرنا، 1362: 262).

توسل به دامان گذشتگان خودزکو در این باره می‌گوید گیلانی‌ها برای به دست آوردن آنچه که از آنان دریغ می‌شود معمولاً دست توسّل به دامان ارواح رفتگان می‌زنند. سیّدی از مردم انزلی که از وصول پول برنجی که به رئیس گمرکخانه شهر فروخته بود ناامید شد رو به گورستان شهر نهاد و در آنجا با دستان خویش گودالی عمیق حفر کرد و بر بالای آن چادری برافراشت؛ آنگاه همهٔ خویشان خود را از زن و مرد بر کنارهٔ گودال آورد و جمله به آهنگی حزین ناله " یا جدّاَ، یا جدّاَ " سر دادند. رئیس گمرکخانه گریزی جز پرداخت دین خود ندید. زیرا هیچ یک از تفنگ چیانی که برای برچیدن بساط سیّد به گورستان فرستاده شده بودند یارای دست زدن به کاری را در خود ندیدند. از سویی اهالی انزلی اعلام داشتند ترجیح می‌دهند پرداخت پول برنج سیّد را جمله برذمّه گیرند و شهر را از فرجام نامبارک ملعنت او خانواده‌اش در امان دارند(خودزکو، 1388: 58)

عدم سکونت در خانه‌ای که مرگی غیرطبیعی در آن رخ داده از باورهایی است که ژوبر آن را در سفرنامهٔ خود آورده است، که در شهر رشت آثار یک کاخ خیلی زیبا به چشم می‌خورد که در زمان دودمان شاهان پیشین، یکی از اربابان درجّه اوّل آن را ساخته بود. در آن جا آب را با یک قنات که با آجر ساخته است و هنوز بالنّسبه وضع خوبی دارد آورده‌اند. پس از کشه شدن پسر ارباب، این کاخ متروک گردید و اکنون رو به ویرانی است. ایرانیان از سکونت در خانه‌ای که در آن یک مرگ غیر طبیعی و ناشی از عمل زور رخ داده باشد خیلی بیزارند و به همین دلیل است که در شهرهای آنها، بسیاری خانه‌های ویرانه دیده می‌شود(ژوبر، 1350: 333).

جنّ و پری: خودزکو در کتابش در این باره می‌نویسد که گیلانی‌ها در وجود اجنّه کوچکترین تردیدی به خود راه نمی‌دهند. آنان با اطمینان تمام اظهار می‌دارندکه بارها به این موجودات برخورد کرده، از آنها گزند دیده و یا مورد حمایتشان قرار گرفته‌اند. او نقل می‌کندکه: " دوستی به نام حاجی جعفرخان ، با چشمانی اشک بار از من استمداد کرد که وسیله‌ای فراهم آورم که او را از مزاحمت پری عاشقی که مدام خواب شبانه را بر وی آشفته می‌دارد و همسرش را بی‌رحمانه می‌آزارد خلاصی بخشد. در تمام شهر کسی یافت نمی‌شد که بر این دعوی به دیده‌ی تردید بنگرد. حتّی ملاهای شهر نیز معترف بودند که تمهیداتشان برای دفع شر پری دلباخته کارساز نبوده است و زنان یکسره زبان از بدگویی فروبسته بودند تا خود را از خشم حسادت آمیز پری حفظ کنند"(خودزکو، 1388: 57). قصه‌های پریان یکی از انواع مختلفی از داستان‌های سنتی‌اند که در سنت‌های شفاهی سراسر جهان وجود دارند. یک از ویژگی‌های بارز این داستان‌ها اشاعه و انتقال شفاهی آن‌ها از نسلی به نسل دیگر است. بعضی از آن‌ها، هنگامی که در یک بستر فرهنگی اشاعه پیدا می‌کنند، وارد ادبیات مکتوب و یا از آن خارج می‌شوند. این داستان‌ها، که گاهی از آن‌ها با عنوان قصه‌های قومی یا عامیانه نیز یاد می‌شود، مفاهیمی فوق‌العاده تخیلی یا روایی دارند و معمولاً با تصور دروغ بودن یا باورناپذیر بودن همراه‌اند. اما، از دیدگاه متخصصان فرهنگ قومی، هر یک از این انواع، گونه‌ی خاصی از قصه‌های قومی را به نمایش می‌گذارند (مخبر، 1397: 22).

نتیجه گیری

ما در این مقاله به دلیل ضیق مجال به پاره‌ای از باورهای آئینی و خرافه‌ها بر پایهٔ داده‌های سفرنامه‌های عمدتاً روسی پرداختیم و نشان دادیم که گیلان علی‌رغم اینکه دروازه‌ای بزرگ و باشکوه به سوی تمدن‌های بزرگ غربی است. اما خالی از خلل نیست که بگوئیم که بیشترین

انواع خرافه و باورهای عتیق در میان مردم گیلان وجود دارد. و مردم با آنها زندگی می‌کنند و این آئین‌ها و خرافه‌ها نه یک امری معطل انتزاعی برای آنها، بلکه فرا نمود مستقیم موضوع خود است که مردم با آنها همدمی و سازگاری عمیق در جهت پیشبرد موقعیت‌های مادی و معنوی زندگی‌شان، دارند. بسیاری از آگاهی ما دربارهٔ موضوعات آئینی و مجموعهٔ باورها و خرافه‌ها از طریق متون سفرنامه‌ای که توسط سیاحان اروپایی جمع آوری و تالیف شده ، به دست ما رسیده است، گرچه معبرها و بسترهای متفاوتی برای انتقال دانش، آگاهی، آثار علمی، باورها و اعتقادات و آئین‌ها و خرافه‌ها وجود دارد، اما شاید یکی از بهترین منابع سفرنامه است، گرچه گاهی مواقع و باره‌ای از موارد، نظر سفرنامه نویسان علمی سنت و با غرض و شاییه‌های اخلاقی و سیاسی و نژادی در هم آمیخته، اما در عین حال این سفرنامه‌ها منبعی تقریباً ممتع و درخور برای مردم شناسان و مورخان است.

فهرست منابع

1 - اصلاح عربانی، ابراهیم(1384). کتاب گیلان، چ 3، ج3، تهران: انتشارات گروه پژوهشگران ایران.

2 - بشرا، محمد و طاهر طاهری(1388). جشن‌ها و آیین‌های مردم گیلان (آیین نوروز)، رشت: فرهنگ ایلیا.

3 - پاکدامن، محمدحسن(1378). جامعه در قبال خرافات، چ 1، مشهد: مرندیز

4 - پورداود، ابراهیم(1347).یشت‌ها، ج2،چ2،تهران: طهوری.

5 - خودزکو، الکساندر(1388)، سرزمین گیلان، مترجم سیروس سهامی، چ 2، رشت: فرهنگ ایلیا

6 - دماوندی، مجتبی(1388). جادو در اقوام، ادیان و بازتاب آن در ادب فارسی،چ 1، سمنان: انتشارات دانشگاه سمنان.

7 - رابینو، ه.ل(1386). ولایات دارالمرز ایران و گیلان، مترجم جعفر خمامی‌زاده، چ 5، رشت: طاعتی.

8 - رابینو، ه.ل(1350). تاریخ گیلان، مترجم جعفر خمامی‌زاده، تهران: بنیاد فرهنگی ایران

9 - ژوبر، پ، آمده(1350). مسافرت در ارمنستان و ایران،مترجم علیقلی اعتماد مقدّم، تهران: بنیاد فرهنگ ایران.

10 - سرنا، کارلا(1362). آدم‌ها و آیین‌ها در ایران، مترجم علی اصغر سعیدی، تهران: کتابفروشی زوّار.

11 - عاشوری، امیرقلی(1385)، افسانه‌های عامیانهٔ ماسال و طبقه بندی ساختاری آن، صومعه سرا: توکّل

12 - غلامی کفترودی،قاسم(1379).آئینهٔ پیربازار، رشت: مؤلّف.

13 - فاخته، قربان(1387). نگاهی به گیلان زمین،چ2،تهران: لوح زریّن.

14 - فضائی، یوسف(2536 شمسی).بنیانهای اجتماعی دین، چ1، شاهرضا: چاپار.

15 - فریزر، جیمز جُرج(1398).شاخه‌ی زرین پژوهشی در جادو و دین، مترجم کاظم فیروزمند،چ 12، تهران: مؤسسهٔ انتشارات آگاه.

16 - ماسه، هانری(2535 شمسی). معتقدات و آداب ایرانی، مترجم مهدی روشن ضمیر، ج 1،تبریز: مؤسسهٔ تاریخ و فرهنگ ایران.

17 - مکنزی، چارلز فرانسیس(1359). سفرنامه شمال، مترجم منصوره اتّحادیه (نظام مافی)، تهران: گسترده.
18 - موسوی بجنوردی، کاظم(1388). دائرۀالمعارف بزرگ اسلامی، ج13، تهران: مرکز دایرۀالمعارف بزرگ اسلامی.
19 - موسوی بجنوردی، کاظم(1393). دانشنامۀ فرهنگ مردم ایران، ج1،چ2، تهران: مرکز دائرۀالمعارف بزرگ اسلامی.
20 - میرمیران، سید مجتبی، آلاله عابدی(1394). آیین‌ها و نمادهای تشرف در فرهنگ ترکمن و گالش، رشت: دهسرا.
21- ملکونوف،عبدالصمد، عزالدوله(1363). سفرنامه ایران و روسیه: نواحی شمال ایران، مترجم محمد گلبن و فرامرز طالبی، تهران: دنیای کتاب.
22 - مخبر، عباس(1397). مبانی اسطوره شناسی، چ 3، تهران: مرکز.
23- نیکیتین، بازیل(1356).خاطرات و سفرنامۀ موسیوب نیکتین، مترجم علی محمد فره وشی، چ2،تهران: کانون معرفت.
24 - وارنر، الیزابت(1385). اسطوره‌های روسی، مترجم عباس مخبر، تهران: مرکز.
25 - هدایت، صادق(1312). نیرنگستان، چ 1 ، تهران: جاویدان.

УДК 811

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКА

С.С. Ситимова,
Адыгейский республиканский институт
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева,
Майкоп

В целях выявления особенностей грамматического строя адыгейского языка рассматриваются синтаксические и морфологические особенности диалектов адыгейского языка, вопросы соотношения диалектов; описывается грамматическая система адыгейского языка. Актуальность обусловлена наличием в адыгейском языке комплекса нерешенных вопросов, связанных с сущностью и грамматическим строем адыгейского языка. Использованы традиционные лингвистические методы исследования: описательный, сравнительный, структурно-семантический, а также такие исследовательские приемы, как наблюдение и обобщение.

Ключевые слова: *грамматический строй, наречие, морфологическая структура, морфемный состав, глагол-сказуемое, грамматические категории, преверб направления, абазинский язык, восточные диалекты, грамматическая система.*

In order to identify the peculiarities of the grammatical structure of the Adyghe language, the syntactic and morphological features of the dialects of the Adyghe language, questions of the correlation of dialects are considered; The grammar system of the Adyghe language is described. The relevance is due to the presence in the Adyghe language of a complex of unresolved issues related to the essence and grammatical structure of the Adyghe language. Traditional linguistic research methods are used: descriptive, comparative, structural-semantic, as well as such research techniques as observation and generalization.

Keywords: *grammatical system, adverb, morphological structure, morphemic composition, verb-predicate, grammatical categories, preverbs, Abazin language, eastern dialects, grammatical system*.

В грамматическом строе адыгейского языка ведущее место занимает морфология. Морфологическая структура слова адыгейского языка весьма своеобразна. Слово, кроме того, что имеет лексическое значение, по своему морфемному составу и выражаемой им совокупности грамматических значений может быть равно целому предложению. В адыгейском языке глагол-сказуемое, например, *къысфыздэпщагъэп* «Ты мне не привез его с собой» состоит из нескольких морфем *(къы-с-фы-з-дэ-п-ща-гъ-эп)*, означающих *къы* «оттуда» *с* «мне» *фы* «для меня» *з* «с собой» *дэ* «вместе (с собой)» *п* «ты» *ща* «вести» *гъ* «показатель прошедшего времени», *эп* «не – показатель отрицания». Есть и четырехличные глаголы в адыгейском языке, например: *къ-а-ды-р-и-ты-гъ* «Он вместе с ним отдал ему то».

Исторические изменения происходят во всех сторонах грамматического строя адыгейского языка. В частности, на протяжении истории наблюдается возникновение новых грамматических категорий. Например, в обогащении лексической синонимии адыгейского языка играют важную роль превербы. Семантически наиболее компактны превербы напраления къэ- (къэ-//къы-//къи-//къа-), нэ- (нэ-//не-), которые семантически симметричны «сюда» (к говорящему) – «туда» (к собеседнику). Приведем примеры: *къа-кIо садэжь* – «приходи ко мне»; *къэ-кIуагъэх хьакIэхэр* – «приехали гости»; *нэ-гъэс кIалэр* – «довези (туда) парня».

Исследования показывают, что система превербов адыгейского литературного языка и диалектов адыгейского языка в основном одна и та же, однако, есть некоторые расхождения между диалектами. В изъявительном наклонении непереходных глаголов преверб *къэ-* употребляется в чемгуйском диалекте адыгейского языка. Однако в пове-

лительном наклонении он представлен с гласным, *а -къа-*. В бжедугском же диалекте в обеих формах функционирует один фонетический вариант *къа-* в связи с чем, возникают омоформы, хотя в настоящем времени произносится долгий гласный: бжед. д. *къа-кIо*, адыг. лит. яз. и чем. д. *къэ-кIо* «идет сюда»; бжед. д. *къа-кIо!* адыг. лит. яз., чем. д., *къа-кIо!* «иди сюда!»; бжед. д. *къа-чъэ,* адыг. лит. яз., чем., *къэ-чъэ* «бежит сюда».

Однако факты языка показывают, что преверб направления *нэ-* в языке был весьма распространенным префиксом словообразования.

В современном кабардино-черкесском языке преверб направления *нэ-* (с тем же значением, что и в адыгейском) является относительно продуктивным префиксом глагольного словообразования: *нэплъэн* – «смотреть туда/куда-нибудь», *нэ-к1он* «идти туда/куда-нибудь»; *нэ-джысын* – «добежать туда»; *нэ-пщысын* – «доползти туда»[1].

В современном адыгейском языке преверб направления *нэ-* «отсюда туда» является еще менее продуктивным, чем в современном кабардино-черкесском языке. В адыгейском языке преверб направления *нэ* употребляется лишь с несколькими глаголами, обозначающими движение: *нэ-сын* – «добраться до какого-л. места», *нэ-гъэ-сын* – «доставить кого/чего-н. куда-то», *а-ды-нэ-сын* – «добираться до определенного места с кем-л.».

В абазинском языке, как в адыгейском и кабардино-черкесском языках также выступает два преверба, где по словам А. Генко, префикс гIа- указывает на общее направление движения в сторону говорящего, а противоположный ему по значению префикс *на-* выражает движение по направлению от говорящего. Примеры: *гIа + йра* «приходить (собств. двигаться сюда»); *гIа + гра* «нести сюда»; на + *йра* «уходить (собств. двигаться туда»); на + *гра* «нести туда» [2].

Наречия в адыгейском языке часто образуются путем удвоения основ, прежде всего качественных прилагательных и имен существительных. При повторении наречное оформление получает только второй член комплекса: *дэхэ-дахэу* «как следует» (*дахэу* «красиво» от *дахэ* «красивый»); *псынкIэ-псынкIэу* «живо» *(псынкIэу* «быстро» от *псынкIэ* «быстрый, скорый»); *рэхьат-рэхьатэу* «спокойно, размеренно» и др.

Наречия в адыгейском языке выражают не только место, где происходит действие, но также указывают на направление действия. В зависимости от содержания предложения и семантики глагола большинство наречий данной группы могут употребляться в обоих значе-

ниях. Как правило, наречия места, употребленные с глаголами движения, приобретают семантику направления [3].

Как выше сказано, в грамматическом строе адыгейского языка занимает определенное место и синтаксическая структура.

Во всех работах, посвященных исследованию адыгских языков, отмечается, что в именительном падеже определенного склонения единственного и множественного чисел обязательно должен быть представлен падежный формант *-р.*

Наши наблюдения над живой разговорной речью показывают, что в бжедугском и шапсугском диалектах именительный падеж единственного и множественного чисел может функционировать без падежного форманта *-р.* Вероятно, это состояние носило общеадыгский характер, являлось особенностью устной речи и показателем того периода, когда именительный и эргативный падежи не были дифференцированы. В адыгейском же литературном языке и восточных диалектах флексия *-р* реализуется более последовательно: зап. д. *тхылъ-э́-(р),* вост. д., адыг. лит. яз. *тхылъ-ы-р* «книга»; зап. д. *тхылъ-ы-м,* вост. д., адыг.лит. яз. *тхылъ-ы-м* «книга».

Адыг. лит. яз., чем. д.: КIэлэцIыкIухэм тхылъхэр ящыкIэгъэщтых.

Бжед. д.: КIэлэцIыкIумэ тхылъхэ́ (р) ящыкIэгъэтых.

«Детям нужны будут книги»

Неопределенные формы имен в бжедугском диалекте легко отличить от определенных интонацией и ударением в слове: неопр. ф. бжед. д.: КIа́лэ къагъэк1уагъ. *адыг. лит. яз.:* КIалэ къагъэкIуагъ; «Парня прислали»; *опр. ф. бжед. д.:* КIалэ́ (р) къэкIожьыгъа? *адыг. литер. яз.:* КIалэр къэкIожьыгъа? *«Парень приехал?». Не трудно заметить, что синтаксическая структура западных диалектов адыгейского языка отличается от восточных диалектов и адыгейского литературного языка.*

Опред.ф. им.п. *бжед. д.*: Шъынэ́ (р) къагъотһыжъыгъ.

адыг. лит. яз., чем. д.: Шъынэр къагъотыжьыгъ. «Нашли ягненка».

Если в литературном языке и в восточных диалектах во множественном числе имена в именительном и эргативном падежах без флексий *-р* и *-м* не употребляются, то в бжедугском диалекте во множественном числе имена в именительном падеже могут быть использованы без -р.

В этом случае функцию флексии *-р* выполняет конечный ударный гласный: чем. д., адыг. лит. яз. им. п.: *КIалэхэр къэкIожьыгъэх.* «Приехали ребята». бжед. д. *КIалэ-хэ́ къэкIожьыгъэх*.

В отличие от восточных диалектов и адыгейского литературного языка последнее слово подчинительного словосочетания в эргативном падеже в бжедугском диалекте снабжается падежным окончанием *-ы:*

общеад. *КIэлэцIыкIум* (эрг. п. опр. скл.) *къыхъыгъ апэрэ чIыпIэр.* «Ребенок занял первое место».

зап.д. *Бислъанэ икIэлэцIыкIу-ы́ къыхьыгъ апэрэ чIыпIэр.*

вост. д., адыг. лит. яз. *Бислъан икIэлэцIы́кIу къыхьыгъ апэрэ чIыпIэр.*

«Ребенок Бислана занял первое место».

Глубокое изучение некоторых расхождений грамматического строя адыгейского языка, наблюдаемых в разных диалектах, имеет большое значение для дальнейшего исследования грамматических конструкций в адыгейском языке.

Литература:

1. Генко А.Н. Абазинский язык. М., Изд-во АН СССР, 1955. С. 170.

2. Рашидова А.Г., Бижитуева М.П. Наречия с пространственным значением в английском языке в сопоставлении с лакским и русским языками // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 20I8. Вып.2 (2I7). С. 94 – 97.

3. Шарданов А.К. Формально-семантическая характеристика превербов кабардино-черкесского языка//Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983. С.72 – 77.

УДК 811.111-26

ВОПРОСЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯПОНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ю.В. Ставропольский
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г.Саратов

В статье обсуждаются вопросы исследования японского варианта английского языка. Исследователи, занимающиеся проблематикой английского языка применительно к Японии, составляют глоссарий заимствованных слов и лексических модификаций, собирают разрозненные случаи отклонений от языковой нормы, характеризующие японский вариант английского языка.

Ключевые слова: *стандартного варианта английского языка, японского варианта английского языка*

The article discusses the study of the Japanese version of The English language. Researchers dealing with English in Japan compile a glossary of borrowed words and lexical modifications, collect disparate cases of deviations from the language norm, characterizing the Japanese version English.

Keywords: *standard English, Japanese English*

Уверенность в том, что понятие стандартного варианта английского языка лишено филологической ценности, привело к изобильному распространению таких терминов, как индийский, сингапурский, филиппинский, нигерийский и прочие варианты английского языка, недвусмысленно претендующие на то, чтобы встать вровень с британским, американским и австралийским вариантами английского языка. Среди лингвистов, антропологов, социологов, психологов и обычных людей в Японии и за её пределами циркулирует выражение японский вариант английского языка.

С антрополого-лингвистической точки зрения, под японским вариантом английского языка понимается его созданная в Японии разновидность, используемая японцами, без оглядки на то, в какой степени их могут понимать исконные носители английского языка. Иными словами, японцы не заботятся о том, чтобы соответствовать английской языковой норме. В принципе, речь идёт о том, что в Японии английский язык превратился в японский.

Исследователи, занимающиеся проблематикой английского языка применительно к Японии, озабочены прежде всего составлением глоссариев заимствованных слов и лексических модификаций, собиранием разрозненных случаев отклонений от языковой нормы, которые преподносятся в качестве особенностей, характеризующих японский вариант английского языка. Следует принимать во внимание, что Япония – страна, где английскому языку учатся в общеобразовательных заведениях, значит, преподаватель английского языка обязан знать, какому варианту английского языка он обучает, и по каким учебникам. Нацеленность исследователей на разрозненные случаи нарушения языковой нормы не предоставляет преподавателю английского языка в общеобразовательных заведениях Японии полной картины того, чем руководствоваться в учебной аудитории, а теоретической и дескриптивной лингвистике не доставляет материала для наблюдения и анализа.

Отвлечёмся от проблем подтверждения либо фальсификации теоретических посылок и конструкций, образующих центральный тренд научных изысканий в рассматриваемой области. Вместо этого, займёмся описательной грамматикой общеобразовательных аспектов письменного английского языка в Японии. Мы обнаружим, что, помимо диапазона грамматических форм письменного английского языка, считающихся ошибками среди образованных японцев, существуют такие обстоятельства, при которых о стандартном варианте английского языка забывают, и весьма нередко употребляют неправильные грамматические формы.

Обратимся к структуре глагольной фразы в японском варианте английского языка. Ни одна дискуссия по поводу исконных и чуждых, правильных и ошибочных грамматических форм английского языка не проходит мимо таких глагольных грамматических категорий, как время, залог и модальность. Когда имеется в виду неправильная грамматическая форма, то приводят такие примеры, как I have seen her yesterday, употребляемые исключительно иностранцами, либо ain’t, форму, употребляемую большинством британцев и американцев, но относимую к грамматически неправильным либо к субстандартным. Следует остановиться на том обстоятельстве, что грамматическая форма I have seen her yesterday мало того, что ошибочна в грамматическом отношении, но позволяет отличить носителя английского языка от иностранца, ибо для подавляющего большинства образованных носителей английского языка данная грамматическая форма категорически неприемлема. Данная форма представляет собой

наиболее распространённую грамматическую ошибку, которую можно отнести на счёт интерференции со стороны родного языка.

Сегодня филологическое понятие стандартного варианта английского языка пытаются сочетать с набирающим популярность теоретическим понятием стандартного неисконного варианта английского языка, сквозь призму которого рассматриваются характерные грамматические формы японского варианта английского языка в конкретных синтаксических и семантических контекстах. Данный подход представляет исследовательский интерес постольку, поскольку он помогает обнаруживать отклонения от языковой нормы. Преподаватель английского языка знает, как правильно, а авторы учебников знают, на что следует обратить внимание. Представители теоретической лингвистики, приверженные идее о существовании неисконных, но стандартных вариантов английского языка, не лезут в карман за доказательствами собственной правоты. Грамматические вариации взрослых людей, не являющихся исконными носителями языка, лингвисты-теоретики всегда объяснят с точки зрения идеи об окаменении грамматики.

Анализ публикаций в крупнейших англоязычных японских ежедневных газетах Asahi Evening News, Japan Times, Mainichi Daily News и The Daily Yomiuri, анализ публикаций японской университетской профессуры на английском языке, анализ правительственных релизов создают корпус письменного английского языка образованных японцев. Англоязычные газеты в Японии традиционно обладают узким кругом подписчиков, тем не менее, подписчики англоязычных газет в Японии – это читатели, свободно владеющие английским языком, на уровне, близком к уровню исконных носителей английского языка. Можно сказать, что англоязычные газеты в Японии задают планку качества остальным англоязычным публикациям. Грамматику в публикациях в этих газетах выверяют коренные носители английского языка, которые трудятся на полную ставку.

Безусловно, современная газетная журналистика отличается собственной характерной спецификой, и, бывает, не следует общепринятым грамматическим нормам. Всё же газетная публикация даёт наиболее авторитетный образец языковой грамматической нормы и служит наиболее авторитетным источником языкового употребления.

Литература:

1. Anderwald L. Negation in Non-Standard British English Gaps, Regularizations and Asymmetrie. New York: Routledge, 2016. 248 p.

2. Brady J. Dialect, power and politics: standard English and adolescent identities // Literacy, 2015. Vol. 49. Issue 3. P. 149 – 157.

3. Hopper V. F., Ehrenhaft Ed. D. G. English Verbs: And a Review of Standard English Usage. New York: Barrons Educational Series, 2012. 384 p.

4. Milroy J., Milroy L. Authority in Language. Investigating Standard English. New York: Routledge, 2012. 208 p.

5. Rowles J. H., Sharpe E. How to Do Standard English Accents. London: Oberon Books, 2012. 288 p.

6. Yano Y. English as an International Language and 'Japanese English' // English in Japan in the Era of Globalization. London: Palgrave Macmillan, 2011. P. 125 – 142.

УДК 811.512.144

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКОЛОГИИ И ТУВИНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ю. В. Ставропольский,
С. И. Трунёв
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г.Саратов

В статье обсуждается роль тувинского языка в послевоенное время. Переход на славянский алфавит имел положительное значение и позволил тувинцам легче адаптироваться к русскому языку. Родственный тувинскому языку тубаларский язык уже перестал существовать, ибо тубалары сегодня говорят не на родном языке, а либо на русском, либо на северно-алтайском (кумандинско-челканском) языке. На цаатанском, который тоже относиться к саянской ветви тюркских языков, сегодня говорят примерно 500 человек Монголии.

Ключевые слова: *история тувинского языка, тюркское население, родной язык, русский язык*

The article discusses the role of the Tuvin language in the post-war period. The transition to the Slavic alphabet had a positive meaning and allowed the Tuvinians to adapt more easily to the Russian language. The Tubalar language, which is related to the Tuban language, has ceased to exist, for tubalars today do not speak their native language, but either Russian or North Altai (Kumandin-Chelkan) language. About 500 people of Mongolia

speak Tsaatan, which also belongs to the Sayan branch of Turkic languages.

Keywords: *the history of the Tuvin language, the Turkic population, native language, Russian*

Завершение доисторического периода в Сибири знаменуется приходом в Сибирь русских. В XVII веке русские пришли в Тувинскую котловину. Тем не менее, история тувинского народа берёт своё начало значительно раньше. Тюркское население обитало в Сибири с II века до н. э., а возможно ранее. Тувинцы расселились в Сибири в составе тюркского населения, занявшись кочевым скотоводством в Тувинской котловине.

В XIII в. н. э. в алтайско-саянский регион вторглись монголы. Монгольское, а в дальнейшем китайское правление сильно отразилось на тувинцах, ибо на их землях оказалась создана аграрная колония, а население обращено в тибетский буддизм. Когда в Китае прекратилась монгольская династия, на тувинской окраине китайской империи власть захватили старейшины из западной Монголии, правившие на этих землях до первой половины XVIII века.

Во второй половине XVI века русские стали отправляться в путь на Восток. Когда русские добрались до Тувинской котловины, монголы уже правили здесь на протяжении четырёх столетий. Однако, монголы были ослаблены новой маньчжурской династией, правившей Китаем, которая вторглась в восточную Монголию. Вся Монголия покорилась воле Китая. Видя бедственное положение монголов, государь всея Руси заключил с монголами соглашение, по которому русским дозволялось торговать в Монголии. Монголам, в свой черёд, дозволялось торговать в Сибири. В итоге образовался оживлённый транзит через Тувинскую котловину, поскольку она располагается на пути в крупные русские города Томск и Красноярск.

В 1630-х гг. русские казаки добрались до западной Монголии, и, соответственно, до тувинской территории. В последней четверти XIX века около 200 тыс. русских переселились на Алтай. В 1890е гг. через эту территорию пролегла транссибирская железная дорога. Плотность русского населения в алтайском регионе стала одной из наибольших в России. При этом тувинская территория формально оставалась под властью китайского императора, но фактически представляла собой спорную территорию между Россией и Китаем.

Поскольку ни одна из сторон не желала открытой конфронтации, Тувинская котловина оставалась предоставленной самой себе. При

этом коренное население обязано было платить налоги и русским, и китайцам, что нисколько не облегчало ему жизнь. Стремясь уйти от двойного налогообложения, некоторые тувинские кланы перебирались через горные хребты. Кто-то из них примкнул к тубаларам на западных склонах Алтайских гор, кто-то примкнул к сойотам в Бурятии, кто-то преодолел Саяны и отправился в Россию. В Иркутской губернии России их стали называть тофаларами. Однако, радушного гостеприимства они не нашли нигде.

При Советской власти 90% тофаларов стали оседлыми и вступили в колхозы, позабыв свою прежнюю кочевую жизнь. Тувинская котловина по-прежнему формально оставалась частью Китая. В 1925 году на её территории при поддержке СССР была провозглашена Народная Республика Танну-Тува. В 1930 году разработана тувинская письменность на основе латинского алфавита. Тувинский язык стал официальным в республике вместо монгольского языка. Поскольку республика имела статус независимой, сталинские политические репрессии её обошли стороной. К концу Великой Отечественной войны, вопреки всем попыткам насильственной коллективизации, лишь 6,5% населения Народной Республики Танну-Тува состояли в колхозах, тогда как 88% коренного населения республики продолжали вести кочевой образ жизни. Кочевники резали скот и отказывались сдавать его в колхозы. Поголовная коллективизация в Туве была достигнута лишь в 1955 году.

После Великой Отечественной войны, тувинский язык был переведён на славянский алфавит. Переход на славянский алфавит имел положительное значение, ибо позволил тувинцам легче адаптироваться к русскому языку. В 1949 году 90% тувинцев были грамотными. Сохранить родной язык тувинцам помогает компактное расселение в регионе. В 1989 году лишь 16% тувинцев проживали в городах, при этом 99% владели родным языком.

При Советской власти город Кызыл с внешним миром соединялся всего одной автомобильной дорогой. Изоляция от остального мира благоприятствовала сохранению самобытной культуры и родного языка. Напротив, тубалары забыли родной язык и стали говорить на северно-алтайском (кумандинско-челканском) языке. Тофалары сумели сохранить родной язык, однако, дальнейшее существование тофаларского языка под большим вопросом вследствие крайней малочисленности тофаларского народа.

Сойоты и цаатаны (духá) не принадлежат к исконным обитателям Тувинской котловины. Примерно 400 – 450 лет тому назад сойоты,

гонимые китайцами, вынужденно мигрировали из Монголии с берегов озера Хубсугул (Хувсгел-Нуур) в Бурятию. На новом месте сойоты бросили оленеводство и ассимилировались с бурятами. Подобно тувинцам, тубаларам и тофаларам, сойоты в 1930х гг. стали осёдлыми, однако, переход к полной осёдлости растянулся до 1960х гг. К началу 1990х гг. сойотов осталось на белом свете не более пятисот человек.

Цаатаны (духá) остались на озере Хубсугул (Хувсгел-Нуур), продолжая кочевать к западу от озера в Саянских горах. В 1921 году была проведена демаркация границы между Монголией и СССР, разделившая цаатанов. Часть цаатанов остались в Тувинской котловине, а друга часть – в Монголии. Монгольское правительство неоднократно пыталось переселить всех цаатанов в СССР, однако, уклоняясь от призыва в Красную Армию в годы Великой Отечественной войны, они бежали в Монголию, где их ловили и возвращали в Советский Союз. В 1956 году цаатанам было предоставлено монгольское гражданство, их перестали выдворять в СССР. Однако, гражданство Монгольской Народной Республики означало необходимость жить по социалистическим законам и придерживаться социалистической идеологии. Пришлось отказаться от своих кочевых традиций и вступить в колхозы. В 1990е гг. большинство колхозов были распущены, и цаатаны вернулись к прежней кочевой жизни.

Тувинцы и тофалары принадлежат к саянской ветви тюркских языков. Тувинский язык – один из немногих национальных языков в России, не находящийся под угрозой вымирания. По данным всероссийской переписи 2010 года, тувинцев в России 283400 человек, из них 261912 (92%) называют тувинский язык своим родным языком. Наблюдается тенденция сокращения доли тувинцев, владеющих русским языком. Газеты и передачи в регионе выходят на тувинском языке. Разговорное общение также осуществляется на тувинском языке. Этот процесс никогда не прерывался. В далёком 1970 году 99% тувинского населения свободно владели родным языком.

Тофаларский язык является умирающим. Тофаларская этническая группа в 2002 году насчитывала 114 человек. По данным всероссийской переписи 2010 года, лишь для 25 тофалар тофаларский язык является родным. Всего на тофаларском языке на белом свете говорят не более 40 человек.

Родственный тувинскому языку тубаларский язык уже перестал существовать, ибо тубалары сегодня говорят не на родном языке, а либо на русском, либо на северно-алтайском (кумандинско-

челканском) языке. На цаатанском, который тоже относиться к саянской ветви тюркских языков, сегодня говорят примерно 500 человек в районе озера Хубсугул (Хувсгел-Нуур) в Монголии. Всего полвека тому назад цаатаны не знали монгольского языка. Сегодня для этого народа монгольский язык стал родным, а цаатанский язык умирает. Сойотский язык, также представляющий саянскую ветвь тюркских языков, вымер в период между 1970 и 2000 гг. Сегодняшние сойоты представляют собой этническое меньшинство, активно радеющее о возрождении родного языка, который с 2005 года преподаётся в младших классах общеобразовательных школ региона. По данным всероссийской переписи 2010 года, на сойотском языке в мире говорят два человека. Для сойотского и цаатанского языков не предусмотрено кодов ISO в базе данных «Этнолог: Языки мира». В 2012 году SIL International отказала цаатансокму языку в просьбе о предоставлении кода ISO.

Литература:

1. Khabtagaeva B. Language Contact in Siberia: Turkic, Mongolic, and Tungusic Loanwords in Yeniseian. Leiden-Boston: Brill, 2019. 404 p.

2. Purzycki B. G. The Evolution of Gods' Minds in the Tyva Republic // Current Anthropology, 2016. No. 57 (13). P. 88 – 104.

3. Бичелдей К. А. Поговорим по-тувински. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2012. 168 с.

4. Монгуш Д. А. Е. И. Убрятова, В. М. Наделяев и тувинская филология // Новые исследования Тувы, 2012. № 2. С. 54 – 60.

5. Саая О. М. Особенности реализации фарингализованных гласных тувинского языка в речи тувинцев Цагаан-Нуура // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2017. № 2 (16). С. 25 – 31.

6. Саая С. В. Вопрос о государственных границах Тувинской Народной Республики в 1921-1944 гг. // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки, 2016. № 1. С. 114 – 125.

7. Серээдар Н. Ч. Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы, 2018. № 1. С. 4 – 19.

УДК 811.512.144

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА В ТВОРЧЕСТВЕ АХМЕДА ДЖАЧАЕВА (ПО ПОЭМЕ «РОДНОЙ ЯЗЫК – ЗОЛОТАЯ КАЗНА»)

А. М. Султанмурадов
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

В статье анализируется творчество кумыкского поэта Ахмед Джачаев. Создавая в течение более пятидесяти лет высокохудожественные произведения, издавая на кумыкском и русском языках различные стихотворные сборники, поэт сумел занять одно из ведущих мест в первых рядах кумыкской и всей дагестанской поэзии, заслужить любовь и почитание многочисленной читательской аудитории. Среди множества проблем, волнующих кумыкского поэта, особо выделяется проблема сохранения родного языка.

Ключевые слова: *кумыкская литературa, поэт, дагестанская поэзия, стихотворения*

The article analyzes the work of Kumyk poet Ahmed Dzhachayev. Creating for more than fifty years high-art works, publishing in Kumyk and Russian languages various poetry collections, the poet managed to take one of the leading places in the forefront of Kumyk and all Dagestan poetry, to earn love and honoring a large readership. Among the many problems of concern to the Kumik poet, the problem of preserving the native language is highlighted.

Keywords: *Kumyk literature, poet, Dagestan poetry, poems*

Народный поэт Дагестана Ахмед Джачаев – один из ярких представителей современной кумыкской, всей дагестанской литературы. Создавая в течение более пятидесяти лет высокохудожественные произведения, издавая на кумыкском и русском языках различные стихотворные сборники, поэт сумел занять одно из ведущих мест в первых рядах кумыкской и всей дагестанской поэзии, заслужить любовь и почитание многочисленной читательской аудитории.

Среди множества проблем, волнующих кумыкского поэта, особо выделяется проблема сохранения родного языка. Наиболее остро данная проблема стоит в проникновенно написанных его стихотворениях

«Я кумык» («Мен къумукъман»), «Родной язык» («Ана тил»), поэме «Родной язык – золотая казна» («Ана тил – алтын хазна») и др.

Поэма «Родной язык – золотая казна» – довольно объемное произведение, она состоит из 20 частей, 340 четверостиший, написана богатым, сочным, художественным языком поэма читается на одном дыхании. Прекрасно осознающий всю сложность и важность стоящей проблемы автор, избегая общих фраз, прямых наставлений, урапатриотических призывов, неторопливо ищет пути художественного ее решения.

Размышляя о современном состоянии родного языка, А. Джачаев показывает, какая угроза нависла над языками малочисленных народов, к числу которых относится и его народ. Как известно, в эпоху глобализации, в век господства телевидения, интернета и других информационных технологий в мире усиливается роль только так называемых мировых языков, особенно английского, роль же языков малочисленных народов стремительно падает. В своем произведении автор об этом говорит, используя оригинальное сравнение: английский язык сравнивается с китом, поглощающим языки малочисленных народов. Но все же главную угрозу своему языку А. Джачаев не склонен видеть извне. Он убежден, что эта угроза, прежде всего, таится в каждом носителе языка, в каждом представителе народа. Поэтому автор призывает каждого кумыка беречь родной язык, знать цену ему.

Поэту не дает покоя тот факт, что среди его родного народа и есть такие, которые с пренебрежением относятся к своему языку, нигилистически настроены, и об этом он пишет с великой болью в душе. По его глубокому убеждению, такие люди, способные сегодня предавать свой язык, с таким же успехом «предадут своих матерей» (*«ана-сын да сатмаслардан тюгюллер»*). В другом же случае предающих родной язык автор сравнивает с теми, кто предает свою веру. Не случайно он проводит такую параллель между языком и верой, ибо предать веру во все времена считалось самым постыдным, самым позорным поступком.

Трудно найти в истории кумыкской литературы второго такого писателя, который бы посвятил матери так много произведений, написал такие проникновенные, задушевные произведения, как А. Джачаев. В поэме «Родной язык – золотая казна» поэт настолько превозносит важность проблемы языка, что отвернувшихся от родного языка ставит в один ряд с теми, кто отвернулся от своих матерей. Кумыки, как и некоторые другие народы, родной язык называют «мате-

ринским». Несложно понимать смысл сочетания, образующегося из этих двух слов, ибо человек начинает постигать язык через свою мать, любовь к родному языку у него пробуждается в первую очередь под влиянием матери. То, что в поэме очень много строк, посвященных матери, пожалуй, объясняется именно этим обстоятельством.

Родной язык в поэме сравнивается с золотой казной. Заметим, что такое сравнение зафиксировано и в заглавии поэмы. В одном из четверостиший А. Джачаев напоминает, что родной язык не нуждается в людях, наоборот, люди нуждаются в нем. Таким образом, он будто бы призывает людей опомниться, жить, не забывая о значимости той «казны».

В поэме автором использовано множество оригинальных изобразительно-выразительных средств. Так, обращает на себя внимание, как поэт, используя прием олицетворения, относится к родному языку, как к живому существу, самому близкому, дорогому для себя человеку. И в тяжелые дни одиночества в родном языке он всегда находил верного товарища, надежную опору. В другом же месте произведения А. Джачаев, используя художественный прием аллегории, выражает готовность выставить щитом свою горячую грудь против направленного на его родной язык ружья. Нельзя не отметить частое обращение автором к аллитерациям, ассонансам, придающим тексту благозвучие, особую тональность, выразительность.

В поэме упоминаются имена нескольких кумыкских писателей, которые сумели создать свои великолепные художественные шедевры благодаря именно богатству, красоте, многообразию кумыкского языка, а также ученых, которые внесли наибольший вклад в деле его изучения (Йырчи Казак, Абусуфьян Акаев, Аяу Акавов, Анвар Аджиев, Юсуп Джанмавов, Зайнал Бамматов, Бурган Бамматов и др.). В строках, посвященных этим мастерам слова, поэт отмечает ту роль, который сыграл каждый из них в деле овладения, изучения, пропаганды кумыкского языка, ставит их нам в пример. Поэт рассуждает не только о весьма богатом прошлом, но и о не очень радужном будущем кумыкского языка. Для решения проблемы, связанной с родным языком, он уже сегодня выступает конкретной инициативой – позаботиться о создании общетюркского языка. Именно в этом автор видит спасение для кумыкского языка в нашу эпоху глобализационных процессов. Справедливости ради следует отметить, что не А. Джачаев является автором данной идеи, она уже давно овладела умами многих передовых представителей тюркского сообщества: общественных деятелей, ученых, писателей, деятелей культуры. Поэт же только выска-

зывает свою твердую позицию в деле поддержки этой идеи. А. Джачаев своей поэмой «Родной язык – золотая казна» постарался достучаться до сердца каждого кумыка, душой болеющего за судьбу своего народа, за судьбу родного языка, попытался заставить их опомниться, сделать выводы, пока еще не поздно. В конце поэмы он с великой горечью и в запальчивости предостерегает каждого кумыка: «Если потеряем язык родной, данный матерью, / Возьмет да иссякнет казна золотая! *(Ана берген ана тилни тас этсек, / Ананг оьлгюр, алтын хазна дагъылар!).* И звучит это предостережение как заклинание, которому не сбыться.

УДК 82.091[801.731+821.411.21]

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (на основании комментариев Хатиба Табризи)

Н.М. Тагиева,
Институт литературы им. Низами Гянджеви,
Азербайджан

В творчестве азербайджанского ученого-теоретика и литературоведа XI века Хатиба Табризи (1030-1109 гг.) можно встретить извлечения из средневековых источников самого разного профиля. Будучи представителем неарабской интеллигенции стран Халифата, Хатиб Табризи в своем стремлении как можно лучше знать арабский язык, изучил большое количество рукописей и книг, прошел большую школу обучения у корифеев арабской филологической культуры. Все его гуманитарные познания проявились в его научных трудах и многочисленных комментариях древнеарабской поэзии. Несмотря на существование большого количества комментариев на поэтические произведения, заинтересованность общества в толкованиях Хатиба Табризи была огромной.

Ключевые слова: *Хатиб Табризи, древнеарабская поэзия, комментарий, интертекстуальный подход, метод*.

In the works of Azerbaijani theoretical scientist and literary specialist of the 11th century Khatib Tabrizi (1030-1109), you can find extracts from medieval sources of a very different profile. Being a representative of the non-Arab intelligentsia of the countries of the Caliphate, Khatib Tabrizi, in

his desire to know the Arabic language as best as possible, studied a large number of manuscripts and books, passed a great school of study from the leading scientists of the Arabic philological culture. All his humanitarian knowledge was manifested in his scientific works and numerous comments on ancient Arabic poetry. Despite the existence of a large number of comments on poetic works, the public interest in the interpretations of Khatib Tabrizi was enormous.

Key words: *Khatib Tabrizi, ancient Arabic poetry, comment, intertextual approach, method.*

Начиная с VII века с распространением Ислама и образованием Халифата, Восточная литература развивалась в тесной связи с арабским языком, как языком общемусульманской культуры и языком священного Ислама. Известно, что «арабская литература, как и арабская культура, вообще, обязана своим развитием не только арабам, но и представителям ряда других народов… арабский язык был языком классическим для многих народов Ближнего Востока» [Крачковский 1956, с. 569-570]. Литература на арабском языке является одной из составляющих классической азербайджанской литературы, арабоязычные азербайджанские авторы внесли в арабскую литературу собственные культурные ценности и традиции.

Выдающийся представитель азербайджанской культуры XI века, филолог и языковед – Хатиб Табризи (1030-1109), заложивший основы национальной литературной критики, снискал большой авторитет в деле комментирования поэтических произведений древнеарабской литературы, а также создания научных трудов в области языкознания и поэтики. Хатиб Табризи родился в городе Тебризе, где получил свое образование, для углубления своих знаний в области арабского языка он посетил множество стран, брал уроки у арабских ученых, среди которых были корифеи языкознания, но самую большую роль в формировании Хатиба Табризи, как ученого, сыграл его наставник Абуль-Аля аль-Маарри – великий поэт, глубокий мыслитель, преподавший ему весь комплекс гуманитарных наук. Годы, проведенные с Учителем, назначение Хатиба Табризи заведующим богатейшей библиотекой Багдада «ан-Низамийа», а также преподавательская деятельность в медресе сформировали в нем уникальную творческую личность. Обладание кругом светских знаний, куда входили адаб, поэзия, фольклор, история и предания, религия, философия, генеалогия арабских племен, риторика, этика, естественные науки, география, этнография, космология и т.д., – весь этот научный потенциал отчет-

ливо проявил себя в комментариях Хатиба Табризи, равно как и в его научных произведениях.

Известно, что великое множество трудов наиболее плодотворного периода в развитии арабской филологии, т.е. до X в., погибло, остались лишь имена авторов, названия сочинений и редкие ссылки на них. На этом фоне цитирования работ древних авторов, рассматриваемые нами, как интертекстуальные включения, имеют ценность при исследовании межлитературных взаимодействий, каковыми являются, в частности, комментарии азербайджанского ученого на поэтические произведения древнеарабских поэтов. Так, мы встречаем в трудах Хатиба Табризи выдержки из таких источников, как «Kitabul-‘ayn» («Книга айна»), анекдоты Абу Амра, «Забавные истории» Ибн-ал-Араби, «Al-qarib al-musannaf» («Автор чужеземец»), «Tazkiratu Abi Ali» («Поучения Абу Али»), «Axbaru-l-lusus» («Вести воров»), «Al-mu’talif va-l-muxtalif» («Различное и дружное»), «Al-qavafi» («Рифмы»), «Xulqu-l-insani» («Нравы человека») и др.

В эпоху Хатиба Табризи способ создания новых книг путем комментирования уже существующих пользовался большой популярностью. Одно и то же сочинение толковалось многократно, причем, на комментарий мог быть написан новый комментарий, который также мог быть прокомментирован [Очерки… 1982, с. 258], в результате чего создавался своеобразный метатекст, элементы и цепочку авторов которого мог определить только очень интеллектуальный ученый. Традиционные комментарии не могли в полной мере удовлетворить как самого Хатиба Табризи, так и его современников по самым различным причинам, основной из которых было недостаточное или чрезмерно раздутое объяснение текста без раскрытия смысла всего стихотворения. Сложность языка некоторых древних поэтов, использование ими вышедших из употребления слов, оборотов, художественно-выразительных средств усложняли задачу комментаторов, часто форма подачи материала была следующей: в пример приводился новый бейт, а чтобы разъяснить его, автор мог сослаться на еще один бейт и объяснять уже его, все больше отдаляя читателя от начальной темы и удлиняя текст комментария, что никак не способствовало раскрытию смысла поэтического отрывка.

Изучение комментаторского метода Хатиба Табризи выявило наличие определенных шагов в его трудах, благодаря которым достигалась главная цель комментария – раскрытие смысла, заложенного автором в произведение, вследствие чего метод получил название «универсального». Ученый уделял особое внимание средствам худо-

жественной выразительности, тематике, системе образов, используемых в касыдах. Рассмотрим подробнее составные части этого метода, в которых проявляются интертекстуальные элементы. Прежде всего, комментаторский метод ученого включал в себя обязательное знакомство со всеми существующими значительными комментариями на исследуемое произведение. Изучая работы предшествующих авторов, Хатиб Табризи выявлял их положительные и отрицательные стороны, соотносил цитируемый материал со смыслом стихотворения, показывая достоинства и недостатки поэтов, указывал факты заимствования, для большей наглядности в этих случаях он приводил бейты других авторов, сопоставляя их.

Что касается использования им таких источников, как труды грамматистов, филологов и пр., то здесь мы имеем дело с многочисленными цитатами и аллюзиями. Согласно своим принципам Хатиб Табризи, упоминая авторов цитируемых источников, приводил длинные иснады (ссылки), если считал это необходимым, хотя его наставник Абу-ль-Аля учил его не загромождать голову учеников лишней информацией и не отвлекаться от темы. Хатиб Табризи упоминал имена тех авторов, на которых он больше опирался в процессе работы. Приведем некоторые из них: аль-Халиль, аль-Фарра, аль-Фариси, аль-Мубаррад, Ибн Дурейд, ас-Сибавейхи, аль-Джавалиги, аль-Фараздак и др. В лингвистических вопросах Хатиб Табризи чаще опирался на Абу Убейда и аль-Асмаи, ссылаясь на них. В случае необходимости, Хатиб Табризи отмечал несогласие с ними и дополнял их высказывания согласно собственным убеждениям. Ученый осуществлял много вмешательств в цитируемые тексты, так, что прямая ссылка на авторов не оправдывала бы себя. Особенную пунктуальность Хатиб Табризи соблюдал при передаче стихов древних поэтов, указывал их полные имена, исправлял неточности предыдущих комментаторов в этих вопросах, демонстрируя уважительное отношение к авторству и бережное отношение к древней поэзии и источникам. Хатиб Табризи исходил из восприятия целостности произведения. Он вводил в комментарий дополнительные сообщения об авторах, интересные эпизоды из их жизни, рассказы о воинских и любовных подвигах, исторические картины и пр., что давало возможность читателю более полно усвоить поэтический текст, лучше понять замысел поэта, ведь, как правило, поэты черпали идеи для своих касыд из собственной жизни.

Труды Хатиба Табризи можно рассматривать как ресурс его самоидентификации: мыслитель использовал содержание произведения

для изложения собственных взглядов, делился с читателями своими мыслями, проявлял недоброжелательное отношение к некоторым теологическим установкам и общественному строю, показывал свое отношение к различным философским, религиозным течениям, «порой несколько произвольно включая философские, этико-эстетические и общественно-политические вопросы в ткань собственной трактовки исследуемых стихов, непосредственно не имеющих к философии отношения» [2]. Важную роль в достижениях ученого сыграла его тюркская логика мышления.

Таким образом, комментарии Хатиба Табризи, содержащие большое количество интертекстуальных включений, опережали традиционные труды подобного рода и помогали поднять на новый уровень комментаторское искусство: «…его комментарии в полном смысле слова – творческая научная работа, осмысление, оценка наследия того или иного автора…» [3].

Литература:

1. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.-Л., АН СССР, 1956, Т. II, 702 с.
2. Очерки истории арабской культуры V-XV вв: Материалы и исследования / Отв. ред. О.Г.Большаков. М.: Наука, 1982, 440 с.
3. История азербайджанской философии: Баку: Элм, 2002, Т.I, 360 с.
4. Азизова Ф.А. Литературное посредничество как система в арабском халифате: Баку: Элм, 2009, 304 с.

УДК 811.351.11

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАРАТИНСКОГО СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА

Р. Ш. Халидова
Дагестанский государственный
педагогический университет,
г. Махачкала

В данной статье исследуется сказочный дискурс каратинского языка, обобщается совокупность отражения национальной картины мира и менталитета носителей. Сказочная картина мира рассматривается как целостный образ мира, отраженный в языке сказки. Она яв-

ляется частью фольклорной картины мира и обладает чертами специфическими для сказочного жанра.

Ключевые слова: *дискурс, сказка, каратинский язык, экспралингвистический фактор, национальная картина*

This article explores the fabulous discourse of the Karate language, summarizes the totality of the reflection of the national picture of the world and the mentality of the carriers. The fairy-tale picture of the world is seen as a holistic image of the world, reflected in the language of fairy tales. It is part of the folklore picture of the world and has features specific to the fairy-tale genre.

Keywords: *discourse, fairy tale, Karate language, exralinguistic factor, national picture*

Сказочный дискурс помимо собственно текста, формируемого языковыми единицами, включает также совокупность факторов экстралингвистического характера, носящих ярко выраженный этнокультурный характер. Мировоззренческие установки, нравственно-этические и эстетические ориентации, помимо вербально-семантического, соответствуют также лингвокогнитивному и мотивационному уровням коллективной языковой личности [3]. Этнокультурная специфика сказок как отражение национальной картины мира и менталитета народа выражается, прежде всего, в том, что сказочный дискурс представляет собой ту ментальную призму, сквозь которую языковая картина мира этноса предстает в ее иерархической организованности и взаимообусловленности историческими, социальными, национальными, культурными, психологическими и педагогическими установками, нормами, предпочтениями [1].

Поэтому мы выбрали темой для нашего исследования сказочный дискурс как символизацию культурного опыта и отражения национальной картины мира и менталитета носителей каратинского языка.

Национальный характер проявляется во всех сферах жизни, в том числе и в народном быте. Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия, его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира [1].

Сказочную картину мира следует рассматривать как целостный образ мира, отраженный в языке сказки. Она является частью фольк-

лорной картины мира и обладает чертами специфическими для сказочного жанра [2].

Сказка оказывает сильное воздействие на подсознание человека, и не только детей, но и взрослых, когда читатель идентифицируется с персонажами. В сказке в символической форме проработаны многие проблемы и конфликты, через которые проходит или должен будет пройти каждый человек в своей жизни.

Анализ каратинских сказок позволяет выделить ценности, чаще всего встречающиеся в сказочных текстах:

1. Мудрость – глупость

Эти концепты являются ведущими в каратинских сказках.

Умными в сказках чаще всего оказываются дети бедняков. С помощью своей смекалки они справляются со всеми трудностями и в конце обретают счастье. Герои в сказках побеждают и добиваются справедливости, победа всегда на стороне добра и труда благородного. Например, в сказках «*Ч1илбик1ел хъартайел*» (Чилбик и ведьма) Чилбик одерживает победу над злой силой ведьмы и становится народным героем; в сказке *«Месейл1 роша*» (золотое дерево) герой верит в истинность золотого дерева, находит его и делится богатством с жителями села, чем сникал любовь и уважение односельчан; в сказках *«Насихан», «Г1акъилов Г1али* (умный Али)», *«Ц1ц1одоров бискин* (умный бедняк)» главные герои благодаря своему уму и смекалке обретают счастье.

Глупые люди в сказках получают отрицательную оценку, их часто обманывают и недолюбливают, например: «*Иман идабел гьач1обел рижур* (неблагодарный богач и великодушные звери)», «*Аналази* (Аналази)».

2. Добро – зло.

Добрыми и справедливыми в сказках также бывают бедные люди, например: «*Учи*», *«Ххва^{н}ххва* (круглый хлеб)», *«Месейл1 роша*» (золотое дерево).

Добротой в каратинских сказках наделяются также домашние животные: осел, собака, которые помогают героям сказок, в том числе и в их хозяйственной деятельности. Интересны сказки «*Т1ука* (тур)», «*Чокъбади*» (друзья), *«Сарел гъавгъал»* (лиса и перепелка), *«Ка^{н}т1и идйаб г1ама*» (находчивый осел), «*Иман идйабел гьач1обел рижур*» (неблагодарный богач и великодушные звери), «*Балъа кь1абоб илйа*» (материнская любовь), *«Ц1ц1одороб щакибо*» (умная птица), *«Сарол1 эликкер»* (как лиса уразу держала), *«Мук1уч1ихан* (Мукучихан)», в которых все животные, звери наделены человеческими качествами люб-

ви и дружбы, доброты и благородности. В то же самое время им не чужды и человеческие пороки такие, как предательство и трусость, хитрость и алчность.

Злыми же бывают различные чудовища.

Чем сильнее эти чудовища, чем мрачнее их облик, тем светлее контрастирующий с ними образ положительного героя. Этический кодекс в каратинских сказках схож со всеми дагестанскими сказками, поскольку в общем, нравственные идеалы всех дагестанских народов совпадают.

Часто для усиления впечатления при описании добрых и злых персонажей используются эпитеты-прилагательные: *г1акъилов Г1али* «мудрый Али», *кьваров Ч1илбик1* «бесстрашный, смелый Ч1илбик1», *иман идай, рак1ва х1ой, рекь1а ч1икорой Насих1ан* «трудолюбивая и добрая Насихан», *сабру идйав Учи* «терпеливый Учи».

3. Лень – трудолюбие

Герои одних сказок трудолюбивы, честны, благородны и смелы; некоторые из них становятся настоящими народными героями. Так, например, «*Кьваров ваша* (смелый мальчик)», «*Танк1илав* (Танкилав)».

Во всех каратинских сказках трудолюбивые люди ценятся и обретают счастье, а ленивые получают отрицательную оценку и не добиваются ничего в жизни.

Во многих сказках можно заметить такую мысль: если тебя окружают хорошие друзья, то все невзгоды тебе нипочем.

Анализ сказок позволяет выделить основные ценности, которые встречаются в сказочных текстах, что дает определенное представление о культуре народа, его быте и обычаях.

В каратинских сказках концепты добропорядочность, смекалка корреспондируют с такими чертами национального характера каратинцев, как трудолюбие, честность, бережливость, мастерство.

В каратинских сказках добро, смекалка, дружба, смелость, чувство юмора получают всегда положительную оценку, а такие черты характера как злость, эгоизм, жадность, глупость получают отрицательную оценку. Основной сюжетно-тематической линией их является осмеяние жадных богачей, недобросовестных и хитрых людей. Интересна концовка двух сказок (элемент воспитания) – *«К1артилав» и «Х1осокъ»* с одинаковой сюжетной линией. Оба героя обманным путем разбогатели. Герой К1артилав стал жить без зазрения совести на чужом добре, а Х1осокъа настигают беды, и всё богатство уходит. Вот этот момент заставляет его задаваться вопросом: «Почему?». От-

вет находит быстро: *«Кто зарится на чужое, заслуженно потеряет и своё».*

И в заключение хотелось бы отметить, что ценности определенной культуры – явление многогранное, процесс становления которого занимает много времени. Ценности могут меняться или получать новое прочтение в свете различных событий и под влиянием социально-экономических факторов. Тип общества определяется, прежде всего, системой тех ценностей, которая принята в нем.

Литература:

1. Арутюнова Н. Д. Национальное сознание, язык, стиль. М., 1995.

2. Пищальникова В. А. Национальная специфика картины мира и ее репрезентация в языке. М., 2000.

3. Плахова О. А. Роль фольклорного материала в реконструкции этнической картины мира. С., 2006.

4. Терминасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

5. Халидова Р. Ш. Лингвокультурные концепты каратинской паремиологической картины мира // «Кавказские языки: генетико-ареальные связи и типологические общности». М., 2018

УДК 811.351.32

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ АГРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ ТАКТИК В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

(на материале произведений современных лезгинских авторов)

Ф. И. Казимагомедова,
Дагестанский государственный педагогический университет,
г. Махачкала

В статье анализируются средства невербальной коммуникации. Тактики демонстрации негативной оценки находят свое выражение в конфликтных коммуникативных актах, которые чаще приводят к разрыву процесса коммуникации. Следовательно, средства невербальной коммуникации влияют на смысл информации, выраженной вербально, подтверждают ее, дублируют, дополняют, опровергают

Ключевые слова: *лезгинский язык, коммуникация, реакция, невербальные средства общения, коммуникант*

The article analyzes the means of non-verbal communication. The tactics of demonstrating negative evaluation are expressed in conflicting communication acts, which more often lead to the rupture of the communication process. Consequently, the means of non-verbal communication affect the meaning of information expressed verbally, confirm it, duplicate it, supplement, refute

Keywords: *Lezgin language, communication, reaction, non-verbal means of communication, communicator*

«Невербальному общению» в процессе коммуникация всегда отводилось не последнее место. Первое впечатление о говорящем (ментальности и совершаемых им интеллектуальных операциях) и об окружающих создаёт во многом именно невербальный «язык»; определяет взаимное отношение и реакцию собеседников. Невербальным проявлениям, в отличие от вербальных, чаще характерна инстинктивность, внезапность, самопроизвольность. Это не что иное, как мгновенная реакция организма на действующие извне потрясения; вспышка чувств, в тоне, в мимике, жесте, дыхании, интонации, темпе речи, тембре и даже возгласе на тот или иной импульс своей реакции на внешнее потрясение или же внешний раздражитель. Их труднее контролировать. Невербальные средства не только усиливают речь, но и порой заменяют ее.

Согласно имеющейся литературе, можно сделать вывод, что коммуникативные акты, целью которых является нанесение вреда другому человеку, унизить, принудить его к невыгодным для него действиям, намеренное содержание обиды или оскорбления собеседника и т.д., являются проявлением агрессии. Последнее демонстрирует предрасположенность коммуниканта к неблагожелательным, злонамеренным действиям [1]. Рассматривая типы коммуникативной тональности, Карасик Владимир Ильич характеризует агрессивную тональность, как «сниженное эмоциональное общение, целью которого является подавление партнера» [3]. В дискурсе агрессия принимает вид целенаправленного коммуникативного действия, направленного на создание негативного эмоционально-психологического состояния у объекта воздействия. Таким образом, в настоящее время большинством ученых принимается следующее определение: агрессия – это любая форма поведения, ориентированная на унижение или же при-

чинение вреда другому живому субъекту, не принимающего подобного обращения.

Отмечаются следующие причины агрессии: индивидуальность характера, состояние аффекта, реализация стратегии власти и подчинения, манипулирования партнером [3].

К агрессивным тактикам относят тактики враждебности, диффамации и дискредитации, в которых воплощаются такие цели коммуниканта, как уничижение и умаление достоинств оппонента, принижение его общественной и личной значимости, его личных качеств, нанесение ему морального вреда.

Агрессивные стратегии в речи осуществляются посредством выражения неодобрения, недовольства, угрозы, атаки, презрения, осуждения, оскорбления, раздражения, гнева, обвинения, принуждения, запрещения, издевки, насмешки и т.д., которые в свою очередь выражаются не только вербальными, но и невербальными средствами, признаками. Так, исследователями (Лебедько М.Г., Крейдлин Г. Е., Колшанский Г. В. и др.) отмечаются такие проявления агрессии как плотно сжатые губы или немигающий пристальный взгляд; также к проявлению агрессии относят высоту голоса, тональность, которые, как мы знаем, могут варьировать в достаточно широком диапазоне (вспомним детектив Гранже «Мизерере», где в качестве смертоносного оружия используется голос) и т.д.

Хотелось бы подчеркнуть, что спектр средств невербальной коммуникации разнообразен и различен в зависимости от традиций, верований, менталитета. Что приемлемо для одного народа, может быть негативным для другого.

В рамках данной статьи мы рассматриваем употребление *исключительно невербального* способа кодирования *исключительно агрессивно-оценочных* тактик. Материалом исследования послужили наиболее яркие, выбранные из произведений художественной лезгинской прозы примеры, иллюстрирующие процессы коммуникации, которые происходят в реальном дискурсе.

Как правило, агрессивно-оценочные тактики используются в речевом процессе, содержащем очевидную негативную оценку действиям оппонента или же компонентов ситуации общения. В результате изучения и анализа лезгинского художественного дискурса в рамках современной лезгинской прозы нами обозначены следующие агрессивно-оценочные тактики:

Отвращение: *«-Валлагь, а бади акурла, зи рик1из пис хьана, Гьалимат, - кьил галтадиз дивандал ацукьна Гуьлуьшан. – Абур рик1*

авуна нез жедани мегер?!» [А. Исмаилов] - Клянусь, увидев этот таз, мне стало плохо, Гулишат, - качая головой (с отвращением и осуждением), села на диван Гулюшан. – С каким сердцем же сердцем их можно есть?! (В данном примере речь идет о пойманных в силки, общипанных птичках. Отвращение усугубляется от их количества (полный таз) и посиневшего вида. Агрессивно-оценочная тактика лексикализирована с помощью слов, выражающих отношение героини к ситуации, а также выражена посредством жеста – *качать головой с отвращением и осуждением*.)

Часто в одной ситуации коммуникантами может использоваться несколько тактик реализации агрессивных стратегий, выраженных невербальными способами. Так: «*Квахь виликай алчах!» - чин ч1урна, так1анвилелди гьарайна Лазимова чайчида кьуьл эцяда*.» [А. Исмаилов] - «Убирайся прочь, презренный!» - нахмурившись, с отвращением крикнул Лазимов, дав под зад чайханшику. (Как видим, герой сочетает агрессивную тактику демонстрации отвращения к чайханщику с тактикой выражения презрения и гнева, используя лексические и тактильные средства.)

Презрение: «*Ам акурла за фикирна: яраб, лагьана за, гьихьтин япалух ят1а вун хуьзвай итим. (Рак1арихъ алкъвена. Так1андаказ.) Ах-тфу-у, ирид чилериз фий вун, агь!*» [А. Исмаилов] - Увидев ее, я подумал: «Господи, - сказал я, - что же за замухрышка твой муж, что тебя держит (терпит тебя дома, живет с тобой)! (Повернувшись к двери. С отвращением.) – Ах-тфу-у, чтоб ты провалилась! (Коммуникант старался скрыть свои эмоции, поэтому и повернулся к двери. Однако его презрительное отношение передается автором через его мысли, а внешне проявляется лишь в его повороте головы, т.е. эмоциональная реакция героя специфируется автором в характеристике мыслей и поворота головы (*с отвращением*).

Враждебность: «(*Гъилер юзурна, к1еви ванцелди). Вуна гила ягьсузвалзава, почтальон руш! Вун ваз талукь тушир месэлайрик къаришмиш жезва. ...Акъуд ам инай, куьнни экъеч1, алат залай!*» [А. Исмаилов] - (Угрожающе тряся руками, громким голосом.) Ты начинаешь наглеть, почтальонша! Ты влезаешь в вопросы, которые тебя не касаются.…Уберите ее отсюда, и сами убирайтесь, оставьте меня! (В данном случае повышение тона и жесты служат способом демонстрации враждебного отношения к собеседникам. Слова «*...акъуд ам инай, куьнни экъеч1, алат залай*» являются лексическим средством, вербализирующим агрессивную тактику.)

Недовольство: *«Маржанатни ат1а патал т1уб сара кьуна стол дуьзмишзавай сусаз наразивилел килигиз амукьнай.»* [Г.Гамзатов] – Маржанат, прикусив палец, так и осталась стоять поотдаль, с недовольством наблюдая за невестой, накрывавшей на стол. (Стратегия агрессии недовольства в данном случае выражается «*недовольным взглядом»* и «*прикушенным пальцем*».)

Недоверие: *«Келче. Агь асунчи! (Хъел квай, ихтибарсуз хъуьруьн авуна.» Агь падло! Вун философ я-а! Вунани гьак1 гьисабзавани, Малла?*» [А. Исмаилов] - Келче: «Ах штукатур! (Недоверчиво и зло ухмыльнулся.) Это ты-то - философ! Ты тоже так считаешь, Малла? (Своей ухмылкой Келче выказывает недоверие Художнику. В данной ситуации ухмылка является ярким примером проявления тактики недоверия.)

Осуждение: «Ву-у, я Гьалимат, бес аялдив гьахьтин к1валахар ийиз тадани, я кье тавур вах?!» [А. Исмаилов] – У-у-у, Галимат, разве можно позволять ребенку делать такие дела (поступать так), да продлит аллах твою жизнь?! (Одна героиня осуждает тактику другой позволять внуку сворачивать головы птицам, что выражается в ее тоне.)

Возмущение: *«… рак ахъагъай папаз к1валин а кьиляй и кьилиз камар ягъиз, чинни ч1урна хъел квай мурмурзавай итим акуна.»* [Г.Гамзатов] - … открыв дверь, жена увидела ходившего из угла в угол мужа, с сердитым лицом, возмущено бормотавшего себе под нос. (Автор произведения прямо номинирует оценку с помощью характеристик его лица и беспокойного поведения. Дословно «*чин ч1урна*» - *лицо испортив* означает – «нахмурившись» и имеет значение: «Выражение неодобрительного к чему-либо отношения» [Акишина А.А., 1991: 9]. В данной ситуации мужчина проявляет возмущение, торопливо вышагивая из угла в угол, бормоча, нахмурившись.)

Упрямство: «*Жеч гьа!? Жеч!!! – хъиле гьатна терсвал авуна Бедназара.*» [А. Исмаилов] – Не может быть!? Не может!!! – сердясь, упрямился Бедназар. (В данном примере упрямство предполагает отрицательную оценку информации, сообщаемой собеседником. Бедназар проявляет упрямство посредством отрицательного слова, повышением голоса, что маркируется в данном примере восклицательным знаком.)

Неодобрение: *«-Ажеб ахмакь тушни вун! – эхнач мад Бедназара наразивилел кьил ягъуриз. Ал-лагьди гайит1а, жуьмя миск1инда кап1на хквезвай кас я. Йу-уъ, нефесар акъудна ада, - ви келледиз къалум хьуй а кап1. Арсуз, намуссуз кас! ...Идаз кисна ацукьнавай*

аялривай вуч к1анзава эхир?» [А. Исмаилов] – Ну и дурак же ты! – не стал больше молчать Бедназар, с неодобрением качая головой. Так сказать, еще и с пятничного намаза возвращается,.. из мечети! У-ух-уъ, тяжело выдохнул он, - Чтоб ты издох! Бесстыдник, бессовестный! …В конце до концов, что ему нужно было от спокойно сидящих детей? (Бедназар всем своим видом и поведением (покачиванием головы, вздохами, тоном голоса) дает понять собеседнику, что не одобряет излишнего внимания последнего к мальчишкам. Агрессивно-оценочная тактика неодобрения также подкрепляется и эмоционально-экспрессивной лексикой: *бесстыдник, бессовестный, дурак, издох.*)

Итак, проведенный анализ показал, что процесс реализации агрессивных стратегий чаще претворяется посредством просодических и экстралингвистических средств общения (высота, громкость голоса, тона голоса, его тембра, сила ударения, также включения в речь пауз, кашля, вздоха, смеха) и разнообразных кинесических средств (жесты, мимику, пантомимику, позу, взгляд, походку и т.д.), хотя были рассмотрены ситуации, в которых использовались и тактильные средства реализации агрессивно-оценочных тактик.

Также мы можем подчеркнуть, что при непосредственном общении большая часть информации, импульсивно и неосознанно, передается через невербальные каналы, оформляя и дополняя вербальные средства общения. Тактики демонстрации негативной оценки находят свое выражение в конфликтных коммуникативных актах, которые чаще приводят к разрыву процесса коммуникации. Следовательно, средства невербальной коммуникации влияют на смысл информации, выраженной вербально, подтверждают ее, дублируют, дополняют, опровергают и т. д.

Литература:

1. Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь. М., 1991.

2. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гносис, 2009.

3. Сиворакша М.А. Функционирование дискредитации как формы речевой агрессии // материалы межд. Научной конф. «Россия – Восток - Запад». Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2007.

4. Шаховский В.И. Эмоции. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Материал исследования:

1. Гамзатов Г. Друзья, обмывшие жену. – Махачкала, 2001.

2. Исмаилов А. Свадьба в тюрьме: Повести, драмы, рассказы и монологи. – Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2005.

УДК 81-21

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ПОЭЗИИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

З. С. Омарова
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала

В статье в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах рассматриваются языковые средства актуализации концепта «Любовь» в поэзии Расула Гамзатова: глагольные и субстантивные метафоры, прилагательные-эпитеты, сравнительные конструкции, средства персонификации, повторы разных типов, элементы гиперболизации, различные экспрессивные синтаксические конструкции. Обращается внимание на символическое использование лексических и лексико-синтаксических компонентов, имеющих национально-культурный и индивидуально-авторский характер. В поэзии Расула Гамзатова Любовь символизирует весь мир, всю Вселенную, всю жизнь, которая была бы пуста и бесцветна без этого прекрасного чувства, поэтому в любви не должно быть места предательству и измене.

Ключевые слова: *поэзия Расула Гамзатова, концепт «Любовь», средства актуализации чувства любви, языковая символика, национально-культурные денотативные и коннотативные компоненты.*

The article in linguistic and linguistic and linguistic aspects examines the linguistic means of actualizing the concept of "Love" in the poetry of Rasul Gamzatov: verb and substantiating metaphors, adjectiveepites, comparative constructs, means of personification, repetitions of different types, elements of hyperbolization, various expressive syntax structures. Attention is drawn to the symbolic use of lexical and lexical-syntax components of national-cultural and individual-authoric character. In Rasul Gamzatov's poetry, Love symbolizes the whole world, the whole universe, all life, which would be empty and colorless without this beautiful feeling, so there should be no place for betrayal and treason in love.

Keywords: *the poetry of Rasul Gamzatov, the concept of "Love", means of actualizing feelings of love, linguistic symbolism, national-cultural denotative and connotative components*.

Концепт «любовь» (*рокьи/г1ишкъу*) в творчестве Расула Гамзатова, можно сказать, является ключевым. Между тем языковые средства актуализации данного концепта изучены недостаточно. В существующих публикациях в основном внимание обращается на особенности использования эпитетов-прилагательных [Омарова, Ярбилова 2018:90-94], сравнений [Магомедова 2014:115-119], отдельных типов метафор [Омарова 2019:450-452]. Рассмотрены также отдельные средства актуализации концепта «Красота» [Магомедова 2009:87-9]. Специальные исследования, посвященные лингвокультурологическому анализу концепта «Любовь», не проводились, чем определяется актуальность проблемы, рассматриваемой в настоящей статье.

Для сохранения особенностей языковой картины поэта, авторских символических образов, используемых в поэтических произведениях разных жанров, в данной статье переводы примеров на русский язык сделаны в дословной форме.

Для актуализации концепта «Любовь» в поэзии Расула Гамзатова используются различные языковые средства – глагольные и субстантивные метафоры, прилагательные-эпитеты, сравнительные конструкции, средства персонификации, элементы гиперболизации, повторы разных типов, различные экспрессивные синтаксические конструкции и т.д.

Достаточно широко употребляется субстантивная метафора генитивно-номинативной модели. Ряд таких метафор, имеющих национально-культурный и индивидуально-авторский характер, содержит переносно-символические смыслы: ср. *рокьул улка* «страна любви», *рокьул гьоко* «колесница (*букв*. «арба») любви», *рокьул аэродром* «аэродром любви», *рокьул азбука* «азбука любви», *рокьул кор* «любви жаровня» [*кор* - глиняная печь, на стенках которого выпекают хлеб], *рокьул имам* «имам любви» (о поэте-певце любви Махмуде из Кахабросо»), *г1ишкъул кооператив* «кооператив любви», *рокьул чу* «конь любви», *рокьул мугьал* «зерна любви».

Такие субстантивные метафоры особенно продуктивно используются в сонетах и элегиях Расула Гамзатова:

Амма кир свераниги, Но где бы ни ходили,
Сордо т1аде щваниги, И как бы ночи ни наступали
Т1аг1унаро берзукьа Не исчезает из глаз
Дир рокьул аэродром. Мой аэродром любви.

***

Диени дир азбука Для меня азбукой
Даим т1олго г1умруялъ Всю жизнь вечно

Г1ишкъу бук1ана цох1о. Бала одна любовь,
Цогияб бук1инаро. Другой не будет.

***

Г1ишкъул кооператив ракьалда гьабе,
Гьенир рекьизе те дир рокьул мугьал.
Любви кооператив на земле создайте,
Пусть в ней засеют зерна моей любви.
(Собр. соч., т.8, с.232)

Дир г1ишкъул гьоко ана Колесница моей любви
Г1асиял кьурабахъан, Катилась по суровым скалам,
Гьалагал нухаздасан. По страшным дорогам.

***

Рач1а хъвазе къаси, г1одорги рук1ун,
Г1ишкъул улкаялъе конституция.
Г1уц1илин х1укумат гьаб х1асраталъе,
Мун председателлъун, дун секретарлъун.
Давай посидим вечером и напишем
Конституцию для страны любви.
Создадим государство для нашей любви,
Председателем будешь ты, а я секретарем.
(из сонетов)

Другой разновидностью метафоры является номинативная модель в форме именительного образно идентифицирующего падежа:

Рокьуй судиял гьеч1о, Для любви нет судьи,
Жибго судалъул намус. Она сама суда совесть.
Гьеб –жибго прокурор Она сама прокурор
Киналго г1айибазе. Для всех обвинений.
Гьеб – жибго адвокатги Она сама адвокат
Киналго такъсиразе. Для всех преступлений.
(из сонетов)

Рокьи – т1езе к1олареб гарац1…
Любовь – узел, который невозможно развязать…

***

Рокьи, мун гьеч1они дун – Любовь, если тебя нет,
Ханжар жаниб гьеч1еб лъел, Я – ножны без кинжала,
Лъарахъе рехула гьеб, В реку бросают их,
Цин бахъун, бах1арзаца. Когда злятся юноши.
(Собр. соч., т.4, с. 55)

Высокая, возвышенная значимость любви в одном из стихотворений цикла персидских стихов Расула Гамзатова актуализируется употреблением номинативной метафоры «любовь – *шахиншах»* (главный шах):

Дица жаваб гьабуна: Я же [им] ответил:
Дирги вугин шагьиншагь. У меня тоже есть шахиншах.
Гьев щивилан гьикъана, Спросили меня, кто он,
- Дир рокьиян абуна. – Это любовь моя, - ответил.

В поэтических произведениях Р. Гамзатова, актуализирующих концепт «любовь», используются не только субстантивные, но и глагольные метафоры, выраженные финитными и инфинитными формами глагола:

ср. *рокьуца мехтизе* «опьянеть от любви», *гъут1би, рокьул бицун* [дееприч.], *щурщудула* «деревья шепчут о любви», *лъукъараб* [прич.] *рак1* «раненое сердце», *лъукъараб х1инч1* (=рокьи) «раненая птица (=любовь), *рокьи басандула* (дир чорхолъ) «любовь танцует» (в моем теле) и т.д.

Дие х1анч1и рокьана, Я полюбил птиц,
Рокьул бицун ах1долел, Поющих о любви,
Дие гъут1би рокьана, Я полюбил деревья,
Рокьул бицун шуршулел. Шепчущих о любви.

***

Ккун ч1олареб чу г1адин, Подобно необузданному коню,
Бекерула дир рокьи. Скачет моя любовь.

В различных стихотворениях, сонетах, элегиях, актуализирующих концепт «любовь», используются языковые средства персонификации любви, которой в диалогических формах приписываются внешние и внутренние качества человека: поэт вступает в диалог, одушевляя любовь:

- Рокьи, бице дида дур - Любовь, скажи мне,
Къайицадахъал кинал? Кто с тобой рядом?
- Рит1ухълъи, божи, намус, - Справедливость, доверие, совесть
Хисулареб лебаллъи. И неизменная отвага.

***

-Рокьи, кинаб саг1ат дур -Любовь, что за часы у тебя
Г1ажаибго к1ет1олеб? Удивительно стучат?
Г1едег1ун х1алт1улеб куц, Как быстро они работают,
Йокьулейгун дандч1вайгун! Когда встречаюсь с любимой!

***

Дир рокьиялъ абуна, Моя любовь сказала,
Дун дуе гьобол гурин. Что она для меня не гостья.
(из восьмистиший)

Для Расула Гамзатова нет ничего выше любви, в этот мир он явился, чтобы найти любовь (*Мун батизе гурищ дун дуняла-ладе вач1арав*? «Разве не чтоб тебя найти, в этот мир я явился»?). Во многих поэтических дискурсах (сонетах, элегиях, обычных лирических стихотворениях) подчеркивается мысль, что любовь единственна в своем роде, она настолько прекрасна, что невозможно ее променять на что-либо, так как нет ничего выше любви. Любовь ценнее, чем сокровища (*хазина*) и богатство (*бечелъи*), и воспевать нужно только любовь.

Ах1уге, ах1уге, ах1уге дие
Дунялалда сарин цо рокьул гуреб.
Цогиял саринал маргьаби руго,
Маргьуцин лъик1 гуро рокьи гьеч1они.
Не пойте, не пойте, не пойте мне,
Песен на земле, кроме как о любви.
Другие песни – это только сказки,
Даже сказки не нужны, если нет любви.
(«*Бицунге*…»/ «Не говори…»)

Дир т1олго хазинадахъ
Хисулеб г1ишкъу гьеч1о.
У меня нет сокровища
Равноценного любви.
(из сонетов)

Любовь у поэта символизирует весь мир, всю Вселенную, всю жизнь, которая была бы пуста и бесцветна без настоящей любви. Мир не мир, если здесь нет любви. Именно любовь делает мир прекрасным и желанным:

Дие дунял бокьана, Я полюбил этот мир,
Дие г1умру бокьана, И жизнь я полюбил,
Гьаб г1ишкъуялъ нилъее Этой любовью для нас
Гьадинан берцинлъараб. Ставшая такой красивой.
(из сонетов)

Т1олго дунял кьуниги, На весь мир даже
Дица рокьи кьеларо Не променяю любовь.
(из сонетов)

В любви не должно быть места предательству, измене, отсутствию достоинства и взаимности, лжи, злому умыслу. Не уметь любить – это грех и наказание свыше.

Рокьулъ гьереси г1адаб, Подобного лжи в любви
Такъсир дида лъаларо. Зла я не встречал.

(из элегий)

Чанги тамих1ал руго, Много есть наказаний,
Рокьуца рехунтейг1ан Но чем быть покинутым любовью,
Тамих1 дида лъаларо. Большего наказания не знаю.

(из сонетов)

В стихотворениях о любви используется символ знамени: прекрасная, жизнеутверждающая, вечная любовь должна стать развевающимся везде знаменем. Использование экспрессивно-оценочных слов и междометий в таких поэтических дискурсах приводит к усилению коннотативного значения:

Амма байрахъ ани гьаб рокьиялъе,
Кибго парпадулеб, нусго кьер бугеб.
Знамя бы для этой любви,
Чтоб везде развевалось и имело бы сто цветов.

***

ГIишкъул полкалъулги бук1уна байрахъ,
Огь, гьеб гвангъулеб куц, гьеб паркъолеб куц.
И у полка любви бывает знамя,
Ох, как оно сверкает, как развевается!

Проанализированные выше примеры свидетельствуют о том, что в метафорах, символизирующих и актуализирующих любовь, в переносном значении в роли сказуемых-предикатов (в предикативно характеризующей роли) используются имена существительные. На первый план при этом выступает экспрессивно-эмоциональная оценка. Использование метафор-существительных в предикативно характеризующей роли дают возможность поэту в образной форме выразить свое отношение к единственно важному в жизни в жизни человека чувству любви.

Литература:

1. Магомедова С.М. Лексико-семантические и лингвокультурологические особенности сравнений как средства создания образа женщины в поэзии Р.Гамзатова // Вестник Дагестанского государственного университета. Выпуск 3. Филологические науки. Махачкала, 2014. С. 115-119.

2. Магомедова С.М. Языковые средства создания концепта «Красота» в поэзии Расула Гамзатова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Выпуск 3. Махачкала, 2009. С.87-91.

3. Магомедова С.М. Роль эпитетов в создании образа женщины в поэзии Расула Гамзатова // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Выпуск 9. Махачкала, 2010. С.132-135

4. Омарова З.С. Субстантивная метафора в элегиях и сонетах Расула Гамзатова // Международный журнал «Мир науки, культуры, образования». № 1 (74), 2019. С**.** 450 – 452.

5. Омарова З.С., Ярбилова Д.М. К вопросу об особенностях употребления эпитетов-прилагательных в поэзии Расула Гамзатова // Вопросы русского и кавказского языкознания. Выпуск VIII. Махачкала, 2018. С. 90 – 94.

УДК 008

О ЕДИНСТВЕ И МНОГООБРАЗИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Ф. С. Приходько
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Минск

Раскрывается содержание основных концепций развития культуры. Формирующееся всепланетарное экономическое и информационное пространство оказывает существенное влияние на процессы в культурной сфере современных обществ. Экспансия западноевропейской культуры, происходившая в течение последних столетий, заметно усилилась с развертыванием процесса глобализации. Вестернизация многих культур выразилась как в широком распространении у себя внешних атрибутов западной культуры, так и элементов той системы ценностей, ядром которой со времен эпохи Возрождения являлся отдельный индивид. Освещается содержание Государственной программы «Культура Беларуси».

Ключевые слова: *вестернизация, космополитизм, мультикультурализм, традиционная культура, Государственная программа «Культура Беларуси», электронная культура, этнокультурная традиция*.

The content of the basic concepts of cultural development is revealed. The emerging planetary economic and information space has a significant impact on the processes in the cultural sphere of modern societies. The expansion of Western European culture over the past centuries has markedly increased with the deployment of the globalization process. The westernization of many cultures was expressed both in the widespread dissemination of the external attributes of Western culture, as well as in the elements of that value system, the core of which since the Renaissance was a separate individual. Original national cultures are under intense pressure from standardized cultural patterns, and are at risk of losing their identity. The content of the State program «Culture of Belarus» is highlighted.

Keywords: *westernization, cosmopolitanism, multiculturalism, traditional culture, State program «Culture of Belarus», electronic culture, ethnocultural tradition.*

В обществоведении нет единства мнений по вопросу о закономерностях развития культуры, характере межкультурного взаимодействия. В концепциях однолинейной эволюции утверждается, что культуры всех стран и народов имеют один общий вектор движения как перманентное развитие от простого к сложному. Эти воззрения опираются на идею прогресса, сформулированную философией эпохи Возрождения и немецкой классической философией и выражающей европоцентристские мировоззренческие подходы во взглядах на перспективы мирового развития. Основоположники марксизма основной фактор, обусловливающий культурную динамику, видели в развитии производительных сил. Главные вехи в развитии культуры связывались с общественно-экономическими формациями. В марксистской концепции культура в целом предстает как проекция производственно-экономической сферы общества, результат решающего влияния экономики. Положительно оценивая обнаруженные марксизмом глубокие связи между характером развития культуры и другими сферами социальной жизни, следует однако признать, что экономикоцентричность в анализе тенденций развития культурной сферы общества, недооценка других факторов воздействия страдают чрезмерным схематизмом и общностью, в силу чего мало пригодны для философского анализа особенностей культурной динамики малых стран и народов современного мира.

Концепции культурного релятивизма обосновывают уникальность и неповторимость различных стран и народов. При этом жизнедеятельность широкого разнообразия культур обеспечивает общую

устойчивость социума как сложной открытой системы, аналогично тому, как биологическое разнообразие является основой динамической стабильности биосферы. Каждая культура характеризуется своей спецификой, устойчивой системой ценностей, особой исторической судьбой. Впервые достаточно глубокая теоретическая проработка темы многообразия культур представлена в исследовании русского мыслителя Н. Данилевского «Россия и Европа». Идеи Н. Данилевского в новых исторических условиях были развиты немецким исследователем культуры О. Шпенглером и английским историком и философом А. Тойнби. В этих концепциях отвергается идея тотального прогресса, культура рассматривается по аналогии с живым организмом, а посему она также проходит в своей эволюции стадии зарождения, становления и расцвета, увядания и смерти. Процесс эволюции культуры понимается как нелинейный, циклический, с точками бифуркации. В конце второго тысячелетия рассмотренные идеи послужили основой возникновения плодотворной концепции культурной самобытности, противостоящей теориям европоцентризма, западного универсализма.

Формирующееся всепланетарное экономическое и информационное пространство оказывает существенное влияние на диалектику единства и многообразия культурно-исторического процесса. Можно было бы надеяться, что с формированием глобального социокультурного пространства, сопровождающегося информационной доступностью, возникнут благоприятные условия для взаимообогащения и всестороннего развития культур. Однако в условиях растущего разрыва в уровне экономического развития разных стран различные регионы и государства имеют несравнимо разные возможности в процессах культурного обмена. Транснациональные корпорации, используя свое финансовое могущество и новые информационные технологии широко распространяют продукты массовой культуры. Электронная культура накладывает свой отпечаток на межкультурную коммуникацию, образование, досуг, творчество. Она превращается не только в посредника между человеком и миром, но сама становится реальностью, меняющей внутренний мир человека, восприятие им окружающего мира. Электронная культура стремительно развивается, навязывая иные принципы и правила функционирования сложившимся сферам общественной и личной жизни, всем формам социально-политической, производственно-экономической, научной, политической деятельности. Она глубоко трансформирует сознание, сложившиеся навыки и стиль мышления, вооружает новыми методами реше-

ния проблем в функционировании самых разных областей профессиональной и общественной деятельности.

Экспансия западноевропейской культуры, происходившая в течение последних столетий, заметно усилилась с развертыванием процесса глобализации. Вестернизация многих культур выразилась не только в широком распространении у себя внешних атрибутов западной культуры – костюма, манер, интерьеров, но и элементов той системы ценностей, ядром которой со времен эпохи Возрождения являлся отдельный человек с его фундаментальными, неотъемлемыми правами, достоинством, суверенностью. В условиях углубляющейся глобализации стали явственно проявляться признаки усреднения, нивелировки культурных особенностей стран и народов. Это вступало в острый конфликт с сущностными особенностями традиционных культур, центральное место в системе ценностей которых занимали трансцендентные Абсолюты религиозного характера, а интересам социальных общностей – религиозной общины, этноса, касты, клана, семьи подчинялись интересы отдельного индивида. Для ряда культур вестернизация стала фактором драматического раскола – в социальной сфере на тяготеющую к западным ценностям элиту и сохраняющий традиции народ, в политической – на сторонников либеральных реформ и почвенников-консерваторов, в духовно-идеологической – на модернизированный город и хранящую дух предков деревню. Интернет и телевидение позволяют транснациональным корпорациям, обладающим огромным материально-финансовым потенциалом, навязывать прибыльную продукцию, рассчитанную на широкую массу потребителей развлечений. Они становятся эффективными средствами, навязывающими миллионам людей носить одежду одних и тех же моделей, читать одну и ту же литературу, смотреть одни и те же фильмы, видеопродукцию, слушать ту же музыку.

Самобытные национальные культуры испытывают мощное давление со стороны стандартизированных культурных образцов, оказываются в зоне риска утраты своеобразия. В.К. Зантария, доктор филологических наук, поэт, критик, Советник Президента Республики Абхазия по науке, культуре и образованию с горечью замечает: «Осмысливая сложную и во многом противоречивую ситуацию, ставящую нас перед необходимостью самосохранения в условиях меняющегося мира, мы небезосновательно оцениваем переживаемые процессы как возможный кризис самосознания, как угасание национально-освободительной энергии, генетической памяти. Т.е. мы чувствуем сегодня как никогда, что теряем качества и свойства, определявшие

некогда наш дух, ментальность, образ жизни в целом [1, с.7]». Во многом это справедливо и по отношению к культуре Беларуси. Очевидно ослабление позиций белорусского языка во всех сферах жизни, утрачивается самобытность белорусского этноса, его культуры. Все это вызывает осознание необходимости защитить собственный культурный опыт.

Вместе с тем социокультурная сфера внутри многих стран Запада не является гомогенной. Неприятие американизации культуры начинает явственно ощущаться в различных регионах мира, в том числе и в самой Западной Европе. В последние годы усиливается тенденция сознательного сопротивления культур единым образцам поведения, быта, деятельности, досуга, представляющим нивелированную, упрощенную глоб-культуру. Например, строго ограничено количество зарубежной кинопродукции на государственном телевидении Франции, в Южной Корее в жесткие рамки поставлены технологии быстрого питания – «Макдональдс». В Италии им противостоит общественное движение Slow Food (медленная еда), где доминируют местные продукты и приоритет принадлежит национальной кухне и т.д. Да и в самих США одновременно с небоскрёбами Манхэттена живет полнокровной жизнью патриархальная «одноэтажная Америка» с живописными сельскими пейзажами, фестивалями кантри, выставками, соревнованиями по производству сельхозпродукции, семейными ценностями и традициями домашней кухни.

Таким образом, с одной стороны, под воздействием глобализации осуществляется унификация культурной среды, с другой – усиливается значимость местных, прежде всего, этнокультурных элементов: этнического самосознания и солидарности, форм традиционной культуры и религии. Диалектическое единство названных тенденций получило отражение в понятиях «этнический парадокс современности» (Ю.В. Бромлей, Т.Г. Стефаненко, Н.М. Лебедева, Г.В. Солдатова и др.) и «глокализация» (Р. Робертсон).

Усилия незападного мира направлены на укрепление этнических оснований социокультурной сферы, поддержание на должном уровне национальных особенностей культурной жизни. Однако на этом пути много опасностей и соблазнов. Национальные формы культуры, прежде всего культура малых этносов рискуют играть лишь роль бутика в пространстве глобального супермаркета, удовлетворять потребности современного космополита в экзотике. Можно наблюдать, как в ряде случаев собственно этнические формы культуры сводятся лишь к шумным фольклорным праздникам, народным промыслам,

демонстрациям национальной кухни, национального костюма, игре ряженых, «потемкинским деревням». Тем самым этничность рискует превратиться в «институт-пустышку». Культурному разнообразию подобного типа и аплодирует гидденсовский космополит – посетитель «глобального супермаркета». С другой стороны, во многих случаях агенты мультикультурализма собственную этничность используют как средство групповой консолидации, превращают в орудие политической борьбы за особые права и дополнительные преференции внутри мультикультурного общества.

Во всех этих случаях этнокультурная традиция осознается её носителями не столько как собственная сущность, определяющая подлинность «Я», сколько как особый имидж, самопрезентация, направленная на Другого, внешнего созерцателя, к примеру туриста, или же на государственные структуры и общественное мнение демократических стран [2].

В 2016 году Постановлением Совета Министров Республики Беларусь утверждена Государственная программа «Культура Беларуси» на 2016 – 2020 годы. Основными целями Государственной программы являются сохранение исторической памяти белорусского народа, его национально-культурной самобытности и традиций; активное вовлечение граждан Беларуси в культурную жизнь страны, реализация творческого потенциала нации; содействие сохранению национально-культурной идентичности белорусской диаспоры [3]. В 2020 году будут подведены итоги выполнения этой программы.

Литература:

1. Культурная идентичность малого народа в условиях глобализации (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 5–27.

2. Аполлонов И.А., Тарба И.Д. Проблема оснований этнокультурной идентичности в контексте глобализации // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 30-42.

3. Государственная программа «Культура Беларуси» на 2016-2020 годы. Утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 04.03.2016 № 180.

УДК 811.222.18

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ДИАЛЕКТА ГАЛЕШИ И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

М. Ранджбар
ассистент профессора Гилянского университета
по персидскому языку и литературе

نمود دستوری در گویش گالشی و تفاوت آن با زبان فارسی

دکتر محمود رنجبر
استادیار زبان و ادبیات فارسی دانشگاه گیلان

در این پژوهش با بررسی توصیفی پیکره بنیاد گویش گالشی انواع صورتبندی‌های گویشی «نمود دستوری» نشان داده خواهد شد. گویش گالشی به دلیل گستره جغرافیایی در شرق گیلان و کوهپایه‌های غرب مازندران در شمال ایران از نمودهای دستوری، تظاهر واژ- نحوی متفاوت برخوردار است. گویشوران گالشی به دلیل زندگی در کوهستان، کمتر در معرض تغییرات زبانی قرار گرفته‌اند. از این رو بررسی ابزارهای نمود دستوری شامل نمودهای کامل، تام و ناقص می‌تواند به تدوین اطلس گویشی این ناحیه کمک کند. در پژوهش حاضر قصد داریم با تحلیل ابزارهای بیان به انواع نمودها، شکل صرفی افعال و مقایسه آن با زبان فارسی در زمان‌های مختلف و افعال کمکی بپردازیم.

واژگان کلیدی:
نمود دستوری، گویش گالشی، نمودکامل، نمودتام، نمود ناقص.

УДК 394

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ АВАРЦЕВ-ГИДАТЛИНЦЕВ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Р. И. Сефербеков
Дагестанкий государственный университет,
г. Махачкала

Освещается эволюция поселенческой культуры аварцев-гидатлинцев в новое и новейшее время. Формы и типы поселений гидатлинцев подвергались изменениям в зависимости от установившейся в обществе политической парадигмы, накладывавшей на их облик свой отпечаток: вольнообщинный – советское село – постсоветское

село. К числу трансформаций форм и типов расселения гидатлинцев в новейшее время следует отнести процесс слияния многих их селений, а также образования двух новых поселений на землях прикутанных хозяйств района вблизи Махачкалы.

Ключевые слова*: материальная культура, поселения, аварцы-гидатлинцы, новое и новейшее время*

The evolution of the settlement culture of the Avar-Hydatlins in the new and modern time is illuminated. Forms and types of settlements of Gidatlins were changed depending on the established political paradigm in society, which imposed their imprint on their appearance: the freecommunity - the Soviet village - the post-Soviet village. Among the transformations of the forms and types of resettlement of the Gidatlins in recent times should include the process of merging many of their villages, as well as the formation of two new settlements on the land of the swathed farms of the area near Makhachkala.

Keywords: *material culture, settlements, Avars-hydatlins, new and modern times.*

Среди элементов материальных форм культуры, направленных на непосредственное удовлетворение витальных потребностей (жизнеобеспечение) важную роль занимают поселения. В этнографии поселение определяется как место пребывания человека, выбранное на долгое время и оснащенное жилыми и рабочими помещениями, с относящимися к нему как собственной, часто искусственно созданной площадкой для жилья, так и окружающей его хозяйственной территорией (Х.Ю. Рах).

Гидатлинцы – одна из субэтнических групп аварцев, расселенная в Шамильском районе (образован 22 ноября 1928 г.) Дагестана. Общая их численность в настоящее время составляет около 15 тыс. чел. Согласно историческим, топоническим и этнографическим данным, в древности и средневековье гидатлинцы проживали в 25 поселениях, расселенных на своей исконной этнической территории. До включения Дагестана в состав России (1860 г.) и установления в этом крае советской власти (1920 г.) гидатлинцы входили в образовавшийся в XII-XIII вв. Гидатлинский союз вольных обществ, состоящий из 8 сельских общин: Урада, Мачада, Гента, Тлях, Тидиб, Хотода, Накитль, Хучада. До нашего времени дошли правовые нормы этого союза – «Гидатлинские адаты», составленные не позднее XVI в.

В прошлом у гидатлинцев существовало один тип поселения – вольнообщинный. При выборе места для поселения учитывался ряд факторов (обороноспособность, близость к водным источникам и пригодным для обработки землям и пастбищам, солнечная ориентация). Преобладающей формой поселения была кучевая. Основным и типом расселения было селение с хуторами. Топографическое деление селения на кварталы (нижний, средний и верхний) сочеталось с патронимическим делением. У общественного, культового и хозяйственного центра селения – *годекан*а группировались мечеть, источник воды, хлебопекарная печь *кор*, кузня.

В советское время поселения Гидатля претерпели значительные изменения и прежде всего в типах и форме поселений. Тип поселения определялся как «советское село» с комбинированной (кучевой и горизонтальной) формой поселения. *Годекан* переместился к административным зданиям – сельсовет и правление колхозов/совхозов, где сосредоточились хозяйственные и культурные объекты – библиотека, клуб (дом культуры), магазин, почтовое отделение, врачебная амбулатория, участковая больница, школа, детский сад, ясли и др. На окраинах сел располагались овце-товарные (ОТФ) и молочно-товарные фермы (МТФ), колхозый/совхозный сад.

Совершенно новым явлением стало переселение части жителей сс. Урада и Тидиб с гор на равнину Дагестана, где недалеко от Махачкалы, на землях прикутанных хозяйств Советского (ныне Шамильского) района в 1979 г. возникли переселенческие поселения Новое Урада и Новый Тидиб. Еще одной особенностью расселения новейшего времени стал процесс слияния некоторых гидатлинских сел. Эта тенденция наметилась еще во второй половине 80-х гг. и особенно в 90-е гг. XX в. и была вызвана тем, что новые участки для домостроительства администрация стала выделять на тех землях, которые раньше использовались под пашню и сады. С распадом колхозов и совхозов их земельный фонд был поделен между жителями селений, которые стали использовать земли сельскохозяйственного назначения под индивидуальную застройку. Все это привело к исчерпанию земельного фонда и выделению новых участков под строительство вблизи территорий соседних селений. На сегодняшний день практически слились селения Урада и Тидиб, Урада и Тлях, Урада и Гента, Гента и Мачада, Тидиб и Хотода.

В постсоветский период в типах и форме поселений гидатлинцев произошли определенные изменения, связанные со сменой государственной, экономической и общественной парадигмы устройства

страны. В связи с упразднением колхозов и совхозов основу экономики гидатлинцев стали составлять фермерско-крестьянские хозяйства и личные подсобные хозяйства. Тип поселения определялся как «постсоветское село» с горизонтальной формой расселения. *Годекан* так же располагается у зданий администраций селений. Сохраняется топографическое (и отчасти патронимическое) деление селений на кварталы. В гидатлинских селениях успешно функционируют культурно-образовательные объекты – общеобразовательные школы и детские дошкольные учреждения, общедоступные (публичные) библиотеки и клубные учреждения, школьные и муниципальные музеи, школы-искусств и детско-юношеские спортивные школы, детские оздоровительные лагеря и др. Медицинские услуги оказываются в центральной районной и участковых больницах и поликлиниках, фельдшерско-акушерских пунктах и врачебных амбулаториях.

Гидатль традиционно известен как один из центров распространения ислама в Горном Дагестане. В 1475 г. гидатлинцы приняли ислам и с этих пор они исповедуют эту религию. В Дагестане и на Кавказе известны гидатлинские суфийские шейхи – Удурат, Ибрагим-хаджи Урадинский, Хамзат-Аппанди, Хафиз-Аппанди и др. В годы советской власти мусульманская религия в Дагестане, как и все другие религии в СССР, находилась под жестким контролем коммунистической партии – многие религиозные деятели были репрессированы, а мечети закрыты. После распада СССР в Дагестане наблюдается своеобразный религиозный ренессанс. В связи с новыми взаимоотношениями государства и религиозных учреждений, в республике построено более 3 тысяч мечетей, открыты несколько исламских высших учебных заведений, десятки тысяч дагестанцев совершили паломничество в Мекку. Все эти позитивные явления в области религии коснулись и гидатлинцев. В каждом из гидатлинских селений имеется соборная мечеть и несколько квартальных мечетей. В 2006 г. в с. Тлях была построена соборная мечеть, которую в пятницу посещают гидатлинцы всех селений района. На территории Шамильского района у *зиярат*ов гидатлинских суфийских шейхов регулярно проходят коллективные моления, *маджлис*ы *алим*ов, проводятся обряды *зикр*, празднования *мавлид*ов, а в четверг и в пятницу раздается милостыня *садакъа*.

Таким образом, как это видно, типы и формы поселений гидатлинцев в зависимости от накладывавшей свой отпечаток эпохи претерпели определенные трансформации: вольнообщинный – советское село – постсоветское село. В новое и новейшее время сохранялось традиционное топографическое и отчасти патронимическое деление кварталов се-

лений и группирование у центра селения – *годекан*а административных, хозяйственных, культовых и культурных учреждений. В новейшее время часть жителей сс. Урада и Тидиб переселилась с гор на равнину Дагестана и образовала поселения Новая Урада и Новый Тидиб на землях прикутанных хозяйств Советского (Шамильского) района. Еще одной особенностью расселения новейшего времени стал процесс слияния некоторых гидатлинских сел.

Литература:

1. Культурная идентичность малого народа в условиях глобализации (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 5–27.

2. Аполлонов И.А., Тарба И.Д. Проблема оснований этнокультурной идентичности в контексте глобализации // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 30-42.

УДК 81-21

РУСИНЫ И ИХ ЯЗЫК

Й. Сипко
Прешовский университет,
Словакия

В данной статье обсуждаются аспекты классификации восточнославянских языков в контексте Карпат. Представляется главный этнокульутный феномен карпатороссов, в котором отображаются многие произведениях руссинской культуры и русинского фольклора.

Ключевые слова: *русский, белорусский, украинский язык, этноним, предки русинов, восточные славяне*

This article discusses aspects of the classification of East Slavic languages in the context of the CarpathianS. The main ethnoculutphenomenon of the Carpathoross, which displays many works of Russian culture and Russian folklore, is presented.

Keywords: *Russian, Belarusian, Ukrainian, ethnonym, ancestors of Rusins, Eastern Slavs*

Обычно в рамках классификации восточнославянских языков приводятся русский, белорусский и украинский языки, но с незапа-

мятных времён живёт в Карпатах 4-ый восточнославянский народ русины, известный также под этнонимом карпатороссы. Но поскольку судьба этого народа сложилась так, что он жил долгие столетия изолированно от остальных восточных славян, то про него в буквальном смысле слова забыли даже учёные других славянских народов. Лишь в наше время стала тема русинов и их языка активизироваться, и они входят в сознание не только славянской, но также мировой научной и широкой общественности.

Как правило, в трудах историков и филологов находим замечания о том, что в регионе Карпат жили предки современных русинов уже в VIII-IX веках под этнонимом белые харваты (Konečný, 2015). До наших дней существует даже легенда и карпаторусском князе Лаборце, про которого встречаются упоминания в венгерских хрониках, авторы которых пишут о захвате региона Карпат тогдашними мадьярами в начале X века, во время которого венгры победили вождя карпатороссов Лаборца и его дружину, а тот погиб в реке того же названия – в Лаборце. Русинский поэт И. Сильвай изобразил данную историю в стихах, написанных им по-русски:

На борьбы трёхдевной поле,
Ночь прервала долгий бой.
Лаборець булат смертельный,
Спустил как поневоле,
Долг назначенный судьбой.

Русского оружия сила,
Вспять, как молния удар,
Ужоград обогремела,
Полк враждебный отразила,
Храброю рукой бояр.

У мадьяр потери втрое,
Не один навек умолк,
Но противника тьма тьмущая,
День со дня в святом отбое,
Уменьшался русский полк.

В наше время построили великий памятник князю Лаборцу над русинской деревней Габура в восточной Словакии. Князь Лаборец здесь напоминает некоторые памятники князю Александру Невскому в России – с мечом у ног, что представляет собой оборонительную позицию славян на протяжении всей истории. Князь Лаборец был главным представителем карпатороссов, и центром его княжества был Ужгород, известный град еще из времён Киевской Руси. Указанный эпизод из древневенгерских хроник является свидетельством того, что русины проживали в Карпатах долгие столетия, и эти горы стали

их настоящей Родиной. Известный канадский учёный-славист П. Р. Магочи (P. R. Magocsi, 2016) издал объёмную книгу на английском и словацком языках под названием в буквальном переводе «Спиной к горам» (Chrbtom k horám). В данном контексте Карпаты выглядят как главная защита русинов во время всей их истории, и не случайно они представляют главный этнокульутный феномен карпатороссов вплоть до наших дней, что отображается в многих произведениях руссинской культуры и русинского фольклора (Фейса и колл., 2014).

История средней Европы, в том числе и Карпат, была очень сложной, так как карпатский регион отдельные государства многократно делили между собой, и в результате указанной политической и государственной обстановки русины проживали (и проживают до сих пор) в разных странах, они были часто друг от друга изолированы. А со стороны отдельных государств многократно были преследованы лишь потому, что они были носителями восточнославянской идентичности, веры, культуры и языка. По сути дела отголоски такой неблагоприятной судьбы русинов встречаются ещё и в современности, когда в отдельных странах не признают русинов как самостоятельный народ (*Русины? Таких нема, це видумка в Карпатах* – позиция некоторых представителей современной Украины).

В целях иллюстрации враждебного отношения к русинам со стороны Польши можно привести антирусинские меры послевоенного польского правительства под названием «Акция Висла». На основе решения польских государственных органов в 1946-47 гг. были из польской стороны Карпат насильственно выселены десятки тысяч польских русинов, известных под этнонимом лемки (слово «только» у них – «лем»). Официальным поводом для этого враждебного и агрессивного решения были действия Украинской повстанческой армии (УПН), известной также под названием бандеровцы (Бандера – главный представитель), которая боролась особенно против польских властей, позже также против советской власти. Но абсолютное большинство польских русинов-лемков пострадало по сути дела лишь из-за своего национального происхождения. Польские власти были намерены искоренить лемков как этнокультурный коллектив. Об этом свидетельствуют многие факты. После насильственного выселения из Карпат в Силезию и в Прибалтику их размещали так, чтобы в новых деревнях, оставшихся после выселения немцев, их не было больше, чем 10%. Целью такого решения была ассимиляция русинов-лемков. Эта в буквальном смысле слова ненависть со стороны польских властей имела свои корни в прошлые века. Известно, что в регионе Гали-

чи, который до Первой мировой войны и после ней принадлежал Польше, люди православного вероисповедания, в основном украинцы и русины, считались у властьимущих польских католических властей второстепенными лицами и их оскорбляли разными формами. В результате указанной острой антирусинской политики польских властей была ликвидирована неповторимая карпаторусско-лемковская культура, которая на северных склонах Карпат развивалась долгие столетия. Русинский поэт М. Коневал долю лемков описал очень трогательно:

Плаче Лемко в чужый землі,
Кедь нихто невідить.
Плаче Лемко в чужым краю,
На лавочкі сидить.

Плаче Лемко на чужыні,
Він без свого дому,
Бо свій лишив у Карпатах,
А сам незнать кому.

В современности в бывших русинских деревнях в южной Польше имеются туристические базы, где на отдельных домах можно читать надписи: *Second Hand, Hot Dog, Pepsi Kola,* а на некоторых древних деревянных зданиях читаем: *Эта церковь принадлежала грекокатолической церкви (русинской), но после Акции Висла она стала имуществом римскокатолической церкви* (бывша русинская деревня Явырки).

Отношение польских властей к русинам-лемкам представляет собой свидетельство того, как могут исчезать народы в результате агрессивности других этносов. В Польше проживает в современности по некоторым данным лишь около 5 тысяч русинов-лемков, но их неповторимая карпато-русская культура по сути дела находится под угрозой своего существования. В данном контексте необходимо ещё добавить, что в современном мире насчитывается около 7 тысяч языков, но по некоторым данным многие малые (миноритные) народы и их языки исчезают, что в некотором смысле представляет собой смерть культуры.

Особой становится судьба русинов в Словакии. Как известно, до 1918 г. вся эта территория была составной частью Австро-Венгрии, где русины проживали в сложном положении. Во время Первой мировой войны тысячи карпатских русинов были сосланы австро-венгерскими властями в концлагерь Талергофе, располагающийся недалеко австрийского города Грац, часто лишь за то, что у них нашли произведения русских писателей. На этой основе их считали русофилами, тем самым и врагами Австро-Венгрии, и сторонниками России.

Когда российские войска наступали в Карпатах, то многих русинов преследовали, посылали в названный концлагерь, где многие из них погибли. Современный русинский поэт М. Коневал этой трагедии и жестокости австро-венгерских властей посвятил свои стихи:

В Талергофі, в чуджім краю,
Страждають Русины –
Мучены и катованы,
А вшыткы без вины.

Ці за родне слово,
Або за свій обряд,
За свою отчізну,
То они так терплять?

После окончания Первой мировой войны нынешняя Закарпатская Украина стала составной частью Чехословакии, и в её условиях русины всё-таки были признаны самостоятельным народом. Но после Второй мировой войны наступил процесс украинизации русинов. Им было запрещено записывать себя русинами – они могли называть себя украинцами или словаками. Таким образом национальный гнёт русинов продолжался и во второй половине XX века. Определённым парадоксом можно считать и тот факт, что русинам больше всего навредили их ближайшие родственники, славяне, в особенности поляки и украинцы.

В наше время русинский вопрос стал в некотором смысле актуальным особенно в странах средней Европы, в которых проходит возрождение культуры и языка русинов. В Конституции Словацкой Республики русины считаются самостоятельным этносом, и власти Словакии поддерживают их культуру. В 1995 году был кодифицирован русинский язык в Словакии, что считается базисным шагом на пути настоящего развития русинов и защиты их идентичности. В рамках соответствующего процесса проходили богатые дискуссии, языковые конгрессы и научные поиски самой подходящей основы для упоминаемой кодификации. Языковой вопрос у русинов считается до сих пор важной проблемой, которая исходит из прошлого, когда отдельные представители русинского национального движения предлагали в качестве своего письменного языка то русский, то украинский языки. В Прешовском университете в современности находится Институт русинской культуры и русинского языка, в котором проводится кроме образовательной и научно-исследовательской деятельности целый ряд мероприятий, в том числе также Летняя школа русинского языка, на которой принимают участие студенты из других стран, даже из Америки. На русинском языке издаются некоторые печатные СМИ, как «Русин». В Словакии имеется также особая русинская радиостан-

ция и регулярные телепередачи на русинском языке. Издаются художественные и научные книги на русинском языке (Ябур и колл., 2015), работает организация русинских писателей в Словакии. Кроме того в городе Прешов существует Русинский музей, а также русинский Театр имени Александра Духновича. В отдельных городах и деревнях в особенности восточной Словакии регулярно проходят фольклорные фестивали русинов, что тоже содействует развитию русинской культуры и русинов в целом.

Перспективы дальнейшего развития

Таким образом, благодаря огромному усилию представителей русинов в Словакии, их организации «Русинская оброда в Словакии» и при поддержке со стороны словацких властей, русинам предоставилась возможность укреплять собственную национальную идентичность. Вместе с тем решаются дальнейшие базисные вопросы существования русинов не только в Словакии. Реальной этнокультурной основой русинской культуры были и остались поныне русинские деревни, но в наше время многие из них в результате целого ряда негативных социально-экономических процессов обезлюдняются, что тоже оказывает неблагоприятное влияние на дальнейшее существование русинской культуры. В данном контексте важную роль играют Всемирные конгрессы русинов, на которых решаются актуальные проблемы дальнейшего продвижения русинского народа. В июле текущего года проходил XV Всемирный конгресс русинов в восточной Словакии в курорте Новая Любовня, на котором кроме всего прочего решалась ситуация русинов на Украине. Вместе с тем отмечаются явные тенденции в процессе укрепления национальной идентичности русинов. Одним из принципиальных считается вопрос общего письменного русинского языка. В наше время имеется несколько вариантов письменного языка русинов в странах, где они проживают, но создание единого языка в современности кажется пока не реальным. Всётаки данная идея существует, русины входят в сознание специалистов и общественности в других странах. К примеру, А. Фатула в этом году издал объёмную и очень содержательную книгу о русинах. Интересным и значимым модно считать и тот факт, что его книгу издали в Москве в Фонде «Русский мир». М. Коневал (2018) издал этнографическую книгу о жизни и обычаях русинских крестьян, в которой находим богатое свидетельство об этонокультуре карпатских русинов.

Относительно каждого народа хочется высказать метафору: *Народы – это цветы Земли.* Если под угрозой исчезновения находят-

ся какие-либо животные или растения, то их заносят в специальные книги с той целью, чтобы их спасти. Но под такой же опасностью находятся малые народы, из которых многие уже исчезли часто «благодаря» агрессивной доминантности великих этносов. Охрана и защита малых (миноритных) народов должна стать одной из главных задач всего человечества, и в первую очередь «сильных мира сего». Ведь каждый народ является носителем неповторимого мира, и не случайно именно в филологических науках функционирует понятие языковая картина мира (Колшанский, 2006), которая самым тесным образом связана с конкретной этнокультурой. Каждый народ и его язык представляют собой огромное культурное, познавательное и гуманитарное богатство, которые мы все должны защищать и охранять. В обратом случае человечество пойдёт совершенно другим антигуманным путём, а история в этом плане приносит много трагических уроков.

Литература:

1. Фатула, А. Русиния. Подкарпатская Русь. Закарпатье. Москва: Фонд «Русский мир» 2019.
2. Фейса, М. и колл. Колядкы/Коляди русинів-руснацох-лемків. Свидник: 2014.
3. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. Москва: КомКнига 2006.
4. Коневал, М. Пастуси і газдівство. Русиньскы обычаі зо Спіша. Пряшів: Русиньска оброда на Словеньску 2018.
5. Ябур, В., Плішкова, А., Копорова, К. Граматіка русиньского языка. Пряшів: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity 2015.
6. Konečný, S. Náčrt dejín karpatských Rusínov. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, Ústav rusínskeho jazyka a kultúry 2015.
7. Magocsi P. R. Chrbtom k horám. Dejiny Karpatskej Rusi a karpatských Rusínov. Prešov: UNIVERSUM 2016.

УДК 16.21.45

ПРОБЛЕМА ОРФОГРАФИРОВАНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

М. У. Сулейбанова
Чеченский государственный университет,
г. Грозный

Мы не ставили перед собой цель сформулировать все правила орфографирования сложных слов в чеченском языке. Это объект и предмет для специального изучения, здесь много вопросов, которые уместно рассматривать в контексте практической грамматики чеченского языка. Для упорядочения соответствующих норм, в том числе норм правописания сложных слов, создана правительством ЧР и работает в настоящее время специальная комиссия. Мы надеемся, что результаты проведенного нами исследования, носящего, прежде всего, теоретико-описательный характер, в определенной степени помогут этой комиссии сформулировать и обосновать четче принятые нормы и дополнить их выработкой норм по тем случаям, в орфографировании которых нет ясно сформулированных правил, в том числе норм правописания сложных слов.

Ключевые слова: *орфографирование сложных слов, чеченский язык, упорядочение соответствующих норм.*

We did not set ourselves the goal of formulating all the rules for spelling complex words in the Chechen language. This is an object and subject for special study, there are many questions that are appropriate to consider in the context of the practical grammar of the Chechen language. To streamline the relevant norms, including the rules for the spelling of complex words, the government of the Chechen Republic has been created and a special commission is currently working. We hope that the results of our study, which is, first of all, of a theoretical and descriptive nature, will help this commission to some extent formulate and substantiate more clearly accepted norms and supplement them with elaboration of norms for those cases in which there are no clearly formulated pitchfork, including spelling standards for compound words.

Key words: *spelling of complex words, Chechen language, streamlining of relevant norms.*

Одна из сложных проблем в современной чеченской орфографии связана с неупорядоченностью ее норм в части орфографирования сложных слов. Эту проблему осложняют, на наш взгляд, два основных фактора.

С одной стороны, в чеченском языке достаточно много сложных слов, соотносимых со словосочетаниями, и только какие-то тонкие различия на уровне значения и функциональных особенностей, сочетаемости таких единиц и их компонентов дают нам возможность установить, где у нас сложное слово, а где – словосочетание. Скажем, *бедаршюьттург* «прачка» и *бедарш юьттург* «белье стирающая». В предложении *Бедаршюьттург тахана хир яц, иза цомгуш хилла* «Прачки сегодня не будет, она заболела» мы имеем сложное слово со всеми, присущими для этих единиц, признаками. Те же компоненты в другом предложении – *Мила ю сан бедарш юьттург?* «Кто есть мое белье стирающая?» – в качестве сложного слова рассматриваться вряд ли могут. Здесь один из компонентов (*бедарш*) имеет свое определение (*сан* «мое»), подчинительная связь самостоятельного причастия и зависимого имени существительного здесь очевидна. Контекст может быть и таким, что отнесение соответствующих единиц к сложному слову или словосочетанию зависит от того, какой смысл вкладывает сам говорящий, какова сама ситуация, в которой порождается высказывание: *Хаза-м ю бедарш юьттург!/ Хаза-м ю бедаршюьттург!* Если в конкретной речевой ситуации речь идет действительно о женщине, для которой стирка белья является родом занятий, то уместно слитное написание и соответственно отнесение выделенной единицы к композитным словам. Однако речь может идти и просто о женщине, которая в данный момент занимается стиркой, но это не является для нее профессией, постоянным родом занятий, и в этом случае то же сочетание слов является, безусловно, словосочетанием.

С другой стороны, неопределенность и проблемы, связанные с орфографированием сложных слов, разграничением сложных слов и словосочетаний, связаны с массовым заимствованием из русского языка обозначений соответствующих понятий, для которых в чеченском языке не находилось нужной мотивирующей базы.

В первую очередь речь идет, конечно, о терминологии и специальной лексике. Прямое заимствование особых проблем не создавало и не создает, но калькирование соответствующих единиц из русского языка оказывается сложным процессом, и сложность эта связана со структурными особенностями контактирующих языков, различиями в оформлении и именных, и глагольных композитов, и именных компо-

зитов с мотивирующей базой, включающей глагольные и отглагольные формы

Вопросам орфографирования сложных слов в нахских языках было уделено внимание в написанной еще в 60-е годы монографии К.З. Чокаева [Чокаев 1963]. Как он отмечает в этой работе, со ссылкой на ряд работ [Степанова 1960],[Мусхелишвили 1963], [Абитов 1946], «подавляющее большинство исследователей этого вопроса в языках самых различных систем склоняется к мысли о необходимости слитного написания собственно композитов подчинительного типа и дефисного написания композитов сочинительного типа [Чокаев 1963].

Этого мнения, озвученного в применении к правописанию в языках иберийско-кавказской семьи А.Г. Шанидзе («Композиты цельнооформленные и с семантической и грамматической точек зрения должны писаться слитно»: [Шанидзе 1953], придерживались и придерживаются и многие исследователи кавказских языков.

Конечно, при решении вопроса орфографии сложных слов любого языка нужно исходить из признака цельнооформленности. Части слова, являющегося отображением единого понятия и обладающего грамматической цельностью, должны иметь и слитное графическое изображение.

Но вряд ли правильно считать слитное написание одним из критериев цельнооформленности сложного слова.

Нужно еще знать, какими правилами руководствоваться, определяя, слитно или раздельно должна писаться та или иная единица, характеризующаяся семантической цельностью, и, наоборот, необходимо знать, какова степень цельноформленности слова, насколько она достаточна, чтобы решить, писать то или иное сочетание двух и более слов слитно (соответственно считая его сложным словом) или раздельно (относя к словосочетанию).

«Реальная цельнооформленность сочетания может находить, а может и не находить своего отражения в орфографии, почему орфография и не может быть использована в качестве критерия при решении этого вопроса», – писала [О.С. Ахманова], имея в виду проблемы русской орфографии, но ее слова имеют прямое отношение и к тем проблемам, с которыми сталкиваются чеченцы и другие кавказцы при решении вопросов офрографии своих языков.

Не думаем, что решением этих проблем является предложение К.З. Чокаева, высказанное в цитированной работе: «Правда, следует при этом отметить, что слитное написание частей словосочетания может в какой-то степени содействовать монолитности словосочета-

ния и психическому восприятию словосочетания как сложного слова, семантическому, грамматическому и фонетическому (единая интонация) сближению составляющих частей. Если в течение длительного времени словосочетания употреблять в слитном написании, что возможно только в письменном языке, то этот фактор наряду с факторами другого порядка может сыграть роль ускорителя процесса лексикализации словосочетания» [Чокаев 1963]Предложение, однако, не совсем уверенное: «Однако при всем этом графическое изображение не может считаться само по себе критерием цельнооформленности композита, являющегося результатом структурного развития языка, тогда как орфография носит в отношении языка как бы надстроечный характер» (там же).

С цельнооформленностью сложных слов следовало бы связывать неизменяемость 1-го компонента в парадигме склонения в именных композитах с сочинительными и подчинительными отношениями. Так, слова *хIусамнана* «хозяйка дома», *йоIстаг* «девушка», *ІаьржабІаьрг* «фурункул, чирей» и под. характеризуются тем, что в качестве сложных слов у них изменяется только вторая часть, первая остается без изменения: *хIусамненан, хIусамнанна, хIусамнанас, хIусамненаца* и т.д. Соотносимые с ними словосочетания этим качеством не обладают, первый компонент, если он выражен изменяемой формой, также имеет свою парадигму: * Іаьржа бІаьрг – Іаьржачу бІаьрган Іаьржачу бІаьргана* и т.д. При этом семантически сложное слово и словосочетание, как правило, не совпадают: *Іаьржа бІаьрг* – «черный глаз», *ІаьржабІаьрг* – «фурункул».

Эти и многие другие примеры являются свидетельством того, что цельноформленность/ не цельнооформленность как особое графическое изображение словесных единиц (слитным, дефисным или раздельным написанием) – не самый надежный критерий отграничения сложных слов от словосочетаний, но формально-грамматическая спаянность компонентов, обусловленная иными семантико-синтаксическими отношениями их, в отличие от отношений между компонентами соотносимых словосочетаний, и новое значение, появившееся в результате соединения и обусловившее единую форму для всего композита, являются существенными признаками, дифференцирующими сложные слова и словосочетания и позволяющими решать, в том числе, вопросы орфографирования сложных слов.

Основные правила написания композитных слов были приняты еще в 1938 году, вместе с принятием действующей и сейчас кириллической графической основы чеченской и ингушской письменности

[Алфавит 1938]. Согласно этим правилам, в чеченской и ингушской письменности композиты подчинительного типа подлежат слитному написанию, в особенности те из них, компоненты которых подверглись семантической, фонетической модификации. Таковы, например, композиты: *катуоха* (инг. *катуоха*) «цапнуть» (букв. «руку ударить»), *дуогдаха* (инг. *дуогдаха*) «надеяться» («сердце изымать»), *ладуогIа* (инг. *ладувгIа*) «слушаться» («ухо ставить»), *кIалдаьтта* «сыр с маслом», *иетмаьIиг* «улитка» и др. Включение в это правило слов типа *кIалдаьтта* «сыр с маслом» было, конечно, ошибочным, так как здесь не подчинительные, а сочинительные отношения между компонентами (*кIалд, даьтта*). Данное правило принято в своде основных правил орфографии чеченского и ингушского языков. Это правило было отражено и сформулировано четче в опубликованных спустя два десятилетия после возвращения из депортации сводах орфографических правил чеченского и ингушского языков [Мациев, Джамалханов 1958];[Оздоев 1958]. Следует отметить, что, несмотря на малоисследованность самой проблемы сложных слов в нахских языках, принятые тогда правила были продуманными, орфографирование сложных слов представляло собой, может быть, сложную, но достаточно четкую систему. Во всяком случае, эти правила соответствуют реальной природе сложных слов в чеченском (и ингушском) языке в большей степени, чем те нововведения, которые буквально навязываются некоторыми представителями творческой и научной интеллигенции (в том числе некоторыми лингвистами).

Стремление свести все словосочетания к сложным словам так, как это считал допустимым К.З. Чокаев привело к тому, что словосочетания с управляемым существительным в абсолютиве, называемом чаще именительным падежом (*гIуллакх дан, болх бан, дов дан* и т.п.) все чаще пишут слитно: *гIуллакхдан, болхбан, довдан*. При этом не обращается никакого внимания на структуру предложений, в которых такие слова употребляются.

Как это видно из анализа соответствующих сложных слов и словосочетаний с глагольными компонентами, в чеченском и в целом в нахских языках собственно как глагольные композиты каузативного типа, образуемые соединением существительного и каузирующего вспомогательного глагола, не получили распространения, они сохраняют в себе все основные признаки словосочетания. Композитами являются многие производные от таких словосочетаний единицы – субстантивы (*гIуллакхдар, дабагIдар, дарбадар*). Если принять слитное написание вспомогательных глаголов, функционирующих в чечен-

ском и ингушском языках в качестве сказуемых эргативных конструкций (*Ас болх бо* «Я работу делаю/выполняю»; *Цуо гІуллакх дира суна* «Он дело (услугу) сделал мне»), мы тем самым нарушаем эргативный принцип построения переходных конструкций, наиболее последовательно, по оценке многих языковедов, выдерживаемый именно в чеченском и ингушском языках.

В этих языках нет никаких признаков тенденции к разрушению эргативной конструкции, поэтому в решении вопросов орфографии следует учитывать этот фактор, учитывать последствия для структуры предложения, его функционально-синтаксических свойств вариантов написаний, ориентированных, как бы ни старались это отрицать авторы нововведений, на русские переводы соответствующих единиц одним словом: *болх бан* «работать», *гІуллакх да*н «услужить», *дабагІ дан* «выделать», *муотт тоха* «донести» и др. Далеко не всегда, кстати, подобные слова переводятся на русский язык одним словом: *хьун ен* «лес сажать», *ялта кечдан* «зерно заготовить» и многие другие словосочетания так же, как приведенные выше, используются в качестве мотивирующей базы при образовании сложных слов (*хьунъер* «лесонасаждение», *ялтакечдар* «зернозаготовки»). То, что, например, в чеченском языке есть слова этого ряда, слиное написание которых уже стало нормой (*къахьега, сакъера, сатийса, сатаса, дуогдаккха, гІурбадан*), не означает, что известное исключение необходимо распространить на все словосочетания той же структуры. Единственно верным решением будет, на наш взгляд, раздельное написание во всех подобных случаях, связанных с сохранением эргативной структуры предложения (за исключением вошедших в норму слитных написаний незначительного количества слов).

Другая проблема современной чеченской (и ингушской) орфографии – написание сложных слов, образованных соединением подчиненной словоформы существительного – абсолютива с управляющей формой отглагольного существительного-масдара или самостоятельного причастия: *машарбезар* «миролюбие», *маршоезар* «свободолюбие», *куьглацар* «рукопожатие», *дойлелориг* «коневод», *стоьмашлелориг* «садовод», *сагІадехар* «нищенство, попрошайничество» и *сагІа деха* «порошайничать», *тоамбан* «удовлетвориться, считать достаточным», *туьхадухкург* «солонка», *чимтосург* «пепельница», *Іуьргдоккхург* «пробойник» и др. Представляется, что проблема может быть решена признанием того, что мотивирующей базой во всех подобных случаях являются глагольные *словосочетания* (*машар беза* «любить/желать мир/а», *маршо еза* «любить/желать свободы/у», *дой*

лело «коней разводить», *чим таса* «пепел бросить», *Іуьрг даккха* «дырку сделать» и т.п.), а производные с теми же компонентами являются сложными именами существительными, к которым, в соответствии с их семантикой и функциональными признаками, следует применять слитное написание: *маршоезар, дойлелор, чимтасар, Іуьргдаккхар*.

В целом, на наш взгляд, написание сложных слов в чечено-ингушской орфографии приведено в определенную систему, речь идет о доведении до конца той работа, которая проведена языковедами в прошлом, при формировании и «шлифовке» письменности (Н.Ф. Яковлевым, А.Г. Мациевым, Х.Д. Ошаевым, З.Д. Джамалхановым и др.). Так, например, достаточно четко регламентируется написание парных слов: их в соответствии с действующими нормами чечено-ингушской орфографии принято писать через дефис. Таковы, например, парные слова: *йиша-ваша* (инг. *йиша-воша*) «сестра-брат», *данана* (инг. так же) «отец-мать», *шича-маьхча* (инг. *шуча-мохча*) «двоюродный-троюродный брат (сестра)», *хьалха-тІаьхьа* (инг. *хьалха-тІиехьа*) «рано-поздно», *дика-вуо* (инг. так же) «хорошо-плохо», *вахава* (инг. *ваха-ва*) «пойти-прийти» и др. Через дефис принято писать также редупликаты: *дика-дика* (инг. *дика-дикагІа*) «хорошо-хорошо», *хаза-хаза* (инг. *хоз-хозагІа*) «красиво-красиво», *тайп-тайпана* (инг. *тайп-тайпара*) «разные», *шар-шара* (инг. *шер-шера*) «из года в год» и др. Через дефис принято писать сложные междометия и звуко-и образоподражания всех разновидностей: *хІай-хІай* «вот-вот», *ва-вай* (ответный возглас на зов), *тІох-тІох* (звукоподражание выстрелу из винтовки), *гур-гур, гап-гап, тІох-тІох* и другие. Это правила, распространяющиеся, за некоторыми исключениями, и на ингушскую орфографию. Что касается бацбийского языка, здесь об орфографических нормах говорить не приходится (язык бесписьменный), но исследователи, работающие с бацбийским языковым материалом, обычно (но не всегда последовательно) придерживаются тех же норм в орфографировании бацбийских сложных слов, которые приняты в чеченской и ингушской орфографии. Чаще всего эти нормы «нарушаются» в орфографировании сложных по структуре звуко- и образоподражаний, которые, например, в словаре Н. и Д. Кадагидзе пишутся, в большинстве случаев не через дефис, а слитно.

Как исключение отмечается слитное написание отдельных повторов и парных слов, части которых органически слились в единое целое. Таковы: *шишша* (инг. так же) «по два», *кхоккха* (инг. так же) «по три», *пхиппа* (инг. так же) «по пять», *кІаркІар* (от звукоподража-

ния) (инг. так же) «трещотка», *эладита* (от *эла*(*и*) «сказал (*а*)», *дита* «оставить, оставил (а)» (инг. *аьладита*) «сплетня», *кIалдаьтта* «творог с маслом (блюдо)» и др.

Слитное написание этих парных слов и повторов является показателем того, что процесс слияния их в единое слово завершился, тогда как другие парные слова и редупликаты, части которых пишутся через дефис, представляют собой переходную ступень от словесного ряда к слову. Сочетания этого типа имеют два равностепенных ударения на ударных слогах обоих компонентов, отделены друг от друга и интонационно.

Очевидно, что в решении орфографических вопросов, связанных с написанием композитных образований и соотносимых с ними словосочетаний, необходим дифференцированный подход, учитывающий грамматические и иные связи подобных единиц с другими в структуре предложения (а не только семантические свойства), имеющий в виду возможные последствия распространения слитного написания на единицы, имеющие все основные признаки словосочетаний. Достаточно много случаев, когда слитное написание оправданно, но немало и таких, в которых его нельзя допустить: в первую очередь речь идет, конечно, о сохранении эргативного принципа построения переходного предложения, исключительно последовательное соблюдение которого в чеченском и ингушском языках подчеркивается исследователями до сих пор.

В настоящей статье мы не ставили перед собой цель сформулировать все правила орфографирования сложных слов в чеченском языке. Это объект и предмет для специального изучения, здесь много вопросов, которые уместно рассматривать в контексте практической грамматики чеченского языка. Для упорядочения соответствующих норм, в том числе норм правописания сложных слов, создана правительством ЧР и работает в настоящее время специальная комиссия. Мы надеемся, что результаты проведенного нами исследования, носящего, прежде всего, теоретико-описательный характер, в определенной степени помогут этой комиссии сформулировать и обосновать четче принятые нормы и дополнить их выработкой норм по тем случаям, в орфографировании которых нет ясно сформулированных правил, в том числе норм правописания сложных слов.

Литература:

1. Абитов М. Л. Сложные слова в кабардино-черкесском языке. – Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1946. –23 с.

2. Алфавит 1938 Чечено-ингушский алфавит на русской основе и орфографии. Грозный, 1938.

3. Ахманова О.С.К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц (на материале английского и шведского языков) // Труды Института языкознания АН СССР, 1954. Т. 4. С. 50-73.

4. Мациев А.Г., Джамалханов З. Д. Основные правила правописания чеченского языка. Грозный, 1958. (на чеченском языке).

5. Мусхелишвили М. И. К вопросу о сложных словах в английском и грузинском языках. – Автореферат дис. … канд. филол. наук. Тбилиси, 1953. 21 с.

6. Оздоев И. А. Основные правила правописания ингушского языка. Грозный, 1958 (на ингушском языке).

7. Степанова М. Д. Словосложение в современном немецком языке: Автореф.дис…докт. филол.наук. Л.,1960. 49 с.

8. Чокаев К. З. Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи.Ч.I. Грозный,1963. 120с.

9. Шанидзе А. Г. Основы грузинской грамматики. Тбилиси, 1953. 178 с.

УДК 16.21.45

КОМПОЗИТЫ С ОПОРНОЙ ДЕВЕРБАЛЬНОЙ ОСНОВОЙ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

М. У. Сулейбанова,
И. Р. Мадаев
Чеченский государственный университет, г. Грозный

Семантический анализ исследуемых сложных единиц позволяет установить, что чеченские композиты имеют семантическое наполнение, полностью адекватное значению, выражаемому соответствующими русскими сложными словами, а именно: чеченские сложные единицы, подобно своим русским синонимам, выступают с одним единственным значением – значением действия, точнее – с процессуальной семантикой. Кроме того, обнаруживаются различия в соотношении сложных существительных по формальной сложности: в русском языке, как мы видели, формально сложнее существительные со значением действия/деятельности, тогда как в чеченском формальной сложностью характеризуются существительные со значением лица.

Ключевые слова: *композиты, семантическое наполнение, процессуальная семантика масдарные формы.*

A semantic analysis of the studied complex units allows us to establish that Chechen com-posites have a semantic content that is fully adequate to the value expressed by the corresponding Russian complex words, namely: Chechen complex units, like their Russian synonyms, come up with one single meaning - the value of the action, more precisely, with procedural semantics. The existing and well-known difference is that in the formation of such complex words in Russian, not one formant is used, but their whole system, while in Chechen it is exclusively masdar forms with a single formant –р. In addition, differences are found in the ratio of complex nouns in terms of formal complexity: in Russian, as we have seen, nouns with a meaning of action / activity are formally more complicated, while in Chechen formal nouns with a meaning of a person are characterized.

Key words: *composites, semantic filling, procedural semantics, masdar forms.*

Исследование фактического словарного материала обнаружило большое количество всевозможных суффиксов, которые вместе с таким распространенным словообразовательным способом, как словосложение, способствуют активному образованию новых сложных существительных. Поскольку охват всего многообразия производящих формантов не входит в нашу задачу, мы ограничимся здесь рассмотрением лишь наиболее продуктивных русских словообразовательных суффиксов и их чеченских соответствий.

Рассмотрение композитов в соответствии со значениями словообразовательных формантов представляет особый интерес в плане семантики, ибо каждый конкретный формант несет определенную семантическую нагрузку и предопределяет семантику соответствующего сложного слова. Например, сложное слово *«лесоторговля»*, включающее формант *–л(я),* наделено процессуальной семантикой, в то время как однокоренное с ним сложное слово «*лесоторговец*», образованное посредством суффикса *-ец*, несет совершенно иную семантическую нагрузку, а именно: обозначает лицо по принадлежности к определенному роду занятий. Здесь расхождение семантики сложных слов, имеющих одинаковые составляющие основы и объединяемых в родственную группу сложных единиц, вызвано различным семантическим наполнением формантов

Аналогичная картина наблюдается в чеченском языке только на первый взгляд. Ср.: *болатлалор* и *болатлалорхо, бошмашлелор* и *бошмашлелорхо,* и мн.др. Первые и вторые компоненты этих пар лексем входят в разные семантические классы. Но это не связано с использованием разных формантов с соответствующими различными словообразовательными значениями. Дело в том, что в чеченском языке подобные сложные слова характеризуются более сложными словообразовательными отношениями, чем те, которые мы наблюдаем в русском языке. В чеченском языке сопоставляемые пары сложных слов (*болатлалор* и *болатлалорхо, бошмашлелор* и *бошмашлелорхо*) различны по морфемно словообразовательной структуре: существительные со значением лица, для которых в качестве производящих основ можно рассматривать сложные образования со значением действия/деятельности, отличаются суффиксом *-хо*, и они всегда формально сложнее первых как минимум на этот суффикс. Соответственно они характеризуются и семантической сложностью (+»лицо, занимающееся деятельностью, обозначенной в производящей основе»).

Различия мы наблюдаем и в случаях с другими производящими основами. Ср. родственные пары в русском и чеченском языках, имеющие разные значения: *рыболов – рыболовство, чеч. ч1ерийлецар – ч1ерийлецар**хо**, садовод – садоводство, чеч. бошмашлелор - бошмашлелор**хо**.*

В русском языке, как мы видим, формально сложнее единицы со значением действия/деятельности(*садоводство* – бошмашлелор*, рыболовство* – ч1ерийле-цар), тогда как в чеченском формальной сложностью характеризуются имена со значением лица (*ч1ерийлецар**хо*** – рыболов, *бошмашлелор**хо*** – садовод). Тем не менее, на уровне словообразовательных значений формантов соответствия между русским и чеченским языками, как показывает дальнейший анализ подобных примеров, имеются.

Сопоставительный анализ позволил выделить в качестве наиболее продуктивных следующие форманты, участвующие в производстве сложных единиц в словообразовательных системах современного русского и чеченского языков:

1. Форманты *-ение(е), -ани(е), -и(е)*

Семантический анализ композитов с выделенными формантами показал однозначность семантического поля функционирования производных данного типа, а именно: все сложные единицы, с форман-

тами *-ени(е), -и(е),* употребляются в значении действия, названного девербативной основой соответствующих композитов.

Этот вывод становится убедительным при рассмотрении словосочетательной объективации данных слов[Сулейбанова,2001].

Так, сложное слово «землепользование» на словосочетательном уровне языка означает «пользование землей», «формообразование» – «образование формы» и т.д.

Вышеотмеченное общее семантическое значение действия, передаваемое посредством русских формантов, в словообразовательной системе современного чеченского языка оформляется с помощью суффиксов *-р, -хо.*

В чеченском языке внутри исследуемой группы наибольшую активность проявляет масдарный суффикс *-р.* Сравним: *кемадоха**р** – кораблекруш*ение*, болатлало**р** – сталевар**ение**,* и др.

Семантический анализ исследуемых сложных единиц позволяет установить, что чеченские композиты имеют семантическое наполнение, полностью адекватное значению, выражаемому соответствующими русскими сложными словами, а именно: чеченские сложные единицы, подобно своим русским синонимам, выступают с одним единственным значением – значением действия, точнее – с процессуальной семантикой.

Таким образом, исследование лексического материала не выявило расхождений в семантическом плане между соотносительными русскими и чеченскими композитами данной группы. Имеющееся и известное различие состоит в том, что в русском языке при образовании подобных сложных слов используется не один формант, а целая их система (кроме выделенных еще имеются и другие, рассматриваемые ниже), тогда как в чеченском это исключительно масдарные формы, имеющие единственный формант *–р.* Кроме того, обнаруживаются различия в соотношении сложных существительных по формальной сложности:в русском языке, как мы видели, формально сложнее существительные со значением действия/деятельности,тогда как в чеченском формальной сложностью характеризуются существительные со значением лица.

В производящих основах также не отмечается расхождений между синонимичными парами русских и чеченских сложных единиц. Как и соответствующие русские сложные слова, их чеченские эквиваленты также включают в качестве своих конструирующих компонентов слова, принадлежащие к различным грамматическим разрядам, но среди них преобладают девербативные и субстантивные основы.

Точнее, опорные компоненты исследуемых сложных слов чаще всего передаются девербативными корнями (ибо данная группа композитов, как уже было отмечено, наделена процессуальной семантикой, выражаемой в системах обоих языков глаголом), зависимые же основы не отличаются однородностью, проявляя принадлежность к самым различным частям речи: субстантиву (*словоизменение – дошхийцадалар*), квантитативу (*второбрачие – шолг1азудаялор*), местоимению (*самовосхищение – шашехвоккхавер*), а также к словам, восходящим к другим частям речи, призванным конкретизировать действие, названное опорной (глагольной) производящей основой[Сулейбанова,2001].

Сложные слова, образованные посредством перечисленных формантов, в современном русском языке поддаются синтаксической объективации либо на обоих известных уровнях одновременно, либо на каком-нибудь одном из этих уровней в зависимости от семантической принадлежности. Сложные единицы рассматриваемой группы в современном чеченском языке не могут иметь синтаксической объективации, т.к. не имеют синтаксических синонимов – соответстствующих словосочетаний, т.е. не образуют синонимических пар: *латтаахар* «землепашество» не составляет пару с «*ахар латта*» «пашество» и «земля», *къоратохар* «градобитие» также не имеет словосочетательной пары *тохар «битие»* и *къора «град»* и др.

2. Форманты -*к(а)* и -*лк(а)*

Семантическое поле композитов с выделенными формантами варьируется. Они охватывают четыре основных словообразовательных значения:

1) процессуальное, передаваемое формантом -*к(а).* Например, *верхолазка – лакхенийн белхало, казнокрадка – хазна лечкъориг* и др.;2) орудийное, передаваемое как формантом -*к(а),* так и формантом -*лк(а).* Например: *просорушка – борцъохьург; водокачка – хиузург;* 3) локальное, оформленное с помощью форманта - *лк(а),* реже -*к(а): землечерпалка - латтасхьаоьцург, бетономешалка – бетонкегорг*;4) значение лица с определенной характеристикой, выражаемой лишь формантом -к(а). *зубоскалка - елакъежарг, скороспелка – сихакхианарг*.

Опорные основы сложных слов данной группы в обоих языках восходят к девербативному корню. К последнему, в качестве зависимого компонента, присоединяются субстантивные основы (ср.: *мясорубка – жижигъотург*), а также возможны адъективные основы(ср.:*сладкоежка- мерза хIума езарг*), основы местоиме-

ний(ср.:*себялюбка–ша-шен езарг*).Заметим, что все представленные здесь основы субстантивированы.

Отмеченные первые вспомогательные части способствуют конкретизации семантика действия, названного соответствующими опорными компонентами.

Среди слов, входящих в данную группу сложных единиц, сложные слова с процессуальной семантикой в русском языке способны лишь к словосочетателыюй объективизации: сложные существительные, характеризуемые локальной семантикой, объективируются лишь в предложенческие конструкции; сложные же лексические единицы с субъективной семантикой могут объективироваться как в соответствующие словосочетания, так и в соответствующие предложения. Сравним: *лесозаготовка (заготовка леса), лесосушилка (место, где сушат лес), всезнайка: а) знающий все, б) тот, кто знает все*.

Исследование сложных слов, входящих в данную группу, выявило случаи, когда русское сложное имя, наделенное семантикой процесса или действия, а также обозначающее лицо, машину или прибор, выполняющие определенное действие, в чеченском языке передается не одним сложным словом, а словосочетанием. Сравним: *верхолазка - лакхенан белхало, казнокрадка – хазна лечкъориг* и др. [Сулейбанова, 2001].

На основе наблюдений над лексическими единицами В.П. Даниленко приходит к выводу о большой продуктивности слов с процессуальным значением, включающих суффикс *-ка*, по сравнению со словами с той же семантикой, образованными с помощью суффикса *–ние* [Даниленко,1964]. Наши же наблюдения позволяют заключить, что частотность употребления слов, образованных с помощью сравниваемых суффиксов, почти одинакова, незначительный же перевес в плане их продуктивности относится, скорее, к существительным с формантом *-ни(е),* нежели к существительным с формантом *-к(а).*

Сложные существительные с суффиксами - ник, - чик, -щик, - льщик характеризуются неоднородностью семантики, выступая преимущественно со значением лица, относящегося к определенной профессии, реже они обозначают предмет или лицо с какой-либо иной характеристикой.

Выделенная группа сложных единиц не отличается однородностью зависимых производящих основ. В роли последних фигурируют слова, принадлежащие к различным грамматическим разрядам: субстантиву (*водоприемник – хигулдийриг*), адъективу (*железнодорожник – аьчканекъахо),* наречию (*многоугольник – дукха сенаш - дерг*),

квантитативу (*пятигранник – пхиса-берг*), – конкретизирующие семантику опорного компонента, которое в системе обоих языков внутри данной группы выражается глагольной основой.

На синтаксическом уровне языка исследуемая группа сложных единиц русского языка свободно объективируется как в соотносительные словосочетания, так и в соотносительные предложенческие конструкции. Например: *газозаправщик – 1) заправляющий газом;* 2) *тот, кто заправляет газом* (предложенченская объективация);

В соответствующих чеченских сложных словах синтаксическая объективация не представляется возможной[Сулейбанова,2001].

3. Суффикс -*тель*

Семантическое поле сложных слов, образованных посредством указанного суффикса, прозрачно. Слова, объединяемые в данную словообразовательную группу, характеризуются в основном значением устройства или лица, выполняющего определенное действие (т.е. агентивной семантикой), названное опорным компонентом композита.

В словообразовательной системе современного чеченского языка отмеченный русский суффикс равнозначен по своему семантическому наполнению в основном суффиксам -*хо, -рг.*

Сравним: *кораблестроитель- кеманашдархо, золотоискатель-дешилоьхург.*

В плане основ, составляющих рассмотренный тип сложных слов, наблюдается полное соответствие между параллельными русскими и чеченскими композитами; опорные компоненты данных сложных единиц восходят к девербативной форме, а также возможны адъективные основы. Зависимые же части соотносятся либо с субстантивной, либо с адъективной основами.[Сулейбанова,2001]

Благодаря своей семантике носителя действия, исследуемая группа композитов в русском языке способна объективироваться на обоих известных уровнях синтаксиса. Например: *правдоискатель* – 1) ищущий правду (словосочетательная объективация); 2) тот, кто ищет правду (предложенческая объективация); Сравним с чеченскими соответствиями: *картолашъохкург* 1) картолаш охкуш ерг (предложенческая объективация); 2) картолаш охку машен (словосочетательная объективация)

4. Суффикс -*ость*

Семантическое поле композитов в обоих языках однозначно: сложные лексические единицы подобного типа несут качественную, оценочную характеристику состояния, что обусловлено семантикой

их суффиксов, производящих в словообразовательной системе языка имена качества.

Анализ выявил в чеченских сложных единицах, синонимичных соответствующим русским сложным словам, словообразовательный показатель в форме суффикса-*алла,* реже в форме суффикса-*р.*Сравним: грузоподъемность - кираайдаралла, самоокупаемость-шенхоржалла.

В противовес однозначности семантической нагрузки, привносимой в данные слова производящими суффиксами -ость, -лла и - р, основы, входящие в их состав, варьируются. Это может быть и субстантив, и адъектив, и местоимение. Опорные компоненты в обоих языках восходят к адъективу, зависимые же «вспомогательные» части происходят от адъективных, реже от местоименных основ.

Таким образом, здесь наблюдается высокая активность имени прилагательного, которое не отличается особой продуктивностью, тем более в роли опорного компонента сложных существительных.

Изучение синтаксической сферы употребления русских сложных слов анализируемого типа обнаружило их способность лишь к словосочетательной объективации, что, в свою очередь, обусловлено их семантикой. Сравним:

русск: *дальновидность* – видеть далеко, *хладостойкость* – устойчивая к холоду и т.д.чеч.: *б1аьрамецгалла* – б1аьрамециг хилар; *харцлоьралла* – харц лоьралла лелор и т.д.

Несмотря на отмеченные сходства между русскими сложными лексическими единицами с суффиксом -*ость*, выражающими определенную характеристику состояния, и их чеченскими эквивалентами на суффиксы -*лла(а), -р,* фактический материал и внутри рассматриваемой группы выявил в системе чеченского языка случай «описательной» или синтаксической передачи сложных слов на -*ость*. Сравним: *самоокупаемость – шиенхоржалла*, *боеспособность – т1ом бабалар.*

Исследование сложных слов, организующих данную группу, позволяет заметить, что внутри рассматриваемой группы встречаются русские композиты с суффиксом -*ость*, чеченские эквиваленты которых не соответствуют цельнооформленному сложному слову, а выражаются его сочетанием с простым словом. Сравним: *благотворительность-г1оьналла, жизнеспособность - доьналла*

5. Формант -*ств(о)*

Формант -*ств(о),* производящий в системе русского языка сложные единицы с одним-единственным семантическим значением дей-

ствия или деятельности, в чеченском языке имеет соответствие в форме суффиксальных показателей–*р,-лл(а).* Сравним:*домоводство – ц1алелор ,единоборство – вовшахлатар.*

Анализ композитов показал, что в системах обоих языков большинство опорных производных компонентов составляют девербативные основы (преимущественно корни «*вед» – «лелор»),* зависимые же части обнаруживают принадлежность к субстантивным основам(*животноводство– даьхнилелор*), а также возможны непродуктивные для рассматриваемой группы композитов вспомогательные компоненты, восходящие к адъективу (ср. *лжесвидетельство – харцтоьшалла),* или к местоимению (*самохвальство - шашенхестор).*

Соотносительные пары русских и чеченских сложных слов, способны объективироваться лишь на словосочетательном уровне синтаксиса, предложенческий же аспект трансформации исключается, что объясняется семантикой форманта *-ств (о)* и чеченских суффиксов *-р, -лл (а)* в значении, соответствующем значению *-ство*.Например:*звероводство – разведений зверей, льноводство – разведение льна* и т.д. Сравним с чеченским: *хьаьжк1ашлелор* «кукурузоводство»–*хьаьжк1аш лелаяр*(то же);*хастоьмашлелор* «овощеводство» – *хасстоьмаш лелабар* (то же) и др.

6. Суффикс *-ец*

Сложные единицы имеют двойственную семантическую природу: они обозначают либо лицо с качественной характеристикой, либо лицо по принадлежности к определенному роду занятий.

В системе современного чеченского языка семантическую соотнесенность с рассматриваемыми русскими композитами обнаруживают их лексические эквиваленты, включающие формант *-хо.* Реже такие слова имеют нулевой формант.

Сравним: *живописец–сурташдахкархо,землевладелец, земледелец – мехкада.*

Анализ сложных единиц показывает, что в системах обоих языков опорный производящий элемент соотносится либо с девербативной, либо с субстантивной формами.

Последние же присоединяют в качестве зависимого производящего компонента основы, принадлежащие к разным частым речи: субстантиву (ср.: *землепашец – латтаахархо),* адъективу *(ср.: иноходец – йорг1а),* квантитативу *(ср. двоеженец – ши зуда ерг),* местоимению *(ср. себялюбец – ша-шен везарг), наречию (скорописец - сиха-яздийриг).*

Синонимические пары русских и чеченских сложных слов данной группы способны объективироваться в соответствующие словосочетания, а в русском языке возможна объективация также и в предложенческие конструкции.

Сравним:русск.: *баснописец* – 1) пишущий басни; 2) тот, кто пишет басни;

канатоходец –1)ходящий по канату;2)тот, кто ходит по канату; чеч. *сурташдахкархо* –сурташ дохкуш верг, *латталелорхо* – латта лелош верг.

Исследование композит позволяет заметить, что внутри группы встречаются русские композиты с суффиксами - *ец*, чеченские эквиваленты которых не соответствуют цельнооформленному сложному слову, а выражаются его сочетанием с простым словом.Сравним: *хлеботорговец – ялта дохка-эцархо* и др.

Изучение формантов, производящих сложные слова, зафиксированные в словарях, выявило большое разнообразие семантических оттенков, привносимых в эти слова анализируемыми суффиксами, выполняющими смыслораз-личительную роль.

Почти во всех представленных группах сложных имен в русском языке суффиксальный способ словообразования сопровождается интерфиксацией, сущность которой, по Е.А. Земской, состоит в том, что «между двумя морфемами вставляется семантическая прокладка, устраняющая сочетания фонем, запрещенные законами морфологии или нетипичные для структуры русского слова» [Земская 1964].

В рассматриваемых русских примерах зафиксированы малоактивные случаи «нулевой интерфиксации», но отсутствие интерфиксальных показателей не отражается на общем процессе словосложения.

В отличие от русского словопроизводства, в чеченском класс композитов с нулевым интерфиксальным показателем намного обширнее, так как интерфиксальное словосложение почти не характерно для словообразовательной системы современного чеченского языка.

Итак, классификация сложных лексических единиц в соответствии с производящими формантами, обнаружившая большое количество новообразований, еще раз позволила убедиться в высокой продуктивности одного из наиболее распространенных способов современного словопроизводства – сложно-суффиксального способа в сочетании с интерфиксацией.

Литература:

1. Даниленко Даниленко В.П. Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования. В кн.: Развитие грамматики и лексики. М., 1964.

2. Земская 1964 Земская Е.А. Интерфиксация в современном русском словообразовании. // В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

3. Сулейбанова М.У.Сложные существительные в современном русском и чеченском языках. Пятигорск, 2001.62с.

УДК 81.2

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ КАК ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ПИСАТЕЛЯ

З. М. Султалиева,
Дагестанский политехнический колледж,
г. Махачкала

Актуальные проблемы пропаганды преподавания родного языка становятся основной формой исследования состояния национальных языков в концепции дагестанской литературы. Изучение современного состояния национального литературного языка и перспективы развития определяются в концепции художественной литературы, в частности, индивидуального стиля писателя – национального и социокультурного канона поэта.

Ключевые слова: *писатель, индивидуальный стиль, русский язык, перевод, художественная литература*

Actual problems of teaching in the mother tongue of propaganda have become the main form of studies of national languages in the concept of Dagestan literature. A study of current status of national literary language and development perspectives are defined in the concept of fiction, in particular, individual style of writer-national and cultural canon.

Keywords: *writer, individual style, Russian language, translation, fiction*

Уровень современной научной парадигмы выявляет два плана художественной литературы: первый план – это внешний, исследуемый наукой. Второй план – внутренний, разграничивающий содержа-

ние индивидуального стиля [1, с. 31]. С подобным разграничением научной парадигмы трудно не согласиться. Для восприятия концепции индивидуального художественного стиля, в узком смысле современной дагестанской литературы, допускаются трансформации национального и социокультурного канона. Язык поэта в трансформации индивидуального художественного стиля выявляет соотношение концепции национального канона в дагестанской художественной переводной литературе. Появление общественно-политических терминов, как правило, вызвано социальными преобразованиями, которые нашли отражение в дагестанской художественной переводной литературе. Сделанные уточнения, касаются различий формы и содержания языка и речи, и отношения между нормой и мерилом поэтов являются не только прагматическими, но и прогностическими, определяющими тенденции формирования общественно-политической терминологии новой литературной эпохи. Общественно-политическая терминология в языке художественной литературы начала разрабатываться, ориентируясь, в основном, на русскоязычную традицию, хотя тенденции к использованию заимствованной лексики в дагестанских языках продолжали в течение определенного периода. Ранние заимствования из русского языка в дагестанских, отражающие сферы социального взаимодействия носителей, относились к лексике административно-управленческой, военной, культурно-бытовой, религиозной и т.д. Различные социальные и культурные перемены, преобразование государственного строя и жизненного уклада дагестанцев породили новые понятия, требовавшие новых наименований [2]. См. Таблицу № 1

Таблица №1

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ		
ТЮРКИЗМЫ	ПЕРСИЗМЫ	АРАБИЗМЫ
приказ «буйругъ»	список «сиягь»	судья «къази»
армия «кьушун»	министр «везир»	секретарь «дибир»
эскер «офицер»	торговец «безирган»	закон «къанун»
юзбаши «воин»	батрак «муздур»	орден «шапакьат»

Впитав культуру исторической эпохи, пословицы фиксирует мерило культурного канона дагестанцев, которое позволяет очертить формы внешнего мира и мира поэтического [3].

Большинство примеров, выявленных в нашей статье, объединяются не только общими чертами национального и литературного язы-

ка, формирующими общественно-политический пласт дагестанских языков, но также упорядочиваются стиранием диалектных границ. В данном случае целесообразно заметить то, что специфическими структурно-семантическими характеристиками поэтической лексики является стирание диалектных границ в двух исторических эпохах (Октябрьской революции и Второй мировой войны).

Язык поэта формировался в двух исторических эпохах и является продуктом социокультурного канона; его язык способствовал развитию аспектов нормативности литературного языка и стиранию диалектных границ [4].

1) отсутствие многозначных поэтизмов;

2) преобладание производной морфологической структуры;

3) распространение тематической группы «общественно-политической терминологии»;

4) своеобразная частеречная характеристика;

5) нераспространенность внутристилевой синонимии [5, с. 89].

Приведенные выше формулировки различаются частеречными характеристиками поэтических единиц в русско-национальных текстах.

Литература:

1. Абдурахманова А. Г. Функциональная модель словаря национальной культуры и маршрут стилизации терминов // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 2 (63). С. 323-325.

2. Ганиева Ф. А. Лингвокультурная специфика имени собственного в фольклорных текстах (на материале анализа языков Дагестана) // Мир культуры, науки и образования. 2019 2019. № 2 (75). С. 562-564.

3. Караева С. А. Имя собственное*имя нарицательное как фактор системности в терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5-3 (59). С. 166-169.

4. Феталиева Л. П. Исторические этапы развития инклюзивного образования младших школьников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 94-99.

УДК 81-21

ИЗУЧЕНИЕ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ В ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВА

М. М. Султыгова,
Л. Х. Галаева
Ингушский государственный университет, г. Магас

В статье анализируется традиционное влияние русского языка на ингушский язык, увеличивающееся давление (достаточно агрессивное) английского языка как международного языка, и, несомненно, его престиж. Этот фактор, способствует снижению статуса ингушского языка.

Ключевые слова: *русский язык, английский язык, ингушский язык, влияние, престиж языка*

The article analyzes the traditional influence of the Russian language on the Ingush language, the increasing pressure of (quite aggressive) English as an international language, and, undoubtedly, its prestige. This factor contributes to the decline in the status of the Ingush language.

Keywords: *Russian, English, Ingush, influence, prestige*

В целях создания условий для сохранения и развития родных языков народов Российской Федерации, являющихся национальным достоянием и историко-культурным наследием Российского государства, президентом российской Федерации в 2018 году подписан Указ «О создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации». Создание этого Фонда было обусловлено внесением поправок в Закон «Об образовании в Российской Федерации» в части изучения родного языка в общеобразовательных учреждениях из числа языков народов России и государственных языков республик, находящихся в составе Российской Федерации. А также тем обстоятельством, что сегодня невозможно каждому ребенку обеспечить изучение того языка, который он выберет в качестве родного по причине многонациональности нашей страны. Поэтому создание специального Фонда будет способствовать расширению возможностей системы образования посредством его целенаправленной деятельности.

Мы все знаем, что данные поправки в действующий закон «Об образовании в Российской Федерации» еще на стадии законодатель-

ной инициативы вызвали широкий общественный резонанс, так как общественность (прежде всего, в национальных республиках и национально-административных территориях) усмотрели в них определенные угрозы сохранению языков малых народов. Определенная тревожность данных поправок связана с позицией, предусматривающих (в соответствии с данными поправками) исключительное право родителей выбирать родной язык для их детей: то есть, именно родители решают, какой язык их ребенок будет изучать в школе в качестве родного языка.

Инициаторы рассматриваемых поправок успокаивали нас всех, разъясняя, что целью этой законодательной инициативы является найти компромиссное решение в вопросе изучения (в качестве родных) всех без исключения языков, локализованных на территории нашей страны. Согласно позиции инициаторов, внесение этих поправок позволит, с одной стороны, обеспечить добровольность в выборе родного языка, а с другой – обеспечить обязательность обучения родным языкам и поддержать изучение национальных языков. Теперь и русский язык, который был обязателен для изучения в школах на всей территории Российской Федерации, включен в число родных языков, а это значит, что учащиеся (а вернее, их родители) могут выбирать русский язык в качестве родного языка для изучения в школе.

Безусловно, желание и усилия государства на таком высоком уровне рассматривать вопросы сохранения и развития национальных языков народов Российской Федерации можно только приветствовать, поскольку все мы, занимающиеся проблемами сохранения и развития национальных языков, понимаем, что год от года проблема языков малых народов актуализируется все явственнее. Однако факт, что данная проблема теперь сведена к статусу школьного уровня, значительно усложняет ситуацию с национальными языками. И этому есть объективные причины. В частности, традиционно национальные республики испытывают сложность с уровнем образования учителей, преподающих языки титульных национальностей. Это связано с тем, что подавляющее большинство высших учебных заведений, специализирующихся по местным языкам, отмечают невысокий уровень знаний у студентов. На национальные факультеты поступают зачастую по «остаточному» принципу исходя из невысокого конкурса на эту специальность. Соответственно, говорить о выдающихся учителях родных языков не приходится (мы не имеем в виду единичные случаи исключений). Добавим сюда «агрессивное» влияние русского и ан-

глийского языков на ингушский язык – и картина складывается не совсем оптимистичная.

В последние годы в связи с введением в общеобразовательных учреждениях итоговых экзаменов в форме ЕГЭ и ГИА наблюдается определенное нежелание родителей и учащихся к изучению родных языков как обязательных учебных дисциплин. Практически все участники образовательного процесса в школе (учащиеся, педагоги и родители) нацелены на успешную сдачу обязательных экзаменов, а также экзаменов по выбору. Это, с одной стороны, оправдано, поскольку от результатов по этим предметам зависит успешное поступление выпускников в выбранный ими ВУЗ. Теперь же в связи с принятием указанных выше поправок в Закон «Об образовании в Российской Федерации» стало возможным выбирать в качестве родного языка для изучения в школе русский язык. То есть, дополнительно к тому, что в обязательном порядке в школах России изучается русский язык, любой учащийся может выбрать его же в качестве родного языка для изучения. Курс русского языка в современной российской школе теперь разделен на русский язык как государственный язык и русский язык как родной язык. Следовательно, в случае, когда учащийся выбирает в качестве родного языка для изучения в школе русский язык, то из учебного плана применительно к данному учащемуся выбывает его фактически родной язык.

Родители учащихся в подавляющем большинстве стали использовать эту ситуацию по-своему. Поскольку русский язык обязателен для сдачи ЕГЭ и ГИА, значит, выбирая его в качестве родного, можно решить две задачи: освободить ребенка от лишней нагрузки, с одной стороны, а с другой – больше заниматься в рамках учебной программы русским языком. Исходя именно из этих соображений родители-ингуши, несмотря на владение их детьми ингушским языком, пишут заявления о том, чтобы их дети изучали в школах русский язык в качестве родного языка. В этой связи нельзя не согласиться с мнением З.М. Габуниа и Г.Р. Тирадо, отметившим, что «…если в качестве родного языка называется язык, связанный не с этническим происхождением, а с социальной обстановкой. В такой ситуации происходит постепенное исчезновение языка» [1, с. 17].

Таким образом, мы наблюдаем, как дети отдаляются не только от родного для них ингушского языка, но и от национальной ингушской культуры, традиций и обычаев. Такому положению способствовало то, что теперь в соответствии с внесенными поправками в закон «Об образовании в Российской Федерации» выбирать в качестве родного

языка для изучения в школе можно любой язык народов РФ, при этом принципиально не имеет значения, к какой национальности (этнически) принадлежит ребенок.

ЮНЕСКО в «Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения», определила большинство северокавказских языков как исчезающие. Языковеды знают, что не существует какого-то одного показателя, по которому можно определить степень опасности для исчезновения языка. Но в перечень критериев, в совокупности определяющих эту опасность, входят и такие критерии как государственная политика в отношении языка и отношение членов общины к родному языку. А мы с вами сейчас наблюдаем на примерах поправок, внесенных в Закон «Об образовании в Российской Федерации», именно не совсем продуманные меры со стороны государства и, как следствие, непатриотичное наше отношение к изучению и сохранению родных языков.

Если добавим сюда все последствия для языков небольших по численности народов, которые несут с собой глобализация, миграция, урбанизация, а также ряд историко-культурных причин, в числе которых и религиозный фактор, то перспектива для северокавказских языков выглядит далеко не оптимистичной.

Поскольку в нашем случае ингушский язык (впрочем, как и другие северокавказские языки) вынужден конкурировать с русским языком, который вытесняет ингушский из общественного использования, соответственно, уже есть повод для беспокойства.

Одним из основных факторов сохранения языка является его использование в системе школьного образования. Следует отметить, что в Ингушетии ни в одном общеобразовательном учреждении не ведется обучение на ингушском языке, то есть отсутствуют национальные школы. А в связи с вышеизложенными нами обстоятельствами меняется и отношение ингушей к ингушскому языку как к учебной дисциплине. И здесь нельзя не согласиться с мнением специалистов в области языкознания (в частности, К. Леман) о том, что «…ситуация становится драматической для языка в тот момент, когда подрастающее поколение больше не осваивает его как родной. Тогда этот язык обречен умереть вместе с последним поколением говорящих на нем людей. Опять же, само по себе количество говорящих, которое часто используют как показатель способности языка к выживанию, не так важно. Даже большие языковые общности могут сменить свой язык за несколько поколений, если считают его непрестижным с социальной точки зрения» [2, с. 184].

В последние десятилетия кроме традиционного влияния русского языка ингушский язык испытывает все увеличивающееся давление (достаточно агрессивное) английского языка как международного языка, в силу своего статуса ставшего несомненно престижным. Это тоже фактор, способствующий в определенной мере снижению статуса ингушского языка.

Одновременно не ясна и ситуация с изучением русского языка как родного. Учебные предметы «русский язык» и «русский родной язык» – это по сути два разных предмета, под каждый из которых в соответствии с ФГОС следует разработать отдельную рабочую программу. Принципиальным является то, что не допускается в школах вводить предмет «родной русский язык» за счет часов, отведенных на изучение русского языка.

Кроме того, примечательным является положение, согласно которому школа сама должна решать, какое количество часов установить в учебном плане на изучение русского языка как родного. Однако с учетом перегруженности учебной программы, отсутствия учебников по предмету «родной русский язык» есть вероятность того, что многие образовательные учреждения будут использовать уроки родного русского языка для дополнительных занятий по подготовке учащихся к ГИА и ЕГЭ. А это уже дополнительный стимул к тому, что родители массово будут выбирать для изучения их детьми в школе в качестве родного языка русский язык.

Мы ни в коей мере не хотим сгущать краски и зацикливаться только на негативных моментах. Просто история знает много примеров, когда в относительно благополучной ситуации язык вымирал. В этой связи представляется целесообразным и в какой-то степени необходимым форсированное исследование всех без исключения языков народов Северного Кавказа для сохранения знаний о них для последующих поколений. Наш Кавказ как уникальный в культурном и лингвистическом отношении регион заслуживает пристального внимания историков и этнографов, лингвистов и фольклористов, всех тех, кто не равнодушен к такому феномену как кавказская цивилизация. А говорить о ней, исследовать этот феномен можно будет только тогда, когда мы сохраним наши кавказские языки как коллективную память и культурное наследие кавказских народов.

Литература:

1. Габуниа З.М., Тирадо Р.Г. Современная глобализация и проблемы малочисленных языков в лингвистике XX в. // Лингвистиче-

ское кавказоведение и тюркология: традиции и современность. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесский государственный университет, 2007. С. 13-22.

2. Леман К. Документация языков, находящихся под угрозой вымирания // Вопросы языкознания. 1996. №2. С. 180-191.

УДК 811. 35

LEXCAUC – A LEXICAL DATABASE OF THE CAUCASIAN LANGUAGES

D. Forker,
University of Jena;
O. Belyaev
University of Moscow

In the article analyzed the project aims at building up a comprehensive lexical database of the languages of the Caucasus and at examining the data with respect to a range of interdisciplinary approaches. The database will represent a long-term resource. During the duration of the project first data from East Caucasian (Nakh-Daghestanian) languages will be entered, but the structure will allow for the permanent addition of new languages from all other Caucasian language families.

Keywords: *of the languages of the Caucasus language families Abkhaz-Adyghe, Nakh-Daghestanian*

The Caucasus is the place with the greatest linguistic variation in Europe, in Nichol's (1992) terms a classical 'residual zone'. It has been known since antiquity as the "Mountain of tongues" As Comrie (2008) puts it, the Caucasus is an area with high genealogical and high structural diversity. Within the Caucasus, Daghestan is the area with the highest number of languages.

The autochthonous languages of the Caucasus belong to three families: North-West Caucasian (or Abkhaz-Adyghe), North-East Caucasian (or Nakh-Daghestanian) and South Caucasian (or Kartvelian), with probably no genetic relationship between them. Besides these so-called "Caucasian languages" there are a number of languages from other families spoken in the Caucasus, among them many in Daghestan, e.g. Indo-European languages like Armenian, Ossetic, Talyshi, Tat and nowadays Russian or Turkic languages like Azerbaijani, Kumyk, Karachay-Balkar and Noghay.

The investigation of this diversity through linguistic data is the goal of this project.

The project aims at building up a comprehensive lexical database of the languages of the Caucasus and at examining the data with respect to a range of interdisciplinary approaches. The database will represent a long-term resource. During the duration of the project first data from East Caucasian (Nakh-Daghestanian) languages will be entered, but the structure will allow for the permanent addition of new languages from all other Caucasian language families.

The database will contain the following information for every lexeme: transcription (IPA, standard orthography), precise English translation, grammatical information, audio recording, and metadata.

The database will be open-access and presented by means of a website that will also contain maps of the region. In addition, the website will provide information on the languages, the cultures and the people of the Caucasus such that it can be of use not only for the scientific community but also for the general public. The construction of the database will be technically supported by experts of the MPI-SHH in Jena.

Crosslinguistic databases are at the center of interest in contemporary linguistic typology and historical linguistics. In typology, such databases as WALS and APiCS have become standard reference sources on various features of grammatical variation, and in some cases have also served as the basis for quantitative research (although this was never the original intention in the case of WALS). In historical linguistics, lexical databases have been the most influential. One of the first electronic comparative-historical lexical databases is STARLING, originally developed by Sergei Starostin and continued by researchers from the Moscow School of comparative linguistics. Another database that has made a major impact in quantitative historical linguistics is the database of the Automated Similarity Judgement Program (ASJP, led by Søren Wichmann). The core of ASJP is the collection of uniform 40-word lists for the majority of the world's languages. A similar idea lies behind the Intercontinental Dictionary Series (IDS) led by Mary Ritchie Key and Bernard Comrie; the wordlist is much larger (1310 entries) but is less reliable because the meanings are less stable.

However, a major shortcoming of this method is that there is no way to guarantee the semantic uniformity of the lists. For example, such Swadesh terms as 'earth' or 'person' are inherently ambiguous; if different meanings are collected in different languages, the results will be distorted. This is why recent research has strived to create databases based on stand-

ardized lists of meaning with precise definitions. A pioneering work is Kassian et al. 2010 (http://starling.rinet.ru/new100/Swadesh.htm), which provides definitions and diagnostic contexts for 110 Swadesh terms. This list forms the basis of the Global Lexicostatistical Database, developed in Moscow by a team led by George Starostin. A similar concept lies behind the CoBL project, with a slightly larger (200 word) list and with somewhat different definitions.

This new methodology entails that a *wordlist* for a given language is not merely a collection of words extracted from dictionaries and other common sources. A wordlist in this sense is the result of meticulous work and analysis and in this way is a research object in its own right. Even comprehensive dictionaries are most often based on very simplistic wordlists that do not attempt to provide more specific definitions. At most, dictionaries include example sentences which may provide some insight on the semantics. Existing cross-linguistic databases such as IDS do not provide even that, just giving a list of meanings and lexical items. This database is different in that: (a) the meanings will be precise, therefore the data will not be (generally) equivalent to any existing source; (b) standardized example sentences will illustrate the meaning; (c) morphological information (stems, gender etc.) will be included; (d) for the major languages at least, audio data will be provided. Thus, we can call the project a *cross-linguistic dictionary project*, not just a *database project*. Compiling the lexical data of East Caucasian languages in a uniform way is already a significant research task.

Apart from that, after the bulk of the database is completed, we expect it to be used in the standard applications that are typical for such database projects. This includes the following aims. First, genealogical classification of languages. At the final stage of the project, when cognate judgements will be encoded in the database, it will be possible to automatically construct such a classification based on cognate counts. However, even before that, as soon as the data themselves are available, it will be possible to construct a preliminary classification based on phonetic similarity alone, similar to the ASJP method, or to Aharon Dolgopolsky's (1996) consonant classes method. It will be instructive to compare this automatic classification with the existing hypotheses of subgrouping. Eventually such a classification can also provide hypotheses on subgroups that can then be verified using more advanced methods.

Second, a very significant application of cross-linguistic databases is language dynamics, including tracing prehistoric migrations and language contact patterns. The former is especially important in the case of the Caucasus, since the prehistory of the region still in many ways remains a mys-

tery. A pioneering example of an approach that may allow such research to be carried out based on lexical data is Bouckaert et al. (2012). Similar methods may be used to model the origins of East Caucasian languages. As for the latter (language contact), a notable example is the World Loanword) and Database (http://wold.clld.org/ the corresponding volume (Haspelmath & Tadmor, 2009). WOLD is a very important project that shows how the study of loanwords can shed light both on the structure of the lexicon and on the patterns of language contact. However, the Caucasus is underrepresented in WOLD, and as such it cannot be used as a source for exploring this area in a more detailed way. This would be a worthwhile aim, because the Caucasus is a very linguistically diverse region, both in terms of language families (West Caucasian, East-Caucasian, South Caucasian, Indo-European, Turkic) and in terms of internal variation within families: for example, borrowings between different branches of East Caucasian, reflecting ancient contact areas, are abundant (e.g. see Nichols 2013).

Furthermore, the database will be an open-access and thus publically available resource for scientists of different disciplines and different backgrounds as well as for the general public. It will present primary lexical data of the Caucasian languages and dialects and articles that provide more information on individual languages. The articles will be written by experts (similar to other team projects in linguistics such as the World Loanword Database, http://wold.clld.org/). In addition to the data and the scientific articles the website will contain general information on the languages, the cultures and the peoples of the Caucasus. In this way, the general knowledge about the region will be enhanced and the general public will be informed about the relevance and the importance of the Caucasus.

References:

1. Bouckaert, Remco, Philippe Lemey, Michael Dunn, Simon J. Greenhill,
2. Alexander V. Alekseyenko, Alexei J. Drummond, Russell D. Gray, Marc A. Suchard, Quentin D. Atkinson. 2012. Mapping the origins and expansion of the Indo-European language family. Science 337 (6097): 957–960.
3. Comrie, Bernard. 2008. Linguistic diversity in the Caucasus. Annual Review of Anthropology 37, 131-143.
4. Haspelmath Martin and Uri Tadmor (eds.). 2009. Loanwords in the world's languages: A comparative handbook. Berlin: Mouton de Gruyter.
5. Nichols, Johanna. 1992. Linguistic diversity in space and time. Chicago: University of Chicago Press.
6. Nichols, Johanna. 2013. Causativization and contact in Nakh-Daghestanian. ProceedingsofBLS 37, pp. 68-80.

УДК 811.351.42

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО ЭТИКЕТНОГО ОБЩЕНИИ ЧЕЧЕНЦЕВ И ДАГЕСТАНЦЕВ-БИЛИНГВОВ

М. Я. Хачукаева
Российский исламский университет,
г. Грозный

В статье исследуются особенности этикетного общения чеченцев и дагестанцев-билингвов. Показано к каким изменениям в области вербального и невербального этикетного общения приводит распространение билингвизма среди чеченцев и дагестанцев. Употребление некоторых этикетных формул русского языка дагестанцами и чеченцами-билингвами при общении на родном языке объясняется не только отсутствием их полнозначного эквивалента в родных языках, но и влиянием навыков русской речи билингвов.

Ключевые слова: *чеченцы и дагестанцы-билингвы, вербальное и невербальное общение, речевой этикет*.

The article explores the peculiarities of etiquette communication between Chechens and Dagestan-bilinguals. It shows what changes in verbal and non-verbal etiquette are leading to the spread of bilingualism among Chechens and Dagestanians. The use of some etiquette formulas of the Russian language by Dagestanians and Chechen bilinguals when communicating in their native language is explained not only by the lack of their full-value equivalent in their native languages, but also by the influence of the skills of Russian bilingual strains.

Keywords: *Chechens and Dagestan-bilinguals, verbal and non-verbal communication, speech etiquette*

Для общения людей, представляющих разные культуры, необходим язык-посредник, которым пользуются представители разных языковых сообществ. Одним из самых ярких явлений межкультурной коммуникации представителей разных коммуникативных культур стало явление билингвизма или двуязычия. Щерба Л.В. понимает под билингвизмом или двуязычием «способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках. Так как язык является функцией социальных группировок, то быть двуязычным значит принадлежать одновременно к двум таким различным группировкам» [3, с. 314].

Билингвизм не предстаёт как однородное явление. Обычно различают «чистое» и «смешенное» двуязычие. Среди чеченцев и дагестанцев-билингвов больше востребовано «смешенное» двуязычие, когда коммуниканты свободно переходят от родного языка к русскому и употребляют то родной, то русский язык, в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации.

Для речи чеченцев и особенно дагестанцев на родном языке характерны вкрапления из русского языка. Количество и частота их употребления зависит, в том числе и от степени владения билингвом как русским, так и родным языком. Чем выше уровень владения русским языком, тем чаще в его речи на родном языке встречаются вкрапления из русского языка. Такие вкрапления из русского языка характерны чаще для чеченца-билингва.

На частоту употребления вкраплений из русского языка влияет также, отсутствие устойчивых навыков общения на родном языке, когда билингв затрудняется выбрать средства родного языка из-за недостаточного владения родным языком. Как правило, такие вкрапления характерны для речи дагестанцев-билингвов (представителей городского населения).

Распространение билингвизма среди чеченцев и дагестанцев приводит к изменению формул речевого этикета. Например, имеет место использование в качестве обращения национальных терминов родства или их русских соответствий («отец», «брат», «сестра», «сноха», «невестка») для достижения запланированного перлокутивного эффекта, В то время как использование терминов родства, в фатической функции установления контакта не принято в условиях моноэтнической русской среды.

Применение терминов родства в вокативной функции определяется не языковыми особенностями, а, скорее, культурными традициями. Например, в русской культуре термины «отец», «брат», «сестра», и тем более «сноха», «невестка» не используются в качестве обращения. В нахской и дагестанской культуре эти термины родства, напротив, располагают высоким вокативным потенциалом. В аварском языке существует даже специальная вокативная форма от слова *нус* «сноха», «невестка» – *нусай* (форма вокативного падежа ныне утраченного в аварском языке).

В нахско-дагестанском речевом этикете данные термины являются устоявшимися формулами общения, предписываемыми обществом для установления речевого контакта коммуникантов с целью проявления вежливого отношения к адресату. Подобные вокативы Н. Э. Гаджиахмедов, Т.М. Мусаева и Д.С. Самедов квалифицируют как

«микрофрагменты языковой картины мира», исследование которых «имеет не только собственно лингвистическое значение, но и лингвокультурологическое и этнокультурное», поскольку в «устойчивых формулах (стереотипах) общения отложились богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа» [1, с. 66].

Как известно, в формулах речевого этикета обнаруживаются «приметы места» (на разных территориях) избираются различные тактики поведения в тождественных ситуациях) и «приметы времени» (клишированные средства выражения речевого этикета зависят от времени и господствующей идеологии) [2, с. 201]. Приметой места, характерной для всего кавказского региона, является употребление терминов родства («отец», «брат», «сестра», «сноха», «невестка») в речевом этикете в функции установления вежливого контакта.

Дагестанцы и чеченцы-билингвы, при общении на родном языке, употребляют некоторые этикетные формулы русского языка («пожалуйста», «будьте добры», «здравствуй(те)» и некот. др.) как под влиянием навыков русской речи билингвов, так и по причине отсутствия их полнозначного эквивалента в родных языках.

Невербальные средства, сопровождающие речевые формулы у носителей русского языка и билингвов чеченцев и дагестанцев различаются. Билингвы, как правило, сопровождают приветствие «здравствуй(те)» невербальной кинетикой: вставанием и рукопожатием. В русском речевом этикете данный невербальный компонент приветствия возможен, но не обязателен.

В невербальном этикетном общении чеченцев и дагестанцев-билингвов тесно переплелись традиционно горская и русско-европейская кинесические системы. Даже такой универсальный жест, как рукопожатие, приобретает в условиях общения чеченцев и дагестанцев-билингвов региональный оттенок.

Литература:

1. Гаджиахмедов Н.Э., Мусаева Т.М., Самедов Д.С. К вопросу о приветствиях в разных коммуникативных культурах // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. № 3. С. 66-69.

2. Маллаева З. М. Некоторые речевые особенности ритуала приветствия в дагестанских языках // Материалы Международного симпозиума «Фольклор и лингвокультурология народов Кавказа». Тбилиси, 2012. С. 196-2014.

3. Щерба Л. В. К вопросу о двуязычии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 313- 318.

УДК 811.352.3

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ АФОРИЗМА (на материале Э. Капиева, Х. Теучежа, А. Псигусова)

Ф.Н. Хуако
Майкопский государственный
технологический университет, г. Майкоп

В статье анализируется пространство адекватного афористического концентрата, состоящегося из целого комплекса наслоений, покрывающих качественные черты данного предмета. Такие наслоения касаются и композиции, и мысли, и стилевой насыщенности афористических текстов. Именно по ним автор классифицирует концептуальные признаки афоризма.

Ключевые слова: *афоризм, народная мудрость, высказывания, афоритический концентрат, текст.*

The article analyzes the space of adequate aphoristic concentrate, consisting of a whole set of layers covering the qualitative features of the subject. Such layers relate to composition, thoughts, and style saturation of aphoristic texts. It is for them that the author classifies the conceptual signs of aphorism.

Keywords: *aphorism, folk wisdom, sayings, aphoristic concentrate, text.*

Несомненным является то, что частая проза в советское время была наводнена мощной струей высказываний и афоризмов (вплоть до парадоксов), которые были заимствованы в узконациолнальных источниках. Аналогично и северокавказская литература пополнялась подобным естественным путем в своей народной мудрости, проявлявшейся в высказываниях предков.

Занимающиеся языковыми средствами выразительности ученые согласны в следующем. Пространство адекватного афористического концентрата являет собой трудный разно-версионный предмет, состоящий из целого комплекса наслоений на суть, покрывающих собой качественные черты данного предмета. Такие наслоения касаются и композиции, и мысли, и стилевой насыщенности текстов. Именно по ним мы и попробуем классифицировать концептуальные признаки афоризма. Вообще, эти наслоения сути, работающие на восприятие, разграничиваются весьма ориентировочно. Это происходит потому,

что отдельные качественные свойства присущи синхронно отнюдь не одному наслоению, что иллюстрирует достаточно вольный нрав конструкции афористического концентрата.

Возвращаясь к признакам, в частности, к композиции, отметим. Имеющаяся во многих северокавказских случаях композиция устойчива и, один раз обнаружившись уже в начальном разделе текста, она продолжается далее, в течение всех текстовых глав. Зачастую всякую из глав опережают те или иные средства (афоризм, цитата, пословица), которые содержательно перекликаются с тематикой. Любая из подобных фраз выступает словно лирическим фокусом многого (чаще, – большинства) из того, что изложено далее по тексту. Нередко на протяжении всего рассматриваемого повествования всякое из афористических высказываний являет собой титульное обозначение конкретного рассказа или новеллы, из некоторого числа которых и состоит все произведение писателя. К примеру, такова по структуре повесть адыгского писателя первой половины прошлого века Хабиба Теучежа «Гнездо горного орла». Приводимые автором многочисленные цитаты варьируют одну совместную цель. Они есть будто максимально распластавшийся над всем произведением эпиграф, смелый и многообещающий. Либо в предваряющем свою книгу предисловии дагестанский писатель того же времени Эффенди Капиев высказывает личную творческую, как он признается, «дерзкую» целевую установку: «показать через поэта прозу жизни, ее течение и будничный колорит» [1].

Дерзость в этом случае вполне согласуется с тем определением, которое дает выразительному парадоксу Советский Энциклопедический словарь, обозначая его как «неожиданное, непривычное, расходящееся с традицией, утверждение или вывод» [3]. Продлевая мысль советских энциклопедистов, отметим свойственность такой отчаянной неожиданности и другим средствам художественной выразительности. Приведенную цитату Э. Капиева о месте лирика для воспроизведения реалий действительности допустимо обозначить в качестве успешного, точного и многозначного «девиза-установки» для самого цитируемого поэта. Этот девиз соблюдается им на протяжении всего творческого пути, когда этот автор явился фактически аксакалом заполонения национальной прозы Кавказа лирикой. Одновременно в течение новеллистического изложения нередко и преимущественно у Э.Капиева на первом плане располагаются два, извергающих афоризмы, персонажа. Эти герои отнюдь не рассказчики. Они просто постоянно находятся рядом с происходящим, а порой опережают его в эпи-

графах. Такие спутники повествовательной нити представлены юным (но рассудительным) романтиком Ляшином и жизненно опытным прагматиком Фэнэсом (который не откажется от чарки, но «О-ха-хай!» воскликнет обязательно).

Афористическая материя, обрамляющая коммуникативные акты данных персонажей, ощутима. Особенно заметно она проявляется на эпиграфическом поле и, судя по всему, есть итог некоторых протяженных авторских дум, концентрат собственного жизненного опыта писателя в слиянии с опытом нации. Весьма впечатляет, к примеру, подобная острота Фэнэса: «С какой бы вершины ты ни смотрел, ты увидишь только то, что позволит тебе вершина. А зачем тебе это? Ты смотри с собственной вершины – со своей высоты. Нет ничего ни выше и ни ниже того, что уместилось в тебе от подошвы ног до макушки. О-ха-хай!» [1]. Либо подобное замечание, произносимое вновь тем же прагматиком: «А кто тебе сказал, что у нас только по две руки? Это только те, что высунулись наружу, чтобы делать свои дела и мешать другим. А ты знаешь, сколько рук внутри нас? Им никогда не закончить своей работы! О-ха-хай!» [1: 187]. И так, в той же стилевой насыщенности и с тем же, сопровождающим афоризм, возгласом, продолжается развитие всего изложения.

Таким путем писателям удается активно с помощью анализируемого концентрата воспроизводить реальное пространство порой и несколько в повернутом (насмешливом) ракурсе, благодаря чему позитивная и негативная эмоции способны взаимно погашаться посредством доброй терпимости в иронии афоризма. Подобные диалогичные эпиграфы есть неповторимые сосредоточения философской волны произведения. Одновременно некоторые из аналогичного вида центров мысли заранее направляют получателя (особенно, ино- национального) на непредвзятое понимание яркости, красочности мыслей и ощущений конкретного носителя кавказской культуры. Соответственно, оттого представляемый другим, более современным, уже адыгским автором Асланбеком Псигусовым хронологический субстрат, который вошел в его книгу афоризмов, не отворачивается и от такой функции. Хотя он несет в себе несметные конфликтные линии столь же несметных персонажей и несметные факты эпизодов их судеб, он именно посредством богатейшего афористического ресурса успешно (ни в коей мере не надоедая) производит позитивную роль, давая шанс объемнее, глубже (но и шире) окунуться в описываемую автором пору.

Если вернуться к афористическим проявлениям в композиции первой половины прошлого века, к примеру, у Хабиба Теучежа, то можно отметить, что его повесть «Гнездо горного орла» – достаточно редкая для тогдашней адыгской прозы. Она также строится на происходящем в ходе коммуникативного акта монологе. Из чего можно вывести мысль о том, что данная, монологическая форма, проявившаяся уже тогда, действительно начала получать распространенность в северокавказской прозе уже второй половины XX в., что особенно наглядно проявилось в текстах лирической прозы. Применительно к Х.Теучежу и его повести – это постоянный монологический пересказ устами деда известных ему сказов и былей эпоса с посвящением в фольклорные недра сидящего перед ним внука. Так, в частности, старик, эмоционально зацепленный тревогами мальчика, берется за речь, несущую доскональное воспроизведение знаменитой в адыгском фольклоре сказки о храбром и неустрашимом, но неудавшемся ростом нарте (исп) по имени Гъулацый, лукавством, проворством и умом осилившем злых богатырей (иныжъхэ). В этом случае можно провести очевидную параллель с композицией повести того же периода «Даргинские девушки» (1958), написанной уже дагестанским автором А.Абу-Бакаром.

Мотивация во всех этих случаях, двигающая творцами, достаточно идентична. Собственно стремлением разглядеть в своем отроке идентичного нарту замечательного бойца старец у Х. Теучежа трактует личную приверженность этому образу. Однако в противовес этому юнец высказывает недоверие собственному уровню воспитания и опыту («А достоин ли я?»). Тогда вновь звучит педагогический довод деда: «Конечно, такую славу следует завоевать. Однако это вполне достижимо». Аналогично и у Э.Капиева в его повести «Поэт» (1939) ведет повествование главный герой, соединяющий в себе образ светлого ума нации, народного певца. Одновременно любая из новелл здесь существует в читательском восприятии как автономное, цельное творение, приносящее некоторое художественное удовольствие, вне зависимости от того, обратится ли получатель к остальным текстам писательского сборника.

Упомянутые выше произведения и другие, подобные им, кавказские тексты насыщены монолитной афористической струей, насыщаемой фольклорной кладезью. Совокупность подобных ресурсов нередко обращена к общей теме, к примеру, в кавказском случае это «Секрет стихотворца и его оды». На ней достаточно часто базируется коммуникация, и именно она подпитывает актовые проявления выра-

зительности. Так, в частности, у Э.Капиева в «Поэте» весьма повседневный диалог (но, скорее, диспут) пациента и посетителя в палате выступает явным проявлением восточной обрамленности в поэзии: «– Сердце не кремень, Сулейман. Нельзя без конца высекать из него огонь. / – Груз пережитого лежит в моем сердце, как черный виноград. Он бродит, закипая пеной, и стоит мне только наклониться над ним, как самый запах его зажигает кровь. / – Но виноград ведь может в конце концов перебродить, запахи выдыхаются быстро, и обычно под старость в сердце человека оседает горький уксус. Что тогда делает поэт?» [1: 24].

Вдумываясь в такую цитату на достаточном основании допустимо предположить, что как раз соответственно подобной, выдвигаемой «пережитым», цене, произойдет и последующее повествовательное изложение, касающееся зажженных подобным путем героев. Именно это и случается в дальнейшем по тексту, то есть афористический концепт в состоянии не только приукрашивать, но и непосредственно определять линию изложения в совокупности с духовными порывами героев. Неслучайно, в частности, А. Псигусов в наше время в своей объемной романистике при всяком удобном случае не забывает проговорить в ходе изложения, что центральной проблематикой его текстов выступает именно тема совести. Приоритет данной морально-этической доминанте писатель отдает практически во всех, написанных им, работах различных жанров – от романных циклов до книг афоризмов.

Рассматриваемый нами концентрат (в частности, афоризм) традиционно считается более присущим поэзии (якобы более эмоциональной), чем прозе (якобы, более сухой). Однако его применяемость у кавказских авторов полностью опровергает подобный, можно сказать, обывательский шаблон. Лирика для прозы рассматриваемых северокавказских авторов есть практически многое и в более широком плане: и персонажи-поэты, и сопровождающая излагаемую поэтом песню сюжетика, и живописный стилевой узор, и элементарный мотив для взаимной радости обоих – как творца, так и получателя.

Литература:

1. Капиев, Э.М. Записные книжки [Текст] / Э.М.Капиев. М.: Сов. писатель, 1956. 417 с.

2. Псигусов, А.Х. Жизнеописания тридцати хеттских царей. Царь Хатти Питхана [Текст] / А.Х.Псигусов. Нальчик: «Эль-Фа», 2005.

3. Советский энциклопедический словарь [Текст] / Ред. А.М.Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1988. 1600 с.

4. Теучеж, Х.И. Тайна женщины [Текст] / Х.И.Теучеж. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1974.

УДК 811.41

СТРАТИФИКАЦИЯ КОМОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ХИВСКОГО ГОВОРА ТАБАСАРАНСКОГО ЯЗЫКА

С. Х. Шихалиева
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
ДФИЦ РАН, г. Махачкала

В статье обсуждается результаты исследования полевой лингвистики. Полевое исследование трех диалектов табасаранского языка показало, что при стратификации комонимии следует учитывать структуру общности говоров. Особое значение принадлежит исследованию материала хивского говора, включающего в свой состав историко-географические названия.

Ключевые слова: *табасаранский язык, хивский говор, словарь, комонимическая лексика, фольклорные названия*

The article discusses a study of special terminology komonimii tokens. Methodological study of special terms komonimii showed that for their subsequent use should take into account the structure of the communion with the language tokens material and spiritual culture of the highly developed language. Of particular value is the study material that includes the geographical names tabasaran dialect of the language.

Keywords: *Tabasaran language, khivsky dialect, dictionary, vocabulary terms, komonimic of material and spiritual culture*

В современной лингвистической науке важное место занимает исследование комонимической лексики [1]. Комонимическая лексика составляет значительную часть лексики любого языка и заслуживает того, чтобы его исследовали и как историко-географический материал, и как лингвистический источник [2; 3]. Особое значение принадлежит изучению комонимического материала, включающего в свой состав географические названия хивского говора табасаранского языка [4; 5]. Стратификация комонимической лексики самосто-

ятельного хивского говора упорядочивается в терминах материальной и духовной культуры табасаранского языка. Расстояние: от Дербента до Хива – 80 км.

Хороним: Журасцы [Журсар].

Ангиотопонимика «святые места»:

ЧIвурд – Башня в центре села;

ГацIрин гъяд – мост на юге от Хива, 1 км.

Микротопонимика:

Аларджик «поляна»
Арбашдиъ «равнинное поле»
Аршан мюгь «река Аршан»
Аршаъ «долина»
Асккан мур «нижний источник»
Аьхю маъ «большая поляна»
Балабеган мягьла «квартал Балабега»
Бахъуйин мягьла «квартал Баху»
БицIи мюгь «маленькая река»
Вакъарик «равнина»
Второй угол «квартал»
Гасул гьар «роща»
Гасул майднар «поляны»
Гасул пир «святое место»
Гьяркьак гъарзар «скалы»
Гьяркьяк «местечко»
Гьясанбеган мягьла «квартал Гасанбека»
Дагъан «сад»
Дагьурин мягьла «квартал»
Дирчваъ «в ложбине»
Дулмакент «микрорайон»
Заан мур «верхний источник»
Заан мягьла «верхний квартал»
Ифтин гъарзар «голые скалы»
ЙикIба кIакI «гора»
Ккурукк мюгь «река Курук»
Къайитдин хяр «луг Каита»
КIуларихъишв «склон»
КIелерин кIакI «вершина холмов»
Кьурукк «поляна у реки Курук»
Кьябраригъ «поляна»
Кьялан мягьла «средний квартал»
Лисундин кьарцI «проход»
Майднариин «на полянах»
Муъриъ «ложбина»
НитIарик «поляна»
Первый угол «квартал»
Пятый угол «квартал»
Рушар гъугъудай майдан «девичий луг»
РякъютI «поляна»
Третий угол «квартал»
УкIу йигъ «поляна ‘синий день’»
Уьру кьал «красная поляна»
Фириъ «впадина»
Фирин гъарзар «свежие скалы»
Фирин гьар «свежая роща»
Фкъарик «впадина»
Хазрандин булагъ «родник белки»
Хул’ина «возвышенность»
Хюндиккишв «рытвина ‘под коровой’»
Хван «чаща»
Четвертый угол «квартал»
Чру хяр «зеленый луг»
Швеъдин маш «медвежий склон»
Яркьу майдан «широкая поляна»

В названиях географических объектов зафиксированы лексемы, заимствованные из тюркских и персидских языков. Соответственно, в рассматриваемом комонимическом пласте, помимо табасаранского, следует различать слои, возникшие на основе междиалектного уровня.

Литература:

1. Ганиева Ф. А. Лингвокультурная специфика имени собственного в фольклорных текстах (на материале анализа языков Дагестана) // Мир культуры, науки и образования. 2019 2019. № 2 (75). С. 562-564.

2. Караева С. А. Имя собственное*имя нарицательное как фактор системности в терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). С. 166-169.

3. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч.1. М., 1966.

4. Сантуева Э. З. Субстрат и заимствования в топонимии Дагестана: от системы к поиску задач // Общественные науки. 2016. № 2-1. С. 212-217.

5. Шихалиева С. Х. Тюркские топонимические древности горного Дагестана (к проблеме межъязыковых лексико-семантических схождений) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 199-205

УДК 81-11

СИНОНИМИЯ КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ СЛОВАРЯ УСТНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ТАБАСАРАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Д. Ю. Юсуфова,
Дагестанский государственный
педагогический университет,
г.Махачкала

В статье сформулированы критерии инвариантов перевода, отражающие специфику моделирования корпусного описания языка. Критерии инвариантов перевода, отражающие динамику описания русского языка в профессиональной деятельности, рассматриваются в профиле проектной деятельности. Естественно, многое зависит от педагогического мастерства учителя, который способен передать лингвострановедческую информацию в увлекательной форме профиля проектной деятельности (на материале трех разносистемных языков).

Ключевые слова: *перевод, моделирование, стилевой инвариант, литературный язык, язык художественной литературы*.

Article criteria have been formulated to reflect the specificity of translation invariant simulation technology case descriptions of translations. The criteria disclosed through a series of signs that reflect the structure of the description component of literary translation. Translation criteria reflect the dynamics of the measured portrait of Russian language as a factor in teacher training of vocational training to the profession. Of course, much depends on the pedagogical skills of teachers, which is able to convey information in a fun way lingvokulturovedcheskuju profile of project activity.

Key words: *translation, modeling, style invariant, the literary language, the language of fiction*

Известно, что для учащихся-билингвов русский язык является основным средством формирования мысли. Сказанное определяет основную задачу учителя-словесника национальной аудитории – научить учеников серьезно относиться к своей русской речи, выработать у них привычку точно обозначать словом, возникшее представление, искать единственно верное, нужное слово [1].

Системный анализ инвариантов и разновидностей русского языка появляется в разных изданиях, посвященных исследованию перевода. Однако имеется большое количество изданий, посвященных отдельным явлениям русского языка с точки зрения переводоведения: они принадлежат перу зарубежных ученых. Иными словами, исследователи, ученые, переводчики, создавая индивидуальную разновидность русского языка, подчинялись законам филологических традиций. Вышеуказанная форма стилевого инварианта обосновывает существование дисциплин – истории русского языка как эталона и истории русского языка как канона. Достижение необходимого речевого уровня предполагает расширение и обогащения лексического запаса учеников на занятиях русского языка с использованием информационных технологий. Как доказывает опыт преподавания, одним из эффективных приемов обозначения того или иного явления при интерпретации художественного текста является использование информационных технологий.

Предлагаемый в данной статье прием усвоения лексики словарей заключается в следующем: во-первых, у каждого обучаемого будет словарь – притч «Евангелия»; во-вторых, обучаемый пользуется сло-

варем при нахождении нужных слов в момент выполнения кейс-заданий (со знанием трех языков – русского, английского, табасаранского). Более того, такая работа превращает пассивного ученика в активного слушателя. Прием усвоения лексики русского языка с использованием информационных технологий проводится на уроке освоением терминов стилистической полисемии – омонимов, антонимов, синонимов, паронимов [2]. Это значит, что принцип сознательного усвоения художественных текстов с использованием информационных технологий – один из продуктивных способов обогащения русской лексики. Использование приемов активации словаря стилистической полисемии показало, чем раньше обучаемые начнут пользоваться языком информационных технологий, тем быстрее пойдет процесс усвоения связной речи и тем самым – развитие русской связной речи в многоязычной аудитории. При разработке лингводидактической модели обучения речи в многоязычной аудитории нами учитывался профиль русской речи с разнообразными темами проектной деятельности. Оценивая систему знаний русской речи педагога, авторы статьи пришли к выводу, что анализ литературоведческих текстов дает возможность сформировать навыки разграничения синонимов в условиях проектной деятельности: контекстуальные и параллельные. Естественно, без обоснования осознанной интерпретации «глагол*имя» невозможно сформировать у учащихся-билингвов навыки разграничения синонимов [3]. Приведем несколько частных примеров, взятых из недавней исследовательской практики с помощью метода проектной деятельности. См. Таблицу 1

Таблица 1

Контекстуальная синонимия в формах приема работы проектной деятельности		
русский	**английский**	**табасаранский**
Один человек посадил виноградников. Он отдал его внаём виноградарям, а сам уехал в далёкую страну на долгое время.	*A man planted a vineyard and let it out to tenants and went into another country for a long while.*	*Сар касди mlуmtlин багъ ибтру, ва mlумutlчйирихьна арендайиз тувру ва учв хайлин вахтназ удучlвну гъягъюру.*
Камень, Который отвергли строители, стал краеугольным	*The stone that the builders rejected has become the corner stone*	*Устйири гатlабхьу гъван мурччвануб гъабхьну*

Формирование коммуникативной компетенции является одной из основных целей обучения в современной школе. Коммуникативная направленность в обучении языкам обеспечивает не только выработку навыков устной и письменной речи, но и развития языковой личности. Учащиеся должны понимать, что синонимы помогают избегать повторений в речи. Практика показывает, что такая система словарной работы помогает усвоению активного словарного запаса ученика (со знанием русского, английского и табасаранского языков) При ознакомлении с новым словом, следует разграничивать слова языка-посредника [4; 5].

Для систематизации дополнительных стилистических оттенков используется установка первоисточника – различать в корпусе текстов Библии формы языковых и речевых единиц. С помощью приема работы проектной деятельности удалось актуализировать не только тождественные единицы синонимии, но и представить корреляты стилистических оттенков.

Литература:

1. Алексеев М. Е. Русские переводы Библии как основа для перевода на языки народов России // Сб. статей в честь Марианны Беерли-Моор / Под редакцией А. С. Десницкого и Д. Кларка. – М.: ИПБ, 2009. С. 9-19.

2. Шихалиева С. Х. Импликация элементов референции в семантической матрице (на материале дагестанских языков) // Гуманитарные исследования. 2010. № 4 (36). С. 168-172.

3. Шихалиева С. Х. Грамматические категории глагола табасаранского языка. Рос. акад. наук, Дагестан. науч. центр, Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы. Махачкала, 2004. 139 с.

4. Шихалиева С. Х. Словосочетания в табасаранском языке. Махачкала, 2010. 172 с.

5. Юсуфова Д. Ю. Синонимия как инструмент обогащения и развития речи младших школьников // Инновационные процессы в начальном образовании. Махачкала, 2017. 182 с.

УДК 811.41

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ С АНАЛИЗОМ МАРКЕРОВ ТАБАСАРАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Ш. А. Юсуфова,
соискатель кафедры общего языкознания
Дагестанского государственного педагогического университета,
г. Махачкала

В статье обсуждается исследование стилистических единиц русского и табасаранского языков. Исследование стилистических единиц русского и табасаранского языков показало, что для их последующего анализа следует учитывать структуру общности терминологических данных русского языка с формулировкой терминов стилистической синонимии.

Ключевые слова: *табасаранский язык, говор, диалект, стилистическая лексика, стилистическая синонимия русского языка*.

The article discusses a study of stylistic units Tabasaran and Russian languages. Study of stylistic language Tabasaran and Russian units showed that for analysis should take into account the structure of the commonality of terminology data of the Russian language with the wording of the terms of stylistic synonymy.

Keywords: *Tabasaran language, dialect, dialect, stylistic vocabulary, stylistic use of the Russian language*

Современная лингвистическая ситуация, представляя результаты полевых исследований, руководствуется следующими задачами документации стилистики языка – разработать описание маркеров «комоним*урбаноним» с невыявленными различиями русского и табасаранского языков – сельское↑ городское население [1]. Развивая идею документирования языка с ресурсами лингвистической ситуации «язык города → говор села» необходимо принять меры по регистрации маркеров стилистической синонимии «просторечная *книжная лексема» [2]. При определении характеристик стилистической синонимии предполагалось провести анализ маркеров текста русского и табасаранского языков.

В статье обсуждается аппарат диалектного корпуса с использованием парсера инструментов словообразования «имя/глагол» [3]. Пер-

вый шаг обработки текстов диалектного корпуса осуществлялся регистрацией словарных статей. Второй шаг – это морфологическая разметка с описанием структуры стилистически маркированных синонимов «просторечная↑ книжная лексика» ↔ «имя/глагол» [4]. Пошаговое распределение компонентов диалектного корпуса подтвердило анализ словарных статей с инструментами - диалектное сообщество и диалектная личность. Продуктивные модели синонимов различаются способами семантической трансформации. Своеобразие способов синонимии объясняется существованием стилистической паронимии «имя/глагол» [5]. Аппарат морфологического анализа компонентов именной и глагольной основы с показателями текстов «урбаноним↑ комоним» различает оттенки значений культурного стереотипа «язык ↑ говор*диалект». Морфемное членение компонентов культурного стереотипа рассматривается как средство выражения значений «слово↑ словосочетание*текст».

Выделяя в системе языка компоненты именной и глагольной основы, а в речи тексты «говор*диалект», автор данной статьи различают соответствующие единицы стилистической синонимии.

Литература:

1. Абдурахманова А. Г. Функциональная модель словаря национальной культуры и маршрут стилизации терминов // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 2 (63). С. 323-325.

2. Загиров З.М. Сопоставительная грамматика русского и дагестанских языков. Махачкала, 2002. С. 18-31.

4. Шихалиева С. Х. Глагол табасаранского языка // Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Махачкала, 2005. С. 22-41.

5. Шихалиева С. Х. Грамматические категории глагола табасаранского языка. Рос. акад. наук, Дагестан. науч. центр, Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы. Махачкала, 2004. 139 с.

УДК 81-13

МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ «БИБЛИОТЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА»

Л. М. Элькановa,
М. Р. Каппушев
ФГБОУ «Северо-Кавказская государственная академия»,
г.Черкесск

В статье обсуждаются вопросы сохранения родных языков в эпоху новых информационных технологий. Художественная литература один из самых ярких проявлений языка любого народа становится доступным благодаря новым технологиям мобильного приложения. Основным отличием мобильного приложения, является наличие в нем не только литературных произведений, но и учебных. Оно структурирует изучение произведений для предварительного просмотра, так и для чтения.

Ключевые слова: *сохранение языка, новые информационные технологии, родной язык, художественная литература*

The article discusses the preservation of native languages in the era of new information technologies. Fiction is one of the brightest manifestations of the language of any nation becomes available thanks to new technologies of mobile application. The main difference of the mobile application is the presence in it not only literary works, but also educational. It structures the study of works for preview and reading.

Keywords: *language preservation, new information technology, native language, fiction*

Сохранение целостности и идентичности народа невозможно без сохранения его языка. Особенно важное значение приобретает проблема сохранения родного языка для малочисленных народов в нашу современную эпоху глобализации. Глобализация затрагивает все сферы деятельности человека: политику и экономику, социальную и технологическую сферы, культуру и языки. С одной стороны, появляется необходимость межнационального общения, и как следствие продвижение английского языка, как средства международного общения и русского языка, как государственного языка Российской Федерации. Но в то же время, процесс глобального использования межнацио-

нальных языков приводит к потере национальной идентичности. По исследованиям ученых, около 40% языков в мире находятся под угрозой исчезновения. [1] Родной язык для каждого народа это целая система знания, это память и история народа, это самобытность его культуры.

Художественная литература один из самых ярких проявлений красоты и разнообразия языка любого народа, для сохранения которого в первую очередь необходимо сохранить и сделать доступным национальное литературное наследие. В не меньшей степени это касается и учебной литературы на родном языке. На данный момент издательства редко получают заказы на переиздание каких-либо учебных материалов по национальной литературе, но и состояние уже изданных экземпляров оставляет желать лучшего. Немногочисленные потрепанные и изношенные книги, вот на что приходится рассчитывать в учебных заведениях. Таким образом, среди малочисленных народов вопрос сохранения культурного наследия стоит острее по причине нехватки ресурсов.

Одним из способов решения проблемы популяризации и доступности национальной литературы является применение научно-технических достижений в области информационных технологий, в частности технологии M-learning, мобильного обучения [2]. Мобильное обучение функционирует в реальном времени, предоставляя актуальные информационные материалы. Оно, с одной стороны, индивидуально, с другой стороны, основано на сотрудничестве, создании учебных сообществ. Таким образом, при использовании мобильного обучения достигается высокая степень социализации обучающихся, развитие коммуникативных компетенций и умения работать в команде.

Сейчас смартфоны очень плотно вошли в нашу жизнь, ими пользуются люди различных возрастных групп. Смартфон – это маленький карманный компьютер, который догоняет по своим характеристикам больших стационарных собратьев. Единственное, что замедляет развитие индустрии отсутствие необходимых приложений, которые могли бы упростить пользование устройством. В настоящее время существует набор мобильных приложений, которые могут быть успешно использованы в образовательных целях [3].

Оцифровка ветхих и редких экземпляров книг поспособствует сохранению и упрощению доступа к ним. На данный момент существует сервис (сайт в сети Интернет) от фонда Эльбрусоид. На этом сайте собранно около 500 тысяч книг (произведений).

Но для большего удобства и доступа обычных пользователей к данной базе, было разработано мобильное приложение «Библиотека национальной художественной и учебной литературы Карачаево-Балкарского языка» для платформы iOS, которая позволит сохранить и упростить доступ пользователей к редкой и ветхой национальной литературе.

В последствии будет создана масштабная база литературных произведений различных языковых групп. Данная база будет также полезна студентам лингвистам, этнографам.

Основным отличием данного мобильного приложения от сайта фонда Эльбрусоид, является наличие не только литературных произведений, но и учебных. К тому же мобильное приложение является более удобным для изучения литературных произведений, так как они все структурированы под единый формат, удобный как для предварительного просмотра, так и для чтения [см. рисунок 1].

Рисунок 1. - Тестирование представления «Китаб джыйым» на устройстве iPhone

В качестве платформы для реализации проекта была выбрана среда разработки Xcode, языком программирования – Swift, внешней серверной частью – Firebase, локальной базой данных – Realm, системой резервного сохранения и контроля версий – GitHub. Операционная система iOS анимает сегодня лидирующие позиции на рынке мобильных платформ, достаточно проста в использовании – в ней нетрудно разобраться даже самому непрофессиональному пользователю. Однако за внешней простотой скрывается довольно мощная система. На базе iOS работают смартфоны, медиа плееры и планшеты –

поэтому можно с уверенностью сказать, что пользователь одного устройства с данной операционной системой не столкнется с проблемой сложности использования другого устройства, ввиду большой схожести функционала [4].

По состоянию на 4 июня 2019 года App Store содержит более 2 миллиона приложений для iOS, которые были загружены более 2,5 миллиардов раз и на сегодняшний день, приложения подобного функционала нет в магазине AppStore.

В рамках проектов по сохранению и популяризации родного языка разработаны еще ряд мобильных приложений. Мобильное приложение для платформы iOS карачаево-балкарско-русский словарь-разговорник «Сёзлюк», который уже прошел тестирование и доступен для скачивания в магазине AppStore. Мобильное приложение для платформы Android «Голос», позволяющего озвучивать видео на родных языках.

Литература:

1. Зайнуллин М.В., Проблемы развития и сохранения родных языков и национальных культур в эпоху глобализации. «Проблемы востоковедения». – 2012. – № 3(57). – с. 57-61

2. Бектурганова М.К., Син Е.Е. Мобильное обучение как новый подход в вузовском образовании // Научный форум: Педагогика и психология: сб. ст. по материалам V междунар. науч.-практ. конф. – № 3(5). – М., Изд. «МЦНО», 2017. – С. 24-30.

3. Голицина И.Н., Половникова Н.Л. Мобильное обучение как новая технология в образовании. «Образовательные технологии и общество». – 2011. – №1. – Том 14. – С. 241 - 252.

4. Anthony Gray Swift Pocket Reference: Programming for iOS and OS X / Anthony Gray, M.: Изд-во Вильямс 2014. – 871 с.

УДК 811.1/.2

АССОЦИАЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ «ДИКИЕ ПТИЦЫ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Е. С. Яковлева,
Юго-Западный государственный университет,
г. Москва

В статье анализируются ассоциации, послужившие основой возникновения вторичного значения зоонима. Поскольку зоонимы являются сложными семантическими знаками, обладающими и лингвистической категорией одушевленности, и биологическими фенотипическими признаками, автор статьи рассматривает сегменты метафоризации зоонима, т.н. ассоциативных семантических признаках.

Ключевые слова: *зооним, ассоциация, язык, культура, фразеологизмы, характеристика человека*

The article analyzes the associations that served as the basis for the emergence of the secondary value of zoonim. Since zooonyms are complex semantic signs with both a linguistic dimension of animation and biological phenotypic traits, the author of the article examines the segments of metaphorization of zoonim, so-called associative semantic traits.

Keywords: *zoonim, association, language, culture, phraseologies, human characteristics*

Известно, что национально-специфические ассоциации, сформировавшиеся в процессе становления языков и культур, обусловлены ролью животных, их значением в жизни человека. То, что названия животных в разных языках имеют разные качества, говорит об индивидуальности образного мышления конкретного народа [1].

Под зоонимом в рамках данной работы, вслед за О. В. Лавровой, понимаем «лексико-семантический вариант слова выступающий в роли родового названия животного и метафоричное именование при анализе лексики с точки зрения характеристики человека» [6, С. 12].

Ассоциации, послужившие основой возникновения вторичного значения зоонима, обладают этнокультурной спецификой. Поскольку зоонимы являются сложными семантическими знаками, обладающими и лингвистической категорией одушевленности, и биологическими фенотипическими признаками и повадками, мы можем говорить о не-

скольких «сегментах метафоризации», которые обуславливают метафоризацию зоонима, т.н. ассоциативных семантических признаках.

Как отмечает Ж. Багана, «метафорические и метонимические переносы в составе ФЕ возникают на основе реально существующих предметов и являются эвристически значимыми, т.к. они наиболее ярко отражают несовпадение представлений об окружающем мире у различных народов» [2].

Учитывая, что в работе поставлены задачи описательного этапа исследования, были использованы методы сплошной выборки из фразеологических словарей английского языка, методы систематизации и описания собранной картотеки фразеологических единиц.

Группа фразеологических единиц с компонентом-зоонимом «дикая птица» не является продуктивной в английском языке. В данную группу нами были включены компоненты-зоонимы, чья продуктивность составляет более 5 фразеологических единиц: *eagle/орел* (10 примеров), *crow/ворона* (9 примеров), *owl/сова* (6 примеров), *sparrow/воробей* (6 примеров).

На основе анализа словарных дефиниций моноязычных толковых словарей, собранного корпуса фразеологических единиц были сделаны следующие выводы по каждому из представленных зоонимов.

Ассоциативными семантическими признаками, образующими интегральное вторичное значение зоонима *eagle/орел* являются следующие:

- хищная птица: *Swoops down like an eagle* – букв. *«бросаться на добычу как орел»* (обр. стремительно);
- отличное зрение: watch (someone or something) with an eagle eye– обр. внимательно следить за кем-то или чем-то;
- орел – «свободная» птица - *eagles fly alone but sheep flock together* – букв. *«*орел парит в одиночестве, овцы собираются в стаи».

Ассоциативными семантическими признаками зоонима *crow/ворона* являются следующие:

- ворона – сильная птица: *make someone eat crow* – букв. *«заставь кого-нибудь съесть ворону»* – (*обр.* заставить признать ошибку, взять назад свои слова).
- ворона летает в стае: *If you fly with the crows, you get shot with the crows* – букв. *«если летаешь с воронами, будешь убит с воронами»* – (*обр.* в чужой монастырь со своим уставом не ходят).

Интересно отметить, что морщинки в уголках глаз в английском языке называются *crow's feet* – букв. «*вороньи лапки*».

Ассоциативными семантическими признаками зоонима *owl/сова* являются следующие:

- сова – ночная птица: *night owl* – букв. *«ночная сова»* – (*обр.* полуночник).
- сова – птица с большими глазами: *like an owl in an ivy bush* – букв. *«как сова на ветке плюща*» – (*обр.* о пустом взгляде, часто из-за пьянства).
- сова – мудрая птица: *wise as an owl* – букв. *«мудрый как сова»* – (*обр.* очень умный.

Ассоциативными семантическими признаками, образующими интегральное вторичное значение зоонима *sparrow/воробей* являются следующие:

- воробей - это мелкая птица: *a sparrow in hand is better than a pigeon on the roof* – букв. *«лучше воробей в руке, чем голубь на крыше»* – (*обр.* лучше обладать малым в реальности, чем фантазировать о недостижимом).
- воробей – шумная птица: *two sparrows upon one ear of wheat cannot agree* – букв. *«два воробья никогда не договорятся о колоске пшеницы»* (*обр.* о заядлых спорщиках).

Таким образом, ассоциативные семантические признаки зоонима являются ключевым аспектом в интерпретации семантики фразеологической единицы. Своеобразие сиуации заключается в том, что в зависимости от национальной истории, географического положения страны и ее культуры зоонимы могут иметь изначально этноспецифические ассоциативной признаки, которые будут являться особенностями национальной «наивной» картины мира.

Дальнейшее исследование целесообразно проводить в сравнительном аспекте с привлечением как территориальных вариантов английского языка (таких как английский язык Ботсваны, Зимбабве, Нигерии), так и дистантных языков: китайского арабского. Поскольку нельзя говорить о том, что абсолютно все ассоциативные признаки являются общими для всех языков, сопоставительное исследование позволить выявить коррелятивные признаки зоонимов, и определить их важность в языке.

Литература:

1. Багана, Ж., Яковлева, Е.С. Национально-культурные особенности лексем «кошка» и «собака» на материале английского и китайско-

го языков / Ж.Багана, Е.С. Яковлева // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – М.: Изд-во РУДН,2016. –№2 (20). – С. 91-100.

2. Галимова, О.В. Национально-культурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека: на материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О. В. Галимова. – Уфа, 2004. – 309 с.

3. Куражова, И.В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. В.Куражова. – Иваново, 2007. – 201 с.

4. Oxford Dictionaries. Language Matters. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oxforddictionaries.com

5. The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://idioms.thefreedictionary.com

6. Merriam-Webster Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.merriam-webster.com

УДК 811.351.12

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ АВАРСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

Д. М. Ярбилова,
Дагестанский государственный университет,
г.Махачкала

В статье анализируются особенности употребления в современной аварской женской поэзии фразеологических единиц, являющихся фрагментами национальной языковой картины мира; описываются семантико-стилистические последствия их использования в поэтическом дискурсе; обращается внимание на языковые символы в составе рассматриваемых фразеологических образов; определяются коннотативные возможности фразеологизмов и синтаксические условия расширения валентности составляющих компонентов.

Ключевые слова: *аварский язык, женская поэзия, фразеологизмы, семантико-стилистические особенности, коммуникативные намерения автора, языковые символы и коннотации.*

The article analyzes the features of the use of phraseological units in modern Avar female poetry, which are fragments of the national linguistic

picture of the world; describes the semantic and stylistic consequences of their use in poetic discourse; draws attention to the linguistic symbols in the composition of the considered phraseological images; defines the connotative possibilities of phraseological units and syntactic conditions for expanding the valence of the components.

Key words: *Avar language, female poetry, phraseological units, semantic and stylistic features, communicative intentions of the author, language symbols and connotations.*

Как известно, фразеологические единицы являются вторичными номинациями предметов и реалий, которые в узусе имеют свои названия. Во многих случаях фразеологические единицы отличаются образностью, оценочностью и экспрессивностью, поэтому их использование в художественной литературе имеет особое значение. «Для поэзии во фразеологизмах существенны как их экспрессивно-стилистическая окраска, способствующая созданию в тексте определенной тональности, так и наличие у большинства из них внутренних образов» [Бакина 1980:34].

Особенности употребления фразеологизмов в современной аварской женской поэзии не изучены. Между тем данная проблема имеет как собственно лингвистическое, так и лингвокультурологическое значение, так как фразеологизмы как культуроносные единицы языка представляют собой фрагменты языковой картины мира. Все это свидетельствует об актуальности проблемы, поднимаемой в данной статье.

Автор статьи не ставит целью полностью решить проблему анализа семантико-синтаксических последствий использования фразеологизмов в современной аварской женской поэзии. Для этого необходимо собрать значительный по объему корпус фразеологизмов, использованных в аварской поэзии, что может стать предметом специального исследования. В данной же статье ставится цель обратить внимание на саму проблему использования фразеологических единиц в художественном дискурсе как на важную в лингвокультурологическом аспекте проблему.

В статье в основном используется фразеологический материал из поэтических произведений двух современных аварских поэтесс – Тубхат Зургаловой [2013] и Марижат Абулазизовой [2014].

В основном рассматриваемые фразеологические единицы используются в стихотворениях посвященных проблемам человеческого достоинства, дружбы и преданности, морали и нравственности, друж-

бы и предательства. Такие проблемы требуют выражения авторского отношения к изображаемому, реализации коммуникативных намерений автора, в связи с чем используются фразеологизмы как экспрессивно-оценочные средства языка.

Материал исследования показывает, что в основном в современной аварской женской поэзии употребляются глагольно-субстантивные и адъективно-субстантивные фразеологические единицы, характеризующие действия, процессы и предметные реалии окружающей действительности, о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры. Некоторые фразеологические единицы носят образно-оценочный компаративный характер, в связи с чем в их составе используются лексические единицы, ставшие национально-культурными языковыми символами:

ср. *щулияб къед* «твердая, надежная опора» (*букв*. «крепкая стена»; *къед* «стена» символизирует моральную опору, защиту), *бет1ер гьеч1о* «[кто-либо] не имеет интеллектуальных способностей, не очень умен» (*букв*. «не имеет головы»; *бет1ер* «голова» символизирует ум, интеллект), *чед бортараб таргьа* <г1адин> «без копейки в кармане» (*букв*. «как торба, из которого выпал хлеб») [Магомедханов 1993:307], *къадруяб ц1ар* «высокий авторитет» (*букв*. «достойное имя»; *ц1ар* «имя» - гендерный символ мужского достоинства, чести), *мугъ ч1вазе* «опираться на кого-либо в жизни, иметь надежную поддержку» (*букв*. «опираться спиной»; *мугъ* «спина» - символ опоры в жизни, как, например, *плечо* в русском языке), *рак1 бекизе* «сильно огорчится, испытывать горестные чувства» (*букв*. «сердце сломаться»; *рак1* «сердце» - символизирует место локализации эмоциональных состояний человека») и т.д.

Баркала…
Ракьалда т1ад дие щулияб къедлъун
Мугъ ч1вазе, гъеж цузе цадахъ ч1аралъухъ.
Спасибо…
За то, что в жизни мне надежной опорой был,
Что опираться спиной и подставить плечо было кому.
(Т. Зургалова. «*Эбелалъул васигат*» - «Завещание матери»)

Гьаб г1аламалъ г1арац бухъулеб бак1 щиб,
Бут1рул гьеч1они, чунтби ц1ун ругин.
И где эти люди копают деньги,
Хоть ума не имеют, карманы деньгами полны.
(Т. Зургалова. «*Нахъойги базаралда*» - «Снова на базаре»)

Ц1а бакараб унти, эбелалъ г1адин,
Лъимер кьижизелъун, лъица бахчараб?
Огнем горящую боль, как мама родная,
Чтобы дитя уснуло, кто снимал?
(Т. Зургалова. «*Ч1ег1раб к1аз*» - «Черный платок»)

Дир рек1ел ургъелги мун,
Дир роххелги мун.
Моего сердца переживания ты,
И моя радость тоже ты.
(М. Абдулазизова. «*Вацасде*» = «Брату»)

Фразеологические единицы, как показывает исследуемый материал, используются в основном в стихотворениях и поэмах, по своей тематике соотносительных с антропным кодом культуры и выражающих соответствующие образно-оценочные коннотации.

Отдельные национально-культурные фразеологические единицы, соотносительные с соматическим кодом культуры и обозначающие ценности жизни, используются в стихотворениях Т. Зургаловой, М. Абдулазизовой и Ф. Алиевой (например, ФЕ *мугъ ч1вазе* «опираться в жизни на кого-либо, иметь опору, защиту», *бекараб рак1* «душевные переживания, несчастье» - *букв*. «сломанное сердце») и др.:

Мугъ ч1вазе бегьулеб гьудуллъи буго,
Гьуинлъи холареб г1агарлъи буго.
И друзья есть надежные у меня,
И сладко преданная родня.
(М. Абдулазизова. «*Дун гьайуна, г1уна, г1адамалъ йиго*»-
«Я родилась, выросла, живу среди людей»)

Дир бекараб рак1алъ дур рокьиялда
Куркьбалги гъеларо, гъежги цвиларо.
Мое сломанное сердце твою любовь
Не окрылит и не подставит плечо.
(Ф. Алиева. «*Дир бекараб рак1*» - «Мое сломанное сердце»)

Дун йохарал сонал ирсалъеги тана,
Рак1 бекарал къоял гъорлъа ч1арана.
Мои счастливые годы в наследство оставила,
Несчастливые дни выкинула из них.
(Т. Зургалова. «*Маржанал*» - «Ожерелье»)

В антропоморфических по характеру фразеологических единицах часто используются образы с соматическим (=телесным) кодом культуры, выражающие различные коннотативные значения: *рек1ел рек1к1* «коварство сердца», *гьумер бух1изе* «упрекать кого-либо в чем-либо» (*букв*. «лицо [заставить] гореть»), *рек1ел кесек* «нечто дорогое для сердца» (*букв*. «кусочек сердца»), *бет1ер къулизе* «поклоняться, почитать» (*букв*. «склонить голову»), *бац1адаб рак1* «чистые помыслы; искренние чувства» (*букв*. «чистое сердце»), *керен г1еккезе* «сердцем прочувствовать»), *т1улил кесек г1адав* <вац> «дорогой, словно кусок печени, брат» (*т1ул* «печень» считалась одним их жизненно необходимых органов, с чем связаны и некоторые другие фольклорные гендерные образы с данным компонентом: *т1улил вац* «родной [дорогой] брат», *т1ул бикьарав вац* «родной брат» (*букв*. «[одной] печени брат») и т.д.:

Г1ажаиблъи: рек1ел рек1к1 лъаларев мун
Рах1манасдай дихъе вит1ун вач1арав.
Удивительно: коварства в сердце не имеющего тебя
Всевышний, видимо, послал все же мне.
(Т. Зургалова. «*М.-КЪ. Ах1маевасе*» - «М.К. Ахмаеву»)

Керен г1екколареб маг1у щибизе,
Маг1на гьеч1онани, хабар щибизе?
Зачем плач, не заставляющий сердце страдать,
Зачем разговор, если нет смысла в нем?
(М. Абдулазизова. «*Щибизе*»?! – «Зачем»?!)

Яцалъ дуе тараб рек1ел кесеклъун
Дун йихьараб мехалъ, дур пашманлъиги!
Оставившую сестрой, как кусочек сердца своего,
Меня увидев, как печалился ты!
(Т. Зургалова. «*Эбелалъул вац*»- «Брат матери»))

Гьебищха дур чедилан,
Чехьалъ гьумер бух1ана.
Это и есть твой хлеб? –
С упреком спросил меня голод (*букв*. «живот»)
(Т. Зургалова. «*Ах1уге дун гьоболлъухъ*» -
«Не зовите меня в гости»)

Интересно, что в последнем примере при фразеологизме *гьумер бух1изе* «упрекнуть, пристыдить» происходит персонификация существительного *чехь* «живот» в его переносном метонимическом упо-

треблении в значении «голод», что в свою очередь приводит к расширению его валентностной структуры.

Нередко в такого типа стихотворениях, актуализирующих честь, достоинство, переплетение чувств и смену настроений, используются фразеологические единицы экспрессивно-оценочного характера, реализующие авторские намерения, отношение к окружающим:

Дица щиб гьабилеб, гьерсилаб дунял
Х1ехьезе жакъаги жан г1олеб гьеч1о.
Что же мне делать, нет у меня сил,
Чтоб терпеть этот лживый мир.

(Т. Зургалова. «*Дир вацасул лъади*» - «Жена моего брата»)

Меседил х1арпаца хъвазе рекъараб
Къадруяб ц1араллъе къулула бет1ер.
Достойному быть высеченным золотыми буквами
Перед именем твоим склоняю голову свою.

(М. Абдулазизова. «*Музеялде щведал*» - «В музее»)

Все отмеченное свидетельствует о важных семантико-стилистических функциях, выполняемых фразеологизмами в современной аварской женской поэзии, об их гендерном характере и особенностях символизации составляющих компонентов в поэтическом дискурсе. Большинство рассматриваемых фразеологизмов носит ориентированный на человека характер, поэтому в основном соотносится с антропным или соматическим кодами культуры.

Литература:

1. Абдулазизова М. Рух1ияб асарги рек1ел х1асратги. Махачкала, 2014. На ав. яз.

2. Бакина М.А. Фразеологизмы в поэзии // Русский язык в школе. 1980. № 2. С. 20-34.

3. Зургалова Т. Ожерелье. Махачкала, 2013. На ав. яз.464 с.

4. Магомедханов М.М. Аварско-русский фразеологический словарь. М,:Русский язык, 1993. 409 с.

УДК 81-22

IMMORTALITY IN THE IRANIAN TURKMEN TRIBE'S LEGEND OF KOROGHLU

A. Abedibalajadeh,
S. M. Mirmiran
Iran

Abstract

Exposure to time is an inevitable destiny of human. this problem, by far, has involved man's mind not only as a philosophical problem, but also as an evident fact. The most significant and greatest concern, especially human philosophical worries from human existence appear, indeed, it has been a subject of "death". Hence, the ancient mythical man resorted to elusive the ordinary (earthen) time which would have made him old and finally descent him prematurely to death. So, he always tries to came close to the immortal (eternal) life in a such a way that he has a permanent and inalienable time in mundane world like the world of Parmenides in which connect himself to the eternal time. Since mythology and legendary narratives in their extensive sense are an ontological kind expressed in the form of allegory and metaphor, thus it can be expected that it has been answered to this thoughtful problem through mythological and legendary narrative and provided the way to reach immortality. Perhaps the mythological response to the phenomenon of time can be divided into two categories: first, is the immortal or sacred time, the subject of resurrection, in addition, can be placed in this category. the second, though, is reaching to immortality with his own corporal body. It seems that historical time is confronted by the ancient man through resorting to myths, legends and rituals by putting himself in sacred time which is periodic and permanent and resist toward historical fatal time. There are some evidence of immortality and achieving to it in various cultures of nations. Man, On the other hand, is seeking a way for survival of his own body, yet he is faced with a bitter inevitable reality of death. However, legends, which are the weakened expressions of myths, have, in some way, stated immortality and permanency of time in the form of allegoric narratives of this subject. The myth of "Koroghlu" in Iranian Turkmen tribe legend in which eternality is stated in symbolic and metaphoric form would be studied in this article and it would be also estab-

lished that There are many different forms of immortality and eternality in all cultures.

Key words: Myth, immortality, Legends, Koroghlu

مواجهه با زمان سرگذشت گریزناپزیر آدمی است؛ از دیرباز تا کنون این مسأله نه تنها به صورت یک مشکل فلسفی بلکه همچون واقعیتی گریزناپذیز ذهن‌های آدمی را درگیرخود کرده است. در واقع بزرگترین دغدغه و نگرانی و اندوه بویژه فلسفی انسان از آغاز هستی‌اش تا کنون مسأله مرگ بوده است. از این روی، انسان اساطیری و باستانی از زمان عادی و سپنجی(مادی) که فرتوت وپیرش می‌کند و به‌سوی مرگ و نیستی می‌کشاندش، گریزان است. و تلاش او این بوده تا هود را به مرزهای حیات و زندگی جاویدان نزدیک گرداند؛ به‌گونه‌ای که در جهان مادی و سپنجی، زمان چون مهرپامنیدی است، یعنی زمانی پایا و کاستی‌ناپذیرداشته باشد. و از این طریق خود را با زمان ابدی پیوند زند. از آنجا که اسطوره و روایت‌های افسانه‌ای درگسترده‌ترین معنایش نوعی هستی شناختی است که در قالب تمثیل و استعاره بیان می‌گردد، می‌توان انتظار داشت که در روایات اساطیری و افسانه‌ای پاسخی به این مفصل فکری داده شده باشد و راهای رسیدن به جاودانگی را فراهم نموده باشد.شاید بتوان پاسخ اساطیر به پدیده‌ی زمان را دست کم به دو دسته تقسیم کرد:یکی زمان ازلی یازمان مقدس که مقوله‌ی معاد را نیز می‌توان در این دسته جای دادو دوم رسیدن به جاودانگی با تن خویش و جسمانی. به‌نظر می‌رسد که انسان دوران باستان با توسل به اسطوره‌ها و افسانه‌ها و آیین‌هایش و تکرار آن‌ها به‌نوعی به مقابله با زمان تاریخی دست یازیده و با قرار دادن خویش در زمان‌های مقدس که زمانی است دوری و پایا در برابر زمان مرگ‌آور تاریخی می‌ایستد، که شواهد و مصادیق جاودانگی و راه‌های رسیدن به آنان در فرهنگ‌های ملل به نحو آشکار وجود دارد. از سویی دیگر بشرفانی در جستجوی یافتن چاره‌ای برای بقای تن خویش است، حال آن‌که او با واقعیت تلخ و اجتناب ناپذیر مرگ دست به گریبان است.افسانه‌ها که نمود ضعیف شده‌ی اساطیرهستند، به‌نحوی جاودانگی و پایایی زمان را در قالب روایت‌های تمثیلی این موضوع را نشان داده‌اند. این مقاله می‌کوشد به بررسی افسانه کوراوغلی به روایت قوم ترکمن بپردازد که درآن به شکل استعاری و نمادین موضوع جاودانگی طرح شده است و ثابت می‌کند که در همه‌ی فرهنگ‌های ملل اشکال مختلف جاودانگی و راههای رسیدن به آن وجود دارد.

مطالعه اسطوره‌ها به فهم مضامین اساسی باورهای هستی‌شناسانه‌ی انسان و سیرتکامل آن کمک می کند. زیرا اسطوره اصطلاحی است کلی و برگزیده‌ی باورهای مقدس انسان در مرحله‌ی خاصی از تصورات اجتماعی که در عصرجوامع به اصطلاح ابتدایی شکل می‌گیردو یاور داشت مقدس همگان می‌گردد که معمولا درباره خدایان،موجودات فوق بشری و وقایع شگفت‌آوری که در زمان‌های آغازین با کیفیاتی متفاوت از زمان عادی ما رخ داده و به خلق جهان و اداره آن انجامیده است، یا در دوران های دوردست آینده رخ خواهد داد.(بهار، 1375: 371). جاودانگی یکی از مباحث هستی‌شناختی انسان است است که از دیرباز تا کنون در گفتمان ادبی و اسطوره‌ای فرهنگ‌های گوناگون وجود داشته است. چرا که ذهن انسان براي دست یافتن به هستی سرمدي و به تعلیق درآوردن زمان مادي بدیه‌ی‌ترین مسأله‌ی زندگی

پیش‌روي او بوده است به همین دلیل بشر همواره در سیر نظام اندیشگانی خویش کوشید تا برای گریز ازفناپذیری(زمان سپنجی)، به کمک باورهای مقدس به اثبات بقای خویش بپردازد و به شرایط کیهانی پیش از هبوط (زمان ازلی) بازگردد. چرا که به اعتقاد الیاده بشرفناپذیری خویش را در نتیجه‌ی گناه و سرکشی انسان دانسته و مرگ را حادثه‌ای می‌پندارد که به دست دشمن آفریدگار به جهان راه یافته است. تمایل انسان به جاودانگی، مبارزه‌ی بی‌وقفه‌ی او را با زمان منعکس می‌کند و حتی بیش از آن نشان‌گر مبارزه‌ی شدید است با مرگ، برای فتح پیروزی ابدی(شوالیه، 1388: 57). با این حال اندیشه جاودانگی و فناناپذیری انسان دارای ساختاراسطوره‌ای مشترکی است و از کهن الگوها و نمونه‌های ازلی پیروی می‌کند؛ ازینرو شامل داستان های خدایان، قهرمانان و وقایع کیهانیست ،درعین‌حال که در بسترهای فرهنگی مختلف نمودهاي فراواني و روایت‌های متفاوتی دارد. باستید معتقد است هراسطوره ممکن است با دگرگونی‌های بزرگ و کوچک از قومی به قوم دیگر منتقل شود ویا با اساطیر دیگر آمیخته گردد(باستید،1370: 58). براي نمونه، قهرمانانی که برای دستیابی به جاودانگی در داستان‌های مختلف مطرح شدند: داستان آدم و حوّا در سفر پیدایش، گیلگمش، اوتانپیش تیم، خضر، پشوتن، کیخسرو و..... بر این اساس، پژوهش پیش‌رو بر مبنای نگرش اسطوره‌ای به سفرقهرمان درافساته کوراوغلی قوم ترکمن ایران، در جست وجوی جاودانگی است.

داستان کوراوغلي در واقع تمثیل حماسي زیبایي از مبارزات طولاني مردم با دشمنان داخلي و خارجي است و مخصوصاً با الهام از قیام جلالي لر خلق شده و در دو کلمه قیام کوراوغلو و دسته اش تجلي کرده است . نهال این قیام به وسیله مردي سالخورده به نام علي کیشي کاشته مي شود که پسري دارد موسوم به روشن که همین پسر سالهاي بعد به نام کوراوغلي مشهور و نامبردار گردید . علي کیشي خود مهتر خان بزرگ و حشم داري به نام حسن خان بر سر اتفاق بسیار جزیي که آن را توهین نسبت به خود تلقي مي کرد دستورمي دهد چشمان علي را از کاسه در آورند . علي کیشي بر اثر این حادثه با دو کره اسب که آنها را از جفت کردن مادیاني با اسبان افسانه اي دریایي به دست آورده بود همراه پسرش روشن از قلمرو و نفوذ و قدرت حسن خان مي گریزد و در چنلي بل یا کمره مه آلود که کوهستاني سنگلاخ و صعب العبور با راههاي پیچاپیچ است مسکن می گزیند. روشن آن دو کره اسب را که به نامهاي قیرآت و دورآت مشهور مي شوند به دستور جادو مانند پدرش پرورش مي دهد و در قوشابولاق یا جفت چشمه در شبي معین آب تني مي کند و بدین گونه هنرعاشقي در روح آن دمیده مي شود.
علي کیشي از یك تکه سنگ آسماني که در کوهستان افتاده است شمشیري براي پسرش روشن سفارش مي دهد و بعد از وصایا و سفارش‌هاي لازم مي میرد و در همان قوشابولاق به خاك سپرده مي شود . آوازه هنر روشن به تدریج از کوهستان‌ها مي گذرد و در شهرها و روستاها به گوش مردم مي رسد و در این هنگام است که از روشن به کوراوغلویعني کورزاد شهرت پیدا مي کند . کوراوغلي سرانجام موفق مي شود حسن خان را به چنلي بل آورده به آخور ببندد و انتقام پدرش را از او بستاند . از عاشقهاي پرآوازه آن عصر عاشق جنون بود که به کوراوغلي مي پیوندد و به تبلیغ افکار و اندیشه هایش مي پردازد و راهنماي شوریدگان و عاصیان به کوهستان مي شود(دوردی قاضی، 1390: 34-33)

کوراوغلی پسر مرد نابینا یا به‌عبارت دیگر قهرمانی که از گورزاده شد و نام اصلی خود وی روشن می باشد، نظام های ارزشی و هستی شناسی قوم ترکمن را که بر مبنای تقابل است، نشان می دهد. در ابتدای داستان نور و روشنایی مطرح می شود: در کیهان‌شناسی بیشتر اسطوره‌ها آفرینش از تاریکی نخستین همراه با پیدایش روشنایی که سمبل جاودانگیست صورت می‌گیرد و مرگ قهرمانان نیزبا فرو رفتن در ظلمت یا به تعبیر دیگر هاویه‌ی نخستین به تصویر کشیده می‌وشد. در عین حال که همه پهلوانان رویین تن و قهرمانان اسطوره‌ای نقاط ضعفی دارند، برای نمونه در اسطوره های ایرانی اسفندیار، آشیل در اسطوره های یونانی و کریشنا در اسطوره های هندی.همچنان‌که میترا به‌عنوان یک ایزد آریایی به‌معنای نورآسمان است که در ریگ ودا به معنای خدای نور آسمان به‌کار رفته است(اسماعیل‌پور، 1377: 110) از طرف دیگر اندیشه‌ی قوم ترکمن تحت تأثیر میراث قومی خود با باورهایی مرتبط با سحر و ستاره شناسی آمیخته شده است. در این نوع باورها خدای نوردرآسمان جای دارد و ناظر برهمه چیز است. در واقع شروع داستان و سیر حرکت قهرمان در مسیرجاودانگی و فناناپذیری با از دست دادن بینایی علي كيشي پدر روشن صورت می‌پذیرد، فرو رفتن در ظلمات و نوزایی برای دستیابی به حقیقت با از دست دادن بینایی. در ادامه پدر نابینا به همراه دو اسب به پسر خود به سمت سرزمین مقدس می‌گریزد. پدر در کسوت پشتیبان در نقش پیردانا قرار دارد و مهمترین وظیفه‌ی او یاری شخصیت اصلی در تعامل با جهان است. گریختن درواقع دور شدن از فناپذیری و خویشتن انسانی شخصیت‌های داستان از جهان ناسوت با حرکت به‌سوی غایت خود با درآمیختن با طبیعت و نیل به جاودانگی و رسیدن به جهان لاهوتیست. در این گریز دو اسب اسرارآمیزآن‌ها را همراهی می‌کنند. اساساً درنظام اساطيري برای متمایز کردن شخصیت اسطوره‌ای و پروراندن آن، ازعناصر و نمادهاي گوناگون ياري مي گيرند. اسب از دیرباز همراه بشر بوده و اهمیت زیادی در متون ادبی دارد. اسب در نزد آریایی ها از اهمیت زیادی برخوردار بوده تا اندازه‌ای که مهر که ایزدجنگ و پیروزی بوده و دارنده‌ی اسب‌های تیزرو و اروند اسب است به کسانی‌که در پیمان‌های خود استوار بوده اتد اسب‌های تندرو می‌بخشد(رضی، 1380: 377). در بیشترفرهنگ‌های کهن اسب جانوری خورشیدی یا موازی باخورشید بوده، در اساطیر ودایی خورسید در ابتدای شب اسبی تیره رنگ را می‌راند(Rig.v: I, 122, 14). اقوامی که در آسیای مرکزی زندگی می‌کردندآفتاب تنها خدایی بود که می‌پرستیدند و برای او قربانی اسب فدیه می‌کردند(Abetecove Yusopov, 1994, 23) در اسطوره های ایرانی رخش، شبدیز سیاهرنگ ازبارزترین نمونه‌های اسطوره هستند. اردویسور آناهیدنیز الهه آب‌ها بخشنده اسبان نیک است. اسب در ادبیات و فرهنگ قوم ترکمن از جایگاه و یژه‌ای برخوردار است و در زندگي مردمان این سرزمین نقش مهمي ایفا مي كند و از ان به‌عنوان یال و پر انسان یاد می‌کنند. این این نوع حیوانات در افسانه‌ها ویژگی‌های اسطوره‌ای دارند و یاریگر راکب خود بشمار می‌روند. همچنان که در اسطوره‌های ایرانی رخش برای رستم. این دو کره اسب نیز که با شکافته شدن دریا بیرون آمده‌اند، ویژگی خارق العاده داشته، یاریگر، مکمل و مرکبی برای دستیابی به جاودانگی و مهار نفس سرکش راکب خود خواهند بود. الیاده نیز در توصیف این اهمیت ذکر میکند که در نظرگاه انسان بدوي، جانوران به‌منزله‌ی نیروهایي بوده‌اند که نه‌تنها بر رازهاي زندگي و طبیعت، بلکه بر رازهاي جاودانگي و فناناپذیري نیز

آگـاهي و اشراف غريزي داشته اند (61: Eliade ,1976). آن‌ها بـه سرزمینی اساطیری در دامنه کوه مه آلود می‌رسند.کوه در باورهاي اساطيري مأوای بهشتی و مکان اتصـال بـه آسمان است کـه نقش مهمی در راهنمایی انسان در مسیر تعالی دارد.کـوه هـاي مقـدس سـرزمين هـاي مختلـف بـيش از هـر مکـان مقدسـي شـکوه و جلـوه اي نمـادين و رمـزي دارندو کوه مقـدس در مرکزجهـان واقـع شـده‌اسـت و آن‌جاسـت کـه آسـمان و زمـين بـه هـم مـي پيونـدد (ستاري1372: 106). در فرهنگ‌های مختلف، بیشتر آیین هـاي مذهبي نيز بـر فـراز کـوه هـا بـر پـا مـی‌شد چرا کـه در تـصور انسان بدوی کوه ، نزدیک‌ترین مکان بـه خدایان و نیروهایی مافوق بشریست. مهـراوستایی که بـيش از هـر ايـزدي بـا خورشـيد همـراه اسـت، از درون غاری و از سنگ زاده شده است. چنـی بیل آرمانشهری کـه در داستان ترکمن در دامنـه‌ی کوه قرار دارد و پس از عبور از راهـه‌ای پرپیچ و خم کـه خود نشان‌گر عبور از مصـائب بـرای دستیابی به جاودانگیست در حقیقت جغرافیای عالم مثال را کـه برگرفتـه از خاطرة ازلـی انسان است ، نشان می‌دهد ازینرو همواره برای رسیدن به سرزمین سعادت و جاودانگی پیش از هبوط انسان تلاش می‌کند.در اساطیر ایران گنـگ دژ و ورجمکرد نمایان‌گر سرزمین جاودانـه هستند. دربـاره ور جمکرد در وندیداد آمده است: « اهورا مزدا جمشید را از زمستان سخت آینده و آسیب یافتن جهان از آن آگاه ساخت و به او دستور داد که از بـراي زمستان سخت آينده و آسيب يافتن از بلا و رهانيدن آفريدگان ايزدي ور جمکرد بسازد و بـا چند تن از يـاران و بـا رمهـاي از چارپايان نيک در آن باغ شود. آتش و تخم گياهها و رو يدنيی ها را نيز به آن‌جا برده نگاه دارد. در سنت ايرانيـان اين بـاغ در همانجـايی کـه اهورا مزدا جمشيد را از طوفـان آينده آگاه نمـوده، ساخته شده است » (پورداوود، :1380 45). در اساطیر یونـانی نیزکوه المپ جایگاه خدایان یونانی است. همچنین بهترین خدایان یونـان معابد و کاخ‌هایی در قلـه آن داشتند. در آنجـا بـود کـه خـدايان گـرد هم می‌آمدنـد تـا شـراب ايـزدان يونـان، و خوراکشـان يعنـی آمبروزيـا را کـه بـه آنـان زندگی جاودانه می‌داد بخورند. پدر قهرمان در نقش کهن الگوی پیر دانـا کـه از بصـیرتی مـافوق بشری برخوردار است، به او جـادو مـی‌آموزد، بـه بیـان دیگر راه رسیدن بـه اصل خـویش را بـا تعلیمـات خـود بـه او نشـان میدهد .همـه‌ی قهرمـان‌هـای اسطوره‌ای بـه شدت در پـی الگوپذیری و یگانگی با خدایان هستند، چرا که تنهـا وجـه تمـایز خدا و انسـان در فناپـدیری انسـان و جـاودانگی خداوند است. بر این اساس، در حرکت بعدی کوراوغلی در شب تاریک و در قوشابولاق یا جفت چشـمه در شـبي معـين آب تنـي مـي کنـد و بـدين گونـه هنرعاشـقي در روح آن دميـده مـي شـود. همان‌طور که پیش‌تر گفتـه‌شد در گفتمـان اسطوره‌ای آب از تقدس برخـوردار است و قهرمانـان اسطوره‌ای را در استانه تحول قرار می‌دهد. آب نماد حیات است و شستشو در آب نمـاد بازگشت به اصل کودکانه، گذر از مرگ و صورت مثالی حیات جاودانه است. گورین متقد است بـا غرق عارفانه در زمانی تسلسلی درون‌مایه‌ی مرگ و تولد دوباره را بیان کرده و تسلسل بشر با تسلیم شدن به چرخش مرموز و گسترده‌ی چرخه‌ی دائمی طبیعت به‌ویژه فصول، بـه نـوعی فناناپذیری دست مـی‌یابد(گورین، 1377: 179). الیاده نیز معتقد است کـه آب کـه رمـز آفرینـش کیهـان میباشـد، جوهـری جادوییست(الیـاده، 1376 :193).در اسـطورهٔ زندگـی زرتشـت آمـده اسـت کـه زرتشـت پـس از چندیـن بـار گـذار از رودخانـه‌ی داییتـی موفـق بـه سـخن گفتـن بـا امشاسپندان یـا فرشـتگان مقدس شـد (آمـوزگار و تفضلـی،1370: 86-84). عبارت دمیده شدن

روح عشق به گفتمان صوفیانه در این داستان اشاره دارد. در گفتمان صوفیانه کوه مظهر تجلی جلوه حق است و سالک را برای رسیدن به معشوق و تعالی به سمت سلوک و شهود فعل حق به حرکت وا می‌دارد، سالک عاشق در حق فنا و در وی بقا می‌یابد. علي كيشي از يك تكه سنگ آسماني كه در كوهستان افتاده است شمشيري براي پسرش روشن سفارش مي دهد. همانطورکه پیش‌تز اشاره شد، قهرمانانی که نامیرا هستند یا به سمت نامیرایی در حرکتند عمدتا ابزارهای یا پوشش‌هایی خاص، دارند که آنان را آسیب‌ناپذیر می‌سازند. هنگامی که میترا توسط نیروی عظیمی از صخره زاده شد دستش بالا بوده درحالیکه خنجر و مشعلی در دست داشت(ورمارزرن، 1393: 91). برخی از خدایان گیاهی و تجّسدهای انسانی ایشان نیز سالحی مخصوص یا وسیله موهبت/ قدرت ویژه و مشهور دارند؛ برای مثال آهنگر آسمانی دو رزم ابزار مخصوص می‌سازد و به بَعَل می‌دهد(گری، 1378 :135). در این قسمت شمشیری که از سنگ آسمانی ساخته شد ایزاری جادوییست که دربرابر دشمن بکارگرفته می‌شود و هم نماد ابزاری یرای خلسه و سفرجادوییست. علی کیشی بعد از وصایا و سفارشهاي لازم مي ميرد و در همان قوشابولاق به خاك سپرده مي شود. فریزر معتقد است که انسان نخستین متأثّر از شعائر مربوط به بهار بوده است. بدیهی است که مبناي اين اسطوره پاسخی براي مرگ گیاهان در زمستان و تولّد دوبارة آنان در فصل بهار وجود دارد. علی کیشی همانند ایزدان گیاهی به‌صورت آیینی میمیرد اما درشخصیت فرزند خود تولدی دوباره می‌یابد. به بیانی دیگر با استحاله قهرمانان روبرو هستیم.لمینگ معتقد است که اسطوره‌ی قهرمان معمولا راجع به موضوعاتی همچون مرگ و هبوط و سفر به سرزمین مرگ زیستی، احیا،رستاخیز، جاودانگی سخن می‌گوید(لمینگ،1379: 84)در واقع قهرمانی واحد داریم که در دو کالبد در داستان ظاهر می‌شوند. مرگ علی کیش (پایان کاستی‌ها) و رازآموزی روشن (مسیر جاودانگی) اکنون قهرمان نامیرایی را بانام کوراوغلی متولد می‌کند. بر اساس نظر یه یونگ درباره‌ی صورت‌های مثالی و جاوداتگی ، انتقال نفس یا روح، اولین وجه ولادت مجدد است که باید مورد توجه قرار گیرد. بر اساس این نظریه، حیات یک نفر از طریق گذشتن از درون پیکر موجودات مختلف، در طول زمان ادامه می‌یابد و یا به تعبیری دیگر این حیات متوالی است که با تجسدهای مختلف فاصله‌گذاری می‌شود(یونگ، 1368: 62). کوراوغلی که اکنون قهرمان بلندآوازه است به خونخواهی پدر و وصایای او ظلم و ظلمت را به بند می‌کشد.

نتایج حاصل از این پژوهش، حاکی از آن است که برخی از افسانه‌های کهن و اساطیری قوم ترکمن، به دلیل آنکه با زندگی و باورهای مردم، منافات نداشته‌اند و کارکرد اخلاقی و فرهنگی داشته و به نفع اجتماع بوده است، نسل به نسل تداوم پیدا کرده‌اند. تعمق و رمزگشایی از افسانه کوراوغلی تاحدودی درهم ریختگی در باورهای این قوم رانشان می‌دهد که حاصل آمیخته‌شدن اسطوره های متفاوتی است که به اقتضای نوع معیشت باآن ئر اعصار مختلف با آن‌ها مواجه شده‌اتد. شخصیت کوراوغلی در هیأت انسانی اساطیری دارای ویژگی‌های خاص نمودپیدا کرده که گاه بر مبنای معتقدات اقوام کهن آریایی تا سطح ایزد مهر و در دوره‌ای متأخرتر هم ردیف مرشدکامل در گفتمان صوفیانه قرار می‌گیرد. استحاله انسان با آگاهي تغییریافته و خدایگونگی راهی برای کسب معرفت جاوداتگی قهرمان افسانه‌هاست.

References:

1. Abetecove Yusopov, 1994, 23
2. Eliade, Mircea. (1976). Myths, Dreams and Mysteries. Peter Smith Pub. Eliot, Alexander. (1992). Myths. McGraw-Hill.
3. Gustav Carl, Jung,Mother: Archetypes Four; Hull Carrington Francis Richard,(2003). Routledge, 3 Edition; Trickster, Spirit, R

Научное издание

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ И МИРА

Международная научная конференция

19-21 сентября 2019 г.

Подготовка оригинал-макета *Керимова Н.А.*
Дизайн обложки *Эскаева Г.А.*

Подписано в печать 17.09.2019 г. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать ризографная.
Усл. п. л. 30. Уч.- изд. л. 27,7. Тираж 500 экз. Заказ №19-09-287.

Отпечатано в типографии АЛЕФ
367002, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50, 3 этаж
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru